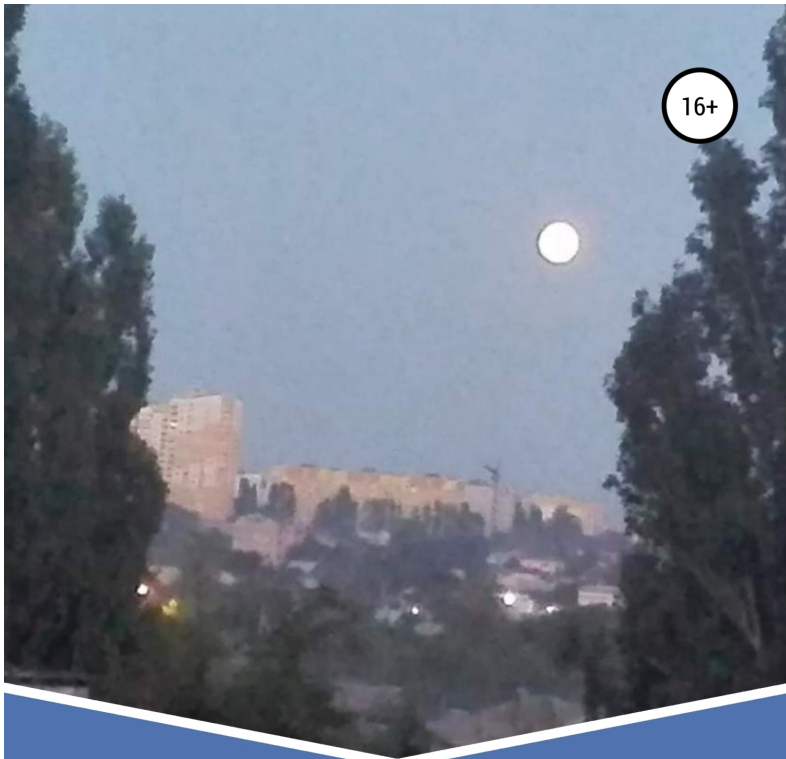

16+

П.П. Африкантов
Старый дом под черепичной крышей

Пётр Петрович Африкантов

Старый дом под черепичной крышей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64714362

SelfPub; 2021

Аннотация

Это роман-расследование, роман-поиск, роман-сказка. В нём много мистики и очень много живых человеческих отношений. Традиционные глиняные игрушки придают произведению особую остроту и накал. Они умные, деятельные, подвижные со своими характерами и наклонностями, имеющие собственные жизненные позиции. А ещё в романе есть шпионы, новые русские, подростки и полиция. Вы не сможете лечь спать, пока не дочитаете роман до конца.

Содержание

Отверженные	4
Опалённые сердца	362
Часть вторая	362
Послесловие	743

Пётр Африкантов

Старый дом под черепичной крышей

Отверженные и позабытые

Часть первая

Вступление

Эту историю мне рассказал профессор – Вениамин Павлович Позолотин, человек интеллигентный, большого ума и необычайной доброты. Он так мне и сказал, что если б сам не был участником тех событий, то ни за что бы не поверил в их реальность и посчитал бы всё произошедшее за досужие вымыслы и пустопорожние байки и попросил меня, за неимением времени у самого, так как улетал на симпозиум в Стокгольм, записать эту историю и изложить её последовательно и по мере сил художественно. Особой художественности в изложении я ему не обещал, а вот то, что перескажу всё в точности и даже слово в слово, за то поручился. Итак, слушайте.

Глава 1. Отверженные и позабытые

Загородные сумерки. Скоро, совсем скоро вылезет из ближайшего оврага лохматым привидением ночь и осторожно поползёт на запад.

Тихо. Всё примолкло при её приближении. Вот лохматая выпозла из оврага, ткнулась мохнатым носом в наполовину облупившийся ствол высохшей осины, что стоит рядом с покосившимся бетонным забором городской свалки, поднялась на задние лапы и тронула передними хрупкие нижние веточки. Вздогнули ветки, потревожив сон сидевшей на суку древней горбатой вороны, на что та, ещё больше сгорбившись, втянула плешивую голову между крыл, засунув поглубже усатый клюв в перья и ворчливо выдохнула своё воронье: «Кра-ха-хе...».

Немного погодя на фоне дубового леса, ещё более тёмного, чем пространство вокруг, проявилось внушительных размеров медленно движущееся тёмное пятно. Что это, или кто? – неизвестно. Очертания пятна вряд ли могут напомнить кого из крупных диких животных, живущих в здешних краях, но это животное. Ни вдоха, ни гласа, только слышно, как приходят в движение под его могучей поступью овражные осыпи. Говорят, что это «Хранитель», но это не так, это не хранитель, это «Собиратель». Хранитель придёт позже.

Никто и никак не отреагировал на его появление, лишь одна плешивая ворона повернула в сторону таинственного пятна крючковатый нос, затем повернула этот нос в сторону мусорной свалки, откуда слышались непонятные скрипу-

чие звуки и, не найдя в этих явлениях подлунного мира ничего необычного, задремала.

.....

– Кр-е-х – раздался звук со стороны бетонного забора. Этот звук произнесли скрипучие петли двери сторожевого вагончика на территории городской свалки. Дверь вагончика приоткрылась и из неё высунулась по пояс голая фигура человека.

– Профессор, а, профессор!! Где эта сивая морда шляется?! – раздался из-за бетонного забора сипатый пропитой голос. – Я тебя спрашиваю – учёная харя... где ты есть? Светило науки... Иди... посвети... ни хрена не вижу... Где ты есть?.. Золотой ты наш. – Говоривший ехидно хихикнул. – Не-е-т... – ты только позолоченный, до золотого тебе далеко-о-о. Иначе твоя фамилия была бы «Золотов», а ты только По-зо-ло-тин... не шедевр... А если бы был Золотов, то был бы человек, а не бомж на городской свалке.

Обладателю голоса явно нравилось изрыгать брань на этого Позолотина. Встречаются такие люди чаще из разряда ничтожеств, которые заимеют хотя бы какую-либо над кем власть, то уж считают себя вершителями судеб и никак ни меньше.

– Подойди, объясни диспозицию, – продолжал голос, – иначе я тебя урою...

Взвизгнула раскрывшаяся, теперь уже настезь, дверь вагончика, служащего на свалке караулкой, диспетчерской и

бог знает чем ещё; жёлтое пятно света вывалилось в дверной проём, упало на землю и замерло. Так ничего и не осветив вокруг, оно просто лежало на земле, как пупыристая большая жаба с выкаченными глазами, которые невидяще смотрели в такое же пустое, чёрное и бессмысленное над головой ночное пространство.

На пороге раскрытой двери вагончика появился заспанный, с взлохмаченными редкими волосами, слегка покачивающийся человек. Эти слова принадлежали ему. Видно он накануне изрядно набрался, и теперь пытался привести себя в чувство и выяснить обстановку, так как в голове его перепуталось не только время, но и место его нахождения. Единственное, что этот человек знал, это то, что профессор должен быть всегда рядом и обязан являться по первому его зову, а тут его нет. Это непорядок. А кто, тогда ему, Симе – главному распорядителю, одновременно сторожу и диспетчеру городской свалки разъяснит, какое сейчас время суток: утро, вечер или ночь и укажет час?

Немного погодя, в световом пятне появился маленький худенький старичок, Он шагнул в световое пятно из темноты. Жёлтая световая жаба под его ногами недовольно квакнула, пошевелилась и ещё больше выпучила лупоглазое око, с целью получше рассмотреть того, кто смел нарушить её покой и нельзя ли употребить этого бедолагу в поздний ужин. Жабий глаз поворочался туда-сюда, посмотрел, хлопнул раза два морщинистыми одутловатыми веками и тут же закрылся

недовольный худобой и костлявостью старичка. Пришедший человек в порванной и через край зашитой рубахе и штанах, застёгнутых на одну пуговицу, с лямкой через плечо, мог только испортить аппетит и ничего больше. «Фу! Неинтересно и даже противно», – подумала жаба и недовольно съёжила пупыристую кожу.

Хотя одежда старичка была и зашарпана, лицо же и манеры говорить, выдавали человека культурного и образованного.

– Я здесь, – проговорил старичок немного испуганно и чуть склонил голову набок. Во всей его фигурке: в склонённой седенькой голове, в немного растопыренных в коленях ногах и обвислых плечах сквозила абсолютная покорность.

– Вижу что здесь!.. не слепой!.., – раздался опять тот же голос, – а вот ты, наоборот, у меня сейчас ослепнешь... Это тебе Сима говорит, а у него слово с делом не расходится, сам знаешь...!! Что, не видишь, что Сима встал и ему надо уяснить диспозицию!?

– Да, хозяин, – вкрадчиво сказал старичок, ещё больше склонив голову, тем самым показывая свою уже не абсолютную покорность, а сверхпокорность; такую покорность, которую только можно умозрительно представить, но описать уже никак нельзя, потому как имеющиеся образы никоим образом не идут с ней ни в какое сравнение.

– Не правильно отвечаешь! – надменно пробасил Сима. – Я тебе не хозяин, я твой начальник, а хозяин у нас один –

сам Фома Фомич! – и, назвавшийся Симой человек, поднял палец кверху, как бы указывая, на особое величие этого Фомы Фомича, а может быть его перст указывал на небо, в знак особой богоизбранности этого Фомы Фомича, который, в общем-то, являлся ни кем иным, как директором городской мусорной свалки.

– А чтобы ты, учёная каналья, впредь понимал перед кем стоишь, а стоишь ты, повторяю, перед самим Симой, то тебе за это следует долбан, – и он, приставив к лысине профессора три пальца, оттянул средний и резко отпустил, больно ударив профессора в затылок, после чего на голове несчастного сразу появился малиновый рубец. – Это тебе не Рио-де-Жанейро, за непочитание старших положено, а теперь пошёл вон, рваная черепаха, а ещё говорит, что лекции в Сорбонне читал, падаль... Ха-ха-ха!! Ещё скажи, что ты в Рио-де-Жанейро был...

– И в нём тоже..., – тихо сказал пришедший.

– А это ты, братец,.. загнул. Удивлённо произнёс Сима. – За враньё положен долбан, но я сегодня добрый, иди, откуда пришёл, кочерыжка плешивая.

Старичок поклонился и, не разгибаясь, стал пятиться, через несколько секунд ступил в темноту и исчез, а Сима продолжал ругаться и посылать вслед старичку нелицеприятные слова:

– И помни, что ты давно не профессор!! – громко говорил Сима в пространство ночи.– Кхе... кхе... кхе... Я тебя

разжаловал. Ты господин – «никто», понимаешь? «Ни-кто» и звать тебя ни-как. – И человек, затрясся в неудержимом хохоте, затем дверь с тем же противным визгом захлопнулась и вместе с её закрытием в вагончик, облизнувшись и громко чмокнув губами, впрыгнула грязно-жёлтая световая жаба.

.....

– Вот мразь, – проговорил профессор, втискиваясь в тесную дощатую хибарку, приютившуюся в дальнем углу территории свалки о двух ржавых кроватях, стоящих одна на другой и маленьким оконцем, в стене, в которое был вставлен осколок зеленоватого стекла.

В этой хибарке Вениамин Павлович Позолотин живёт вместе с таким же бедолагой как и он – художником Крокычем. Оба они приживалы городской мусорной свалки. Семён Ваганович Крокыч в отличие от профессора высок, красив, статен, с вьющейся шевелюрой чёрных как смоль мягких волос, которые всегда спадают вниз и красиво обрамляют его тонкое с необыкновенно живыми глазами лицо. Главным украшением этого, как я уже сказал, «необыкновенно живого лица» является очень изящный чуть-чуть длинноватый с горбинкой по середине аристократический нос. Этот нос показывал, что его обладатель – человек чувственный, эмоциональный, тонкий, а высокий лоб говорил о его недюжинных мыслительных способностях. Внешне он немного походил на писателя Гоголя.

Семён Ваганович всегда очень следит за своей внешне-

стью и хотя, одежда его была с той же свалки, но костюм на нём сидит всегда очень аккуратно, ботинки не стоптаны, он их вовремя подколачивает какой-нибудь резинкой, не давая им окончательно изорваться и по внешнему виду он мало походит на бомжа, а точнее сказать, в его внешнем виде не было даже следов бомжевания. Про него можно даже сказать, что в обстановке, в которой он находится, по сравнению с другими бедолагами задворков сегодняшнего мира, — он эстет. Слово «эстет», отображает не только его манеру говорить, следить за своим внешним видом, но относится и к образу его мыслей, которые всегда проявляются в разговоре с профессором самым изысканным и деликатным образом. Поговаривали, что он и не бомж совсем, а имеет в городе квартиру, только отдал её какой-то беженке с горячей точки из ближнего зарубежья с многочисленным семейством, а сам переселился сюда, сколотив себе эту дощатую хибарку без какого-либо комфорта и даже без элементарных жизненных условий и стал рисовать. Возможно всё это и враки, только на него это очень похоже. Именно человек высочайшей культуры и внутренней самоорганизации так и мог поступить. Мир денег, золота и гламура мстил художнику за добровольный уход на задворки от сверкающих прелестей мира, но он не обращал на это внимания. Крокыч всегда был весел и только, когда садился за мольберт, то сосредоточившись, уходил в себя и становился таинственно угрюм, а в часы наивысшего напряжения даже жёлчен. Кровь как бы отливала от его

лица, а глаза уходили глубже в синету подбровных дуг. Рисовал же он с упоением, иногда днями просиживая за этюдами. Выберет какую-нибудь заплесневелую кадку из – под рыбы, прикрепит на неё планшет и рисует, рисует, рисует.

Вениамин Павлович, как никто другой, понимал своего друга и нередко буквально приволакивал его с «натуры» и приводил в чувство холодной водой и настойкой валерьянового корня, укоризненно говоря: «Зачем же вы, дружище, паритесь на солнце, да ещё около этой вонючей кадки? Это, право, не полезно ни вам, ни вашей картине. Вы должны жалеть себя, потому как ваше тело – это храмина божия и Создателю совсем неприятно, что вы, созданное им тело, разрушаете... Вы не имеете никакого права разрушать то, чего не создавали. Вы, милейший, вандал.

– Это я вандал!! – возвысил голос Крокыч.

– Так чему вы удивляетесь, дорогой!? Вы хотите сказать, что художники не могут быть вандалами?

– А вот тут вы, уважаемый профессор, не правы и решительно не правы! – начинал, как всегда, оспаривать Вениамина Павловича художник. Глаза его при этом загорались и он тут же начинал объяснять профессору с жаром, что он не маляр, а художник: «Я должен реализовать данный мне Творцом талант и он меня простит за чрезмерное рвение, этим рвением я увеличиваю славу Создателя... Чем же я плох? Разве только плох тем, что не закопал свой талант в мусор, а пытаюсь его умножить?»

– И для этого обязательно нужна тухлая бочка на солнцепёке? – Без тени насмешки и с любовью спрашивает профессор.

– Это только маляр рисует то, что видит, – запальчиво начал объяснять Крокыч, – а я художник и должен при помощи красок передать не только видимое, но и невидимое, например запахи, а не просто нарисовать воздух, хотя и воздух тоже, но обязательно наполнить этот воздух живыми запахами, звуками... Да, да, любезный,... именно живыми запахами и звуками и тогда картина становится иным миром, а её рамка просто преддверием в него. Но и это не всё, дорогой друг. Рисуя, я всегда имею в виду, что воспроизвожу только частичку мира, но через эту частичку я стремлюсь показать весь мир.

– И через рваную галошу на переднем плане вашей картины, с изношенной матерчатой подбойкой, с невыцветшей тканью на отогнутом уголке? – спрашивает совершенно серьёзно профессор.

Надо сказать, что они никогда не высмеивали друг друга и ко всему, казавшемуся простому человеку обыкновенной глупостью, относились весьма серьёзно, потому что знали – за этой «глупостью», стоит, пока неосознанная и ими до конца непонятая реальность. Спорили они иногда подолгу, но всегда, даже в непримиримом споре относились друг к другу весьма уважительно. Вот и теперь они опять выясняют

взгляды на мир и искусство.

– Вот именно... вот именно, – заулыбался Семён Ваганович, – а я ведь знал, что вы заметите этот чистенький лоскутик на старой рваной галоше... знал... Добрейший мой человек, а не кажется ли вам, что жизнь в миру сродни этой многотерпеливой обуви? И нет на ней уже ничего, чего бы не коснулись камни, гвозди, зной и грязь и только, уже в выброшенной на свалку и совершенно искалеченной, в ней ещё теплится её оголённый, трепещущий и никому не подвластный дух и новизна, которые и выражаются через этот удивительно чистенький, можно сказать, первозданный матерчатый уголок подбойки.

– Что-то сударь очень глубоко, для обычного понимания, – мягко проговорил профессор.

– Ни сколько... – взволнованно сказал художник, – это только частичка рисунка, и она, оторванная от картины, требует пояснения, а на большом полотне это будет не только непонятно, но просто будет резать душу своей бесконечной правдивостью. Торжество пошлости современного мира будет повергнуто!.. Между прочим чрезмерное накопительство и мода это тоже пошлость...

– Да... да... я, кажется, понял идею... вы меня, Ваганыч, простите...

Вдруг художник схватил профессора за руку, прижал её к своей груди, от этого могло показаться, что он сумасшедший. Возможно, и мелькнула бы такая мысль у обывателя,

но только не у Вениамина Павловича, потому что и он относился к такому же разряду людей, чья переполненная страданиями душа тоже нередко искала выход в таких же необъяснимых всплесках энергии и торжествах провиденья. Только в такие моменты Позолотина уже поддерживал и этой поддержкой успокаивал и ободрял Семён Ваганович. Это действовало на обоих отвращающе. Вот и сейчас художник, почувствовав заботу и понимание, разом пришёл в себя, точнее перешёл из своего глубинного мира духа, в котором только что пребывал, в этот мир и сказал немного укоризненно, обращаясь к профессору:

– Зачем вы пьяному Симе на глаза показываетесь, – покричит... покричит и бросит, а..?

– Так выгонит отсюда и этого крова лишимся, а тут, крыша над головой, какая никакая еда находится, дровишек насобирать можно, печку протопить, когда холодно...

– Он же Фомы Фомича шавка, этот Сима, – поясняет Семён Ваганович, – сам боится, что его хозяин турнёт, вот и служит верой и правдой и неправдой тоже. По сути, он такой же бездомный как и мы, у него кроме этого, казённого вагончика ничего нет.

– Бездомный-то он бездомный, а власть имеет, приближённый, так сказать, к телу, – закончил профессор.

– Сволочь он порядочная, почище своего хозяина, гнида кусучая, – зло сказал Крокыч. Меня он старается не трогать, а вас не боится, потому, как вы позже меня появились на

свалке, а я помню то время, когда он сам сапоги Митяю лизал и на вашем месте спал.

– А кто такой Митяй?

– Был тут до Симы, такой же, как и он хмырь, Митяем звали. Он Симе долбанков отвешивал, за непочтение старших. Сима эту систему с обворовыванием бомжей придумал, а не Митяй. Раньше тут так не было. – Что человек на свалке нашёл, то и его, а Сима другие порядки завёл – мзду с каждой найденной бутылки берёт, а не дашь – в шею. А если кто чего утаил, так или оброк наложит, или на неделю от свалки отлучит. Что вам говорить, вы и сами это хорошо знаете... При Митяе было вольготнее, хотя гнида была ещё та. Вспоминать то, как с ним расплачивались неимущие, стыдно. У того были свои тараканы в голове.

– А куда Митяй делся?

– Опился и умер на мусорной куче, а этот на его место, в прихлебатели махнул. Он меня за это не любит и побаивается, что я его подноготную помню. Других, кто его раньше знал, он всех со свалки выкурил, разбрелись кто куда.

– А чего он на меня взъелся? – спросил Позолотин.

– Так он терпеть не может тех, кто грамотнее его. Вы – профессор, а у Симы семь классов школы и восьмой коридор, куда его постоянно выставляли, да срок на зоне в придачу.

– А чего вы ему не скажете?

– Я сам по себе живу, в чужие дела не лезу, вот он меня

и терпит.

– Послушай, Крокыч, может Симу поставить на место?

– Не поставишь, – заметил Семён Ваганович. – У них сила. Ты думаешь, он бы так издевался, если бы не директор свалки? Тот всю эту пирамиду выстроил. – Семён Ваганович помолчал и продолжил. – А что, удобно, сам в городе офис имеет, а Сима вроде управляющего здесь. Не будет же Фома Фомич на свалке гниющим смрадом и дымом дышать? Так заедет иногда со своей молоденькой красоткой, – всё в порядке, – и прочь, а та ещё носик пальчиками зажмёт, чтоб дух от свалки в нос не шибал и стёкла у машины поднимет... – что, не так?.. Так, – и он тряхнул шевелюрой. – Сам знаешь, что так, а говоришь.

Колблющийся свет свечи слабо освещал хибарку с одним столом и стянутым проволокой стулом. На стене, повыше оконца, была сделана большая полка, куда профессор складывал, найденные на свалке, книги. Он всегда ворчал, когда находил то или иное раритетное издание и говорил, что люди сходят с ума, выбрасывая на свалку книги, что им нет цены. Остальное место в хибарке было заставлено планшетами, сделанными из картонных коробок. Это – эскизы Крокыча. Если же отодвинуть на стене почти незаметную картонку, то за ней откроется небольшая ниша. В нише лежат две стопки листов бумаги – это рукопись Вениамина Павловича. Одна стопка – черновой вариант, а другая – беловик.

«Интересно – что же он пишет?» – спросите вы. Поверьте

мне на слово, что не может солидный учёный, историк, искусствовед, этнограф просто прозябать на свалке и не вести по мере сил и возможностей никакую научную работу. Эти рукописи в нише – плод размышлений профессора, это самое ценное, что у него есть в этой жизни. Нишу для профессора устроил Крокыч, после того как Сима, застав Позолотина за рукописью, со словами «Это тебе не Рио-де-Жанейро», выхватил листы, порвал их в мелкие клочки и бросил в лицо растерявшегося профессора. Причём здесь Рио-де-Жанейро – никто не знал. Наверное, Сима и сам не объяснит этого изречения, но автору мнится, что Сима представляет город Рио-де-Жанейро неким на земле раем. Только вряд ли он в нём когда-либо был.

Из сказанного же нельзя делать вывод, что Сима совершенное ничтожество и что в его сердце нет ничего святого. Как правило, напившись водки, он садится на пол своего вагончика или на мусорную кучу и, обхватив голову руками и раскачиваясь, начинает протяжно издавать один звук, похожий на плачь. «Ы-ы-ы...».

– Надо сходить, – как всегда говорит в такие моменты профессор, слыша Симин вой.

– Не ходите, – обычно жёстко отвечает Крокыч, – повоет, повоет и бросит; не первый раз.

– Не могу, у человека душа плачет, – как всегда отвечает художнику Вениамин Павлович и направляется к двери, говоря на ходу – не клоп же какой, а человек. Душа его у зла в

затворницах пребывает, а её бог создал.

– А по мне он хуже клопа, – парирует Крокыч. – Клопу простительно, он не понимает того, что кровь человеческую пьёт, а этот... И вы тут ещё со своей жалостью... Не понимаю... – и дёргает плечом.

Но Вениамин Павлович всё равно в такие минуты уходит к Симе, садится около него и начинает говорить ни к кому не обращаясь; говорит про культурные слои, про исчезнувшие цивилизации, про Христа и человеческую вечно живую душу. Профессор рассказывает, а Сима, сжав зубы и, раскачиваясь воет. Иногда он бросает выть и, в упор глядя на профессора, бросает: «Не надо про цивилизации, хрен с ними... ты мне лучше про Му-му скажи... За что собачку утопили?.. А?.. Зачем!?! безвинное существо... сволочи... все сволочи... Это мы звери, а они люди... Ы-ы-ы...

Сима всегда выл, крепко стиснув прокуренные желтоватые зубы, отчего лицо его принимало страдальческое выражение. Кончалось это всегда одним и тем же. Бросив выть, Сима всегда, как после пробуждения, устремляет взгляд на профессора и кричит: «Сволочь... Ненавижу и цивилизации все твои ненавижу и тебя ненавижу. Да что ты!!! Я себя ненавижу-у!», – и начинает бить себя в грудь кулаком, после чего падает, скрежешет зубами и затихает, а профессор уходит к себе, ложится на кровать и тоже, глядя в потолок, начинает вздыхать и вслух рассуждать о несовершенстве земного мира. На это художник реагирует всегда одинаково и без ка-

кой-либо иронии.

– Что, убедили мразь сволочью не быть?

– Зря вы так, – выслушав Крокыча, говорит профессор. – Ему больнее чем нам.

– Это отчего же?

– Наши тела, хоть и в яме, но свет Божий видят, звёзды на небе, а его душа во тьме мается, но и она в часы смятения способна к состраданию.

– Кому же интересно она у него страдает? – с скептическим прищуром спрашивает Крокыч.

– Герасиму... Кому ж ещё? Ему эта история в детстве видно сильно в душу запала. Вот ему он и страдает... Герасиму и его собачке Му-му. – Уточнил Позолотин. – Если человек хоть кому-то страдает, значит, он не совсем потерянный, хотя до пропасти один шаг, и может даже висит над ней, судорожно вцепившись в какую-нибудь палку, а он вцепился в этот рассказ про Му-Му и рассказ Тургенева его удерживает.

– Сомневаюсь... глюки, наверно, пьяные...

– Это не глюки, Ваганович, это душа обделённая любовью плачет. Без любви никто на земле не может жить, даже самый отпетый мерзавец. В такие минуты я в Симе человека вижу. Только в такие минуты его душа милосердие принимает, а в другие – это же человеческое милосердие жжёт его как калёным железом, что за это милосердие он и убить может, потому как оно ему ненавистно.

– Почему ж ненавистно? – спрашивает, пытаясь понять друга, художник.

– Изобличает оно человека, его противление мироздателью показывает... В такое время человек становится хуже зверя лютого, весь мир убить готов в ненависти своей...

Такие споры продолжались каждый раз, с одним и тем же концом – оба ложились на свои скрипучие ржавые кровати с повизгивающими растянутыми пружинами, тушили свечу, так как в их хибарке электрического света не было, и долго ворочались, издавая вздохи и непонятное бормотание.

Велик русский человек в кротости своей. Много вмещает это слово, но многого и не вмещает, потому, как не достаёт ему полноты, чтобы вместить в себя, то принижение своих сил и достоинств, на которое способна только русская душа. Ан, смотришь, другой народец пухнет от высокомерия, стелет под себя газетный лист, чтобы быть хоть на малую толику выше и уже смотрит с презрением, и уже мнит себя чем – то, высоким и недосыгаемым. И невдомёк ему в гордой ущербности своей, что не рассмотрел он гору, уткнувшись в неё носом, и не увидел он, сидя на острове, океан с многоэтажными волнами. Как огромен океан, так и необозрима русская душа. Ибо только в чрезмерно великом океане, есть сверхглубокие океанские впадины, в которых укрощается буйство океанских вод, равно, как успокаиваются и врачуются силы души в принижении своём. Ибо, как из океанских впадин

затем поднимаются водяные глыбы невероятной величины и силы – точно так же поднимается и возрастает дух русского человека, заживо закопавшего себя в презрении к своей немощи. И, вот уже радуются о похоронившем себя, нетерпящие его, и пляшут самозванцы на его могиле, и уже положили огромный камень, придавив место, и уже ставят столы, чтобы отпраздновать долгожданное событие. И невдомёк тлетворным, что как, напитавшись соками земли, разверзается закопанное семя и, произрастая, рушит все преграды на своём пути, и никто не может остановить этого движения, так происходит и с русским человеком в восставании его. Вот, уже вздыбился евразийский материк, давая проход великому и неизвестному. Рассеклись молниеподобно степи, раскололись словно ореховая скорлупа вечные горы, разорвались голубые жгуты рек, пресеклись, низвергающиеся со скал, водопады. С испуганным удивлением смотрит всё живое на происходящее, не имея возможности дать должной сему оценки. И произрастает из материка русский дух, и достигает неба, и сторонятся звёзды, чтобы дать проход исполину. И если бы жили люди в других галактиках и мирах, то и они не смогли бы не увидеть возрождения русского человека. Звёздный народ, космическая его душа, необъятно его сердце; безмерна, велика страна Россия, в которой он живёт. Радуйтесь, люди, ликуйте, знающие его народы и трепещите, высокомерные.

Глава 2. Незванные гости

Пока Крокыч спал, а Позолотин ворочался на своём соломенном матрасе, пытаясь забыться, в городе, на улице Большая Горная, что тянется от моста через Волгу, до самого Сенного базара, в большом старом доме, крытом красной черепицей, с полуподвальным помещением и слуховым окном на крыше, происходит не менее значительное событие. Да-да. Это событие, может быть, даже важнее эпизода на мусорной свалке и рассказ надо было начинать с него, да зацепила меня профессорская судьба, не удержался. В общем, к Позолотину и Крокычу мы ещё вернёмся, и не раз, так, что ничего страшного не произошло, другие события заслуживают не меньшего внимания.

Вокруг дома на Большой Горной улице сгустились сумерки. А если быть абсолютно точным, то не на самой улице, широкой и длинной, а в закоулке, примыкающем к Большой Горной и граничащем с Глебучевым оврагом. Этот тупичок с одноэтажными домами убирает дворник Никита, который он важно называет двором, потому как столпившиеся здесь домики и образуют этот своеобразный двор, где не только все люди друг друга знают, но и кошки, и собаки тоже. Посреди этого закоулка-тупичка стоит столб, на котором висит и светит, засиженная ночными обитателями, электрическая лампочка. А за абажуром лампочки сразу начинаются сумерки. Только здесь, среди мало-мальски освещённых домов, они не столь густы как на свалке и жёлтые световые пят-

на на земле от отворяющихся дверей совсем не похожи на грязных световых жаб, а более подходят на нечаянно пролитое у дверей топлёное с хрустящей корочкой молоко. Это молоко при закрывании двери быстро слизывается с земли вечерними сумерками, похожими на серого пушистого котёнка. И не успеет дверь закрыться, как шмыгнёт непоседа в последнюю секунду за порог и, изумляясь его прыти, удивлённо промурлыкает коваными петлями дощатая дверь.

Закоулок, как закоулок, тупичок, как тупичок. На первый взгляд, ничего необычного. «Не-е-е, – скажет с улыбкой знатока читатель, имеющий какое-либо отношение к этому месту. – Не та-а-к... – Потому как он лично наблюдал за таинственными явлениями, происходящими в этом месте, и не во всём закоулке, а в небольшом дворике старого одноэтажного дома, крытого красной черепицей, стоящего рядом с Глебучевым оврагом и огороженного подгнившим дощатым забором.

Ну как, например, объяснить тот факт, что во дворе этого дома отродясь не бывало никакой живности, а соседи нередко слышат как за дощатым забором нет-нет да и прокукарекает петушок, заблеет овечка или раздастся топоток конских копыт? Но и это пустяки. А как вы смотрите на то, что вдруг ни с того, ни с сего открывается калитка, а во дворе никого нет, никто не выходит... и во дворе пусто? Люди-то не слепые. Дверь вот так открытой постоит, постоит, да и захлопнется сама собой и щеколда щёлкнет. Или как вы от-

несётесь к тому, что из чердачного окна на головы добропорядочных граждан вдруг проливается сонм звуков, похожих на средневековое сражение? Сейчас, правда, в век всевозможных музыкальных устройств это не сложно сделать, но ведь и задолго до появления компьютеров, когда на весь закоулок имелся только один патефон с единственной ржавой иглой и ободранной пластинкой, происходило то же самое. Столкнувшись с такими явлениями, даже закоренелый атеист, возьмёт да и перекрестится на голубой купол церкви и, робостно, с оглядкой, пойдёт своей дорогой... Загадочный дом. Станный дом. Непонятный...

А может быть в нём живут привидения, которые нет-нет да и заявляют о себе подобным образом? Если вы так подумали, то будете не единственными в своём мнении. К такому же мнению склоняется большинство жителей близлежащих домов, но так ли это на самом деле? – никто из них не знает. В лучшем случае соберутся соседи, сядут на скамеечку, подумают, поскребут затылки, повздыхают, порассказывают всякие страшилки на сон грядущий и разойдутся, вот и всё. А привидения, сами знаете, от лукавого, тут и рассуждать, и догадки строить нечего.

Возьмите, например, такой случай. И не какой-то там замуристый, что мозги от его анализа закрутятся, а самый, что ни на есть рядовой. Зашёл как-то во двор один человек, среднего возраста и на вид никакой не бомж; возможно, ему взгрустнулось, а может быть и ещё какая напасть с человеком

приключилась, что ему выпить захотелось чего покрепче. И деньги у человека были. Взял он бутылку водки и сел под сливой в тенёчке. Сидит этот человек в тенёчке и совершенно ничего худого никому не делает, просто сидит и сидит. Перед ним бутылочка уже наполовину опорожнённая и сам он не то чтобы пьян, а можно к нему применить слово «навеселе». Так вот сидит этот человек этак тихохонько, а когда решил ещё из бутылочки отпить, да к губам её поднёс и даже один глоток сделал, тут всё и началось. Мужичок после глотка вдруг стал подозрительно осматриваться, вроде как непонятно ему что-то? на бутылку глядит обалдело. А что на неё смотреть, когда она около ног его как стояла, так и стоит. Мужичок этот дворника зовёт. Подошёл дворник с метлой в клеёнчатом фартуке, с редкой бородой. Спрашивает, дескать, что надобно? А тот ему тоже так деликатно, мол, не обессудь, не мог бы ты попробовать, что в бутылке? Дворник попробовал, «вода» говорит. После этих слов мужичок стал ещё больше озираться, да и как даст со двора дёру, только его и видели.

Аналогичные факты можно приводить и ещё, только от простого их перечисления толку не будет, одна развлекаловка, а вдумчивый читатель обязательно автору попеняет, дескать, байки мы и сами горазды рассказывать, а ты нам суть копни, да на всеобщее обозрение, да так, чтоб ни тени сомнения ни у кого не осталось...

Тут я забегать вперёд не буду, потому, как тоже столкнул-

ся с этой проблемой, а точнее – непонятностью и по опыту знаю, что во всяком деле нужно время для размышлений, вот так.

.....

В сторонке от покрытого черепицей дома, ютятся крытые ржавым железом или рваным от времени рубероидом покосившиеся, подгнившие и почерневшие от времени дощатые сараи. Их среди навалившейся темноты почти не видно. В этом месте, где двор заканчивался обрывистым спуском в Глебучев овраг, неожиданно появились двое. Щуплые силуэты выдают подростков. Они крадучись подходят к дощатому сараю, и, так же крадучись, обходят его кругом. Говорят вполголоса. Длинный и тонкий пощупал замок, толкнул плечом дощатую дверь. Дверь не поддавалась.

– Тут, Пегас, не выйдет, – заметил маленький и кругленький, переходя на полушёпот. – Давай посмотрим на крепость стены, может быть доску какую оторвать удастся. – Они юркнули за сарай и вскоре с тыльной стороны раздался скрежет отдираемой доски. После того как доска была оторвана и звук от вылезавших гвоздей угас, и никто из жильцов тупичка по существу происхождения этого звука не встревожился. Маленький пролез в сарай, а длинный остался поджидать его снаружи. Немного погодя длинный просунул голову в прогал между досками и сказал тому, кто внутри:

– Осторожно ходи... не свали чего... – и немного пого-

дя. – Так есть там чего-нибудь или нет? – Ты, Муха, по стенам смотри, может чего под крышей подоткнуто? Антиквариат бывает на видном месте лежит. Может самовар или часы столетние; мобильником подсвечивай.

– Сам знаю, – раздалось из темноты, – ты бы, Пега, помолчал, а то неровен час споткнусь, не видно ничего... Какие-то большущие ящики стоят. Много ящиков.

– Чего в них?

– Не знаю, хрень какая-то. То ли песок, то ли цемент, и всё разного цвета? Вот в этом – жёлтое что-то насыпано. Может быть золотой песок? Хозяин дома мог на золотых приисках работать?

– Дурак ты, Муха, поэтому и в школе еле телепаешься.

– Меня по болезни на осень оставили, пропустил много, а ты, отличник, молчал бы. Сам в следующий раз полезешь, – огрызнулся Муха.

– Мне нельзя, – парировал длинный. – Я мозговой центр.

– Вот и думай, что это в ящиках лежит, раз мозговой центр? Я тебе из разных ящиков по камешку прихвачу. Тут ещё какая-то машинка, типа кофемолки стоит, с ручкой и большое сито. Может быть, здесь старинный подпольный цех по промывке золота находился?

– Машинка тяжёлая? – спросил тот, кто был снаружи и кого назвал маленький «Пегасом».

– Не-е-е, вдвоём донесём.

– Тогда вытаскивай.

Они с трудом протиснули, так называемую, кофемолку в отверстие. И только Муха хотел прихватить и сито, как сверху что-то зашуршало и прямо на спину Мухе свалилось нечто, больно ударив между лопаток. Это нечто с шипением прокатилось по Мухиной спине, а в углу в это время кто-то зашевелился, затем мальчишка почувствовал, как этот из угла протопал прямо к Мухе, вцепился ему в штанину и зарычал.

– А-а – а!!! – закричал испуганным голосом Муха и, бросив сито, пулей вылетел из сарая, чуть не сбив с ног своего подельника. Муха не помнит как добежал до оврага, скатился под откос и только там его догнал Пегас с кофемолкой.

– Ты чё, драпанул? – спросил Пегас тяжело дыша, усаживаясь рядом с товарищем и обирая со штанин репьи.

– Чё-чё, в следующий раз сам полезешь... вот чё! – нервно и зло проговорил Муха.

– Ладно, – примирительно сказал Пегас, – бывает. Со мной тоже такое сначала было.

– И с тобой было!? – удивился Муха.

– Ещё как было!.. пока не обвыкся. Во всяком деле привычка нужна. А больше всего – голова на плечах. Без головы, даже в такой гнилой сарай, как этот, лезть нельзя.

– Раз ты такой умный, то, что в тех ящиках лежит? – обиженно сказал Муха. – Они во!.. какие большие, – и он показал величину ящиков, разведя руки в стороны.

– Вот и опять твоя неучь наружу лезет, – усмехнулся Пе-

гас, – это не ящики, а лари. В этих ларях в старину хранили зерно и муку.

– Так, там же не зерно, я чё... совсем по-твоему дурак?

– Не кипятись. Посмотреть надо и подумать – сказал Пегас. – Хорошо бы на чердак дома прогуляться. Чердаки старинных домов – кладёзь антикваров. Только сейчас нельзя. Жилой он, видишь, одно окно светится, – и Пегас кивнул в сторону дома.

– Вижу, – и Муха посмотрел туда же. – А почему одно только окно светится и тускло так?

– Раз задаёшь вопросы, значит, начинаешь соображать, это обнадёживает, – ответил Пегас. И, помолчав, сказал: – Просто, Муха, живёт в этом доме какая-нибудь старушенция – божий одуванчик, пенсия небольшая, вот и экономит на электричестве. А в свой сарай уже лет десять не ходила. Замок ржавый, его с ходу даже ключом не откроешь. Нет у неё, Муха, сил в сарай ходить.

– Всё ты, Пега, подмечаешь...

– Голова дана не для того, чтобы волосы носить, – поучительно сказал тот в ответ. – Пошли отсюда.

– А как же сито?

– Вставай давай... сито. После того как мы тут нашумели, соваться нельзя.

На этом разговор в овраге закончился. Дружаны поднялись, отряхнулись и направились по едва заметным в ночи ориентирам по склону в сторону моста через Глебучев овраг,

что располагался ниже, ближе к реке.

– А как ты, Пега, додумался до такого, чтобы антикварным бизнесом заниматься? – спросил Муха, когда они, сделав небольшой крюк, вышли на дорогу и пошли уже по тротуару.

– А просто, – и вдруг спросил: – Ты зачем в школу ходишь?

– Не знаю, – откровенно сказал Муха.

– А я знаю. Я думаю, что если б мать тебя из дома не выгоняла, то ты б и в школу не ходил, так?

– Без слов, – утвердительно кивнул Муха.

– А я хожу в школу, чтоб знания получить, а потом этими знаниями пользоваться, – спокойно и уверенно сказал Пегас. – Вот ты споткнулся о машинку. Для тебя это хлам, а если б ты историю учил и немного интересовался прошлым нашего края, то знал бы, что такими мельничками зерно мололи лет сто назад. А сейчас, стало быть, это уже антиквариат. Вот так. Эту мельничку мы на базаре сбудем, денежкой обзаведёмся. А чтобы мельничку сбыть, надо для неё легенду придумать.

– Какую легенду?

– Легенда, Муха, это правдоподобная история, ну как в фильмах про разведчиков. Только легенда должна быть яркой, насыщенной, типа, например, что эта мельничка самому Григорию Распутину принадлежала или что-то в этом роде.

– Это Гришке что ли? – с ухмылкой спросил Муха. – Слы-

шал про такого, по телеку квакали. Кадр ещё тот. В журнале статейку читал...

– А ты не всё читай, что под руку попадается... – перебил дружана Пегас.

– Так написано же!?! – возмутился тот.

– В одной напишут так, а в другой – прямо наоборот. Сейчас это так принято.

– А я тут причём? – Муха опешил.

– А ты притом, что собственными мозгами должен шевелить. Я сказал для примера, а ты «хи-хи», да «ха-ха». И потом, в нашем деле неважно какой он человек, главное, известный, по-современному сказать – раскрученный. С биографией любая вещь ценнее... – Пегас немного помолчал и нравоучительно продолжил. – Книги для чего нужны? Чтобы читать и от чтения пользу иметь. Понял? Читать надо больше, если хочешь человеком стать. Вот я все труды Саратовских краеведов проштудировал и Валеева, он по церквям специалист и Максимова и других. Я, брат, хочу культурологом стать. Если с умом, тут можно хорошие деньги иметь. Ты что-нибудь о доценте Забродине знаешь?

– Не-а... – отрицательно мотнул головой Муха.

– Ну и дурак. Эдуард Аркадьевич известный человек, доцент, кандидат наук. Он как раз по этим штучкам-дрючкам большой специалист. Культуролог. Если б к нему в ученики попасть, вот было бы здорово... Вон видишь вдали, на набережной высотка окнами светится?.. его хата.

– А ты откуда знаешь?

– Вещь ему одну носил на оценку. Он сам оценил, сам же и купил, а потом я её в каталогах видел.

– Он что, обманул тебя? – поинтересовался Муха.

– Не то слово. Так тысяч на пять долларов. Но я на него не в обиде. Обижаются только дураки, а умные на этом учатся.

– И чему ж ты научился? – недоверчиво спросил Муха.

– Уму-разуму... С Забродиных надо брать пример... и учебников не гнушаться.

– Так он по свалкам и старым сараям не шастает, – возразил Муха.

– У меня идёт период первоначального накопления знаний и опыта, это вроде производственной практики, понял, вот так-то, дурка вяленая? – Со значением в голосе сказал Пегас.

– Чего, накопление... капитала или пыли в штанах? – усмехнулся Муха.

– Знаний, говорю... А знания всегда легко конвертировать в монету. Знания, они никакой девальвации не подвластны. Ты даже над этим, поди, не задумывался?

– На троллейбусе поедем или на газели? – спросил Муха, когда они, миновав мост, вышли к старой церкви с покосившейся колокольной, где была конечная остановка разных маршрутов общественного транспорта.

– Ну, его, этот троллейбус, – сказал Пегас, – трястись в

рогатом... долго. Давай в газель.

Они забрались в газель № 36 и плюхнулись на заднее сиденье, там как раз было два свободных места.

– Успели, – сказал Пегас, усаживаясь поудобнее.

– Куда с мешком-то, – заворчала сидевшая напротив полная тётка, явно недовольная соседями и особенно их не совсем чистым мешком из под сахара.

– Сиди и закрой коробочку, – огрызнулся Муха, протаскивая мешок с мельницей между ног пассажиров.

– А ты чего хамишь... «закрой коробочку...», – передразнила Муху соседка, – я тебе закрою..., шкет несчастный.

– Это я шкет?... Я!.. Я!.. – пошёл в атаку Муха. Он не на шутку разозлился. – Пегас, эта дурында меня шкетом назвала!! Ты слышал?!

– Это я дурында!? – захлебнулась слюной соседка. – Граждане! – обратилась обиженная дама к пассажирам, – меня прилюдно оскорбили, прошу быть свидетелями... вот этот смоглык с мешком.

– Совсем распустились, – поддержал женщину усатый пенсионер с палочкой с переднего сиденья.

– Выставить его... пусть пешком идёт раз в опчественном транспорте себя вести не умеет, – вступилась за оскарблённую пассажирку дама в шляпке.

– Кого это выставить!? – вступился за Муху Пегас. – Да он с мешком места меньше занимает чем вы; вон на одном сиденье не умещаетесь, лучше заплатите водителю за второе

место, раз два сиденья под себя подмяли.

– Да они над нами издеваются, – взвизгнула та, которую назвали «Дурындой» и вцепилась в Мухин мешок.

– Муха было потянул мешок к себе, но разъярённая женщина вырвала мешок из рук Мухи и передала его даме в шляпке, а та передала дальше. В результате чего мешок благополучно, но не очень деликатным образом очутился за дверью на асфальте. Ругаясь и отвешивая неллицеприятные эпитеты в адрес дурынды, дамы в шляпке и усатого пенсионера, Пегас с Мухой пошли к выходу. Их места тотчас заняли другие пассажиры и газель уехала.

– Вот дурында... Вот дурында... – злился Муха, – взваливая мешок на плечо и направляясь к троллейбусу.

– Сам хорош, – буркнул Пегас, – нечего было задирать-ся...

– Так она сама в бочку полезла...

– Сама... не сама... Теперь вот трясись в рогатом, – зло сказал Пегас, а затем добавил. – Среди людей живёшь, в психологии надо разбираться... С тётками ругаться вздумал... с ними даже милиция лишний раз не связывается.

Усатый пенсионер всё же успел на прощание сунуть Мухе палочкой в бок, от чего ребро немного саднило. Они благополучно зашли в троллейбус №4, сели на заднее сиденье, поставили мешок между ног, чтоб никому не бросался в глаза и стали насчитывать деньги на билет. Ещё две остановки они, разгорячённые случившимся, спорили о деталях про-

изошедшего события в газели. И спорили может быть бы до конечной остановки, если бы не Пегас. Он схватил Муху за руку и, пригнувшись за впереди сидящего пассажира, зашипел: «Кончай базар...».

– Почему я должен молчать, если я заложник вопиющей несправедливости, – сказал Муха и тут же получил кулаком в бок, отчего неожиданно ойкнул, так как Пегас попал в то самое место, куда ткнул палочкой пенсионер.

– Чё разойкался как баба, – прошипел Пегас и указал взглядом в направлении средней двери. Муха посмотрел, куда ему указал Пегас и тут же, втянул голову в плечи и стал втискиваться в сиденье. Через несколько секунд он втиснулся в сиденье так, что его совершенно не стало видно. Около двери на боковом сиденье ехала небезызвестная обоим Мария Васильевна Сорокина, женщина лет сорока, миловидная с грустными большими серыми глазами и совершенно седыми волосами, которые она почему-то никогда не красила, как большинство её сверстниц.

– Откуда тут эта рептилия? – спросил шёпотом Муха.

– Кабы знать? – ответил Пегас. – Да не прячься ты как школьник от двойки, чтоб училка к доске не вызвала.

– А чё? – часто моргая рыжими веками спросил Муха. Рыжая голова его при этом ещё больше покраснела, а яблоки глаз, казалось, втиснулись и углубились в подбровные впадины настолько, что уменьшились почти в два раза.

– Внимание лишнее привлекаешь, – буркнул Пегас. – За-

крой коробочку.

Ехали молча, каждый думал о своём. За окнами проплыл кожзавод, затем самолёт на пьедестале, сверкнул большими витринными стёклами магазин «Сказка» – они подъезжали к четвёртому жилучастку и женщина, – которую они оба знали как капитана милиции Сорокину и инспектора по несовершеннолетним, встала и направилась к выходу.

– В отделение собирается идти, – прокомментировал Муха.

– Совсем не обязательно, она живёт тут рядом. Я знаю, – ответил Пегас.

– Может быть за нами следила? –

– Так, Муха, не следят... случайность... Если б следила, то ты бы её не заметил.

– Нам ведь тоже выходить пора.

– Сиди, не привлекай внимание, проедем до «Радуги».

– Чё..., – удивился Муха, – на целую остановку дальше ехать?.. а потом назад топать? Да ещё с грузом...

– Так пойдти, встань рядом с инспекторшей с мешком, да ещё поздоровайся, – съехидничал Пегас. – А она, по-твоему, не обратит внимание ни на поздний час, ни на твой мешок? нашёл дуру со стажем.

– Кстати свет в её кабинете всё ещё горит, – заметил Муха, глядя в окно на дом, где размещалось отделение милиции.

– Значит, пойдёт в отделение, раз свет горит, – предположил Пегас.

– А чего свет горит? Не знаешь?..

– Я откуда знаю... – проговорил Пегас.– Может быть новый сотрудник появился... рвение проявляет, под собой землю роет, чтоб звёздочку заработать... – не подозревая того, что угодил своим предположением в яблочко.

И друзья, поругивая инспекторшу, проехали лишнюю, но довольно длинную остановку, вышли на остановке «Радуга» и потопали обратно на четвёртый жилучасток.

Глава 3. Фома Фомич

Над свалкой поздний вечер, почти что ночь. В стороне, над лесом, в небе, бело-серым туманом висят отсветы от городских уличных фонарей. Сам город внизу, под горой, его не видно. Здесь, у Саратова, ночью всегда так. – Поднимутся над домами и улицами снопы блёклых лучей, остановятся в подоблачной дали и висят над городом, словно привязанные за ниточку детские шары, мерно плавая и колыхаясь в ночной свежести. Они – то соединяются в одну светлую мглу, то рассыпаются по всему небу, делая его на время, обманчиво, более утренним и вдруг разом, всколыхнувшись, будто испугавшись своей смелости, сбегаются стайками на прежнее место, переталкиваясь и перешёптываясь.

А здесь, над свалкой, иное небо и иная ночь. И, сдаётся мне, что забрался на это небо ученик, да и пролил в нерадивости своей из непроливайки чернила, да ещё, ради озорства, наставил там и тут паучьих клякс по всему тёмному необъятному небосводу, да и спрятался за старой бочкой,

чтобы посмотреть, а как отреагируют на его художества люди.

На улице заурчала машина. В малюсенькое оконце было видно как Сима выскочил из вагончика и, высоко задирая ноги, побежал на звук мотора, стал отворять широкие, обшитые ржавыми, кровельными железными листами ворота.

– Лёгко на помине, – сказал Крокыч, кивнув на окно. – Фома Фомич, собственной персоной.

– Что?.. Тараканов в такое время?.. – удивился Позолотин.

На территорию свалки, высвечивая фарами мусорные кучи вполз чёрный ««шевроле»» и остановился около столба с фонарём. Сима поспешно закрыл ворота, подбежал к въехавшей на территорию свалки машине и подобострастно раскланялся, хотя из ««шевроле»» никто ещё не вышел. Издали казалось, что он раскланивается перед этим чёрным лимузином с поблёскивающими, полированными боками-дверками, и что этот лимузин и есть сосредоточие власти и силы на этом маленьком, отгороженном от остального мира, отрезке земли, и что всё живое тут обязано этому чванливому господину из металла, никеля, краски и лака. Вот он, подсвечивая глазами-фарами, выжидательно осматривает свои владения, чуть подрагивая от работающего мотора. Тонированное лобовое стекло выглядывает выпуклыми тёмными очками, впереди которых величественно, точно в роговой оправе выступает с горбинкой нос-капот, а чуть ниже вытянулись одут-

ловатые губы бампера со скошенной бородой подмоторья.

Он не спешит. Он знает себе цену. Он хозяин.

За тонированными стёклами автомобиля не видно ни одного человека. Казалось, что никакой свет не может проникнуть внутрь этого существа и даже яркие лучи солнца меркнут и тускнеют прикасаясь к нему. А точнее, эти лучи, их свет и теплота с неудержимой прожорливостью поглощаются чёрным телом этого монстра, чем и поддерживается его жизнь и благополучие. Этот монстр на дорогах России не один, но этот, кажется, выше и чернее других. Благодаря чему, способен принимать более них благодатную теплоту лучей. Это чернота является главным и самым совершенным его собственным эволюционным приобретением, потому, как только абсолютно чёрный цвет может впитать абсолютно большое количество тёплых лучей. И чем чернее и больше монстр, тем холоднее становится вокруг, ибо лучи, предназначенные для всего живого, притягиваются и поедаются им одним. При свете дня и при свете луны и звёзд всё живое шарахается от него в сторону, дабы не быть к нему притянутым, чтобы это существо не высосало из них оставшиеся теплотворные силы.

Приоткрылась, похожая на крыло ворона, дверка. Из «шевроле» выкатился маленький кругленький человечек, а за ним вылезла длинноногая девица, с синими волосами и сморщила носик:

– Опять эта свалка, куда ты меня привёз, милый, – про-

говорила она гуттаперчевым голосом. – Я же тебе сказала, что о твоей свалке слышать не хочу, – и она капризно топнула ножкой.

«Барби, кукла Барби» – подумает всяк, кто увидит эту картину и, в общем, не будет далёк от истины, однако отвлекаться не стоит.

– Терпи, ладушка, – проговорил толстячок, – это не свалка, а золотиносный рудник. Надо это понимать, дорогая. Подожди в машине, милая, а я пока дам некоторые указания Симе.

И если сказать о девице больше ничего нельзя, даже если б и очень захотелось, кроме как раз того одного слова, которое мы уже произнесли, то толстячок заслуживает гораздо большего внимания, и красок, в этом случае, жалеть не стоит. Здесь главное подобрать точное сравнение, чтоб не возникало при чтении никакого двоемыслия.

Вот-вот... Вы уже догадались... Правильно. Только обличовка на господинчике, в виду одетого светлого костюма, иная, а так я бы даже и не различил господинчика и его машину, а, вернее, попросту бы спутал: кто в кого влез, и кто из кого вылез? А, в общем, это не так уж и важно.

– Слушаю вас, Фома Фомич, – проговорил Сима, выростая перед Фомой Фомичём.

Лиц, приехавших на свалку, было из хибарки не рассмотреть, но по поведению Симы было ясно, что прибыло высокое начальство, а для него самым высоким начальством был,

конечно, директор и больше никто.

Фома Фомич отвёл Симу в сторону и что-то ему сказал. Тот в ответ закивал головой. Фома Фомич было направился к машине, затем остановился и спросил: (к тому, что сейчас говорит директор Симе надо обязательно прислушаться).

– А этот, как его, ... – Фома Фомич поводил круглой головой из стороны в сторону, будто галстук теснил ему шею, – ну... этот... профессор с художником здесь ещё?

– Да, хозяин, а что, согнать? – и Сима подобострастно немного наклонился вперёд, говоря этим движением, что он весь само внимание.

– Нет, нет, не стоит этого делать, – махнул пухленькой ладошкой директор, – возможно, они нам скоро понадобятся. – Помолчал немного и задумчиво добавил, – есть некоторые задумки... Ты тут с ними полегче...

– Как скажете, – сказал услужливо Сима. Образовалась длительная пауза. Заговорил директор:

– На большие дела, Сима, переходим. Ой, на большие!! Ты что-нибудь про «Изумруд» слышал?

– А как же, грамотные, на чём и повязали, – самодовольно проговорил Сима и пропел:

Кольца и браслеты...

– Довольно, всё не то, – остановил его Фома Фомич по-морщившись, – ты мне это брось. Сколько около меня, а всё из тебя старый дух прёт, как со старой свалки. Закопают её бульдозерами, скрейперами земли плодородной наво-

зят, цветы посадят или ещё что, а она, милая, всё равно фонит, как радиоактивная... Если не слышал – это хорошо. Это даже очень хорошо... Изумруды... камешки... – процедил он. – Всё правильно...

Фома Фомич относился к тому, сейчас довольно распространённому типу людей, которые в удобное для них историческое время сумели благодаря не отягощённости своего «Я» моралью, добиться высокого положения, а, стало быть, и материального благосостояния. Эти два понятия в России существует как бы неслиянно и нераздельно. И, конечно, выбившись, как говорят в народе – «из грязи – в князи», наш герой иногда очень хочется прихвастнуть особым талантом и эта, можно сказать, единственная слабость, которая не то, что ему мешает, а может даже иногда и осложнить его жизнь, хотя из всех сложностей он всегда выходил целым и невредимым. Зачем он сказал Симе об «Изумруде»? Кто его за язык тянул? – Вот то-то и оно... Этого он и сам сейчас не объяснит, секретная информация, а поди ж ты... взял и сказал... А сказал потому, что слаб человек и хочется этому человеку, в собственной слабости прихвастнуть, чтобы ещё более повысить свою значительность.

– А, что..., Фома Фомич!? – спросил Сима, – что-то намечается?

– Скоро всё сам узнаешь, – смотря поверх Симиной головы, проговорил директор, – Сказал бы тебе по дружбе, только раньше времени не говорят, плохая примета. Скоро ду-

маю и ты себе «Жигули» заведёшь. Тебе, для начала семёрки хватит. Потом, думаю, отсюда съедешь; ты мне в городе будешь нужен. – Фома Фомич помолчал и раздумчиво добавил. – Большое, Сима, я строительство затеваю. Уже и участок со старым домом присмотрел. Коттедж строить буду. Вид – закачаешься, пол-Саратова видно, мост, пляж и вдалеке город Энгельс виднеется.

– Ух, ты! Здорово... – восхитился Сима, предвкушая, что он скоро переберётся в город и будет ни больше ни меньше как зрителем на стройплощадке, то есть будет там глазами и ушами Фомы Фомича.

– Через месяц, другой... начнём..., – вглядываясь в ночные блики, над тусклыми фонарями на столбах, – проговорил мечтательно Фома Фомич.

– Да я хоть сейчас... – Сима почесал за ухом и, на лице его проявилась премного довольная улыбка.

– Сейчас нельзя. Я бы и рад. Пока старуха дуба не даст, что в этом доме живёт, нельзя, слово дал, а уж как отойдёт, тогда и начнём.

– А мы ей поможем, – хохотнул Сима. Фома Фомич нахмурился.

– Ты мне эти свои разудалые замашки брось. Нам спешить не надо. За домом дворник следит, я его уговорил.

– Нанял по-нашему? – уточнил Сима.

– Не нанял, а уговорил, говорят тебе... Таких людей не наймёшь, они из другого теста сделаны. – Затем философски

сказал: – Сколько их знаю и всё никак эту породу понять не могу... Иногда думаю: «Небожители они, что ли в человеческом обличье? Вроде как за мной, Фомой Фомичом, посланы на землю приглядывать»... загадка, – и директор пожал плечами.

– Разгадаем, – сказал Сима. – Небожители будут там жить, где им и положено – на небе, а мы здесь на земле, всё по науке...

– А вот этого не надо. – Заметил Фома Фомич провидчески, – Пусть он своё дело делает, а мы своё. Каждый на своём месте, так и сгодится. Понял?.. По – нашему он конечно лох, но хозяйство ведёт исправно... – Помолчал. – Всё схвачено, Сима, всё... – опять помолчал, немного, добавил. – А, ты потихоньку присматривай на своё место человека. Ты знаешь какого? Хваткого, в первую очередь, и чтоб умел язык за зубами держать... Может быть этого, как его, Кор... кор...

– Крокыча? – подсказал Сима.

– Да, да, Крокыча...

– Не-э-э..., – отрицательно покачал головой Сима, – интеллигент... душекопатель... Такие всё дело завалят...

– Тогда присмотришься...

– Я присмотрюсь, Фома Фомич... Обязательно присмотрюсь.. Как же не присмотреться...

– Во-во... присмотришься, Симушка, присмотришься. А уж о тебе я позабочусь.

– Да что вы, Фома Фомич, разве я это заслужил, мне да-

же и неловко как-то слушать это, – с довольной улыбкой на лице, проговорил Сима...

– А ты слушай, Сима, слушай и на ус мотай. Своего, знаю, не упустишь, да всё это мелочи...

– Понял... всё будет сделано... – взял под козырёк Сима.

– Не фиглярствуй... не люблю, – поморщился Фома Фомич, – хотя преданность твою ценю.

– Как скажете... – уже обычным тоном сказал Сима.

– А может быть тебя директором свалки сделать? А-а-а... – рассуждающее проговорил Фома Фомич и посмотрел на Симу испытующим взглядом. – Я тебе, Сима, тут домик поставлю со всеми удобствами, смекаешь?

– А, что такое, Фома Фомич, я и так не в обиде, мне и вагончик гош, – не зная как реагировать на сказанное, проговорил Сима, но директор на эти его слова никак не отреагировал, он продолжал думать и говорить о своём.

– Намечается, Сима, ох... намечается... Так что, наверное, скоро свалку передам полностью в твои руки. Холдинг образуется. Меня хотят поставить директором холдинга, а уж тут ты полным хозяином будешь, человек проверенный... Стройка тоже под твоим оком будет, потому и о колёсах говорю. Везде надо будет успевать, а надёжных людей не густо, измельчали людишки, ох, измельчали..., а большинство, так из-за жадности погорели, да в междуусобицах себя погубили, дурачье. Свобода, она многим боком вышла. Тебе повезло – ты в это время на казённых харчах «отъедался», а был

бы на свободе, то и сгорел бы как мотылёк в костре.

– А что такое холдинг? – спросил Сима.

– Ну это, когда много свалок объединены, это и есть холдинг, – и директор сел в машину.

– Желаю удачи, Фома Фомич, – проговорил Сима.

И вдруг в это время где-то не очень далеко, но и не близко раздался, похожий на рокот прибора, звук.

– Что это? – спросил, немного встревожившись, директор.

– Не обращайтесь внимания, Фома Фомич, – стараясь придать голосу безразличный тон, проговорил Сима, – какой только нечисти вокруг свалок не крутится.

– Что-то аж не по себе, заутробное что-то, до кишок пробирает. Я тебе завтра ружьё привезу, – сказал директор и заторопился.

– Фомушка! Я боюсь, вези ты меня поскорее из этого места с его свистами, рыками, гоготаниями... – раздался из машины голос синеволосяй девицы.

– Гоготаний нет, – поправил Сима, – вы, Зинаида Михайловна, зря беспокоитесь, – обратился он к синеволосяй.

– Нет, так будут, – нервно произнесла синеволосяя.

Хлопнула дверка. «Шевроле», глубоко, чисто по человечески вздохнул и, переваливаясь на неровностях с колеса на колесо, выкатился со двора свалки. Сима не спеша стал закрывать ворота. Сердце его колотилось от радости. Одна мысль не давала ему покоя – «зачем хозяину понадобился этот старый сморчок – профессор и художник? На всякий

случай надо ввести некоторую корректировочку в отношении» – подумал он и заспешил в вагончик.

.....

– Укатил, – сказал Крокыч, выглядывая в окошко, с верхней кровати.

– Голова болит, – простонал профессор, – здорово он меня долбанул. Семён Ваганович!... За что? Ведь я же профессор, в Сорбонне лекции читал, моё имя во всём мире известно, а со мной обращаются хуже, чем с шелудивым псом...

– Потому и обращаются, что ваша учёность отражает их безграмотность и человеческую ущербность... Потерпи, Вениамин Павлович, бог даст, всё образуется.

– Чего же у вас не образовывается? Что, разве бог не видит, что вы талантливый художник, и вам не резон здесь быть.

– И опять не правы, Вениамин Павлович. Бог, он всё видит, только он не на мои картины смотрит и не на ваше профессорское звание, а на душу.

– И чем же, например, не нравится ему ваша, Ваганыч, душа? – спросил Позолотин.

– Гордая она очень, моя душа, – вздохнул Крокыч. – Гордыню здесь свою усмиряю, она меня и на свалку привела. Гордость, Вениамин Павлович, – порок. С гордостной душой ничего путного не напишешь ни ручкой, ни кистью... Вот я на свалке, на дне жизни и цивилизации, а в голове крутится, что я великий художник, а это неправильно. Смирения в

душе нет, оттого и крутится. Я это и до свалки чувствовал и понимал, что если не переборю в себе гордое состояние ума, то ничего и из моего таланта не получится, потому что гордым бог противится... Вы, например, думаете, хоть чуть-чуть, о том, что вы великий учёный?

– Такое как-то в голову не приходило... – смутился Позолотин. – Да и какой я великий, прости господи...

– Вот видите, а у меня не так – у вас в голову это не приходит, а у меня из головы не выходит. Хотя, скажу вам, что отступить от меня стали эти мысли, но всё ещё докучают раз от разу.

– Получается, что и я,... раз я на свалке, то и у меня... так же... – начал было говорить Вениамин Павлович.

– Этого я не знаю, – перебил профессора Крокыч, – тут уж вы сами со своей душой разбирайтесь, а я со своей. Может быть, вы здесь для снискания венца. Ведь те, кто незаслуженно мучаются, и не гордецы без награды не бывают... Ладно, спите...

Приживалы довольно долго лежали не разговаривая, но сон ни к кому не шёл.

– Не спится, Крокыч. Рад бы уснуть, – проговорил Позолотин. – В голову всё институт лезет, студенты, моя кафедра. Как глаза закрою и видения начинаются: то экзамены, то зачёты.

– А что вам институт-то не помог, а? – спросил художник.

– Институт он ведь тоже коллектив, – проговорил тихо

профессор, – в коллективе разные люди. Так завёлся у нас один, сейчас уже доцент, по фамилии Забродин. Я его в люди вытащил, аспирантом у меня был, защитил диссертацию... – Вениамин Павлович глубоко вздохнул. – Гнилой человек оказался. Особо знаниями не блистал, а вот по части интриг, да продвижения по служебной лестнице мастер большой оказался. После того, как со мной беда случилась, он этим и воспользовался. Потом моё место занял... Я ведь по его милости и бомжем стал, ни жилья, ни прописки, а значит и «никто». Приютила меня на время ассистентка, так он на неё косо стал смотреть, я сам и ушёл от неё, чтоб человека от неприятностей избавить. А куда я могу уйти? Тут и подвернулся мне Фома Фомич. Сначала к себе взял, обещал прописать, потом сослался на ремонт и отвёз меня временно на свалку, поселил в вагончике. Ну а потом и вовсе обо мне забыл. Точнее, не забыл, а как увидит меня здесь... – профессор помолчал, – сначала здоровался, спрашивал о житье, даже первое время привозил кое-чего из еды, одежды. Потом перестал не только здороваться, а и замечать. Пройдёт и даже в мою сторону не посмотрит. Я уж думал, что он меня совсем со свалки прогонит, чтоб бельмом на глазах не был... Потом Сима... Меня из вагончика выгнал, а вы приютили и даже кровать свою уступили, а говорите: гордый... гордый. Какой вы гордый. Душекопательством занимаетесь, наговариваете на себя.

– Бросьте, не поминайте... не люблю, – бросил Крокыч.

– Ладно, не сердитесь, это я так, к слову... Я так понимаю, Ваганых, что всё это не было случайностью. Мой аналитический ум связывает это всё в одну схему. Тогда не связывал, не до этого было, а теперь связывает.

– В какую же? – поинтересовался Крокыч.

– Думаю, Забродин каким-то образом знает Фому Фоми-ча, вот и попросил того проявить заботу, а заодно и отпра-вить меня подальше с глаз долой и из института, и из города, больно уж он быстро мне тогда подвернулся...

– Может быть и так..., – ответил художник. – Может быть и так... Только постарайтесь не думать больше о кафедре, а усните... Гоните от себя эти мысли.

– Не могу я от них освободиться, Семён Ваганович. Их на свалку не выбросишь, они не стул сломанный.

– Всё, Позолотин,... спите, – твёрдо сказал Крокыч. – Дискуссия закончена и я спать буду, – и он дунул на горящую свечу. Хибарка погрузилась в темноту. И вдруг в эту мину-ту в отдалении повторился тот самый тяжёлый заутробный звериный рык. Это был тот самый звук, которого так напуга-лась Барби и к которому сейчас прислушивались обитатели хибарки.

– Что это? – спросил Крокыч, – первый раз слышу... Ни на что не похоже в наших местах. Ладно бы дело было в Са-ванне, там для европейцев экзотики хоть отбавляй.

– Я тоже, признаться, не слышал таких звериных воплей, – проговорил Вениамин Павлович.

– Как, как вы это назвали? – переспросил художник. – Вопли, говорите?..

– Так и рыком не назовёшь, – отозвался Позолотин. – Точнее – это рык, переходящий в вопль. Только рык интересный: не угрожающий и не милосердствующий, более преудпреждающий что ли? или предсказательный какой-то; звук не в полную силу идёт, на полутоне.... Слышите?

– Слышу... – отозвался Семён Ваганович, – правда, вы меня этим полутонем нисколько не успокоили, если от полутона мурашки по телу поскакали, то, что будет, если оно полный тон возьмёт, соображаю, что наша хибарка останется без крыши.

– А вы что же, думаете, что живёте в этом мире одни? – спросил профессор. – Человек видит и слышит только совсем незначительную часть звуков издаваемых обитателями планеты и в определённом диапазоне волн.

– Вы хотите сказать, что этот пришелец существует и что это не наши с вами слуховые галлюцинации от, например, здешних запахов!?

– Я этого, как учёный не утверждаю, только всегда держите в голове, что нас кто-то слышит, видит, хотя мы и заперты на крючок, и даже читает наши мысли, оставаясь совершенно для нас невидимым. Привыкните к этому... Вот учёные сейчас считают, что человеческий геном мельчайшая структура в деле управления человеческим существом и передачи наследственности. Вздор. Хотя является и правдой сего-

дняшнего дня. Завтра найдут ещё более мелкую частицу, которая способна вместить и управлять всеми на сегодня известными генами, вот и получается всё вздор. Такое уже ни раз повторялось, то молекулы открыли, то атомы...

– Я, Вениамин Павлович, часто размышляю над тем, как диковинно наш мир устроен и не перестаю этому удивляться. А это ведь и раньше всё было.

– Что всё? Всё – это в общем, или как?

– Вы вот этнограф, объясните мне, пожалуйста. Эти мифы, заговоры, народные приметы, сны – вы этому верите, или это творчество народа?

– Вы, Семён Ваганович, задали такой вопрос, что на него вот так сразу не ответить. Много здесь чего и напридумано, но дыма без огня не бывает. Вот сейчас рык звериный услышали, а ведь природы его мы не знаем. Вот вам и цивилизация, и в космос летаем, а что рядом не видим, а если видим, то не разумеем. А рык, это не горбатая ворона, хотя одно от другого, мне кажется, недалеко стоит.

– Что за горбатая ворона? Вы что-то о ней никогда не говорили.

– Поверье среди людей есть – если кто горбатую ворону встретит, то быть всякого рода неприятностям.

– Она что, действительно горбатая?

– Не знаю. Мистика, она ведь тоже не на пустом месте появилась. А проще сказать – есть бог и есть дьявол. Каждый на человека влияет по-своему.

– Вы о вороне не досказали... – напомнил Крокыч.

– Я её никогда не видел... Не берите в голову. Живите проще.

Потом Позолотин стал говорить о древних манускриптах, а затем снова перешёл к молекулам и атомам.

– Вы согласны, Семён Ваганович? – спросил профессор, закончив длинный монолог о древних цивилизациях. – Вы слышите меня, а..., Семён Ваганович? – спросил профессор громче. Но Крокыч не ответил, он спал.

Луна медленно стала покидать хибарку, уходя за кусты разросшегося шиповника и, то ли тень от кустов, то ли ещё что, только нечто неизвестное большое, лохматой громадой прошло мимо засыпающей хибарки. Нечто сунуло в маленькое окошечко клыкастую морду, как бы удостовераясь, что в помещении всё спокойно, и оставив в колеях от колёс самосвалов большие когтистые следы, удалилось. Кто это был, осталось тайной. Только опытный охотник, разглядев глубокие вдавленности от страшных когтей в колее, растопырив пальцы и смерив величину отпечатка лапы невиданного существа, только бы покачал головой и обязательно свернул с ранее намеченного пути.

Глава 4. Стажёр

Мария Васильевна, как и предполагал Пегас, шла в отделение, где её ждал молоденький младший лейтенант Юра Митин, которого недавно прислали в отделение на стажировку. Митин, после окончания педагогического института,

пошёл по приглашению работать в милицию, где и был определён заниматься с малолетними нарушителями общественно порядка, а короче – хулиганами.

– Ты чего всё здесь? – спросила Сорокина Юру, – не ожидая увидеть своего подопечного в это время на рабочем месте.

– Заинтересовался одним делом, – ответил, смущённо Юра. – Читаю дело и думаю: «Ну, живите как люди, что вас всё на подвиги тянет? То кого-то побьют, то оскорбят...»

– Это ты о ком?

– Какой-то Мухаев.

– Он не какой-то, – поправила младшего лейтенанта Сорокина.

– Не понял? – и Митин с недоумением посмотрел на Марию Васильевну.

– Мухаев по кличке «Муха», он не какой-то, – твёрдо повторила Сорокина. – Это Санчо Панса самого Лёни Пегасова, по кличке «Пегас». Вот так-то. Кстати, легки на помине. С ними я сейчас ехала в одном троллейбусе.

– Откуда это они? – недоумённо спросил Юра и посмотрел на часы.

– Понятно, Юра, что не с танцплощадки, а вот откуда они и куда? это было бы знать очень интересно. Кстати, проехали одну лишнюю остановку, чтоб со мной не встречаться.

– Откуда вы знаете? – удивился Юра.

– Поработаешь, младшой, с моё, и ты знать будешь, –

улыбнулась Мария Васильевна. При этом, глядя на Юру, её грустные глаза несколько повеселели. – Кстати, Юра, меня никто не спрашивал в моё отсутствие?

– Майор Городец заходила.

– Муза Карповна? – удивлённо спросила Сорокина, – чего же молчишь?

– Я думал...

– Не надо думать, милейший, надо исполнять, а, исполняя надо думать, – отчеканила капитан, – я же говорила, что обо всём докладывать мне и о таких приходах тоже...

– Она ничего не сказала? – ответил смущённо Юра и пожал плечами.

– Она своим появлением уже всё сказала, – заметила Сорокина. – Во-первых, она начальник следственного отдела, во-вторых, она не тот человек, кто просто так ходит по кабинетам и, в-третьих – если зашла сама, то дело не только важное, но и весьма деликатное и Мария Васильевна, взяв телефонную трубку, набрала номер.

С того конца телефонного провода ответили и Сорокина спросила:

– Муза Карповна, мне зайти?

– Я вас жду, уважаемая Мария Васильевна... – донеслось из трубки. Сорокина, положив телефонную трубку, встала из-за стола.

– Вот видишь..., она меня ждёт... так-то, учись стажёр, – и добавила, – то, что сказано словами – любой поймёт, а твоя

задача научиться понимать то, что не сказано, но подумано, это в нашей работе ой как важно, – и она вышла из кабинета. Юра, после её ухода, подошёл к окну. В открытую фрамугу свежо тянул летний вечерний ветерок, неся с собой травной запах лугов Кумысной поляны, густо перемешанный с запахом недавно уложенного асфальта. Вся эта незамысловатая сдобь подавалась под ленивую перебранку автомобильных клаксонов и пугливые вскрики редких трамвайных звонков. Город спешил довершить незаконченные дневные дела, чтобы через два часа, широко зевнув открытыми дверями последних трамваев и троллейбусов, начать готовиться ко сну. Юра улыбнулся вечернему городу и подумал: «А всё-таки хорошо». Что хорошо? И почему хорошо? он не сказал, да это и неважно. Хорошо всё: и то, что он закончил вуз и получил диплом, и то, что провёл свой первый рабочий день и что стоит вот так перед окном свободный и счастливый и много чего ещё может вместить это слово. Хорошо – оно ведь всегда хорошо.

.....

На обратном пути Пегасу и Мухе пришлось идти мимо здания милиции. Только шли они по другой стороне улицы, просто Лёне надо было на минутку заскочить к приятелю, что жил на четвёртом жил-участке, в доме, где расположен магазин «Сказка».

– Вон Сорока сидит, – проговорил, – взглядываясь в окно на втором этаже, Муха, а рядом ещё кто-то мельтешит.

Гляди.... К окну подошёл, в нашу сторону смотрит. Сорока встала и куда-то слиняла, а этот стоит. – Ну, смотри... смотри... глаза выпадут, – проговорил Муха и показал Митину язык. Это был он. Только Юра этого не видел. Просто он стоял и смотрел на проходящих по тротуару людей, думал об их судьбах и, конечно, видел, остановившихся на другой стороне улицы, двух подростков нисколько не предполагая, что именно с ними столкнёт его судьба в самое ближайшее время.

Глава 5. Загадочные камешки

Только я собрался описать события в старом доме, а тут бах и Муха с Пегасом во дворе, да ещё потемну, пришлось отложить. Не зря же они пришли на Большую Горную на ночь глядя. Дом-то он не куда не убежит, а ребята наверняка не просто так появились. Так оно и вышло. И для нашего рассказа очень даже кстати; новая информация она не мешает. Оставим пока Юру Митина и Мухаева Вадика в покое, с ними ничего особенного в ближайшее время не произойдёт. Юра пойдёт со службы домой, а Вадик покатается ещё в свете фонарей на велике около пятиэтажки и пойдёт спать. Интересно другое – что сейчас делает Пегасов? А Пегасов сейчас сидит дома за столом и рассматривает, то машинку с выбитыми узорами на корпусе, то разноцветные камешки, что вытащил из сарая Муха. С машинкой ему всё ясно – обыкновенная крупорушка, только с резным рельефом по деревянному корпусу. «Умели раньше люди украшать предметы

первой необходимости,— думал Лёня, — вон как любовно всё выведено». Геометрическая вязь строчкой шла от одного угла корпуса до другого и пряталась на другой стороне. Лёня пощупал выемки, погладил рукой, задумался. И тотчас мысли унесли его в далёкое прошлое. В голове возникали то кочевники с шатрами и вьючными верблюдами, то небольшого роста лохматенькие калмыцкие степные лошадки, не боящиеся ни стужи, ни степных волков, добывающие себе еду копытами прямо из-под снега, то вдруг он видит телегу с поднятыми оглоблями, а на телеге мужик в лаптях, товар продаёт. Телегу люди обступили, торгуются. У мужика в телеге товару много всякого резного: ложки, рубели, скалки, донца, но красивее всех мельничка-крупорушка с резным геометрическим узором. Мужик держит на одной ладони крупорушку, а другой крутит узорчатую ручку и приговаривает: «Подходи, православные... Дорого не беру... Дешево не отдаю, потому, как если дешёво, то я и сам у себя куплю!» и широко открыв рот, весело смеётся, показывая щербатые зубы. Люди подходят — одни посмотреть на товар, а другие послушать крикуна.

Представляет себе судьбу крупорушки Леонид, а сам её бок, отполированный пальцами гладит, потом камешки, что Муха вынес из сарая, стал рассматривать. Вот он послунывил палец, потёр один камешек, потом другой. Растёр между пальцами образовавшуюся кашницу, понюхал, попробовал на язык, улыбнулся и стукнул себя пятернёй по лбу. Это озна-

чает, что ему в голову пришла интересная мысль. Он быстро встал, накинул ветровку, направился к двери.

– Куда, на ночь глядя? – спросила его мать.

– Тут рядом... сказал Лёня и уточнил, – в клуб «Спутник».

– Чего это приспичило?

– Проконсультироваться надо.

– Ну-ну... – сказала мать и вздохнула, проводив взглядом сына. Её всегда настораживали его похождения в позднее время. Лёня рос без отца, отец погиб в Афганистане, а мать очень боялась, как бы сын не спутался с какой плохой компанией. Об этом ей не раз говорила и Мария Васильевна: «Следи, следи, не упускай из виду, возраст такой». Вот Варвара и следит, а разве уследишь...

Проконсультироваться Пегасу надо было по этим самым разноцветным камешкам, которые напоминали обыкновенную землю, а точнее глину. Он знал, что в детском клубе по улице Марины Расковой 9 работает Пал Палыч, ведёт кружёк керамики. Сам когда-то к нему бегал. Он-то должен точно знать, что это за камешки? Пегас понимал, что перед ним не простая земля. Стали бы люди землю в ларях хранить? Значит, эта разноцветная масса представляла для хозяев какую-то ценность. Но, какую? Похожи камешки на глину, мусякаются, скользят, только он тогда, занимаясь в кружке, лепил из глины одного цвета, а тут целая цветовая

гамма, странно.

Клуб находился неподалёку, Пал Палыч был на месте и Пегас, поздоровавшись, выложил перед ним на стол свои камешки.

Старый, седой педагог молча повертел камешки в руках, проговорил:

– Давненько, Лёня, ты у нас не был, ... а способности у тебя к лепке есть, – и он кивнул на рельеф на стене. – Вот видишь, не снимаю, твоя поделка. Оставил в качестве учебного пособия. Это ты делал в пятом классе, а теперь уже поди в седьмом?

– В восьмом, – уточнил Лёня, –

– Ну вот, на годок ошибся.

– Другие интересы появились, – ответил Пегас уклончиво. Ему не нравилось, когда кто-либо напоминал ему о прошлом.

– Ну-ну, ответил старый учитель, рассматривая принесённые камешки.

– На что похоже? – спросил Пегас.

– Это, Леонид, разноцветная глина. – Сказал Пал Палыч. – Такой вокруг Саратова немало.

– А для чего она нужна? – поинтересовался мальчишка.

– Да мало ли для чего, – сказал Пал Палыч, – кто сарай обмазывает, кто печки кладёт...

– А если помалу, но много разных оттенков? – продолжал

допытываться Пегас?

– Загадку ты мне загадал, с ходу и не ответить, подождать придётся, я подумаю,.. Ты, Лёня, заглядывай, тут одного слова «глина» – маловато для ответа. Важно – где это найдено, в каком состоянии, что ещё рядом находилось? Вот в старину из глины делали косметику, маски всякие накладывали, сочетания глин подбирали. Возможно и в этом случае, все эти камешки древнему парфюмеру принадлежали? Здесь, я повторяю, на окружающую обстановку ориентироваться надо и от неё отталкиваться.

Пегас смутился. Не в его интересах было рассказывать про подломанный сарай на Большой Горной, про сита, мельничку, которую они с Мухой удачно стырили. Он больше ничего не стал говорить учителю и, попросившись, направился к выходу, пообещав, что как только появится дополнительная информация, обязательно известить. Уходя, он вдруг, на пороге остановился и спросил:

– А вы Эдуарда Аркадьевича Забродина, культуролога не знаете случайно?

– Нет, – покачал головой учитель. – Я профессора Вениамина Павловича Позолотина знал, приходилось у него консультироваться, а Забродина нет, не знаю. Он-то тебе зачем?

– В институт буду поступать, меня эта сфера интересует.

Пегас специально сказал Пал Палычу про Забродина и про свои намерения: «Пусть знает, что я не фигнёй занимаюсь, – подумал он, направляясь к выходу, – а то рельефчик

на стене... память..., тоже мне, ценность нашёл...»

Выходя из кабинета, Пегас столкнулся с братьями Пчелинцевыми – Костей и Антоном. Они шли в кружок на занятия. С Костей он учился в одном классе, а Антон был года на три младше.

– А-а... пчёлки прилетели, – сказал он немного заносчиво.

В классе Леонид с Костей были тайными соперниками, но никогда даже видом и взглядом этого не показывали. Оба хорошо учились, только с одной разницей – Пегасов всё, как говорится, хватал на лету. При феноменальной памяти, он почти не готовился к занятиям, надеясь, что на четвёрку всё равно ответит, а если не будет в задании непредвиденной заморочки, то и на пять вытянет. Некоторым учителям такой его подход к учёбе не нравился и они его в оценках немного ущемляли, надеясь, что тем самым активизируют ученика. Надо сказать, повод к таким ущемлениям всегда находился: то Лёня не тем способом задачу решит, то не надлежащий вывод сделает и даже обоснует по-своему, заумно. Только Пегасов на такие выпады не отвечал, а только хитро улыбался со своим знаменитым прищуром, да языком поглаживал щёки во рту, вот и вся активизация. Тем самым он как бы говорил: «наживку не заглатываю, господа педагоги, листаем страницы дальше, этот пункт проехали».

Косте же никто оценок не занижал. Он всегда был креп-

кий середняк. У него была своя беда – в учёбе он относился к разряду тугодумов. Соображал он хорошо, но медленно. На контрольных он, как правило, не успевал записать решение задачи в чистовик. Сидел, пыхтел, уши у него краснели, а рядом стоял учитель со стопкой тетрадей и терпеливо ждал. Ему всегда учитель математики говорил: «Долго, Костя, запрягаешь, долго, быстрее надо, в наше время тугодумство не приветствуется».

Но, не смотря на такую особенность мышления Пчелинцева старшего всегда посылали на различные конкурсы и олимпиады и на этих конкурсах он неизменно занимал третье место, а если чуть-чуть повезёт, то и второе. И, неважно по какому предмету, был бы конкурс. Пошли Костю – будет результат; пошли отличника – может вернуться ни с чем. Если же посылали на конкурс Пегасова, то результат был, как правило, непредсказуем, он или с блеском брал первое место, или оставался ни с чем, запутавшись в собственных задумках и предположениях.

Лёня не был в классе лидером, хотя лидерские качества у него, как говорится, были на лице написаны – умён, дерзок, немного высокомерен. Классная руководительница Анна Ивановна Кулакова говорила про него на педсовете, что Лёня умело и как бы непринуждённо от всего дистанцируется. Он вроде бы в классе и вне класса, он вроде бы делает со всеми стенную газету и даже подаёт интересные мысли, но в самый последний момент отходит в сторону, уступая ме-

сто другим, которые будут потом кричать, что газету сделали они и только они. Если же в классе замечали, что в структуре газеты воплощена идея Пегасова, то многие откровенно удивлялись – «А он-то тут при чём?».

Лёня одевался всегда щеголевато, но неброско; очень следил за своим внешним видом: обувь его всегда была вычищена, рубашка тщательно выглажена, пиджак сидел безукоризненно, хотя все вещи были достаточно дешёвые.

Костя никогда не был в классе лидером и этих качеств ни от кого не унаследовал. Он был по натуре капун, аналитик, с его мнением считались и стремящиеся к лидерству, для утверждения своего положения в коллективе, не прочь были заручиться Костиной поддержкой, выкрикивая на классных собраниях, что Костя по тому или иному спорному вопросу тоже «за».

– Ты чего, Леонид, к нам? Снова лепить захотелось? – спросил Костя, ероша пятернёй копну тёмных густых волос и строго смотря на сверстника. Пегасов был гораздо выше Кости и потому последнему приходилось смотреть на него немного снизу вверх.

– Это ты, Костян, лепи, у нас дела поважнее, – ответил Лёня и, сдвинув Антону фуружку на глаза, ушёл.

– Пал Палыч, – обратился к педагогу Костя, – чего ему было надо? – и Костя кивнул вслед Пегасову. – Вряд ли он собрался снова лепить?

– Не знаю, Костя, не знаю, ... вот камешки глиняные раз-

ноцветные принёс, сказал, что нашёл, но явно чего-то не договаривает. Консультация ему была нужна по этим камешкам.

– А вы что?

– Чего я?.. Сказал, что одних камешков мало, чтобы объяснить их принадлежность к какой-то деятельности. Сказал, что возможно в старину из этих глин делали на саратовщине косметику. Вот и всё... Скрытный он какой-то, не договаривает... Ушёл, а у меня двойственное ощущение от его прихода осталось. С одной стороны парень с головой, а с другой – мутный какой-то...

– Он, Пал Палыч, и в школе такой же, скрытный. За ним Муха, то есть Мухаев Вадик таскается. Вадик у него как оруженосец, – пояснил Костя.

– Не думаю, что бы Леонид боролся с ветряными мельницами, – заметил Пал Палыч серьёзно, – не тот человек, донкихотство – не его стезя.

– Нет, он с ними не борется. Он их ищет, чтобы подороже продать, – засмеялся Костя. – В классе говорят, что частенько его видят на свалках, в домах, что идут под снос, да на базаре, около нумизматов трётся, хотя по учёбе, ничего не скажешь – почти отличник.

– Что сделали дома? – перевёл разговор Пал Палыч на другую тему. И мальчики с жаром стали рассказывать учителю о том, как ездили на дачу, ходили в лес и нашли там коричневую глину. Просто пошли за водой в овражек, а там

глины целый карьер и экскаватор работает, – и они подали Пал Палычу перемятый кусок тёмно-коричневой глины.

Пал Палыч повертел глину в руках, смял, растёр кусочек между пальцами и сказал:

– А не на повороте ли на Александровку этот экскаватор работает?

– Точно, там, – переглянулись братья. А как вы узнали?

– А мне глина сказала, – улыбнулся Пал Палыч.

– Вот это да, – протянул Антон, – мне она чего-то ничего не сказала?..

– А ты её и не спрашивал, – заметил Пал Палыч. – Вот походишь на занятия подольше и она тебе будет говорить.

Антон посмотрел на Пал Палыча недоверчиво, соображая – шутит он или нет, а Костя стоял и улыбался. Он-то знал, что это опытные руки мастера, сказали учителю о местонахождении глины, Пал Палыч все окрестные овраги излазил и знает где и какая глина находится.

Антон, как мы уже сказали, был года на три младше брата, белолицый и русоголовый, с голубыми ясными глазами, он верил всему, что говорил Пал Палыч, потому что учитель был у него непререкаемый авторитет.

– А вы, Пал Палыч, чего делаете? – спросил Антоша и кивнул на кусок серо-белой глины на столе учителя.

– Знаете, ребята, – учитель заговорил доверительно, – было это очень давно. Я был такой же мальчишка как и Антоша. Делали в Саратове и по деревням вокруг мастера глиняную

игрушку. Игрушка уникальная и по красоте и изяществу не уступит даже Дымковской. Исчезла эта игрушка, прервалась традиция. Вот я и решил эту игрушку, а заодно и традицию восстановить. И очень надеюсь на вас. Если вы – молодёжь, меня в этом деле не поддержите, то все мои усилия тщетны. Тогда эта работа только на музей, а я рассчитываю на большее. Вон, Ярославцы, восстанавливают свою игрушку, а мы что, хуже. Хочу, чтобы снова в городе продавалась местная традиционная глиняная игрушка. Жаль только, что игрушка не сохранилась, разве только в памяти. Но это ничего, люди по памяти дворцы воссоздают.

– Храм Христа Спасителя в Москве восстановили, – вставил Костя, он любил историю и следил за новинками.

– Молодец, – похвалил педагог. – Храм восстановили, а мы должны игрушку восстановить. Игрушка – тоже храм, только храм особенный без входа и алтаря. На земле игрушка самое великое изобретение человека.

– А космические корабли!?! – удивился Антон.

– Игрушка для человечества позначимее космического корабля будет, – сказал Пал Палыч.

– Ух, ты! – удивился Костя, – так и важнее?

– Важнее, важнее, – подтвердил педагог. – Игрушка хоть глиняная, хоть деревянная, любая, сотни поколений людей воспитала и всегда только доброму учила. Доброта, воплощённая в этом изделии, и есть её главная составляющая, её вечная молодость.

– Сложно это Пал Палыч восстанавливать? – спросил тихо Костя, – представить сложно, а восстановить, думаю, ещё сложнее...

– Сложно, но можно. – Утвердительно сказал Пал Палыч. – Сам игрушку помню, и люди рассказывают. Люди – они многое знают, их надо только уметь разговорить, особенно стариков, кому за семьдесят... Когда я был такой как Антон, наша семья жила в деревне, мы с отцом в Саратов ездили и в один дом заезжали, там игрушечница жила, доводились по отцу родственницей. Я, разумеется, за давностью лет почти ничего не помню, но кое-чего в памяти сохранилось.

– А что сохранилось? – спросил с любопытством Антон. Он любил всякие загадочные истории и сейчас, открыв рот, уставился на Пал Палыча, надеясь услышать от него нечто такое, от чего захватывает дух. Очень впечатлительная натура.

– Маленький я был, ребята; куда заезжали? к кому заходили? – убей, не помню. Запомнилась крыша красной черепицей крытая, голубки из дерева, выпиленные по карнизу дома. Больно уж они мне приглянулись. Ребёнок ведь что запоминает? – Всё броское, необычное. Вот я и запомнил этих голубков по карнизу... – и он пожал плечами, – вот так... Может быть, и ещё чего вспомню.

– Это и всё?? – Удивился Костя.

– А что бы вы хотели?

– А вы, Пал Палыч, в дом разве не заходили? – спросил

Антон.

– Меня пить водили, пить захотел.

– И что же? – допытывался Антон.

– Да ничего, попил из ковшика, да назад пошёл. Ах, да, ещё сейчас припомнилось – у дверей встал как вкопанный, в жизни такой красоты не видал... В углу, ближе к двери, печь стоит. Печь, не печь, сказка какая-то, вся изразцами глазурованными покрытая. В Эрмитаже был, у царей и то такой красоты не видел.

– Может быть, чего запомнили из деталей? изразцы какие? Творило или труба, возможно, особенные? – допытывался Костя.

– Много там было чего накручено, разве всё упомнишь, а вот на центральном изразце печи, по центру был зверь вылеплен и так был интересно сделан, что когда печь нагреется, то у зверя во рту всё начинает светиться, вроде как пламенеть, а глаза тоже огненные становятся и как бы гудение появляется. Я пока стоял, да любовался хозяйка кричит дочурке: «Алёнка! закрывай трубу, зверь злиться начал!». Когда домой возвращались, отца спросил об этой печке. Он рассказал мне, что особо даровитые печники такие вот подсветки устраивали в изразцах, чтоб издали было видно, что печь нагрелась. А если гудение идёт, это значит тяга хорошая. Если же другой зверь просыпается и глаза открывает, то это очень даже опасно, значит тяга плохая. Таким образом, эти два зверя работу печи контролируют.

Пал Палыч замолчал, потом встрепелулся и спросил: – как я понимаю, вы лепить пришли?... О старинной игрушке поговорим потом, я вам образцы покажу, а пока за недоделанные работы принимайтесь. Потому, что недоделать – это самое плохое дело в творчестве, потом может и аппетит к работе пропасть. – И ребята начали вынимать из шкафа свои поделки.

«Поделки – несомненно интересное дело, – размышляли они, – но и рассказ Пал Палыча из головы нейдёт, про изразцовые печи, звериные головы, здорово. Только это всё было так давно. Пал Палычу шестьдесят, а он был как Антон, даже меньше, вот и считай. Нет, прошло всё интересное в жизни мимо них, ничего не успели, даже Пал Палыч опоздал родиться. Но ведь всё равно, что-то, а происходит, не может не происходить, просто они мало чего знают».

Глава 6. Таинственные жители

Правильно рассуждают братья Пчелинцевы. Происходили, происходят и будут происходить в городе разные события, потому как жизнь не прекращается, а раз жизнь не прекращается, значит, и события тоже будут происходить. Как же им не быть, вот и сейчас в это самое время, на дворе вечер, время позднее, братья Пчелинцевы, налепившись в «Спутнике», домой пришли, спать ложатся. У них на двоих одна кровать, деревянная двухъярусная, отец ради экономии площади соорудил. Костя спит наверху, а Антон внизу; Пегас, позёвывая, на четвёртом этаже за столом сидит,

рассматривает камешки; Вадик Мухаев спит; Пал Палыч дома дочитывает газету; Юра Митин никак уснуть не может, ворочается с боку на бок и лезут ему в голову разные мысли и больше о том, как он проработал первый день в милиции? Хорошие мысли, только и спать тоже надо. А в это самое время на Большой Горной улице, в большом старом доме под черепичной крышей с голубками по карнизу, с большой изразцовой печью в углу, которые сохранились только в очень старых домах, на большой дубовой кровати лежит старая женщина. И прав был Пегас в том, что у неё была маленькая пенсия, и ей приходилось экономить на электричестве. Только экономить ей осталось совсем недолго. Сегодня ночью она умрёт, а точнее – незаметно уснёт вечным сном с тихой улыбкой на губах, а завтра дворник Никита отвезёт её в Елшанку на кладбище и по доброте душевной сунет могильщикам пару сотен, чтоб похоронили по – человечески, а не абы как. В общем, он отдаст могильщикам не все свои деньги. Сотенка у него в запачке останется. На неё он и помянет новопроставившуюся Елену Никаноровну или мамушку.

Почему мамушку? И одна ли она живёт? Не торопитесь, ещё узнаете. Всему своё время.

Сейчас в просторной мамушкиной комнате никого не видно и не слышно. Мерно тикают ходики на стене. Серебристая гирька на цепочке опускается всё ниже и ниже. Когда она опустится до конца и, вздрогнув, стукнется о пол, тогда и не станет Елены Никаноровны. А вот когда её не станет,

то и перестанут светиться рот и глаза изразцового зверя на стенке печи, а это значит, что угли прогорели и печь будет постепенно остывать, как и их хозяйка. У другого же зверя глаза даже и не откроются, потому что трубу в печи никто не закрое. А подтапливает даже летом печь хозяйка потому, что всё время мёрзнет, мало тепла осталось в её теле.

Скажу вам по секрету – Елена Никаноровна знает об этом. О своём смертном часе знают очень редкие люди. Таких людей в народе богоугодными называют. Мамушка знает, что её сегодня не будет и улыбается, глядя на божницу в углу комнаты. И только иногда лёгкая грусть покрывает её лицо, но это не надолго. Ей не страшно умирать. За всю долгую свою жизнь она никому ничего не сделала плохого: не обидела, не укорила, по силе возможности помогала нуждающимся и за всё, что с ней случалось, а было разное на её долгом веку и хорошее, и плохое, – всегда благодарила бога. За хорошее, замечу, кто же откажется поблагодарить, даже у неверующих, и то с языка срывается. За хорошее – это можно. А вот за плохое! Получил ты, например, по контрольной хорошую оценку, как тут не сказать «Слава богу!». А если получил двойку? Тут как-то и язык не поворачивается бога славить. А вот мамушка и за плохое благодарила, потому что знала, раз господь попустил испытания, значит, их надо перетерпеть, а он тебе за твоё терпение воздаст. Она знает, что в невзгодах душа закаляется и терпеливее становится, а в терпении христианском православном – главная сила человека.

Однако, около умирающей никого не видно!?! И это обстоятельство наводит на грустные размышления.

Ты, наверное, подумал, что это очень несчастная и очень одинокая женщина? Не-ет, это не так. Старушка хоть и жила одна, но одинокой и тем более несчастной её не назовёшь, да и больной тоже. Она просто занемогла последнюю недельку, вот и всё. И потом, она прожила очень долгую жизнь – ей недавно исполнился 101 год, и до последней недели она всё ходила и хлопотала по дому, журила и наставляла своих многочисленных деток, которые зовут её просто мамушка, с ударением на втором слоге. Единственное, с кем ей было жаль расставаться и о ком она беспокоилась, это о детях. Как-то они будут без неё? Что с ними станется?

Потом, это только на первый взгляд, кажется, что сейчас дома кроме старушки никого нет, а если внимательнее приглядеться, то можно увидеть, что от подушки Елены Никаноровны даже на минутку не отходит молоденькая и очень красивая девушка – это Дуня, – Дуня тонкопряха. А за подушкой разместился, усатый кот – Мурлотик. Елена Никаноровна гладит его за ухом и тот в знак благодарности мурлычит, потому и Мурлотик. Только все обитатели дома настолько маленькие, что их сразу и не заметишь. Самый большой из них – Заступник и тот не больше двадцати сантиметров роста, а уж про Мурлотика или Пустолая и говорить нечего.

Дуня – тонкопряха – девушка скромная, заботливая и

очень аккуратная. А не аккуратной она и быть не может, потому как тонкопряха и золотошвейка. Дуня прядёт очень тонкие нити, шьёт красивые платья и расшивает их золотом – очень сложная и кропотливая работа, скажу я вам. И делает она эту работу на загляденье умело, потому и заказов у неё никогда не убавляется.

– Ты бы, Дуняша, пошла, отдохнула, – говорит мамушка ласково. – Уж, какой день, доченька, от меня не отходишь и глаз не смыкаешь. Позови ка мне Васеньку и непременно сейчас, чтоб пришёл с гармошкой, пусть моё сердце порадует, да скажи Катерине, что уж очень хочется перед смертным часом её калачей испробовать и не столько поесть, сколько их запахом насладиться. Пусть напоследок за столом все соберутся, а посреди стола, чтоб калач наш Саратовский жаром дышал, потом уж будете без меня собираться.

– Да, что вы такое говорите мамуша? – немного укоризненно и с азартом сказала тонкопряха, вы у нас ещё сто лет проживёте.

– А ты не сердись, Дуняш. Я ведь знаю, что говорю. Вот ты меня жалеешь, это хорошо, значит сердце у тебя чуткое и отзывчивое. Меня, Дуня, бог пожалеет, а я вот о вашей судьбе думаю, одни вы у меня остались неопределённые, не успела я вам место найти, вы уж простите старую. Только я больше думаю не о вашей неопределённой судьбе, а о тех детках, кого не успела образовать... Это я о Васеньке говорю. Но и это ничего, бог ему поможет..., руки мои ослабли

и не сделали положенного.

– Он у нас и так славный, – зарделась Дуняша.

– Я знаю, что он славный и душа в нём хорошая, только душа не закалённая, неустойчивая, а значит и соблазняящаяся, трудно ему будет...

Дуня хотела ей возразить, но мамушка опередила её. – Нет, ... нет... – ты мне ничего сейчас супротивного не говори, а лучше пойди и передай Катерине-калачнице, чего просила.

– Хорошо, мамушка, сейчас же иду к Катерине. Калачик будет самый отменный, ведь лучше нашей Катерины в целом городе никто калача не испечёт, – сказала Дуня и, не скрипнув ни одной половицей, вышла в соседнюю комнату. На место Дуни тут же передвинулся Мурлотик. Он как будто только и дожидался, чтобы занять Дунино место.

– А кто это там у нас на чердак забрался? – спросила кота Елена Никаноровна, вслушиваясь в доносившиеся с чердака стуки.

– Там Свистопляс с Гуделкой учения устраивают, говорят, что их учения приближённые к боевым.

– Приближённые к озорству значит, – добавила Елена Никаноровна.

– Сегодня у них учения ночные, с ограниченной видимостью, – пояснил Мурлотик.

– Озорство да ещё при ограниченной видимости, это что-то уже хулиганством попахивает, – опять, чуть улыбаясь проговорила Елена Никаноровна и добавила. – Шучу я, шучу...

Шалунишки они, это пройдёт, только повзрослеть чуть-чуть надо.

– Свистопляс с Гуделкой дружбу водят, – не понимая глубинного смысла сказанного мамушкой, продолжал объяснять Мурлотик, – прямо друзья неразлучные.

– А почему ты его Гуделкой зовёшь? Я его, как он на свет появился, Глиней назвала, – строго сказала старушка.

– Это мы его между собой Гуделкой зовём, он не обижается... – объяснил кот и, помолчав, спросил: – я их, мамушь, не пойму – Свистопляс всем дедушка, а Глиня мальчишка маленький, а целые сражения разыгрывают и на самом серьёзе спорят... Свистопляс из ума что ли совсем выжил? – свистит да скачет, свистит да скачет, только усы да борода развеваются, а то вдруг улюлюкать начнёт. От этого свиста, да поскока на нашу трубу даже галки не садятся. А про воробьёв и говорить нечего. Уж, какой день хочу воробьятинкой побаловаться, а они наш дом за версту облетают.

– Вы на этих закадычных друзей не обращайтесь внимание, – сказала улыбаясь Елена Никаноровна и погладила Мурлотика между ушей. – Свистопляс старый. В народе же говорят, «что старый, что малый», а у Глиняши возраст самый игручий, фантазёр он у нас и придумщик.

– Вот-вот. Два сапога – пара. – Проговорил, а больше промурлыкал, кот.

– Галки и вороны не знают, что Свистопляс совершенно безвредное создание, – сказала старушка. Это он только с

виду грозный, а внутри – младенец... пусть играют. Игры, Мурлотик, это прообраз взрослой жизни. Кто в детстве научился по-серьёзному играть и в хорошие игры, хотя и понарошку, тот и во взрослой жизни этого правила не нарушит... Если он в играх к добру и правде стремился, то и в жизни с добротой в сердце за правду будет горой стоять. Это, Мура, такое неписаное правило. Вот вы играли в игру «Гуси» и никто из вас волком не хотел быть, и это правильно, потому что волчьи принципы идут против души, стало быть, вам и не хочется быть волком даже понарошку. Дети должны играть в добрые игры.

– Никита говорит, что в магазинах из игрушек много страшилок продают, – заметил Мурлотик, – А наш Никита не врёт. Почему это? – мы неопределённые, а там страшилки, а... ?

– А потому, – ласково молвила Елена Никаноровна, – что люди искушаются всякой неправдой: кто роскошью, кто самовосхвалением, кто присвоением чужого. Неправды на земле много и одна из неправд – это желание людей в своей жизни обойтись без бога, вот и придумывают всяких монстров для своей защиты..., а к богу не обращаются, отсюда и страшилки.

– Понятно, – сокрушенно сказал Мурлотик, – разве я кого защищу такой маленький и не клыкастый.

– Я тебя, Мура, в свет пустила и жизнь дала не для того, чтобы ты клыками сверкал, да когтями воздух сёк, твоя по-

мощь людям не в этом заключается.

– А в чём же? – и Мурлотик с любопытством посмотрел на мамушку.

– Твоя обязанность мир нести в человеческие души... Вся беда людей от того, что в их душе мира нет: друг на друга злятся, завидуют, наушничают, кляузничают, наговаривают друг на друга чего и не было и всё для того, чтобы возвыситься, денег много иметь, да побольше всякого добра себе купить, богатыми стать. Богатство же не спасает, а только увеличивает ненависть и злобу, а они этого не понимают.

– Так как же я им мир-то в душу принесу? – продолжал докучать мамушку вопросами Мурлотик.

– А тебе его и не надо никому нести, – улыбнулась мамушка, – потому, что ты и есть тот самый мир и правда божия. Потому как делала я тебя с любовью. Взял тебя человек к себе в дом – правду взял, частичку любви внёс. И при помощи этой любви и правды воцаряется в его душе мир. И этот мир проливается и на взрослых, и на детей в его доме и начинает царить в этом доме благодать.

– Почему же вы нам всем об этом не скажете, а только мне?

– Потому, Мура, что не все из твоих братьев и сестёр это вместить могут, понять. А тебе это говорю, потому что ты создан мной с особыми мыслительными способностями и всё что я сказала – понять можешь, только этим в себе не кичись и не зазнавайся, потому как это в тебе не твоё, а моё, понял?

Я это тебе дала, а не ты трудами приобрёл.

Мурлотик в знак понимания сказанного Еленой Никаноровной кивнул головой и спросил:

– Мои способности – от тебя, мамушь, а у тебя от кого?

– Вот видишь, как ты умеешь осмысливать сказанное... молодец, Мура,... радуешь... А мои способности, скажу я тебе, тоже не мои.

– Разве и выше тебя кто-то есть? – удивился котик.

– Обязательно есть. Мне талант бог дал.

– Это кто?

– Это тот, кто меня сотворил и мне жизнь дал.

Мурлотик покрутил шерстяной головой. Видно это плохо укладывалось в его сознании, потому как он считал мамушку началом всех начал, а тут оказывается ещё кто-то есть.

– А насчёт Свистопляса я тебе так скажу, – продолжила Елена Никаноровна. – Ты, котик, запомни, он очень древний наш Свистопляс. Вы его берегите, это можно сказать семейная реликвия. Он старше нашего дома, улицы и даже целого города. Когда города и в помине не было, может быть даже и самой древнего поселения в наших местах – Увека, а Свистопляс уже был.

– Не понимаю, – сказал Мурлотик, – то говорите, что он ребёнок этот Свистопляс, а то уже древний? А, как же вы, мамушка, ему мать, когда его младше? Так не бывает. Он старше, а тебе сын? Это любой первоклассник знает. Дети старше родителей не бывают.

– Бывают, Мура,... бывают, – любовно проговорила мамушка. – Вот и наш Заступник. Он старше всех из вас, и меня старше, но младше Свистопляса.

– В мою голову это не вмещается, – сказал кот и пошевелил ушами, – это что-то очень философское. Я люблю пофилософствовать, но что говоришь – никак не вмещу.

Вместо ответа Елена Никаноровна только улыбнулась, проговорив:

– Дуня обещала Васеньку прислать, а чего-то всё нет...

Не успела она закончить фразы, как дверь, что ведёт в сени, открылась и в комнату ворвалась весёлая музыка, а вместе с звуками задорной музыки в комнату не вошёл, а буквально вкатился такой же маленький, не выше четверти от пола, вихрастый паренёк в до блеска начищенных хромовых сапогах и закружился посреди комнаты, растягивая меха Саратовской гармоники приплясывая и припевая:

С моей милкой сладу нет
Её любит мой сосед,
Я ведь тоже ничего,
Не смотри ты на него.

Пропев частушку, он пустился вприсядку, наигрывая и припевая.

Наша мамушка Елена

Взяла в руки два полена
Один точно для меня,
А другим побьёт тебя...

И он кивнул на Мурлотика. Это, понятно, был тот самый Васёк, разудалый гармонист и частушечник-прибауточник, сочиняющий свои припевки сразу и с ходу.

– Это за что же меня бить, тем более поленом, – запротестовал кот, – и потом наша мамушка совсем и не дерётся, она хорошая, а твоя припевка плохая и он обидчиво отвернулся.

Но гармонист и не стал оправдываться. Он лихо нажал на лады, рванул меха и прошёлся по кругу, выделявая коленца и припевая:

Не суди меня, Мурлотик,
Не суди меня родня,
До веселья я охотник,
Без гармошки же ни дня. У-у-у-х!

Он ещё сильнее растянул меха и вдруг ударил в колокольчики. Ах, как он играл...! Как играл!? Гармоника в его руках трепетала как живая и звуки, вылетая из этого, казалось, живого инструмента, летали по комнате, ища выхода и, наконец, устремились в печную трубу. Тотчас вылетели из неё, встрепенули воздух над крышами и разбудили придремавшего под вишней дворника Никиту. Тот открыл один глаз,

потом другой и проговорил ворчливо, но добродушно: «Хорошо играет, бестия». Слово «бестия» – у него в этом случае выступало как одобрительное и даже ласковое. И вообще дворник Никита был очень добрый и чувствительный человек, хотя с виду грубоватый и даже может показаться чёрствым. Он знал всех обитателей старого дома, по-своему заботился о них и они отвечали ему взаимностью.

– Растрогал до слёз, – проговорила, вытирая счастливые слёзы мамушка, умильно глядя на плясуна... – На славу удался. Не всё же грустить. Да он действительно мёртвого поднимет...

А Васятка решил выдавить из гармошки всё, что она может и не может и произвёл такие аккорды с колокольчиковым перебором, отчего казалось, что гармошка уже не выдержит и развалится на части, а гармонист под встряхивание кудрей залихватски вывел:

Мама Лена... мама Лена
Говоришь, что шас помру...
Я Саратовской гармошкой
Даже мёртвых подниму...

После последнего исполненного куплета, раздались аплодисменты. Оказывается, пока Васятка веселил мамушку, в комнату на звуки его разудалой музыки пришли Заступник, Дуняша и Пустолай. Заступник поставил в угол дубину с же-

лезными острыми набалдашинами, с которой он никогда не расставался и опёрся о косяк, скрестив руки на своей широкой груди, строго смотрел на Васятку.

Дуня смотрела на артиста влюблёнными глазами, а она действительно была влюблена в Васятку даже и без этой музыки. Пёс, Пустолай, же только одобрительно вилял хвостом и, пытаясь подпеть гармонисту, поскуливал.

Тут прибежали, сшибаясь лбами и подпрыгивая, овечка Смуглянка и козочка Белянка. Эти две неразлучницы и соперницы, до того были увлечены боданием, что по началу не слышали музыки. Они прибежали и замкнули круг. Не было только Свистопляса и Глини. Свистопляс, наверное, ещё не прорвал оборону противника, а Гуделка не проиграл ему победный марш.

Напоминаю, что Гуделка – это не новый персонаж, а тот же самый Глиня. У этого смекалистого, шустрого, невероятно ловкого, весёлого, удачливого малыша с самого рождения два имени. Гуделка – это по предназначению. Потому как малыш умеет очень красиво гудеть. Надует щёки и гудит, потому и Гуделка. А ещё он умел своим гудением наигрывать победный марш и другую строевую музыку. Музыка у него получалась, когда он зажимал поочередно то одни, то другие отверстия на животе, расположенные в два ряда, будто пуговицы на его комбинезончике. За мение наигрывать военную строевую музыку и ценил его Свистопляс. Сойдутся они с ним на чердаке под крышей и такие баталии разыгрывают,

да с имитацией барабанного боя и ударами сабель и копий, просто ужас. И не один ужас, а два. Один ужас означает – Ах, как интересно! А второй ужас означает – ой, как страшно! Эти-то звуки иногда и слышат около мамушкиного дома прохожие.

Но и это не всё. Это, можно сказать, даже не самое главное. Главное состоит в том, что Гуделка и Свистопляс – большие борцы за справедливость, правду и за здоровый образ жизни. Только борются они с несправедливостью по-своему, по свистоплясовски – очень серьёзно и очень наивно, потому все их начинания, кроме улыбки ничего не вызывают и их акции похожи на самую обыкновенную шалость. Хотя Свистопляс с Гуделкой так не считают. Они даже создали тайную организацию и назвали её «Лига борьбы за справедливость и порядок», сокращённо ЛБСП. Что это за такая тайная организация, которую создали друзья-товарищи я сказал только потому, чтобы вы сами, даже случайно, не задали им самим этого вопроса, потому как непременно наступите на их большую мозоль. Если чего-то не поняли, то спросите меня, рассказчика, а не инициаторов этого ноу-хау. Если же ненароком спросите их, то они вам такого наговорят, разумеется, перебивая друг друга, то, во-первых – будет ничего непонятно – это раз, и совсем будет ничего непонятно – это два. Я уж лучше вам сам как понял, так и объясню.

Гуделка и Свистопляс очень много спорили, когда встал вопрос о названии организации. Как они её только не назы-

вали, пытаясь вместить в название всё многообразие задач. Называли они её и «Щипцы», и «Стоматолог», и «Крючок». Наконец согласились, что организация должна называться просто, понятно и содержательно, потому и назвали её «ЛБСП». Как видите – коротко и со вкусом. Называя организацию, они имели в виду, что её члены должны подобно гвоздодёру вытаскивать из общества «ржавые гвозди» пьянства, табакокурения, нецензурщины и другие негативные человеческие пристрастия и слабости. Название «ЛБСП» предложил Свистопляс. Гуделка с ним согласился, но, тут же предложил буквенно уточнить направления деятельности, чтобы не было никаких разночтений. А вот тут я остановлюсь поподробнее и покажу обстоятельства этого переговорного процесса в лицах и деталях.

И так, Свистопляс и Гуделка находятся на чердаке дома и обсуждают животрепещущий вопрос:

Гуделка (сидит на старом письменном приборе с синим фломастером в руке, перед ним вырванный листок из ученической тетради). Я предлагаю записать слово «Справедливость», потому как борьба с несправедливостью есть фундамент нашей организации.

Свистопляс (поглаживает усы и бороду). Э-э-э, брат Гуделка. Это будет несправедливо. Не можем же мы ратовать за справедливость, а начинать дело с несправедливости.

Гуделка (недоумённо). Помилуй! В чём же несправедливость?

Свистопляс. А в том, что я тоже хотел предложить это слово, а ты меня опередил, пользуясь тем, что у тебя в руках этот пишущий пруттик и ты знаешь азбуку.

Гуделка (нервно). Так и говори своё слово, кто тебе мешает?

Свистопляс. Вот я и называю, а ты записывай,— и производит:— «Справед-ли-вость».

Гуделка (недоумевающая). Так я уже это слово написал?

Свистопляс. А ты ещё раз напиши, тебе что трудно!?

Гуделка (сердито). Это же безграмотно? (Пишет слово ещё раз, нервничает и прорывает фломастером тетрадный лист, бурчит). Как будто от этого справедливости больше станет, если я это слово два раза напишу?

Свистопляс (хитро). Зато будет справедливо.

Гуделка. Принимается. Тогда давай и слово «Разумность» запишем, потому, как мы стоим за разумную достаточность в потреблении.

Свистопляс. Это не обсуждается.

Гуделка. Пишу слово «Сплочённость». Ты как?

Свистопляс. Без сплочённости, мы ничто, в ней наша сила.

Гуделка. Я думаю сюда надо ещё «Сознательность» записать.

Свистопляс. Правильно. Вот я иду сегодня по двору. Его Никита с утра подмёл, а посреди двора уже бутылка из-под пива валяется. Так, где же сознательность? Выходит, мы к

каждому человеку должны Никиту с метлой приставлять. Где же мы этих Никит наберём и мётел тоже?

Свистопляс. Читай вслух, что у нас получилось из написанного?

Гуделка (читает): справедливость, справедливость, разумность, сплочённость; сознательность.

Свистопляс (умиляясь написанным). Красиво ка-ак! Может, брат Гуделка, каждому в квартиру повесить, а?.. и заживут люди счастливо.

Гуделка. Послушай! Что же это получается? Назвали организацию «Лига борьбы за справедливость и порядок», то есть ЛБСП, а если мы к абривиатуре ещё буквы добавим от новых слов, то, что же получится? абракадабра какая-то (ЛБСПССРСС), в этом даже мы не разберёмся. Давай прежнее название оставим, без добавлений, ЛБСП и всё, а новые буквы будем в уме держать.

Свистопляс. Так не годится. Пусть будет одно название праздничное, а другое – будничное. Будничное это – ЛБСП, а ЛБСПССРСС пусть будет названием праздничным или будет предназначено только для внутреннего употребления.

Гуделка. Ты не прав...

Я здесь не буду приводить их спор дословно, потому как он весь будет состоять из таких слов как «Ты не прав» и «Нет, это ты не прав». Спорили они спорили, а затем всё же согласились в главном, что основа основ их деятельности – учить людей жить по совести, потому как если жить только по зако-

ну, то люди, что без совести, тотчас насочиняют кучу бессовестных законов и им будут следовать и других к этому принуждать. Одним из главных зол они посчитали – роскошь и неразумное потребление, имея твёрдое убеждение в том, что разумная достаточность должна быть главным ориентиром в жизни людей. Правда, они такую философию не сами придумали, а почерпнули из рассуждений дворника Никиты, но это неважно, хорошее надо перенимать. Вот такой вышел с названиями коленкор.

Штаб-квартира, понятно, у друзей была на чердаке. Дымоходная труба служила им доской объявлений. На этой трубе они синим фломастером писали для самих себя разные объявления, которые и читали тоже сами и строго друг за другом следили и проверяли, чтоб каждый обязательно прочитал, что там написано. Встретит, например, Свистопляс Гуделку и спрашивает: «А читал ты, друг-Свистопляс, объявление на трубе?». «А как же, – отвечает Свистопляс, – как прохожу мимо, так как не прочесть, раз написано». «То-то, – одобрительно говорит Гуделка, я тоже почитываю».

Таким образом, вы уже поняли, что чердак для друзей был и штаб-квартирой, и местом размышлений, и полигоном, где они оттачивали боевое искусство, готовясь к сражениям с предполагаемым противником. А ещё у них была тетрадь, спрятанная в старом кирзовом сапоге, в которой они записывали все акции справедливости, которые им удалось совершить. В ней друзья намечали и планы на будущее.

Понятно, как и в каждой приличной организации у них составлен строгий график мероприятий. На печную трубу под крышей они повесили расписание своей деятельности и строго этому расписанию следовали. И только одно разногласие было между её организаторами. Они не знали, какой свою организацию считать: подпольной или подкрышной. Гуделка настаивал на том, что их тайная организация – есть организация подпольная, а Свистопляс был не согласен и считал её подкрышной, так как они находились под самой крышей, а не в подполье. В общем, это мелкие разногласия, они не в счёт, так как во всём остальном друзья были едины и неколебимы.

Почти все обитатели мамушкиного дома подшучивали над ними, кроме Катерины. А, впрочем, вот и она... В комнату входит Катерина с подносом в руках, на котором пышет жаром большой румяный калач. Замечу, что Катерина ростом разве только чуточку повыше Дуни, но дороднее.

– Люблю саратовские калачи, – проговорил, облизываясь, кот, занимая место за столом, повязывая под горло салфетку и вооружаясь вилкой.

Васятка же, увидев, входящую с калачом Катерину, пошёл ей навстречу, наигрывая что-то приветственное и припевая:

Мне жениться захотелось

Ну, ни встать, скажу, ни лечь,

Я жену найду такую

Чтоб калач умела печь...

Дуня, услышав частушку, смутилась. Катерина, была уже женщиной не молодой, но и то, услышав припевку, зарделась и, поставив калач на середину стола и поклонившись в пояс, прижав руку к груди, сказала:

– Прошу, мои дорогие к столу. А ты, прохвост, уже за столом? – нахмурила она брови и строго посмотрела на Мурлотика.

– Я не прохвост, – сказал кот, – я просто сообразительный, а хвост у меня действительно есть, хотя и кроме меня в нашем доме тоже некоторые не лишены этого украшения, который, кстати, придаёт котам элегантность и законченность формы. Правда, Смуглянка? – обратился он к овечке.

– Совершенно верно, – проговорила Смуглянка и добавила, – только это к Белянке не относится, потому что у неё хвостик крохотный и торчком. Эта не хвостик, а насмешка. Хи-хи-хи...

Белянка не могла вынести такой иронии и тут же наставила на Смуглянку свои маленькие рожки. Бац! – раздался хлопок, это овечка Смуглянка и козочка Белянка стукнулись лбами.

– Да вы хоть за столом не бодайтесь, – проговорил Заступник, – нашли место. Выйдите в чисто поле и меряйте силу и ловкость, как все честные и славные воины делают. В нашем богатырском сословии так заведено...

– Да им лишь бы лбы почесать, – заметила, улыбаясь, Дуня. – Они не по правде бодаются, а понарошку, так, мамушь? – обратилась она к Елене Никаноровне.

– Шалунишки они, – проговорила Елена Никаноровна.

– Давайте пододвинем стол к мамушиной кровати, – сказала Катерина, – будет, вроде мы все вместе за столом сидим, как всегда, правда?

– И то верно, – проговорил Заступник и одним движением руки пододвинул стол к кровати мамушки.

– Предупреждать надо, – сердито проговорил Мурлотик, запрыгивая на стол и вместе со столом переезжая на новое место.

– Наклонись ко мне, Дуняш, – сказала Елена Никаноровна, – что спрошу? Дуня наклонилась к старушке и та, взглядом указывая на Васятку, спросила, – любишь его?

– Очень, – сказала девушка и покраснела. – Только он на меня никакого внимания не обращает, ему лишь бы на гармошке играть, да в веселье беззаботном жизнь проводить... Почему так?

– Это, Дуняш, потому, что не успела я из него настоящую игрушку сделать, не рассчитала своих сил. Остался он без обжига. Жизненный обжиг – он каждому требуется, от него мозги на место встают и правильно работать начинают.

– А как же Белянка и Смуглянка необожженные?

– Они были задуманы так. Им обжиг не нужен.

– Что ж, Вася такой и останется ни туда, ни сюда на всю

жизнь? – горестно спросила Дуня.

– Ты, Дуняш, не беспокойся, вот его жизнь опалит и будет он голубок самостоятельный, а не вертопрах. Ты жди, Дуня, ... всё образуется.

Дуня поклонилась мамушке и отошла в сторону.

Только успели рассесться, как в комнату ввалился Свистопляс с Гуделкой на спине. Свистопляс шёл весело помахивая кудрявым лошадиным хвостом и перестукивая копытами. Он нёс в руках трезубец, а мальчишка держал его щит. Свистопляс улыбался во весь рот и включенная борода его, говорила о том, что сражение удалось на славу.

– Так не честно, надо всех звать! – громко проговорил со спины Свистопляса Гуделка.

– А где вы шляетесь, мои дорогие?! – спросила Дуня.

– Всем известно, что мы стережём границы нашего государства... , то есть двора... , то есть дома, – смутившись, проговорил Свистопляс.

– То есть чердака, – вставила Дуня.

– А ты что делал? – спросил Мурлотик Гуделку.

– Как что? – удивился мальчишка. – Так, я же брату Свистоплясу помогал.

– Один ничего не делал, а другой ему помогал, – проговорил Пустолай, – здорово у вас получается.

– Игра это тоже очень большое дело, только если в правильные игры играть, – заметила старушка.

– А какие это, правильные? – спросил Пустолай.

– А такие, – сказала Дуня, – вот ты зачем на воробья на заборе полчаса лаял, а он на тебя ноль внимания? – спросила она Пустолая.

– И что тут неправильного? – удивился пёс, – я отрабатывал технику лая. А воробей – это так, как боксёрская груша, не лаять же мне в пустоту. Потом, этот воробей – Крошкин, мой старый знакомец, попозировал немного. Художникам всегда кто-нибудь позирует.

А ты разве художник?

– Это смотря в чём, если в лае, то – да.

– Ты смотри, чтоб твой Крошкин нашего Федю не склевал, – вечно во дворе отирается, то же мне – позёр, – укоризненно вставила Катерина.

– Вот-вот, – увидев поддержку, накинулась на пса Дуня. – Смотри-ка... художник нашёлся, ты должен охранять вверенную тебе территорию, по запаху врага чують, – заметила Дуня.

– Воров даже очень хорошо чую, – сказал Пустолай. – Вот недавно нас решили ограбить. Пришли двое подростков, зашли за наш сарай, оторвали доску и залезли. Я сразу учуял и вцепился в штанину маленькому, это он в сарае шастал, а Мурлотик сиганул на него сверху. Спасибо, брат Мурлотик, помог, а то бы мне туго пришлось.

– Это мне бы туго пришлось, если б ты не помог, – парировал Мурлотик.

– Здесь вы молодцы, – сказал Свистопляс, – только это

видимый враг, а мы с Гуделкой боремся с врагами скрытными, то есть невидимыми или почти невидимыми.

– Как это? – удивилась Дуня.

– Мы, например, сегодня вели борьбу с вещизмом. У нас так в графике и записано: «Борьба с потребленчеством».

– Это что, с барона Мюнхгаузена пример берёте? – заметил Заступник, – Может быть вы и войну Англии объявите?

– А почему бы и нет, – парировал Гуделка, – Хорошие примеры надо перенимать. Потребительством заражён почти весь мир и Англия в том числе. И если мы объявили войну потребительству, то и Англия в этот список войдёт, если не вошла ещё. Кто не по уму ест, пьёт и одевается, все будут там.

– Как это «не по уму?» – спросил Пустолай.

– Очень просто. – Вот у тебя, брат Пустолай, шуба есть?

– Я без неё просто не могу, – не понимая, куда клонит Гуделка, проговорил Пустолай.

– А ты бы хотел иметь ещё одну такую шубу? – хитро спросил Гуделка.

– Зачем она мне? – недоумённо ответил Пустолай. – Ты чё, шутишь?

– Я не шучу, – заметил Гуделка, – а вот находятся «шутники», которые желают иметь много таких шуб как у тебя и это для одного. Ты подумай об этом на досуге...

– Зачем они нужны, меня, слава богу, одна шуба и греет, и от зноя спасает, и постелью служит, да ей сноса нет, её на

всю жизнь хватит, тут и думать нечего.

– Э-э-э, брат Пустолай! Как ты далеко отстал от жизни и «прогресса», – поглядывая на окружающих, проговорил с хитрецей в голосе Гуделка.

– Это почему же я отстал?

– А потому, что продвинутые псы имеют несколько таких шуб, – и Гуделка стал на руке загибать пальцы. – На прогулку идти – одна шуба, на воробья лаять – другая шуба, – с миски еду лакать – третья, в гости к Мурлотнику, например, идти – четвёртая...

– Ты говори, да не заговаривайся, – перебил Гуделку Пустолай. – Зачем мне ворох этих шуб, мне их и деть некуда... да и потом, если в каждой блохи будут водиться и все голодные, аки волки??...

– А ты, про блох не думай, а лучше для этих шуб дом построй, – усмехаясь посоветовал Гуделка, горничную найми, чтоб блох из твоих шуб гоняла.

– Это что же, – не понимая куда клонит Гуделка, упорствовал Пустолай, – это даже ни с чем не сообразуется, правда, мамушь? – обратился он к Елене Никаноровне. – Ты ведь нас всегда учила довольствоваться малым, делиться с неимущими, а он что говорит – десять шуб иметь, да ещё для них отдельную конуру построить... Ты что, Гуделка! С ума сошёл?

– Я то, не сошёл, – заметил Гуделка, – и Свистопляс не сошёл, и мамушка правильно нас воспитывала, а вот за на-

шим забором у людей столько шуб и прочих вещей образовалось, что в одной конуре не помещаются, и они всё новые и новые дома для них строят.

– Они что, с ума посходили? – недоумённо спросил пёс Пустолой. – Не знаю как у людей, а у нас бы давно ветеринарный карантин установили...

– Правильно, Пустолоюшка, – заметил Гуделка, – видишь и до тебя наконец-то дошло..., умница, правильно мыслишь. А мы что с Свистоплясом делаем? Мы помогаем людям бороться с ужасным заболеванием, типа шизофрении, когда, сколько не имей – всё мало кажется и хочется больше и больше, поэтому, и объявили войну... этой болезни. Что сделаешь, уважаемый, Англия тоже входит в карантинную зону и Америка. По-хорошему, согласно ветеринарных норм и правил, эти страны надо колючей проволокой огораживать, тамбур при входе делать с обязательной дезинфекцией, чтоб болезнь дальше не распространялась, на другие страны.

– Так, у Мюнхгаузена там же сплошная гипербола... преувеличение значит! – проговорил Заступник и посмотрел по сторонам, ища поддержки.

– Интересно и как это вы боритесь с вещизмом? – спросила серьёзно Катерина.

– А очень просто... смотрим на бельевую верёвку и если там не три, а пять платьев висит, то два экспромприруем.

– Не «экспромприруем», а «эскпроприруем», грамотеи... Вы хоть знаете, что означает это слово? – сказала и

сдвинула брови Дуня.

– Так это же воровство... – возмутилась Катерина. – И куда же вы их деваете?

– Свистопляс их просто прокалывает трезубцем.

– Значит не воруете, а просто портите!?

– Если без идеи и для себя, то воровство или хулиганство, а если ради идеи, то это акция, – сказал с напыщенной важностью Глиня,

– Я вам покажу акцию... – погрозила пальцем Дуня.

– Дайте же им поесть, – проговорила мамушка, – набросились. Вот поедят и спрашивайте на здоровье. Они вам про все свои подвиги и расскажут. Что было и какие наперёд запланированы.

– Правильно, – сказал Гуделка, – он сел за стол и придвинул к себе калач.

– Так не годится! – хором проговорили Смуглянка и Белянка. – Ты, Глиня, обнаглел. – Они сразу забыли про свои споры и дружно потянули калач к себе.

– Дайте я его рассеку, – сказал Заступник и потянул из ножен богатырский меч. Он не терпел несправедливости. И всегда во всех спорах его слово было самое веское.

– Калач ножом разрезают, а не мечом секут, – сказал Пустолай. – Катерина, ты сделаешь это лучше всех.

Заступник смутился и спрятал меч в ножны.

Катерина взяла нож и разрешила калач на одиннадцать равных частей. Первый кусок дали Елене Никаноровне. Та при-

слонила кусок калача к лицу и стала вдыхать его запах.

– Мамушь, ешьте, – попотчевала Катерина.

– Чудесный запах. – Сказала старушка. – Цветы прекрасно пахнут, духи всякие, а вот лучше хлеба ничего не пахнет. Его запах за сердце берёт, а те запахи только в нос шибают.

К калачу сразу потянулись все сидящие за столом.

– Так куда ты со своими вилами лезешь! – озлился на Свистопляса Пустолай, – все как люди, а ты?

Свистопляс действительно в это время пытался на трезубец нанизать кусок калача.

– Это не вилы, а трезубец, – поправил его Свистопляс, – боевое оружие, между прочим.

– Вот и скачи со своим оружием где угодно, а то сядут за стол и копыта на стол.

– У меня, как у всякого уважающего себя кентавра, копыта под столом и хвост тоже, а чтоб калач откусать у меня и руки есть, а не то, что у некоторых.

– Это ты на что, на мои лапы намекаешь!?! – озлился Пустолай.

– Ни на что я не намекаю... И потом, братец Пустолай, я попросил бы уважать мои седины.

– Ой! Ой!... Только вот этого не надо,.. древность твоя на воде трезубцем писана, у нас у всех одна мама, зовут её – Лена и родились мы все совсем недавно. Нашей мамушке 101 год, значит самому старому из нас не более девяноста годов, если учесть, что она кого-то слепила в десятилетнем

возрасте.

– Где это видано, чтобы кентавру сто лет было?!– сказал Заступник. – Историю надо знать господа хорошие.

– А что, меньше? – спросил Мурлотик, – я так и знал... – желая этим обострить разговор.

– Не меньше, а больше, – поправил его Заступник.

– Правильно, брат Заступник, – проговорил сердито Сви-стопляс, – правильно что за меня заступился, а тебя я, Мурлотик, как лягну копытом, будешь знать, усатая скотина. Кентавр, даже если он только что родился, всё равно старше всех по определению.

– Скажите на милость, кто же это определил?.. – изумился кот.

– История определила... А тебе, как вижу, история не указ!

– Если уж кто и скотина, так это ты, – возразил кот. – Ты хоть на себя в зеркало когда-нибудь смотрел? Половина у тебя от лошади, а другая от человека..., хи... хи.

– Это что же такое? – возмутился Сви-стопляс, – чего это он издёвки строит. Я что ли в этом виноват? Правда, мамушь?

Следя за перебранкой, старушка глубоко вздохнула и проговорила спокойно и твёрдо:

– Слушайте мой последний наказ дети мои. – Все притихли. – Мне уже совсем ничего осталось, – и она посмотрела на опускающуюся гирьку часов, – вы останетесь жить одни.

Будьте умненькими, не ссорьтесь. Вы все братья и сёстры и не кичитесь ни седиными, ни силой, ни ловкостью, ни обонянием, ни зоркостью глаз, ни цепкостью, ни быстротой. Каждый из вас имеет в жизни свои особенности и способности, но у всех у вас одно предназначение – дарить детям радость и учить их жить, а взрослым людям помогать избавляться от прилипшей к их душам скверны, не забываяте об этом. Живите в мире и согласии. Это вы сейчас наскაკиваете друг на друга и ершитесь, а вот придёт лихое время, нагрянет беда, так роднее вас никого в целом свете не будет. Вы уж мне поверьте. – Она замолчала.

– Мамушь, расскажи сказку..., – тянет Глиняша.

– Не приставай к мамушке, – сердито посмотрела на Глиню Катерина.

– Не одёргивайте его, – сказала старушка, – он маленький. – Она немного помолчала, а потом проговорила: – Я расскажу, дети мои, вам сказку, – и погладила Глиню по головке. – Эта сказка для вас всех и для тех кто помладше и для тех, кто постарше. – Она помолчала и, собравшись с мыслями, начала говорить:

– Давным-давно жил в окрестных лесах отшельник.

– А кто такой отшельник? – спросил Глиня.

– Отшельником называют человека, который ведёт уединённый образ жизни, вдалеке от людей. Понял? – Глиня понимающе кивнул. – Так вот жил этот отшельник в лесу в самом глухом месте среди высоких деревьев и диких трав. Бы-

ла у него там избушка махонькая на одно оконце, да высокое крылечко. А чем он занимался, спросите меня? – так молился богу и в свободное от молитв время лепил из глины игрушки и ставил их край просёлочных дорог и троп. И кто такую игрушку из людей находил, то вместе с игрушкой получал дар.

– Какой дар? – спросил Гуделка. Он любил сказки и смотрел мамушке буквально в рот.

– Так, если кто находил дикого вепря, то становился охотником и была ему всегда в охоте удача. – Продолжала говорить старушка. – Если кто находил глиняных домашних животных, то становился скотоводом, а если находил такого мальчика как ты, то быть значит тому, кто нашёл, игрушечником.

– А ты, мамушь, глиняного мальчика нашла, такого как я, да?

– Не перебивай мамушку, – урезонил Гуделку Мурлотик.

– И вот однажды слепил отшельник двух диких страшных зверей, которых люди не видывали и даже голоса их не слышали, – продолжила рассказ Елена Никаноровна. – И были эти звери лохматы, зубаты и поскокаты. И велел отшельник этим зверям являться только неправедным людям. И беда была тем, кто их встречал, видно человек этот был несправимый и закоренелый во зле. Бежит этот человек прочь от страшной находки, да убежать не может. Ибо оживают глиняные звери, становятся больше волка и вепря. Бежит чело-

век и слышит за собой шум лап и стук больших когтей и ужас обнимает бегущего, не спасут его ни стены толстые, ни заборы высокие, ни решётки на окнах кованые.

– А зачем они показываются людям? – спросил Гуделка.

– А затем, что может быть устрашаться неправедники и встанут на путь исправления, упадут на колени и от всей души раскаются в злых делах. Только они не сразу к человеку подступают, а вначале они этому человеку голос подают, а затем уж и себя показывают. А если и после этого человек творит неправду, то приходят они к нему и их приход для того человека страшен.

– Чем же страшен, а? – теребит старушку Глия. Он среди всех самый впечатлительный и потому смотрит на мамушку широко открытыми не мигающими глазами. Жмётся Глия к Дуне, а у самого слёзы на глаза наворачиваются.

– Ты что?.. испугался?.. – спрашивает Дуня, чмокая Глию в затылок.

– Нет, не испугался. Просто человека жалко.

– Сердечко у тебя мягкое, – говорит мамушка, – что ж ты его жалеешь, когда он сам себя не жалеет, потому как зло и неправду творит?

– Всё равно жалко, – всхлипывает Глия. – Он хоть и закоренелый неправедник, так всё равно по образу и подобию божьему создан, сама рассказывала, потому и жалко.

– А если звери хорошему человеку случайно встретятся, то тогда как? – спросил Пустолай.

Мамушка улыбнулась.

– А хороших людей они никогда не трогают и даже им помогают, но так, что человек и не знает, кто ему помог?

– Что? И добрые, и злые их голос могут слышать? – не унимался Глиня.

– Могут, – ответила мамушка, – только каждый его по-своему воспринимает. Недобрый человек со страхом и трепетанием в душе, а добрый – как знак божий.

– К чему же знак то? – спросил, начав пугаться Глиня.

– Знак этот может быть и предупреждением, и назиданием, а то и поддержкой. Всякому своё.

– Вот бы мне этих зверей увидеть... – проговорил Мурлотик.

– Что ты..., деточка..., что ты! Испуганно сказала старушка. Не надо об этом и думать.

– А что люди делали, когда другие игрушки находили? – спросил Свистопляс. Он внимательно слушал мамушкину сказку и тоже находился под большим впечатлением от услышанного.

– «Что делали?» – спрашиваешь. Как найдут, так обнимают их, целуют, несут в селение, поднимают над головой, чтобы всем было видно и говорят: «Смотрите чего мы нашли... Будет теперь радость в нашем доме...». И бегут к ним люди, и смотрят на находку. И тот, кто радуется с нашедшими, то и его дом не остаётся пуст, ибо отступают от них невзгоды и болезни, потому как сорадуются души чистые и открытые и

радость их совершенна, а тот, кто завидует в душе, а внешне радуется, то радость его показная, не настоящая. Учитесь, дети мои, разделять чужую радость и горе, вот мой вам наказ.

– Я устала, – проговорила старушка ослабевшим голосом, откинувшись на подушку и прикрыла глаза. Все на цыпочках потихоньку встали и стали выходить в соседнюю комнату, даже кентавр-Свистопляс при этом умудрился не стучать копытами. Один только Васёк хотел растянуть гармошку, но на него так шикнул Заступник, что он опять повесил гармонику на плечо. Мурлотик же, повернувшись к Дуне, спросил: «Свет выключить?».

– Сам знаешь, – сказала Дуня.

Кот быстро вскарабкался по косяку, дотянулся до выключателя и нажал кнопку – электрическая лампочка погасла.

После того, как все вышли и мамушка осталась одна, в комнате стало так тихо, что даже за печкой сверчок, привыкший к разговорам, присмирел и уже не почёсывал своих музыкальных лапок, а только водил усами. В этот момент, когда всё успокоилось и наступила тишина, в этой, объявшей комнату тишине и сумеречности вдруг послышался осторожный скрип. Это у печи скрипнул изразец с изображением зверя. Затем изразец пошевелился и из него, вытянув лапу и вытащив голову вылез некто. Этот некто отделился от изразца, стал расти, расти и вскоре превратился в большого невидан-

ного страшного зверя. Зверь втянул в себя воздух и принялся. Затем по стене к мамушкиной кровати скользнула его тень. Вот тень остановилась. На стене тень походила на большое лохматое тёмное пятно с львиными ушами и клыкастой пастью, но это был не лев. Большой, страшный зверь с лохматой гривой и большими светящимися как два оранжевых блюда, глазами подошёл к постели умирающей и обнюхал мамушкино лицо, как бы желая понять, жива она или уже нет.

– А-а-а... это ты, собиратель. Жива, я, милый..., жива, – проговорила Елена Никаноровна чуть слышно и, подняв руку, опустила её на широкий лоб зверя. – Как же я могу умереть, не попрощавшись с тобой. – В ответ зверь лизнул мамушкину руку и сел около кровати на задние лапы. – Я думала о тебе, – продолжила говорить старушка, – Я хотела передать своё мастерство добрым людям, особенно детям, но видно не судьба. Ты тоже не нашёл никого из людей, кто бы мог этим заняться? – спросила она зверя.

Зверь в ответ отрицательно покачал лохматой головой. Он видимо понимал человеческую речь, и старушка знала, что он понимает её, но только зверь не говорил, возможно, он не хотел мешать Елене Никаноровне высказаться в этот последний час.

– Храни тебя бог, – сказала мамушка. – Правду отшельник говорил, что всему свои сроки. – Тут ей стало трудно говорить, и она замолчала.

– Я буду стеречь твой дом, когда в нём уже никого, никого не будет, – проговорил зверь человеческим голосом похожим на скрип большого дерева.

– Этого не требуется, – поспешно сказала Елена Никаноровна, – будь свободен; пока я жива, то никому не нужна, кроме моих деток, то разве что изменится после смерти. Уходи... Скоро сюда придут страшные люди и не оставят здесь камня на камне... Спасибо тебе, милый, послужил. Передай отшельнику от меня спасибо, что не забыл старую игрушечницу. А теперь, собиратель, посиди ещё чуток и когда дыхание моё остановится, закрой мои глаза и ступай. Да, кстати, а брат твой, хранитель, не возвратился из дальних стран? уже должен быть здесь. – Спросила мамушка, – что-то его изразец недвижим?

– Этого никто не знает, – проговорил зверь и лёг около мамушкиной кровати на полу, положив косматую голову на передние лапы и прикрыв глаза.

– Ты собиратель, – сказала старушка почти шёпотом, твоя задача собрать всё, что осталось от сделанного умельцами, как повелел тебе отшельник, и передать собранное хранителю.

– Я помню об этом, – промолвил зверь. – Я много чего в его отсутствие успел. Огромная пещера, скрытая в Соколовой горе от человеческого глаза, заполнена; в ней не хватает только твоих изделий. Я сделаю всё, что мне поручено.

– Жди хранителя, – прошептала старушка. Больше Елена

Никаноровна не сказала ни слова.

Ночью старушки не стало, гирька опустилась до пола и старая добрая игрушечница, умерла. И люди в окрестностях, аж до самого Сенного базара, слышали полный горести громкий звериный рык. От этого рыка взлетели с карнизов, близ находившейся церкви, в ночное небо испугавшиеся голуби. Звуковая волна от рычания достигла колоколов на звоннице, ударились о них и те отозвались тихим одновременным гулом. Прснувшийся звонарь, выглянул в окно и, взглянув на часы, перекрестился, лёг на другой бок и сказав только одно слово «почудилось», уснул, а дворник Никита, ночевавший во дворе под вишней, вдруг сел, покрутил влажмаченой головой, прогоняя остатки дрёмы, поскрябал бороду, подошёл к калитке, выглянул на улицу, думая, что просигналила какая-то большая машина, но ничего не увидев, снова лёг под вишню.

От этого рыка проснулся и вошёл в комнату мамушки мальчик Глиня. В комнате никого не было. Глиня стоял рядом с кроватью и не понимал, почему мамушка не шевелится и не гладит его рукой по голове. Он даже не заметил, как прямо к изголовью умершей спустился на паутинке паук Федя. Мы о нём уже упоминали, когда говорили о воробье Крошкине. Федя повисел над Еленой Никаноровной, погладил двумя паучиными ножками мальчика Глиню по голове и глубоко и горестно вздохнув, медленно, перебирая лапками по паутинке, стал подниматься к потолку. Ножки его сколь-

зили, так как паутинка была мокрой от горьких паучьих слёз.

Я думаю, что ты читатель, уже догадался, что всё многочисленное семейство старого дома по Большой Горной улице были игрушки. И были они сделаны из самой обыкновенной глины, которую Елена Никаноровна хранила в сарае в больших ларях. На эту-то глину и наткнулся в потёмках Муха.

Ах! Если бы знал Пал Палыч, что Леня Пегасов принёс ему на экспертизу именно глину из сарая, когда-то известной и забытой игрушечницы. Если бы он знал, что именно в этот дом завозили его в детстве к дальней родственнице попить воды? Если бы он это знал! Впрочем, кажется, он стал о чём-то догадываться.

Глава 7. Непризнанная болезнь

На следующий день, после обеда, к дому, крытому красной черепицей, на Большой Горной подъехала машина с крупной надписью «РИТУАЛ». Из неё вышли одетые в чёрное сотрудники похоронной фирмы, положили Елену Никаноровну в гроб и унесли. Сторож Никита ещё походил немного по горнице старого дома, поскрипел половицами, похмыкал, поглядел на испуганных глиняшек и сказал: «Вот мы и осиротели... Нет вашей мамушки..., нет моего лучшего друга... То-то и оно... Что теперь со всем этим будет? – Он помолчал и добавил, – Просил меня один господин, вроде добрый, позвонить, когда Никаноровна преставится. Дом этот он намеревается купить, отремонтировать. Я его попро-

шу, чтоб вас не забыл...».

Никита ещё немножко посидел, взял молоток и пошёл забивать гвоздями ставни.

Как только Никита заколотил ставни и в доме образовался полумрак, игрушки сразу зашевелились, слышались вздохи. Обитатели старого дома под черепичной крышей без Елены Никаноровны сразу почувствовали своё одиночество и беспомощность. Они ходили по комнатам, не зная чем себя занять. Каждый думал о своём, но вместе, если соединить их разрозненные мысли, они думали об одном и том же – «что будет?». Свистопляс тыкал трезубцем в стык между половицами, бороться с недугами человечества ему как-то не хотелось. Пустолай подошёл к двери в сенях, поцарапал её лапой, но дверь была плотно закрыта дворником, выйти во двор было нельзя. Мурлотик лежал с закрытыми глазами, но не спал и даже не дремал, просто, лёжа с закрытыми глазами, ему удобнее было отдаваться своим философским размышлениям. Овечка и козочка присмирели и не стукались лбами, а отрешённо смотрели на Заступника, который ходил взад и вперёд по столу, держа на плече дубину. И если бы он не ходил взад и вперёд, то наверняка бы расплакался. Откровенно плакали, обняв друг друга руками, только двое – Дуня и Катерина. Их лица были мокры от слёз. Куда-то подевалась весёлость Васи. Он сидел на маленькой скамеечке, сделанной специально для него, чтобы было удобно играть, но не играл, а только нажимал на клавиши, да теребил рем-

ни гармошки.

Через некоторое время за окном раздался звук подъезжающего автомобиля, послышались голоса, заскрипели ступеньки крыльца, щёлкнул замок. Игрушки быстро спрятались за зеркальные половинки трельяжа, занавешенные, как и полагается в случае покойника в доме, материей и стали оттуда наблюдать за происходящим.

В комнату вошёл Никита, он щёлкнул электровыключателем, комната осветилась и игрушки увидели маленького жирненького господинчика с круглой головой, мясистыми ушами, двойным подбородком и смеющимся, одним, видным игрушкам, глазом. Господинчик стоял к игрушкам боком «Добрячэк» – подумали разом игрушки, подсматривая за вошедшими. Вслед за добрячком в комнату вошла длинноногая молодая девица с синими волосами и выражением удивления на хорошеньком личике.

Глядя на маленького добренького господинчика и на девицу с приятным выражением лица, у игрушек немного отлегло от сердца. «Этот добрячэк не сделает нам ничего худого, – подумали они, – и «Барби» (так они прозвали синеволосую милашку), очень даже прелестное существо и тоже не сделает нам ничего худого». И они уже хотели выйти из-за трельяжа, как вдруг миленькая барышня увидела паука. Это был, уже известный нам, паук Федя. Федя спускался с потолочины, чтобы посмотреть, что за люди пришли в дом и как ему к этому относиться? Особенно ему хотелось рас-

смотреть красивую молодую женщину с синими волосами, потому как он за свою долгую жизнь в доме Елены Никаноровны никогда не видел синих волос и потому он спускался прямо к ней, а точнее к её синим волосам, чтобы поближе их рассмотреть. И это желание в Феде было столь сильно, что он забыл про присущую паукам осторожность.

Мамушка знала Федю, и Федя её знал и потому никогда не развешивал паутину на видном месте, чтобы не досаждать хозяйке и не заставлять её снимать паутину веником. Это была негласная договорённость и обе стороны её неукоснительно соблюдали, поэтому Федю можно назвать пауком очень деликатным. Феде, конечно, очень хотелось дотронуться до синей волосинки хоть одной лапкой, ну хоть самый чуток и потому он спускался всё ниже и ниже, пока не повис на паутинке напротив синей чёлки.

– Ах! Что это за гадость!!! – вскричала девица, увидев Федю и её хорошенькое личико, вдруг исказилось в брезгливой гримасе, которая одновременно выражала испуг, презрение, возмущение и гадливость, густо замешанные на нескрываемой возмущённой злости.

Ах, уж эта возмущённая злость, как она искажает лица! Делает их безобразными и в этом безобразии отталкивающими. Как правило, эту злость, у большинства людей, первыми проявляют и выказывают глаза. Они загораются нестерпимым огнём ярости. Так происходит у многих людей, но только не у этой Барби. Взгляд её стал отчуждённо ледяным.

От этого взгляда будто тысячи снежных игл пронзили горницу. Паук Федя тотчас решил убраться подальше и быстро, ... быстро заработал всеми ножками, поднимаясь к потолку, где в выпавшем сучке у него был устроен очень приличный домик.

Игрушки, таким изменением в синеволосой, были просто ошарашены. Взгляд её был высокомерен, поза вызывающая, мимика презрительная.

– Что здесь смотреть, – сказала Барби, сморщив носик, – обыкновенный хлам. Неужели, милый, ты этот дом собираешься ремонтировать? Это не формат. Он же от древности провонял пауками и тараканами. А может быть в нём даже водятся клопы?... Это ужасно, дорогой. Говорят, клопы могут столетиями пребывать во сне, а потом, при благоприятных условиях, просыпаться, бегать и кусать. Это ужасно. Тут дурно пахнет, – и она зажала носик пальчиками.

Слово «Не формат» эта особа употребляла в каждом случае, если она хотела отстоять своё мнение и при этом не показаться обыкновенной симпатичной глупышкой.

– «От этой Барби добра не жди», – разом подумали игрушки, втискиваясь подальше за трельяж и стараясь не попасться ей на глаза.

– Хорошо, Зинуля, я не буду ремонтировать это старьё, мы его снесём, а на его месте выстроим коттедж. Ты довольна, милая? – Уступчиво проговорил добрячёк, явно не желая спорить с синеволосой.

– «Добрый, но подкаблучник», – подумала Катерина, наблюдая за сценой в доме.

– Как же так, – сказал недоумённо дворник, – вы же говорили, что будете ремонтировать? В таком разе я бы и дел никаких с вами не имел, и деньги ваши мне не нужны...

– Он тебе говорил это для того, чтобы ты караулил дом, берёзовый пень, а не для того, чтобы задавал сейчас глупые вопросы, – взвизгнула Зина, повернувшись к дворнику Никите, и вперив в него мышинные глазки.

– Да,.. да, разумеется, – проговорил толстячок и вдруг игрушки увидели, что у «добрячка» один, левый глаз совсем добрый, а другой, правый – совсем, совсем злой. И когда он стоял к глиняшкам левым боком, то казался очаровательно добрым и милым, а когда поворачивался правым боком, то игрушки старались на него не смотреть, потому, как им было страшно. «Злюнчик» – подумали они разом.

Конечно, Барби-Зина очень рассердилась, увидев в непосредственной близости от своего носа серенькое волосатое брюшко Феде. И тут в гневе она увидела высунувшуюся из-за трельяжа часть Дуниного платья и трезубец Свистопляса. Барби-Зина подошла к трельяжу и со словами, – «кто же здесь прячется?», вытянула сначала из укрытия Свистопляса, рассмотрела, близоруко приблизив его к кукольному личику, и со словами: «Уродина» и «Тьфу», отложила горемычного в сторону, а вот Дуню стала с интересом оглядывать со всех сторон.

– Ах, какая милашка, – проговорила она. – У этой старушечки был не дурной вкус.

– Оставь, Зина, ... ну что ты, право, как маленькая.

– Да нет, ты посмотри на эту кукленцию, Фома Фомич! Не будь букой – обратилась она к «добрячку». – Может быть возьмём?.. забавненькая штукенция... (разумеется глиняшки слово «добрячѣк» уже воспринимали в отрицательном смысле, то есть «Злюнчик») И если они в дальнейшем и проносят слово «Добрячѣк», то с прямопротивоположным пониманием его значения).

– Гм... Интересная поделка, – проговорил «добрячѣк», названный синеволосой Фомой Фомичѣм. – Надо показать Эдуарду Аркадьевичу, он специалист, возможно, всё это и представляет какую-то ценность?

– Я возьму? – сказала синеволосая.

– Сейчас, Зина, ничего не бери, вот приедем с подрядчиком, тогда.

– Хорошо, милый, – и синеволосая, поставив Дуню на стол, вытерла носовым платочком кончики пальцев.

Потом «добрячѣк» и синеволосая девица уехали, пообещав Никите приехать с подрядчиком и окончательно решить судьбу дома. После их отъезда, Никита запер дверь и ушёл, ворча под нос: «Люди жили, жили, и на тебе, ломать. Этот дом ещё сто лет простоит и не покосится. Ошалели. Истинно ошалели. Вон сколько в городе негодящих построек, сноси не хочу, а они крепкий ещё дом на снос... Для них он, видите

ли, не формат. Вот людишки-человечишки. Слово-то придумали... «не формат»... тьфу... вот гад-паразит. Эх, грехи наши тяжкие, – и он отправился на своё излюбленное место под вишню. Устроившись под вишней на старом ватнике, сунутом под голову, он долго ворочался и всё ворчал, – Не формат, не формат. «За это слово удобно подлость прятать, – думал он. – Это слово подлости значительность придаёт и чем больше подлость, тем выше значительность». «Есть же простые русские слова, – рассуждал он, – нет же, накрутят... навертят. Изъясняться понятно разучились и всё это от того, что мысли свои не хотят показывать, потому и прячутся за такие слова-паразиты. Вот Никита изъясняется понятно и ясно, а почему? Да потому, что ему скрывать от людей нечего».

Добродушный Никита ощущал всем телом несправедливость в отношении дома и обман в отношении самого себя. Потом, он никак не мог понять, почему достаточно крепкие постройки, которые ещё можно отремонтировать и они смогут служить десятилетия, надо непременно ломать? В конце концов, их можно отдать неимущим, тем же бомжам, не имеющим над головой крыши, зарегистрировать их в этих домах? Только почему-то никто об этом не думает? Вот он, Никита, думает, а кому положено об этом думать – не думают.

Его размышления прервали доносившиеся от сараев звуки. Никита скосил глаз и увидел, как какая-то незнакомая

ему шавка, грызёт под кустом сливы старую выбеленную ветрами и морозами кость. И снова в его голову пришли мысли. Он подумал: «Даже для бродячих собак сделали в городе приют, а люди скитаются по подвалам. Так нельзя. Собака хоть природно защищена: от стужи шерстью, от голода всеядностью, а человек никак. Желудок собаки приспособлен и она может есть всякие отбросы, а у человека желудок не приспособлен, но он их ест, потому, как надо поддерживать в теле жизнь...».

Так думал Никита и старался найти ответ на заданный самому себе вопрос. Точнее вопросы. Этих вопросов у Никиты было много, ну, например такие: зачем человеку наживать миллиарды долларов, когда нескольких десятков тысяч ему достаточно, чтобы безбедно жить до самой смерти? И ещё – зачем человеку иметь несколько домов в городе и квартир, когда и одного дома девать некуда? «Это от жадности, – думал Никита, – а жадность от чего?». Не знает Никита от чего жадность в человеке пребывает. «Наверное, это болезнь такая, – думает он, – забирается в человека и заставляет его копить безудержно, а остановиться он не может и становится вроде пьяницы – пьёт вино до тех пор, пока не свалится в канаву. Если это так, то тогда не надо писать в газетах, что в стране столько-то миллиардеров, а надо так и написать, что в стране столько-то больных жадностью людей, а столько-то больных гриппом или скарлатиной. Только вот как вылечить этих людей от страшной болезни накопительства, дворник

не знает». Потом он стал опять думать о бездомных людях и ему их было очень жалко – так бы и взял их всех в свою комнатёнку. Только куда он их возьмёт, когда в ней и так помещается только кровать и стол с двумя табуретками?

Нет, Никита знал ответ на этот вопрос, но этот ответ годился в том случае, если бы в городе жили люди все похожие внутренне на Никиту. Просто они поделились бы с неимущими, вот и всё. А вот бездомный Валет, которого Никита хорошо знает, не согласен с Никитой и говорит, что так не бывает. У дворника есть и запасной вариант ответа, он правда немного фантастический, но вполне приемлемый. Он заключается в том, что если бы люди в городе немного подумали и избрали бы в парламент одних Никит и они придумали и написали справедливые «Никитины законы», а законы эти бы защищали бедных, то тогда бы все были счастливы. Затем его мысли перешли на другое, потом на третье и так далее и он в конце-концов задремал.

Под вишней Никита проводил всё своё свободное время, которое ему выпадало после наведения порядка во дворе и на улице. Только наводить порядок становилось всё сложнее. Особенно Никиту мучил всякий упаковочный материал, который жители двора валили около мусорных баков, потому как баков не хватало. Раньше у Никиты был всего один мусорный бак и хватало. Теперь пять баков и не хватает. «Это куда же движется человечество, – размышлял Никита, глядя на коробки и коробчёлки, пакеты и пакетики, – эпидемия ка-

кая-то? Если так дело пойдёт, то скоро люди совсем не будут думать о смысле жизни, а будут только есть, менять хорошее платье на лучшее и хорошую мебель на ещё более лучшую и конца и края этому не будет. А конец и край всё-таки будет, он наступит тогда, когда съедят всё, а из этой вишни, применив новейшие технологии, сделают прекрасный стул, на котором можно будет сидеть, а вот лежать в тени под вишней и предаваться мечтам будет уже нельзя.

С этим двором дворника связывало очень многое. Во-первых, здесь он прожил всю свою жизнь. Во-вторых, расположение двора было таково, что с его территории была видна бескрайняя водная гладь Волги и с двух сторон виднелись купола церквей, что Никиту толкало на философские размышления. Во-вторых, будучи человеком по натуре добрым, он не терпел всякой несправедливости. А несправедливость вся исходит, как он полагал, от богатства одних и бедности других. Лежа под вишней, он и пытался разрешить этот сложный социальный и экономический вопрос. Для себя он экономический вопрос более-менее решил, устроившись по совместительству дворником к одному состоятельному человеку, таким образом, пополнив свой скудный заработок, а вот с человечеством и мирозданием было сложнее. Теперь, правда, он не считал, что ему повезло с приработком, потому как устроил его на эту работу небезызвестный Фома Фомич в то самое время, когда нанимал сторожа приглядывать за домом. Теперь Никита мучился угрызениями

совести по поводу добавочной работы с подачи Фомы Фомича. Здесь он тоже почему-то теперь стал ожидать подвоха. «Где один подвох, – думал он, – там жди и другого, крапива, она не одним кустиком растёт». Правда, к Эдуарду Аркадьевичу он никаких претензий не имел, человек аккуратный, не в пример другим, сам никогда не сорит и другим не велит, к тому же настоящий учёный. Правда, в его жизни Никите тоже было не всё ясно: построил дом большой, хороший, а живёт один. В его дворе, который подметает дворник, хорошо детям играть, а их нет. Это неправильно, неразумно.

А ещё Никита очень любил игрушки, которые делала Елена Никаноровна; помогал ей, когда старушка ослабла и совсем не могла крошить и просеивать глину, колот дрова для обжига. И всё это он делал по доброте душевной, а не за деньги, хотя Никаноровна не раз предлагала ему деньги с выручки, когда приезжала после продажи игрушек с Сенного базара или с Пешки. Никита же всегда отказывался, говоря: «Вот если бы я не имел должности и мне бы за моё дворничество не платили зарплату, то может быть я и взял бы малость на продление жизни, а так, Никаноровна, не могу, совесть не позволяет, потому как исповедую самый главный закон мироздания – «довольствуйся малым». И тут же объяснял этот закон, как он его понимает. – Вот лев, вроде бы хищник и тот задавил косулю, наелся и других косуль не трогает, хоть они около него табуном ходят, а человек? С десяти косуль кожу сдерёт и ему всё мало, скоро даже репы будем в Крас-

ную книгу заносить, и то браконьеры найдутся. Зачем это, Никаноровна? как понять? Мне одних ботинок на пять лет хватает, а тут совсем новые, сезон проходили и их к мусорному баку,.. а? Я вот беру эти добротные ботинки и ношу и не потому, что у меня на новые денег не хватает. Я, сама знаешь, одинок, мне хватает. Только зачем хорошую вещь выбрасывать? «Не модная», – вставила тогда Никаноровна.

«Мне кажется, что эти все моды придумали для того, чтобы людей свращать, – сказал Никита в ответ. – Моды эти из года в год меняются, заставляя людей совсем новое выбрасывать, богатство земное расточать, ресурсы земли, они ведь не безграничные эти ресурсы».

Елена Никаноровна знала, что Никита никогда не покупает одежды, а всё донашивает, что выносят к мусорным бакам, то, что добротно, а, заработанные за дворничество, деньги не копит, а отдаёт неимущим. Об этом большом Никитиным секрете она узнала случайно, от одной нищенки. Однажды Никаноровна как-то ему сказала об этом, а он нахмурился и ответил: «А ты хочешь, чтобы я их пропивал, да?» и больше они к этому разговору не возвращались.

Ещё об одном Никитином секрете Никаноровна не успела узнать. Секрет этот заключался в том, что заработанные у Эдуарда Аркадьевича деньги дворник отдавал в похоронное бюро для ухода за брошенными могилами, потому как считал, что кладбище – это лицо общества и если это лицо не умыто, и не ухожено, то, что говорить о его внутреннем

содержании.

Только это было в жизни Никиты всего один раз, потому как он получил у учёного человека всего одну зарплату. Сейчас же Никита просто спит под вишней и даже не догадывается – в какую круговерть скоро попадёт его маленькая, вызывающая у многих недоумение, жизнь.

Дворник Никита так бы всю ночь и проспал под вишней, но произошло непредвиденное. Поздно вечером к нему зашёл уже упомянутый нами знакомец, по прозвищу «Валет», выражаясь юридически – лицо без определённого места жительства, а по -простому – бомж. Валет был среди бездомных человек известный. Среди бомжей он был ходячим радио и информационным газетным вестником тоже. Не было ничего такого, чего бы не знал Валет. По натуре живой и очень подвижный, с искрящимися чёрными как смоль глазами и густой, вьющейся, с мелкой проседью цыганской шевелюрой, он и впрямь походил на цыгана, если данному портрету ещё прибавить постоянную на лице улыбку и поблёскивающие сахарной белизной ровные красивые зубы. Из его рта постоянно сыпались то шутки, то анекдоты, он всегда был душой любой компании; товарищей по несчастью он называл пилигримами или странниками, а бомжацкую жизнь – задворками. Как он попал на эти задворки, никто не знал, да и Валет не любил об этом распространяться. Только слово «задворки» всем полюбили и как-то незаметно прижилось.

Сейчас Валет был одет нарочито неряшливо и даже по

сравнению с другими жителями задворок – вызывающе неряшливо. Единственным светлым пятном во всей его внешности был, повязанный на грязную шею, ослепительный белизны платок.

Любил Валет в таком виде ходить по вокзалам и другим общественным местам и подсаживаться к прилично одетым гражданам и наблюдать за тем, как они начинают от него отодвигаться, а потом, сделав презрительную мину, уходят, совсем не желая иметь такое соседство. Вёл он себя при этом немного вульгарно, но, не выходя за рамки дозволенного.

– Всю жизнь проспшишь под своей вишней, – сказал Валет, присаживаясь рядом с Никитой. – Чего здесь лежишь, а не в хоромах? – так он называл Никитину комнатёнку.

– Опять за старое взялся, – пробурчал Никита, – посмотрев на одежду Валета. – Доведут, Валя, тебя твои похождения до непоправимого.

– Я и сам знаю, что доведут, – тряхнул кудрями Валет.

– А чего же не бросишь? Решил весь свет перевоспитать.

– Не могу бросить. – И вдруг Валет горячо заговорил. – Не могу я вот так. Рядом ходят, чванливые, морды воротят. Для них пилигримы не комфорт, понимаешь? Они были бы рады, чтоб нас совсем не было; рассядется, вся в кисеях, а тут раз и я: «можно, дамочка, я рядом присяду и скрашу ваше вопиющее одиночество...?» – Ах, как презрительно и негодующе сверкнут её глаза, как закусит симпатичные губки, как смеряет ненавистным взглядом?.. «Да, – говорю я своим по-

явлением, – мир не одинок. Нашу планету заселяют и такие существа как я и мне подобные. Зачем же от нас шарахаться и морщить носик. Вы же не морщите носик, когда гладите вашу, завитую в парикмахерской, собачонку...».

– Чего ты этими похождениями добиваешься? – прервал гостя Никита.

– Совесть пробуждаю, Никита, совесть. Если так дело и дальше пойдёт, то совесть только у одних пилигримов останется, её и сейчас хоть в красную книгу заноси.

– Убьют тебя когда-нибудь за эти штучки, – укоризненно сказал Никита. – Прошлый раз собаку на тебя натравили – кое-как после этого твою шкуру залатали, потом избили... Ты что, забыл, как две недели в себя приходил?

Такое действительно с Валетом было по осени. Тогда он решил осчастливить своим присутствием некоего господинчика. Откуда было Валету знать, что он был не один, и что в сторонке за его безопасностью наблюдали двое телохранителей. Тогда Валет действительно две недели, если не больше отлёживался в комнатке Никиты на его кровати, а Никита спал рядом, положив на стулья доски и выхаживая Валета травмами.

– Не забыл я, Никита, ничего. Что нервы рвёшь?

– Не забыл, а опять туда же... Убьют они тебя... Зря ты так. Вон, опять вырядился.

– Убьют, конечно, – мотнул согласно головой Валет, – но не сразу. Я живучий... Ты меня не переубеждай. Я может

быть и на земле живу только для того, чтобы совесть в людях пробуждать, может быть в этом вся ценность моей жизни и состоит? Спасибо, Никита, за заботу.

– Ты не обижайся... – ласково сказал Никита, – я сам такой, но нельзя же вот так... раз – и на тебе. Белый платок зачем повязал?

– А ... этот, – и Валет оттянул платок кончиками пальцев. – Он у меня вроде сигнального элемента. Я его специально крахмалю, наутюживаю, а затем уж бантом повязываю, чтоб издали было видно и глаза резало. На затрапезном он очень хорошо выделяется.

– Расшифруй задумку.

– Платок этот обозначает душу живую, чистую, которую бог создал, и никто не имеет права на эту душу ногой наступать.

– Ты думаешь, что тебя поймут?

– Не все, Никита, не все, но находятся. Один господин долго на меня смотрел, а потом подошёл и заговорил, и даже работу и крышу предложил.

– А ты что?

– Я поблагодарил и отказался, потому что я не о себе стараюсь. Ты думаешь, Никита, что я у них на свою бедолажную жизнь клянчу?... Ты думаешь, что я для пилигримов место под солнцем выторговываю?.. Нам надо, чтоб нас за людей почитали..., пусть мы на задворках, но люди, а не отбросы общества, которые можно в ведро да в помойную яму. Это,

Никита, главное. Тот господин даже прослезился, но не то, чтобы слёзы текли, а веки покраснели. Это означает, что у него совесть пробудилась, что он вновь человеком стал, а виной тому этот платок. Ты думал, что это я для понта бомжацкого платок повязываю?..

– Ничего я так и не думал... – буркнул дворник.

– Нет, думал и думаешь... По глазам вижу, что думаешь... А я, Никита, не о себе, а о них, о буржуях, забочусь. Вот избивали они меня, собаками потравили, и ты думаешь, что это вот так, без следа? Нет, Никита... Одним своим появлением я только один слой коросты с души человеческой сниму, а второй раз – другой слой, так глядишь душа-то и солнышко на небе увидит, и сама засверкает, как лучик солнечный.

– Я ему про Фому, а он мне про Ерёму, – проворчал Никита дружелюбно. – Ты лучше скажи, почему и за какой надобностью пришёл?.. поздно уже. У меня ночуешь или как?

– Братишки послали, – ответил Валет, – насобирали тут малость, а хранить негде. Решили, что надёжнее, чем у тебя места не сыскать...

– Я вам что, банк что ли? – проворчал Никита.

– Люди доверяют..., ты уж, Никита, не отказывайся, – просяще проговорил Валет.

– Ворованные? – спросил Никита строго. – Тебе верю, а за всех не ручаюсь.

– Говорю тебе..., насобирали..., а ты..., ворованные.. Так нельзя. – Сказал Валет обиженно.

– А по какому случаю деньги? Сами ведь живёте – день прошел, и слава богу...

– Потому и отдаём, что так живём... Ты уж, Никита, схорони, не обижай... Люди от всей души...

– Объяснил бы, что к чему? а то с пылу, с жару,... на, храни... С какого собачьего лая я их должен хранить? Вот людишки-человечишки...

– Я сам мало что знаю, – начал Валет, – только среди бомжей слух прошёл, что среди нашей братии один уважаемый человек оказался, учёный, профессор, книгу пишет, а издать эту книгу не на что, вот мы и решили помочь.

– Учёный, говоришь,... книгу пишет... Славненько..., – встрепенулся Никита и от удивления поднял брови.

– Чему удивляешься? Тут удивляться нечему. Среди нашей братии кого только не было: и артисты, и музыканты. Поэт даже один был... Стихи проникновенные писал... с собакой большой пушистой спал, она его своим теплом грела... Благодаря этой собаке только бедолага и жил... Так что мне, Никита, людям сказать?

– Раз такое дело, то и мои в этом деле не лишние будут. – С этими словами Никита полез в карман и приложил к принесённым деньгам свои, он как раз получил зарплату.

– Вот и хорошо... Это по-совести, – заулыбался Валет, – не зря тебя наши уважают.

– А учёного как зовут?.. – спросил дворник.

– Не знаем, – пожал плечами Валет, – зачем нам это? Всех

как-то зовут, но не все книги пишут. А в этой книге, говорят и о нас, бомжах написано.

– А денег здесь сколько? – спросил Никита указывая на пачку купюр.

– Мы с тебя расписку не просим, и кто сколько положил тоже не знаем... – ответил уклончиво Валет.

– А передать кому? – спросил Никита.

– Я и приду, или кто из наших, только пока не знаем куда нести и кому отдавать, и где этот учёный обретается?

– Может купюры посчитать, – сказал вкрадчиво Никита.

– Кому надо, тот и посчитает, – ответил Валет.

– Твоя правда, – сказал Никита и сунул сумку с деньгами под голову.

– Вот и хорошо, вот и ладненько, – сказал, улыбаясь, Валет и, повернувшись, быстро пошёл со двора. А Никита продолжил дремать под вишней и не заметил, как из-за вишни протянулась чья-то рука и осторожно вытянула из-под головы Никиты сумку и исчезла. А когда Никита проснулся, то в первую очередь пошарил рукой в том месте, где должна была находиться сумка, но так как её на месте не оказалось, то он подумал, что её и не было, и что Валет ему просто приснился. В общем, так он будет думать до тех пор, как Валет снова придёт за сумкой, но это будет ещё не скоро.

Глава 8. Перестань пошлить

Как только посетители из дома, крытого черепицей, ушли, игрушки заволновались и стали обсуждать сложившуюся си-

туацию.

– Я не хочу, чтобы меня брала эта синеволосяя ведьма, – проговорила Дуня. Я и сейчас чувствую холод её рук...

– А кто ей не понравится, она того просто выбросит, – добавил Мурлотик.

– Они не чтят историю, – сказал Заступник.

– Им наплевать на древность, – буркнул Свистопляс, они, верно, плохо учились в школе и не понимают кто я такой. Это я-то уродина!? Сама уродка и мозгов с выеденное яйцо...

На Гуделкином лице тоже мелькнула минутная тень озабоченности.

– Гуделка, ты бы хоть сейчас не улыбался, – сказала укоризненно Катерина. – В таких ситуациях твоя голливудская улыбка раздражает...

– Я разве виноват, что мамушка отгиснула мне так рот, что я вынужден постоянно улыбаться, – обиделся Гуделка. – И потом моя улыбка не голливудская, а самая что ни на есть простосердечная, а не показная, зубная, и не надо путать, а надобно отличать, – после чего они, пошептавшись с Свистоплясом, ушли.

– Опять в войнушку играть направились, и как им только это не надоест? – сказала Дуня.

– Что вы приуныли, – проговорил весело Васёк, – люди эти, добрячёк и его дама – есть новые хозяева жизни, состоятельные, при деньгах. А это самое в жизни главное. Не пе-

чальтесь, возьмут они нас к себе и мы, как ещё заживём в своё удовольствие, по европейским стандартам. Вон у них какая машина шикарная, правда, Дуняш? – И он в подтверждение своих слов бросил пальцы на лады гармошки, пропел:

Не грустите вы игрушки
Будет вам что есть и пить,
Будут мягкие подушки,
Мы гламурно будем жить...

И затем бесшабашно добавил:

Шопинг, шопинг, шопинг, шопинг...
Почему ж не пошопеть,
Только б денюшки водились
Ну, а там, брат, куролесь...

– Перестань пошлить, – сказал Пустолай, – одному тебе весело, а нам что-то не очень... И потом, мне твои частушки не нравятся.

– Это почему же?

– Мысли у тебя в них неправильные. А я эти неправильные мысли слушать не хочу.

– А ты и не слушай.

– Как же я не буду слушать, когда ты играешь и поёшь

прямо над ухом?

– Имею право играть до установленного законом часа, – гордо сказал Васёк.

– До установленного законом... эх, ты..., Васюта-законник! Право, Васюта – законник. – Укоризненно сказал Пустолай. – Закон он в душе должен быть в первую очередь, а у тебя его там нет. Если б он был, то и другого бы закона не понадобилось. Если в душе закона нет, то другие законы его не заменят. А всяк, кто не имеет закона в душе, даже хороший и правильный писанный закон старается обойти, а не соблюсти.

– А я по писанным законам жить желаю, – гордо сказал Васёк. – Что написано пером, то не вырубить топором, – так ведь люди говорят!?

– Писанные законы должны подтверждать совестные, – режумировал Мурлотик, – это аксиома. Писанные законы должны быть совестными. Эти совестные законы должны писать самые совестливые люди.

– У нас самый совестливый это Никита, – заметила Катерина.

– Ха! Нашли писателя!.. – иронично улыбнулся Васёк.

– Бестолку с ним говорить, – сказал Мурлотик. – Наш Вася – жертва рекламы.

– Сам ты жертва, – парировал Васёк. Всё ваше зло на меня потому, что вы жить не умеете, вы за этот гнилой дом готовы душу отдать. А почему? А потому, что вы жизни настоящей

не видели кроме гнилого сарая во дворе и то видите через открытое окно. А я так жить не хочу. Я птица вольная, хочу жить с притопом и прихлопом, а не вздыхать и лить слёзы по родному дому или по жалкому пепелищу.

– Пепелища пока никакого нет, – отрезал Мурлотик.

– Так будет, – брякнул Василий. – Вот приедет синеокая русалочка и всё здесь снесёт к едрене фене.

– Ни синеокая русалочка, а синеволосая ведьма, – зло сказала Дуня. – И полюбовник её – улыбающийся боровичок, ходит и хрючит от удовольствия. Я-то сначала думала, что он подкаблучник, дурёха.

– Ревнуй, – сказал Васёк, издевательски глядя на Дуню. – И не смотри на меня так, как будто я глупый... Красиво, Дуня, жить не запретишь! Верно, рогатики! – и он обнял Белянку и Смуглянку за талии и притянул к себе, – полюбил бы я вас, да только мне русалочка синеволосая мила!

– Ой...ой...ой... – жеманно заойкали овечка и козочка.

– Тебе лишь бы об удовольствиях думать, – урезонила Васька Катерина.

– Красиво-о жи-ть не запрети-и-шь, – пропел Васёк в ответ и стал смотреть в щёлку на улицу.

– Васёк мечтает о красивой жизни в богатом доме, – сказал Пустолай, – может быть тебя с гармошкой и примут, они любят веселиться, а я с Мурлотиком им зачем? Мы же с ним беспородные... Нами даже среди друзей не похващаешь.

– Почему же? – сказала Катерина. – Никита рассказывал,

что есть такая страна – Англия. В ней богатые вельможные люди заводят беспородных собак и гуляют с ними.

– Вот это да-а-а! – изумился Пустолай. – Надо Никиту по-
расспросить...

– Что... в Англию захотелось? – съязвил Васёк. – Желудок-то не тётка. Только на меня критику наводить мастера, а как у самого на горизонте косточка замаячила, так сразу чуть к Никите не побежал. Скажешь, в Англию не захотелось?

– Ничего не захотелось, – обиженно сказал Пустолай, – просто интересно, как там, в Англии, вот и всё.

– Конечно..., ты у нас из идейных... – съязвил Васёк.

– А ты нет?

– Я-а-а-а? Я, не из идейных. Я из тех – кому, где хорошо – там и Родина, кто приголубил и пожалел – та и мать родная, а кто обнял и поцеловал – та и невеста любимая.

– Пофигист, значит, – не открывая глаз, проговорил Мурлотик, – не ново.

– А меня волнует собачий вопрос, – проговорил Пустолай.

– А меня – кошачий, – добавил Мурлотик, приоткрыв глаза. – У нас богатые заводят породистых собак, похожих на бегемотов. На меня раз натравили, так я еле на заборе спасся.

– Родина – где родился, а не там, где удобно, – заметил молчаливый и слушающий разговор Заступник. Он стоял, опершись на дубину и склонив в раздумье голову, отчего седые пряди его волос упали на лицо. Пустолай и Мурлотик сразу прекратили говорить о собачьем и кошачьем вопросах

и стали слушать.

Когда говорил Заступник, то все всегда замолкали. Так среди игрушек было принято. – Если так рассуждать, – продолжил Заступник, – то Катерина должна уехать в Германию и готовить за хорошие деньги их бургерам гамбургеры, а не печь Саратовский калач; золотошвейка – Дуня тоже что-то наподобии этого, моди-поди шить для синеволосых и тоже желательно за границей; Смуглянке с Белянкой прямой путь на подиум или куда хуже; мне тоже придётся в наёмники податься, чужие земли охранять, или в охранники к вот такому «Добрячку». И как это всё будет называться?! – возвысил он голос, а потом, помолчав, тихо добавил. – Родину, как и матерей, не выбирают, от кого родился – та и мать, где родился – та и Родина, а кто тебя любит по -настоящему, а не болтает об этом – та и жена верная.

Дуня при этих словах бросила на Заступника благодарный взгляд и с укором посмотрела на Васька, сказав только одно слово:

– Верно.

– Вы посмотрите на малых детей, – продолжал говорить Заступник, – они не бегут в объятия к разнаряженным дамочкам, а жмутся к лохмотьям своих мам. А почему? – И он серьёзно посмотрел на Васька и оставил этот вопрос без ответа, для того, чтобы на него ответил каждый себе сам. После сказанного Заступником наступила гнетущая тишина. Только она длилась недолго. Развеял её тот же Заступник.

– Да, – сказал он, – сидим мы в запертом доме, слушаем Васькину проповедь о жизни по европейским стандартам, а о том ли мы мечтали совсем недавно. Помнишь, Катерина, – Сенной базар, море огней, прилавков и множество детей с папами и мамами, бабушками и дедушками. Нас трогают руками, нами восхищаются и десятки детей уходят с улыбающимися лицами, держа в руках одни свистульки, другие гуделки. Весело было. И мы были уверены в завтрашнем дне, потому что знали, что попадём обязательно в любящие руки, что за нами будут ухаживать, а некоторые детишки даже будут укладывать нас на ночь с собой в кровати.

– Верно, друг, – сказал Мурлотик. – Много наших тогда раскупили и унесли по домам, а мы остались... Видно не судьба.

– Кто же знал, что мама Лена заболит и больше на базар не пойдёт. А теперь нас разлучат, кого возьмут, а кого выбросят, – сказали с грустью в голосе Смуглянка и Белянка.

– Разлучение – для игрушек дело привычное, мало кому удаётся жить вместе целые десятилетия в одном доме, переходя от повзрослевших детей к молодому потомству, это, можно сказать, счастье, – сказала Катерина.

– Нам надо держаться вместе, – твёрдо сказал Заступник, мы должны помнить, что мамушка говорила. «Вместе – мы сила», – и он сжал пятерню в увесистый кулак.

– Ну и держитесь вместе, – настырно сказал Васёк, – мне с вами, глиномозглые, не по пути.

– Чего ты удумал? – спросил Мурлотик.

– У меня план есть, – как в хорошие руки попасть? Только я вам его не скажу, сами увидите.

– Ну-ну, вольному воля, – сказал Заступник. – Насильно мил не будешь...

– Ступай, Вася, ступай. Только как бы тебе такое пресмыкание перед чужим богатством и чужим жизнепроеждением боком не вышло, – добавил Пустолай.

– А ты меня, Пустолаюшка, не пужай! Мы пужаные. – Гордо ответил Васёк. – Хорошая музыка, она везде нужна, для неё границ нет, – и, растянув гармонику, пропел:

Не суди же меня строго–

Глиномятая родня.

Я хочу пожить немного

Только лично для себя...

И он, припевая и балагурия пошёл в другую комнату. За ним увязались Белянка и Смуглянка.

– Вы-то куда, безмозглые? – укоризненно сказала Катерина.

– А мы только посмотреть, – сказала овечка.

– Мы только одним глазком хотим увидеть Васькину жизнь, ну, совсем чуть-чуть, – добавила козочка.

– Какую такую Васькину жизнь? – спросила Катерина строго и даже нахмурила брови.

– Так он же говорит... – захлопали ресницами козочка и овечка.

– Вот и ещё две дуры нашлись, – сказал Пустолай, опустив виновато хвост.

– Если дурак, то это неизлечимо, а я-то думала... – сказала Дуня и закрыла лицо руками, стараясь скрыть слёзы.

– Не расстраивайся, – сказал утешительно Заступник, – глядя ладонью Дуню по волосам, – он думает, что его припевки за границей нужны? Послушают разок другой, поаплодируют, а потом скажут: «Хватит, паря, хорошего помаленьку, ты нам свою культуру здесь не насаждай, а пой о том, что нам нравится».

– Что у нас за родня такая... – проговорила, всхлипывая Дуня, – у одних от блеска чужого добра голова вскружилась, другие в самый страшный и ответственный момент занимаются невесть чем – скачут на чердаке, свистят и улюлюкают, да ещё чужие вещи портят, дурдом какой-то, да и только. – Это был явный выпад в сторону Гуделки и Свистопляса.

– Я думаю, что у Свистопляса и Гуделки мозги правильнее, нежели у Васька, – заметил Заступник. – Только они ведут себя наивно. В результате из их серьёзных дел один смех получается, а если по-научному выразиться, то это наивный патриотизм.

– А мне Васю жалко, – проговорила Дуня. – Мамушка говорила, что он такой оттого, что она его не успела доделать, что он операцию обжига не прошёл... – она хотела ещё что-то добавить, но не успела. Вдруг в окно ворвались ритмичные звуки, напоминающие удары палкой по барабану у ди-

ких племён. Эти звуки приближались и усиливались.

– Опять Чугунихин зять приехал, – сказала Катерина, – как включит свою музыку – хоть из дома беги.

– Молодёжь... , нравы, – проговорил Мурлотик, взбираясь на окно и закрывая форточку.

Предпринятые меры особо не спасали. Этот звук удара палкой по барабану, кажется, проникал сквозь стену и как язычок в духовом инструменте заставлял вибрировать воздух в доме. Так продолжалось недолго. Вдруг музыка резко оборвалась и раздался всеоглупляющий мат и ругань со словами: «Сволочи!!! Я всё равно дознаюсь кто это сделал». Рядом послышался голос Никиты.

– Ты чего, Николай, ругаешься?

– Как же не ругаться... Вон взял кто-то и два колеса проколол, завидно, что на иномарке катаюсь что-ли? – Никита осмотрел колёса. Два из них, с левой стороны, передний и задний стояли на ободьях.

– А что это у тебя на лобовом стекле прилеплено? – спросил он Чугунихина зятя.

– Где?

– Вон... – и Никита кивнул на бумажку на лобовом стекле.

Николай сорвал бумажку и прочитал корявые буквы. Было видно, что писал ребёнок: «Дядя! Все устали от твоей музыки диких племён. Если нечем заняться – клей колёса» и внизу подпись «ЛБСП».

– Что это за хрень такая? – удивился Чугунихин зять.

– Это ответ на твою беспредельщину, – сказал дворник.

Мордашов, он же Чугунихин зять, схватил бумажку и стал метаться по двору в поисках написавших. – «Борцы нашлись! – кричал он, – да что хочу, то и делаю, свобода, урою поганцев!!!» И вдруг он увидел, как кто-то вроде мелькнул у окна полуподвального помещения старого дома. Николай, схватив камень, бросился к дому, но никого там не увидел. Рассерженный, он вернулся к машине и в сердцах включил музыку на всю мощь. Удары в барабан заглушили всё вокруг, а две вороны, пролетавшие над двором, резко поменяли курс.

Никита подошёл к открытой дверце и повернул ручку – музыка прекратилась.

– Ты! Дворовый! Тебе что, жить здоровым надоело? – взревел Чугунихин зять. И он хотел было снова включить магнитола, но Никита крепко взял его за плечо и сказал спокойно и твёрдо:

– Николай, не зли людей, не надо. Самому же дороже будет, поумерь пыл и гнев, не толкай людей на преступление.

Как только музыка прекратилась, Дуня, Катерина и другие игрушки увидели – дверь, что ведёт в сени резко открылась и в комнату влетел, перестукивая копытами, аллюром Свистопляс, а на его спине стоял, подняв торжественно руку вверх, возбуждённый и радостный Глиня. Они, не останавливаясь, скакнули под стол и притихли.

– Опять что-то натворили? – сказала сердито Катерина, заглядывая под стол. – От кого прячетесь?

– Тут и без вопросов понятно, – сказал Мурлотик. – Прокололи Мордашову у автомобиля трезубцем колёса, вы что не слышали как он распался?

– И правильно сделали, – сказала Дуня, а то от его музыки в голове стреляет.

– Неправильно, – возразила Катерина. Потом они долго говорили с Дуней, о случившемся, отстаивая каждая свою позицию по поводу революционных и эволюционных методов. Говорили они и о методе Свистопляса и Гуделки и соглашаясь в едином, что такого безобразия больше терпеть нельзя и что в данном случае как раз и подходят революционные методы, потому как, пока ждёшь эволюционного преобразования в мозгах Чугунихинского зятя, все от мигрени помрут вместе с Мордашовым, потому как у того от своей же музыки крыша поедет, если уже не поехала.

– Да, ждать, конечно, резона нет, – заметил глубокомысленно Мурлотик. – Так можно прождать целое столетие, ведь неизвестно на каком эволюционном уровне находится Чугунихин зять. – Это было мудро. Потому что никто из присутствующих не знал, на каком спиральном витке эволюции находился Мордашов, тем более, Мурлотик высказал мысль, что спираль от музыки может свиваться или развиваться, а это плохо не только для человеческой цивилизации, но и грозит природными катаклизмами.

Во время такого обсуждения Свистопляс и Гуделка, крадучись, вылезли из под стола и отправились на свой любимый чердак, а Дуня с Катериной стали обсуждать другую тему – приезд нового хозяина и чем им этот приезд грозит? но так ничего не решив, притихли и уснули, прижавшись к широкой груди Заступника. Заступник в это время сидел в задумчивой позе на старом отрывном календаре, глядя в сумрак комнат, пытаясь понять, что же происходит на свете? и кого от кого и как ему защищать? Можно, конечно, дубиной разбить блестящий автомобиль новых хозяев дома, но разве это выход из положения и что это даст? Нет, он не порицал Гуделку и Свистопляса, он просто не знал, что делать ему – Заступнику, призванному защищать малых и сирых? Вот если бы инородцы напали – тогда понятно, а тут... свои, а ведут себя хуже всяких супостатов иноземных.

Глава 9. Я бы тоже колёса проколол

Капитан Мария Васильевна Сорокина, готовя отчёт за квартал, изредка бросала взгляды на младшего лейтенанта Митина. Моложавое лицо Юры, как-то не совсем сочеталось с милицейской формой. Вернее шло-то оно шло, только часто казалось, что это шалунишка сын надел отцовскую форму, чтобы казаться совсем взрослым; и этот пушок над верхней губой. И потом, он явно старается быть совсем взрослым и независимым, это свойственно только детям. Мария Васильевна улыбнулась про себя и совсем серьёзно спросила:

– Ты, Юра, систематизировал папки?

– Не совсем..., вернее и то и другое, – сбивчиво и краснея, сказал Юра. – Я, товарищ капитан, хотел узнать, есть ли среди подростков бандитские группировки? – но Сорокина его прервала, – понятно, ты бы лучше меня спросил, а то время зря потерял. – А сама подумала: «Желает до всего сам дойти... похвально, однако приказы надо выполнять. За это я его пожурю, но не сейчас», и продолжила, – Прямой информации на этот счёт, младший лейтенант, нет. У меня есть информация другого рода. Звонило начальство. Одним словом, на Большой Горной, от неё какая-то улочка отходит, там на месте разберёшься, во дворе, кто-то прокалывает у дорогих иномарок шины. Почерк, совершающих хулиганские действия, явно детский, но задержать пока никого не удалось. Вот только вчера, приехал один из потерпевших. По его словам, он поставил машину во дворе и отлучился-то не более как на три минуты, а вернулся – колёса проколоты. Что ты на этот счёт думаешь? – испытующе спросила Мария Васильевна.

– А мотивы..., какие мотивы у преступников? – вспомнил один из постулатов сыска Юра. – Должны же быть причины?...

– Должны, Юра, должны. Только этот механизм прекрасно срабатывает на взрослых преступниках, а у детей это сложнее. Они живут в своём мире – мире ассоциаций. Детская душа чувствует всё гораздо резче, она восприимчивее. Дети часто совершают проступки необдуманно, действуя по

принципу «ложь – правда – расплата». У вас, что, в школе никто кнопки на стул никому не подкладывал что ли?

– Подкладывали, – расплылся в улыбке Юра. – Я тоже подкладывал.

– Вот, это и есть наглядный пример детской мести, а точнее, суда. Тут тебе и суд, и приговор, и моментальное исполнение приговора. Тем более, кнопка в портфеле всегда найдётся. Ты вспомни, почему ты это делал и будет всё ясно, – и, помолчав, она добавила уже задумчивым тоном. – Знаешь, Юра, как это помогает. Когда я была такой как ты, то есть не имела опыта практической работы, мне моя начальница и наставница говорила: «Сумеешь мысленно возвращаться в детство, сумеешь ставить себя на место малолетнего преступника – будешь работать, и будет толк. Не сумеешь – можешь сразу уходить из этого отдела, в охранники..., в паспортистки..., куда угодно». Вот так вот. С её лёгкой руки, а точнее, с подсказки, всю жизнь и работаю с детьми. Кстати, поезжай на Большую Горную, это для твоей практики полезно, поспрашивай, может быть, что и узнаешь интересенькое, свежий взгляд – всегда хорошо. Я, может быть тебя и не послала бы, но Муза Карповна меня попросила. Не могу ей отказать.

Сорокиной младший лейтенант определённо нравился. Она к нему относилась как к сыну, потому что своих детей у нее не было, вернее были и муж, и дочь, и сын, так похожий на Юру, и звали его тоже Юрой, а потом было землетрясение

в Спитаке, где они тогда жили. Хорошо это или плохо, но Мария Васильевна была тогда в командировке, а когда вернулась, то увидела на месте их дома руины, да дочкин пионерский галстук висит на дереве, зацепившись за ветку. Она его собственными руками обвязывала, чтобы края не распускались. В общем, это всё, что у неё осталось от семьи. Тогда и волосы её побелели. Её прекрасные, волнистые каштановые волосы, которые так любил муж, побелели за одну ночь.

Юра не стал, откладывая дело в долгий ящик, и к обеду был уже на Большой Горной улице, около старого дома, крытого красной черепицей. Он походил по улочке, желая встретить кого-нибудь из жильцов этого закоулка и, разумеется, наткнулся на дворника Никиту.

– Кто таков? Чего шляешься? – спросил Никита строго. Он как раз сжигал упаковочный материал.

– Я из милиции... – сказал Юра и показал удостоверение.

– По какому случаю? – помягчел Никита.

– Поступила жалоба, что в вашем дворе прокалывают у дорогих иномарок шины и уже не первый раз.

– И в четвёртый раз жди, если голова не соображает, – сердито проговорил дворник.

– Как это понять? – поинтересовался Юра, – сообразив, что дворник чего-то знает и это «чего-то» неплохо бы из него вытянуть.

– А просто, милейший, – продолжил дворник. – Есть за-

коны писанные и есть неписанные. Писанные законы сплошь и рядом нарушают, а уж о неписанных, так и речь не идёт.

– А поподробнее можно? – спросил Юра, не совсем понимая куда клонит собеседник.

– Можно и подробнее, – согласился тот. – Вот, если включить музыку племён Мум-бу и Юм-бу, да погромче. Вам как это, понравится?

– Что за музыка, какого племени? – переспросил Юра.

– Эта музыка модная сегодня у отморожков, да у людей со скрюченными мозгами. Вспомните, вспомните..., слышали, чай, где палкой по столу или по забору бьют. Одно другого не лучше. Автомобиль едет, а из окна это стучание на весь квартал...

Юра, конечно, знал эту модную среди автомобилистов музыку, но, подумав, сказал:

– По закону человек может слушать любую музыку.

– Вот и ты туда же, – безнадёжно махнул рукой дворник. – А тут от неё мозги вылетают...

– Если очень громко – это хулиганство... – поправился Юра.

– Вот..., вот и я о том же. А господин Мордашов или подворовому Чугунихин зять, так не считает. Он говорит, что в его автомобиле музыка играет в разрешенном шумовом диапазоне. Слова-то находят, паразиты, всё хотят повитееватее выразиться, чтобы прикрыть вопиющее хамство в отношении других.

– Так, включает он музыку, а дальше... – любопытствовал Юра.

– А дальше ему шины прокалывают... вот и вся арифметика.

– Он пишет, что ущемляются права граждан, – добавил младший лейтенант.

– Это он ущемляет права граждан, – сказал зло Никита. – Я ему об этом говорил. Недавно он решил изловить тех, кто ему шины прокалывает, специально включил музыку погромче, ту самую, где в барабан дикари палкой бьют, а сам в окно подглядывает. Долго наблюдал и никого, а подошёл – два колеса проколоты.

– Так не бывает, чтоб никого?.. – удивился Юра.

– Оказывается, бывает, – и в глазах дворника запрыгали хитрые огоньки, – может быть ему эти самые аккорды шины прокалывают, что из магнитолы его выпрыгивают, – и дворник засмеялся открыто и искренне. – Знаете..., полетают, полетают и рикошетом в колесо бабах, а?.. каково?!

– Материализация музыкальных звуков! Это из области фантастики, – сказал Юра и тут же подумал: «Наверняка чего-то знает или догадывается, а про аккорды хорошо сказал, даже художественно, умница». – А вы что об этом думаете?

– Я ничего не думаю. Я этому Мордашову говорю: «Не зли народ, а то будет тебе и закон, и порядок и каша с изюмом. Думаешь, если на мешке с деньгами сидишь, так тебе всё можно?». – И Никита стал развивать мысль о поправленной

социальной справедливости, но Юра его прервал.

– Значит, никто не подходил к машине, а колёса проколоты, говорите?..

– Проколоты, – утвердительно сказал Никита и кивнул головой.

– Это невозможно... – опять сказал Юра. – Сами посудите – никто не подходил, а правонарушение совершено.

– Я тоже так же думал поначалу. Оказывается, возможно, молодой человек. Если человек – загадка мироздания, то и само мироздание самому человеку тоже преподносит загадки.

– А вы философ...

– А у нас в России в какого дворника не кинь шапкой – всё в философа попадёшь, – ответил Никита. – Кстати, Мордашов два раза караулил злоумышленников и оба раза с одним и тем же результатом – шины проколоты, а никого нет. Он даже на меня думал. Для чистоты эксперимента он и меня рядом с собой посадил и ничего.

– Нечистая сила что ли? – недоумённо сказал младший лейтенант.

– Нечистая сила нечистой силе козни не строит, – заметил Никита.

– Это кого вы нечистой силой называете, Мордашова что ли?

– А кого ж ещё. Эти Мордашovy сейчас и есть самая что

ни на есть нечистая сила на Руси.

– Так в каком доме Мордашов живёт? – спросил Юра.

– Вон в том, из красного кирпича, – кивнул дворник на большой кирпичный дом с мансардой и высокой крышей.

– Спасибо вам за информацию, – сказал Юра дворнику, – пойду у Мордашова поспрашиваю, что он об этом думает?

– Поспрашивайте, спрашивайте, – сказал Никита, – отчего ж не спросить. Только вряд ли он вам чего умное на этот счёт скажет.

– Это почему же?

– Мозгов нет. Дальше лобового стекла своей машины ничего не видит.

– А дорогу? – пытаюсь спровоцировать дворника на более откровенный разговор, сказал Юра в шутку. – Так можно и врезаться куда-нибудь, если ничего не видеть.

– Вот и врезался. У него своя дорога, особенная, зелёными купюрами означенная.

Поняв, что дворник больше ничего не скажет, Юра направился к Мордашову.

Мордашов Митину тоже ничего разумного не сказал. Он только ругался, а под конец дал Юре записку, которую нашёл на лобовом стекле своего автомобиля. Юра взял записку и прочитал:

«Дядя! Все устали от твоей музыки племён Мум-бу и Юм-бу. Если нечем заняться – клей колёса». Ниже стояла подпись «ЛБСП».

– Ну, вот и мотив преступления, – сказал Юра. – Не нравится людям твоя музыка, господин Мордашов..., не нравится.

– А вы приехали зачем?.. мне нравочения делать или должностные обязанности исполнять?– спросил Мордашов.

– Мы реагируем на ваше заявление.

– Вот и реагируйте как положено, а нечего вину за произошедшее на меня переваливать. Это легко сделать. Вы лучше преступников поймайте, или кишка тонка?

Юра понял, что виноват в проколах сам потерпевший, но человек он колкий и скользкий, с ним надо вести себя поосторожнее. «Странно всё это,– думал Юра, возвращаясь в отдел, – и этот дворник странный, явно чего-то знает или догадывается, но молчит и случай, какой-то из разряда небывальщины».

– Как, Пинкертон, нашёл злоумышленников?– спросила Мария Васильевна, как только Юра вошёл в кабинет, но увидев, что Юра не в духе, добавила снисходительно, – мотивы преступления хотя бы есть?

– Я бы тоже ему шины проколол, – сказал хмуро Юра, сядя за стол. – Заведут музыку аж стёкла дребезжат, а потом бегают с заявлениями, что им шины прокалывают, – молодцы, кто это сделал, – и он со зла стукнул ладонью по ручке дырокола. «Звань-ь!» – проговорили пружинки механизма.

– С мотивами значит всё ясно, – а исполнители кто? – по-

нимая состояние сослуживца, спросила, незаметно улыбнувшись, капитан.

– А исполнители, – развёл руками Юра, – некая невидимая виртуальная сила, товарищ капитан. – Тут хоть что думай...

– Если следователь начнёт всё сваливать на невидимую, виртуальную силу, то это плохо, – спокойно сказала Мария Васильевна.

– Не подкоп же они сделали, Мария Васильевна, под эту машину, там даже люка канализационного нет рядом.

– А это хорошо, что ты такой наблюдательный. Люк – это молодцом.

– Молодцом – если результат есть, – а это так... – хмуро сказал Юра.

– Это рабочая версия, младший лейтенант. А чтоб её выдвинуть, надо тоже думать. За версию ставлю тебе пятёрку, а за то, что не раскрутил как надо дворника – неуд. Но это так, для порядка... Ясно, что просто так он тебе ничего не скажет. Подумай над этой задачей...

– Вы, товарищ капитан, считаете, что дворник чего-то знает?..

– Всё, Юра, зависит от личности дворника. – Кто этот дворник: личность или деградирующий от водки элемент с метлой?

– Он философ, соседи говорят, не употребляет, я интересовался, работающий...

– Философ... это хорошо, – проговорила задумчиво капитан, – но хлопотно... Не свой ты ему, потому он тебе и не раскрылся. Если бы он в тебе увидел человека, разделяющего его взгляды, то может быть сказал или намекнул на что. В разговоре с людьми – это весьма важный фактор. Многие люди живут эмоциями, не перенося моментальные впечатления глубже – это такой сорт людей

– Дворник не такой... – заметил Юра.

– Вот я тоже думаю, исходя из информации, что он к такому сорту людей не относится, а вот об эмоциональной составляющей советую подумать... – Мария Васильевна немного помолчала, а потом как бы саму себя спросила: – А на расстоянии прокалывать шины нельзя?

– Если из винтовки с оптическим прицелом, только это исключено, со стороны прокола глухая стена дома, – уточнил Юра. – Я, Марь Васильевна, даже про маленьких роботов думал – подбегут незаметно, ткнут острым и убежали...

– А это лишнее, – нахмурила брови Мария Васильевна, – шины не директорскому автомобилю крупного банка прокалывают, а средней руки бизнесмену... тут всё проще... О простом думай. Исходи из того, что этот злоумышленник – простой дворовый хулиганистый мальчишка. Поставь себя на его место и подумай, что бы ты сделал? Они, эти пацаны, на выдумки большие мастера. Сколько работаю, столько этому удивляюсь. Было в моей практике и такое, – и она, смахнув слезу, засмеялась, – его в колонию надо оформлять,

а я бы ему за выдумку орден повесила, да к какому-нибудь наставнику с золотыми руками в НИИ пристроила. Сколько их вот таких несмышлёнышей с золотыми руками по зонам мыкаются... – она не договорила, отвернулась, стала смотреть в окно. – Где наши Макаренки..., где?

– Злоумышленники ему на стекле записочку оставили, – вспомнил Юра и протянул Марии Васильевне тетрадный листочек, с написанными синим фломастером буквами.

– С этого надо было Юра и начинать... – поучительно сказала капитан, – и, взяв тетрадный листочек, стала читать, а, прочитав, сказала: – Записка младший лейтенант – это факт.

– По почерку видно, что прокалывают шины ребяташки из младших классов, буковки корявые, так только в первом или во втором классе пишут, – сказал Юра.

– Почерк, конечно, свидетельство важное, но меня тревожит подпись – «ЛБСП». Подпись – дело серьёзное; значит прокол спланирован. Записку эту не на капоте писали, а заранее заготовили, с указанием причины.

– Наверняка «ЛБСП», это начальные буквы фамилий ребяташек, – заметил Юра. – Например: Лукъянов, Борисов, Сидоров, Петров.

– Не скажи, младший лейтенант, не скажи. – капитан покачала головой. – Не пахнет ли это тайной детской организацией?.. вот что меня беспокоит. Насмотрятся или читаются и пример берут.

– Если это тайная организация, Марь Васильевн, то тогда

первой буквой должна быть буква «С».

– С чего ты это взял?

– «Союз борьбы...» с тем-то и тем-то... – предположил Юра.

– Необязательно «Союз». Это может быть «Товарищество», «Объединение»...

– Или «Лига», – добавил Юра. – «Лига Борьбы...»... А?

– Возможно, Юра..., возможно, – и Мария Васильевна побарабанила пальцами по крышке стола. – Только это всё у нас похоже на гадание на кофейной гуще, хотя наличие детского объединения в нашем случае – несомненно. Это плохо...

– Чем же плохо? – Не поняв смысла сказанного, произнёс младший лейтенант. – Дети борются за социальную справедливость, они растут активными гражданами отечества..., – с азартом стал говорить Митин. – Не одним же бандформированиям существовать. На всякое, как говорится, действие – есть противодействие.

– Я тебя, Юра, понимаю, беспредел и у меня в печёнке сидит. Только ты проигрывай и другую ситуацию. Например, этот Мордашов ловит ребятишек на месте преступления, обзаводится свидетелями из братков, это им не сложно организовать. На доброе дело свидетеля не найдёшь, а тут... Подлость подтвердится подлостью, а закон суров. И ни вы, ни я уже ничем не сможем помочь этим правдоискателям-патриотам. Подлость всегда хорошо организована, это сто раз

практикой проверено. И запомни, младшой, именно это – самое неприятное в нашей работе. Возможно, оно и самое главное, но..., но..., но..., но...

– Не понял... – Юра изучающе посмотрел на капитана.

– Что ж тут непонятного?.. Всё очень даже просто. Самое скверное, когда сволочизм берёт верх, и ты это видишь, а поделать ничего не можешь. В этом трагедия каждого, имеющего душу, а не набор предписаний, милиционера. Ты на досуге об этом подумай..., полезно.

– Хорошо, я подумаю, товарищ капитан... И, считаю – надо ещё раз съездить на место преступления и всё хорошенько осмотреть, имея ввиду технологию прокалывания. Я, когда там был, больше о мотиве преступления думал...

– Только с пустой головой кататься не следует, – заметила капитан, – продумай варианты. Всё может быть гораздо проще, чем мы думаем. Кстати, приглядиись к дворнику, очень тебе советую.

– Вы что, на него думаете? – удивлённо спросил Юра.

– Не думаю, Юра, не думаю, точнее не хочу думать. Долг наш такой – всё проверять.

На этом у Юры разговор с заведующей отделом закончился.

Глава 10. Муха признался

Пал Палыч пришёл на следующий день на работу в клуб необычно рано. Он был взволнован, ходил по кабинету взад

и вперёд, качал головой и иногда проговаривал: «Вот пустая голова...», как же я до этого сразу не додумался?.. Он даже не заметил, как в кабинет вошли Костя с Антоном. И хотя они не должны были приходить с утра, но их тоже что-то подняло пораньше и они побежали в клуб.

Когда Пал Палыч увидел ребятишек, – он очень обрадовался.

– Антоша!.. Костя!.. Вот молодцы! А я – то старый и не понял сразу, что это за камешки мне Лёня принёс.

– Что случилось, Пал Палыч!? – спросил Костя.

– А вот что, ребята, – сказал учитель, усаживая детей на стулья и садясь напротив них, – сдаётся мне, что Лёня, не простые глиняные камешки приносил, а особенные. Я-то подумал сначала, что это косметикой в старину кто-то занимался, а утром проснулся, так меня другая мысль... Знаете, как кипятком ошпарила.

– Какая!? – взволнованно, почти одновременно спросили ребята.

– А вот какая? Помните я вам рассказывал, что в городе в старину делали глиняную игрушку?

– Конечно помним... – подтвердил Костя.

– Так вот... Эту игрушку раскрашивали разноцветными глинами...

– Вы нам тоже это говорили... – сказал Антон.

– Что?.. не догадываетесь?.. – и он взглядом впился в лица детей. В первую очередь он ждал ответа от Кости, так как

считал, что он способен к более глубокому анализу и исходя из возраста тоже.

Антон, по сравнению с братом, был натурой более эмоциональной и строил часто свои предположения не на анализе, как это было у брата, а на догадках. Им больше правили эмоции и впечатления. И его занятие в студии больше походило на игру застрявшего в песочнице малыша. Ему нравилось лепить сказочные замки, населять их сказочными зверями. Зачастую он настолько отдавался своей фантазии, что в игровом азарте начинал разговаривать с им же слепленными героями.

Иногда Пал Палычу методисты пеняли на то, что в его студии дети засиживаются неимоверно долго и что это противоречит не только медицинским требованиям, но и здравому смыслу вообще. На что Пал Палыч всегда очень серьёзно отвечал, что он проводит уроки согласно расписания, а если некоторые дети после занятий сидят и лепят, то это уже не урок, а игра и что такое их поведение не может сопровождаться переутомляемостью и так далее. Разумеется, такие замечания педагогу делались чаще всего из-за Антошкиных игровых увлечений.

– Верно, Пал Палыч, – возбуждённо сказал Костя, догадавшись, куда клонит учитель, – я понял... вы думаете, что эти камешки и есть набор глин для раскрашивания игрушек?

– Вот именно, так я и думаю..., разлюбезные. Только долго думал. С возрастом полёт фантазии поуменьшился. Вре-

мя из её крыльев пёрышки повыщипало, надо бы было мне этого Лёню расспросить остороженько, где он их взял. Я, как мне эта мысль пришла, было вознамерился к нему домой идти, пришёл пораньше, поднял свой архив по детям, кто и когда меня занимался и осечка. Против каждой фамилии адрес домашний значится, а против фамилии «Пегасов» стоит прочерк.

– Почему? – спросил Антон.

– А то, что не стал он в кружок сразу записываться, дескать, денёк, другой полеплю, а если понравится, то запишусь. Вот и не стоит против его фамилии домашнего адреса, я потом забыл записать, а немного погодя он ушёл из кружка, так получилось, что и записывать незачем стало.

– Он на нашей улице живёт, – проговорил Антон. Я его там вижу, а раньше на Астраханском шоссе жил, – уточнил Костя, – в высотке.

– Давайте так ребятки договоримся, вы там мальчишек поспрашивайте и уточните его адрес.

– Хорошо, Пал Палыч, – сказали дети, – это пустяки. Его Михан знает, – уточнил Костя, – в дружбе они.

– А Михана знает Кирюша, – добавил Антон. – С Кирюшей мы приятели..., выясним.

– Ну, давайте, ребятки, давайте..., действуйте. И если что узнаете – сразу ко мне, – и Пал Палыч от удовольствия потёр руки. Ребятчья активность его подбодрила и вдохновила, хотя он не переставал мысленно бранить себя за оплошность.

Как только дети вышли из клуба Костя сказал:

– Зря Пал Палыч к Пегому засобиралися. Осторожный он.

Если не честным путём добыл, то ни за что не скажет.

– Так Муху можно спросить, он точно знает, где Лёня эти камешки достал, везде с ним шляется, – заметил Антон.

– Точно, Тоша, молодец... Мухаева надо искать, а не Пегаса.

– Вадика я частенько на пруду вижу, он на плоту катается, – добавил Антон.

– Пошли к пруду, – предложил Костя, – и они, свернув с дороги, пошли мимо десятого дома по улице Марины Расковой напрямую к кустам за которыми виднелась полоска воды.

Мухаев действительно был на пруду. Он стоял на небольшом круглом, сбитом в несколько рядов из толстых досок, плоту и, отталкиваясь длинной сучковатой палкой от дна, правил к противоположному берегу. Его лохматая рыжая голова блестела на солнце. Вадик усердно толкал шест. Уши его покраснели от напряжения, а по вискам струился пот.

В качестве пояснения надо сказать, что плот этот, не что иное, как боковина большого деревянного барабана для намотки кабеля. Это строители, прокладывая кабель к строящемуся спортивному комплексу, оставили на плотине два пустых деревянный барабана. Вот ребятишки и приспособили их под плоты.

Около камышей покачивался на волнах другой такой же круг.

– Муха! Гребки к нам! – крикнули братья вразнобой.

– Надо было... – отозвался Вадик.

– Гребки, чего скажем... – попытался заинтриговать Костя.

– А я и так не глухой, – отозвался тот, – говори,... услышу.

Пруд был действительно небольшой, так что если сказать чуть погромче, то и на другом берегу обязательно услышишь.

– Ты так! – сказал зло Костя и прыгнул на второй круг. За ним последовал и Антон. Плот хорошо держал мальчишек и они, дружно орудуя, Костя длинной палкой, а Антон осколком доски, поплыли к Мухе. Тот, заметив погоню, хотел уплыть, но его плотик оказался на глубоком месте, а палка дно почти не доставала. Он попытался грести руками, но было неудобно. У Антона же был обломок доски и он действовал на глубоком месте им как веслом. Плоты быстро сближались. Муха видя, что встреча неминуема, уже не грёб, а просто стоял и ждал развязки. «Чего им от меня надо? – думал он, вроде бы никакой вины моей перед ними нет, а на тебе привязались. Хорошо посмотрим чего им надо?».

Муха братьев Пчелинцевых не очень жаловал, больно они уж правильные какие-то, не интересные, вечно чем-то заняты, фамилия особенно им подходит, точно пчёлки. Вот Лёня Пегас, это другое дело. Он и знает много, и фартовый.

– Муха, ты не бойся, – сказал Антон, мы тебя не тронем.

Мы наоборот хотим, чтобы ты нам помог! – крикнул Антон, видя испуганное Мухино лицо.

– Чего-о-о?..

– Помощи от тебя хотим... вот что?

– Какой помощи?.. – удивился Муха.

– Ты про Лёнины камешки разноцветные чего-нибудь знаешь?

– Муха тут же сообразил, что раз камешками интересуются, значит, кто-то видел, как они в чужой сарай лазили и доложили. Он ещё не знал, что Пегас ходил к Пал Палычу за консультацией и потому насторожился.

– Никаких камешков я не видел, и он мне их не показывал, – хмурясь, ответил Муха.

– Ой-ли!... – перебил его Костя. – А с какими тогда камешками Пегий к Пал Палычу приходил за консультацией?

– Не знаю никаких камешков, – отпирился уже больше по привычке Муха, – Лёня приносил, его и спрашивайте.

– А он сказал, что их ты ему дал, – взял на пушку Муху уже Антон.

– Вот трепло, – проговорил Муха, – соображая, что сказать. – «С одной стороны, – думал он, – получается, что он, а с другой стороны, как бы и не он. Ведь Пегас доску отдирает, и забраться в сарай, тоже его идея. Ещё говорил, что этот сарай ничейный, что в него сто лет никто не ходил. Вот тебе и «не ходил». Даже вон «пчёлки» и то знают. Он, Муха, в жизнь бы в этот сарай не полез, с его паутиной, пылью и

голубиным помётом, к тому же трико какая-то шавка порвала, да ещё ухо кот ободрал. Хорошо же, Пега... , на меня сваливаешь... Только Муху просто так не съешь. Понятно, что Лёня отвертится и ему ничего не будет, а меня одного загребут только так. Завтра Сороке позвонят, та родителей вызовет, класснуху... и завертится, а Пега в стороне... Скрывать, значит, нечего; не в его, Мухином интересе скрывать. Надо валить всё на Пегаса» – решил он.

– А ты говори, мы слушаем, свидетелями будем, – проговорил выжидающе Костя.

– Мы ведь можем и уплыть, – проговорил Антон, – от милиции ты на пруду не спрячешься, если только под плот нырнёшь, а вода в этом месте холодная, ключи бьют, сам знаешь.

– А вы подтвердите, что я с вами вчера вечером был и никуда с Пегасом не ходил? – поставил условие Муха.

– Это, смотря что ты нам скажешь? – проговорил Костя, глядя в упор на испуганного Муху, – вдруг вы человека убили или ларёк с мороженым подломали. Мы что, и тогда должны тебя у капитанши откашивать?

– Ты меня седовлаской не пугай, пуганый.

– Я тебя и не пугаю, сам знаешь, – и Костя пожал плечами. Дескать, вольному-воля, поступай как знаешь.

– Да никакого ларька мы не подламывали, а залезли в один старый сарай, у него сзади доски оторванные были, – соврал Муха, – там, в ящиках я и нашёл эти злополучные камешки.

– Сарай-то где находится?

– Где... где..? На Большой Горной, во дворике. Там, такой аппендикс к улице примыкает.

– Далеко же вас занесло, – присвистнул Костя, – это, аж на том конце Саратова, около Соколовой горы...

– Около неё. Вы только Лёне не говорите, что я вам сказал... – молящее проговорил Муха.

– А приметы того сарая назвать можешь? – спросил Антон.

– Сарай как сарай, там их вокруг полно и все одинаковые, дощатые, облезлые, какие с крышами, какие без.

– Что-то рядом приметное есть? – допытывался Костя.

– Рядом дом большой старый с полуподвальным помещением, крыша вроде черепицей красной крытая и слуховое окно в крыше... больше ничего не знаю. Темно там было. Это-то увидел, потому что от фонаря на столбе свет на крышу падал.

– Точно больше ничего не скажет, – тихо сказал брату Антон.

– Согласен, – сказал Костя и подумал: «со страха всё, что знал, рассказал. Видно из него больше ничего не выжмешь».

– Ты нас к этому дому проводи, – предложил Антон.

Костя укоризненно посмотрел на брата, Этого ему говорить не следовало.

Муха, после сказанных слов понял, что не грозит ему никакая милиция, что это братья сами на него наехали и, оттолкнувшись от их плотика палкой, резко отплыл и громко

сказал:

– Здорово я вас разыграл с сараем, а вы и поверили... ха!
... ха!... ха. Вы что, меня за лоха приняли?

– Поплыли к берегу, – сказал понуро Антон, осознавая свою промашку.

– Ты не переживай, Тош. Может быть, это и к лучшему. Муха сейчас побежит к Пегасу. И если у них есть к этому сараю интерес, то они обязательно к нему поедут. Говорил-то он искренне, от испуга. Правда, по этим приметам мы вряд ли чего сразу найдём, но попытаться сыграть на опережение можно. Главный ориентир – старый дом с полуподвальным помещением, да ещё крытый черепицей, да ещё слуховое окно имеется... вон сколько примет, можно попробовать поискать.

– Ну, и что?– не веря в успех, буркнул Антон.

– А то, что улицу мы знаем – это раз, аппендикс этот найдём, дом старый – это два, крытый черепицей – это три, плюс слухач есть и полуподвал. По этим приметам стыдно не найти, только фотографии шесть на девять не хватает.

– На этой улице может быть сто домов таких? – засомневался Антон.

– Нет, Тош, не сто, не преувеличивай. Ты много в городе видел домов крытых черепицей?

– Сколько угодно сейчас кроют...

– Это кроют металло-черепицей, ноу-хау. А тот дом старый, наверняка покрыт настоящей глиняной черепицей, по-

нял. Таких домов во всём городе раз, два и обчёлся.

– Сарай во дворе, с выломанными сзади досками, тоже факт, – добавил, улыбаясь, Антон. – Если два дома поблизости одинаковых стоят и сараи есть, то у одного из сараев обязательно доска должна быть оторвана.

– Вот видишь, сколько у нас примет, – Улыбнулся Костя, – по этим приметам стыдно не найти...

– Что ты предлагаешь? – спросил Антон.

– Предлагаю идти к «Радуге» на остановку, садиться в троллейбус и ехать до конечной, там поднимемся до Большой Горной и будем искать, улица от Волги начинается, как говорится – не заблудимся.

– А нас, того..., дождиком не намочит? – спросил Антон, глядя как со стороны Волги поднимается иссиня-багровая туча.

– Не дрейфь, – громко сказал Костя, – не сахарные, не растаем, – и ребята дружно заработали доской и палкой, стараясь как можно быстрее достичь берега.

Глава 11. Приживалы

Утро. Дневная духота вчерашнего дня вроде и не уходила. На свалке в овраге, кое-где дымятся тряпичные и газетные костерки, пахнет гарью. Этот запах перемешан с запахом матерчатой гнили и ещё с чем-то приторно-сладковатым.

– Вениамин Павлович! Вениамин Пав-ло-вич! Позоло-тин!... А-у!... раздаётся голос Крокыча. Он ходит край оврага, куда сталкивают бульдозером мусор, и ищет профессора.

– Я здесь! Семён Ваганов-и-и-ч! – послышался голос профессора, как бы из-под земли.

Кромыч подходит к краю оврага, и, заглядывая в него, говорит укоризненно, – вы, профессор, как обычно, на своём рабочем месте... Придавит вас здесь ненароком какой-нибудь бочкой или старым комодом «времен Очакова и покоренья Крыма»; был профессор и не станет профессора... Вы хотя бы предупреждали, что идёте в этот чёртов овраг... Не провалитесь там куда-нибудь.

– Здесь, Семён Ваганович, большущая плита из железобетона, так я на ней как на столе и всё моё со мной... Она у меня здесь как рабочий стол с тумбами, поперёк водотёка лежит, вроде мостика, очень удобно. Я как чего найду, так сразу на плиту.

– Вы бы туда лучше не ходили... Дышите там этим смрадом, что за выгонка идти, когда горит?..

– А это единственное место, где меня Сима не тревожит, – весело сказал профессор, поднимая палкой какое-то тряпье и пристально его рассматривая.

– Сима ещё не вставал, – пояснил Кромыч. – после вчерашнего перепоя, до обеда будет валяться. Тем более, сегодня воскресенье, мусор на утилизацию не привезут.

– Это, Семён Ваганович, хорошо что не привезут, а то я не успеваю обследовать... Вы бы, любезный, мне подали верёвку, а то отсюда к вам трудноато выбираться, а обходить далеко.

Кроkyч бросил профессору конец верёвки, которую предусмотрительно захватил с собой, зная, что Вениамин Павлович в исследовательском азарте обязательно куда-нибудь забредёт, откуда и выйти- то нельзя. Профессор поймал конец верёвки и Кроkyч стал его тянуть вверх.

– Не так быстро, дружище, тут ноги можно поломать, да и дыхание подводит, – повторял профессор, выбираясь на край оврага.

– Кажется, вы сегодня с уловом, – проговорил Кроkyч, кивая на перекинутый у профессора через плечо мешок с верёвочной лямкой.

– Интереснейшие, знаете, вещицы я сегодня нашёл, – говорит загадочно Вениамин Павлович, направляясь с Кроkyчем к хибарке. – Не знают люди, что выбрасывают в мусор бесценные для науки вещи. Сегодня, дорогой художник, я счастлив особенно – нашёл деревянный, окованный медными пластинами сундук. И знаете, совершенно целый, правда, медь отодрали, но кое-где чуточку осталась. Правда, чтобы в него заглянуть, то есть приподнять крышку, пришлось её освобождать от всякого не имеющего научной ценности хлама. На это всегда уходит масса времени. Сами подумайте – внизу сундук, на сундуке диван, на диване бочка, на бочке и диване ещё куча всякого хлама... зато труд не пропал даром... В сундуке старинные вещи, которые носили два, а то и три века назад.

– Неужели!?! – удивлённо воскликнул художник, – Тогда

надо туш играть, – и Крокыч стал импровизировать мелодию. – Прам – па – рам...

– Кажется, сегодня дождь будет, – проговорил улыбаясь профессор и кивнул на восток.

Там из-за Волги поднималась, заполнив собой весь край неба иссиня-багровая туча. Пепельные её обводы, как припущенные крылья у курицы-наседки, охватывали горизонт справа и слева, стараясь как можно больше захватить земного пространства. Из этих крыл, то тут, то там появляются белёсые всполохи, напоминающие собой цыплят, которые высунув голову из-под крыла сердобольной курицы с любопытством оглядывают местность и снова прячутся, испугавшись собственной смелости и решительности. Восток потемнел и притих.

– Мимо пройдёт, – взглядываясь в горизонт, произнёс Семён Ваганович. – До реки дойдёт и прольётся.

– Дождика бы не мешало, – сказал профессор, а с другой стороны, жаль – намочит необследованные кучи.

Они вошли в хибарку и профессор стал выкладывать из мешка найденное, художник хотел ему помочь.

– Нет... нет... я уж сам, – проговорил Вениамин Павлович. Лицо его просто светилось от счастья. – С этим, Ваганыч, надо вести себя предельно осторожно, вещи старые и могут поползти...

– Знаю..., знаю... Вы мне всякий раз, Вениамин Павлович, говорите одно и то же, как будто вы из этого оврага вы-

таскиваете вещи совершенно новые и крепкие..., удивляюсь...

– Вы, Семён Ваганович, не обижайтесь, это я так, для порядка, больше по привычке и вовсе не хотел вас обидеть...

– Так и я ворчу, дорогой профессор, для порядка. «Вот, – думаю, – бросила человека судьба на дно, а он и на этом дне человеческой жизни, без каких-либо условий, зачастую голодный и холодный продолжает своё научное дело, это, можно сказать, героический поступок.

– Что вы!.. До героизма тут далеко, Семён Ваганович. Это вы так..., подбадриваете старика. Как я знаю – вы ведь тоже без дела не сидите... и то же не в специализированной мастерской с кондиционерами свою картину пишете.

– Только не надо вспоминать о вонючей кадке из-под рыбы, – улыбнулся художник, зная, о чём сейчас скажет профессор.

– Нет-нет, больше не буду. Раз вам эта кадка доставляет удовольствие, то ради бога..., сколько угодно.

– Хочу вас поблагодарить, Вениамин Павлович, за краски. Помните, на прошлой неделе вы нашли их в своём овраге.

– И что?.. подошли?.. – заинтересованно спросил Позолотин.

– Очень даже подошли... Я их разбавителем, а они и разошлись, не успели до конца высохнуть. Вы мне так помогаете своими находками, то разбавитель, то скипидар, то краски. Особенно для меня ценна изумрудная зелень. Краплак,

тоже заканчивался, а тут целый тубик, надолго хватит. Его ведь у меня не так много идёт. Вот сиена – это другое дело. Сиена у меня в ходу. Ой! – всполошился он, – Что это я о своём, да о своём. Наверняка вы что-то, профессор, не договариваете... Что там у вас ещё в мешке? Глаза-то вон как поблёскивают.

– Как и следует художникам, вы проникательны!... – торжественно сказал Позолотин и с этими словами вытащил из мешка несколько тряпичных кукол. – Ну, как? – и он восторженно посмотрел на Крокыча.

– Объясните, Вениамин Павлович..., чтоб я знал чему радоваться? по мне – куклы, как куклы, – и Крокыч с недоумением посмотрел на профессора.

– А вы, любезный, на материал посмотрите из которого они сделаны..., на материал...

– Материал, как материал, – проговорил Семён Ваганович, ощупывая кукольные платица, – в чём секрет, говорите?

– Да как же вы не видите!? Это же самотканка... ну что вы, право!.. – расплылся в улыбке профессор.

– Чего в этом особенного? Ну, самотканка... Скажите толком. Всё равно я не догадаюсь...

– А здесь, Ваганыч, и догадываться нечего. Тряпичные куклы позднего периода в развалах нет-нет да и встречаются. Материя машинного производства, она сразу о позднем периоде говорит, а это самотканка. На этих куклах одежда

из особой ткани сделана. Её дома на деревянном ткацком станке в зимнее время хозяйка дома вырабатывала, а это уже бросай на полтора – два века назад. Вот так дорогой, – и Вениамин Павлович радостно засмеялся.

– Много ли человеку для счастья надо? – сказал шутя Крокыч, – нашёл тряпичную игрушку и рад.

– Рад! И очень рад!... – подхватил Вениамин Павлович, – за такую находку я готов простить Симе все вчерашние издевательства... – Профессор помолчал, глубоко вздохнул, и задумчиво договорил. – А если бы нашёл, то чего я пытаюсь всё время найти, то я бы и Забродина расцеловал.

– Так это уж слишком, – насупившись заметил Крокыч, – имейте к себе уважение, милейший. Они вас в яму, а вы из ямы им говорите, что вы их любите и готовы простить. – Кстати, чего это вы пытаетесь всё время найти? Чего-то раньше вы мне об этом ничего не говорили..., видно сейчас проговорились. Не так ли?

Профессор немного сконфузился, поняв, что проговорился и, не желая обидеть друга какой-то личной тайной, чего меж ними, за годы, прожитые на свалке, не водилось, сказал:

– Есть малость. Но, не потому молчал, что не доверяю, а более потому, что собственным голосом собственную мечту боялся спугнуть...

После этих слов профессор помолчал, видно не зная, как и с чего начать, затем собрался с мыслями и сказал:

– Знаете, Семён Ваганович, – тряпичная игрушка – это

хорошо, даже очень хорошо. Только не она доминировала среди игрушек нашего края... Коренной игрушкой была глиняная..., а её нет.

– А что это была за игрушка? – спросил с интересом художник.

– Игрушка, как игрушка, не хуже и не лучше тех, что лепили в других краях. Только с одной особенностью – на ней была расточка.

– Что?.. Как-то непонятно?.. можно, профессор, с расшифровкой, как для нерадивого студента?..

– Это такой штампиковый рисунок, оттиск на глиняном теле, в виде штришков, точек, оставленных палочкой, потому и расточка. Оттиски эти подкрашивались глиной, как краской. В моей монографии, ну в книге которую я пишу, есть глава, в которой я говорю об этой игрушке. Эта книга сейчас не может быть опубликована потому, что главный вывод не подтверждён доказательством. Доказательством может служить только найденная игрушка, а её нет. Раз её нет, – значит и книги нет. Понимаете вы меня?!

– Не расстраивайтесь, Вениамин Павлович, ... всё будет. Я вот dokonчу эскизы к картине и сразу примусь за поиски игрушки... Мы её обязательно найдём. – Успокаивающе сказал Крокыч.

– Когда это вы приметесь, любезный?.. – строго и сердито проговорил Вениамин Павлович. Видно было, что он рассердился. – Нет-нет, такие царские подарки я не принимаю. –

Замотал отрицательно головой Позолотин. – Он, видите ли, картину бросит писать!! – сказал профессор. – Эх, куда хватил! Так не пойдёт. Я, милейший, только описываю то, что создано, а вы создатель, художник. Вам писать надо, картину создавать, а такие как я, описывальщики, всегда найдутся...

– Ой!.. не скажите, Вениамин Павлович... Вашу игрушку до вас описали?.. Нет. Так что с описанием тоже не всё гладко выходит.

– А что, Семён Ваганович, с эскизами? – профессор перевёл разговор в другое русло.

– Дописываю последний, – сказал Крокыч, улыбнувшись, – Я сегодня, пока вы в овраге сундук освобождали, все окончательные наброски к картине в один рулон свернул, чтоб не путаться. Немного передохну, силы внутренней поднакоплю и за дело. Не потому что я устал, а для того, чтобы волнение в груди улеглось.

– Отделили, значит, зёрна от плевел?

– Не от плевел, Вениамин Павлович, а просто отделил здоровые и полновесные зёрна от некондиционных.

– Да, да. Я неправильно, Ваганыч, выразился... Так, как назовёте свою картину?

– Как назову?.. Название давно есть. Называться она будет «Вершина мира». Сюжет картины – свалка.

– А почему «Вершина мира», а не «Дно» или «задворки мира»? В чём же пафос?

Крокыч улыбнулся. Улыбка выдала его внутреннее волне-

ние.

– Все эти годы я только шёл к картине. Нарисовать не сложно. Главное её выносить.

– А пафос!? Пафос!?

– Что, пафос?.. Борьба со злом и преображение человека.

А если точнее – когда слабеет тело – наступает торжество духа... – Крокыч помолчал и добавил. – Только я тоже не могу закончить своей работы без вашей, профессор, игрушки. Мне эта мысль пришла только что. Именно игрушка, старая добрая игрушка под гусеницами бульдозера на первом плане будет фокусирующей точкой на полотне. Так называемой точкой схода. Да... да..., все линии будут сходиться в этой точке. Игрушка будет олицетворением старого, доброго. Будут ещё два вспомогательных подплана справа и слева со своими точками схода...? Я решил, я её вижу... да, да два подплана... И потом туча, что мы только что видели с такими расчёсами дождя и ржавыми подпалинами на фоне причудливых солнечных пятен на земле и в небе..., а... каково?! Гроза!! Раскаты грома!! Омовение человечества!!

Глаза Крокыча горели. Лицо его было восторженным, взгляд устремлён на профессора, но наверняка в этот момент он его не видел, потому как в душе его рождалось полотно, рождалось прямо сейчас на глазах Позолотина со всеми его планами и подпланами. Оно ещё не материализовалось в краске и лаке, но оно уже было, и этот взгляд художника подтверждал рождение нового и доселе в искусстве неви-

данного.

– Этот эскиз я буду писать прямо сейчас... я его вижу... мне его надо только перенести из души на холст.

– Как вы это видите?.. – робко спросил профессор, глядя на взволнованного Крокыча.

– Я его вижу, так же как и вас, даже лучше.

– Как это лучше? Теперь вы мне растолкуйте, как нерадивому студенту, – удивлённо сказал Позолотин.

– Вас я вижу глазами, то есть материя осязает материю. Здесь на достоверность увиденного влияют и погода, и освещение, и видовой план, а картину я вижу душой, вижу без каких либо помех. Там, во мне, внутри, всегда и нужное освещение, и ракурс, и световые подсветы прорывающихся солнечных лучей сквозь тьму и хаос, и многое другое, как бы в колбе...

– А в этом месте, Ваганыч, можно поподробнее?

– Я закрываю глаза, и передо мной появляется полотно. На этом полотне я вижу чётко передний план общечеловеческой свалки, вижу вещи, которые выброшены людьми..., много вещей, профессор, и вас вижу, вы в очках на дне свального оврага, а в кабине бульдозера Сима, и людям не нужны эти вещи, равно, как и вы со всеми вашими знаниями..., и самосвалы, самосвалы, самосвалы. В овраг летят вещи, упаковочный материал, и с ними книги, которым в здоровом обществе нет цены, иконы, они людям не нужны. В обществе другой дух, другие ценностные ориентиры... Приоб-

ретательство и вещизм главенствует в душах! – Глаза Крокыча были широко раскрыты. Он говорил и, казалось, не видел ни профессора, ни хибарки, ни бочки из под рыбы у оврага. Он, это было понятно, видел само полотно.

– Вы что, уже отказались от рваной галоши?– спросил профессор.

– Почему отказался?.. просто она на другом видовом плане. Она, как и игрушка, своей точкой схода заостряет внимание, аккумулирует внутреннее состояние, будит духовные силы в человеке...!

– Видите, милейший, вам надо писать, – тихо сказал Позолотин, – и я не могу допустить того, чтобы вы не писали. Ведь надо спасать гибнущее человечество, надо спасать соотечественников от этого, вторгшегося в сознание людей монстра вещизма, приобретательства, роскошества, этой благодатной почвы для разврата и прочих мерзостей. А кто это сделает как не вы своей картиной. Вы её обязательно напишите и мир вздрогнет, глядя на неё, а точнее, увидев самого себя на этом полотне.

– И вы, профессор!!!... и вы!!! – восторженно, любящими глазами, глядя на Вениамина Павловича, – почти выкрикнул художник. – И ваша книга...!

– Я ведь тоже, любезный художник, когда пишу монографию, немало представляю. Также внутренним зрением вижу и старый Саратов с его позванивающей конкой, и фонарщиков, зажигающих фонари, и разговаривающих купчих в ста-

ринных одеждах, даже слышу, как запряжённые в пролётки лошади цокают подковами на Московской улице...

– И у вас такое же!.. вот здорово... Это просто необыкновенно здорово, профессор! – выкрикнул Крокыч.

И не успела улечься возбуждённая радость на лице Крокыча, как в оконце робко постучали.

– Кому надо? – спросил художник.

– Это Сима, – испуганно сказал профессор шепотом и схватил Крокыча за руку...

– Нет. Он бы матерился, – ответил Крокыч, открывая дверь лачужки.

В лачужку ввалился, заполнив оставшееся в ней пространство, ещё далеко не старый, гладко выбритый, что не всегда бывает у бездомных, с густой искрящейся проседью шевелюрой улыбающийся человек.

– Кажется, успел до дождя, – проговорил он, – наше вам.

– Наше тоже вам, – ответил недоумённо Крокыч.

– Это я, Валет, – проговорил вошедший, – вы, что меня уже не помните?

– Как не помним..., помним, – сказал Крокыч, припоминая вошедшего. – Тебя как Сима прогнал, так ты и глаз не кажешь. Уж, больше года не видели. Чего к нам?... нужда какая? – спросил знакомого художника.

– Нужды нет, а просьба есть, – ответил Валет усаживаясь на чурбак, который служил верстаком для изготовления Крокычем рамок для картин.

– Дело в том, что мы, то есть пилигримы, решили помочь своему брату по несчастью, – немного смущённо проговорил Валет.

– Ты конкретнее можешь? – спросил, перебивая гостя хужожник.

– Дело то уж больно деликатное, – проговорил, сбиваясь Валет. – Прослышали мы, что среди нас бомжует учёный, книгу пишет, а живёт не лучше других... Вот мы и решили помочь... только, где этот учёный обретается? – не знаем. Меня братухи к вам послали узнать, может чего слышали? «Сходи, говорят, Валет, на свалку, там тоже наши кочевники прозябают, может чего прознаешь?»

Крокич с Позолотинным переглянулись и дружно рассмеялись.

– Чего я такого смешного сказал? – спросил, немного обиженный, недоумевая, Валет.

– Ты правильно пришёл, – сказал Крокич, обнимая Валета, – найдём мы твоего академика, кое-чего слышали...

– Правда, – обрадовался Валет.

– Конечно, правда,... знаем такого...

– И куда же мне идти дальше? Говорите... – обрадовано спросил Валет.

– Уже пришёл... – сказал Крокич.

– Так это ж уже другое дело, – изумился и тут же засуетился Валет... – а я, знаете, не с пустыми руками. На сходе пилигримов постановили, профессора этого подкармливать

всем миром. Мне тут насобирали... Вы этому профессору еду не передадите?

– Обязательно передадим, – сказал Крокыч.

– Не обманите, а то вон как лукавые зайчики в глазах прыгают..., съедите сами и спасибо скажете.

– Да как же не съесть, обязательно съедим, дорогой,... так перед тобой самый и есть твой учёный, – и Крокыч кивнул на Вениамина Павловича. – Прошу любить и жаловать – Вениамин Павлович Позолотин, доктор наук, профессор, лекции в Сорбонне читал.

Валет от неожиданности открыл рот, да так не закрыв и остался стоять некоторое время, а потом вдруг засуетился и стал выкладывать из сумки съестное, приговаривая:

– Вы не гнушайтесь..., братухи старались..., всё свежее. Просроченное – ни-ни. Мы от всей души, кто чего мог... с мира по нитке, как говорится.

На столе в хибарке выростала куча съестного, а Валет всё вытаскивал и вытаскивал, казалось из бездонного мешка свёртки, свёрточки, кулёчки...

– Мы тебя в обиду не дадим, – приговаривал Валет. Дело это уже не твоё личное, а общественное. Если так пошло, то мы пилигримов всей Расеи... все подключатся. С Пензенскими уже разговаривали... Там Самарские пособят... Тут наш бомжатник только расшевели... О-го-го! – Наконец он запустил руку в мешок ещё раз и ничего не вытащил, мешок был пуст. Валет виновато посмотрел на Крокыча и профес-

сора и сконфузился оттого, что в мешке больше ничего не оказалось.

А через пять минут они уже втроём сидели за столом и дружно пировали.

– Вы..., вы удивительнейшие люди, говорил со слезами на глазах профессор... – я даже не знаю чем вас отблагодарить... – Он привстал. – Вот Семён Ваганович, поразительный художник. Вы знаете, – профессор посмотрел на Валета, – он пишет картину века. Вот это всё, он обвёл взглядом торчащие ото всюду скатки бумаги, – эскизы к этой картине. Её выставка будет подобна землетрясению, ... обрушатся здания притворного мира, она обнажит тлетворное..., она..., она..., – но Позолотин больше не сказал ни слова, у него от перевозбуждения запершило в горле и он, закашлявшись, сел.

– Вот это да!!! мы решили помочь одному таланту, а тут их даже два оказалось, – весело сказал Валет... Чёрт возьми..., до чего я рад, что вас нашёл... Только вы мне книгу покажите, рисунки я вижу... здорово всё. Расскажу братьям – не поверят.

– Вон свёрнутые эскизы к картине в углу стоят, – проговорил, улыбаясь, профессор. – Семён Ваганович сегодня отбором занимался, а то девать всё некуда...

– Да это целый рулон... – проговорил Валет, с уважением глядя на эскизы.

– Будет картина века, – пояснил Позолотин.

– А это всё для чего? – спросил Валет и кивнул на торчащие вокруг ватманские листы.

– Это тоже самое, – смутился Крокыч, – просто, когда что-либо пишешь, то обязательно есть первоначальные наброски, а есть уже более поздние, выношенные зарисовки, только картины всё равно пока нет. Зато есть готовая рукопись Вениамина Павловича, – переключил Крокыч внимание на профессора.

– Не вижу, – Валет взглядом окинул стол. – Где рукопись? Мне братухам надо докладывать.

– Так вот же она, – сказал Крокыч и отодвинул фанерку, закрывавшую потайную нишу. В нише Валет увидел две стопки бумаги. Профессор достал несколько листов лежащих сверху объёмной пачки и подал гостю. Валет взял, покрутил их в руках, пытаясь прочитать заглавие и, смутившись, вернул профессору. – Знаете, я в этом не очень разбираюсь. Главное я видел собственными глазами... вся полка в стопках рукописи, теперь есть, что сказать людям.

– Да нет, – сказал Крокыч, – левая стопка – черновик, а правая – беловик.

– Спасибо. Теперь удостоверился. Только мне засиживаться нельзя... вы уж извиняйте, я ужо, как-нибудь ещё загляну... Нам, главное, чтоб знать... – И уже ни к кому не обращаясь, проговорил: «Чудны твои дела, господи..., действительно – пока не сгниёт, не прорастёт», – и Валет, попросившись, ушел.

После ухода Валета в хибарке наступила тишина. Эту тишину прервал профессор. Вениамин Павлович встал и, прохаживаясь в узком промежутке между столом и кроватью, проговорил:

– Человек – это тайна... Мы с вами, Семён Ваганович, теперь просто не имеем права не довершить начатого... ни я, ни вы. Сами полуголодные ходят, живут тем, что найдут... а поди ж ты!.. Не имеем права..., слышите меня? – у Позолотина выступили на глазах слёзы.

– Не только слышу, но и нутром чувую... – велик человек!... вот этому поражаюсь, – добавил Семён Ваганович, – и чем ниже падёт, тем величественнее, восстав, становится... А я для вас тоже подарок приготовил, – и он на минуту, выйдя за дверь, вернулся назад с каким-то коробком.

– Что это? – спросил одними глазами профессор.

– А ничего особенного, – проговорил Семён Ваганович и вытащил из коробка очень старую механическую печатную машинку. – «Ундервуд» называется, – сказал художник и хлопнул по её по чёрному блестящему стальному телу. – Будете теперь не авторучкой строчить, а на технике работать.

– Как же вы её достали? Где?! – удивился Вениамин Павлович, – вы же в отбросах не роетесь?

– Всё просто, – договорился с одним шофёром, что всё время к нам мусор возит, вот он и привёз, её даже выкинуть не успели, тольконесли, прямо в коробке, не новая, но в рабочем состоянии. Лента есть, бумаги у нас завались... – ком-

ментировал Крокыч. Конечно не компьютер, но вы уж извиняйте... Да и толку от компьютера, всё равно у нас с вами электричества нет.

Вениамин Павлович взял в руки машинку, прижал её к себе и, не смотря на то, что она была довольно тяжелая, не хотел выпускать её из рук. Да, да, в то время, когда на свалку уже везли старые компьютеры, для профессора подарок Семёна Вагановича был ценнее всего на свете.

.....

После того, как Валет, распрощавшись с Крокычем и Позолотинным, ушёл со свалки, он пошёл, по настоянию товарищей, навестить Никиту и предложить ему, как было решено на сходе бомжей, взять в свои руки издание книги профессора. Потому как Никита был не только доверенным человеком, но и человеком с адресом и пропиской. Потому, как у Никиты, хоть маленькая жилая площадь, но была. А, стало быть, он самым что ни на есть законным образом мог вести любые юридические дела и, пожалуй, самое главное – его почитали за человека исключительной честности.

Когда Валет вошёл в комнату Никиты, тот спал, накрывшись от мух газетой. Газета от его дыхания мерно то опускалась, то поднималась.

– Вот это даёт! – громко проговорил Валет, желая разбудить дворника. – Обчество ему купюры доверило охранять, а он дрыхнет, да ещё открытый. Дверь-то, дорогой, надо закрывать, кассу-то и спереть могут...

– Какую кассу? – спросил Никита, никак не беря в толк, о чём ему говорит Валет.

– Это ты раньше не закрывался, – сказал Валет, – потому как красть у тебя было нечего, разве тебя одного. Только кому ты был нужен?... а теперь тебе опчество доверило, можно сказать, самого себя... вот так... А ты?

– А что не так? – спросил, начиная понимать, что произошло Никита. Мысль окатила его, словно холодной водой: «Оказывается ему, действительно Валет передал деньги на хранение, а он подумал, что это сон».

И тут Валета как будто прорвало:

– Вы посмотрите на него, – всплеснул он руками... артист, ей богу артист... И рожу сделал ничего не понимающую, и дверь открыта,... ну и хитёр-бобёр. Правильно мыслишь, друг – Если бы ты стал ни с того ни с сего запирать дверь, то это уже подозрительно и людишкам хочется заглянуть за эту запертую дверь..., правда,... ну хитёр,... ну хитёр, – и Валет понимающе погрозил Никите пальцем, дескать «Знай наших». Правильно придумал, молодец.

Никита только хотел было раскрыть рот и рассказать Валету о произошедшем, как Валет, не дав ему ничего сказать, начал говорить дальше. – Я тебе даже одну жизненную историю расскажу. Тогда я ещё не бомжевал. Были мы на лесоповале, нас от колхоза на лесозаготовки вербовали. Набралась бригада, поехали. Подошло время зарплату получать, мы и отряжаем одного из наших, Ивана Васильевича, как

щас помню. Сел он на поезд и уехал, а у нас душа болит, деньги-то немалые. Подходит время, должен вернуться, мы к поезду, да в вагон. А наш Коваль сидит и лыбится. Мы его Ковалём звали потому, что у него фамилия была Ковалёв. Мы к нему – «привёз?». А он в ответ – «привёз». Мы – «не томи душу». А он вытаскивает из-под лавки мешок не первой свежести, – тут говорит. Развязываем, а там штук пять булок хлеба зачерствелых и узелок с деньгами. Тогда в вагонах не только он один ехал, некоторых карманники пощипали, а он довёз... А ты, молодец... Так я пошёл, скажу нашим, что всё в порядке. – И Валет, попрощавшись, ушёл, так и не выслушав опешившего дворника.

После его ухода Никита ещё какое-то время продолжал лежать. Он вдруг понял весь трагизм своего положения. Оказывается, ему действительно Валет дал на сохранение общественные деньги, а Никита??? Тут он вспомнил, что сунул сумку с деньгами под голову, а вот, когда он проснулся, то сумки этой не было, потому Никита и подумал, что это ему приснилось. «Может быть, сумка там, около вишни и лежит в траве?» – подумал Никита и пошёл во двор, чтобы осмотреть место под вишней. Сумки там не оказалось. Никита сел на траву и обхватил голову руками.

Глава 12. Какому богу молиться?

Утром глиняшки проснулись ни свет ни заря. Они так рано никогда не просыпались. А проснулись потому, что ощутили некую тревогу. Да и спали они не на своих привычных

местах, а сбившись кучкой около трельяжа.

– А что, если нам самим пойти на Пешку или Сенной, – предложил Мурлотик. – Нельзя же просто так сидеть сложа руки и ничего не делать.

– Что и сами на прилавок залезем... берите нас, люди, кому хочется? – проговорил Пустолай. – Я тебя всегда за умного кота держал, а ты чушь несёшь собачью.

– Коты собачью чушь не несут, – обиделся Мурлотик.

– Хорошо..., пусть будет чушь кошачья, – поправился Пустолай.

– Кошачьей чуши не бывает, – ответил кот, – есть только чушь собачья.

Хватит вам пререкаться, – сказала Дуня. – Нам надо думать о своём спасении. Я не хочу, чтобы меня брала эта си-неволосая Барби. У неё такие холодные руки, просто ужас... – и она, как бы от холода, передёрнула плечами.

– Давайте положимся на мамушкиного бога, которому она всегда молилась, и будем ждать, – предложила Катерина.

– Мы не знаем, как это молиться? – сказал Заступник, – и мамушкиного бога никогда не видели.

– Мамушка мне говорила, что бога видеть не надо, главное, что он тебя видит. – Заметила Дуня.

– А я знаю, – сказал Заступник, – знаю, как она молилась. Она стояла всегда перед вот этой иконкой, – и он кивнул на икону в углу комнаты, крестилась и просила Спасителя и Богородицу, так она их называла, о помощи и заступниче-

стве, – сказал Заступник.

– И древние наши князья и цари, тоже полагались как на войско, так и на небесные силы, – например, на Ярилу, – вставил Свистопляс. – Я мамушку сколько раз просил слепить древних богов и им поклоняться, а она ни в какую. Я тут, между делом, нашёл во дворе чурбак, точь в точь, как был в молитвенном месте у древних, только немножко подравнять и кое-где протесать.

– Сам молись своему чурбаку, – огрызнулся Пустолай.

– Да уж, пню поклоняться как-то не по мне, – проговорил Мурлотик. – Ты уж сам об этот пень лоб расшибай.

– Если не нравится молиться вырезанным богам, то можно просить солнце, деревья, ветер помочь в борьбе с врагами, – сказал, насупившись, Свистопляс.

– Это суть идолы, – ответил Заступник. – Не призывай их больше. Я понимаю, что ты из тех времён, когда на Руси было идолопоклонство, но ты же современный цивилизованный кентавр, должен понять.

– Я стараюсь понять, – проговорил Свистопляс, – но только пока не очень выходит. Время мне говорит о других богах, вырезанных из дерева или выточенных из камня...

– Это многобожие, – сказал Заступник. – А в мире, мамушка говорила, есть только один бог.

– Вот пусть он своей гнилушке и молится, а я трухлявому пню молиться не буду. – Сказал сердито Мурлотик и многозначительно отвернулся.

– А давайте и мы помолимся, – проговорила тихо Дуня, только не пню, а мамушкиному богу. Мамушка ведь знала, кому молилась. Мы ей верим, правда, Свистопляс?

– Пожалуй, с тобой можно и согласиться, – сказал, раздувая, кентавр, – от её молитв никому плохо не было...

– Так и давайте делать, как она делала, – убедительно проговорила Дуня.

– Как это? – недоумённо спросил Пустолай, – мы не умеем.

– А как мамушка молилась, помните? – спросила Дуня.

– Не-а, – помотал головой Пустолай.

Вместо ответа, Дуня подошла к мамушкиной иконке, опустилась на колени, и, кланяясь до пола, проговорила, – мамушкина заступница, помоги её деткам в беде, выручи нас. Сделай так, чтобы мы попали к хорошим людям... Ведь это ничего, что мы глиняные, но ты же всё можешь... Проси своего сына, чтобы помог нашей беде, он всё может... – и добавила, повернувшись к игрушкам, – мамушка говорила, что он всё может..., что она без его помощи даже нас сделать бы не могла.

– Сомневаюсь я что-то, чтобы эта картинка нам помогла? – сказал кентавр и кивнул на иконку. – Мы делали очень больших богов, ростом с людей и больше и то не всегда помогало..., а тут картинка... – и он в сомнении покачал головой.

– Мы не иконке молимся, а святой деве, она на небесах и

всё видит и слышит, – убедительно сказала Дуня.

Кентавр отошёл в сторону и недоумённо посмотрел на Дуню. Ему всё это было очень непонятно, хотя он любил мамушку и верил ей.

Игрушки стали молиться мамушкиному богу и когда они так молились, то вдруг в комнате из-за изразцовой печи вышел старенький дедушка с котомкой за спиной, старинной одежде и сказал, обращаясь к игрушкам: «Не бойтесь меня, я ваш друг. Я знаю вашу мамушку. Своими игрушками она несла в мир добро и любовь людям. Она всегда хотела, чтобы дети на земле играли в добрые игрушки, то есть в вас. Заботьтесь друг о друге. Любите друг друга. Терпите. Берегитесь соблазнов. Помните сказанное».

Глиняшки не успели как следует рассмотреть пришельца, как таинственный старичок стал вдруг от них удаляться, меркнуть, меркнуть и исчез совсем. Игрушки были так испуганы, что боялись пошевелиться. Через некоторое время они стали приходить в себя, зашевелились, стали разговаривать.

– Что это было? – спросила Катерина.

– Я думал, что у меня лапы от испуга отсохнут, – проговорил Пустолай, садясь на задние ноги.

– Сроду труса не праздновал, – сказал Заступник, – а тут, по правде говоря, душа в пятки стала уходить.

– Что это было? – спросил Свистопляс, потрясённый случившимся до копыт.

– Это, наверное, мамушкин бог услышал нашу молитву к

нему, – сказала Дуня.

– А наши боги никогда вот так... – проговорил кентавр... – никогда. Я теперь не хочу им верить, а хочу верить только в одного единого мамушкиного бога...

– Я думаю, что мамушкин бог нас спасёт? – сказал Мурлотик.

– В этом даже не сомневайтесь, – уверенно сказала Дуня.

– Как же спасёт? – недоумённо спросил кот. – Если б раз... и не стало всего этого... ни синеволосой, ни «добрячка» и несли бы нас домой радостные дети, а то чего-то ждать надо? да терпеть.

– Размечтался... – сказала Дуня, – мне мамушка говорила, чтобы спастись – надо самому потрудиться и, прежде всего, верить в бога. Только мы должны пройти испытания, – говорила мамушка, – побыть и в беде, и в радости, преодолеть невзгоды. Земля это не рай – это место закаливания душ и проверки их на прочность.

– Если бы мы сейчас очутились в детской комнате или в садике, тогда бы да... – упирался Мурлотик, – тогда бы я поверил, а так...

– Фома ты не верующий, – сказала Дуня.

– Почему Фома? Я добропорядочный кот, – обиделся Мурлотик, – и зовут меня не Фома. Вот Фому Фомича, нового хозяина дома зовут Фомой, а я не Фома, тем более неверующий. Ты меня обидела до корней усов.

– Ты не обижайся, – ласково проговорила Дуняша. – Так

говорят, когда человек не хочет поверить на слово, а желает доказательств. Мне мамушка рассказывала, что был такой человек, апостол, звали его Фома и он никак не хотел верить, что бог Иисус Христос воскрес из мёртвых, а желал доказательств... Да ты не обижайся, Мура,... смотришь на меня букой... Вон даже кентавр – идолопоклонник и то поверил..., а ему это сделать было гораздо труднее, чем тебе.

– Не убеждай меня, Дуня, вот когда спасёмся, пусть даже через труднейшие испытания, тогда поверю, а по-другому никак. Ты лучше Фоме Фомичу об этом неверующем Фоме расскажи.

– Фома Фомич об этом знает, – тихо сказала Дуня, – только мир и всё что в этом мире находится, для него слаще спасения. А если б было не так, то он бы никого и не обижал.

Может быть, разговор так бы и продолжился, но на крыльце послышались шаги Никиты. Он вошёл в комнату, посидел на дубовой кровати, на которой умерла мамушка, похмыкал и, увидев на полу игрушки, почесал бороду и сказал:

– Кончились наши добрые дни, ребята. Опять обещался новый хозяин приехать... Что скажет..., что скажет..., чем обрадует? – сказал он как-то растерянно. – Да и обрадует ли? Я думал в доме Елены Никаноровны музей игрушки соорудить... Эх!... людишки-человечишки. Такая наша с вами жисть наступила... А вот и они, кажись,... легки на помине.

Он встрепенулся, встал и на всякий случай убрал игрушки за занавеску.

На улице хлопнула автомобильная дверь. Из машины вышли трое: добрячѣк, Барби – Зина и ещё один неприметной наружности, небольшого роста мужчонка. По всей видимости это был тот самый подрядчик. В щель между ставней было видно, как Фома Фомич указал мужчонке на дом и двор. Голосов не было слышно, но по жестам было понятно, что Фома Фомич говорит, чтобы подрядчик всё осмотрел и указал на территорию, прилегающую к дому.

Мужичонка закивал и сразу стал деловито всё осматривать и записывать в блокнот.

Через несколько минут заскрипело крыльцо и в комнату вошли «добрячѣк» и синеволосая, которую он ещё называл словом «прелесть». Пока они приглядывались к затемнённой горнице, из соседней комнаты, весело подпрыгивая, выбежали Белянка и Смуглянка, а за ними вышел с гармошкой в руках Васѣк и все трое встали перед синеволосой Барби.

– Ой! – проговорила испуганно Катерина шепотом, наблюдая из-за занавески, – они что, чокнулись что ли эти бодливые? Васька-то уж так-сяк.

– Это, кажется, и есть тот самый Васькин план по преобразованию жизни в действии, – заметил Пустолай.

– Тихо вы, – зашипел на говоривших Мурлотик, – заметят.

Васѣк прошѣлся гоголем перед Фомой Фомичом и синеволосой, всем своим видом показывая, что он не лыком шит и умеет ценить достижения цивилизации. Белянка и Смуглянка шли по бокам и старались ему соответствовать. Васѣк

тут же растянул меха гармошки, раздалась разухабистая частушечная мелодия. Гармонист чёртом вращался на левой ноге и притопывал правой. Вот он остановился напротив синеволосой Барби и потрянув кудрями пропел:

Я люблю девчат красивых
Ну, такие, как в кино,
Кровь застыла просто в жилах,
Лишь увидел вас в окно.

– Это что за плясун, – наклонилась к нему синеволосая, широко улыбаясь. Открытая лесть ей явно нравилась. Она наклонилась так низко, что прядь синих волос упало гармонисту на плечо.

Мы умеем, мы умеем
Веселиться и плясать,
Мы умеем, мы умеем
Жизнь частушкой украшать...

Гаркнул во всё горло, ударил в колокольчики и залихватски задёргал мехами Васёк.

– Дал же бог дураку талант, – проговорила Дуня, краснея. Она отвернулась, чтобы не видеть всю эту сцену, и две слезинки-бусинки выкатились из её глаз.

– А вы тоже чего-то умеете? – спросила Зина козочку и

овечку. Те онемели от радости и только и смогли выдать из себя «бе» да «ме».

– И то славненько. Можно показать гостям. Правда, дорогой? – обратилась она к Фоме Фомичу. – Кстати, завтра приезжает предприниматель из Франции господин Батист, ему будет интересно...

– Они что... заводные? – Спросил Фома Фомич, – или на батарейках?

– Не знаю... – пожалала плечами синеволосяя, разглядывая фигурки и не находя в них места куда могли быть спрятаны батарейки. – Ничего не вижу...

– Не ломай головку, цветик. Покажем специалистам они во всём разберутся в два счёта. Японцы видимо состряпали. Хитрые эти япошки.

– Мне просто интересно, как всё это действует?... включается там, или где программка установлена? – добавила синеволосяя.

– Они, наверное, с часовым механизмом, – сказал «добрячок», – а то чего бы вдруг... – тут он обратился к сторожу. – Никита, положи эти безделушки в сумку, да снеси в машину, – заметив Зинин особый интерес к поделкам, распорядился Фома Фомич, – вдруг что стоящее?..

«Добрячок» и Барби больше не стали задерживаться в доме и вышли.

– Вы откуда, дурашки, взялись, – спросил Никита, неся сумку с игрушками к машине. – Вот уж

некстати... вот некстати... Это ж надо... Вроде бы убрал – на тебе, вывалились невесть откуда...

Он положил сумку с игрушками на сиденье автомобиля и удалился. Когда Никита ушёл, то Васёк сказал притихшим овечкам:

– Держитесь за меня, райской жизни не обещаю, но кататься, как сыр в масле, будете, если дурами не окажетесь.

После отъезда хозяина, Никита собрал оставшиеся игрушки в грубо сколоченный ящик, из толстых досок, из под хозяйственного мыла. Затем накрыл крышкой, для надёжности, прибил её гвоздём и отнёс на чердак, с глаз подальше. Только потом он о таком своём решении долго жалел и корил себя за непредусмотрительность.

Глава 13. На чердаке

Как только игрушки очутились на чердаке, они сразу сделали попытку выбраться из ящика, который ужасно пах хозяйственным мылом, но крышка на ящике оказалась до того тяжёлой, что поднять её не было никакой возможности. Может быть, Заступник бы и поднял крышку, только он был мал ростом, а ящик был наоборот глубокий, потому Заступник никак не мог упереться в крышку плечами и головой. Остальные все были меньше Заступника и в помощники никак ему в этом деле не годились.

– Там Гуделки с Свистоплясом не слышно? – спросила Катерина, – они должны быть на чердаке, – и закричала: «Глиня!! Глиня!!»

– Я здесь, – проговорил снаружи Гуделка, – так значит это вас Никита на чердак затаскивал, а мы думали с Свистоплясом: «Чего это ему на чердак лезть понадобилось? Да ещё какой-то ящик принёс».

– Гуделка, ты можешь как-нибудь крышку открыть или хотя бы в сторону сдвинуть? – спросил Пустолай.

– Один не смогу, тяжёлая, сейчас брата Свистопляса позову...

– Свистопляс!! Ты где-е!? Сви-сто-пля-я-с!,- крикнул Глиня, – иди-и, помоги-и, крышка тяжеленная, одному не справиться-я...

– Иду-у-у! – донеслось с противоположного угла чердака. Раздалось цоканье копыт и лихим аллюром, с посвистом, кентавр подскакал к ящику.

– Какая крышка? – спросил, Свистопляс и изучающее стал смотреть на ящик, сколоченный из неструганных толстых досок.

– В этом ящике находятся наши глиняшки, – пояснил Гуделка. – Их Никита в ящик сложил и сюда затащил.

– Это он побоялся, что нас новый хозяин с собой увезёт, – проговорила из ящика Дуняша. Новый хозяин забрал и увёз Васька, Белянку и Смуглянку. Ты меня слышишь, брат Свистопляс!?

– Конечно, слышу, – проговорил Свистопляс.– Мы с Гуделкой об этом ничего не знали. Вы потерпите, мы с Гуделкой вас сейчас вызволим, – и он стал вставлять остриё тре-

зубца в едва заметную щель между крышкой и ящиком.

Чтобы вставить в щель трезубец, друзьям пришлось не мало повозиться. И всему был причиной, этот вбитый дворником гвоздь. Наконец остриё зуба было втиснуто между крышкой и верхней доской ящика. Свистопляс навалился на черенок трезубца и крышка ящика стала со скрипом подниматься. Им удалось сразу поднять крышку на целый сантиметр, но дальше зуб трезубца согнулся и Гуделка, оставивши эксперимент с трезубцем, стал на чердаке искать более подходящий для этого дела инструмент, а Свистопляс принялся чинить свой трезубец. Игрушки в ящике стали терпеливо ждать, когда их Гуделка и Свистопляс освободят из заточения.

– Вот какие они молодцы, а мы на них всегда шумим, дескать, неслушники, а они нас из ящика вызволяют, – сказала Дуня.

– Из таких вот, непоседливых, всегда путешественники, археологи, военные, спасатели хорошие получаются, – проговорил Мурлотик.

– Я не против их непоседливости, я только против нарушения нравственных законов, – заметила Катерина. – При любых преобразованиях и прогрессе, нравственные законы, заложенные в человека, никто не отменял. Не могут их отменить ни революции, ни стихийные бедствия... Поэтому, очень важно, чтобы они эти законы в себе не попрали и не увлеклись невесть чем...

– Ты намекаешь на порчу рубашек и платьев, – сказал Заступник, – замечу, что они делали это по неведению.

– Это ошибка на пути к хорошему и доброму, – проговорил Пустолай.

– Здорово вы оправдываете хулиганские действия подростков, – вмешалась в разговор Дуня. – А по мне из добрых побуждений нанесено зло или нет, зло оно всегда остаётся злом в какие бы оно одежды не рядилось. А почему они нас спасают? Спросите. Так потому, что случайно оказались наверху. И так бы сделал каждый из нас, если бы был на их месте.

– Ты, Дуня, почему-то здесь случайно не оказалась, да и каждый из нас, кто сидит в этом ящике, – заметил Пустолай.

– Друзья! Не будем спорить, – промяукал Мурлотик. – Как я понимаю, этот вопрос философский, отложим его решение до лучших времён, тем более условия в этом ящике для философских споров не самые подходящие.

– Правильно. Вы, сначала, выйдите из этого ящика, а потом рассуждайте и спорьте, – поддержал кота Заступник. Все замолчали и стали ждать.

Глиняшки в ящике притихли, Гуделка и кентавр продолжали искать на чердаке подходящий инструмент, чтобы открыть крышку ящика, а в это время по Большой Горной улице не торопясь двигаются Антон и Костя, приглядываясь к домам и заходя во всевозможные тупички, улочки и проезды. Как мы уже знаем, они заняты поиском старого дома под

черепичной крышей. Дом от них находится совсем рядом, он уже в пределах видимости, но они пока этого не знают.

.....

– Что он сказал про место, где нашёл камешки? – спросил Костя, – когда братья, изрядно притомившись, в хождениях по Большой Горной улице, зашли в один двор и только хотели от усталости прилечь на травку и отдохнуть, как увидели под вишней лежащего бородатого человека. Лицо его было закрыто шляпой, на нём был старый выдавший виды клеёнчатый фартук, а рядом стояла, прислоненная к покосившемуся забору, метла.

– Давай его про дом спросим, может быть чего знает? – сказал Костя шёпотом, и осторожно приблизился к лежащему человеку.

– А если он умер? – боязливо сказал Антон. – Вдруг это мертвец?

– Вряд ли...

– Шляпу давай скинем.

– Заругается...

– А если мёртвый, то не заругается...

– Я боюсь...

– Поднимай...

Костя осторожно поднял шляпу и в этот момент лежащий, а это оказался средних лет, с бородой и усами человек, вдруг открыл один глаз, поворачивал им, потом открыл другой и спросил, глядя на ребяташек:

– Чего надо?

– Мы дом ищем, – промямлил испуганно Антон и сразу спрятался за спину брата.

– А меня чего тревожите? Ищите, ну и ищите себе на здоровье... – и закрыл глаз.

– А вы кто? – спросил Костя.

– Дед Пихто...

Мужчина вдруг неожиданно принял сидячее положение, поправил шляпу и продолжил:

– Теперь можно сказать, никто. Вот так-то, плюнуть-нерастереть.

– Как это никто?

– А вот так, паря,... был дворник Никита, а стал господин никто... вот так, людишки-человечишки.

– Непонятно... – почти в один голос сказали ребята.

– Чего тут не понять, – сплюнул зло Никита. – Был двор, был забор как забор, а сейчас одна крапива с Глебучева оврага лезет, да гнилые доски с ржавых гвоздей срываются. Их даже отламывать не надо, сами падают. Нету уже двора, что раньше был, одни старухи да старики столетние и дома у них такие же древние. Малых деток раз, два и обчёлся. Э-э-х, жизнь! – Не хотят людишки иметь малых деток... не хотят. Желают в вольной вольности жизнь проводить, ни забот, чтоб тебе, ни хлопот. Жить хотят по высокому стандарту. А кто, спрашивается, этот стандарт разработал и установил? Сами и установили. «Множтесь» – сказано, а они не множат-

ся, самовольничают...

– А мы дом ищем, – шмыгнув носом, проговорил Антон.

Человек, назвавшийся Никитой, прервал монолог и больше из профессионального любопытства, чем из надобности спросил, снова ложась под вишню и надвигая на глаза шляпу:

– Вам дом, зачем?

– Бабушка в нём одинокая живёт, дом черепицей крытый.

– Черепицей, говоришь,... бабушка живёт. – Дворник почесал ухо, сдвинул шляпу и, глядя на ребят, прищурился. – Из пионеров что ли? Тимуровцы... или как вас там теперь?...

– Да, не... – начал Антон, но брат его дёрнул за рукав и вовремя.

Никита вдруг снова рывком сел и сказал:

– А я тоже, ребята, бывший пионер, давно это было... И тимуровский отряд у нас был – глаза его оживились. – Всё поломали... гат-паразит, всё через колено и через меня, Никиту, переехали... вот и всё... плюнуть-не растереть. – Он немного помолчал и сказал:

– Все мне Никите желают сделать хорошо, и коммунисты и профессионалисты и филателисты и прочие исты..., а от чего мне Никите хорошо, того не спрашивают... Вот так гат-паразит. А мне может быть под вишней лежать хорошо,... я может быть от этого кайф ловлю,...а? Меня от этих немецких газончиков может скука берёт, я может, глядя на эти га-

зончики,... удавится хочу. А они: «делай, Никита, газончики...» тьфу плюнуть-не растереть. Русскому человеку предначертано о душе заботиться, а не рай на земле устраивать... вот.

– А почему вы рай не хотите на земле? – спросил Антон.

– Молодец, уважаю.... – Дворник ласково посмотрел на Антона. – В корень зришь. Хочешь знать почему я земного рая не желаю? Отвечаю сразу и без запинки – скушно.

– Почему скушно? – спросил Костя.

– А вот скушно и всё. Не подходит это для русского человека. Русский человек должен рай в душе своей создавать и лелеять... Не создав в душе духовного рая, по вашему, комфорта, стоит ли пещься о видимом и тварном... – Он немного помолчал и добавил. – Грязи, мусора я тоже не люблю. – Затем так же легко переключился на другую тему. – Скоро все будем искусственные: искусственные цветы, искусственные газончики, искусственное сердце, улыбка, душа и всё такое. Разве так годится!? Умеренность во всём и аккуратность – вот краеугольные камни человеческого прогресса... Так?.. Я вас спрашиваю!?!.. – и, не дожидаясь ответа, проговорил. – Домоуправ у нас гат-паразит... Уйду в сторожа... мне много не надо... так-то людишки-человечишки.

Он помолчал, потом вдруг спросил:

– Вы кто будете?... Ах, да, совсем забыл – шефы – пионеры... вы говорили... ну-ну...

– Нет, мы... – начал Антон, но Костя опять его одёрнул и

спросил участливо: – Плохо вам? – Но Никита, кажется, не расслышал вопроса, он думал о своём.

– Вчера, гат-паразит, сарай подломали. А чего его подламывать?! Нет,... лезут. Плюнуть-не растереть... Чего ищут? – Костя толкнул брата локтем.

После этих слов сторож помолчал, склонив голову, и, глядя на свою шляпу, проговорил:

– Опоздали вы, ребята,... опоздали... преставилась наша Елена Никаноровна, померла. Светлой души человек была, царствие ей небесное... – и он судорожно перекрестился. Дом её, – он кивнул на большой старый крытый черепицей дом, – теперь никому не нужен. Он один на весь квартал под черепицей... Идите, возьмите чего себе на память, раз её знали, сё равно не сегодня-завтра, гат-паразит, всё порушат. Как там сказано, что всё что вы видите,... всё будет разрушено и не останется камня на камне,... вот так вот, ребятки. А вы идите, дверь открыта, а чё её запирать-то,... всё одно.... и он снова лёг и закрыл лицо шляпой.

Костя посмотрел на дворника и подумал о том, что видимо человек очень переживет. А вот из-за чего именно, то-ли из-за рушащихся жизненных устоев, то-ли из-за падающего забора, то-ли из-за смерти бабки, а может быть от того и другого вместе?

– Пошли, – дёрнул брата за рукав Антон.

– Нам в сарай надо, а не в дом, там Муха разноцветную глину нашёл, – шепотом заметил Костя.

– Он про сарай ничего не сказал, – возразил Антон.

– Он сказал: «идите и возьмите, чего вам надо».

– Это к сараю не относится, – упорствовал младший.

– Относится и к сараю, и к дому, – стоял на своём Костя, – направляясь к крыльцу.

– Нет, не относится, – спорил Антон, – идя за братом.

Они поднялись на крыльцо дома, открыли дверь и вошли в сенцы. В сенцах было пусто и полутемно. Ребята немного оробели.

– Давай поднимемся на чердак, – сказал Костя.

– Зачем?

– Может быть для школьного музея чего из прошлой жизни найдём, вот историчка обрадуется...

– Чего ж мы там найдём?

– Ухват или сковородник...

– Давай..., – и ребята из сеней по скрипучей лестнице поднялись на чердак.

На чердаке было полно паутины, старых вещей валялось тоже немало. Вдруг ребята явственно услышали чей-то голосок.

«Ой! Это мародёры», – пискнул кто-то тоненьким голоском.

– Ты чего там пищишь, – сказал Костя, – думая, что услышанный голос, это проделка и розыгрыш Антона. Любит он иногда вот так попищать.

– Ничего я и не пишу, – сказал Антон, освобождая шта-

нину от зацепившего её гвоздя.

На чердаке было достаточно светло и ребята стали осматривать старые вещи.

– А чего мы здесь ищем? – спросил недовольным голосом Антон.

– Ты на стулья разные внимания не обращай, – ответил брат. – Пал Палыч о чём говорил? Он говорил о том, что в доме могли жить игрушечники, а стало быть и надо искать следы их деятельности.

– Какие такие следы?

– Простые следы, ... ты с глиной в «Спутнике» возишься, а меня спрашиваешь. Чем мы пользуемся: дробилкой, киянкой, ситом... вот и ищи нечто подобное, может какая мельничка попадётся. Всё это люди на чердак или в сарай выносят.

– Почему выносят? – не унимался брат.

– Почему?.. да почему?.. почемукалка... Потому что люди по здоровью или по старости перестают заниматься лепкой, а инструмент не выбрасывают, выносят его и кладут куда подальше. Выбросить жалко, память, а в хозяйстве уже не нужен.

– Вроде опять кто-то пискнул только тише?.. – сказал Антон, прислушиваясь.

– Старый гвоздь в доске скрипнул, ... ты наступил, вот он и пропищал, – со знанием дела сказал Костя, подходя к ящику из под мыла и перешагивая через него.

.....

– Я думала, что он сейчас на нас наступит, – тихонько сказала Дуня, вслушиваясь в шаги на чердаке.

– Не пищите вы, – проговорил Заступник, наблюдая в щель между досками за посетителями. Глиняшки приникли к щели и тоже стали наблюдать за пришедшими. Все перешли в общении на шёпот.

– Мародёры, наверное, прошептал Пустолай. Надо на них полаять и рогатиной, ... а? Вот мой пра-пра-пра-пра-дед, так тот с хозяином на медведя хаживал. У хозяина рогатина была.

– Погодь, брат, – упредил Пустолая Заступник, – понаблюдаем. Нам намерение их знать надо. А то был у меня один случай. Осенью, в охраняемые мной пределы, вторгся один кочевник. Я уж хотел его на копьё поднять, только вижу, что он, как-то неуверенно идёт, останавливается, да осматривается. Потом оказалось, что он в тумане просто заблудился и никаких границ, и не собирался нарушать, вот так то.

– А они тогда кто? – спросил Мурлотик, кивая на мальчишек.

– Может враги, а может быть и друзья... – ответил Пустолай.

– Друзья по чужим чердакам не лазят, – заметил Мурлотик.

– Тоже верно, – подтвердил Заступник.

Игрушки притихли. А в это время с другой стороны, от

Глебучева оврага к дому под черепичной крышей, озираясь по сторонам и чуть пригнувшись, подходили Пегас и Муха.

.....

– Бабка преставилась, – сказал Пегас, перебегая через двор. – Теперь можно и на чердак сходить.

– Тебе это что, Сорока сказала? – бросил Муха.

– Вон видишь следы от Пазика, вечером дождичёк был.

– Почему от Пазика?

– Топай давай, следопыт хренов... У нас Пазики покойников возят. Любое похоронное бюро возьми – везде эти автобусы. А ты «почему?.. да «почему?», думать надо.

Пегас и Муха решили проникнуть в дом через полуподвальное помещение.

– Муха, давай... – скомандовал Пегас и стал из-за угла наблюдать за лежащим под вишней человеком, – только без скрипа, а то услышит.

– А это кто?

– Фиг его знает, абориген какой-то...

– Будь спок, – сказал Муха, ухмыльнувшись. Его маленькие глазки моментально прощупали всё пространство около старого дома. Всё было как надо. Он, пригнувшись, трусцой подбежал к наполовину выходявшему из земли окошку, вытащил из-за пазухи банку, достал из кармана широкую кисть и быстро намазал чем-то стекло, а потом в его руках появился кусок ткани. Муха быстро приложил ткань к стеклу, прищёпнул и надавил на материю коленом, послышался лёгкий шел-

чок и через минуту растрескавшееся стекло вместе с материей уже лежало рядом с окном, а в образовавшемся проёме окна сначала мелькнула спина Мухи, а затем и Пегаса.

.....

Костя и Антон не успели как следует всё рассмотреть, как лестница, ведущая на чердак, закрипела, послышалось сопение. Оба мальчика предусмотрительно спрятались за трубу и стали ждать.

– Влипши, – прошептал Антон.

– Не дрейфь... – ответил Костя.

– Кто это может быть?

– Молчи, увидим, стой тихо, не шевелись...

Костя и Антон затаились и стали ждать. Лестница скрипела и скрип явно приближался.

– Двое топают, – сказал Костя

– Откуда ты знаешь?

– Доски через паузу один скрип издают. Это значит, что на одну и ту же ступеньку два раза наступили, сначала первый человек, а потом второй и первый явно тяжелее второго.

– Почему?

– Потому, что под вторым скрип по времени меньше. Молчи, давай...

Костя и Антон замолчали.

.....

– Точно воры, – проговорил Пустолай, продолжая наблюдать за чердачным пространством. – Хорошие люди за трубу

хорониться не будут, это только воры прячутся, чтоб их не обнаружили.

– Твоя правда, – добавил кот. – Нечего хорошему человеку ни от кого прятаться. – Воры это, самые настоящие воры, стоят, не шелохнутся...

– Тише говорите, а то услышат, – Прошептал Заступник.

– Мы и так шепотком, – сказал Мурлотик. Он хотел ещё что-то добавить, но смолк, так как увидел поднимающегося на чердак Пегаса.

Пегас поднимался на чердак уверенно и спокойно. Вот он ступил в чердачное пространство, остановился. Его внимательные, без грамма суеты глаза осмотрели чердак.

– Тут не ступала нога человека, – сказал Муха, поднимаясь следом.

– Ошибаешься, ... ступала, – сказал Пегас, всматриваясь в чёткий оттиск Антонова ботинка на пыльной доске. – До нас тут уже побывали, – сказал Пегас, – только не профи.

– Почему? – спросил Муха.

– Вон видишь, на видном месте дверная петля кованая, старинная, – а её даже в руки не взяли. Думаю, что побывали охотники за цветным металлом, эти чёрный металл никогда не возьмут и древность их не интересует. У них в мозгах только килограммы цветмета. Они, Муха, наши главные враги. В металлолом нередко такие вещи попадают, которым цены нет. А то, что этим домом заинтересовались «пчёлки»,

это лишний сигнал к успеху. Молодец, что мне сразу сказал про то, что братья этим домом интересуются. Пал Палыч – старая лиса. Он мне ничего не сказал, а этих к тебе подослал, на разведку. Чую нутром, что здесь не пудрой пахнет. Пудра только нам с тобой на мозги, вот и всё.

– Откуда Пал Палыч знает, – что здесь может что-то быть? – спросил недоумённо Муха.

– Я видел, с каким интересом он камешки разглядывал...

– Так ведь не золотые... – удивился Муха.

– Как знать, ... как знать. Может эта глинка в золото умеет превращаться...

– Тоже мне, отличник, – буркнул Муха, – даже я, троечник, и то знаю, что таких чудес не бывает, это раньше алхимики так думали...

– Бывает, Муха, ... бывает. Только всё это в виртуальном значении.

– Что-что? – не понял Муха.

– Ладно, ... тебе этого не понять. Ищи лучше, а я покумекаю, что к чему? Обмозговать надо.

.....

– Первые неизвестно, что за птички, а эти точно с недобрым намерением пожаловали, – сказал Мурлотик.

– Может быть эти дружаны тех, что за трубой, – предположил Пустолай.

– Нет, они не в дружбе, чего им от дружков прятаться?

– Возможно, тоже бы спрятались, если бы первые при-

шли? – буркнул Пустолай.

– Кто там ещё появился? – спросила Дуня.

– Не по нашу ли душу пришли? – в тон ей спросила Катерина.

– Какие-то ещё два мальчишки притопали... – сказал Мурлотик Дуне и Катерине, – у одного глаза бегают, рыжий.

– А у тех, что за трубой хоронятся, глаза не бегают, – заметил Пустолай, – значит те и не воры совсем, а эти воры, что последние пришли.

– Наверное, просто хулиганы, – сказала Катерина.

– Или воры, – добавил Пустолай.

– Тихо вы, – проговорил Заступник, продолжая наблюдать в щель за подростками.

– Ой! Я боюсь, – испуганно проговорила Дуня и отодвинулась в дальний угол ящика. К ней придвинулась и Катерина.

.....

Мухе не хотелось лазить по пыльному чердаку, но не подчиниться Пегасу он не мог. На чердаке валялись старые, изъеденные молью, валенки, расшатанные стулья, ветхие, избытые древоточцем этажерки и прочая рухлядь. Муха, осторожно ступая, стал обследовать чердак.

– Вот старый электрический утюг, – доносится его голос.

– Не бери, – следует сразу ответ Пегаса, – хоть он и старый в пределах жизни одного поколения, но по сравнению с жизнью нескольких поколений – новее не бывает.

– Чайник...

– Брось... Сам ты чайник...

– Почему брось? – возмутился Муха. – Утюг не нужен, чайник тоже... Что надо?

– Так сам подумай... Сколько утюгу может быть лет, тем более электрическому, ... не больше чем тебе... Потом, если б ты сказал, что нашёл самовар – тогда... да, а ты чайник.

– А... вот ящик...

– Чего у тебя там?

– Ящик, говорю, ... старый, неструганный, из – под мыла.

– А что в ящике?

– Не знаю, крышка гвоздём прибитая, кто-то ковырялся, отдирает. Попробую вскрыть...

Муха взялся двумя руками за крышку ящика и изо всех сил потянул на себя. Гвоздь стал медленно вылазить из доски.

Гуделка до того спрятавшийся в старую галошу, как только увидел, что мальчишка отдирает крышку и вот – вот её отдерёт, чтобы спасти товарищей, схватил горсть древесной струхи и бросил её Мухе за шиворот. Это был героический поступок.

– Тьфу ты, блин!! – ругнулся Муха.

– Что у тебя? – спросил Лёня.

– Труха какая-то за шиворот сыпется. Он бросил отдирать крышку и стал вытряхивать из-за ворота труху. Гуделка тем временем посмотрел на ящик и ужаснулся – крышка была

уже поднята на столько, что было видно Дунино платье и Катеринин платок. Муха же продолжал вытряхивать труху и ругаться. Гуделка тем временем вскарабкался на крышку ящика и подпрыгнул – крышка медленно под ним опустилась, а гвоздь вошёл в своё отверстие. После чего Глиня поспешил спрятаться опять в галошу.

В смелости Глине, конечно, не откажешь, сам рискует, а товарищей выручает, но посмотрим, что будет дальше?

После того как Муха вытряс труху, ему почему-то расхотелось отдирать крышку. Он осмотрел пространство около ящика, и вдруг увидел Гуделку.

– Игрушка, кажется, из глины, за ящиком в калоше лежит. Вокруг пыль, а на ней нет, странно. Надо посмотреть... – Он нагнулся, взял в руки Гуделку и стал рассматривать.

.....

Глиня, как только очутился в руках у Мухи, сразу претворился мёртвым. Он даже глаза зажмурил, до того ему было страшно, хотя раньше глаз закрывать и не умел, видно страх так сковал мышцы лица, что глаза сами собой зажмурились, а рот перестал улыбаться. И ещё ему страшно было оттого, что он не хотел попасть в руки к старьевщикам и антикварам. Мамушка говорила, что у старьевщиков будешь всё время лежать среди пыльных вещей и тебя будут стараться, как можно дороже сбыть всё равно кому. У антикваров же прямо наоборот – ты будешь очень чистенький лежать в тёмном ящике с другими ценными старинными вещами и о воль-

ной жизни, а тем более об играх с детьми, можешь и не мечтать.

.....

– Жмурик какой-то... – сказал Муха, разглядывая Гуделку.

– Так уж прямо и жмурик? – засомневался Пегас. – Жмуриками мертвецов называют.

– Жмурик,... точно... глаза зажмурены, а не закрыты, точно жмурик.

– Ты его лучше, Муха, выбрось, я что-то к мертвецам не очень отношусь. Даже и смотреть не буду... Сделан из чего?

– Из глины похоже.

– Обожженный?

– Не знаю...

– Ты чё, к Пал Палычу не ходил? Не можешь обожженную глину от не обожженной отличить.? Дурка вяленая.

– Не обожженная вроде...

– Значит не керамика, а обыкновенная сушка. Помнишь, Пал Палыч про местную игрушку рассказывал. Он, наверное, и сейчас её поисками занимается?

– Я что-то не очень помню... – ответил Муха.

– К нему ещё учёный какой-то приходил и они долго с ним беседовали. Что, вспомнил? Это когда мы только ходить в клуб начинали...

– Не-а,.. это у тебя память лошадиная.

– А ты откуда знаешь, какая у лошадей память?

– Не знаю, поговорка такая. А точнее всего – у лошади голова большая, в ней много и помещается.

– У тебя голова больше моей, а что-то мало чего помнишь, – насмешливо сказал Пегас.

– Может быть Пал Палычу отдать?

– Кому?

– Пал Палычу.

– Ты чё... сдурел? Начнут допытываться, неприятностей не оберёшься. Нам, разумеется, от этого ни навара, ни привара. Сейчас, даже если это и историческая, саратовская – всё равно ничего не стоит. Глина дороже.

– Почему?

– Потому, что не раскрученная. Никто о ней в мире ничего не знает, да и в Саратове тоже. Пал Палыч занимался, только давно, когда мы в кружок ходили, тогда, кажется, и поостыл, а учёный тот – совсем исчез.

– Откуда знаешь?

– Прессу надо читать. Статья недавно была напечатана в газете. Мировое научное сообщество интересуется, куда делся профессор Позолотин... и так далее. Большая статья. Кембридж интересуется, даже австралийские учёные о нём спрашивают. Видно большой был учёный. Я как прочитал фамилию, так и вспомнил, хотя до конца не уверен, что это о нём, возможно однофамилец?

Вдруг Пегас насторожился и стал осматриваться.

– Ты чего, – опешил Муха.

– Вроде дышит кто-то.

– Почудилось, – сказал Муха.

– Вроде как в той стороне, – и Пегас кивнул в сторону трубы. – Надо проверить, – и он сделал шаг в направлении трубы.

В это время Костя, чтобы отвлечь внимание Пегаса незаметно швырнул кусочек штукатурки от трубы в сторону.

«Швык...» – раздалось в том месте, куда упал брошенный предмет.

– Что это? – спросил Муха, насторожившись.

– Кошка или мышь... кому тут ещё быть.

Пегас сделал ещё один шаг в направлении трубы и тут же услышал, как где-то в стороне что-то звякнуло и прощуршало.

– Это, Пега, уже не мыши, – проговорил, испугавшись, Муха

– А что это по-твоему?

– Крыса... – сказал Муха, перестукивая от страха зубами.

– Тогда что дышало?

– Ветер в трубу задувает, – смекнув, сказал Муха.

– Твоя правда, – ответил Пегас и решительно направился к лестнице.

На этом чердаке ему делать было нечего. Кроме старых чёсок для расчёсывания шерсти они ничего не нашли.

– Может всё-таки игрушку в музей сдадим?... – опять спросил Муха.

Вместо ответа Пегас выхватил из рук Мухи Гуделку и бросил в валяющийся хлам.

– Пошли отсюда, – сказал он и направился к лестнице. Муха же наклонился, поднял Гуделку и сунул незаметно от Пегаса в карман.

– Охота была по музеям шляться... – проговорил Пегас.

– Зачем выбросил? – спросил Муха.

– Карманы твои жалко.

– Интересно ведь.

– Это тебе интересно, а специалистам нет... Или в детстве не наигрался?

Муха замолчал. Они направились к лестнице и стали спускаться.

.....

«Нет уж дудки, так дело не пойдёт», – подумал Свистопляс, собираясь выбраться из-за своего укрытия, чтобы освободить Гуделку. Он даже моментально разработал план спасения Гуделки. Этот план был очень прост. Как только Пегас и Муха спустятся в полуподвальное помещение, налететь на них со свистом и улюлюканьем, как это мог он отлично делать, те испугаются и бросят Глиню. Только плану этому было сбыться никак нельзя, потому что на чердаке были ещё двое мальчишек и неизвестно, как они отнесутся к его появлению, вдруг так же сунут в карман, и пропал древний Свистопляс.

.....

В этот момент, пока Свистопляс раздумывал, Костя и Антон вышли из-за трубы и стали обходить и осматривать чердак.

– Чуть-чуть они нас не застучали, – сказал Антон.

– Чуть-чуть не считается, – заметил Костя. – Я штукатурки кусок бросил, а ты чего?

– А я зажигалку. У Кирюхи взял, на всякий случай.

– Теперь не найдёшь...

– Главное – не застучали, – весело сказал Антон.

– Ты прав.

– Вот только теперь понимаю, что испытывают разведчики, когда прячутся за портьерами – сердце вроде на месте, а душа в пятках, – хихикнул Антон.

– Точно, они в это место тогда наведывались. И сарай они подломали, – сказал Костя. Только интересно, почему они этот дом выбрали?

– Может быть, навёл кто? – предположил Антон.

– Не полезут же они, Тоша, в первый попавшийся дом, да на чердак без наводки?

– А ты откуда знаешь, что у них в голове? Может быть, это у них технология такая – берут часть улицы и осматривают все мало-мальски подходящие дома? А что, я бы поступал точно так же, можно сказать – конвейерный способ производства.

– Что, начал бы и сараи все подламывать? – и Костя испытующе посмотрел на Антона.

– Что ты ко мне пристал... «стал» «не стал». Я – это одно, а они – другое.

– Нам надо их политику понять, – сказал Костя, – главное знать – они целенаправленно шли или наобум, дескать, вдруг чего да попадётся?

– Я думаю, что сначала шли наобум, а второй раз, как побывали у Пал Палыча, пришли с интересом.

– Ты, Тоша, как Пинкертон, – у тебя голова на эти мозгокрутки здорово работает. Я тебе и вопросы задаю, чтоб твои мысли со своими сверить.

– И что после твоей сверки выходит?

– Пока ничего не выходит, могут действовать и по наводке, и так, как ты говоришь, конвеерно, правда, больше думаю, что действуют уже из интереса.

– Пошли отсюда, – сказал Антон, – перепачкались все, а нам чумазиками через весь город ехать, да и от мамки влетит, – и они направились к выходу. Неожиданно Костя остановился и толкнул брата, дескать, смотри. Антон посмотрел в ту сторону, куда смотрел брат, и увидел, приклеенный к печной трубе, небольшой листочек, на котором было написано синим фломастером в две строчки. На верхней строчке были крупно написаны буквы: «ЛБСП», а ниже в скобках – (Лига борьбы за справедливость и порядок), а ещё ниже были написаны слова: «Справедливость, Справедливость, Разумность Сплочённость, Сознательность», причём бумага, где стояло второе слово «Справедливость» была в одном месте

прорвана, видимо от большого нажатия, а ниже столбцами стояли цифры и против них непонятные слова.

10 июня – Чугунихин зять.

12 июня – экпроприация.

15 июня – взятие Бастилии.

17 июня – Нюркины сигареты.

Список был длинный, но из него ничего нельзя было понять.

– Пошли, мало ли тут кто чего налепит, – сказал Костя и стал обходить трубу, чтобы выявить ещё следы разумного пребывания индивидов.

.....

Как только Лёня Пегас и Муха спустились с чердака, они стали вылезать через разбитое окно наружу. Пегас вылезал первый, за ним карабкался Муха. Пегас вылез благополучно и успел скрыться за угол. Муха же чуть припоздал, потому как его толстый зад никак не мог сразу протиснуться в половинку окна. И не успел Муха разогнуться после того, как вылез, как метла ходко прошлась вдоль его лопаток.

– Не будешь по чужим домам шастать... – услышал он сзади сердитый голос.

Муха вскрикнул больше от неожиданности, нежели от боли. Пегас из-за угла схватил Муху за руку и они бросились бежать, а Никита ещё притопывал вдогонку, имитируя пого-

ню, и улюлюкал до тех пор, пока мальчишки не скрылись в Глебучевом овраге, буквально скатившись по крутому откосу.

В овраге они пришли немного в себя, почистились и решили отправиться на Сенной базар, чтобы сбыть старинные чёски.

– Зачем мы в этот дом полезли? – завязывая шнурки на ботинках, проговорил Муха. Это всё ты, Пега, со своими мозговыми выкладками. И что от этих выкладок осталось – полоса от метлы на спине, вот и вся наша добыча. Стратег тоже мне нашёлся... «Я кожей чую, что здесь что-то есть... ты мне, Муха, верь», – передразнил Пегаса Муха, – твои слова..., а результат?

Пегасу явно не хотелось связываться с Мухой, тем более, что тот был не в духе. А когда Муха не в духе, то для него авторитетов не существует, лучше помолчать пока. А способ, который критикует Муха, действует, его Пегас опробовал десятки раз и он его никогда не подводил. Были, конечно, срывы, но не по вине метода. Дело в том, что метод Пегаса пока может только выявлять присутствие объекта, но не находить сам объект.

– Что молчишь? – не унимался Муха. – Сказал бы чего-нибудь для успокоения.

– К попам иди успокаиваться, а здесь мы на работе.

– Пега, ну скажи, есть тут чего или нет, что букой смотришь? – помягчел Муха.

– Сколько раз тебе говорить – есть.

– А где?

– Понимаешь, если перевести на научные термины, то здесь весь двор фонит, как будто на каждом шагу одни клады зарыты. И сарай фонит, и дом фонит, и чердак... всё фонит.

– Что это значит «фонит», не радиоактивные же здесь отходы захоронены?

– Это я тебе для примера этот термин взял, чтоб понятно было, а как назвать это чувство я не знаю, вот и говорю «фонит». Только понимаешь Муха, фонит здесь как-то по-особому.

– Как это по-особому. Вот когда мы подошли к сараю я остро чувствовал, что там что-то есть и уходили чувствовал, что не взяли того, что нам надо было, не увидели, не rozpoзнали.

– Так ты бы приняхался получше...

– Не могу я пока этого Муха. Моего дарования пока хватает лишь на то, чтобы знать – есть что – или нет. Если керосином в сарай плеснуть или ацетоном, то во всём сарае будет пахнуть, а где конкретно пролито неизвестно, понял?

– Понял, только не совсем. Вот мы шли около сарая, от него фонило?

– Нет.

– Так почему тогда фонило?

– В этом Муха и вопрос. Я первый раз с этим столкнулся. То фонило, то не фонит. Тогда от дома фонило, прямо из

окна, потом на крышу переместилось. Такого раньше никогда не было. Такое ощущение, что старинные вещи самопроизвольно перемещаются.

– Может быть, их кто перестанавливает?

– Нет, Муха, не перестанавливают. Мы когда на чердаке были, то в одном месте фонит, то в другом, то в третьем, чертовщина какая-то.

– А может быть оно живое и перемещается?

– Умную мысль сказал, Муха. Было у меня раз такое – одели собаке ошейник – реликвию на шею, она с ним и бегает. Только я этот фокус тогда быстро вычислил.

– Может быть и здесь так?

– Нет, Муха, не так, совсем не так. Тут думать надо. Чердак, как чердак.

– Может нечистая сила кружит? – испуганно сказал Муха.

– Ни чистая, ни нечистая, всё это сказки, только чувствую, что крупный куш нам светит, а вот взять пока не можем, не расшифровали. Как расшифруем, тогда и вещица дастся,.. пыль что-ли ей уже в этом доме заражена?

– А у тебя всегда фонит?

– Нет, Муха, на это настраиваться надо. Без настройки в кармане вещь лежать будет и ты её не почувствуешь. Пошли, хватит тары-бары разводить.

– А у меня из кармана фонит? – спросил Муха.

– Да ну тебя, говорю, что настраиваться надо. А ты «фонит – не фонит», топай давай. – Муха обиженно засопел носом

и пошёл за Пегасом.

И так бывает, Муха разгадку другу в рот вложил. Что стоило Пегасу остановиться и настроиться на его карман, а он нет. За эту оплошность Пегас не раз потом себя бранил маленьким язычком.

.....

– Про какие-то игрушки говорили, – сказал Антон, расхаживая по чердаку после ухода Пеги и Мухи, – Пал Палыча упоминали...

– Чего-то выбросили? Давай поищем...

– Давай... – Ребята стали внимательно осматривать чердак. Они просто не знали что Пегас выбросил Гуделку, а Мухаев его незаметно подобрал. Антон, чтобы дальше видеть, даже встал на ящик из-под мыла и с него увидел, спрятавшегося за старый валенок, Свистопляса.

– Так вот он,... вот! – воскликнул Антон радостно.

– Где!?

– Да вот, за валенком.

– Правда, игрушка... – сказал, с интересом рассматривая находку, Костя, – половина конь, половина человек,... интересно.

«На тебе, от одних схоронился, так другим в руки попал, – подумал Свистопляс. – так я и брата-Гуделку не спасу. Что ж, раз попался, деваться некуда, сразу не разбили и то хорошо, а там посмотрим, куда я влип? Главное не трепыхаться пока».

.....

– Давай Пал Палычу покажем, – сказал Антон, опуская Свистопляса в карман, – нашим старьевщикам он не понравился...

– Они жмурика нашли, а не его. Про игрушку с закрытыми глазами речь шла, а у этой глаза открыты, значит, другая. Хорошо, клади в сумку.

– Я его в кармане нагрудном понесу, – жалостливо сказал Антон. – Столько лет на чердаке провалялся... пусть мир посмотрит.

– Его вымыть сначала надо.

– Так он же чистый.

– Что, столько лет на чердаке провалялся и чистый? Не смехи, Тоша, людей.

– Я серьёзно. Пыль, конечно, немного есть, но он никак не похож на захламлённую вещь.

– Значит, Муха стряхнул, – предположил Костя

– Муха его даже не видел. Помнишь, на ту игрушку Муха говорил, что она тоже не пыльная?

– Может быть и говорил..., не запомнил.

– Странно это... – сказал Антон, бережно засовывая Свистопляса в карман рубашки.

Ребята, подшучивая друг над другом, покинули чердак. Во дворе их встретил Никита.

– Ну... что, охотники за реликвиями,... нашли что-нибудь?

– Вот игрушку нашли... – сказал Антон и показал Сви-

стопяса.

– Вот... вот их покойная и делала. Светлой души была человек, царствие ей... Чего, только одного нашли?

– Одного, и то эти, выбросили.

– Порастаскали уже, эх людишки-человечишки. Только отнёс целый ящик и уже спёрли, гат-паразит. Да, ладно бы взяли в дело, так нет... поразобьют.

– Мы не растаскивали, – обиделся Костя, – вы нас сами пустили.

– Вас-то пустил, да тут кроме вас нашлись охотники стёкла вышибать и в окна лазить. Огрел я одного нумизмата метлой, когда назад вылезал, теперь долго чесаться будет. Ребята ещё немного поговорили с дворником и, попрощавшись, пошли на троллейбусную остановку.

Глава 14. Червонец нервничает

Пегас на базаре сразу нашёл старьёвщика по прозвищу Червонец и показал ему чёски. Старьёвщик повертел в руках чёски и сказал:

– Больше червонца не дам, да и то, только из уважения к постоянному клиенту.

– Побойся бога, – заупирался Пегас, – вещь старинная, ты её в сей минут сбудешь, не залежится...

– Навар небольшой... только на прилавке место занимать будет, – безразлично позёвывая, ответил Червонец. – Забирай или оставляй, хватит баланду травить.

– А вот это не возмёмшь, – сказал Муха и достал из кар-

мана Гуделку.

Продавец поморщился...

– На старину тянет, конечно, – сказал он, размышляя, – но такие безделушки на любом чердаке можно найти...

– Так уж и на любом? – «Это он, чтоб цену сбавить так говорит» – подумал Муха.

– Зачем ты её взял, – прошептал Пегас Мухе. – Этот товар не идёт, ... говорил же.

– Что Пегу не слушаешь, – услышав шепот Пегаса, сказал продавец и ухмыльнулся. – Он воробей стреляный, знает что почём.

– А чё... смотрится, – больше для себя, нежели чтобы заинтересовать Червонца, проговорил Муха и поставил игрушку на прилавок.

– Убери мусор, – сказал продавец.

В это время к прилавку старьевщика приблизился высокий, с бородкой и усиками, худой, в очках с толстыми стёклами и с большими залысинами человек с портфелем в руках и, нагнувшись, стал пристально рассматривать выставленные на прилавке вещи. «Этот очкарик весь торг с Червонцем испортил, – подумал Муха, – отрастят бороду да усы и суются в самый ответственный момент. Наверняка ничего не купит, селёдка очкастая».

Очкарик осмотрел прилавок, а затем перевёл взгляд на Мухину игрушку, взял, покрутил в руках и сказал:

– Почём вещица?

Затем приподнял очки, поднёс игрушку поближе к глазам и стал изучающее её рассматривать.

– Гм, ... интересно, ... интересно... – проговорил мужчина и пощипал бородку-эспаньолку. – У вас одна или ещё имеется, – спросил он Червонца.

– Это моя... моя, – быстро сказал Пегас.

– Занятно, занятно... – сказал самому себе покупатель, – однако был прав профессор, ... оказывается, он был прав. По его рассказам – один в один. Гм, ... вот старая каналья..., всё-таки был прав... И сколько вы за игрушку просите? – спросил мужчина.

– Полтинник, – быстро сказал старьевщик.

– Она не твоя, – парировал Пегас. – Ты ж её не взял, а уже продаёшь. Ну, Червонец, у тебя и хватка?!..

– У тебя тоже не хуже, – ответил тот и отвернулся, показывая этим, что никакого интереса к товару и сделке не испытывает. – И вообще, отошли бы от прилавка, ... нечего товар загораживать... А то, что на прилавок поставил, оставь. Закон знаешь – поставил – значит продал.

– Ты же отказался... – бросил Муха.

– Хорошо, молодые люди..., хватит спорить, – сказал очкарик, – значит, говорите, что вы её хозяин, – обратился он к Пегасу. Пегас утвердительно кивнул.

– У вас она одна или ещё есть?

– Если надо, будут и ещё, – встрял в разговор Муха.

– Я вас попрошу, если это удобно, принесите вещицы вот

по этому адресу, – сказал покупатель и протянул Пегасу визитку. – Я там основательно посмотрю и мы договоримся о цене.

– За смешную цену не отдадим, – заявил Муха.

– Сто рублей за изделие вас устроит? – спросил покупатель.

– Двести, – повысил планку Пегас.

– Только без обмана, – проговорил очкарик, говоря этим, что торг закончен.

Пегас выдернул из рук покупателя визитку и положил в карман.

– Договорились.

– Подносите, тек-тек-тек. Завтра я занят, меня не будет, тек-тек. Вот что, приносите одиннадцатого числа часа этак в три, – уточнил мужчина. – Я жду вас, ребята, ... в три. Жду, – и, улыбнувшись одними губами, быстро затерялся в толпе.

Пошли, Муха, поищем ещё, – после ухода покупателя предложил Пегас.

– Я на чердаке, кажется, ещё одну за валенком приметил, да ты помешал, – проговорил недовольным голосом Муха, – и в ящике они наверняка были.

– Куй железо пока горячо! – хохотнув, и явно довольный сделкой сказал Пегас.

– Так, что ты зря на меня бухтел, – довольным голосом, но с укором проговорил Муха, Он был явно на высоте.

Договорённость вселяла надежду, Пегас заметно повесе-

лел.

– Вот так-то иметь дело со знающими людьми, ... это тебе не обдирала дешёвый, – сказал он и кивнул в сторону Червонца.

– Кто это обдирала дешёвый, – уловив сказанное, осклабился Червонец.

– Ладно, проехали, – сказал Пегас Червонцу, – ты тут в прогаре, потому как тебе больше предложить нечего.

– А вам есть чего?

– Будет чего, – сказал Пегас, удаляясь с Мухой от прилавка.

За углом они чуть было не натолкнулись на своего покупателя. Он стоял к ребятам спиной и разговаривал по телефону. Ребята остановились.

«Это инспекционная проверка, – говорил в трубку очкарик. – Я должен знать как действует механизм... Да – да. Это необходимо. Вы не осторожны... Никогда не произносите по телефону этого слова. «Изумруд» не для праздных ушей. Всё... разговор окончен», – и он, сложив мобильный телефон, подошёл к припаркованным легковым автомобилям, сел в «шкоду» и уехал.

– А тачка у него хорошая, – сказал с завистью Муха. – Мне такая нравится.

– Нам какая разница, – буркнул Пегас.

По дороге Пегас был задумчив.

– Ты чего насупился? – толкнув плечом Пегу, спросил Муха.

– Физиономия у этого покупалы знакомая. Если бородку и усики сбрить, то точно он будет. – После этих слов Пегас достал визитку и вслух прочитал: «Доцент Забродин Эдуард Аркадьевич. Тульская 5А»

– А кто такой доцент? – спросил Муха, когда они вышли с базара.

– Отстань.

– Ты чего? – опешил Муха.

– А вот чего. Дядя этот, и есть тот самый покупала, к которому я когда-то давно ходил, о котором я говорил, помнишь? Он меня не узнал, да и я его не сразу. Адрес меня смутил, дом видно частный, я-то, в многоэтажку ходил, – и, помолчав, добавил: – Точно он... Забродин... Вот как пришлось встретиться. Фамилия не забылась. Ладно, старый друг – лучше новых двух,... поглядим, посмотрим! Шагай, Лёня, веселей. Эх-ма!

– Ты чего? – спросил Муха, глядя на повеселевшего Пегаса.

– Не налягай, после расскажу, самому надо всё обдумать... Учёный, значит. Это хорошо. Для нас чем учёней – тем лучше. Что, Муха,... махнём снова на чердак? – осмотрим там всё досконально, щука наживку захватила,... понимаешь..., щука!.. не сшибала базарный!

– Сейчас нельзя, – сказал Муха. – Лучше к вечеру. Двор-

ник нас заметил. У меня от его метлы и так меж лопаток чешется. Я же тебе говорил, что надо всё брать...

– Бывает и на маруху проруха, дружище. Однако ты прав, ... нарываться на аборигена не стоит. Подождём до вечера.

– А где это Тульская?– спросил Муха, когда они шли за добычей.

Пегас долго молчал, видимо вспоминая, затем начал медленно говорить.

– Тульскую найдём, нет проблем. Меня сейчас сам Эдуард Аркадьевич интересует. – Глаза при этих словах у Пегаса сузились, явно он что-то задумал или вспомнил нечто для себя очень важное. – Ах, Забродин, Забродин! Был я у него, только давно и то сопровождающим. Вдвоём мы тогда ходили с Кирюхой. Кирюха потом с родаками в Москву переехал и наш тандем распался. Я тогда в пристяжных был, а Кирюха за главного. Он к покупале ходил, а я у подъезда ждал. Потом Киря меня один раз к нему и одного посылал. Я в сделках не участвовал, только подай, принеси.

– Это когда вас покупала на дорогой штучке кинул? – уточнил Муха.

– Во-во... Тогда он в многоэтажке жил, а тут частный дом указан, без квартиры. Меня это поначалу смутило. А теперь нет, видно деньги накопил – собственным домом обзавёлся.

– А почему ты думаешь, что это он, раз так изменился?

– Я бы это не клеивал, да только того покупалу Кирюха тоже доцентом называл, вот мне и запомнилось.

– Совпадение...

– Таких совпадений в нашем деле не бывает. – Пегас помолчал и добавил уверенно, – он это, больше никому.

– Зря мы перед Червонцем свой секрет раскрыли, – проговорил Муха.

– Это ты про игрушку опять?

– Не то, что зря показали, а то, что провоняли, что у нас ещё есть, – уточнил Муха.

– Ладно, расслабься, ... не думаю, чтобы Червонец играл на опережение, да и прилавок он свой не бросит, и где наш дом находится он не знает.

– Так-то так, только беспокойно как-то, – поморщился Муха.

– А ты, Мухай, начинаешь становиться настоящим сыщиком, раньше ты о таких вещах даже не заикался, а теперь..., вижу, растёшь, азарт появляется.

– Пока ноги бьёшь – о чём угодно подумаешь, потом же велосипед охота.

Дальше они шли молча, каждый думал о своём: Муха о велосипеде, а Пегас о покупателе и о Червонце. «Чего это Червонец на перехват пошёл, отказался, а потом – назад пятками?».

Много чего не знает Лёня. Не знает, например, что в это же время, за десять километров, в здании отдела милиции Заводского района идёт совещание, касающееся напрямую его Лёниного бизнеса. Если б знал, то возможно он бы и пе-

решотрел план действий, но этого не случилось. Пегас шёл за игрушкой, а в это время в кабинет начальника милиции Заводского района входили сотрудники.

Глава 15. Интерпол информирует

Начальник милиции Заводского района полковник Ушанов собирал совещание. В кабинет входили милицейские работники и рассаживались на привычные места.

Ушанов обвёл взглядом собравшихся. На каждого из этих людей он мог полностью положиться. Вот сидит за передним столом полноватая женщина, уже пенсионерка Муза Карповна Городец – начальник розыскного отдела. На её счету столько раскрытых хитроумных преступлений, что никакие фильмы о сыщиках не идут ни в какое сравнение с её раскрытиями. Или инспектор по несовершеннолетним Сорокина Мария Васильевна – сколько малолетних преступников обязаны ей дальнейшей судьбой? Сколько этих бродяжек она вывела на правильную дорогу? Лихие девяностые страна никогда не забудет. Разве он может упрекнуть кого-то из них в недобросовестности? Однако сегодня он их собрал не затем, чтобы хвалить.

– Николай Ильич! Не томите... – проговорила Мария Васильевна, – все уже здесь.

– Дело необычное, – начал полковник. Только что был на совещании. – И он показал пальцем вверх. Информация такая – из России за рубеж поступают антикварные изделия.

– Так они и всегда поступали, – сказал один из оператив-

ников.

– Поступали, но разрозненно, – пояснил начальник, – сейчас другое дело, поступают партии. Это информация от Интерпола. Нам надо принимать меры, дело носит не эпизодичный характер.

– Есть какая-то наводка? – поинтересовалась Муза Карповна.

– Можно сказать – нет ничего, – полковник пожевал ус. – У Интерпола на этот счёт тоже ничего определённого. Предполагается, что за этим стоит хорошо законспирированная организация. У Интерпола даже есть предположительные названия – «Рубин», «Алмаз», «Изумруд» и тому подобное. Таким сообществам можно дать любое название из названий драгоценных или полудрагоценных камней, – и он махнул рукой, дескать, не забивайте себе головы названием. – Может быть, у кого есть какие соображения или информация на этот счёт? – спросил он, почему-то посмотрев на Музу Карповну.

– Пока никакой информации не поступало, – сказала Муза Карповна. – Думаю, что должны проявиться низовые звенья в цепочке. Кто-то ведь собирает старинные вещи, кто-то реставрирует, хранит и так далее...

– Обратите внимание на факты воровства старинных изделий, – добавил полковник.

– Это само собой разумеется, товарищ полковник. Толь-

ко как они попадают за границу? Что, есть факты ареста таможней? – спросила Городец.

– Попадают они туда совершенно легально, как изделия, не имеющие исторической и художественной ценности, – ответил полковник.

– Кто-то это установил? – допытывалась Муза Карповна.

– Установила это комиссия по культурным ценностям, которую возглавляет доцент Эдуард Аркадьевич Забродин. Пока больше никакой информации.

– Думаю, что с комиссии надо и начать, это единственная зацепка на сегодняшний день – сказала Муза Карповна.

– Хорошо, учёных учить не буду, – сказал полковник. Можете быть свободны – и он встал из-за стола. Собравшиеся дружно стали выходить из кабинета.

– Мария Васильевна! – окликнул полковник Сорокину.

– Тебя, – толкнула локтем Марию Васильевну Городец. Мария Васильевна остановилась и выжидающе посмотрела на полковника.

– Хотел вас спросить о новеньком, о...

– О Митине, – помогла ему вспомнить фамилию Юры Сорокина..

– Да, да о нём.

– Ничего, привыкает, схватлив, но пока, как говориться, молодо-зелено. Вчера, например, минут пятнадцать наблюдал как воробей по подоконнику прыгает. Он ему даже семечек носит, покупает у бабульки на остановке и подкарм-

ливаает, видите ли воробей у него жареные и без соли любит.

– Кто?.. Воробей? – спросил подполковник, – пряча улыбку у усы, – он точно схватлив.

– Оба схватливые. – уточнила Сорокина. – У одного ни одна крошка с подоконника на землю не падает, а у другого идей полна голова.

– Это хорошо... это даже очень хорошо! – улыбнулся полковник.

– Что хорошо? – переспросила Сорокина, – что воробей по подоконнику прыгает, или что стажёр за ним наблюдает? И тоже улыбнулась.

– Всё хорошо, – уже серьёзно сказал полковник. – Воробей – это дело серьёзное, показатель того, что у вашего подопечного душа не чёрствая. Это в человеке беречь надо, это будущее милиции. – Полковник помолчал. – Запомните, Мария Васильевна, вот кто сейчас придёт к нам работать, после этих круговертей в стране, такая наша и милиция завтра будет. Придут те, кто по воробьям из пистолета стреляет – одна милиция; придут Митины, что воробьёв на подоконнике кормят – будет совсем другая. Правда, институт уже не милицией будет называться, а полицией. Есть такое мнение и желание, – полковник поднял палец кверху, – в полицию нас переименовать. Только как не назови, а обязанности будут всё те же.

– А какое же указание будет? – не мешать будущему полицейскому младшему лейтенанту Митину на подоконнике

воробья семечками кормить, так я поняла? – улыбаясь, спросила Сорокина.

– Ах, Мария Васильевна, Мария Васильевна, – покачал головой полковник, – как была остра на язык, такой и осталась. Ступай, не задерживаю.

.....

К вышесказанному необходимо добавить, что в это самое время, когда в кабинете начальника милиции Ушанова собрались сотрудники отделов, за тысячи километров от Саратова, в уютном сквере, на восточном побережье Атлантического океана встретились два джентльмена. Они зашли в кафе и разместились на открытой веранде за столиком. Эти двое – единственные посетители заведения. Беседуют на английском. Один, должно быть англичанин, с тяжёлым мясистым носом, и таким же тяжёлым подбородком, стряхивая пепел сигары в фарфоровую пепельницу, говорит длинному сухощавому с оттопыренными ушами собеседнику:

– Ваша задача, любезнейший, раз вы занимаетесь коммерцией, выйти на интересующую нас в России тему. Вы, Батист, по-прежнему занимаетесь антиквариатом, не так ли?.. Ваше дело процветает? – И, не дожидаясь ответа, продолжил, цепко ловя взгляды собеседника. – Нам необходимо знать всё, что касается народной глиняной игрушки.

– Не понимаю, Бакстер, зачем вашему столь серьёзному ведомству детская забава? – удивился сухощавый.

– Этого вам знать не надо. Главное, что наше ведомство

вам хорошо заплатит, если интересующая нас глиняная штукovina будет лежать в нашем сейфе.

– Но, сер, я никогда не слышал, чтобы в Саратове бытовала народная игрушка. Видно вы с чем-то спутали?

– Наше ведомство, господин коммерсант, никогда, ничего не путает. – Твёрдо произнёс собеседник. После этих слов обладатель тяжёлого носа и тяжёлой нижней челюсти встал, положил на стол перед коммерсантом несколько пачек денег. – Это аванс, – произнёс он, не вынимая изо рта сигары, и, не попрощавшись, направился к выходу.

После его ухода сухощавый ещё какое-то время посидел за столиком, обдумывая неожиданно свалившееся на него предложение. Затем он почувствовал себя неважно. Коммерсант знал, что в этом случае надо делать. Он достал кушочек сахара, положил в рот, подождал, когда отступит приступ диабета, спустился по ступеням с открытой веранды и зашагал по тенистой аллее.

Только ты, уважаемый читатель, не подумай, что Батист является насквозь прожжённым коммерсантом и что кроме долларов его ничего не интересует. Господин Батист всегда помнил о том, что в его жилах течёт кровь предков-аристократов. И как просвещённый человек он не мог не понимать, что данное предложение толкает его перешагнуть некую совестьную линию, которой Батист очень дорожил. Ему было неприятно, что он, Батист, должен отобрать у иного народа

его игрушку и увезти. В это время он представлял этот народ ребёнком и понимал, что игрушка в данный момент не может быть предметом торга.

Батист не был лишён сентиментальности, но в нём всегда боролись два равносильных чувства – чувство корысти и чувство долга. Хотя последнее чувство стало в окружающем его мире всё более хиреть и изживаться. Батист знал об этом и старался сберечь в себе это последнее, что он унаследовал от предков. На этот раз чувство корысти победило, Батист не смог отказаться от выгодного предложения. После ухода Бакстера он посидел ещё какое-то время за столиком, затем встал, пересчитал деньги, положил их во внутренний карман пиджака и, довольный, насвистывая весёлую песенку, вышел из кафе и зашагал по тенистой аллее.

Была и ещё одна немаловажная деталь в облике Батиста – это его стеклянный глаз. О-о-о! Это был особенный глаз. Дело в том, что имея голубую роговицу, глаз, когда Батист шёл на сделку с совестью и в нём побеждало стремление к наживе, начинал менять свою окраску и из голубого становился коричневым, что всегда изумляло его собеседников, а Батисту доставляло немало хлопот. На этот раз у предпринимателя стеклянный глаз сделался почти чёрным, а вот с другим, живым глазом, ничего подобного не происходило. В эти минуты Батист был рад, что Бакстер обратился именно к нему, а не к кому-то ещё. Выгодное предложение. Значит его, Батиста, ещё ценят.

Глава 16. Проклятая крышка

– Вот теперь ни Гуделки, ни Свистопляса не стало, – проговорил горестно Заступник, – унесли Глиню. Маленький рыжий положил в карман и всё. А он с Свистоплясом хотел помочь нам сдвинуть эту проклятую крышку.

– А вторые, забрали Свистопляса, – проронил Пустолай.

– Нас осталось совсем мало, – сказала в полумраке ящика Дуня. Жалко, что так получилось. Где теперь Васёк, Белянка и Смуглянка? – и она глубоко вздохнула. – А теперь нет Гуделки и Свистопляса.

– Гуделка с Свистоплясом хотели нас выручить, только у них времени не было, – сквозь слёзы сказала Дуня. – А Белянка и Смуглянка совсем ещё дети...

– «Васькину жизнь» изучают, – съязвил доселе молчавший Мурлотик. Он молчал потому, что от запаха мыла у него очень болела голова. – Им хотелось «Васькину жизнь» посмотреть, вот теперь наслаждаются ей в полном объёме.

– Ты думаешь, Мура, что им несладко? – спросил Пустолай.

– Я даже в этом не сомневаюсь... К доброму пуститься очертя голову, не взвесив все «за» и «против» и то опасно, а уж к плохому, да с их верхоглядством и наивностью, что ж тут ожидать? По-моему всё заранее predetermined.

– Неужели так всё неотвратимо?! – почти выдохнула Дуня.

– А ты что думала!? – ответил Мурлотик, – синеволосяя

как раз их этой жизни и научит, будь спокойна. По ней видно, что она эту «Васькину жизнь» знает не понаслышке.

– Бедные девочки, совсем глупенькие, – проговорила Дуня.

– Вот таких молодых, глупеньких и одурачивают, – сказал Пустолай.

– Их бы побыстрее из этого гламурного болота вытащить, – проникся к судьбе глиняшек Заступник.

– Как вытащишь? когда сами в ящике, – буркнул Пустолай.

– Свистопляса с Гуделкой тоже нет, – грустно заметила Дуня.

– Сами виноваты, – напустился на отсутствующих Пустолай, – нечего по чердакам одним шастать, вот и угодили в руки кладоискателей, тоже мне, скудельные борцы с несправедливостью.

– Почему ты так говоришь, – возразил кот. – Они не скудельные борцы с несправедливостью, они самые настоящие борцы... Если бы не Глиня, то нас бы тоже в карманы засунули и унесли. Глиня ведь крышку опустил. Он герой, не побоялся, хотя мог убежать и спрятаться в какую-нибудь старую калошу в самый нос и не выглядывать, а он за нас переживал.

– Почему Мурлотик ты говоришь «угодили». Мы видели и слышали, что забрали одного Гуделку, – высказал мнение Пустолай.

– Это первые взяли Гуделку, а вторые взяли Свистопляса... и, замечу, не просто шалости ради, – прокомментировал ситуацию кот.

– Объясняй свои заумные фразы, – проговорил Пустолай, – а то пока расшифруешь – с ума сойдёшь.

– Тут и расшифровывать нечего, – пояснил Мурлотик. – Вы обратили внимание, что и те и другие говорили об игрушках, что они чистенькие, среди пыли, паутины и голубино помёта?

– Кажется, что-то такое было, – вопросительно посмотрел на кота Заступник. – Я на это не очень обратил внимание.

– А они обратили, – со знанием дела проговорил Мурлотик.

– И что из этого? Они ж не высказали никакого суждения, – заметила Катерина.

– Это они сейчас не высказали... И, поверьте мне, что из этих четверых хоть один, но обладает хорошим аналитическим умом и об этом вспомнит и ситуацию разберёт по косточкам.

– И что? – нахмурился Пустолай.

– А то, Пустолаюшка! Вот когда их аналитик вспомнит разговор и разложит всё по составляющим, тогда и будет каша с изюмом.

– Ты нам про кашу тем более с изюмом не напоминай, – проговорили Дуня и Катерина почти разом, – ужасно есть хочется, говори толком.

– Тоже мне нашёлся аналитик усатый, – сказал ворчливо Пустолай.

Только кот на него нисколько не обиделся. Он уселся поудобнее на свой хвост, полизал лапу и, почесав ею затылок, проговорил размеренно и важно:

– Вот когда их аналитик вспомнит об этом, то он быстренько свяжет в единое целое и старость дома, это раз, – Мурлотик загнул на лапе когтистый палец, – и попытается проверить не спонтанно содержимое сарая, это два. – загнут был на лапе второй когтистый палец. – А в сарае, поверьте, много есть того, по чему нетрудно сделать вывод – чем же занимались его хозяева? Так разноцветную глину в ларях он быстро в уме соединит с нашим раскрасом... Тут даже и думать много не надо, всё элементарно...

– Не пугай, – сказала Дуня, – а то от твоего медленного и таинственного говорения мурашки по коже бегут.

– Соединит, ну и что? – повернулся к коту Пустолай. – Это не хлеб с маслом соединить, что съесть можно.

– Мурлотик прав, – вмешался Заступник. – Они поймут, что достаточно чистенькие игрушки среди пыли не случайность.

– Они придут к выводу, что в этом доме делали игрушки, тем более, что в сарае столько этому вещественных доказательств, – проронил Пустолай.

– Молодец, Пустолаюшка, – похвалил пса Мурлотик, – начинаешь думать, только не до конца.

– Я ещё понимаю, что они могут вернуться и отыскать ещё какие-либо игрушки, то есть нас с вами, – добавил Пустолай.

– Это они сделают в том случае, если покажут Свистопляса или Гуделку знающим людям и у них игрушки купят, тогда появится коммерческий интерес, а стало быть после этого возможно и досканальное исследование чердака, – заключил Заступник.

– Думаю, что сегодня они уже не успеют это сделать, – заметил Пустолай.

– Хорошо бы, – поёжилась от страха Катерина, – а то мурашки по коже от ваших прогнозов.

– И тогда они нас могут найти?! – Почти крикнула Дуня.

– Они нас тогда не просто «могут» найти, Дуняшь, – они нас обязательно найдут, – проговорил Мурлотик. – но не это главное.

– Я чего-то не додумываю, поясни, Мура, – и Заступник вопросительно посмотрел на кота, – что там ещё?

– Да ты, Заступа, просто мозги не напряг. Тут всё просто – найдя нас в ящике, они не удивятся, как говорить – что искали, то и нашли... Понятно, что нас перед тем как сложить в него протёрли и так далее, то есть бери и неси не базар, как сейчас говорят «руби бабло». Хуже с дружками – Глиняшкой и Свистоплясом. Возникает вопрос на засыпку – они- то почему чистенькие?

– Не помню, когда они последний раз чистились, с сомнением в голосе сказал Пустолай, – пока Дуня с Катериной не

ототрут да не отмоют, так и будут чумазые ходить, мышей пугать.

– Я не об этом, – проговорил Мурлотик. – Они всё равно чище чем должны быть. И возникает вопрос: «Почему?». А вот тут достаточно пыливый ум обязательно приведёт их к умозаключению, не только об виртуозности мамушкиных рук, но и о наших особенностях.

– Я не согласна, – сказала Дуня, – синеволодая с «добрячком» видели Васю, Белянку и Смуглянку в действии и ничего? Они им даже частушки пели и выплясывали...

– Ну ты, тонкопряха, даёшь! – удивлённо воскликнул Пустолай, – они же их рассматривали как игрушки, привезённые из Японии, ты что, запомнявала? У них даже в мозгах не было того, что это игрушки не только отечественные, но и саратовские, да тем более ещё старинные.

– Пустолай правильно говорит, – поддержал пса Мурлотик, – именно так и есть, поэтому с этой стороны нам расшифровка не грозит, пусть так думают. Ни синеволодая, ни «добрячок» в этом деле не спецы.

– Видите! – довольным голосом произнёс Пустолай, – мои мозги тоже на что-то годятся, сам Мура похвалил.

– Они у нас у всех скоро заработают как часы, когда встанет вопрос жизни, смерти или неволи, что не много лучше, – заключил Заступник.

Игрушки умолкли, Свистопляса с Гуделкой всем было очень жалко. Жалко было и себя. Как выберешься из про-

пахшего мылом ящика?

– Жаль, что мы не можем отсюда выбраться, – со вздохом сказал Заступник, крышка тяжёлая, просто неприподъёмная.

– Это она раньше была неприподъёмная, потому как Никита забил её гвоздём, – сказал кот. – Мальчишка, этот Муха, гвоздь вытащил. Только мне что с гвоздём, что без гвоздя всё равно этой крышки не осилить. Я её и без гвоздя не подниму.

– Мальчишка этот гвоздь хорошо раскачал, теперь легче должен пойти, – заметил Пустолай.

– А ведь это идея! – Воскликнул Заступник. – Я тогда пытался поднять прибитую крышку, а теперь она прибита, но не так крепко, молодец, Пустолаюшка, надо попробовать ещё раз.

– Молодец с моей подачи, прошу не забывать, – заметил Мурлотик.

– Золотая у тебя голова, Мурлотик. – Проговорил Заступник.

Заступник снова попытался поднять крышку – крышка покачивалась, но вверх не шла, разве только чуть-чуть. Даже неискушенному в этих делах и то было понятно, что Заступнику не хватает роста, чтоб упереться по-настоящему. Срочно требовалась свежая идея – как увеличить рост Заступника?

Глава 17. Компаньоны

Глина, очутившись в кармане Мухи, сразу сообразил, что рыпаться не стоит, а надо дожидаться удобного случая, чтобы сбежать. Так, находясь в кармане, он проследовал с ребятами на Сенной рынок. В торговых рядах на Сенном его удивило скопление большого количества народа, чего он никогда не видел. Он хотел было остаться на прилавке у Червонца, так называл продавца один из мальчишек, но потом ему расхотелось, больно уж придирчивый был к Глине этот торговец. И это – ему не так, и то – не эдак. А потом подошёл этот самый доцент. Вот, что значит знающий человек! «Вы, – говорит, – принесите игрушку, то есть его, Глиню, по адресу и ещё других прихватите. Это какие другие? Это, значит, он просил и Заступника, и Дуню, и Свистопляса – всех, значит прихватить. Вот здорово! – обрадовался Гуделка, – снова будем все вместе! Ура... – чуть было не закричал он от восторга. – Вот какой я молодец, что не стал далеко прятаться! Я просто смышлёная игрушка! Я – гений! Теперь, посмотрим, где живёт доцент? Вперёд, к доценту... Пошевеливайте ногами, Пега и Муха, Гуделка к умным и добрым людям едет, это вам не шухры– мухры. Да посмотрели бы на меня со стороны Пустолай и Заступник, поди, не стали бы говорить, что мы со Свистоплясом ветреные, да ещё без царя в голове. Вот вы там сидите в ящике из -под мыла – и сидите. А я вас скоро приду и выручу, и вы тоже со мной в Дрезден поедете на выставку, а Васёк говорил, что заграница – это здорово..., не дураки, разберёмся...

Гуделка откровенно радовался и даже напевал песенку, которую тут же и сочинил, ему было весело. Его несли доценту, знающему человеку. Он был полон надежд.

Я игрушка не простая!
Я удачливее всех...
Я нигде не оплошаю,
Не поднимут куры смех.

Глиня не обращал внимания на то, что у него и как складывалось главное – ему было весело, а раз весело, значит хорошо.

«Жаль, что нет Васька с гармошкой, он бы подпел. У него здорово выходит» – подумал Гуделка, – сейчас бы мы ударили во все колокольчики.

Но тут он вспомнил о своём друге Свистоплясе, который схоронился за валенками и его мальчишки не увидели. Глаза у Гуделки сразу повлажнели. Расставание с Свистоплясом в его планы не входило. После того, как он вспомнил о Свистоплясе, ему стало горько, что даже путешествие на базар и знакомство с доцентом его перестали радовать. Одно утешало, что ребята решили возвратиться на чердак и поискать там другие игрушки. Конечно, Глиня мальчишкам подскажет, где находятся глиняшки, он им скажет, что они в ящике из – под хозяйственного мыла, что в нём дурно пахнет и что их надо скорее оттуда вызволить. Осталось совсем немного

времени и они будут все вместе у учёного человека, это здорово! На них будут смотреть уважаемые люди, искусствоведы, художники... У этого доцента очень интеллигентное лицо, а бородка какая? Гладенькая, ухоженная, не то, что у Никиты, клоками и в разные стороны. А очки какие? Такие очки очень умные люди носят. А телефон у него какой навороченный. «Алло... алло! Слово «Изумруд» не для праздных ушей...», – повторил, он сказанное доцентом, совершенно не предполагая, что об этом же самом и по этому же навороченному телефону доцент снова сейчас ведёт разговор и с тем же самым лицом, кому он и звонил.

.....

Эдуард Аркадьевич не стал выяснять отношения при мальчишках, зато, когда остался один, решил тотчас перезвонить.

– Слушаю вас, Эдуард Аркадьевич, – раздалось в трубке.

– Здравствуйте, Фома Фомич! – сказал доцент. – Вы мне нужны, Фома Фомич.

– Лёгко на помине, Эдуард Аркадьевич. Очень рад, что позвонили. А я вам собирался звонить. Дельце у меня к вам нарисовалось.

– Давайте встретимся... Сам я подъехать не могу, сами понимаете..., встреча, оценка...

По тону разговора было понятно, что Фома Фомич и Эдуард Аркадьевич друг друга хорошо знают и даже находятся в приятельских отношениях.

– Есть что-то интересненькое? – спросил Фома Фомич, – А то у меня сейчас гости, точнее гость с «коварного» запада... – На той стороне раздался самодовольный хохоток.

– Откуда?

– Из Франции, любезный. Я обязательно вас познакомлю, только все сделки через меня.

– Это не телефонный разговор, – сказал доцент. Вы выпили и говорите лишнее.

– Всё, ... всё. Эдуард Аркадьевич, не волнуйтесь, мы действительно кое-что употребили..., да-да... Если сегодня не приду в норму, то буду попозже, но обязательно. Думаю, что у вас не горит, а гость для нашего «Изумруда» очень важен.

– Хорошо, ... хорошо, Фома Фомич, – нервно проговорил доцент. Только никогда не произносите по телефону этого слова.

– Хорошо, ... хорошо, до встречи.

Доценту тон Фомы Фомича явно не нравился. «Боров с помойки» – проговорил он вслух. Тоже, со свиным рылом да в калашный ряд. Возомнил о себе. Но тут в своих размышлениях доцент осёкся. «Зачем ворошить прошлое и сводить счёты, – подумал он, – Фома Фомич – уважаемый человек. Тем более, что он ему, доценту, очень нужный человек, а сейчас особенно. У них общее дело. Нет-нет, он на своём месте и всё идёт по задуманному плану. Фома Фомич делает своё дело и хорошо делает, а то, что он любит молоденьких красоток, типа синеволосой, да деньги – так кто ж их не лю-

бит в современном мире. Только всё это может провалить дело. И не только провалить с таким трудом налаженный механизм, но и упрятать его, Эдуарда Аркадьевича, в тюрьму.

Эдуард Аркадьевич зябко поёжился: «Нет, не хватает у людишек терпения довести дело до конца, ... слаб человек, – рассуждал он, – чуть деньги в кармане появились, сразу водку подавай, развлечения мыслимые и немыслимые. На этом и горят. Не может человек со своими страстишками справиться... ой не может!.. Сколько умнейших людей подвели под монастырь эти страсти...». Потом Степан Аркадьевич стал думать о том, что без компаньона ему никак нельзя. А ведь умнейший человек этот Фома Фомич, пол-города в кулаке держит, он и ему самому здорово помог в своё время. Правда, образования Фоме Фомичу не достаёт, в оценке культурных ценностей он ноль, однако природный талант и хватка железные. А в общем-то это для Забродина и хорошо. Со своими знаниями он нужный человек и нужный для Фомы Фомича всегда.

И тут Эдуард Аркадьевич поймал себя на мысли, что это он придумал, как делать из мусора деньги; это он уговорил Фому Фомича создать подпольное предприятие. Организация же фирмы, – дело рук Фомы-Фомича. И ведь получилось – «Изумруд работает», надо компаньону отдать должное. Сейчас предприятие встало на ноги, окрепло, стало расширяться, вышло за рубеж. Правда, вместе с расширением слабнет конспирация, вовлекаются новые люди. Вот станет

Фома Фомич директором холдинга, а на его место кого? Фома Фомич предлагает какого-то Симу? Отморозок, наверное, какой-нибудь? А ведь его волей-неволей с ущербным умишком придётся допускать к какой-никакой информации. Чепуха какая-то. К чёрту этого Симу! Пусть Фома Фомич поищет кого-нибудь другого. Нельзя же, в конце концов, доверять подпольное предприятие, случайным людям, так и до наручников можно дожить... Но, кого туда поставишь? Из окружения Эдуарда Аркадьевича на это гиблое место с бомжами, алкоголиками, барыгами... – никого. Тут даже заикаться нельзя. Остаётся окружение Фомы Фомича.

Доцент нервно пожевал губами. Он понимал, что во многом зависит от Фомы Фомича. Зря он на него так. Ведь помог Фома Фомич убрать и спрятать Позолотина, помог ему стать председателем комиссии. Правда, Эдуард Аркадьевич тоже время даром не терял. Ведь вывоз антиквариата за рубеж – это уже его заслуга. И тут его мысли переключились на профессора.

Эдуард Аркадьевич всегда, даже теперь, когда Позолотина нет в институте, а в целом и в мире науки, он всё равно завидовал этому мужику, колхознику. Так про себя называл Позолотина Забродин, завидовал его природному, уму. Позолотину всегда не хватало предприимчивости, чего у Эдуарда Аркадьевича было с избытком. Нет, доцент не хотел устранить Позолотина, он даже тогда не раз намекал, что с его известностью в своей стране и за рубежом можно иметь нема-

люю прибыль. Известность надо перековывать в деньги, но профессор его не понял, а потом насторожился. А когда Эдуард Аркадьевич ему прямо намекнул, что возглавляемая им комиссия – это золотое дно, то профессор вовсе отдалился и стал смотреть на Забродина подозрительно, хотя Эдуард Аркадьевич и попытался свести всё к шутке. В общем, тогда-то и родилась мысль – убрать Позолотина подальше, тут помог случай. Без Фомы Фомича этого бы не получилось.

Забродин поморщился. Вспоминать о том давнем эпизоде, когда Позолотина убрали из института и отправили на свалку, не хотелось. Тут он опять вспомнил о лотке с антиквариатом и об игрушке, и ему в голову полезли разные мысли. «Конечно, он зря сам подошёл к лотку, зачем было светиться, да ещё давать визитную карточку неизвестно кому? Он же хотел только инкогнито проверить, как работают пункты по сбору антиквариата и, на тебе – встретил игрушку и не мог удержаться. Вот она и конспирация, сам первый нарушитель, а других браню» – подумал он.

Да, соблазн у Забродина был очень велик. Столько раз слышал Эдуард Аркадьевич от Позолотина о старинной саратовской игрушке и вдруг её увидеть, здесь кто угодно не устоит. «Ладно, не будем себя бранить, что вышло – то вышло, – подумал он, – упускать такой случай было тоже нельзя. Хоть для науки, хоть для бизнеса это золотое яблочко на тарелочке».

Интуиция у Эдуарда Аркадьевича была отменная. Он чув-

ствовал, что не ошибся, только зря, наверное, отпустил пацанов. Игрушка, которую они принесли на Сенной, была явно старинная, саратовская. А вот этот паренёк, что принёс игрушку, ему кажется знаком. Он его раньше где-то видел? – Эдуард Аркадьевич сдвинул указательными пальцами виски. – Ах да, ... он приносил ему на квартиру старинные вещи. Да, ... да, это он. Его Кирьян называл «Пегасом». Как он вырос! Ещё год и он бы его ни за что не узнал. Взгляд умный, пытливый. Вот на кого надо делать ставку, дорогой Фома Фомич, а не на отморозков, вот кого надо приближать, растить и опекать. С Пегасом надо поговорить. Это хорошо, что он дал ему визитку; лучшего момента не будет. Интересно другое – узнал его мальчишка или не узнал? Ладно, пока это неважно. Надо его приблизить, это альтернатива всяким Симам и прочим; из таких можно вырастить нужных для дела людей, – и он потёр руки. – Да – да, именно вырастить. Надо послать Пегаса на свалку и пусть поспрашивает, не находили ли бомжи такие же изделия? – От этой мысли у Забродина аж перехватило дыхание, как он всё просто и надёжно выстроил? И от удовольствия потёр ладони рук. – Правильно, что и игрушку у пацанов сразу не взял, она у них вроде приманки или живца... прибегут, никуда не денутся...». После этих размышлений Эдуард Аркадьевич весело пошагал домой и даже стал напевать любимую песенку.

Глава 18. Непредвиденный ход

Каким образом Батист вышел на Фому Фомича остаётся

тайной. Говорят, что такого рода предприниматели каким-то образом друг друга узнают. Возможно это и враки, но то, что господин Батист находится сейчас в квартире Фомы Фомича и сидит с ним и его Зиной за столом, это самая настоящая правда.

– Кто это тебе звонил? – присаживаясь к Фоме Фомичу на колени, и стряхивая пепел сигареты в фаянсовую пепельницу, спросила Зина притворным голосом, – не завёл ли ты себе даму сердца!?

– Ты угадала, милая..., – также, улыбаясь и в тон ей, проговорил Фома Фомич, при этом он прикрыл глаза и его лицо выражало самую любезность. – Антиквариат – моя вечная любовь Зинуля.

– Я сержусь, – сказала Зина, отбросив с лица синие волосы, – это же однополая любовь, – и она, откинувшись назад, захохотала.

– А ты не сердись и не смейся... Это любовь молодости, которую я несу с собой всю жизнь. Тут только один раз влюбиться.

– Как в женщину?

– С женщины, моя лапочка, достаточно, что она красива. Мужчине совсем необязательно копаться в её достоинствах – ум, порядочность, интеллигентность и так далее. Это для тех, кто женится, а кто просто любит – достаточно красоты.

– Значит, свой антиквариат вы просто любите? – спросила, щурясь и смеясь, Зина.

– Вот именно. Я его просто люблю и всё. Разбираться в тонкостях – удел узких специалистов.

– Это не на Забродина ли ты намекаешь?

– Одна из сильных моих сторон – это обставляться нужными мне людьми. Всего, Зинуля, знать невозможно, да и ненужно. Окружи себя специалистами и дело сделано.

– А как же первая любовь?

– Там мне пришлось обойтись без спецов. Может быть я промахнулся в цене, но выиграл совершенно в другом.

– Ну расскажите, Фома Фомич, это интересно, ... не будьте буквой... Вот и господин иностранец тоже не против послушать, верно, господин Батист?... – и она толкнула в плечо подвыпившего предпринимателя из Франции.

– О, да, – проговорил тот и уставился на молодую женщину своим левым стеклянным глазом, который всегда смотрел в одну точку. Другой глаз блестел от выпитого вина и был слащаво добр. Оба этих глаза вместе, если присмотреться, выражали особую холодную самодовольную расчётливость. Стеклянный глаз его при этом был совсем не голубой, как правый, а имел серую поволоку.

– Я был ещё студентом, – начал рассказ Фома Фомич, – Ездил в Испанию по международной программе обмена студентами. А у меня с собой была бабушкина гребёнка, костяная с причудливой головкой сказочного существа. В Германии один американец мне очень хорошо за неё заплатил.

– Вы продать гребёнка?! – воскликнул господин Батист.

– Да, это всё что у меня осталось от бабушки.

– У нас в Франция это считается семейная реликвия. Это то, что не продаётся, даже если тебе грозит нищета. А у вас, в Россия, я смотрю, не так?

Чтобы направить разговор в другое русло, Зина поставила перед Батистом три фигурки: Васька, козочку и овечку.

– Какой милый вещица, – проговорил Батист. – Это, я вижу, настоящий народный творчество! Сколько в вашей стране самородок среди простых людей. Вы очень богатый и таинственный народ, господа. Очень богатый и таинственный. Мы на запад никак не поймём ваша душа... – и он стал рассматривать фигурки. Лицо его при этом от волнения покрылось пунцовыми пятнами. Господин Батист понял, что перед ним на столе стоит та самая игрушка, о которой ему говорил Бакстер.

– А я думала, что это япошки сделали... – с удивлением проговорила синеволосая Зина.

– Плёхо знаете своя страна, мадам... Мы же у себя, не в пример вам, ценим таланты.... Каким образ это у вас оказалось?

– Ничего особенного, – пожалла плечами Зина. – Мой муж купил дом, а в нём, оказывается, жила игрушечница. Никто об этом и не знал... так, случайно вышло.

– У вас всё случайно... Мой бог!..., – всплеснул руками Батист, – Из этого дома нужно делать музей, отреставрировать, собрать уцелевшие игрушка, привлечь мастера – уме-

лец, сделать мастерскую, расставить уцелевшие орудия производства: сита, лоток..., я не знаю, чего там ещё у этих игрушечных дел мастер есть, чем они пользуются во время работы... – и он покрутил ладонью с растопыренными пальцами в воздухе. – Это могло давать не только наслаждение, но и определённую прибыль.

Француз горячился, рассказывая хозяину и хозяйке об отношении к народному творчеству на западе, при этом стеклянный глаз его всё голубел и наконец стал совсем голубым, даже голубее чем настоящий. Надо сказать, что коммерсант из Франции умел ценить настоящее искусство и был до глубины души потрясён увиденным.

– О, да-да. Мы были в Скандинавии, там к дому народного умельца даже асфальт проложили, фонари поставили, мастерскую по всем правилам оборудовали, коттедж с иголочки, туристов водят, – поддержал разговор Фома Фомич, затягиваясь сигарой.

– Вот видите,... сами знаете, что, разве сложно всё это делать?!

– Есть небольшая разница, господин Батист, – заметил Фома Фомич.

– Какая? – поднял брови француз.

– У них там два – три умельца на страну, а у нас их как грязи в осенний дождливый день, – и довольный, удачно приведённым примером, захохотал, отчего щёки у Фомы Фомича подпрыгивали как резиновые мячики и, казалось, что эти

мячики, подпрыгивая, стучаются ему то в мясистый нос, то в жирные губы, то в такие же мясистые уши, отчего его лицо представляло боксёрскую грушу. Смеялась и синеволосяя Зина, а потом встала и сказала, что ей надо на кухню.

– Да уж, пожалуйста, Зиночка, сделай нам что-нибудь такое... – Фома Фомич покрутил в воздухе пальцами. Синеволосяя ушла.

– Вы говорите «как грязь». Так и тем более, – непонимающе проговорил Батист, продолжив затронутую тему разговора. – Это же государственный золотой запас. Страна может делать большой бизнес. В мире ручной изделия много ценятся.

В подвыпившем Батисте в это время говорила душа не предпринимателя, расчётливого и ловкого, а душа просвещённого человека.

– А мы с вами чем занимаемся, господин Батист, ... не тем же самым? – и Фома Фомич засмеялся ещё сильнее: – Ох, рассмешил, каналья!!!... ох, язви его душу!!! И, главное, говорит о бизнесе на государственном уровне... Ха-Ха-Ха. Это у вас во Франции бизнес, а наш бизнес – это воровство... кто спёр или распилил – тот в шоколаде, – и он, достав платочек, стал отирать пот со лба.

– Я разве говорить что-то смешно, господин Тараканов? – спросил, подняв брови, Батист.

– Ты рассуждаешь как дворник Никита, – продолжал смеяться Фома Фомич. – У того в голове тоже музеи и прочая

дрянь. Он мне знаете ли предложил из дома музей народной глиняной игрушки сделать... Ха, ха, ха!!!

– Ваш дворник Никита весьма прозорливый человек, – произнёс Батист.

– Чума он с метлой. – Продолжая залиvisto смеяться, говорил Фома Фомич. – Оказал мне услугу, а денег не взял. По таким дурдом плачет. – Вдруг оставив смех, Тараканов совершенно серьёзно сказал – Я его просил предупредить, когда старушенция ноги протянет. Для меня это было очень важно, потому как это место мог кто-нибудь другой хапнуть. За эту услугу он мог бы иметь тысяч двадцать, а если бы поторговался или намекнул, что сольёт эту информацию кому другому, то и больше бы поимел, а он... Тьфу! – ни своровать, ни покараулить... А вы: «Талант!!»... «Народ!!»... Вот он наш народ... – сиволапая образина. Мне такого народа не жалко, а вы «Беречь... достоя-я-ние...»

– Видимо у этот дворник есть своя философия жизни? – заметил Батист, – отстаивая свою точку зрения. – Многие из великий артист, художник, скульптор были крайне бедны, хотя сейчас их работы бесценны!

– Какая философия!..., господин Батист. Какая философия?!.. Вы склонны преувеличивать таланты простых людей. Вся его философия в одном мусорном баке умещается.

– Позвольте с вас не согласиться, господин Тараканов, – проговорил иностранец, – Ваш народ -большой талант. А если бы не так, то мы не сидел бы здесь и не разговаривал, а

я бы уехал куда-нибудь ещё и организовывал бы свой бизнес там, – затем он потянулся и хотел взять Васька в руки, а тот в этот момент растянул меха гармоники и запел игриво и заискивающе:

Я во Францию поеду,
Я француженок люблю.
Я Батисту в душу въеду,
Ему голову вскружу!

Васёк толкнул овечку и козочку, проговорив тихо: «Наше время пришло», и те закружились вокруг гармониста на одних задних ногах, подмигивая и прядая ушами.

– Хвосты поднимите! – прошипел Васька.

– Он у меня всегда поднят, – проговорила козочка, – это природное...

– А я стесняюсь... как можно хвост поднимать... это стыдно... – зардевшись, проговорила овечка.

– Дурра,... это в России стыдно, а там за рубежом, это даже дурно, что такого нет, – и козочка одним движением подняла Смуглянкин хвост и они закружились в танце и пляске. А Гармонист поддавал жару.

Наши девки – просто прелесть,
Да и сам я хоть куда;
Здесьней жизни мы наелись,
Нам бы, знаете, туда-а-а...

Я так не могу... Так нельзя... проговорила в полуобморочном состоянии Смуглянка, – я сгораю от стыда.

– Стыдно – если ты нищий и бездомный, – проговорил Васёк и ударил в колокольчики. Белянка отплясывала как заводная. Смуглянка, от избытка переполнявших её противоречивых чувств, вдруг упала на пол. Она была в обмороке.

– О, какой эффектный конец, – проговорил господин Батист, – браво,... браво... не ожидать... В России?.. Не ожидать... У вас просто европейский вкус, – и он в восторге захолопал. – Такого даже у нас нет. Я покупаю. Вы, господа, европейцы больше чем мы сами... Ха-ха-ха!...

– Не торопитесь, господин Батист... это реликвия, – сказал Фома Фомич.

– Когда это вы стали поборником реликвий? Верно, хотите содрать с меня подороже? – удивился Батист и искусственный глаз его начал темнеть.

В это время вошла с подносом в руках хозяйка. Она видела выход Васька.

Заметив, что Белянка не торопится вставать, синеволосая быстренько убрала игрушки, поставив их на сервант, и, погрозив Ваську пальчиком, сказала: А ты, однако, не промах,... не ожидала, – и мило улыбнулась Батисту.

– О! Эти игрушка! – сказал в восторге Батист, – это шедевр игрушечный искусство. Я это понимаю!? Это национальное достояние, их место в Эрмитаж. – Стекланный глаз его при

этих словах опять стал голубеть.

– Вы что же, отказываетесь их купить? – спросил Фома Фомич, – или вы вдруг стали русским больше чем я?

– Нет, нет... я их, конечно, покупать, потому что, если их у вас не покупать я, то вы продадите их кому-нибудь ещё.

– А тут вы правы, – сказал Фома Фомич, – я с удовольствием обменяю кусок мятой глины на доллары и знаете почему? – и, не дожидаясь ответа, сказал, – потому что на западе они будут целее, чем у нас. Х-ха-ха-ха... А посмотреть на них можно и в ваших музеях. Это даже престижно для России – запад признаёт и так далее... Оцените господу глубину мысли... Запад сохраняет наше достояние... а, каково!?

– А вы космополит, – сказал Батист.

– Я практик, господин Батист, и потому забочусь о национальном достоянии России по-своему.

– А вы, Зина, может быть, нам станцуете или споёте, – попросил Батист и этим перевёл разговор в другую плоскость. – Вы такая изящная...

– Я этим профессионально не занималась, – проговорила та жеманно.

– У вас обязательно получится, – настаивал Батист и даже привстал со своего места, устремив обожающий взгляд на хозяйку. Он был на вершине блаженства. Что было ему ещё надо? – игрушка найдена, купить её – нет проблемы... Только продавать её солидному ведомству Батисту совсем не хотелось. Во-первых, Батист согласился на продажу изделия,

когда не видел игрушки, а во-вторых, только идиот может променять эту вещицу на деньги. Такие вещи не продаются.

Фома Фомич подмигнул Зине и та, включив музыку, стала кружиться по комнате, изображая из себя страстную, но несчастную танцовщицу. Иностранец ещё выпил раз, два и захмелел. Ресницы его стали тяжёлыми, он едва поднимал их, чтобы взглянуть на прелестную хозяйку, но они не слушались и снова произвольно падали. Горбатый нос Батиста ещё сильнее сгорбился и представлял из себя настоящий знак вопроса, топорщащиеся в волосяном пушке уши ещё сильнее оттопырились, а Зина кружилась перед ним в вихре танца, затем устав, села на соседний стул, взяла в руки бокал с шампанским и стала обмахиваться платочком.

– Вы сама граций, – сказал Батист, поднимая голову и растягивая губы в пьяной улыбке. Они чокнулись. Батист выпил фужер до конца, Зина отпила немного и поставила фужер на сервант, рядом с Васьком.

Ах! Какие запахи исходили из этого фужера. Васёк вдыхал их и чувствовал как сам понемногу хмелеет. Перед ним была, Она, его кумир...

Васёк вначале смотрел на Зину восторженными глазами, – а потом ему показалось, что дама его сердца слишком много внимания уделяет этому Батисту. Васёк вдруг ощутил, что его невероятным образом тянет к этой синеволосой красавице. Только вот этот Батист? В Ваське заговорила ревность и он решил чем-нибудь насолить иностранцу. Сколько бы он

думал над этой задачей неизвестно, если бы... Впрочем, это было уже свыше его сил. Русалка вдруг обняла Батиста руками за шею и взяла его руку в свою.

– У вас обворожительна не только игрушки, но и женщины тоже, – сказал Батист. Он обнял хозяйку за талию и уселся рядом с собой. Этого Васёк уже стерпеть никак не мог и толкнул, поставленный Зиной на сервант бокал с вином. Бокал упал и угодил Зине на платье. Зина вскрикнула, вскочила и до того улыбающиеся и искрящиеся её глаза налились ненавистью. Её лицо сразу преобразилось. Оно вдруг стало точно таким же, как тогда, когда она увидела в старом доме паука Федю. Её, до этого очаровательных глаза, стали такими же, как злой глаз Фомы Фомича. Она попыталась замазать образовавшееся пятно, затем вышла, сняла испорченное платье и одела другое. После этого она вошла в залу и увидев игрушки, одним движением распахнула створку окна и выбросила их через окно на улицу. Но Батист и Фома Фомич этого уже не видели. Фома Фомич, откинувшись в кресле, спал, а Батист, уткнувшись носом в салат, довольно сильно храпел.

Глава 19. Неудачный маневр

Пегас и Муха с Сенного пришли на трамвайную остановку, сели во второй вагон и поехали в сторону Волги, к старому дому, чтобы забрать остальные игрушки. В трамвае Муха всё бухтел на Пегаса за то, что тот не разрешил ему поискать игрушки сразу и что в том ящике они были наверняка и что

им из-за этого приходится тащиться туда ещё раз.

– Хватит действовать на нервы, – проговорил Пегас. – Искал бы... Чего не искал?

– Ты сам говорил, что они ничего не стоят, а вышло наоборот. Вон как доцент встрепенулся, когда увидел, а Червонец, аж позеленел весь, видя, что уплывает такой куш.

– Не бойсь... – подбодрил Пегас Муху, – будут тебе твои игрушки. Сейчас доедем до Радищевской, а там чуток пройдем и на месте.

– А дворник? – спросил Муха немного испуганно.

– А что дворник?... Спит твой дворник под вишней...

– Тебе хорошо так говорить, а у меня спина и сейчас чешется, – и Муха для пущей убедительности подвигал лопатками.

– Не дрейфь, – подбодрил друга Пегас. – Вот игрушки сбудем и хоть на Канары.

– А если тебя опять доцент кинет?

– Не кинет,... меня жизнь тоже чему-то научила... Возьмём все до копеечки.

– А мы что, на Канарах жить будем? – спросил Муха.

– Ну, ты даёшь!.. – засмеялся Пегас. – На Канарах отдыхают, а дома покупают в Испании на берегу моря. А вот подданство желательно иметь английское – если что – не выдадут. Ну, а деньгу надо срубить в России, так все умные люди делают. Прессу надо читать, фильмы правильные и правильно смотреть.

– Как это правильно?

– А так. Вот ты, поди, в фильмах смотришь, кто кого и как ударил и далеко ли тот улетел, стрелялки всякие, ведь так?

– Так...

– А я не так. Я пытаюсь через фильмы проникнуть в психологию людей и иностранцев тоже, понять их мироощущение, реакции, философию...

– И что, ... ты понял?

– Понял, что у иностранцев всё более упрощённо, чем у нас.

– Как это упрощённо?

– Ну, поверхностно, что ли. Мы в своей душе копаемся, а они в мыслях о душе. Это я у одного философа прочитал.

– У кого, у кого? – удивлённо переспросил Муха.

– Эх ты, дурка вяленая. У философа, балда, был такой человек. Умные книги надо читать, а ни хрень всякую... – и Лёня снисходительно улыбнулся. – Насмотришься телека и с обалделыми глазами ходишь. Надо на мир не через телевизор смотреть.

– А зачем тебе всё это? – спросил добродушно Муха.

– Что, «всё это»?

– Ну, душа, мысли? Философ этот?...

– Чтоб пешкой в чужой игре не быть.

– Сам не хочешь, а меня за пешку держишь, – обиженно сказал Мухаев.

– Рано тебе это знать, – нахмурился Пегас, – я тебе и так

много лишнего наговорил. Топай, давай, немного осталось, в жизни всегда есть ведущие и ведомые, так мир устроен, ... топай, ... топай. Я в данном случае ведущий, а ты, со своими куцыми мозгами, всегда ведомым будешь. Для ведомого что главное – хорошего ведущего выбрать и служить ему верой и правдой, тут тебе и прокорм, и желания в стадии исполнения. Понял!?! – Муха кивнул. – То-то.

Они подошли на этот раз к дому не со стороны оврага, а решили перелезть прямо через соседский забор, чтобы оказаться напротив выдавленного стекла в окне дома. Около забора густо росли сливы и компаньоны не боялись быть замеченными.

– Интересно, где сейчас дворник? – спросил шёпотом Муха.

– Под вишней дрыхнет, – проговорил Пегас, – где ж ему быть? С утра пораньше всё подмёл и в холодильник. У меня мамка дворником, я знаю их распорядок, – и Пегас самодовольно хохотнул.

Ребята залезли на забор, тот оказался гниловатый, не выдержал, накренился и мальчишки кубарем полетели в молодую сливовую поросль.

На мгновение, после треска и стука от падения, наступила тишина. Затем раздался испуганный крик Пегаса: «Муха, спасаемся, кто как может!», а ещё через несколько секунд очевидцы видели как по двору, в направлении спасительного оврага, прихрамывая один на левую ногу, а другой на пра-

вую, бегут Пегас и Муха, а за ними, размахивая метлой, гонится, ругаясь и грозясь, дворник Никита. Оказывается, сегодня он сменил вишню на сливу, потому как солнечные лучи в этот час не достигали его только под сливой.

Как только компаньоны очутились в овраге, они стали примачивать раны водой и ворчать друг на друга.

– Зачем ты потащился через соседний забор? – спрашивал зло Пегаса Муха.

– Кто ж знал, что этот дворовый перекочет из-под вишни под сливу, – оправдывался Пегас.

– Так сначала надо было разведать, чё было сразу переться? Теперь оба схлопотали метлой по горбушине. А то «я ведущий!...» Вот и завёл. От таких ведущих подальше.

– Брось бундеть, Муха, – проговорил миролюбиво Пегас, чувствуя свою вину.

– Главное не в том, что схлопотали, а в том, что он нас засёк, – доказывал Муха. – Теперь будет следить. Нам надо что-нибудь придумать.

– Не шебурши, может быть что и придёт в голову, давай понаблюдаем. Дворник по-видимому решил, что мы уже далече, а мы тут рядышком, под боком. Наверняка этот голубчик решит побаловаться пивком или чаем покрепче, я этот народ знаю, – самодовольно сказал Пегас. Тут главное момент не упустить.

Мальчишки поднялись по откосу вверх, затаились в кустах и стали наблюдать за двором. Вот вышла какая-то жен-

щина из дома напротив и скрылась в калитке. А вот мальчишка вышел во двор, лет пяти, пытается связать хвостами двух котят, те пищат и царапаются, а ему весело.

– Наша смена, – сказал Муха, кивая на карапуза, и хохотнул.

– Тише ты, – огрызнулся Пегас. – Еще раз засечёт – будет тебе смена.

Глава 20 Вред становится пользой

В ящике из-под мыла ужасно пахло. Пахло, конечно, хозяйственным мылом, которое в нём когда-то лежало. Катерина и Дуня, чтобы ослабить ощущение скверного запаха, постоянно зажимали носики, Пустолай то и дело чихал, а Мурлотик даже на некоторое время потерял сознание и лежал на дне ящика без движения.

– И зачем нас Никита в этот ящик спрятал? – спросила Дуня.

– Расстроенный он был, в попыхах... сунул в первое, что на глаза попало, убрал с глаз подальше. – Ответила Катерина.

Замолчали. Каждый стал думать о своём.

В ящике, спотыкаясь о ноги лежащих, ходил один Заступник и пытался открыть крышку головой. Он поднимался на носки, даже подпрыгивал, стараясь стукнуть крышку.

– Ой!.. – закричал Пустолай. – Зачем ты меня уколол своим мечом?

– Я тебя не укалывал, – ответил Заступник, – и вообще

держу меч в ножнах. Как в таком положении я могу тебя уколоть? Ты же стоишь, а не лежишь.

– Тогда, кто меня уколол?

– Не знаю, кто тебя уколол, ... может быть Дуня нечаянно иголкой?

– У меня нет в руках иголки. – Ответила тут же Дуня, – Все иголки воткнуты в клубок с нитками и уколоть брата Пустолая они никак не могут. И вообще, мы боимся с Катериной, а вдруг и нас кто-то уколёт, а мы в темноте даже не увидим, кто это делает?

– Ой! – вскрикнул Пустолай, – опять кто-то меня уколол.

– Ты, Пустолай, встань на моё место, а я встану на твоё. Пусть попробуют меня уколоть ... – отстраняя пса, – сказал Заступник.

Пустолай с радостью уступил своё место. Как только Заступник встал на место Пустолая, он сразу при шевелении почувствовал, как его сильно кольнули в ногу. Только он не издал ни звука, а стал рукой ощупывать пространство рядом с местом укола.

Немного погодя Заступник наткнулся на вылезший из доски гвоздь. Видно, рабочий, сбивавший ящик, забыл хорошенько гвоздь загнуть, а загнул только наполовину, на него-то и натёкался всё время Пустолай.

– Нашёл я твоего обидчика, – сказал Заступник.

– Это не ёж? – поинтересовалась Дуня.

– Нет, это обыкновенный гвоздь, который не загнул рабо-

чий, сбивавший этот ящик.

– Растяпа... – проговорил Пустолай в адрес рабочего. – Что бы было, если б все так работали, один гвоздь не загнул, другой пуговицу пришил тяп-ляп. Я, например, на вора не стал лаять, Заступник не стал нас защищать, Дуня пришила бы платье по неосторожности к Мурлотиковой шубе, а у Катерины подгорели бы калачи? Такого даже вообразить не возможно, а тут на тебе, гвоздь, и никакой безопасности труда...

– Пачкам мыла, что находились в этом ящике, было не больно, их хоть коли, хоть не коли, – заметила Катерина.

– Причём здесь это, только работу надо выполнять качественно, – парировал Пустолай. – Разве хорошо, что гвоздь не загнули, а если бы с десятков не загнули?.. так мы бы здесь все обкололись.

– Не ворчи, – проговорил Заступник, – лучше давай подумаем, как преобразовать вред в пользу?

– Чего?!... – удивился Пустолай, – Ты что, Заступа, головой тронулся? Как это можно превратить вред в пользу? Такого не бывает...

– А вот и нет..., брат Пустолай. Превращение вреда в пользу – есть один из приёмов в изобретательском деле. Ты что-нибудь про Альтшуллера слышал?

– Я с шулерами дело не имею, я честный пёс.

– Да не с шулерами... А был такой талантливый изобретатель по фамилии Альтшуллер. Он написал книгу о том, как

научиться изобретать. Один из приёмов в этой книге так и называется – «Превращение вреда в пользу» понял?

– Понял-то понял, только как это делается? Никак не пойму. Может быть, этот шулер и умел, на то он и шулер.

– Не знаешь – тогда не говори и не ёрничай. Только всё очень просто... Например, противник защищён тяжёлыми доспехами, он для меча почти неуязвим, а я для него уязвим, потому как у меня таких крепких доспехов нет, мои доспехи хуже. А как его одолеть? Его доспехи для меня вред, так?

– Вред, – подтвердил Пустолай.

– Обращаем этот вред в пользу. Я снимаю с себя кольчугу и становлюсь очень подвижным и лёгким, правда, но и ещё больше уязвимым. Моя уязвимость сводится на нет возросшей подвижностью. И теперь уже я превосхожу противника, потому как тот, по сравнению со мной, стал неповоротлив. Тяжёлые доспехи противника в бою со мной стали ему самому вредить. Я подвижностью его превосхожу, прекрасно уворачиваюсь от его ударов, и наношу ему свои.

– Так это превращение пользы во вред, – сказал Пустолай.

– Правильно, – подтвердил Заступник, – это для противника вред, а для меня польза. Вот я прошлый раз Змея Горыныча победил этим приёмом. Навыучил он на себя всякого железа, а я только пенькой просмолённой обмотался. Так змей от собственной амуниции занемог, а я каждый его удар упреждал.

– Хитрый ты Заступник... – проговорил Пустолай.

– Без хитрости врага, друг Пустолай, не одолеть. Когда на тебя враг идёт, он тоже не лыком шит, все твои сильные стороны учитывает. Единственное, что он не может учесть – твоей смекалки и выдумки. Вот так-то.

– Выходит, что и наши военачальники в Великую Отечественную войну тоже благодаря изобретательству, немцев победили, – сказал кот

– Не без этого, – подтвердил Заступник.

– Это понятно, только от гвоздя, какой толк? Кроме как колется? Вред один, тем более он такой длинный и толстый, как совиный клюв. – Сказал Пустолай. – Здесь как не превращай вред в пользу – один вред остаётся.

– А ты подумай... – посоветовал Заступник.

– Нечего тут и думать, вред один и никакой пользы...

– А ты представь, что гвоздь, это не гвоздь, а что-то ещё.

– Как я могу на гвоздь сказать, что это не гвоздь? Гвоздь он и есть гвоздь, ещё и загнутый на конце, чтобы нас удобнее подцеплять.

– Так на что же он похож? – не унимался Заступник.

– Сказали же, что на клюв...

– Клюв для нашего спасения не годится, а вот на что он ещё похож, что может послужить нашему спасению? – задал наводящий вопрос Заступник.

– Не томите душу, – простонал Мурлотик. – Делайте что-нибудь, а то пока вы изобретательское дело изучаете, мы погрём, а я в первую очередь...

– Сейчас, Мурлотик, все будем спасены, – сказал Заступник, – и, обращаясь к Пустолаю, торжествующим голосом произнёс, – Да на приступку он похож, на приступку!!!

– Как же я могу представить, что это приступка, когда это самый настоящий большой гвоздь, да ещё согнутый, на него и встать-то нельзя.

– А то, что он согнутый, в этом и вся изюминка. – Весело сказал Заступник. – Сейчас мы повернём гвоздь за согнутую часть, то есть так, чтобы этот самый клюв упёрся в дно ящика и превратился в отличную приступку, – и Заступник ухватился за гвоздь. – Давай, Пустолай, помогай, поворачиваем... вот так,... идёт..., идёт, дорогой он наш..., ещё усилие..., пошёл, милый... Так..., так..., ещё немного... Гвоздь-не шуруп – его повернуть совсем нетрудно, тем более с таким хорошим рычагом, как его изогнутая часть.... Вот и всё... Как, брат Пустолай, похож теперь гвоздь на приступку? Эта приступка даже под двумя, такими как я, не сломается и не согнётся, потому, как изогнутая часть в дно ящика уперлась, образовалась сильная опора. Одна опора – стенка ящика, а другая – его дно.

– Здорово! – изумился Пустолай.

– Ну и как – удалось превратить вред в пользу? Или нет?

...

– Удалось! Оказывается, этот Альтшуллер не простак.

– То-то... же. Я рад, что ты оценил его учение. Это как раз то, что нам и надо... Придержи-ка меня, брат Пустолай,

чтобы я с этой приступки не свалился, я на неё сейчас встану.

Пустолай стал придерживать Заступника, а тот, встав на гвоздь, упёрся головой и руками в крышку ящика и поднатужился. Гвоздь под ногами Заступника совсем не гнётся, а крышка вверх поднимается. Вот уже изрядная щель образовалась, свежий воздух в ящик пошёл, дышать легче стало. А раз дышать стало легче, то и сил прибавилось. Ощутил в себе прилив свежих сил Заступник, да и махом сдвинул крышку в сторону. Образовалось отверстие, в которое можно было уже свободно вылезти.

Игрушки облегчённо и радостно вздохнули.

Глава 21. Ответственное задание

С совещания Мария Васильевна зашла к начальнику розыскного отдела Музе Карповне Городец.

– Что ты на это скажешь? – спросила Мария Васильевна, – криминальный бизнес неистребим?

– Напротив, истребим, – только это как грипп, каждый год появляются новые разновидности. Кстати, подруга, здесь могут быть использованы малолетки, а это уже по твоей части. Поспрашивай, может быть чего и прорежется?

– Ты думаешь?

– А что, очень удобно – дети лазают по чердакам старых домов, заброшенным сараям и так далее, собирают всякую утварь постарее. На них и внимания никто не обращает. Вот тебе и первая ступень законспирированной организации. Вторая ступень – отбор вещей, представляющих инте-

рес, это уже не сложно. Далее – реставрация, дело прибыльное, а раз прибыльное, то и реставраторы из числа художников и других мастеров своего дела найдутся. Далее – одни вещи идут за границу, а другие реализуются внутри страны, через базары и лотки. Есть такие лотки и на нашем Сенном рынке.

– А как же за границу? Таможня для чего?... – спросила Мария Васильевна.

– Не знаю,... нашли видно ход. Думаю, что «Рубин» или «Изумруд», о чём говорит интерпол, это конспиративное название.

– А что, разве названий два?

– Обязательно, подруга... И не только два названия имеется, одно название совершенно легальное, а другое тайное, криминальное... Кроме этого есть и офис, и приличное, не говорящее название легального предприятия, типа «Рога и копыта». И сидит в этом офисе дядёк пенсионер с мизерным жалованьем и пустяковым оборотом в банке, так что не подкапашься.

– Полковник говорил о доценте Забродине ... – сказала Мария Васильевна.

– Эта, подруга, организация легальная, наверняка там будут только мелкие недочёты. Дело, возглавляемой им комиссией, вещь оценить и всё. Потом, они всегда скажут, что на момент оценки данная вещь не являлась в культурном плане значимой, дескать, реставраторы постарались, вот и всё. –

Тут она встала и стала ходить по комнате, говоря. – Нет, капитан. Этих угрей надо ловить в рукавицах из наждачной шкурки, чтоб не выскользнули. Подумай, Мария, кого они и как могут использовать из твоего подросткового хулиганья? Они ведь им нужны только для первого этапа, для сбора. Для этого наверняка организовали приёмные пункты цветмета, подпрягли старьёвщиков с лотками. Как думаешь?

– Есть у меня на примете несколько подростков, антиквариатом занимаются, бизнес у них такой..., только не торопи..., мой контингент деликатный, тут с наскака не возмёшь. Скоро не обещаю, другие дела давят.

– А ты помощника подключи, младшего...

– Я его уже подключила, разбирается, кто автомобильные колёса у адепта отечественного бизнеса прокалывает?

– И как?

– Опыта нет, но соображает.

Кстати, Митина я у тебя, наверное, заберу в свой отдел. Я из него опера сделаю. Вот у тебя поднатаскается малость...

– На тебе... похвалилась... – шутливо сказала Мария Васильевна, – сразу и отбирают, так дело не пойдёт. Хоть ты мне, Городец, и подруга, но сухарики-то врозь...

– Не упираться... Ты ведь знаешь, как трудно с сыскарями? В этой профессии без таланта не обойтись, тут чутьё нужно. Хороший сыскарь нутром чувствует, это врождённое. Мне, кажется, что у Митина это чувство есть.

– Сыскарь сыскаря за версту чувствует, так что ли?.. Я, майор,

его силой удерживать не буду. Пусть покажет, на что способен?

На этом их разговор закончился, Мария Васильевна ушла, а Муза Карповна стала продумывать поставленную задачу. Она перебирала в памяти имена, связи, ходила по кабинету, пытаясь склеить отдельные криминальные цепочки, мысленно ставя во главе подпольной фирмы то одного, то другого, казалось, приемлемого кандидата из воровского мира, но тут же сама отметала надуманное. Схемы не склеивались. «Это не жизнеспособно, – проговорила она вслух. – Наверняка это новые люди, не засвеченные, без всяких ниточек, а начинать разработку с чистого листа всегда сложно».

.....

Как только Мария Васильевна пришла в свой кабинет, она попросила Юру записать и запомнить несколько фамилий. Юра понял, что Мария Васильевна озадачена и не стал ничего спрашивать. Но она заговорила сама.

– Кто-то сплавляет на запад культурные ценности... К этому могут быть причастны дети. Их могут использовать как сборщиков старинных вещей. Нас просили обратить на это внимание, поспрашивать. Вроде бы мелькает некая подпольная фирма «Рубин или «Изумруд», запомни, это важно. А сейчас возьми лист бумаги и запиши, надо будет выйти на контакт. Записывай: « Мухаев Вадик, восьмой класс – 83-я школа»; Грогхотов Илья, седьмой класс – 58-я гимназия. Школа и гимназия находятся недалеко друг от друга, – гово-

рила Мария Васильевна, шагая по кабинету от двери к окну и по памяти диктуя Юре имена, фамилии, клички, классы и школы, – записал? Запоминай характеристики.

– Мухаев – отпетый бездельник, всё время пропадает на пруду, рядом с девятиэтажками по Марине Расковой, катаются на плотках.

– На каких плотках? – спросил удивлённо Юра.

– Мальчишки приспособили под плоты деревянные барабаны, с которых смотали рабочие кабель, на них и катаются по пруду, бои устраивают. Так вот он на этих плотках постоянный клиент. Но не он главный. Мухаев, по прозвищу «Муха», интересен как друг Пегасова Лёни, прозвище «Пегий» или «Пегас», учится в восьмом классе. Если первый – пустое место, то второй может что-то и знать. Помнишь? Мы с тобой о них уже говорили...

– Вроде говорили...

– Тут не должно быть никаких «вроде» и «кажись», младшой, вырабатывай профессиональную память, это важно. В каждой профессии необходима своя память. У нас своя, а у кого-то своя. Так, возвращаемся к нашим разбойничкам. Присмотрись. Главное в нашем деле не спугнуть. Если сложно, давай я сама с ними поговорю...

– Спасибо Мария Васильевна, я уж как-нибудь сам...

– А вот, как-нибудь, нельзя, – строго заметила Сорокина. – Дети, младшой, гораздо раннее взрослых и наблюдательнее. Они много чего знают, на что мы взрослые не об-

ращаем никакого внимания. У них цепкая память. В любом случае они просчитывают собеседника сразу. Есть у них такое, не испорченное ещё цивилизацией мышление. Это даже и не мышление по большому счёту, а некая фантазия... но, как ни странно..., срабатывает. Мне ещё ни разу не удалось ребёнка раскрутить в лоб, он просто замыкается. Единственный верный ход – это войти к нему в доверие. Детское доверие много стоит. Но у вас вряд ли чего выйдет, если вы сами не будете ему всецело доверять. Советую вам начать с собственного доверия. Если с собственным доверием ничего не получится, то любой шкет вам такой лапши на уши навешает, только слушай... это запросто, у них фантазии только отбавляй, нашим операм бы не грех этому поучиться.

– У партизан подростки были великолепными разведчиками, – вставил Юра.

– Вот-вот. Это они могут.

– Спасибо, Мария Васильевна... – краснея, сказал младший лейтенант, – учту, – и, отдав честь, как-то нарочито повоенному, вышел.

«Сам ещё ребёнок, – подумала Сорокина, посмотрев в след Митину. – Его молодость и застрявшая не по годам детская непосредственность ему и помогут, должны понять друг друга» – и, покачав головой, села за стол, чтобы доделать отчёт.

Глава 22. Поведанная тайна

После поездки Костя и Антон сразу пришли в клуб, но

Пал Палыча в нём не оказалось. Встретившийся сторож сказал, что все уехали в пионерский лагерь «Дубки» на экстренное районное мероприятие. Ребята поняли, что сегодня педагог не вернётся.

– Хотели находку показать, а его, как назло нет, – проговорил недовольно Костя.

– Так всегда бывает, – подтвердил Антон, – когда позарез нужно, то и нет.

– Диман мне диск обещал дать, надо сходить, – сказал Костя, – пойдёшь? – обратился он к брату.

– Не-а...

– Почему?

– Я лучше здесь, на пруду посижу.

– Чего здесь делать, на козлятник смотреть?

«Козлятником» жители этого микрорайона называли дом культуры, что стоял рядом с прудом. Дело в том, что он был построен в том месте, где раньше паслись козы. Коз потом повывели, а название осталось.

– Почему Пал Палыча нет? – буркнул недовольно Антон. – Как не надо, так всё время в «Спутнике», а как надо... – он не договорил, душила обида.

– Ладно, ... сиди, а я сбегаю к Диману, – сказал Костя, а то куда-нибудь тоже утопает.

– Иди... – и Антон стал смотреть на набегавшие на берег волны.

Так он сидел, пока не бросил взгляд на прибитый к берегу

волнами круглый деревянный плот. Антон встал, подошёл к берегу, ступил на плот и, оттолкнувшись палкой от берега, поплыл. Он не заметил, как оказался на середине пруда. Плот мог выдержать и троих ребят, таких как Костя, а одного Антона он держал хорошо. Верхние доски на плотике были сухие и даже тёплые от пригревавшего солнышка. Антон лёг на плотик и стал смотреть в небо.

Редкие облака плыли в нежной синеватой зыби. Справа они цеплялись за коллективные антенны на крышах девятиэтажек, а слева – за макушки высоких деревьев, обрамлявших пруд и отделявших его от строящегося спортивного комплекса. Солнце смежило глаза и, пропуская его лучи сквозь ресницы, мальчик удивлялся разнообразию свечений.

Антон склонил голову набок и стал смотреть то на камыши около берега, то на гребешки волн. Когда ты лежишь почти на воде, то впечатление от этих камышей, зеленоватых волн и трепещущих крылышками над водой бабочек, совсем иное, нежели когда наблюдаешь всё это с берега. С плотика всё выглядело сказочно красиво. Камыш был похож на великанов, которые в погоне за мальчиком наткнулись на водное препятствие и, зайдя по колено в воду, и не решаясь дальше преследовать беглеца, только стоят и качают головами, а обрывистый бережок в это время вырастает в размерах до неприступного горного массива.

И вдруг Антон увидел, как по краю его круглого плотика скачет самый настоящий человеко-конь с трезубцем в одной

руке и со щитом в другой. «Так это наша находка, – подумал Антон, – а, может быть, я просто сплю и мне всё это представляется? Но, я же не сплю, я вижу камыши, деревья, волны. Тогда что это? Такого не бывает...»

– Такого не бывает, – проговорил он вслух. Но, тут же у самого уха он ясно услышал голос: «Бывает,... бывает,... да приди в себя,... ты, лежебока».

Антон встрепенулся, и пристально посмотрел перед собой. Нет, ему ничего не почудилось. Перед ним действительно скакал по жёлтым доскам плота тот самый кентавр, которого они нашли на чердаке старого дома. Для убедительности Антон сунул руку в карман. В кармане игрушки не было.

– Что-о, почива-ешь, Тоша!? Не время почивать, да под лучами светила нежиться, – услышал он тоненький, но пронзительный голосок.

– А ты что, разве настоящий, а не игрушка!?– спросил Антон удивлённо.

– Мамушка ненастоящих не лепила, и потом, мне некогда здесь болтать, а надо выручать из беды товарищей, – проговорил кентавр.

– Постой. Какая мамушка? Какие товарищи? Как тебя зовут? Ты что, пришелец из прошлого?

– Причаливай скорее к берегу, мальчик. Я не смог от тебя ускокать только из-за этой воды. Я страшно её боюсь.

– Отчего же ты её боишься?

– Потому, что я так сделан.

– Я не понимаю, ... нет-нет, ... нет. Я догадался. Ты не обо-
жженная игрушка. Нам Пал Палыч об этом рассказывал, да
и мы сами чаще всего лепим сушки. Мы всё это в кружке
узнали, – похвастал Антон.

– Вот видишь, какой ты умный и знающий человек, – про-
говорил кентавр.

– А как тебя зовут? – поинтересовался Антон. – Ты меня
по имени называешь, а я не знаю как тебя называть...

– Меня зовут Свистопляс. Я самая древняя игрушка.

– А почему Свистопляс?

– Потому, что я умею очень хорошо свистеть, а скачу так,
что ни одна лошадь за мной не угонится. Встаю на дыбы,
то есть, на одни задние ноги. Могу развернуться на копытах
задних ног на 360 градусов. В сражении я использую все эти
приёмы и издали кажется, что я пляшу, вот и прозвали меня
Свистоплясом.

– Так почему ты от меня хотел сбежать?

И тут кентавр перешёл на шёпот. Он подскакал к лицу
Антоня и тихо заговорил:

– У меня в старом доме остались друзья, много друзей.
Пегас и Муха обнаружили нас, но взяли только одного Гу-
делку, а вы меня. Неровен час, они вернутся и возьмут всех
остальных.

– Откуда ты знаешь про Пегаса и Муху?

– Они так себя называли, когда залезли на чердак, а вы с
товарищем стояли за трубой.

– Это не товарищ, а Костя, мой родной брат.

– Ты прости, я пока в родственных отношениях мало чего понимаю.

– Кто эти твои друзья?.. Откуда?.. Как попали на чердак?.. – спросил Антон.

– На чердак их отнёс в ящике дворник Никита.

– Мы знаем дворника Никиту. Он нам сам разрешил залезть на чердак, – сказал Антон.

– А мы подумали, что вы воры... или люди нового хозяина дома.

– Какого хозяина?

– Да гребни ты к берегу и не останавливайся... – укоризненно сказал Свистопляс.

После этого Антон, ещё в полной мере не осознавая широту проблемы, усиленно заработал палкой, а Свистопляс, забыв, что он может размокнуть, склонился и пытался, лежащей на плотике веточкой достать дна, но дна не было. А, в общем, какое там дно, когда для Свистопляса пруд был – целое море.

– Какого хозяина? – переспросил Антон, – продолжая грести.

– Такого хозяина... Мы слышали и видели, что дом купил толстенький господин с круглой головой и в белых брюках. На вид добрячок. Мы его даже и прозвали «добрячок». С ним была красивая на личико синеволосяя девица, её глиняши прозвали «Барби». Сначала они нам добренькими пока-

зались, а потом... – и губы Свистопляса задрожали. – Они хотят дом сломать, а на его месте построить коттедж. Не знаю, что это такое. Ясно только одно, что нашего старого дома не будет, а над моими братьями нависла опасность. Они ведь сидят в ящике из-под мыла. Мы их с Глиней хотели выручить... А тут эти мальчишки Пегас с Мухой, унесли моего друга Глиню.

– Какого Глиню?

Тут плотик стукнулся о береговую кромку. Антон и Свистопляс спрыгнули на берег.

– Мне надо идти выручать друзей, – проговорил кентавр, – счастливо оставаться, Тоша, – и он, было, направился прочь, но Антон его остановил.

– Я тоже с тобой пойду!

– Зачем тебе?

– Не могу поступить иначе, когда кто-то в беде.

– Великолепно,... идём вместе... – обрадовался Свистопляс, – а то я не очень ориентируюсь в городе, а точнее – совсем не ориентируюсь. Я по дороге расскажу тебе немного о моих братьях и сёстрах, о Глине... Хорошо?

– Кто такой Глиня? – шагая рядом с Свистоплясом, снова спросил Антон.

– Глиня – мальчик. Его ещё Гуделкой зовут. Глиня – его настоящее имя, а Гуделкой его игрушки прозвали, потому как имеет на груди и животе игральные отверстия и может наигрывать музыку. Он для меня марши военные играет. Мы

с ним друзья-соратники и друг друга понимаем без слов. Если желаешь знать, мы с ним создали : «Лигу борьбы за справедливость и порядок» сокращённо «ЛБСП» и боремся с вещизмом, алкоголизмом и прочими человеческими слабостями.

– Интересно, – удивлённо сказал Антон, – а мы с ребятами до этого не додумались. Я, правда, читал в одной книжке, что были тимуровцы, которые боролись с хулиганами и помогали старикам и детям, но это было так давно.

– А они с вещизмом боролись? С пьянством, табакокурением, сквернословием? – заинтересованно спросил Свистопляс.

– Нет, с этим не боролись,... Обворовывать чужие сады мешали... – сказал Антон, вспоминая прочитанную им повесть «Тимур и его команда», – а вы, значит, боретесь?

– Обязательно. И ещё как...

– И каким образом?

– Вот недавно пришёл к нам во двор один любитель выпить, сел под Никитину вишню и опорожнил целую бутылку горячительного, вторую бутылку раскупорил, да разомлел на солнышке, задремал. Мы в это время с Гуделкой подкрались, содержимое бутылки вылили, а воды туда налили.

– А дальше что?

– А ничего, – улыбнулся кентавр, – очнулся мужичок, бутылку нащупал и в рот тянет, думает, что заветную влагу пьёт. До половины выпил, отнял от рта, смотрит на бутылку

и ничего не понимает. Вот смеху было...

– А что с табакокурением? – спросил заинтересованно Антон.

– Тут тоже от души посмеялись... Нюрка у нас во дворе живёт, в школе учится, а курит. Мы выследили, где она сигареты от родителей прячет, за сараем, в воробьином гнезде, достали пачку, сигареты вынули и подмочили. В общем, Нюрка сигарету раскуривает, пыхтит, дым в глаза, кашляет, чихает, а толку никакого. – И чтоб окончательно сразить Антона добавил, – Мы ещё устраиваем акции.

– А это что такое? Лекции что ли всяким матершинникам читаете?

– Не-е-е, у нас свои способы. В нашем дворе живёт один предприниматель, он в своей машине музыку гоняет, развлекается.

– А что, нельзя?

– Почему же нельзя. Если по-нормальному – то можно. А он включит на всю мощь магнитолау и двери в своём Мерседесе откроет. Он двери открывает, а люди окна и форточки закрывают.

– И что же, вы ему провода перекусили что ли? – спросил Антон, заранее улыбаясь.

– Нет, мы ему шины прокалываем, когда включает, – и довольно засмеялся.

– Лихо вы развернулись, – с завистью сказал Антон.

– Правда, не все игрушки разделяют наши взгляды, –

вздыхнув, сказал кентавр. – Одни подсмеиваются и считают, что это чудачество или завихрения молодости. Так говорят Мурлотик и Пустолай. Только не все так думают. Дуня и Катерина, чувствуется, за нас боятся, что мы влипнем в какую-нибудь историю и для порядка ворчат. Васька-гармонист, Белянка и Смуглянка – одного поля ягоды, этим гламур подавай, они над нами подсмеиваются, да ёрничают и больше ничего. Так мы этому Васяте-гламурщику тоже подстроили, взяли и подкрутили колокольчик у Саратовской гармошки, Васька нажимает на клавишу, а колокольчик только шипит как змеюка, а не звенит весело, как обычно. Правда, потом он всё равно гармошку наладил. Я смотрю, вы стоящие ребята, вступайте в нашу Лигу! Вместе мы таких дел наворочаем, – задорно и убедительно сказал Свистопляс.

– А у вас программа или устав есть? – спросил Антон, с интересом слушая глиняного человека-коня. Спросил так, для порядка, потому как слышал по телеку о таких вещах.

– Нет, – опешил кентавр, – нам об этом никто ничего не говорил, ... мы просто боремся, вот и всё. Расписание есть по борьбе со злом.

– А вы его не на трубе вывесили? Там ещё Англия значится... Мы посмотрели с Костей, но так ничего и не поняли.

– Да, на трубе... А программа это что такое?

– Программа, – проговорил Антон понемногу краснея, – программа, ... программа. – Он явно не знал, как ответить на этот вопрос, потому как над этим словом никогда не заду-

мывался. Наконец он справился с минутной растерянностью и твёрдо сказал, – в программе цель ставится.

– Что за цель? – спросил кентавр.

– Чего вы желаете добиться? Вот, чего вы с Глиней-Гуделкой хотите добиться своими акциями?

– Мы хотим, чтобы все: и люди, и игрушки, и животные жили хорошо, – ответил, не раздумывая, Свистопляс.

– Как это хорошо? Это понятие растяжимое. Ваш музыкальный предприниматель уже живёт хорошо, он себе хорошую жизнь устроил.

– Так он для одного себя рай устроил, а мы хотим, чтобы все дружили, занимались своим любимым делом, имели жильё, одежду, еду, а не так – у одного вся верёвка разными платьями да коврами увешана, а у другого одна рубашка и то штопаная. Это мы в нашей Лиге считаем неправильно. А ты как считаешь? – Кентавр с любопытством посмотрел в глаза мальчику.

– Я тоже так думаю, – твёрдо сказал Антон. – Только тут надо различать, кто эти рубашки да автомобили честным трудом заработал, а кто украл? в целом же, я – за.

– Вот и хорошо! Вот и отлично! – с жаром проговорил Свистопляс. Оказывается мы с Гуделкой не одни. Оказывается и среди человеческих детей есть те, кто разделяет наши взгляды... – и он крепко двумя передними копытами и двумя руками пожал Антону руку. – Не должно быть на земле такого, что один под забором спит, а у другого хоромы на

одного, не по совести это, ... правда?

– Правда, – сказал Антон. – Есть ещё пословица, что от трудов праведных – не бывает палат каменных.

– Мы хотим, чтобы всё было по совести, – добавил кентавр, стараясь приспособить свой шаг под шаг Антона. У Антона шаги были широкие и Свистоплясу нередко приходилось идти с прискоком, чтобы находиться вровень с Антоном. – Никита говорит, что законы тоже должны быть известные

– Это вы здорово придумали, ... настоящим делом занимаетесь. – Восхищённо сказал Антон. – Только мне непонятно, как вы праведные богатства от неправедных отличаете?

– С этим была у нас проблема. Теперь мы над этим голову не ломаем, все должны жить исходя из принципа разумной достаточности. Если нет в потреблении разумной достаточности, то извини и подвинься.

– Что это за разумная достаточность? Я о такой не слышал.

– Ты же в школе учишься, а не слышал. – С укором сказал Свистопляс.

– Может быть в старших классах скажут, а пока нет...

– Твой брат старше тебя?

– Старше.

– И ему тоже не говорили?

– Не говорили... – и Антон покачал головой.

– Чему же вас там учат? – посетовал кентавр, – это же глав-

ный закон жизни на земле и ему не учат. Кентавр ещё немного повозмутился насчёт школьного обучения, а потом сказал: – Ладно, это дело поправимое. Я тебе сейчас всё объясню, нас этому мамушка учила и Никита об этом говорил. Вот животные, например, не обжираются и имеют всего одну одежду: птицы – перья, овцы, козы, собаки, кошки – шерсть. У каждого только по одной шубе и не больше.

– Ты тут не прав, – сказал Антон, – собаки на лето и в зиму волосяной покров меняют, это для того, чтобы летом было не жарко, а зимой не холодно.

– Ну, хорошо, хорошо, пусть две одежды или даже четыре, там ещё есть весна или осень, когда не холодно и не жарко. Так всё равно получается всего четыре, но не сто четыре. Вот это и есть разумная достаточность. У животных она в генетике заложена, а у человека нет, он должен сам себя ограничивать в любом потреблении. Понял?

– Понял, только зачем тогда всякая реклама?

– А её и не должно быть в том виде, в каком она есть, – весело сказал Свистопляс, – наша реклама навязывает товар, а стало быть, и раздувает потребительскую алчность, заражает человека болезнью потребления.

– Надо чтоб были просто информационные листки с наименованием товаров и их назначением, – добавил Антон, – без всяких видеороликов и тому подобных рекламных трюков.

– Я вижу, ты проникся, – довольным голосом сказал Сви-

стопяс. С такой рекламой мы тоже боремся, чтоб вредные привычки и вредные потребительские умонастроения не разжигались.

– А что? Разумная достаточность – это здорово! Я «за». Хорошо, что наш разговор не слышит Мухаев, он бы был против.

– Почему?

– Он очень любит всякие напитки, особенно лимонад. Он однажды лимонада напился так, что к нему скорая помощь приезжала, клизму делали. Только это ему не помогло.

– Что? Клизма не помогла?

– Случай этот одуматься не помог. – Уточнил Антон.

Какое-то время шли молча.

А ты тоже хорош, – сказал кентавр, обращаясь к Антону. – Я только собрался выручить друга, как ты схватил меня и положил в карман. Разве это дело, хватать меня при исполнении долга!? А теперь я не знаю, куда унесли Глиню? Да и игрушки сидят в ящике. Мы с Глиней пытались его открыть, даже трезубец погнули, да ничего не вышло. Потом этот Муха, ... хватать Глиню, и в карман.

– Мы это поняли из разговора Мухи и Пегаса, – сказал Антон.

– Вот – вот, и не стало Глини.

– Тогда надо ехать на Большую Горную на выручку, надо освободить игрушки из ящика, – сказал Антон.

– А я о чём тебе битый час толкую.

Конечно, Свистопляс говорил ни целый час, а не больше пяти минут, они дошли только до пешеходного моста через железную дорогу, а мост был от пруда в пяти минутах ходьбы. Вскоре они пришли на троллейбусную остановку на четвёртом жилом участке. Антон, предусмотрительно, заранее положил Свистопляса в нагрудный карман, чтоб на него кто не наступил и вскоре они уже ехали в троллейбусе по широкой, набитой автомобилями, улице.

– Где мы едем? – спросил Свистопляс, высунувшись из нагрудного кармана.

– По улице Чернышевского, – ответил Антон. – Сиди ты спокойно, не дёргайся.

– А остановку не проедем? – спросил Свистопляс.

– Нам до конечной, не бойсь.

– А где эта самая «Конечная»?

– В аккурат около краеведческого музея сойдём, а там рукой подать, – успокоил кентавра Антон. Только Свистопляс никак не мог успокоиться, видно ему каким-то образом передавалось волнение других игрушек, находящихся в ящике из-под мыла. Он точно не знал, что там происходит, в этом ящике, а происходило там следующее.

Глава 23. Рухнувшие надежды

– У меня очень плохое известие, – сказал Заступник, – сдвинув крышку ящика и наблюдая через слуховое окно за улицей (ящик как раз стоял около слухового окна). – К нашему дому двигаются какие-то оранжевые чудовища и рычат, –

прокомментировал он. – Вместо ног у некоторых нечто напоминающее мамушкины очки, только гораздо больше размером, а у одного блестящая и постоянно бегущая лента. По всей видимости это завоеватели. А вот этот с ногами, похожими на зубатого червяка, длинной шеей и зубатой головой напоминает мне Змея Горыныча, в новых латах. Думаю, что это очередная хитрость Змея Горыныча или Бабы Яги. Они на это дело гораздо.

– Что это значит? – спросила настороженно Дуня.

– Не знаю... – пожал плечами Заступник, – агрессия, видно.

– Раз Заступнику удалось открыть ящик, то давайте из него выберемся, – сказал Мурлотик, – и сами посмотрим... Заступник, освобождай пространство, а то расположился как комментатор в кабине.

– Умная мысль, – проговорил Пустолай и стал подталкивать Заступника под зад. Как только из ящика выбрался Заступник, другие игрушки тоже стали карабкаться. Вскоре все они были на свободе и столпились у слухового окна. Они не знали, что к дому подходит строительная техника и что оранжевые доспехи – это никакие ни латы или хитрости Змея Горыныча, а машины и механизмы с заводской окраской. Через слуховое окно было видно, как оранжевые машины полукольцом располагались около дома, в стороне стоял возбуждённый Никита, он что-то говорил и постоянно жестикулировал. Но, что он говорил, было не слышно.

– Смотрите, наш Никита! – сказала Дуня радостно.

– Не слепые, видим – заметил Пустолай, – наблюдай лучше.

Поодаль они увидели «добрячка» с синеволосой Барби. Они стояли около своего чёрного «шевроле» и наблюдали за движущимися чудовищами.

А ещё они увидели приближающегося к мамушкиному дому мальчишку, очень похожего на того, что был у них на чердаке и прятался за трубой. Разумеется, они не могли рассмотреть в его нагрудном кармане Свистопляса, а то бы весьма удивились. Мальчишка шёл быстро, видно очень спешил.

.....

Антон и Свистопляс не смотрели в сторону слухового окна и не видели, наблюдающих за ними, глиняшек. Они подошли к дому в тот самый момент, когда во двор въезжала техника. Антоша сразу заметил дворника Никиту. Тот, увидев Антона, предупреждающе замахал руками и прокричал:

– Сюда нельзя, паря,... видишь... – и он кивнул на спецтехнику и самосвалы.

– Чего это они? – спросил, подойдя Антон, и кивнул на бульдозер и погрузчик.

– Дом собираются ломать, – сказал дворник, пытаясь скрыть набегающие на глаза слёзы.

– Что? Дом!! – воскликнул удивлённо Антон и рванулся к крыльцу, но Никита поймал его за рукав:

– Куда ты?!... Головы не жалко...

– Там же игрушки!! – выкрикнул Антон.

– погоди, не торопись,... стой здесь, может быть удастся уладить. Я сейчас, – и он пошёл к Фоме Фомичу.

.....

– Зачем Никита пошёл к этому «добрячку»? – проговорила Катерина – мальчишка на месте остался, а он пошёл, видно решил с чудовищами через «добрячка» дипломатические переговоры вести.

– Ты не права. «Добрячок» и Барби заодно с этими рычащими чудовищами, – проговорил Заступник, – он даже показывает им где встать, то есть выстраивает их для нападения. Такого в моей боевой практике ещё не было. Жаль, нет с нами Свистопляса. Может быть, он что-нибудь вспомнил бы из жизни древних славян. Возможно, в тысячелетней практике народа уже были такие ситуации?

Оранжевые чудовища, рыкая и поднимая пыль, выстраивались около дома. Никита, подойдя к «добрячку», что-то пытался ему объяснить, видимо в последний раз, он размахивал руками и что-то доказывал, но из-за рыка оранжевых чудовищ, его не было слышно. Было видно, что он очень недоволен ответами «Добрячка». Такого возбуждённого и сердитого лица у Никиты глиняшки никогда не видели. А если бы не рычание, то они обязательно бы услышали следующий диалог.

Никита: Мы так Фома Фомич не договаривались, не по-честному это!...

Фома Фомич: – Никита! Кто тебе мешает лежать под твоей вишней? Никто... Ты как получал свою зарплату, так и будешь получать. Тебе хватало её на пиво, так чего тебе ещё надо? Я тебя устроил ещё дворником к очень порядочному человеку. Он тебя обижает?... Нет... Чего тебе ещё ?

Никита: – Я пиво не пью.

Синеволодая: – Он, наверное, сухого винца марочного захотел. Так, Никита? Чего молчишь?

Никита: – Вы же говорили, что не тронете дом,... не будете его ломать...

Фома Фомич: – От своих слов не отказываюсь, говорил, обещал. Так это на тот момент было, но планы и обстоятельства меняются... А чего бы ты хотел? – спросил Фома Фомич, глядя на дворника улыбочивым глазом. Это у тебя обстоятельства раз в жизни меняются, а у нас бизнес, сегодня одно, а завтра – уже совсем другое.

Никита: – Здесь жила последняя игрушечница города,... великая мастерица...

Фома Фомич: – Ну, и что теперь? Жила, померла. Мы её что, воскрешать должны, или мавзолей для неё построить?

Никита: – Не воскрешать, а сделать из этого дома музей. Ведь здесь всё есть: и сита, и крупорушка, и игрушки, и лари. Это же история, это память,... нельзя так.

Синеволодая: – (в лицо Никите) Ха-ха-ха! Даже и не подумаем. И вообще,... дядя с метлой! Кто ты такой, чтоб упрекать?! Патриот нашёлся...

Никита: (угрожающе подняв метлу) Уматывайте отсель по добру – по здорову!

Синеволодая: – Он нам, милый, кажется, угрожает!.. Ах ты сиволапый...

Дальше можно не комментировать. Что происходило во дворе потом, глиняшки и так хорошо видели. А ещё они видели, как напротив, наблюдают из густых кустов за происходящим во дворе двое мальчишек. И уж что-то очень знакомыми кажутся им их фигуры. Один низенький, широколицый в фуражке с длинным козырьком, другой в клетчатых брюках с интеллигентным лицом. В этих наблюдателях было что-то знакомое.

– Присмотрись – ка, брат Мурлотик, вон к тем молодцам, что из овражка выглядывают, – проговорил Заступник, – не кажется ли тебе, что это они унесли нашего Глиню с чердака. Вон тот, что поменьше, сунул его в карман.

– Ты прав, – ответил кот, – это они. И мой аналитический ум говорит о том, что и этот мальчишка, и те двое в овраге, пришли по нашу душу, только их «добрячок» опередил. Эти двое в овраге, о чём-то совещаются? У них озабоченные лица. Они друг друга тогда ещё «Пегой» и «Мухой» называли. По ним видно, что не ожидали они здесь увидеть чудищ.

.....

Этого Пегас и Муха действительно не ожидали. Хотя они могли, как только пришли, пробраться в дом, но помедлили,

пытаясь определить, где дворник, уж очень не хотелось зарабатывать метлой по спине и пока оценивали обстановку, во двор стала въезжать строительная техника. Первыми въехали два оранжевых самосвала.

За ними проследовал на больших колёсах погрузчик с покачивающимся ковшом и блестящими стальными зубьями, а потом, лязгая гусеницами, въехал бульдозер с огромным стальным ножом впереди.

– Вот тебе раз, – сказал разочарованно Пегас, наблюдая за движущейся техникой. Опять неудача. Заколдованный что ли этот дом под черепицей или нам горбатая ворона дорожку перебежала?! – Следом за техникой во двор въехал чёрный «шевроле». Из него вышли улыбчивый господин в белых брюках и синеволосая дивича.

– Знакомые всё лица, – проговорил Пегас, вытягивая шею и высовываясь из своего убежища, чтобы получше рассмотреть приехавших.

– Откуда ты их знаешь? – спросил Муха. – Я их раньше не видел.

– А я видел...

– Где же?

– На свалке, вот где... Это сам директор свалки Тараканов со своей мымрой.

– Он тебя знает?

– Нет... я дело на свалке только с Симой имел. Его видел на расстоянии. Сима меня к нему не допускал. Ему близ Та-

раканова лишние люди ни к чему были.

– А что ты на свалке делал?

– Деньги делал, – что там делают!

– А я думал, что там мусор закапывают, – удивлённо сказал Муха.

– Одни деньги закапывают, а другие их раскапывают. Я отношусь к тем, кто их раскапывает.

– А что ты меня туда не сводил?

– Меня самого оттуда поперли... Конкуренция. Свалку под собой Сима держит. Я ему конкурент. У него там бомики в мусоре ковыряются. Свалка, Муха, – это Клондайк. Туда вместе с мусором такие вещи вывозят – им только в музей стоять. А сам Сима там деньги нашёл, зелёнькие, доллары, настоящие.

– Везуха, – проговорил Мухаев и глаза его жадно заблестели.

– Не будь рабом зелёных, – весело проговорил Леонид.

– А сам по базарам таскаешься, что скажешь, не из-за денег? – проговорил сердито Муха.

– Меня интересует процесс их добывания и шествования их по человеческим душам. Запомни, Муха, – процесс добывания денег это простой механизм. Схема – шестерёнки, винтики и гайки меня уже не впечатляют, я с этим давно разобрался.

– Что ж тебя впечатляет?

– Меня интересуют более высокие материи. Ладно, об

этом, всё равно не поймёшь. Только знай, если в тебе проявиться алчность – брошу.

– А кого возьмёшь, Костяна?

– Костян думающий, но не рисковый, а мне адреналин в жилах нужен.

Пегас замолчал; замолчал и Муха. Оба стали наблюдать за тем, что происходит во дворе.

И вдруг Пегас стал втягивать шею и укрываться за кустами. Муха посмотрел во двор и увидел, что к дому приближается дворник с мальчишкой. В этом мальчишке они узнали Антона.

– Вот тебе киндер-сюрприз, – удивлённо воскликнул Пегас. – Час от часу не легче и подозрительно поглядел на Муху. Муха отвёл глаза. Тем временем, было видно по жестам Антона, что он хочет проникнуть в дом, но Никита его удерживает. Тут подъехал Камаз и загородил от них и двор и дом.

– Нашёл, где встать, – пробурчал Муха. Камаз стоял не долго. Когда он отъехал, они увидели, как двое из охраны Фомы Фомича избивают лежащего на земле человека.

– Наверное, дворника, – сказал Муха.

– Кажется...

– Так ему и надо косовязому, – сказал Муха, нечего метлой спины подметать.

– Заткнись, – зло сказал Пегас.

– Я чё, не правду говорю?

– Правду, только кислую.

– Какую, какую??

– Плакали наши денежки, – вместо ответа сказал зло Пегас. Такого провала у него ещё не было.

– Давай посмотрим, интересно ведь, – сказал Муха.

– Чего тебе интересно? – грубо и зло спросил Пегас.

– До смерти убьют или нет, – часто моргая ресницами проговорил недоумённо Муха.

– Чего, на голову бо-бо! – Проговорил удивлённо Пегас, – мы к этому делу не причастны, ещё в свидетели загребут. До смерти не убьют, народу много, вон сколько столпилось на противоположной стороне... Жить надо по-тихому. – Пегас плюнул на землю, проговорил зло. – Ну и скоты! Вот ското-база!

– А чего ругаешься?

– Не твоё дело, наблюдай давай.

– А чё наблюдать, этот Тараканов приказал мордovorотам избить дворника, вот и всё, тут и валенку понятно. Видишь, какая у него презрительная мина, как он глядит на этого дворового.

.....

И действительно, улыбчивый глаз Фомы Фомича налился злобой, он кивнул двум молодым крепким парням, повидимому телохранителям, и те, взяв избитого Никиту за руки и ноги, отнесли и, раскачав, бросили под вишню, сказав напоследок: «Вот тут и лежи, спаситель отечества, знай своё место. А будешь плохо лежать, то мы вернёмся, а тебе это неже-

лательно. Если мы вернёмся, то будет больно и даже очень».

– Я тебя не боюсь! – выкрикнул Никита и плюнул в лицо верзиле. После чего последовал удар в лицо и Никита повалился под вишню. Из разбитых зубов его полилась кровь. Вдруг, откуда не возьмись, появился Антон, и, прыгнув на верзилу, вцепился ему зубами в руку. Верзила выдернул руку. «Сволочи, ... Сволочи!!» – кричал Антон и бил кулачками верзилу по спине, голос его терялся в рёве моторов. Он заступился за дворника, но этот поступок ему даром не прошёл. После хорошей оплеухи он упал на Никиту, затем вскочил, но Никита удержал его за рубашку и, покачиваясь, встал сам.

Ах! Как бывает порой страшен тихий простой русский человек в гневе своём. Когда не очень крепкое тело его вдруг наполняют неведомые силы дикой ярости. Какие гены и почему, до селе молчавшие, вдруг заявляют о себе и руководят русичем? Откуда в нём берутся силы, смелость и решительность, чтобы с таким жертвенным отчаяньем сопротивляться злу? В это время в нём перестаёт работать внутренний закон самосохранения, а равно и другие законы выживаемости, потому как лопается с визгом и стенанием пружина терпения и миролюбия, заложенная в него творцом, и выходит русский человек из себя, а его миролюбивая и жалостливая душа летает в отчаянье по телу и ищет спокойного места, и не находит его. Или может быть это тёмные тайные силы,

поправ закон Творца, перегрузили человеческую душу сверх меры пакостями, которые только они умеют творить над человеческим существом, а затем в испуге разлетаются, кто куда, не в силах контролировать зажжённое ими буйство. Велик кроткий человек в своей несокрушимой ярости праведного гнева.

Никита, поднявшись с земли и отерев тыльной стороной ладони окрававленный рот, вдруг как бы вырос, поднялся, а, может быть, его обидчикам это только показалось, только накачаные телохранители почему-то попятнулись, а дворник, отбросив в сторону метлу, схватил ближе стоящего к нему верзилу, легко поднял над головой, как поднимает весенняя волна в реке щепку и иной мусор, и бросил его в наполовину наполненный мусорный бак. Охнуло и выгнулось железо бака. Без злобы глядят Никитины голубые глаза на поверженного лиходея и искрящиеся лазоревые смешинки, мелькнув в их глубине, переходят и скользят в складках его губ. Минута и следом за первым верзилой место во втором баке занял другой и только четыре волосатые ноги в до блеска начищенных ботинках, торчащие из баков, напоминают видевшим, разрешившееся здесь справедливое возмездие.

И вот уже Никита поворачивается к Фоме Фомичу и синеволосой. Ужас исказил прелестное личико девицы, и проявилось на её лице внутреннее уродство, до селе прикрываемое маской добропорядочности, а оба глаза «добрячка» Фомы Фомича застыли в злом выражении. Новые хозяйева до-

ма впрыгнули в «шевроле» и застучала синеволосяя в спину водителя маленькими жёсткими кулачками с одним требованием – немедленно уехать.

Фома Фомич из автомобиля махнул бульдозеристу рукой, дескать, начинай. Трактор тронулся, за клубилась пыль и скрыла Никиту и мальчишку, который бросился к парадному крыльцу дома, и скрыла эта пыль вышедшего из-за угла дома землемера, который никем не замеченный подошёл к мусорке, свалил набок баки с незадачливыми молодцами, затем поднял, вылетевший из мусорного бака мешок, подошёл сзади к Никите и ловко накинул его дворнику на голову, затем подставил ножку и толкнул. И сделал он это расчётливо, без суеты, как делают люди привычное им дело.

Никита упал лицом вперёд, во весь мах, как падает подкошенная трава, только охнула и глубоко вздохнула земля, приняв на себя живую тяжесть тела. И подалась от удара грудная клетка, и вышел из груди богатырский дух, и приняла его земля. Был богатырь, а стал просто человек. После совершенного, землемер тихо и незаметно удалился с довольной улыбочкой на лице, не поворачиваясь и не глядя как озверевшие охранники избивают ногами упавшего...

– Эй! Вы! Палицы захотели! – прокричал из слухового окна верзилам Заступник.

– За что? – проговорила, всхлипывая, Дуня, – Никита добрый, хороший...

– За это самое и получает, – выпуснув когти, проговорил сквозь зубы Мурлотик, – шпана проклятая.

– Эй! Вы, сволочи! – закричал Пустолай, – зачем человека обижаете!! – только за шумом работающих двигателей его совсем не было слышно.

– Прощайте, братья и сёстры, пора мне в поход, за правду и справедливость биться, сказал Заступник, – моё время настало, пришёл час, – и он отвесил игрушкам поясной поклон, прижав одну руку к груди, а другую, опустив вниз.

– А как же мы? – проговорила Катерина.

– С вами Мурлотик останется и Пустолай. Они вас не оставят, а мне надо с супостатами драться и искоренять эту чуму из земли русской. Так делали наши отцы, деды и прадеды. Так защищали землю князья и богатыри в прошлом, так должно поступать и нам в настоящем. Простите меня, если я кого обидел. Пусть простит меня мамушкин бог и поможет нам – Он ещё раз поклонился и направился к чердачной лестнице.

И только он сделал шаг к лестнице, как раздался сильный треск и грохот, вылетела рама слухового окна, одна из стропил обрушилась. Игрушки в ужасе спрятались снова в ящик и сама собой от сотрясения задвинулась за ними крышка. Один Заступник, перехватив поудобнее дубину, остался на месте и приготовился к сражению, а если надо, то готов был принять и смерть, как подобает настоящему воину.

Вот он увидел, как упавшая стропилина придавила крыш-

ку ящика. Заступник подбежал к ящику и стал спиной сдвигать с него стропилину. Почему стали падать стропила? он не знал.

А произошло это обрушение потому, что нож бульдозера протаранил стену старого дома. Вбежавший в это время в сенцы дома Антон упал, так как пол под ним зашатался. Выпавший из кармана Антона Свистопляс, тут же вскочил на ноги. Его не испугали пыль и грохот. Вот его копыта процокали по лестнице на чердак. Пыль заволокла чердачное пространство, покосились и кое где рухнули стропила, обвисла кровля, Свистопляс скакал перепрыгивая через какие-то коробки, стулья, стараясь как можно быстрее доскакать до ящика из-под мыла. Вот он видит около слухового окна Заступника, тот пытается поднять с крышки ящика упавшую стропилину. Свистопляс бросается к нему на помощь. Но не успел он сделать двух прыжков, как кровля рухнула, Заступник вывалился в слуховое окно, а Свистопляса спасла печная труба. Она на какое-то время удержала на себе часть кровли, как раз в том месте где находился Свистопляс, но и это длилось секунды. От нового удара дом закачался и как большое, но ещё живое существо, вздохнув осел, завалившись нелепо набок.

– Ребёнок в доме!!! – закричал, срывая с себя мешок, Никита и, держась обеими руками за голову, покачиваясь точно пьяный, преодолевая боль в избитом теле, не обращая вни-

мания на работающую технику, пошёл к дому. Вот он дошёл до дома, стал подниматься на крыльцо.

– Туда нельзя! – услышал он крик бульдозериста, но не обратил на него никакого внимания, потому что знал, что если дом рухнет совсем то...

Никита вошёл в парадную дверь. Пыль застилала глаза. И тут он увидел Антона. Рухнувшая кровля закупорила вход на чердак и Антон силился сдвинуть перекрытие и освободить проход.

Никита взял Антона под мышку и пошёл к выходу, цепляясь одной рукой за рухнувшие балки, повторяя:

– Гат-паразит,... людишки-человечишки... Вот плюнуть-не растереть что делают...

Антон пытался вырваться, а самого Никиту душили слёзы. Вот они вышли на крыльцо, спустились и Никита понёс Антона к изгороди. Антон уже не пытался вырваться, он плакал. Никита донёс Антона до вишни и, не выпуская его из рук, стал смотреть на дом. Он смотрел отрешённо, не чувствуя боли, да и досады тоже, он просто стоял и смотрел как рушится старый дом, рушится его прошлое и настоящее, рушится с этим домом его внешний и внутренний мир, и он откровенно плакал, не вытирая слёз. Пыль покрыла его лицо. И слёзы, скатываясь по щекам, промывали в осевшей пыли на лице извилистые светлые полосы.

– Пусти меня!.. Пусти!.. – вдруг закричал Антон и хотел снова бежать к дому. Он даже хотел укусить Никиту за ру-

ку, но в этот момент Антон увидел, как вывалился из слухового окна игрушечный воин. Заступник упал на землю, но тотчас вскочил и, размахивая дубиной, бросился на бульдозер. Бульдозер в этот момент остановился, сдал назад, чтобы сориентироваться и обрушить свой страшный нож на ещё цепляющийся за жизнь дом.

Техника была с иголки. Иностранная. Ревели мощные моторы, обрушивая историю, уклад, подминая под гусеницы не только разросшуюся крапиву, но и душу Никиты, которая, на время оставив тело, невидимая летала вокруг дома, ударяясь как птица в окна, а тело Никиты просто стояло, поджидая мятущуюся невидимку.

Антон, не отрывая глаз, смотрел на глиняного чудо-богатыря, который, размахивая дубиной, двигался навстречу железной громадине. Блестело на солнце лезвие бульдозерного ножа, из кабины смотрел на стену ухмыляющийся тракторист. В стороне, с подветренной стороны, где нет пыли, стояла чёрная иномарка и из её кабины смотрела на работу техники синеволосая Барби и маленький, толстенький в белом костюме господинчик с сигарой в зубах. Ему было приятно ощущать свою всевластность над этим старым домом, который через минуты превратится в кучу мусора. И если ему захочется, то он одним движением руки остановит всякое движение в этом дворе, и если ему надо, то даже отремонтирует этот дом на старом фундаменте, подведёт под него новые венцы. Но он не будет этого делать. Для него это просто

старое с подгнившими нижними венцами строение, которое просто необходимо снести и делу конец.

Тараканов, увидев Никиту, что-то сказал охраннику, тот подошёл к дворнику и сунул ему в карман сторублёвую бу-мажку. Никита этого даже не заметил... Антон в это время видел, как крошечный богатырь, подступив к железному огнедышащему дракону, ударил его дубиной по блестящему ножу раз, другой, третий... Брызнули из-под кованых шипов дубины искры, но не покачнулся дракон и даже не остано-вился. Он только поискал фарами-глазами смельчака, кото-рый посмел проявить в отношении его дерзость, но, из-за малости последнего, не видел его среди мусора. Но это дли-лось недолго. Чудище поводило фарами-глазами и наткну-лось взглядом на крошечного человечка с дубиной и захохо-тало сразу всеми двенадцатью цилиндрами чугунного мото-ра. «Ха!-Ха!-Ха!.. Ха!-Ха!-Ха!..» И запрыгала на выхлопной трубе закрывалка – заслонка, и засмеялись, пища и скреже-ща, гусеницы, выбегая вперёд, чтобы посмотреть на удаль-ца. «Хи-хи-хить, хи-хи-хить» – смеялись они. «Дайте мне посмотреть,... дайте мне посмотреть на этого храбреца», – громко говорила одна зубастая и особенно крикливая гусе-ница, протискиваясь вперёд и расталкивая подруг локтями.

Гусеницы, что достигли первого ряда наперебой удивлён-но говорили одно и тоже: «Ах!.. какой он махонький, ха-ха, ... а мы думали... Тоже нам герой...». «Дайте нам посмот-реть,... дайте нам...» – доносилось с задних рядов. И тут

увидел Антон Свистопляса. Он висел в воздухе, прямо над бульдозером на конце длинной жердины, зацепившись поясом за изогнутый гвоздь. «Я иду к тебе на помощь, брат Заступник, – кричал Свистопляс, дрыгая в воздухе ногами и размахивая трезубцем. – Сейчас мы покажем им кузькину мать!!!». Раньше это дрыгающее ногами существо на конце жердины, могло бы вызвать только ироническую улыбку, но не сейчас.

Впереди чудища была стена, именно на неё был нацелен нож бульдозера. Заступник пятился к стене, не зная, что предпринять против закованного в броню дракона, и всё бил и бил дубиной по его стальным клыкам. Вот над Заступником завис бульдозерный нож, он шевелился, выщеливая трещину между брёвнами. Нож на несколько секунд застыл и, примерившись, вонзил в трещину между рёбрами – брёвнами блестящее стальное жало. И посыпалась из смертельной раны засыпка, сохранявшая столько лет в доме тепло в жуткие январские стужи.

После этого удара, дом разом, обмяк, осел и уже не сопротивлялся. А с севера, вдруг надвинулась туча, налетел внезапно вихрь, Барби и Тараканов подняли стёкла в машине, а Никита, прижав к себе Антона, размашисто перекрестился.

И в этот ужасный момент, когда набегающие гусеницы страшилища уже стали накатываться на Заступника, жердина, на которой висел Свистопляс, покачнулась, накренилась и обломилась, кентавр, отцепившись от гвоздя, камнем по-

летел вниз, чтобы напоследок разделить участь товарища. И это падение Свистопляса для Заступника было спасительным, потому как Свистопляс угодил точно на крышку выхлопной трубы бульдозера и плотно её закрыл. Отработанным газам из мотора стало некуда выходить, мотор зачихал и тут же заглох, двенадцать хохочущих цилиндров испуганно замерли а, набегавшие на Заступника, сверкающие гусеницы остановились. Но дело было всё равно уже сделано – вместо дома во дворе высилась большая куча мусора с торчащими из неё переломанными стропилами, боем кирпича, опилками и отлетевшими к самому её основанию две фронтоновые доски, украшенные, вырезанными и набитыми на неё деревянными голубками.

Всё было кончено. Старый, но ещё добротный дом прекратил своё существование. Где-то под кучей должен был находиться ящик из-под мыла, если, конечно, он уцелел. А что случилось с Заступником и Свистоплясом не мог сказать никто.

После того, как дом рухнул, за дело взялся погрузчик. Он вгрызался в кучу, выхватывал из него куски побольше и отправлял в кузова оранжевых самосвалов. Кучка любопытствующих, с подветренной стороны, наблюдала за работой техники. Люди вполголоса говорили кто о чём:

– Любил дворник покойницу, – со вздохом, налегая на «о» говорила женщина крупного телосложения и очень добрым лицом. – Я-то уж знаю.

– Знамо, что-то было, раз охраны не побоялся, – поддакнула худенькая.

– А новый хозяин с размахом, – проговорила Чугуниха, – Никита на них с кулаками, а он ему раз и сто рублей в карман, знай наших. А тот взял, ... не побрезговал, а сделал вид, что не заметил, ... хитрюга.

– Не брал он, ... просто не видел как ему сотку охранник в карман сунул, – заметил сипатый.

– Понятно, что не заметил, кто ж от сотки откажется, – опять встряла Чугуниха. – И, поверьте моему слову, бабоньки, умершая хозяйка дома колдунья была, вот те крест. – И она мелко перекрестилась.

– Что-то не слышать было, – засомневался обладатель сипатого голоса.

– Это вам не видать, а моему зятю, ой как видать, – пошла в атаку Чугуниха. – Как ни подъедет к дому, так два колеса обязательно проколят и никого... Вот так-то! Милиционер молоденький приезжал разбираться, на коленях с лупой землю рассматривал и никаких следов. А кто следов не оставляет, сами знаете... – и она подчёркнуто снизила голос, – только нечистая сила, ... вот.

Спорить с ней никто не стал. Все смотрели на работу погрузчика и не заметили, как бесшумно выкатилась со двора чёрная иномарка.

Глава 24. Зыбкий след

Когда Белянка и Смуглянка ждали на склоне Белой горы

Василия, Пегас с Мухой беседовали в Глебучевом овраге, капитан Сорокина молча пролистывала старые дела, пытаясь понять, кто из ребят может быть вовлечён в криминальный бизнес.

Неожиданно дверь открылась и вошёл возбуждённый Митин.

– Есть новости? – спросила капитан.

– По проколотым шинам новостей нет, думаю что и не будет.

– Что так?

– Главную привязку – дом под черепичной крышей, откуда могли совершаться какие-либо действия, сломали. Я успел к шапошному разбору. При мне грузили остатки мусора в самосвалы, то есть всё, что от него осталось.

– Не густо, – сказала Сорокина... – а чего весёлый такой?

– Не совсем же я пустой приехал... Марь Васильна.

– Тогда говори.

– Когда я увидел работающую технику во дворе, я сразу понял, что с проколотыми шинами наступил швах... Дом – была моя последняя зацепка. Больше проколы делать неоткуда.

– А почему именно дом? Как ты связываешь дом и проколы?

– Я вспомнил, как мы в детстве делали арбалеты.

– Что из того... делали вы арбалеты с друзьями или нет?

– Я подумал, что при помощи такого арбалета, можно за-

просто продырявить колесо, тем более, я тогда у сторожа выяснил, что все проколы были сделаны в борт покрышки, то есть с боку, а не в протектор и именно со стороны дома. У колеса на прокол – это самое уязвимое место.

– Тогда почему эти стрелы от арбалета в колёсах не обнаружены? – спросила капитан.

– Я знал, что вы зададите мне этот вопрос, – сказал Юра и торжественно выпалил, – мы в детстве, чтобы не бегать за стрелами иногда привязывали к ним тонкую леску. За эту леску и возвращали стрелы назад. Вот я и подумал, что в сенцах, или в слуховом чердачном окне, обязательно должны остаться обрывки лески или нитки. У нас леска часто путалась и мы её просто обрывали. Только теперь эту версию не проверишь.

– Жаль, Юра, что эта мысль пришла тебе в голову только сейчас, версия правдоподобная, а сама подумала: «Толковый, ... не зря на него положила глаз Муза Карповна». – Вот видишь, младшой, покопался в своём детстве, кое – чего вспомнил и на деле применил, это похвально...

– Не применил, товарищ капитан, а хотел применить...

– Нет, Юра, применил, ... применил, времени не хватило для реализации задуманного. Только по глазам вижу, что ты мне не всё сказал, говори уж, ... чего там, – и она, поправив волосы, приготовилась слушать.

– Не знаю, как и сказать, Марь Васильн. В общем, не стал я к дому подходить, тем более, что процесс погрузки был

в самом разгаре, а встал за угол и вижу, как из Глебучего оврага за погрузкой мусора в самосвалы тайно наблюдают двое мальчишек. И кто же, вы думаете, это был?

– Не говори, Юра, загадками, право как ребёнок, – сдвинула брови Мария Васильевна. – Откуда ты взял, что они таились. Да разве мало мальчишек наблюдают за работой, особенно за сломом!

– Там, Марь Васильн, никто никого не прогонял, другие люди тоже смотрели, а эти таились.

– Тут ты молодец, а дальше что?

– Я увидел, что они с интересом наблюдают за двором и, как мне показалось, остались очень недовольны увиденным, то есть ликвидацией дома. Вот такой факт.

– Впечатление может быть обманчивым, – заметила Мария Васильевна.

– Не совсем так. Когда они уходили, то мимо меня прошли, и я услышал обрывок разговора, буквально несколько фраз. Один говорит: «опоздали», а второй: «я же тебе говорил, что сразу надо было брать». Тот в ответ: «бывает и на Маруху проруха».

– И это всё?.. – удивилась Сорокина.

– Так ясно же, что ребята не просто так приходили и были там не один раз, потому как уверенно на местности ориентируются.

– Может быть, они и прокалывали? – сказала Мария Васильевна. – В любом случае, если дом для них был рабочим

местом по прокалыванию, то проколов больше не будет, – и оба улыбнулись.

– Ты чего смеёшься? – спросила Юру Мария Васильевна.

– Смешно получилось и со смыслом – прокол колёс и прокол в моей работе. Одно слово, а два значения и так здорово соединились...

– А ты можешь этих ребят обрисовать? – спросила капитан.

– Могу. Один маленький пухленький, рыженький; другой – на голову выше, русый, лицо тонкое, интеллигентное.

Сорокина стала перебирать в памяти имена и фамилии хулиганистых подростков. Кожевников – всплыла в памяти фамилия мальчишки из неблагополучной семьи. Но капитан сразу отвергла её. Мальчишка слишком открытый, чего наговорит, то сразу и расскажет. Такому самое маленькое дельце никто из подросткового хулиганья не поручит, да и из взрослых тоже. А вот Пегасов?.. Она постучала костяшками пальцев о стол, – Пегасов, ... Пегасов. С ним в паре Мухаев. Знают ли что они про сбор старья? Мухаев вряд ли что знает, не доверят. Хотя как знать, как знать: тихоня, себе на уме, с хитрецей. Этакий Санчо Панса, оруженосец Дон Кихота. Только вот Лёня Пегасов на Дон Кихота никак не похож: Этот с ветряными мельницами бороться не будет, умный, уверенный, эрудированный, почти отличник, но за оценками не гонится, относится к ним даже как-то наплевательски, когда необходимо – дерзкий и решительный. Из такого характера

легко получится или воровской пахан, или учёный. Лёня – это тайна, с непредсказуемым будущим. Один раз в беседе с ним Пегасов так ей прямо и сказал, что на откровенный криминал никогда не пойдёт и ни под кем ходить не будет, так что, мол, Мария Васильевна, не беспокойтесь.

Сорокина потёрла переносицу. Она-то знала, что криминальный мир затягивает и таких, наверное, даже прежде всего таких, уверенных и безапелляционных. Умеют они их втягивать в свои сети. Но ближе к делу. Пегасов промышляет антиквариатом, вроде водит дружбу с Червонцем. Только вряд ли это дружба. Червонец,... Червонец,... вроде за прилавком стоит, а на самом деле эта торговая точка может быть местом наводок и передачи информации, а так же точкой приёма краденых или найденных вещей. Конечно, Червонец Лёню может использовать, но быть его другом – вряд ли. С ним Леня дружбу водить не будет, натура гораздо шире... Да, но Лёне... могут доверять. В любом случае, я бы доверила.

– Думаю, Марь Васильн, они из ваших старых клиентов, – прервал ход её мыслей младший лейтенант.

– Почему?

– Потому что живут не там, а здесь в Заводском, рядышком, я проследил за ними, в аккурат на улице Марины Расковой их дом стоит. У одного в первом подъезде квартира, приблизительно на третьем этаже, а у другого в третьем, этаж не знаю .

– Ты, Юра, самое важное говоришь в последнюю очередь. Конечно, это они.

Мария Васильевна помнила дом, в котором живут Пегасов и Мухаев.

– Надо с Пегасовым встретиться, – заключила инспектор, – только не здесь в кабинете и не при погонах, – и она стала думать о том, как вывести Пегасова на откровенный разговор не в казённой обстановке.

Глава 25. В полной темноте

Когда ломали дом, глиняшки, что находились в ящике и упали вместе с ящиком с чердака на землю, были в относительной безопасности. Толстый слой мусора, наваленного сверху на ящик не позволял всевозможным балкам, черепице и кирпичам стукаться о ящик. Можно сказать, что они были погребены вместе с ящиком под толстым слоем мусора. В ящике было абсолютно темно и глиняшки даже не могли видеть очертаний друг друга.

– Как в могиле, – сказал Пустолай.

– Хуже. В могилу живыми не закапывают, – поправил пса Мурлотик.

– Почему это не закапывают?.. Очень даже и закапывают. Я по телеку видел.

– А ты телек смотри больше и чаще, так глядишь крыша и поедет, – парировал кот.

– Нашли о чём говорить, – прервала спорящих Катерина.

– А о чём тогда говорить? – спросил Пустолай. – Как раз

разговор в тему, что случилось – о том и говорим.

– Медведь тебе, Пустолай, на мозги наступил.

– А о чём, по-твоему, говорить надо? Скажи, раз такая умная...

– О чём угодно, только не о гробах.

– Давай, Мура, шепотком разговаривать, если наша тема некоторым уши режет, – и пёс с котом, отодвинувшись в уголок, стали тихо разговаривать.

– Так-то лучше, – сказала Катерина. – Ты, Дуняш, не обращай на них внимания.

– Я не обращаю, – тихо сказала Дуня, – только я не знаю, о чём говорят погребённые как мы.

– О любви говорят, Дуняш,... о любви. Только о ней и можно, и нужно говорить в таких ситуациях и ни о чём больше.

– Как же мы будем с тобой, Катерина, о любви говорить, когда ты даже замужем не была.

– Ну и что? – удивлённо спросила Катерина.

– Как что? Тебе уже сорок лет, а у тебя детей нет. А раз нет детей, то значит и любви у тебя никогда не было. Как же о ней говорить будешь?

– А кто тебе, Дуня, сказал, что у меня любви в жизни не было?

– Никто... Так... Сама подумала.

После этих слов Катерина порывистым движением притянула Дуню к себе, прижала и поцеловала в голову.

– Ты что? – удивилась Дуня Катеринину порыву. – Я сделала тебе больно своими словами? Я не хотела, ... по глупости всё это, ... Просто подумала, что у тебя ничего и ни с кем такого не было ...

– Чего не было, Дуняш?

– Переживаний, чувств разных ... Не было того, как у меня я из-за Васи ... – Дуня осеклась и дальше говорить не стала.

Немного помолчали. Обоим было немного неудобно говорить, из-за того, что они не видели в темноте глаз друг друга, но с другой стороны, отсутствие всякой видимости позволяла обоим сосредоточиться на главном, что было в их душе, можно даже сказать – заняться созерцанием собственных чувств в то время, когда они уже отгорожены от мира плотным слоем мусора и каждый из них не мог не подумать о том, что возможно они не увидят белого света всю оставшуюся жизнь.

– Девочка моя, – заговорила Катерина немного сдавленным голосом. – Я прошу тебя ... Никогда ... никогда не говори мне этого ...

– Прости меня, Катя, ... я же не знала; не сердись, ладно?

– Я не сержусь. Просто твои слова, ... слова мне напомнили ...

По интонации в голосе было понятно, что Катерина сильно волнуется. Катерина помолчала, стараясь побороть внутреннее напряжение. Видно ей это удалось и далее уже начала говорить голосом спокойным:

– Давно это, Дуняш, было. И меня любили, и я любила. Да так любила, что, казалось, что перед тем чувственным жаром души ни одна преграда устоять бы не смогла – ни скала высокая, ни стена гранитная, ни льды материковые, всё бы попал и растопил огненный смерч, что из сердца до неба столбом огненным стоял. Я и сейчас его огонь в душе чую, хотя столько лет прошло. Всё можно, моя милая, забыть, а вот этого нельзя. Чувства эти человек с собой всю жизнь несёт и с собой, когда совсем состарится, в могилу уносит.

Катерина опять замолчала, но ненадолго. Видно думала, как и с чего начать рассказ. Дуня понимала, что торопить Катерину не надо, сама скажет раз уж начала.

Катерина заговорила медленно, будто вынимая каждое слово из собственного сердца, рассматривая его духовным оком и вслушиваясь в свой собственный голос. Она говорила так, как будто рассматривала в альбоме уже давно не виденные ею старые фотографии. Со временем эти пожелтевшие снимки стали вдруг намного ближе и дороже, и она всё смотрит на них и не может насмотреться, потому как встают они перед ней живыми и разговаривают с ней одними говорящими взглядами.

– Была, Дуняш, и у меня любовь. А как же не быть. При сотворении каждый награждается этим чувством и чувство это благословенно.

– Кто же он? – выдохнула Дуня.

– Был, Дуня, среди мамушкиных глиняшек один паренёк,

по занятию – мукомол, душевный, тихий. Мамушка его своеобразной красотой наделила. Нет, не внешней, таких ты и сама видела красавчиков, а внутренней. И была в этой несказанной красоте его такая сила, такая притягательность, что словами и описать невозможно. Ведь это я от него научилась калачи выпекать. Глупая я тогда, Дуня, была, от счастья под ногами земли не чувствовала. Думала: «Вот оно моё счастье, ... никто этого счастья у меня не отнимет», думала, что всю жизнь с ним счастливой буду, а не пришлось.

– Катюша!.. Милая моя! – воскликнула Дуня. – Это же неправильно! Так не должно быть! Любящие должны быть вместе!

– Я это, девочка, и сама знаю, – и Катерина горько улыбнулась в темноте, – но это, к сожалению, не всегда бывает. У нас, по крайней мере, этого не получилось.

– Катюша... Мне тебя жалко. – Дуня нашла в темноте руку Катерины и крепко её сжала. – Мамушка говорила, – что когда человек другому человеку сопереживает, то боль страдущего вполонину меньше становится. Не знаю, умею ли я сопереживать? только мне очень хочется, чтобы тебе стало легче. Расскажи мне про него и тебе будет легче...

– Девочка ты моя... Что там и рассказывать. Всё было как во сне. Я и сейчас думаю иногда, что это был сон. Помню, дверь в мамушкином доме открывается и входит он. Лицо доброе-предоброе и каждое его чувство на лице написано, что и спрашивать ничего не надо, смотри и читай. Я смот-

рю, а он ко мне идёт. У меня ноги сразу ватные сделались, веришь? – ни рукой, ни ногой пошевелить не могу, а сердце того и гляди из груди вылетит, вот как трепыхается, а в висках, чувствую, кровь колотится.

Катерина перевела дыхание, вздохнула и стала говорить дальше.

– На скамеечке во дворике с ним сидели. Он, мой мукомол, всё шутил, да всякие интересные истории рассказывал.

– И что же дальше? – поторопила Катерину Дуня.

– А ничего дальше... Дальше, Дуняш, как в сказке с хорошим началом, да с плохой серединой. Сидим, милуемся, о свадьбе да о жизни совместной мечтаем, а тут ворона на городьбу скок. Старая, голова вполовину от клюва лысая, хвост куцый, крылья вполовину ошипанные, усы из нескольких седых волосинок около клюва торчат в разные стороны, голос скрипучий как рассохшаяся телега и сама от старости уже рыжеюй покрылась. Один глаз бельмом зарос. От шеи горб высокий торчит. Я таких и не видала никогда. Села она и на нас с Гришей, так моего суженого звали, смотрит одним глазом, рот приоткрыла и изо рта её, а вроде как из самой утробы только один звук идёт: «Крэ-ке-э...».

– Ой! Какие страхи, – проговорила испуганно Дуня, – у меня аж мурашки по телу побежали.

– Потом эта ворона посмотрела так на нас, посмотрела, да вдруг и говорит нам: «Милуетесь!? Любуетесь... Недолго осталось», потом вдруг открыла клюв, да как захохочет

по-человечески, хлопнула крыльями, хватя моего мукомола и улетела. Я только слышу уже сверху Гришин голос: «Жди меня, Катюша!! Я обязательно вернусь!!». Так вот до сей поры и не возвращается, а голос его и слова последние в ушах так и стоят. Нет уж видно, не встретится нам с ним на этом свете.

– Что, и ни слуху, ни духу? А, Кать?

– Разные толки тогда по этому поводу были. Сорока говорила, что ворона была колдунья. Только вороной оборотилась. Ведь чародеям главное любовь на земле разрушить. Они того не понимают, что от этого она в душе ещё сильнее горит.

– А ворону эту потом видели?

– Нет, Дуня, никто не видел и не встречал. А я с тех пор так и жду. Унесли в небо, а откуда ждать и не знаю.

– А что тебе, Катюш, сердце говорит,... А? Сердце-то оно и подсказать может, чего люди ни глиняные, ни человеческие не знают.

Дуня была взволнована рассказом и потому хотела как-то помочь Катерине, но не знала чем и как? Она, то гладила Катеринины волосы, то пожимала ей руки, а затем, расчувствовавшись окончательно, стала целовать Катеринино лицо, волосы, плечи.

– Я глупая,... глупая,... самонадеянная девчонка. Что я тебе наговорила?! Да меня убить за это мало, Катенька... Я не знаю, что тебе сказать...

– Не кори себя, милая, ... не надо. Я сама к тому дала повод. А сердце всегда одно говорит: «Жди» и ни слова больше. Сердце – оно на слова скупое. Это наш язык может наговорить воз и маленькую тележку, только ему веры в этом большой нет. Я уж это знаю. То он успокаивает меня – «терпи и всё будет хорошо», то наоборот – «и не жди даже, откуда не возвращаются», или того хуже – «В той стороне и получше тебя найдутся»... Я и сама понимаю – двадцать лет минуло. Я теперь о своём счастье, Дуня, и не мечтаю, мне бы на чужое счастье посмотреть и ему порадоваться. Хочу, чтобы и у вас с Васей, как у меня с Гришей было, чтоб всё взаимно и при полной сердечности.

– Не говори мне о нём! вспыхнула Дуня. – Слышать не могу, ненавистен он мне.

– Если ненавистен, это хорошо...

– Чего ж хорошего?

– Любовь, Дуняш, и ненависть в этом деле бок о бок ходят. Иногда и сама не разберёшь, кто из них кто? И чего больше? винегрет какой-то. То охватит жаром – думаешь, что это любовь, а то вдруг окатит как из ушата холодной водой и жизнь становится не мила, так бы в омут головой и бросилась.

– Я понимаю тебя, Катюш. Иногда за Васины выходки готова со стыда под землю провалиться, или даже убить его готова, а чуть время пройдёт, раздумаешься и жалко его становится и уже ревёшь как дура, и непонятно, кого жалеешь: то ли себя, то ли его непутёвого, а потом такое подплывает,

вроде как лучше его и нет. Помнишь, когда он с этими дурёхами перед синевлаской выплясывал – я чуть со стыда за него не сторела. Вроде как это не он, а я перед «добрячком» и Барби кручусь...

– Это и есть, Дуня, любовь. Любовь – это не за что-то? Если сама себе говоришь, что люблю за то-то и то-то, то это и не любовь совсем, а бизнес. Любить – значит любить ни за что? Любить, значит поступать вопреки здравому смыслу и рассудку, жить на чувстве. К этому ощущению даже и вопроса поставить нельзя. Любишь и всё, а какой он: хромой, кривой или как в твоём случае – непутёвый, то уже и значения никакого не имеет.

– Ты права, Катя. Говоришь – будто душу мою как книгу открыла и читаешь.

– Это я не твою душу читаю, это я свою, истрёпанную за годы, книжку какой раз перелистываю и перечитываю.

После этих слов они уже не говорили, а сидели молча, обнявшись и вглядываясь то ли в своё сердце, то ли в свинцовую темноту ящика, и было слышно, как трепетно стучат их глиняные сердца. А потом Дуня незаметно уснула и ей, вдруг привиделось – стоит на берегу реки Катерина, а с ней рядом такой красивый, элегантно одетый мужчина, и этак ласково смотрит на Катерину, и Дуня догадалась, что это и есть тот самый мукомол, о котором ей говорила Катя. «Какие они красивые и совсем ещё не старые» – подумала Дуня, и ей стало от этой мысли хорошо-хорошо. И вдруг она смотрит,

а от реки поднимается ещё человек в красной рубашке на выпуск, в синих штанах и хромовых, до блеска начищенных сапогах, и под мышкой гармошку держит. Как увидела Дуня гармошку, так сердце у нее как у птички и ворохнулось. «Он это», – подумала она. Подумала, а узнать не может. Вроде и гармошка его, и ростом такой же, а не он. Вглядывается в его лицо, вглядывается, вроде он. Только серьёзный такой, потому и не узнать его». И видит Дуня, как Катерина поворачивается к ней и говорит: «Это он». Дуня посмотрела на мукомола, а тот тоже, смотрит и серьёзно так говорит: «Это он, Дуня». «Иди к нему» – сказала Дунино сердце. И тут Дуня сделала навстречу один шаг, другой, проснулась и как ей показалось – вскрикнула... И тут раздался голос Пустолая:

– Это вы о чём там шепчетесь? Нам говорить нормально запрещаете, а сами даже кричите.

– Это мы так, о своём, о женском, а крик, так это Дуня палец прищемила, – ответила Катерина.

– Ну шепчитесь, это всё лучше, чем горевать, – заключил философски кот.

И не успел ему на это Пустолай ответить, а только открыл рот, как над ними что-то загрохотало, а потом стало происходить нечто невообразимое. Они же не знали, что наверху начал работать погрузчик.

Глава 26. Есть идея

Куча мусора, в которую превратился дом, постепенно перекочёвывала в кузова самосвалов. Пегас, пнув от злости но-

гой старое без дна ведро, сказал:

– Пошли, Муха, отсюда.

– Быстро у них всё это получается, – сказал Мухаев и кивнул на работающую технику и стоящие под погрузкой Камазы.

– Давай хоть одну игрушку да загоним, – продолжил Пегас, – и они, выйдя из своей засады, и уже не опасаясь дворника, пересекли двор и пошли к мосту через Глебучев овраг. Ворота двора, где недавно стоял дом, жалобно поскрипывали, покачиваясь на ветру. Ребята вышли со двора и направились вниз к Волге. Один из самосвалов стоял на дороге и водитель закрывал мусор пологом, чтобы при движении он не разлетался по улицам.

– Упустили куш, – бормотал Муха. – Может быть сами махнём на свалку. С водителем договоримся и там поищем?

– А там что? – спросил зло Пегас.

– Будем мусор перебирать, – ответил Муха.

– Так это целый дом надо через руки пропустить! Мы же не знаем, в какой машине их повезли. А там бульдозеры, скреперы, техника. Нас, что, рабочие будут ждать, когда мы всё переберём? Спихнут бульдозером под обрыв и все дела.

– Значит, всё пропало? – обречённо проговорил Муха. – А может начальству свалочному об игрушках рассказать, ... а?

– Не свалочному, а сволочному, – съязвил Пегас. – Иди, ... расскажи. Ты директора уже с его мымрой видел. Они с домом решили вопрос и там решат, как только прознают,

будь спокоен, только не в нашу пользу.

– А если как-то схитрить? Директор поверит...

– Причём тут директор!?! Я же тебе говорил, – Сима там, на свалке, всем распоряжается. Я его несколько раз с Червонцем видел. Червонец к нему на свалку приезжал. Один раз я старинную бутылку нашёл с вензелями, решил отскрести грязь, а под рукой ничего не было, пошёл к сараю, а за сараем они, толкуют о чём-то.

– Кто они?

– Сима с Червонцем, кто же ещё. В связке они, понял?

– Ну?... А дальше...

– Что дальше? Про сбыт антиквариата толковали. У них там, Муха, целая система выстроена. Одни бомики ищут, кто-то найденное реставрирует и так далее.

– Что так далее?

– Ты что, совсем не впрягаешься! Дурка вяленая. Просеять надо такие вещи.

– Бизнес на антиквариате делается, в широком масштабе, так что под колёса попадать этой организации нежелательно.

– Что, даже и организация есть? – изумился Муха.

– Думаю, что за этим стоят серьёзные дяди. Только ты, Муха, язык за зубами держи, а то и тебя, и меня в асфальт закатают.

– Ты меня, Пега, попугать решил, да?

– Я тебя не пугаю, думаю, что директор Тараканов над всем этим стоит или повыше кто, здесь лучше особо под но-

гами не надо путаться. Я его разговор по мобилу слышал, он несколько раз слово «Изумруд» произнёс, потом доцент на базаре по телефону тоже это слово сказал, ... подозрительно это. В связке они, ... и Тараканов, и Забродин, одно дело делают. Помалкивать надо.

– А «Изумруд» – это что?

– Может быть пароль, кличка или даже организация, кто знает? Только я понял, что дело не чистое. А ты сам знаешь – я ходить под кем-либо не желаю, да особенно на коротком поводке. Я – птица вольная, хочу – лечу, хочу – на ветке сижу.

– Не переживай, – стал успокаивать друга Муха. – В нашем деле так: сегодня – с убылью, а завтра – с прибылью. Посмотрим, как ещё дело обернётся... – И вдруг Пегас резко остановился.

– Ты чего? – спросил Муха.

– Поворачиваем назад, идея пришла.

– Что за идея?

– Ты сейчас домой вали, а я попробую на свалку с Камазом тем уехать.

– Значит, я правильно говорил? – встрепнулся Муха.

– С Симой надо потолковать, без него не получится. Риск – благородное дело, попробую обыграть. Он ведь об игрушке ничего не знает... Так, что есть шанс.

– А шофер возьмёт? – заволновался Муха.

– Чего-нибудь придумаю, – и Пегас резко повернул назад.

Глава 27. Вся надежда на ящик

Всё происходило, как в страшном сне. На ящик из-под мыла что-то падало, скрежетало. Ящик сдавливало так, что трещали его толстые доски, он переворачивался, падал, ударялся и снова сдавливался.

– Эх, грехи мои тяжкие... – говорил Пустолай, падая в крошечной тьме. Мурлотик наоборот, сваливаясь на кого-то постоянно повторял:

– Извините, не хотел, простите, если кого зашиб ненароком.

Потом Пустолай понял, что можно в ящике и не падать. Он встал в ящике в распор, то есть упёрся ногами в одну стенку, а передними лапами – в другую, ширина ящика это позволяла сделать, и тем самым не только он сам ни на кого не падал, но и смягчал падения других, потому как все сначала ударялись о Пустолая и тем самым уменьшали инерцию своего падения.

Пустолай от таких ударов только кряхтел и время от времени говорил:

– Дуня, Катерина,... держитесь за меня, иначе все побьётся.

Наконец последний удар, ящик, упав, застыл и больше не шевелился.

Игрушки валялись в ящике как попало: Мурлотик стоял на голове, Пустолай в скорченной позе, лежал под Дуней и Катериной. Единственное, что радовало, это то, что в ящик

через щели, которые стали достаточно большими, стал проникать свет и воздух. Глиняшки этому были несказанно рады, потому что могли видеть друг друга и более свободно дышать.

Но, вот они все немножко пришли в себя, поохали от набитых шишек и синяков и стали разговаривать.

На улице продолжало скрипеть, визжать и рычать.

– Это, наверное, дракон – сказала Дуня.

– Кому ж ещё быть, – заметил Мурлотик. – У него первое дело противника сразить, а потом и завалить всякими брёвнами, да корягами, так во всех сказках пишут.

– Это что же он нас сейчас заваливает?! – испуганно проговорила Катерина, – а потом съест?

– Нет, он нас не съест, – успокоил её кот, – потому что ящик и мы в нём для него тоже мусор... Не бойтесь, ему наш Заступник задаст жару. Во всех сказках и сказаниях народных говорится, что богатыри, что русскую землю охраняли, всегда выходили победителями, – заметил Мурлотик.

– Так – то оно так, – сказал Пустолай, – только сколько я не слышал мамушкиных рассказов про подвиги чудо-богатырей, они ни разу не находились в столь ужасном положении как наш Заступник и мы с ним вместе.

– Находились они и в худшем положении, – сказал Мурлотик, – ты не все сказки слушал, брат Пустолай. Нашему народу приходилось столько мук перенести, а богатырям столько пота кровавого пролить, так что наши страдания – мелочи;

но на скорый исход из ящика не надейтесь...

– Где наш любимый Заступник? Что с ним?– сказал Пустолай, подвывая. – И надо было ему вылезти из ящика.

– Хорошо, что Никита нас в очень крепкий ящик спрятал, а то бы нам всем конец пришёл, – опять сказала Дуня.

– Наверняка бы жизни лишились, если бы в горнице на столе находились. А тут все вместе и ящик действительно оказался очень прочным, – в тон Дуне сказала Катерина.

– Худа без добра не бывает, – заметила Дуня.

– А мы на Никиту ещё ворчали, нам запах не нравился. Вот уж и на запах не обращаем внимания, а думаем о том, как бы выжить, и надеемся на толстые стены ящика, – сказала Катерина.

– Правильно, – подтвердил сказанное Мурлотик, – когда малая беда нормально жить не даёт – это одно, а вот когда большая нагрянет, то про первую уж и не вспоминают.

– Крышка-то вон, опять на своё место встала, видно и гвоздь как-то воткнулся, не открылась ни разу, – заметила Катерина.

– На нас кирпичи от печки сыпались да черепица с крыши, вот они крышку и придавили, да и гвоздь случайно вколотили, – сказал Мурлотик.

– Откуда ты знаешь, знахарь? – спросил Пустолай.

– Печная сажа сквозь щели между досок ящика сыпалась, – ответил со знанием дела кот. Потом, по печкам я специалист, а не ты.

– Ой! Специалист нашёлся, тоже мне печник...

– Не печник, а продвинутый пользователь. Знаешь сколько я на ней лежал?.. – но договорить он не успел, что-то тяжёлое так ударило по ящику, что стенки его затрещали, а между досками появились большие прогалы, ящик перекошило.

Глава 28. Идея провалилась

Когда Пегас подошёл к самосвалу, водитель натягивал ремни полога. Водителем был молодой парень. Вот он закончил натягивать полог, укрывающий мусор и стал вытирать ветошью руки.

– Куда повезём, – спросил Пегас непринуждённо.

– Велено на свалку. – В тон Пегасу ответил шофёр.

– Меня прихвати.

– Я тебе что, маршрутное такси? – буркнул парень.

– Что-то муторно на душе стало... – проговорил Лёня, сморщившись и приняв вид страдальца.

– Что так? – отозвался водитель.

– Как-никак в этом доме вырос, – слукавил Пегас.

– Неужели.

– Вот так вот – был дом и нет дома. Стоило бабушке умереть и, – Пегас расстроено махнул рукой.

– Раз это твой дом, то сидай, – миролюбиво проговорил парень.

– Вот так-то, брат, – сказал Лёня, усаживаясь в кабину и махнув рукой Мухе, дескать, уходи домой.

– Родная бабушка, говоришь? – продолжал спрашивать

водитель.

– Родней не бывает, ... недавно похоронили...

– Что, и сразу ломать? Другие дома годами с забитыми окнами стоят и ничего? – спросил водитель, выправляя самосвал на дорогу.

– Тут сложнее, ... мафии место приглянулось, ... так, что не успело тело остыть, а дома уже нет, – продолжал развивать мысль Пегас.

– Если мафия, то так оно и есть, – сочувственно сказал шофёр. – Да ты не расстраивайся... Хочешь, я тебя до свалки доведу и назад доставлю...

– А это можно?! – спросил радостно Лёня.

– Всё можно, дорогой... Родной дом всё-таки везём! – и он прибавил газу.

Через некоторое время Камаз выехал на Новоастраханское шоссе, Леня успокоился. Он понял, что мусор везут на знакомую ему свалку.

На свалке машины принимал сам Сима. Он, переругиваясь с шоферами, бегал от машины к машине, приказывая сваливать мусор не в общую кучу, а в сторону. Шофера нехотя подчинялись, пятили Камазы и поднимали кузова.

«А чего не сразу к оврагу? – подумал Пегас, – странно, ... значит отсюда торопиться уезжать не следует, прав Муха оказался, посмотрим, поглядим что к чему?». Пегасу с одной стороны было на руку, что мусор не под обрыв валят,

а с другой – это же самое и настораживало – что, если прознали? Но он тут же отверг эту мысль. «Наверное, решили в строительном материале покопаться, дом всё-таки. Возможно, кто-нибудь решил баньку соорудить на даче, тут ведь и кирпич есть хороший, и черепица на кровлю, вот в сторону и валят» – подумал он.

– Я, пожалуй, здесь останусь, – сказал Лёня водителю, – может быть, что памятное найду.

– Ты ищи, я не спешу, – проговорил шофёр.

– Да нет, поезжай, я как-нибудь доберусь. Спасибо большое.

– Лёня вылез из кабины, а шофёр стал сдавать Камаз назад.

Много раз видел Пегас эту свалочную картину, но никогда, сколько бы он здесь не бывал, так и не мог к ней привыкнуть. За бетонным забором, вдалеке от любопытствующих глаз находился свой мир со своими законами, отношениями и ценностями. Это была та самая чёрная дыра в космическом пространстве, о которой так любят рассуждать авторы фантастических романов, но эта дыра была много ближе, она начиналась здесь на земле. Пегасу казалось, что над этим уголком вселенной не властно время и не властны геофизические законы и отношения. Всё было как и всегда: летающие от лёгкого дуновения ветерка по территории бумажки, старые газетные полосы, которые иногда захватывал на-

летающий небольшой смерч, закручивал их вместе с пылью в спираль и поднимал на невероятную высоту, затем поднимал их ещё выше, пока те не скрывались из глаз, и уносил их к неведомым галактикам, чтобы познакомить вселенский разум с земной цивилизацией.

С оврага, куда сваливали мусор, тянул кисловатый запах разлагающегося мяса, смешанный с запахом кислой капусты и гнилой картошки. Запах шибал в нос и заставлял дышать не носом, а ртом. Резкость запаха при этом пропадала, но вместо него во рту появлялась сухость и першение в горле.

Оставшись на свалке, Лёня не спешил показываться Симе на глаза. «Этот мусор валить отдельно!» – кричал Сима, бегая от машины к машине. За Камазами Пегас увидел человек пять бомжей, разбирающих строительный хлам и понял, что эти машины уже здесь ждали и ждали не для сбыта дарового строительного материала. Эта мысль его словно ножом резанула: «Но почему? Может быть, это игрушек и не касается, а дело в чём-то другом? А в чём в другом? Неужели пронюхали? По какому каналу просочилось? Если так, то кто мог опередить? Может быть Костян с Антохой и Пал Палыч подсуетились?... – но он тут же отверг этот вариант. – Вряд ли, слишком быстро. Тогда и они должны были бы быть здесь, а их нет. И вообще никого нет кроме водил и Симы, бомжи не в счёт. Этот вариант отпадает».

Камазы пятились, сваливали мусор и уезжали. «Что я так занервничал? – подумал Пегас, – так не годится. Надо взять

себя в руки, расслабиться, покумекать. Потом, что ищет Сима? Пока неизвестно. Надо выйти с ним на разговор, ... только осторожно. Сима в этих делах битый, раскусит не успеешь и рта открыть. Потом, кто сказал, что он ищет игрушку? Это пока только догадки. И бомжи могут сами тут лазить по кучам. Их присутствие ни о чём не говорит, они тут не впервой. Надо успокоиться, иначе ни до чего нельзя додуматься. Хотя нет, – самоуспокоение тоже ничего не даст. Я же вижу, что они ищут что-то конкретное. Бомжи никогда не разбирают кучи до основания, берут только то, что видно? Могут отвалить что-то незначительное, но не более. А здесь разбирают... Это всё неспроста... Расслабляйся, не расслабляйся, а факт налицо... Предположим, что они всё-таки ищут игрушку, тогда какие мои действия? Вклиниться и тоже искать – не пройдёт, Сима его знает и сразу даст от ворот поворот. В этой ситуации надо заручиться благорасположением Симы и искать вместе с ним. Главное – проследить, чтобы игрушку нашли и чтобы она никуда не ушла». «Надо играть в подкидного дурака», – подумал он. Тут Лёня увидел, как Сима направился в вагончик и тут же пошёл за ним.

Когда Лёня вошёл в вагончик, Сима уже сидел в удобном кресле и собирался пить чай. При виде Пегаса, Сима расплылся в улыбке:

– Каким ветром в наши края-я!? Говорили, что ты домушником стал, мусор бросил.

– Кто это тебе, Сима, наплёл... Я воровским делом не занимаюсь, – ответил Пегас.

– Ладно, ... замяли. Не занимаешься, значит, не занимаешься, я знаю. Это я так, от балды сказал, чтоб разговор подержать, не обижайся. – Сима поднялся и дружески обнял Пегаса. – К нам-то зачем? – сказал Сима, указывая на венский покарябанный стул. Глаза его смотрели весело, но выжидающе настороженно.

– Хорошо живёшь, – сказал Пегас в тон Симе и кивнул на стул, – веняки стоят, кресло гамбургское.

– Не жалуемся... не жалуемся... К нам-то зачем? Знаю, что просто так не ходишь...

– Просто так и белка по веткам не прыгает... – садясь на стул, проговорил Пегас, – а орешки собирает.

– И какие тебя орешки интересуют? Ведь пока орешки собираешь, как бы шишек не наловить... – намекнул он многозначительно.

Лёня понял, «Сима хочет сесть ему на хвост, войти в долю, отбояриваться не стал, Сима заподозрит и работать не даст. Поэтому информацию надо выдать частично, о его части намекнуть, тогда, глядишь, возможно, и поможет даже» – и Лёня сказал:

– Надыбали мы в одном доме ветхом, без хозяев, на чердаке старинные вещи, хотели на следующий день прийти и забрать, а приходим – дом бульдозер по брёвнышкам раскатал. Я сюда с самосвалом и приехал.

– Что за вещицы, – спросил Сима, – хитро поглядывая на Лёню.

– Петли на тумбочке посеребрённые с завитками, кованые, филигрань, фурнитура печная – ажурное литьё. Немецких мастеров работа. Можно сбыть богатым на дачу. Они из-за прикола хорошие деньги дать могут. Я уже такое проворачивал.

– Петельки, значит... – сузил глаза Сима, – ажурное литьё, говоришь. – Он встал, взял со стола стакан с водой, покрутил его в руках и вдруг неожиданно плеснул содержимое в лицо Пегасу.

– Ты чего? – опешил Пегас, чувствуя как Сима больно наступает ему на ногу.

– Ты мне, Лёня, мозги не парь, бабушке будешь парить. Вот сейчас выгоню тебя к чёртовой матери со свалки... и что? Я вашего брата насквозь вижу. Тут знаешь передо мной сколько таких, как ты прошло ковыряльщиков. Ты ещё в городе был, а мне уже доложили, что Пегий на Сенной пришёл, с Червонцем торгуется, игрушки предлагает. И про покупателя знаю, и про договор ваш. Сколько тебе он пообещал дать?

– Цифру не обговаривали, – сказал Пегас морщась от боли, – к себе пригласил домой. Когда всё принесу, тогда, говорит и сладимся.

Пегас понял, что люди Симы, а в их число входит и Червонец, его с Мухой просто от базара тогда вели, выслежива-

ли, значит, а они с Мухой и не заметили. «Здорово лопухнулись» – подумал Лёня, – надо спасти положение и он, глядя Симе в глаза, широко улыбнулся. – Твоя взяла, Сима,... сдаюсь... переиграл ты меня...

– А, это уже по нашему... Вот так, Пегашка, – миролюбиво и весело сказал Сима, отступая от Пегаса. – Моя она всегда брать будет. У меня везде есть свои глаза и уши – А мы эти Камазы уже ждали. Думаю, ты заметил, что этот мусор свалили на пустую площадку, а не в общую кучу... Это для удобства, чтоб другой мусор не мешал. Понял, Лёня!?

– Это я понял, только не сообразил, где прокололся?

– Я много чего знаю, парняша, – и Сима самодовольно улыбнулся. – И ты будешь положенное тебе знать, если дураком не будешь.

– Как это понимать? – спросил Пегас, пытаясь сообразить, к чему клонит Сима? Он понял, что отпираться бесполезно и даже вредно. «Надо играть с Симой в открытую, будь что будет, а там посмотрим, говорят иногда и петух яйца несёт» – подумал он.

– А ты молодец... руку на пульсе умеешь держать, сладимся, вижу, не дурак, – проговорил Сима, – и в антиквариате разбираешься получше других, в школе отличник, в институт лыжи востришь.

– Откуда знаешь?

– Опять повторяю. – Я много чего знаю. Знаю, что ты не селёдочник.

– Как понять?

– А просто понять. Большинство старинные вещицы собирают чтоб на бутылку пива заработать да на хвост селёдки, вот и селёдочники. Но не о них речь. Они всегда были и будут расходным материалом в нашем деле.

– В каком это деле? Ты о чём?

Сима смерил взглядом Пегаса. «Вот такой мне помошник и нужен. Я сам в антиквариате не силён, а Пега в городе фигура известная. Червонец знавала из знавал и то его уважает».

– Жизнь твою хочу устроить, – загадочно произнёс Сима. У Пегаса расширились глаза. – К большому бизнесу хочу тебя приобщить. Человек мне нужен. Хозяин на повышение идёт, а меня на своё место метит, а мне шустрый паренёк нужен, уже в перспективе на моё место...

– Мне доучиваться в школе надо, – проговорил ошарашенный Пегас, – явно не готовый к такому повороту событий и сказавший первое, что пришло в голову.

– А у тебя учёбу никто и не отнимает... Я же тебе говорю – в перспективе... Тут у тебя с учёбой ещё лучше получится. Тут тебе только свистни, не только контрольную или курсовую сделают и кандидатскую напишут, – и Сима довольно хохотнул, затем открыл дверь и прокричал: «Светило, мать тебя раз этак, быстро ко мне!».

Через некоторое время в дверях появилась щуплая фигурка седенького старичка. Он склонил голову в поклоне и

Сима, смачно выругавшись по поводу отечественной науки, отвесил вошедшему человечку крепкий щелбан и сказал:

– Бери Крокыча и другим скажи – все на разбор куч, понял? Подчиняться будете вот ему, – и он кивнул на Пегаса.

– Как скажете, – пробормотал старичок, и, не разгибаясь, вышел.

– Кто он? – спросил Пегас, чувствуя, как Сима одним движением определил ему место в своей схеме.

– Сейчас никто, ... просто быдло, – проронил сквозь зубы Сима, – а был большой человек – сам профессор... Позолотин... Тьфу... Так-то, Пегашка. Он тебе диплом в сей секунд напишет. Тут, если в этом бездомном дерьме покопаться, людей из прошлого с любыми чинами и званиями можно найти... была бы охота. И запомни – путь к знаниям он через свалку идёт. Свалка в жизни человечества вещь не последняя, а может быть даже и!.. – и Сима поднял палец вверх, этим показывая значительность свалки перед всем остальным сущим на земле.

– Мне надо подумать, – ответил на предложение Симы Лёня.

– А ты, Лёня, подумай. Я ведь не каждому встречному-поперечному такие предложения делаю... Завтра ответ дашь. Пораньше сюда приезжай, мы всё равно скоро шабашить будем, да и народа сегодня маловато для разбора. Я по своим каналам на завтра заказал ещё человек двадцать, тогда в полную силу развернёмся, все до щепочки пересмотрим.

– Так я ещё в школе учусь, а не в институте... – сказал Лёня, думая, что Сима ошибся в возрасте.

– Я об этом знаю... Ты не просекаешь... Школа не помеха. Оставишь здесь за себя светилу или Крокыча и учишься на здоровье, времени будет больше, по старым сараям шляться не надо будет и крупорушки тырить.

– «Он и о крупорушке знает» – подметил Пегас, – крепко на хвост сел» и тут же спросил:

– Так что же профессор?

– Он тебе ещё и ботинки будет лизать за такое доверие и ласку. Ведь он вообще в бочке здесь жил, потом в коморку к Крокычу переселился.

– Как Диоген? – изумился Пегас.

– Хрен с ним с Диогеном. Каждому, Лёня, своё. Я понимаю, что он на людей понадеялся, квартиру подписал, потом его из неё и вышибли. Головой надо думать. Попал в волчью стаю, так живи по-волчьи, а не хочешь по-волчьи жить, так живи на свалке в бочке. Вот и вся философия... Нечего стремиться любить человечество. Ты себя сначала возлюби. Да так возлюби, чтоб вокруг тебя павлины пели и крыльями как опахалами тебя обмахивали. А вот после этого можешь и всё человечество любить, только в меру, иначе это же человечество быстренько у твоих павлинов пёрышки из хвостов повыдергает. Вот так-то... Фома Фомич говорит, что если на нашу землю со стратосферы посмотреть, то она похожа на большую свалку. А Фома Фомич – это голова... У него я

многому научился.

– А как ты думаешь игрушку сбывать? – спросил Пегас.

– Придёт время, узнаешь...

– Я пойду, – сказал Пегас, поняв, что Сима его обошёл и что теперь уже не Пегас хозяин дела, а Сима. Поиски игрушек поставлены Симой на поток. Он знает, чего ищет. Пегас горько улыбнулся.

– Ты правильно оценил ситуацию, – сказал Сима, испытующе глядя на Пегаса, и добавил, – думай, Лёня, думай. В одиночку, брат, всё равно в люди не выбьешься. А мы тебе предлагаем влиться в хорошо отлаженное дело, даём должность. Если с головой – руби своё бабло, делись с другими и живи припеваючи... Ладно, иди, завтра людишки подвалят. Твоя задача не самому копать, а распорядиться, понял. Ну, как я тебя, лихо сагитировал?.. – и он засмеялся, показывая щербатые прокуренные редкие зубы. – Вот так-то,... учись.

– А хозяин знает? – спросил Пегас.

– Ты об этом не парься. Ты мой человек и до Фомы Фомича тебе дела нет. Ты своё дело делай, да язык держи за зубами. А теперь ступай, с утра займись делом, да смотри, чтоб эти курицы чего по карманам не рассовали.

Пегас вышел из вагончика и уже минут через десять был на автобусной остановке. Всякие мысли крутились в его голове. День был напичкан событиями до отказа. Тут тебе и слом дома, и слежка, и вербовка. Надо всё хорошенько обдумать. Из последней информации, выданной Симой,

его мучила только одна – «Позолотин». Верно ли, что этот бомж-старикашка-профессор или это Симин прикол? Позолотин, ... Позолотин. Где-то он уже слышал эту фамилию, но где? Стоп... истрёпанная книжка в библиотеке... не слышал, а видел... Истрёпанная зачитанная студентами книжка и на белом фоне прописью вверху написано: В.П. Позолотин.

«Может быть, однофамилец? – подумал он, – надо бы как-то выяснить». «Это надо выяснить, – сказал он себе твёрдо. – Завтра соберутся бомжи, у них и выясню. А если это он, Позолотин? Конечно Лёня не хотел профессору такой участи, но сейчас ему почему-то хотелось, чтоб это был именно он. Надо сходить в библиотеку и перечитать книгу, неужели сам Позолотин?». К такому сюрпризу Пегас не был готов. То, что Позолотин выступает в качестве бомжа и по сути Симиного раба – такое не укладывалось в голове. Но, не смотря на событийный хаос, на душе у Лёни было хорошо. Он сел на скамеечку и стал ждать автобуса.

Глава 29. Даже мусор вывезли

Антон приехал домой под вечер. Родителей дома не было. За компьютером сидел брат и что-то искал в интернете. Он услышал стук двери, оставил компьютер и пошёл в прихожую.

– Ты где был!? – накинулся на Антона Костя. – Я тебя на пруду оставил. Прихожу – тебя нет – но, увидев расстроенное лицо Антона, переменял тон. Да как было не сменить тон – одежда на брате была пыльная, ворот рубашки частично

оторван, а под носом виднелась запёкшаяся кровь. Он был страшно расстроен и даже поначалу не хотел разговаривать. Костя понял, что произошло нечто неординарное.

– Ты что, подрался что-ли с кем? – спросил брата Костя. Но Антон упорно молчал, его душила обида и он боялся того, что стоит ему сейчас начать говорить, как он тут же заплачет.

– Ты что, порожняком, а кентавр где? – продолжал спрашивать Костя, видя, что брат не торопится вытаскивать из кармана игрушку.

– Нет кентавра, – сказал Антон сквозь слёзы и развёл руками.

– Как нет!?! – возмущённо спросил брат.

– Я что, непонятно говорю? Нет его, ... нет.

– Ты чё... обалдел?!

Тут Антон и рассказал историю, которая произошла с ним на Большой Горной, умолчав о говорящем и скачущем Сви-стоплясе. Он сказал, что кентавра выронил во время падения, когда хотел попасть в старый дом.

– Ты только, Костя, Пал Палычу всё не говори, он расстроится. Давай скажем, что дом с сараем нашли и что дворник подтвердил, что здесь жила игрушечница, про игрушку не надо...

– Если б сегодня Пал Палыч был в клубе, то и дом бы никто не сломал, – проговорил Костя.

– Как назло. Его, что, весь день не было? – спросил Антон.

– Да, – ответил Костя. – Я интересовался, сказали, что в лагерь уехал, территорию убирать. Может быть сейчас пришёл, не знаю...

– Не может не прийти... у него выставка на носу, давай сходим, настаивал Антон, – только умыться надо и переодеться.

– Давай, – согласился Костя.

Как ребята и предполагали, Пал Палыч был в клубе, он только что приехал.

Пал Палыч по лицам детей понял, что что-то случилось, а когда они рассказали ему про поездку на Большую Горную улицу и про дом, который был только сегодня утром цел и невредим, а сейчас его уже нет, возмущению его не было предела:

– Надо ехать на Большую Горную!.. – гневно сказал Пал Палыч, – надо приостановить вывоз мусора... надо подключить к этому общественность!.. Если надо, мы ляжем под гусеницы бульдозера, под колёса самосвалов!.. Это безобразие. Куда смотрят наши чиновники!? Из дома надо было сделать музей глиняной игрушки, оставить вещи, приспособления, инструмент... Старый дом, сохранившийся в нём до наших дней быт,... всё,... всё имеет огромную ценность... Варвары,... современные варвары!.. Куда смотрели краеведы? Единственная на весь город игрушечница и мы о ней ничего не знаем. Боже мой! – он обхватил голову руками. – Groш

нам цена и особенно мне. Я первый должен был о ней знать. Первый! Это вы понимаете!? Старый я чёрствый, из ума выживший старик, потащился в эти Дубки на уборку территории. Ну, на одну ветку отнесли бы меньше, а тут... Никогда не прощу себе этого, ... ни-ко-гда... Надо обследовать всё что имело отношение к хозяйке: сарай, погреб, дворовые загоулки...

Пал Палыч замолчал, прошёлся ещё раз два по кабинету и, остановившись напротив Антона, спросил:

– Так ты говоришь, что мусор вывозят или уже вывезли?.

– Вывозили, – сказал тот тихо.

– Вот... даже и мусор вывозят! – зло сказал Пал Палыч. –

То мусор годами лежит – никому не нужен; то враз – и на свалку, ... не понимаю! – и он развёл руками.

Ребята как могли стали успокаивать Пал Палыча, понимая, что в таком расстроенном состоянии он вряд ли должен куда-либо ехать, но Пал Палыч был непреклонен, и они поехали. Когда они приехали к старому дому, там уже никого не было. Посреди двора высилась небольшая куча мусора, вокруг неё ходил дворник Никита; рабочий день был закончен, рабочие разошлись. Пал Палыч и Костя, оценив обстановку, сразу подошли к дворнику.

– Здравствуйте, – поприветствовал Пал Палыч дворника, но тот на приветствие не отреагировал, а продолжал тупо смотреть на кучу мусора.

– Мы сарайчик, что принадлежал хозяйке, с ребятами

осмотрим? – опять спросил Пал Палыч. – Не покажете нам его...

Никита неответил, а только посмотрел на подошедших, узнал Костю и Антона, махнул рукой в направлении сарая.

Пал Палыч и Костя направились к уцелевшему дощатому сараю. Им было важно знать – остались ли там хоть какие-то инструменты и приспособления?

Пал Палыч взял в руку ржавый замок, потянул на себя и пробой почти без усилий вышел из подгнившего косяка.

– А эти придурки доски отрывали, – сказал Костя. Он, перед тем как Пал Палычу потянуть замок, успел обойти сарай и увидеть с тыльной стороны оторванную доску.

– Посмотрим, что в нём осталось? – сказал Пал Палыч и открыл дверь.

В сарае было сумрачно, пахло голубиным помётом и вокруг было много старой пыльной паутины. Костя, предупредив Пал Палыча и Антона, чтоб они не шли дальше, взял в руки длинную палку, что стояла в углу, стал снимать нависшие с потолка паутинные гирлянды.

– Это ты молодец, что придумал паутину снять, – сказал Пал Палыч. – раз уж мы сюда хозяевами зашли, то по-хозяйски должны здесь ко всему относиться.

– Пал Палыч! Вот совок старый, – сказал Антон.

– Ну-ка, ну-ка, покажи... – учитель взял в руки найденный Антоном совок и стал рассматривать. – Это, ребята, совок для сыпучих веществ.

– А как вы определили? – спросил Костя, пролезая между двумя большими, плотно сколоченными ящиками.

– Рабочая часть у него полукруглая и, заметьте, совок полностью деревянный. Даже в мои молодые годы такие уже не делали, а больше прибьют к полукруглой дощечке ручку деревянную и по полукругу набьют жёсть, быстро и удобно

– Так теперь их совсем из металла штампуют или из пластмассы, – заметил Антон.

– Когда этот совок из дерева вырезали, то металлические листы просто так нигде не валялись, – объяснил Пал Палыч.

– Они, Пал Палыч, и сейчас не валяются, – весело отозвался из угла Костя. – Их собирают и на металлолом сдают. У нас в районе целая сеть приёмных пунктов.

– Это я вам для примера сказал, чтоб понятнее. А вот, ребята, и лари, – и Пал Палыч похлопал по крышке большого ящика, около которого прошёл Костя. – Давайте посмотрим, что в них есть. – Учитель поднял крышку и присвистнул.

– Что там, – спросил Антон, привставая на цыпочки и заглядывая в ларь.

– Здесь, ребята, те самые камешки, что мне Лёня в клуб приносил, – и Пал Палыч вытащил из ларя пригоршню жёлтых камешков.

– А здесь в ларе камешки коричневые, – сказал Костя. Он поднял крышку другого ларя и, перегнувшись через его край, достал несколько камешков.

Всего в сарае оказалось пять ларей, один из них оказались

пустым, а в четырёх были камешки жёлтого, коричневого, белого, и чёрного цветов.

– А чёрный цвет зачем?– спросил Антон. – Из такой глины тоже игрушки лепили?

– Ту глину, ребята, что мы нашли, использовали только для подкрашивания изделий, потому и хранится она отдельно в ларях. Основное тело игрушки лепилось из глин более доступных и их просто сваливали куда-нибудь в угол.

– Точно! Я, оказывается, стою на глине, – удивлённо произнёс Антон, – здесь её много.

– А вот, Пал Палыч, какая-то прятка или что-то в этом роде, – раздался голос Кости. Все подошли к нему.

Посреди сарайчика стояло на подставках какое-то приспособление, похожее на невысокий стол без крышки. Под столом стоял ящик с ручками. Вместо крышки на столе возвышался ящик, вместо дна у верхнего ящика была натянута металлическая сетка. Пал Палыч осмотрел приспособление, нагнулся, взял из нижнего ящика его содержимое, поднёс к глазам и стал рассматривать.

– Это, ребята, просеянная глина. И, судя по тому, что здесь имеется сетка, то значит на этом приспособлении и просеивали.

– У верхнего ящика ручки только на одном конце, – заметил Костя, – а другой конец подвешен на ремнях.

– В ящик на сетку насыпалась глина, а затем мастер брался за ручки с этой стороны ящика и резко двигал к себе и

от себя. Приспособление позволяло одному человеку справиться с этой работой.

– Умно, – сказал Антон, – раньше технического прогресса не было, а приспособления уже были.

– Бурного развития научно-технического прогресса не было, – заметил Пал Палыч, – а вообще этот процесс создания чего-то нового, что облегчает физический труд, никогда не прерывался со дня сотворения мира, просто с развитием науки и техники стал возможен рывок.

– А вы, Пал Палыч, верите, что мир был сотворён? – спросил Костя. Я вас об этом спросил, потому что в этом вопросе ничего не ясно; по телевизору и в газетах на этот счёт чего только не пишут.

– Удачное ты время для такого вопроса выбрал, – сказал Пал Палыч, снимая со стены какую-то материю или ветошь и внимательно её рассматривая. – Этот вопрос, ребята, относится не к научной сфере; он из области духовной. Можно, конечно, верить в то, что ты произошёл от обезьяны, вольному воля, только мне что-то этого не хочется, чтоб она была моей прародительницей.

– Генетики, Пал Палыч, доказали, что у человека ничего общего с обезьяной нет, я читал.

– Это хорошо, что ты, Костя, читал, только я повторяю, что это относится к духовной сфере, а не научной. Я вот верю, что мир сотворён и мне не надо никаких этому доказательств. Доказательства нужны в материальной сфере, на-

пример, чтобы объяснить, каким образом просеивали глину в старину.

– Так через сетку же, мы это выяснили, – и Антон показал на приспособление.

– Металлическая сетка, это ноу-хау, изобретение не такого уж далёкого прошлого, а до неё как просеивали? – и педагог внимательно посмотрел на ребят.

– Когда найдём, вот тогда и скажем, – уклончиво ответил Костя.

– А я уже нашёл, – и Пал Палыч кивнул на материю, что была у него в руках. – Это рядно, со старых времён здесь висит. Видите, какая редкая ткань. Ею младенцев от комаров укрывали и муку с глиной просеивали. В нашем случае она служила для просеивания глины, среди нитей есть застрявшие кусочки глины. Через рядно процеживали глину и в жидком состоянии.

– Вот это да! – выдохнул удивлённо Костя.

– Пал Палыч, а я корыто толстое нашёл, – воскликнул Антон. – Вот оно, на полу стоит. Интересно, для чего оно было нужно?

– Конечно, в наше время трудно сказать о полном назначении каждой вещи, но, исходя из жизненного и профессионального опыта, нетрудно догадаться. Думаю, что в нём вот этим билом, – и Пал Палыч указал на небольшой чурбашок с ручкой, – дробили крупные куски глины.

– А вот пятно тёмное на лавке, – сказал Антон, – без пыли;

здесь по всей видимости, что-то стояло.

– Мельничка здесь стояла, – только её вперёд нас кто-то взял.

– Это Пега с Мухой здесь шастали, – заметил Костя, – вот и позарились.

– Надо у них её конфисковать, – произнёс Антон.

– Для нашего музея в студии это был бы неплохой экспонат, только как её у дружанов выманить? Об этом тоже подумаем, только, ребята, не самодеятельничать, дело это тонкое, придётся вести переговоры на самом серьёзном уровне, – заметил учитель.

– По башке дать, – сказал зло Антон, – чтоб не хапали без спроса.

– Этим ничего не добьёшься, «не пойманный – не вор» – буркнул Костя.

– Выходим, ребята, из помещения, более тщательно осмотрим его в следующий раз, – сказал Пал Палыч и ребята стали выходить из сарая.

Пал Палыч подошёл к Никите. Дворник немного стал отходить от шока. Никита стал говорить учителю об игрушечнице, показывая рукой то на место, где был дом, то на сарай, то на овраг:

– В сарае она глиной занималась: сеяла, через крупорушку пропускала.

– А я что-то крупорушки не увидел, – сказал учитель.

– Там она должна быть, куда ей деться, – заключил Ники-

та.

– Так в сарай не прошеные гости заглядывали, доска узкая сзади отодрана... – вставил Костя.

– Мальчишки лазили, – уточнил Никита, – вот и оторвали доску.

– Зачем им широкая? Они и в узкую пролезут, – заметил Пал Палыч.

– Верно, – сказал Никита, – шастали тут двое. В сарай – не знаю, а в дом лазили это точно. Даже стекло в полуподвале воровским способом выдавили. И сегодня я их видел.

– Один маленький с рыжей шевелюрой, а другой высокий в клетчатой фуражке, отутюженных брюках, франтоватый? – спросил Антон.

– А вы их знаете? – спросил сторож.

– Антон кивнул.

– Моя метла с ними тоже познакомилась, – и Никита постучал метлой о землю, – маленькому точно досталось.

– Спасибо, – сказал Пал Палыч, обращаясь к Никите, – много вы мне рассказали, присматривайте пока за сараем. Мы для своего кружка из него заберём кое-что. Пусть дети смотрят. Это важнее всяких наставительных бесед.

– Чего уж там... Рад, что в добрые руки всё попадёт... – и, помолчав, добавил. – На один день вы опоздали. Такая участь,... такая участь... Дом свалился, а об игрушках ли речь... – И сказано это им было с таким большим сожалением, что мальчишкам стало не по себе.

– Судьба игрушек, это сейчас самое главное, – сказал Пал Палыч. Так что мы уезжаем, но не прощаемся. Мне надо нанять автомобиль и вывезти в «Спутник» всё что уцелело, в руках этого не унесёшь. Дворник согласно кивнул и сказал.

– Сейчас возьму молоток и заколочу дверь.

– Про доску сзади не забудьте, – напомнил Костя.

– Это само собой, – сумрачно проговорил Никита. – Кто бы мог подумать?! Как в страшном сне! – Он покачал головой. – Вот гат-паразит, как всё обернулось, – и пошёл в свою комнату за молотком и гвоздями, а Пал Палыч, Костя и Антон отправились на троллейбусную остановку.

Глава 30. Кто съел Федию?

Как только все ушли со двора, на самую вершину мусорной кучи выбежал из своего домика паук Федя. Ему было интересно узнать, что же произошло? Он почесал ворсистыми лапками брюшко, огляделся, внимательно посмотрел на мусорную кучу, и, не увидев старого доброго дома, пошевелил усами и сказал одну единственную фразу: «Вот тебе на-а-а!!». Эта фраза вместила у Федеи кучу других фраз, например, таких как: «что теперь делать?», «как быть?», «куда податься?» и «где все?».

Случилось в это время пролетать мимо воробью Крошкину. Крошкин сел рядом с Федей на щепку и произнёс не менее глубокомысленное: «Не фига себе...», затем, обращаясь к пауку, сказал:

– Ты бы поостерёгся, а то не ровен час склюют. Дом – и тот

склевали. Я, пожалуй, полечу, вон, кажется, ворона летит, а мне с ней пересекаться не резон, сам знаешь, – и воробей, взмахнув крылышками, перелетел с кучи на забор. С забора паука уже не было видно. Зато было хорошо видно, как на ту же кучу мусора села старая горбатая ворона и, вперив единственный зрячий глаз в то место, где стоял мамушкин дом, ехидно проговорила:

– Допрыгались, голубчики! Кра-хе-хе, – и, смеясь, закашлялась, – кха-кха!! Хы-хы-хы!! – Затем взмахнула растрёпанными крыльями и нелепо, кренясь то налево, то направо, перелетела через забор и буд-то провалилась в Глебучев овраг.

Крошкину этот визит не понравился. Он с забора снова перелетел на мусорную кучу и, не увидев на ней паука, риторически произнёс:

– Кто съел Федю?

Ему никто не ответил, так как во дворе никого не было.

– Кто съел Федю!? – громко и с пафосом повторил вопрос воробей Крошкин. Пафоса же в голосе ему прибавило то обстоятельство, что его никто из посторонних не слышал.

Федя же в это время, послушавшись воробьиного совета, шустро перебирая ножками, бежал в сторону сарая, чтобы спрятаться там, в укромном местечке.

Опалённые сердца

Часть вторая

Глава 31. Столовая дракона

Бывают в июне такие дни, когда повиснет над городом проклятый сизобрюхий смог, и хоть ты его вилкой коли, хоть половником черпай – всё одно бесполезно. Вальяжно этак развесится и висит ежевичным киселём на троллейбусных проводах, да на балконных ограждениях. Смотреть тягостно, не то, чтоб дышать. Да разве его вдохнёшь? Наберёшь полон рот синеватой горько-кислой ваты, поддержишь, да и выплюнешь в ближайшую урну. А тут ещё жара с пылью.

Надо сказать, что эти неудобства на свободе и то трудно пережить, а в ящике и подавно. В нём ещё свой смог прибавляется.

– На нас как будто что-то упало, – сказала Дуня.

– Вроде того, – проговорил кот.

Наконец скрежет и удары о ящик прекратились, послышался рёв и рык и узники почувствовали что их ящик подняли и стали медленно раскачивать.

– Кажется, нас куда-то везут или несут, – сказала Катерина.

– Вот опять уже не несут, а мы на чём-то стоим, – проком-

ментировал Пустолай.

Вдруг рядом с ящиком послышался какой-то шорох, кряхтенье:

– Братцы! Вы живы? – раздался голос сверху. Это был голос Заступника.

– Где мы? Что с нами? – в один голос спросили Дуня и Катерина, – несказанно обрадовавшись Заступнику.

– Вы и я и всё что осталось от нашего дома один из змеёнышей везёт на своей спине, а куда не знаю. Странное дело, ... этот змеёныш идёт не сам по себе, а в его голове сидят люди. Что-то всё очень непонятно. Может быть это и не змеёныш, а такие устройства люди придумали, потому как они в голове сидят?

– Что за змеёныш? – спросил из ящика Мурлотик.

– Весь выводок очень большой, в железных непробиваемых панцирях. Я всю дубину о Горыныча обломал, но даже ни одного зуба ему не выбил. Потом изловчился и схватился за его зуб, когда он ящик понёс, таким образом оказался на спине другого змеёныша, чтоб быть вместе с вами. Должен же я вас защищать...

– Так остался бы с Никитой, двор защищал, место где стоял дом? – проговорил Пустолай.

– Зачем защищать место, когда там никто не живёт?.. Вы не бойтесь, ... я с вами. Мне бы только уязвимое место у этих железных чудовищ найти, я бы этим непременно воспользовался.

– А где мы сейчас? – спросили из ящика.

– Не знаю. Везут нас по городу, вокруг дома большие, людей много.

– Дайте я, ... дайте я понюхаю, – проговорил Пустолай, приставляя нос к трещине. – Я, знаете, по запаху много чего могу определить. Запахи это моя стихия. По запахам мы и дорогу назад к мамушкиному дому найдём.

Катерина отодвинулась, уступив Пустолаю место. Только сколько не внюхивался Пустолай, незнакомые запахи ему почти ничего не говорили о пути их движения.

– Я думаю, – сказал кот, – что плохие люди сговорились со Змеем и ему помогают.

– Я тоже об этом подумал, – сказал Пустолай, – Только боялся сказать, думал, что смеяться будете.

– Какой уж тут смех, – проговорила Дуня. – Спасибо тебе, Пустолаюшка, что помог нам в ящике совсем не разбиться, когда он кувырчался.

– Брось ты, Дуня, об этом... Я сделал то, что смог. Мурлотик тоже бы самое сделал, только он маленький и в распор ему не встать.

Все замолчали.

Примерно через полчаса езды, змеёныш сошёл с ровной дороги, поковылял по ухабам и остановился. Затем чудище стало пятиться задом, остановилось и глиняшки почувствовали, как ящик стал наклоняться и куда-то ползти, как бы под гору.

– Держитесь, братцы, нас змеёныш со спины сваливает! – прокричал сверху Заступник, и все, кто находился в ящике, почувствовали, как ящик стал скользить всё быстрее и быстрее, затем обо что-то ударился и кубарем покатился. – Мы опять падаем, – ударяясь о стенки философски заключил Мурлотик, – и падаем вниз, потому как вверх мы падать не можем по определению.

Ящик тем временем упал на кучу мусора, скатился с неё к основанию и по инерции прокувыркался ещё сажени три по земле. Он бы мог откатиться и дальше, только его кувырканию помешал большой лопух.

Сам ящик, после падения, представлял из себя жалкое зрелище – крышка на нём частично оторвалась, доски были покорёжены и между ними образовались такие щели, что, кажется, ещё один удар кирпича или черепицы и он бы рассыпался на части. Через образовавшийся большой прогал между крышкой и ящиком, игрушки охая и прихрамывая, стали покидать своё убежище.

Глиняшки как только выбрались из ящика, тут же спрятались под большим лопухом, где их через несколько минут и нашёл Заступник.

– А ты как нас нашёл? – удивились и обрадовались они.

– Я же вместе с вами падал, только отлетел немного в сторону, а потом увидел, что ящик к лопухам откатился, подошёл, а он пуст, стал вас искать.

Все игрушки были несказанно рады, что они живы, а на

синяки да шишки стоит ли обращать внимание.

– Какие здесь ужасные запахи, – заключил Пустолай и чихнул.

– Не чихай... услышат... – сказала Дуня, оглядываясь.

– Где мы, интересно? – спросил Пустолай.

– Неужели непонятно, – проговорил Мурлотик. – Мой аналитический ум говорит мне, что нас привезли на свалку.

– Наверное, это столовая дракона, – добавил Заступник.

– Давайте приведём себя в порядок, отдохнём и немного оглядимся, – предложил кот и первый улёгся под лопухом, положив свой хвост под голову. За ним, охая и постанывая, повалились на землю и другие игрушки.

Глава 32. Кентавра мучает совесть

Как только Пал Палыч с ребятами, попрощавшись с дворником, вышли со двора на улицу, Антон остановился и повернул назад.

– Ты чего? – спросил Костя.

– Забыл.

– Чего забыл?

– Кепку забыл, она там на гвоздике висит, я повесил, чтоб паутина не насела.

– Беги, давай! – озлился Костя. – Хорошо, что мозги не оставил.

А Антон ни мозги, ни кепку и не оставлял, он просто засунул её за пазуху и сказал, что кепку забыл. Ему просто не хотелось оставлять Никиту вот так, как получилось у них,

одного, не сказав ему тёплых слов, не утешив, ведь он видел, как ему было тяжело.

Когда Антон пришёл назад, то Никита уже прибил оторванную доску у сарая, вбил покрепче пробой и для надёжности приколотил дверь к косяку ещё гвоздём. После проделанной работы он остановился около кучи мусора и задумался.

– Дядя Никита, дядя Никита! – потянул за руку дворника Антон. Никита посмотрел отрешенным взглядом на мальчика, и ничего не ответил. И вдруг Антон почувствовал, что его как-будто тихонько кто-то теревит за ботинок, он нагнулся и увидел, что его ботинок скрывает копытом Свистопляс. Кентавр еле держался на ногах. Надо было видеть, как обрадовался своему другу Антон, он присел на корточки и взял Свистопляса в руки. Некогда отважный воин представлял из себя жалкое зрелище: головной убор его был сдвинут на ухо, щит весь исцарапан. Он стоял на трёх ногах, потому как одна задняя нога его была треснута.

– Ты один, а где остальные? Где Заступник, с которым ты вместе сражался?.. спросил Антон.

Свистопляс опустил голову, чувствовалось, что ему тяжело говорить, но он, преодолевая себя, сказал:

– Всё кончено, Тоша... Мусор увезли, дома больше нет. Я надеялся, что может быть они каким-то образом остались в этих поскрёбках, и он кивнул на кучку оставшегося мусора, – но, ни Никита, ни я ничего не нашли.

– А где Заступник? Что с ним?

– Я не всё знаю, мне железом, которым враг разбивал дом, повредило ногу, но Заступника он не задел. «Это он так бульдозер с ножом называет», – подумал Антон.

– А что с ящиком?

– Ящик я видел... Я видел, как его лапамихватило одно чудовище и бросило на спину другому. «Это он про погрузчик и самосвал говорит» – перевёл на свой язык мальчик.

– А куда делся Заступник?

– Его зверь не захватил, он оказался между когтями и мог бы быть здесь с нами, но... но... но..

– Что – «но»?

– Заступник – отважный воин, настоящий храбрец. Когда лапа чудовища опустилась на землю, чтобы взять очередную порцию мусора, то эта лапа опять его не захватила, а захватила ящик с глиняшками, Заступник же сам подпрыгнул и ухватился за стальной коготь страшилища. Я видел как эта лапа с жатыми когтями зависла над спиной другого чудовища и как Заступник отцепился от зуба и упал вместе с ящиком из-под мыла на спину другого чудовища. Больше я ничего не видел... – Свистопляс помолчал немного и добавил. – Он, ... он... ведь специально решил попасть на спину зверя, ... специально. Он хотел быть со всеми, ... он не мог поступить иначе... – голос Свистопляса срывался, он глотал слова. – Заступник пошёл на смерть ради товарищей, он решил или их спасти, или разделить с ними их участь – и слёзы потекли

по щекам человеко-коня. – А.. я, а.. я,... Я даже не смог сделать и этого,... и потому чувствую себя очень плохо,... меня мучает совесть. Если б не нога, то я бы тоже дотянулся до когтя великана и был бы рядом с Заступником... Я должен быть там, рядом с ними...

– Не огорчайся... если б не ты, то кто бы нам всё это рассказал, – улыбнулся подбадривающе Антон, – ведь это сейчас даже важнее, чем, если бы ты был рядом с Заступником. Ты настоящий герой.

– Правда?! – спросил кентавр.

– Конечно. Ты герой. Информация в нашем деле, это шаг к победе. Мы теперь знаем, что произошло с глиняшками и это главное.

– Спасибо, – проговорил кентавр, – ты влил в меня своими словами каплю надежды.

Антон догнал Пал Палыча и Костю только на остановке троллейбуса у церкви. Вернее, не догнал, а когда он туда пришёл, то учитель и брат его ждали.

– Куда пропал?! – сердито сказал Антону Костя. – Тебе только за смертью ходить. Один троллейбус по твоей милости пропустили.

Антон вначале не обратил внимания на Пал Палыча и Костю, он был поглощён своими мыслями о кентавре и Заступнике, но вот он заметил Костю и Пал Палыча. «Зачем им нужен этот сарай? – подумал Антон, – толку от него. Надо игрушки спасти, а не в барахле столетнем рыться». Но Ан-

тон не успел ответить, подошёл троллейбус. Братья уселись на заднее сиденье, а Пал Палыч прошёл вперёд, он не любил ездить сзади.

– Застрял чего? Мы ждать устали, – сказал Костя.

Вместо ответа мальчик разжал пальцы и показал брату кентавра. Только он не сказал, что он живой и разговаривает. «Зачем это знать всем? Что это даст? И принесёт ли пользу игрушкам? А если это принесёт им новое горе?.. ведь люди на Земле так жадны» – подумал Антон.

– Где ты его нашёл!? Что с ним случилось? – спросил Костя.

– Он попал под бульдозер, – нехотя сказал, едва удерживаясь от плача, Антон.

– Такой был великолепный кентавр, – сказал Костя. – Если б не твоё самоличное решение ехать на Большую Горную, то бы он был цел и невредим, – упрекнул Костя брата. – Вечно ты со своими инициативами... – но, увидев, что Антон очень сильно расстроен, смягчился и сказал. – Не переживай, что –нибудь придумаем. Сейчас приедем в «Спутник», покажем Пал Палычу, он знает как его вылечить?

Антон кивнул и положил Свистопляса в карман. До самой своей остановки братья молчали. Говорить не хотелось. Да и о чём говорить. Корить себя за сломанный дом, за потерянные игрушки, за украденную мельничку стоит ли? Всё равно время не повернёшь вспять и по-другому ничего не устроишь.

Глава 33. Иносказательная речь

После того как Пегас уехал на свалку, Муха вернулся домой. Остаток дня пролетел быстро. К вечеру он пошёл на пруд ловить рыбу. «Эх, надо было с Пегой ехать, – подумал он, всё интереснее». Придя на пруд, он стал наблюдать, как птички ловят над водой мошек, около камышей покачивались на волнах два круглых плота, но кататься на них не хотелось. Муха размотал удочки и забросил лески в воду, хотя понимал, что поймать вряд ли чего удастся, рыбы в этом пруду особой не было, так себе с мизинец, но делать всё равно было нечего.

В это же время, к тому же самому пруду подошёл младший лейтенант Митин. Он был без милицейской формы и с первого взгляда походил на отпущенного на летние каникулы студента. «Студент» – сразу дал кличку подошедшему Муха.

– Как, клюёт? – спросил младший лейтенант, – окинув взглядом мальчишку. По описанию Сорокиной, это был Мухаев. Копна нечёсаных рыжих волос, наполовину скрывала его лицо, нос был усеян многочисленными красноватыми веснушками. Зеленоватые кошачьи глаза смотрели настороженно.

– Так се-бе... – протянул Муха, придиричливо разглядывая незнакомца, и тут же подумал: «Действительно интересуется или разговорить хочет? Сдалась ему эта рыба мелкота. Наверное, разговорить. Может быть крутой, попросит

сбегать куда, небольшое порученьице, ... пивка там принести или ещё чего... Это я за небольшую мзду мигом. А, впрочем нет, не из этих, взгляд не крутого, добрый. Ладно, колись, птичка, раз прилетела, а мы послушаем...» и Муха, надев на лицо маску безразличия, приготовился слушать.

Митин не спешил. «Пусть сам проявляет активность, – размышлял он. – Вон как напрягся, готов к любому вопросу. В таком состоянии мальчишку донимать нельзя, получишь то, чего не желаешь. Лучше посижу, понаблюдаю, а там увидим» и он, усевшись поудобнее и, надвинув на глаза кепку, стал ковырять прутиком в земле и чертить геометрические фигуры, да изредка вздыхать.

– Что тошно? – спросил Муха, поворачиваясь к Митину, – плюнь на всё и, как я, лови рыбу. Мне тоже тошно, а я вот ловлю и ничего становится.

– Плюнул бы и ловил, только рыбак я пока никакой, пробовал – мелкая не ловится, для крупной – леска не годится, – ответил Юра.

– А вы бредешком, – посоветовал Муха.

– В бредне ячея большая, мелочь уходит, а крупной может и не быть, хотя по слухам водится, – ответил Юра.

– Слухи – не факт, – заметил Муха, а сам подумал: «Чудит дядя. Здесь крупная отродясь не водилась, да и не рыбак он кажись вовсе – здесь бреднем только коряги, да старые кроватные спинки ловить, я подколол, а он клюнул, точно, не рыбак и отвечает как-то чудно».

Как только Пегас приехал со свалки в город, он сразу направился на пруд, Муха был там. Пегас ещё издали увидел рядом с Мухой незнакомого человека. Он подошёл к Мухе и, не обращая внимания на его соседа, бросил:

– Сматывай удочки, пошли в кафешку, дело есть, и, не дожидаясь, когда дружан соберётся, медленно пошёл по берегу. Муха, не попрощавшись с собеседником, засеменял следом, на ходу сматывая леску.

– Что с ментурой кукарекаешь!? зло проговорил Пегас, когда они отошли на приличное расстояние.

– А он что, милиционер? – удивлённо сказал Муха.

– Я его сразу срисовал, проговорил Пегас.

– А я даже об этом не подумал...

– Меня больше интересует, почему он к тебе подошёл? Из любопытства..., или как?

– Брось, Пега, зацикливаться... подошёл и подошёл..., что с того?

– Ладно,... поживём,... посмотрим, буркнул Пегас, а сам про себя подумал: «Неспроста это. Может быть из мальчишек кто чего натворил по-крупному? но он тут же отверг простую версию, Этим бы Сорокина занималась, а не он. Сорока – специалист опытный... Странно,... тут надо бы разобраться... Этого мента мы тогда у Сороки в кабинете видели, когда с мельничкой шли... точно... он.

– Зря мы вот так сразу ушли, сказал Муха. Надо было по-

говорить, может быть, что и прояснилось? Он вроде ничего, разговорчивый.

– И о чём вы говорили? Раз разговорчивый, заинтересовался Пегас.

– О рыбалке, клюёт – не клюёт?..

– А точнее можешь сказать?

– Можно и точнее, казал Муха, насупившись. Он говорит, что рыбак он пока никакой и что мелкая не ловится, а для крупной леска не годится. Я ему посоветовал бреднем ловить, а он говорит, что на его бредне ячея крупная, мелочь уходит, а крупной может и не быть и тут же добавил, что по слухам – водится. Явно не рыбак. Откуда в этом прудике крупной взяться?

– Точно милиционер, сказал Пегас.

– Откуда знаешь?

– Он тебе сам сказал.

– Ничего он мне и не говорил... удивился Муха.

– Эх, ты... чума болотная. – сказал Пегас, иронично улыбаясь, – это иносказательная речь. Помнишь в «Капитанской дочке» Пугачёв так говорил.

– Ничего я не помню и из книжки только некоторые листики прочитал, чтобы училка не привязывалась. Ну и о чём он говорил, скажи, если такой умный?

– Этот мент сказал, что у него на душе лежит. Прямо сказать не может, а выговориться выговорился. Мелкая рыба – полагаю подростковое хулиганье, пока от него ускользает.

– А почему он сказал, что для крупной леска не годится? – спросил Муха.

– Не в этом отделе работает, или опыта маловато.

– Тогда почему он сказал, что крупной рыбы может и не быть?

– Меня ни это интересует, а то, что он сказал, что крупная рыба по слухам водится. По каким слухам? Это загадка. Надо полагать, что в милицию пришла наколка на крупных дельцов, тогда почему детский отдел этим занимается?

– Ты, Пега, голова! – изумлённо сказал Муха. – Я бы в жисть не допёр.

– Да не голова я, ... не голова... Почему этим Сорокина занимается? Вот вопрос.

– Что тут непонятного – «отцы и дети», – пробубнил Муха.

– Что ты сказал? – встрепенулся Пегас, повтори...

– Я сказал, что «отцы и дети», что тут непонятного?

– Не торопись... Я, кажется, что-то начал понимать. Только как это относится к игрушке, пока не знаю.

– Что ты начал понимать?

– А то, что меня Лёхой звать, – весело сказал Пегас и ушёл от ответа на вопрос.

– Не хочешь – не говори, – обиделся Муха. – Я тебе всё про незнакомца рассказал... Откуда мне было знать, что он из милиции. Разве одну деталь упустил.

– Какую?

– Когда дом сломали, и мы стали уходить. Я назад оглянулся и мне показалось, что этот студент из-за сарая вышел. Тогда я внимания на это не обратил, а сейчас вспомнил, точно, это он был.

– А за это пятёрка, – серьёзно сказал Пегас остановившись. – Такая информация всё дело меняет, и иносказательная его речь понятнее становится.

– И чего же ты понял?

– Предупреждает он нас, вот чего. Взять нас не с чем, с домом полный облом получился и у него тоже. На хвосте он у нас, понял?

– Может про игрушки в ментовке прознали?

– Возможно, но не это главное, – Пегас сплюнул. – У них там в милиции что-то нарисовалось, а что – мы не знаем.

– А что, Пега, может нарисоваться? – спросил Муха испуганно.

– Всякое может быть. Если следовать иносказательной речи, то вроде крупная рыба образовалась, это или человек крупно заинтересованный, или целая организация.

– А мы причём?

– При том. Мы чем занимаемся – мелким бизнесом. А люди опытные, думаешь не просекают, что на этом можно денегу делать. Только действуют с размахом, по-крупному. Вот тебе и крупная рыба, что по слухам в пруду водится. Предупреждает он нас, чтоб осторожными были.

– А почему по слухам?

– Потому, что и в ментовке точно об этом не знают, но информация о щуке поступила.

– Так уж и о щуке?

– Не тупорылый же карась криминалом занимается...

– И кто же на роль щуки, по-твоему, подходит? – не унимался Муха. Он явно побаивался такого оборота дела и старался посильнее раскрутить друга, заполучить от него додумки, а затем их проанализировать, это для него уже было сделать проще.

– Щука не знаю кто, а щурят хватает, – ответил Пегас. – Около Червонца мелкая рыбёшка крутится, типа нас с тобой. Знаешь её сколько?

– Чё, много?

– А ты как-нибудь встань в сторонке и понаблюдай. Что приносят? – он сразу в стол кладёт. Потом к нему какие-то хмыри подходят, он, принесённое, им передаёт.

– У него что, пункт перевалочный? – заинтересовался Муха.

– Насчёт пункта не знаю, тёмное там всё. – Уклонился от ответа Пегас, не желая пока выдавать Мухе информацию о разговоре с Симой.

– Он собирала простой и обирала, – проговорил Муха сердито.

– Не скажи, может только маскируется, хотя на роль шурёнка подходит как нельзя лучше.

После таких слов друга, Мухе стало не по себе.

– Чего? Сдрейфил что ли? – сказал весело Пегас, – Не бойсь. Со мной не пропадёшь, вычислим. Примерный расклад ясен, – а дальше уже ни к кому не обращаясь, а как бы для себя сказал: – Ох, поторопился ты, Симеон, . . . ох поторопился. Не ту дорожку торишь.

– Это ты о чём? – спросил Муха.

– Это я так, называется мысли вслух, – ответил Леонид, – не заикливайся.

– А если доцент в этом деле замешан? – задумчиво произнёс Муха.

– Забудь это имя и никогда не вспоминай! – озлился Пегас. Он и сам чувствовал, что доцент – фигура с секретом. «Впрочем, а что он, Леонид о нём знает? – спросил себя Пегас. – Знает про шкатулку, что всплыла в частной коллекции за рубежом и наделала много шума. Нашёл её, конечно, он. Только с меня в этом деле взятки гладки, а то, что я по мелочи нарыл – милиции до того дела нет. С этим они связываться не будут».

Так и не приняв окончательного решения, Пегас и Муха отправились в ближайшее кафе, чтобы скоротать время, да получше обсудить последние события.

Кафе их любимое место. Если заводилась какая-либо денежка. Они шли в него. Любимое кресло у окна было занято. Станный тип в оранжевой куртке, очках и усах сидел и клевал носом. Муха плюхнулся в кресло за соседним столи-

ком и вытянул ноги.

– Ребята! Вы бы поосторожней. – Раздался сзади странный скрипучий голос потревоженного посетителя.

– Кемарь дальше, дядя, – парировал Муха. И не обращая внимания на потревоженного соседа спросил:

– Что на свалке? Накололось что?

– Угадал, – проговорил весело Лёня.

– Ну и что?

– А то – мусор в отдельное место валят.

– Ну и что, что в отдельное?

– А это говорит о том, что его перебирать будут. Вот так.

Опередили нас с тобой, Муха.

– Может быть не игрушку ищут?

– Зря беспокоишься, её самую милую и ищут.

– Мы что теперь, не при делах, – спросил Муха. – И что же, ничего сделать нельзя?

– При делах, при делах...., не суетись. Есть один вариант, но он не по мне...

– Какой вариант?

– Сима-мусорщик себе помощника ищет, мне предложил.

У него там какие-то дела намечаются... Говорит в прогаре не будешь.

– А ты?!

– Я отказался...

– Ну, ты, Пега, и псих... Тебе место тёплое выгорает, ходи поплёвывай, да бомжей гоняй с алкашами, а ты?

– Ты, ... ты – вот тебе и «ты»?! – занервничал Пегас.

– Мне никто ничего не предлагает, говорить не о чем, – сердито ответил Муха.

Оба замолчали. Прервал молчание Пегас.

– Как на свалку прикатил, то сразу понял, что-то не так – мусор от дома в отдельное место валят, бомжи в нём ковыряются, да Сима бегаёт, суетится. Пришлось с Симой идти на контакт, деваться некуда. Или пан – или пропал. Думал – он меня турнёт, но не тут-то было, встретил как лучшего друга, хотя в особых друзьях я у него никогда не числился. Тут он и речь о своём заместителе завёл. Я здорово не отнекивался, чтобы Симино расположение не потерять. У них там с поисками неувязочка выходит. Сима психует. Организатор он никакой, только и способен матерится, да зуботычины раздавать. Меня к этому делу привлёк. Сегодня, так поковырялись немного, завтра с утра начнут по полной программе трясти, говорит, что целую бригаду бомжей пригодит.

– Вот, это молодец, что не отнекивался... – заулыбался Муха.

– Ты меня не хвали, я этого не люблю, – заметил Пегас, а вот получить временный доступ к свалке, заманчиво. Здесь можно у Симы игрушку из-под носа увести.

– Как?

Тут Пегас вплотную приблизился к Мухе и шёпотом что-то ему сказал.

– Круто... – расплылся в улыбке Муха. – Ты, Лёня – голова. Мне что, можно уже начинать?

– Слышал и забыл,... понял?

– Обязательно понял!!!

– Ну, давай. Ни пуха, ни петушиного крика. – Они встали из-за столика и вышли на улицу, а немного погодя вышел из кафе и обладатель оранжевой куртки. Он немного помедлил на крыльце и,

дождавшись, когда ребята скрылись за углом, не торопясь пошёл в противоположную сторону.

Глава 34. Родная земля

Откуда было знать Ваську, Белянке и Смуглянке, что они, выброшенные из окна квартиры Фомы Фомича, упадут прямо в цветочный газон. Дом этот стоял на улице, в Комсомольском посёлке. Именно в нём и жил Фома Фомич, прямо напротив Алтынной горы, на верху которой рос дубовый лес, а за ним располагались многочисленные дачные постройки. Не знали они и того, что с этой горой их очень многое связывает. Потому, что именно из этой горы была взята серо-белая глина, из которой были сделаны многие их братья и сёстры, а из них троих полностью козочка Белянка и на треть овечка Смуглянка.

– Как, все живы? – спросил Васёк, пытаясь разглядеть в темноте овечку и козочку.

– Живы-то живы, только я очень сильно ножки зашибла, болят, – сказала Белянка.

– И я тоже, – добавила Смуглянка.

– Что будем делать, Васёк? Как нам быть? – запричитали козочка и овечка, – если бы ни эта клумба с высокими цветами, то мы бы разбились до смерти...

Вокруг было темно и страшно. Вскоре глаза выброшенных в окно игрушек немного привыкли к темноте и они стали различать близкие предметы, а затем, немного и те, что подальше. Они увидели, что дом, из которого они были выброшены, находится около высокой горы; настолько высокой, что её верх был едва видим на фоне мутного ночного неба.

– Что нам теперь делать? спросила испуганным голосом Белянка.

– Сначала надо отсюда убраться по добру – по-здорову, – сказал Васёк. – Ему явно не понравился этот непрогнозируемый приём в квартире Фомы Фомича.

– Давайте уйдём из города, город злой – сказала Смуглянка.

– Давайте залезем вот на эту гору, – предложила Белянка, – мне так хочется, меня просто тянет к ней.

– Давайте заберёмся на гору и посмотрим с высоты, может быть, мы увидим мамушкин дом? – сказал Васёк.

– Тут тысячи домов, – сокрушённо сказала Белянка, разве мы разберёмся, где наш?

– Недалеко от нашего дома на Соколовой горе стоит очень высокий памятник с журавлями на верху... – сказала Смуг-

лянка. – Я видела его в окно автомашины, когда ехали с «Добрячком».

– Надо подумать, – сказал Васёк.

– А может нам просто попастьись по сочной травке и прийти в себя? – сказали хором козочка и овечка.

– Давайте взберёмся на гору, а там посмотрим, – предложил Васёк, – заодно и уйдём отсюда подальше.

Хотя он это и предложил в целях безопасности, но в нём продолжали бороться два противоположных чувства «уйти» и «остаться». С чувством «остаться» связывалось то, что господин Батист изрядно захмелел и не видел, как хозяйка расправилась с игрушками, а они Батисту явно понравились. Возможно, он очнётся и спросит о них сумасбродную Зину? Возможно, даже и купит, и тогда всё встанет на свои места?

– Если бы Батист не уснул, возможно всё сложилось бы по-другому, – сказал Васёк. – Он бы не позволил выбросить нас в окно. Европейцы – народ культурный... «Добрячёр» тоже не знает о выброшенных игрушках. Ему это не понравится, потому, что он рассчитывал их подороже продать Батисту.

С этим все согласились.

Другое же чувство говорило ему, что их образ жизни и отношения – ему чужды, что всё это красиво только в рекламе и что полёт в окно не досадная случайность, это норма отношений и что его гармошка с колокольчиками не нужна новым русским здесь, она для них неформат, и русские песни тоже неформат, а там, во Франции, и тем более. Эта

гармошка создавалась здесь, на берегу Волги, и она должна быть здесь, потому что здесь, есть кому её слушать, есть кому радоваться её переборам и колокольчиковому звону. А там она такая же для них экзотика, как и набедренная повязка туземца.

Ваську хотелось то плакать, а то безудержно смеяться. Ведь это он, Васёк, совсем недавно хотел задавать тон жизни, хотел быть кумиром и участником разнообразных шоу. Это ему, Ваську, грезилась, заливающая светом сцену, прожекторы и софиты, крикливые плакаты на улицах с его, Васькиным, портретом и гармошкой через плечо и много о чём ещё мечтал гармонист, что можно получить в этой жизни. «Что это – неудача? – думал он, – Случайность? которые надо преодолеть и тогда всё заблестит и засветится?» И тут же опять внутреннее чувство Ваську начинало говорить, что это не случайность и не неудача – он просто не вписывается в то общество, в котором решил играть первую скрипку, и оно отторгло его, как отторгает организм что-то ему чуждое, и Васёк, запутавшись в этих противоречивых мыслях, всё искал и искал искомое решение и не находил его.

Прошли глиняшки не больше ста метров, как Васёк вдруг обнаружил, что с ним нет его любимой гармошки.

– Это у тебя, Вася, психологический стресс, – проговорила, подыскав нужное, но непонятное научное слово, Смуглянка. – Ты забыл о самом главном в своей жизни.

– Вы правы, однако инструмент бросать не годится. По-

дождите меня здесь, а я по-быстрому сбегаю в цветочную клумбу за гармошкой.

Овечка и козочка согласились, только с условием, что это будет недолго.

– Я быстро. Вы только никуда не прячьтесь, – сказал Васёк, – поднимитесь чуть выше по горе, чтоб вас никто не сцапал, и подождите, я вас там найду, – и ушёл. Овечка и козочка остались одни.

– Да, – сказала Белянка, как только Васёк скрылся в темноте, – если уж наш Васёк про гармонь забыл... – она не договорила, пытаясь подыскать нужные слова, и не находила их.

– Забыл, потому,... потому, что раньше гармонь была смыслом его жизни – задумчиво сказала, но не договорила своей мысли Смуглянка.

– Ты, козочка, точно подметила, а я никак слов не подберу, как это выразить.

– Что тут подбирать.... Ты посмотри на него... – То он постоянно твердил о красивой жизни, да как бы попасть за границу, а теперь... – сколько шли – ни одного слова.

– Он ещё надеется на Батиста.

– Возможно.

– Ни разу ни одну частушку не пропел, – добавила Белянка.

– Чего греха, подруга, таить... Мы ведь тоже вокруг него приплясывали и восторгались... – Ведь, правда? – и Смуг-

лянка заглянула в глаза подруге. – Правда, ... правда, – кивнула та, твёрдо посмотрев в глаза Смуглянке. – Мне и сейчас самой перед собой стыдно за свою глупость. Только и начинает чего-то доходить, когда хвост начинают задирать...

– Для богатых русских и для господина Батиста мы просто тряпки, о которые можно вытирать ноги. Поиграл и выбросил, как нас... в окно, да в грязь.

– В цветочную клумбу, – поправила её Смуглянка.

– Хорошо, что в окно полетели, а не в помойное ведро, надо радоваться и этому, – добавила Белянка. Обе глубоко вздохнули, а потом потихоньку пошли к выступу горы, который так привлёк их внимание. Посредине этого выступа мерцало большое белёсое пятно, которое издали напоминало облако. Луна мерно светила с высоты, мягко высвечивая очертания склона.

Они подошли к самой горе и стали подниматься. Наконец они добрались до середины горы и тут Смуглянка заметила:

– А это и не облако совсем, как нам казалось раньше, а земля такая светлая. Посмотри, подруга! – воскликнула Белянка. – Посмотри, сколько вокруг серо-белого порошка! Мы утопаем в нём по щиколотки! Какой он мягкий на ощупь и очень нежный!

– Я это тоже заметила. Да, здесь им всё усыпано!

– Постой, кажется, не усыпано, а сама гора состоит из этого порошка, – заметила Смуглянка, вот почему нам в этом месте привиделось облако. Ведь ниже по склону порошка не

было и мы ступали копытцами по камешкам. – И они стали веселиться и посыпать друг дружку этим удивительным мягким и нежным серо-белым порошком. На какое-то время они даже позабыли, что у обоих болят ножки, и что они сюда еле-еле шли.

– А ножки у меня стали меньше болеть, – вдруг сказала Белянка.

– У меня прибавились силы... – добавила Смуглянка?

– Это волшебный порошок, – вторила ей Белянка.

– Привал! – сказала Смуглянка и первая села прямо в мягкий порошок. Она посмотрела на вершину горы, до неё было ещё далековато. – Здесь и дождёмся Васю, – сказала она и подумала: «с больными ногами нам на эту вершину было бы не подняться».

Просидели с полчаса. Вдруг Белянка почувствовала, что ножка её совсем выздоровела, а у овечки зажило копытце и всё это совсем-совсем, навсегда.

– Ты знаешь,... у меня ничего не болит, – сказала Белянка

– Я тоже чувствую себя совершенно здоровой, проговорила Смуглянка.

– Мне так весело, отчего бы это? – спросила козочка.

– Ты посмотри на себя, а потом на этот порошок и сама себе скажешь,... почему тебе так радостно? – заметила Смуглянка.

– Белянка посмотрела на свои ноги и была удивлена тому, что порошок был неотличим от них по цвету.

– Что?.. Догадалась? – спросила ласково Смуглянка.

– Неужели?..

– Да, да,... подруга,... без всяких неужели. Нам ведь мамушка не раз говорила, что мы сделаны из земли. Так вот мы сейчас стоим на родной земле, из которой произошли. И эта земля лечит наши раны, даёт нам новые силы. И мы почувствовали, что мы не тряпки и созданы не забавы ради Батистов и синеволосых Барби. Это наша родная земля, она укрепила наш дух... Это наша родная глина.

– Ме-э-э-э! – кричала Белянка от восторга.

– Бе-е-е-е! – вторила ей Смуглянка.

«Порошок счастья – это наша родная земля!!!» – кричали они, и веселились как могли.

Они радовались жизни, хотя не имели крова над головой, не знали, что их ожидает и что с ними будет завтра? Они просто были счастливы.

– Ты правильно всё сказала, милая, и про порошок счастья, и про нашу родную землю – заметила Белянка, – Я просто хочу добавить к этому, что сейчас мы, казалось бы, находимся в худшем положении, чем раньше: у нас нет крыши над головой, мы не знаем, что нам делать? И куда идти? Но нам легко и радостно,... не правда ли?

– Всё так и есть, – и Смуглянка кротко улыбнулась. Просто это наш дом, потому, что это наша земля!!!

– Однако, что-то долго нет Васи, – сказала озабоченно Смуглянка?

Козочка и овечка встревожились.

.....

С Васьком же в это время происходили следующие события. Дойдя до клумбы и не найдя в ней свою гармошку, Вася решил, что гармошка, когда его вышвыривали в окно, возможно вылетела из его рук и осталась в комнате. И он стал думать, как незаметно пробраться в квартиру Фомы Фомича, чтобы взять свой инструмент. Однако судьба распорядилась за него сама и ему не пришлось решать столь сложный для него вопрос, ведь на третий этаж он никак не мог забраться. Васёк всё сидел на камешке в цветочной клумбе и сокрушался о своей гармошке, что не заметил, как наступило утро. Вася увидел, как во дворе дома уборщики мусора развели большой костёр и стали сжигать старые коробки, и сухие ветви от деревьев. Вышла из дома и синеволосяя хозяйка с белым пуделем на прогулку. Хозяйка всё время говорила пуделю: «Фу, брось, собираешь всякую гадость» и при этом морщила носик и дёргала пуделя за поводок. Затем она сняла пуделя с поводка и тот стал бегать по клумбе и, конечно, сразу же нашёл под листом гладиолуса Васька. Пудель так был ошарашен такой нечаянной встречей, что от неожиданности открыл рот и из его зубов выпала глиняная гармошка. Васёк так обрадовался гармошке, что забыл про собачку и схватил инструмент.

Пудель ещё вчера увидел игрушки на столе, они ему очень понравились и ему очень хотелось с ними познакомиться, и

с ними поиграть, но ему этого не позволили. Пудель обиделся и ушёл в другую комнату и не видел, как Зина выбросила игрушки в окно. Потом пудель, не найдя их в комнате, ходил, принюхивался и скулил и, наконец, нашёл гармошку. Та зацепилась за шпингалет форточки. Утром же, когда его вывели на прогулку, его тонкий собачий нюх, сразу уловил, что из цветочной клумбы исходит знакомый запах и не ошибся.

Обрадовавшись находке, он тут же схватил в зубы Васька вместе с гармошкой и стал весело бегать вокруг хозяйки.

– Что за пёс!... опять чего-то подобрал, – проговорила Зина и попыталась позвать пуделя и отобрать у него его находку, но тот не поддавался, продолжая выписывать от радости по двору круги. Наконец один из рабочих, подбрасывающий в костёр ветки и коробки, схватил пуделя за ошейник. Хозяйка тут же подошла, пристегнула поводок к ошейнику, поблагодарила рабочего за помощь, а затем вытащила из зубов своего питомца его находку. Каково же было её удивление, когда она увидела ту самую игрушку, которую выбросила вчера в окно.

– Собираешь всякую дрянь, – проговорила Барби и бросила Васька вместе с его гармошкой в костёр. Это обидело пуделя, но в костёр за находкой он лезть побоялся, хотя игрушка ему очень нравилась. Зина тут же увела пуделя в дальний конец двора и с поводка уже не спускала.

.....

Немного погодя во дворе появились два господина. Их Ва-

сёк увидел сквозь пламя костра. Один из них был Батист, а другого скуластого, с тяжёлым носом и широкого в плечах он никогда не видел. Васёк обрадовался и уже хотел крикнуть, что он здесь, в костре, но не крикнул. Во-первых, эти, двое были ещё далеко и за треском горящих веток могли его не услышать, а во-вторых, Васька что-то насторожило. Батист с товарищем осматривали двор. Вот они приблизились так, что стало слышно их разговор. Васёк прислушался.

– Вы говорите, что хозяйка выбросила их в окно? – спросил незнакомец.

– Да, Бакстер, она мне сама об этом сказала... –

– Значит, вы лично не видели, как их выбрасывали? – спросил Бакстер. – Плохо дружище... очень плохо... Нашли игрушку и не смогли её взять и передать нам, как мы о том договаривались...

– Это, по большому счёту, воровство, – проговорил Батист сквозь зубы. Он давно знал Бакстера и мог позволить себе высказать собственное суждение.

– Воруют у равных, – скривил недовольно губы Бакстер. – Не берите на себя лишнего.

– Я не считаю этот народ туземцами! – вспыхнул Батист. Бакстер поморщился.

– Они не туземцы. Они просто стоят на нижней ступени социального развития и этого достаточно по определению.

– Чего достаточно? – запальчиво спросил Батист, – и по какому определению?

– Достаточно для того, чтобы помогать ведущей цивилизации. Иначе прогресс остановится. Не каждый сам по себе, дружище, а все для одного, только в этом случае возможен планетарный рывок.

– Все остальные народы и государства на обслуге, так что ли?! Это и есть ваше определение.

– А что в этом плохого? Если хорошему спортсмену не создать идеальные условия, то и не жди результатов. Важен результат, а он налицо. Поэтому и ты, и я работаем на этот результат, создаём условия. Мы – расчищаем дорогу лидеру, другие – посыпают её гравием и так далее. Ушла в прошлое соревновательность между странами и цивилизациями. Возможно, она была более справедлива, но не столь результативна. Налицо – не экономная растрата ресурсов и интеллектуальных сил на земле. Разумеется, авангард не должен в чём-то нуждаться. Он же даёт и правила, которые никто не вправе нарушать.

– Тогда скажите – при чём здесь игрушка?

– Игрушка, как и религия – это анахронизм. Авангард не заинтересован, чтобы вспомогательный эшелон сильно отставал, это мешает общему движению вперёд. Дети должны играть в более цивилизованные игрушки. Согласитесь – в век высоких технологий ребятишки не должны играть в глиняных болванчиков, даже у обслуги. Это нонсенс. Убедил? – И он дружески похлопал Батиста по плечу в знак примирения.

– Звучит, Бакстер, убедительно. Я над этим подумую. Батист замолчал.

– Подумайте, дружище, подумайте. Так, что вы ещё можете сказать об игрушке? – спросил Бакстер.

– Они пели, танцевали, играли на гармошке... – выдавил сквозь зубы Батист.

– Вы, кажется, перепили... Кто играл?.. Кто танцевал?.. Игрушки что ли? – и Бакстер внимательно, как врач, посмотрел на Батиста.

– Да, они... пели, плясали и разговаривали...

– Ладно. Оставим эту тему. – Вздохнул Бакстер. – Если это не влияние выпитого на ваши мозги, то вам нельзя долго находиться в этой частично сумасшедшей стране с её частично невменяемым населением.

Бакстер помолчал и через минуту заговорил снова.

— Игрушки у него ожили... Гм... Чёрт те чё напридумывает в своё оправдание. Нам, Батист, нужна игрушка, живая она или мёртвая не имеет значения... Для чего вы меня вызвал и привели в этот двор? Сказать, что оказались ротозеем? Игрушка была в ваших руках, и вы её упустили. Или как?..

– Может быть, спросить об игрушках у Зины? Вон она в другом конце двора выгуливает пуделя.

Батист хотел что-то сказать ещё, но Бакстер недовольно поёжился, дескать «хватит об этом, это твой вопрос, ты его и решай...» и они пошли со двора.

Разговор двух иностранцев обескуражил Васька. Да, что там обескуражил, он потряс его до глубины души. И ещё неизвестно, что жгло его сильнее: пламя костра, или суждения этого квадратного Бакстера. Оказывается, он никого здесь в грош не ставит. Для него и Никита и мамушка непонятно кто – прошлый век? А он вообще – глиняный болванчик... Потом он говорил о каких-то правилах, которые они не имеют права нарушать. Что это за правила? Кто их придумал? Может быть, этот компаньон Батиста их и сочинил? Странно всё это. А Батист! Почему он так робко возражал и в конце-концов уступил? Какой я глупец... какой глупец. – И Васёк больно стукнул кулаком по колену.

.....

Пудель жил один в большой комнате и у него не было настоящего друга. В комнатах было много всяких красивых вещей, до которых ему запрещали дотрагиваться, а ему иногда так хотелось какую-нибудь из вещей лизнуть или о неё потереться. Только вещи на него не обращали никакого внимания, они были заносчивы, особенно шведские часы и венский стул. Шведские часы вообще игнорировали белого пуделя, а венский стул старался от пуделя всегда отодвинуться, непременно ворча при этом: «ходят тут всякие, только и смотри, чтоб не обшарпали».

С прогулки пудель вернулся очень грустный. Всю ночь думал пудель о глиняном человечке с гармошкой, и ждал вече-

ра, когда его поведут снова на прогулку. Ему хотелось, чтобы его на прогулку повёл хозяин и тогда он смог бы поискать человечка в прогоревшем и остывшем, к тому времени, костре, а вот хозяйка этого не разрешит и вряд ли спустит его с поводка, чтобы побегать. Но, на то у пуделя и голова, чтобы думать. И эта голова придумала следующее – необходимо спрятать куда-нибудь подальше Зинину туфельку и тогда наверняка на прогулку его поведёт хозяин. Он так и сделал, взял хозяйкину туфельку и положил ее под отопительную батарею, да задвинул носом подальше, чтоб ее сразу было нельзя найти.

Вечером, к радости пуделя, его повёл на прогулку хозяин, потому как Зина не могла сразу найти туфельку. Разумеется, как только хозяин спустил пуделя с поводка, он сразу же побежал к тому месту, где горел вчера костёр и начал разгребать пепел и остывшие головёшки лапами. Конечно, он нашёл того самого человечка с гармошкой, но?.. Каково же было его удивление, когда он увидел не серо-белого, а золотистого гармониста. Пудель даже не поверил своим глазам, он взял игрушку в зубы и вытащил её на лужайку, ощутив, что в зубах у него находится не податливое, как раньше глиняное тело, а очень твёрдое, которое даже не разгрызёшь зубами. Это очень удивило пуделя.

– Как ты смог перекраситься? – спросил он гармониста.

– Не знаю, – ответил Василий.

– А что же ты знаешь?

– Помню, что было очень жарко, просто нетерпимо... Помню, что из меня стал выходить сырой дух в виде пара, потом я стал от огня размягчаться.

– А потом?

– А потом,... потом,... я не помню. Я вроде бы как заново родился... Вроде бы и руки, и ноги, и всё тело моё, но уже совсем иное, вроде бы как и не моё и в тоже время моё... Оно такое крепкое, и дыхание моё не такое как раньше,... и вообще всё – всё не такое,... даже мысли в голове и то стали другие.

– Что-то ты совсем меня запутал: моё – не моё, такое – не такое... У меня, аж кругом голова пошла. – Проговорил недоумённо белый пудель. – Скажи толком – ты это, которого я нашёл в клумбе, или это не ты?

– Точно я, но только уже и немножко не я...

– Опять заморочка... Как это я... и тут же, не я. Со мной такого не бывает. Я, всегда – я. Лучше скажи, кто может подтвердить, что ты – это ты?

– Белянка и Смуглянка, – выпалил Василий. – Ах, да,... Я о них совсем забыл.

– Где же они?

– Они у горы, меня дожидаются.

– Так пошли к ним,... чего здесь торчать и дожидаться, когда меня хозяин возьмёт на поводок? Давай, Васёк, так тебя, кажется, зовут, уйдём отсюда.

– Давай, только, Пудя, не называй меня Васьком, это ме-

ня так раньше звали. Я – Василий. Понимаешь – Василий, а Васёк это в прошлом.

– А как же Васёк? – опешил пудель.

– Был Васек, да весь вышел, улетел вместе с дымом и паром из костра.

– Хорошо, пусть будет по-твоему, Василий так Василий, – проговорил недоумённо пудель, – как скажешь.

– А тебя со мной хозяин отпустит? – спросил Василий.

– А мы убежим.

– Как убежим?.. Без спросу? – спросил Василий.

– А что здесь такого... Собаки часто теряются... И потом, мне очень надоело жить с этой синеволосой хозяйкой мы... мы... мымрой,... вот. Я бы хотел стать твоим другом.

– Слушай, давай тогда потеряемся по правде, раз уж мы друзья.

– Давай... А как?

– А ты погонись, хотя бы вон за той вороной, а уже назад не возвращайся.

– Это хорошая идея...

Задумка им удалась. Напрасно Фома Фомич звал белого пуделя, погнавшего за вороной. Через пять минут Василий и белый пудель были уже вне зоны видимости. Они шли к высокой горе.

– А ты, оказывается, не промах, – сказал Василий пуделю. Я, правда, о тебе очень плохо поначалу подумал. Подумал, что ты жирующий хозяйский балбес...

– А я, а я тоже о тебе плохо подумал, – вторил ему пудель. – Когда ты стал играть перед хозяйкой и этим иностранцем. Я подумал, что ты с подружками самая, что ни на есть «золотая молодёжь». А теперь вижу, что ты совершенно иной человек, очень серьёзный и вдумчивый. У меня от такого переворота в сознании даже голова кружится.

– А у меня, ... у меня совсем головы, кажется, не было и появилась, то есть я стал ощущать, что я думаю сам, соображаю сам, а не повторяю как попугай чужие мысли. ... – весело сказал Василий.

– А я смотрю, ... вроде ты такой же, только весь красный.

– Меня огонь опалил, – вставил Василий, – поэтому и цветом стал другим, не как прежде.

– Нет, это тебя, дружище, жизнь опалила и мозги на место поставила, – серьёзно сказал пудель, а не огонь. – Давай торопиться, ведь нас давно ждут.

– Ты прав, и про мозги тоже, – сказал Василий вспомнив разговор Батиста и Бакстера.

Глава 35. Реставрация

После поездки на Большую Горную Пал Палыч, Костя и Антон снова приехали в клуб. Около кабинета Пал Палыча ждали дети; пришли лепить, а кабинет закрыт. Пал Палыч открыл дверь. Ребятишки сразу стали занимать свои места. На Пал Палыча посыпались вопросы. Учитель старался побыстрее загрузить ребят работой. Воспитанники готовились к выставке: кто спрашивал совета по лепке, кто не

знал, как приготовить ангоб. Часть детей занимались росписью. На столе уже стояло с десяток готовых фигурок, но этого было маловато. Каждый из ребят хотел увидеть на выставке хотя бы одно своё изделие. Антон с Костей терпеливо дожидались, когда Пал Палыч немного освободится, чтобы показать учителю свою находку и поговорить о кентавре.

Когда Пал Палыч увидел кентавра, то чуть не подпрыгнул от счастливой неожиданности.

– Что ж вы её мне там не показали? А...

– Мы боялись, что вы ещё сильнее расстроитесь, – сказал Костя. На фоне сломанного дома и такая находка.

Пал Палыч дрожащими от волнения руками взял в руки кентавра. Он вертел его в руках, разглядывал, затем даже вооружился лупой и постоянно повторял: «так – так..., интересненько,... интересненько, очень даже недурно, прекрасная задумка».

– Так это же самая настоящая старая саратовская игрушка! – воскликнул он, а затем сказал, обращаясь к братьям. – Эх, был бы жив профессор Вениамин Павлович Позолотин!.. Я бы среди ночи к нему на квартиру побежал... Вот она, ребятки, местная игрушка, – и он поднял её высоко над головой, чтобы все могли увидеть. Такой радости в глазах Пал Палыча ребята ещё не видели. Он ходил с Свистоплясом по кабинету, подносил игрушку то ближе к глазам, то рассматривал на расстоянии вытянутой руки, прижимал к груди и даже напевал какую-то песенку.

– Жаль только что побитый, – сказал учителю Костя.

– Дорогой мой мальчик! – проговорил Пал Палыч в волнении. – Причём здесь поцарапанный и побитый... главное он есть. А вы знаете, я его вчера даже во сне видел.

– Расскажите, как вы его видели? – попросили братья.

– Вроде бы я нахожусь на какой-то свалке и вижу, стоит у большой кучи мусора Вениамин Павлович Позолотин и этак загадочно меня манит к себе рукой и на кучу эту самую показывает, а сам улыбается. Я к нему хочу подойти, а ноги не идут. А профессор мне так укоризненно говорит: «Что ж это вы, Пал Палыч, на мою находку не желаете посмотреть?» – сам нагибается и поднимает с мусорной кучи этого самого кентавра, а кентавр вроде как живой, смотрит на меня и говорит: «Не стесняйтесь, Пал Палыч, подходите, мы вас ждём», – а сам этак рукой меня манит и хвостом помахивает. Как видите сон в руку.

– Кентавр с вами даже человеческим голосом говорил, – спросил Костя.

– Такое во снах бывает, – ответил Пал Палыч.

– Давай не будем говорить Пал Палычу о том, что он у нас уже был целый и здоровый, а то заругает, – шепнул Антон брату.

– Само собой, – ответил Костя.

Пал Палыч же, пока дети лепили и красили, говорил и говорил им о старинных глиняных игрушках и о кентавре тоже:

– Это уникальное изделие, разноглинный кентавр. Это и

конь и человек вместе. Посмотрите на него внимательно и вы увидите, что слеплен он очень любовно. Мистический герой древних защищал праотцев от врагов. В нём сочетается и мудрость человека, и быстрота, выносливость и сила коня.

Пал Палыч говорил, а сам всё ходил и ходил взад и вперёд по кабинету широкими шагами, держа в руке Свистопляса. Он был возбуждён, на лице учителя играл румянец, глаза светились и вообще он был на крыльях удачи.

– Как это – разноглинный? – спросил Костя.

– Видите, у игрушки человек по пояс белый, а конская часть коричневая, кроме хвоста.

– Вижу, только я думал, что это так покрашено, – сказал Костя.

– Нет, не покрашено, а слеплено из белой и коричневой глины.

– Вот здорово!! – удивился Костя.

– Это, ребята, о чём говорит? – Спросил педагог и тут же сам ответил. – Это говорит о том, что эту игрушку делал хороший мастер, можно сказать виртуоз в своём деле. Разноглинку лепили редкие игрушечники.

– Я понял, – сказал Антон, – белая и коричневая глина даёт разную усадку и потому при высыхании обязательно будет отслаиваться одна глина от другой.

– Молодец, Антон. Это если она по усадке разная, так чаще всего и бывает. А дальше? – спросил Пал Палыч, – глядя на ученика, – договаривай, договаривай.

– А дальше, требуется тщательная подгонка глин по усадке с добавлением или отбором песка, – сказал Костя.

Антон засмутился. И вообще он был горд тем, что Пал Палыч рассказывает о его находке. А когда занятия закончились, учитель подсел к Антону с Костей и спросил:

– Там только была одна эта игрушка и всё?

– Не всё. – Костя покраснел. – Нас опередили Муха и Пегас. Они тоже что-то прихватили. Говорили о каком-то глиняном мальчике.

– Что же вы мне сразу не сказали?

– Мы хотели, – Костя ещё гуще покраснел, – да кентавра потеряли. Потом нашли, а глиняный мальчик нам не достался.

– Лепили, такие Глиняшки-Гуделки, – сказал Пал Палыч. У меня в детстве была такая игрушка. – И тут же, переменяя тему разговора, сказал, – Я вас, предупреждаю – с Пегасом не заговаривайте об этом, чтоб не насторожился.

– Так он Гуделку уже поди сбыл на Сенном, – заметил Костя.

– Это тоже желательно узнать. Надо подумать, как этого Глиняшку найти?

Как ни рады были дети и Пал Палыч находке, но больше всех радовался Свистопляс. Он, находился в руках учителя, и был от этого просто на седьмом небе. И почему мамушка ему не сделала крылья? Он бы сейчас взлетел под потолок, ... да куда там под потолок – он бы поднялся выше дома и даже

выше журавлей на Соколовой горе и кричал бы всем, блистая в лучах солнца: «Я – игрушка!!! Я ваша игрушка... саратовцы!!! Я не просто так. Слышите, горожане!! Поднимите ваши глаза, посмотрите на небо! Это я, Свистопляс,... самый настоящий кентавр, я самая живая и красивая глиняная игрушка на белом свете; меня слепила великая игрушечница города – мамушка! Вы уже не помните меня, а я есть,... и есть мои братья и сёстры,... нас много. Я познакомлю вас с Гуделкой и Заступником, Белянкой и Смуглянкой, Катериной и Дуняшей, Мурлотиком и Пустолаем, а Васёк сыграет вам на Саратовской гармошке и сочинит прекрасные куплеты!.. Вы откусываете великолепного Саратовского калача, испечённого великой мастерицей Катериной...

Но тут учитель поставил игрушку на стол и Свистопляс осёкся в своих мечтаниях. Он вдруг вспомнил, что из глиняшек он один в этом помещении и что он даже не знает, где находятся его друзья Васёк, Белянка и Смуглянка? Радость его померкла, а глаза потускнели.

– Пал Палыч, а народная игрушка не анахронизм? – спросил Костя. – Сейчас век техники, компьютеров. Много технических игрушек – бакуганов, трансформеров и других.

– Эти игрушки, – не больше и не меньше – есть факт интервенции на ваши души. Игрушка не должна быть злой. По признанию некоторых художников из Голливуда, эти образы им приходят в голову в результате употребления наркотиков. Они их просто видят в наркотическом угаре и зарисовывают.

Теперь вам понятно, во что вы играете?

– Понятно. А кентавра можно починить? – спросил Антон.

– Обязательно можно, – сказал Пал Палыч, – даже необходимо, этим мы сегодня и займёмся. Для начала, ребята, давайте приложим к его царапинам кусочки перемятой глины и оставим на часок другой, влага из этих кусочков очень медленно перейдёт в верхний слой изделия, немного размягчит его и тогда царапины можно будет заглаживать.

– А почему именно так надо, а нельзя просто взять и замазать? – не унимался Антон.

– Влажная глина к сухой не пристанет, – заметил учитель.

– А если его смочить? – продолжал спрашивать Антон.

– Смачиванием вы только разрыхлите и разрушите верхний слой изделия, вот и всё, игрушка будет испорчена.

– Разве? – разочарованно протянул Антон.

– Секрет здесь, ребята, заключается в том, что глина обратного хода при увлажнении не даёт, – сказал Пал Палыч, обращаясь ко всем детям. – То есть, её нельзя из сухого состояния в изделии перевести в то состояние, как бы вы только что это изделие слепили.

– Вы же нам, Пал Палыч, говорили, что глину можно в жижу превратить и мы не раз в этом убеждались, размачивая в корыте игрушечный бой, – сказал Витя Делягин.

– Размочить – это одно, – потеревил ухо Пал Палыч, – здесь много ума не надо, а вот размягчить изделие без нару-

шения связей, полностью не удастся. Частички глины, вбирая воду, набухают и встают так, как им удобнее, а на прежнее место не встают, плотность нарушается и получается рыхлость. Это всё равно как если из битком набитого троллейбуса высадить пассажиров, а потом попросить их зайти снова и занять те же места, с той же плотностью.

– Этого никогда не получится, если только после длительной тренировки, – сказала Люся Пахомова.

– А вот и получится, – заспорила с ней Козырева Тася, – ты не знаешь, а говоришь, – правда, Пал Палыч?

– Точно всё сделать, не получится, это я про троллейбус и пассажиров, вот и в глине точно так же – сказал Пал Палыч, – слишком много разных факторов влияют на процесс.

– Можно только высадить тех пассажиров, кто на ступеньках висит, – заметил Антон.

– Верно, – улыбнулся Пал Палыч, – те, кто в первом ряду находятся, те только могут выйти и зайти, но и занять, более-менее точно, свои места, так и в глине.

– Верхний слой в глине как раз и есть те самые пассажиры, что на подножке стоят, – догадался Делягин, – мы их можем сами расставить.

– Совершенно верно, – подтвердил Пал Палыч. – Сделан кентавр из серо-белой глины, так что приложить к нему лучше какую глину?

– Серо-белую, – быстро ответила на вопрос Тася.

– Правильно, приложить лучше серо-белую, догадалась,

молодец, только не очень влажную, возьмите лучше ту глину, которая изрядно подвяла, чтоб влага медленно переходила, а не бегом бежала в кентавра.

Ребята, чтобы поэкспериментировать, стали искать собственные побитые игрушки, чтобы немедленно заняться их восстановлением, а Миша Лучников даже специально процарапал полосу на своём высохшем домике, чтобы тут же её и заделать.

– Где ж я такую сейчас глину возьму, чтоб не сырая и не коже-твёрдая?, – спросил Антон. – Им, – он кивнул на товарищей, – ради эксперимента можно любую глину пробовать, а нам кентавра чинить надо, это серьёзно, тут не поэкспериментировать.

– Ты же вчера лепил чего-то, – заметил Костя, – вот это изделие как раз и находится сейчас в подвяленном состоянии, тут и думать нечего, они же у тебя на медленной сушке стоят.

– Он правильно говорит, – поддержал Костю учитель.

– Только я не могу ломать изделий, – сказал Антон, подумав о том, что ему рассказал о своих братьях и сёстрах Свистопляс. Да и сам кентавр был главным подтверждением тому, что игрушки живые, потому сломать что-либо из сделанного – было никак нельзя.

– А ты и не ломай, – сказал Костя, – возьми и приложи готовые изделия к кентавру.

– Ты голова, – обрадовался Антон и тут же достал вчераш-

ние изделия, которые у него находились в ведёрке и приложил их к ранам на теле Свистопляса. Пал Палыч поправил, проделанное Антоном, и сказал:

– В этом деле, ребята, торопиться не надо, вы, пока кентавр увлажняется, другое что-нибудь лепите, а про кентавра не забывайте, здесь, как мало подержать – плохо, а передержать и того хуже, так что глину на кентавре надо держать ровно столько, чтоб ноль в ноль было по времени, не больше и не меньше.

– А как же определить, когда готово? – спросил Костя.

– Отнимай глину с поврежденных мест и проводи ногтем по телу кентавра в том месте, где повреждение, если остаётся блестящая полоса, то значит пора глину убирать и проводить восстановительные работы.

Антон сгорал от нетерпения, он то и дело заглядывал в ведёрко, боясь что глина на кентавре перележит. Примерно через полчаса осмотрел кентавра и Пал Палыч.

– Достаточно, – сказал он, – а теперь, ребята, надо вести реставрационные работы дальше.

– А как? – спросил Костя. – Вы нам об этом не рассказывали.

– Раньше не говорил, потому, как нужды в этом не было, а теперь говорю, – сказал Пал Палыч. – Реставрация старых глиняных изделий, это, можно сказать, высший пилотаж в работе с глиной, – и он рассказал ребятам, как заделывать на кентавре повреждения.

На то, чтобы починить кентавра, у ребят ушёл весь вечер. Пал Палыч очень внимательно следил за ходом реставрационных работ и самую ответственную работу делал сам, потому как находка была уникальная и ничего испортить было ни в коем случае нельзя. Наконец на кентавре сделан последний штрих и довольный Антон поднял Свистопляса над головой.

– Пал Палыч, а можно я возьму игрушку домой и немного с ней побуду, – спросил Антон.

– Зачем, пусть в кружке остаётся, – сказал Костя, и толкнул сердито брата локтем.

– Да нет, я не против, ... возьми, – сказал Пал Палыч. – Ты же её нашёл, только обращайтесь с ней, ребята, очень бережно, это реликвия. Положи её сразу в ведёрко и прикрой ведёрко сверху тканью и раньше утра в ведёрко не заглядывай, а утром можешь открыть и изделие из ведёрка вынуть. Я надеюсь на вас. .

– Это зачем накрывать тряпочкой? – спросил Костя учителя.

– Чтоб реставрированные места медленнее высыхали. Бережно всё делайте, бережно. Можно накрыть и газетой.

– Обязательно бережно, – воскликнул от радости Антон, взял Свистопляса, завернул его в мягкую тряпочку.

– И я возьму свою игрушку, – сказала Люся.

– И я, – сказал Миша Лучников.

«И я», «И я», – загалдели ребята.

– Ладно, ладно, берите, – улыбаясь, сказал Пал Палыч.

Ребята радостные ушли из клуба, было уже поздновато.

– Ты зачем игрушку взял? – сказал сердито Костя, – тоже мне собственник нашёлся... и других подначил.

– Ты просто ничего не знаешь, – сказал Антон. – Эту игрушку зовут Свистопляс.

– Как, как?

– Свистоплясом его зовут.

– Что, сам придумал?

– Не я, а он сам мне сказал.

– Кто?.. Пал Палыч!?

– Да кентавр и сказал.

Костя от такого ответа неожиданно остановился. Он даже как – то опешил и изумлённо и даже изучающее посмотрел на брата. В то, что кентавр живой и говорящий, он не поверил.

Братья Пчелинцевы шли из КЮТа в приподнятом настроении, думая над тем, как найти и другие игрушки. Они решили снова заловить Муху и хорошенько его допросить. Больше всех радовался Антон, потому что он чувствовал как у него в кармане скрябается копытом Свистопляс, желая высвободить из кармана хотя бы голову. Однако, если бы братья Пчелинцевы задержались в клубе хотя бы на пару минут, то обязательно нос к носу столкнулись бы с Вадиком Мухачевым.

Вадик вошёл в кабинет бочком, не слышно.

– Что так поздно? – спросил Пал Палыч, – все уже разошлись, да и я скоро уйду.

– Я ненадолго.

– Что, Вадим?.. желание полепить пробудилось? – спросил Пал Палыч, а сам подумал: «неспроста он вот так поздно пришёл, перед самым концом занятий».

– Подарок матери надо, вот я и пришёл, вспомнил только что, а завтра день рождения, – соврал Муха.

– Это хорошее дело. Думаю, как лепить ты ещё не забыл? – спросил Пал Палыч.

На вопрос преподавателя Муха утвердительно кивнул головой, взял кусок глины и целлофановую подложку сел за стол недалеко от Пал Палыча и стал лепить.

«Вроде и впрямь что-то делать собирается? – подумал Пал Палыч, разбирая на столе свои собственные поделки. Последнее время он пытался сделать старосаратовскую игрушку не пользуясь современными красителями, а применяя для подкрашивания только разноцветную глину. «Зря я о нём плохое подумал, – сказал Пал Палыч самому себе. – Мало ли, вот так походят, полепят, потом бросят, а по прошествии одного – двух лет приходят снова и уже надолго. Зря я так с подозрениями, это не педагогично».

На какое-то время Пал Палыч забыл о Мухаеве, ходил, просеивал сухую глину, смешивал глиняную муку, разводил засохшие краски. Дел было много, а времени не хватало, приходилось задерживаться. Когда Пал Палыч вспомнил о

Мухаеве, того уже в кабинете не было. «Зря я к нему не подошёл, – укорил себя учитель, – человек через столько времени пришёл, ... а я? Нехорошо получилось. Однако, не бежать же следом».

Глава 36. Сомнительная находка

Когда на следующий день Пегас с Мухой приехали с попутным автобусом на свалку, оттуда уже доносился громкий голос Симы.

– Работать, ... работать, бездельники, ... дохлые свиньи... Профессор? Я что ли буду хлам разбирать!? Кучка идиотов... Кормишь их, поишь, кров даёшь, а они бездельники машину мусора не могут перебрать!..

– Напоил и накормил, – пробурчал Крокыч. – ... благодетель... «Живут же люди с такой совестью», – сказал высокий бомж.

– О какой ты, Мытко, совести говоришь, – проговорил Крокыч, – этого фактора человечности мы в Симе никогда не наблюдали.

– Перестаньте разговаривать, сюда идёт, – предупредил профессор.

– Ага, ... болтовнёй занимаемся, а работать кто будет? – раздался злорадный голос Симы, и тут же раздался свист берёзового прута. Удар пришёлся по спине профессора. Прут разорвал на профессоре рубашку, выступила кровавая полоса.

– За что? – проговорил Крокыч, заступаясь за профессо-

ра.

– А было бы за что – совсем убил, – проговорил зло Сима и сплюнул.

– Хотя что ищем, скажи? – спросил Крокыч.

– Игрушки ищем, ... игрушки, я же всем говорил...

– Какие игрушки? Нас с профессором не было, сам за верёвками да за баграми посылал, чтоб растаскивать.

– Будете в подчинении у Пегого, – бросил Сима, кивнув на рядом стоящего Пегаса. – И если что? Гони в шею, – сказал он Пегасу. – Считай, что это твоя первая проверка в деле. Не будешь кисейной барышней – сработаемся.

– А его я в помощники могу взять? – спросил Пегас кивнув на Муху.

– Бери своего слепня, не жалко, только чтоб всё в ажуре, понял? – и ушёл.

– Что ищем-то? – спросил опять Крокыч, но уже Пегаса?

– Игрушки глиняные ищем, дядя, игрушки, – ответил Пегас.

– Знаем, что игрушки, только непонятно как-то. Что, дорогие они?.. по ошибке выбросили?.. или как?

– Может быть даже и культурную ценность составляют, – бросил Пегас и, замолчав, отошёл к следующей куче. Да, он снова увидел того самого бомжа старичка. Что-то никак не верилось, чтобы это был тот самый профессор Позолотин – «В таком месте, босой, рубашка какой-то верёвочкой подвязана, – думал Пегас, – мало ли кого и как зовут... Потом,

информация от Симы вряд ли достоверна. Он этим хотел приблизить Лёню, вот и выложил замануху. Не похоже, чтоб профессор», и Лёня отошёл к следующей куче.

– Профессор! Игрушка, это уже по твоей части, – сказал художник Позолотину, когда Пегасов ушёл. – Правда, от этого пацана мало чего узнаешь, – и он кивнул в сторону стоящего у другой кучи Пегаса, – да и от Симы тоже.

– Здесь и узнавать не надо, – ответил Позолотин. – По привезённому мусору, можно сказать, что сломали старый дом. Видите, Семён Ваганович, черепицу?

– Вижу, ну и что?

– А то, что черепицей в нашем городе уже сто с лишним лет дома не кроют. Дому не менее ста лет. Потом, видишь, элементы наличников – ажурная прорезная деревянная вязь с козырьками.

– Покажите, Вениамин Павлович...

– Так вот же, вот... Голубки, а под ними карнизик резной, а сверху голубка козырёчек. Обратите внимание, Семён Ваганович, на чугунное литьё печных элементов. Всё это делалось не при советах, а гораздо раньше, ещё при царе. Потом, кирпич печной...

– А что кирпич? Кирпич, как кирпич, – и художник поднял с земли обломок кирпича.

– Не простой это кирпич, на каждом печать стоит, опять же размеры нестандартные. Раньше кирпичи делались других размеров. Эти стандарты не раз менялись. По кирпичам

можно определить год их изготовления, а стало быть, и возраст строения. Дом, Семён Ваганович, очень старый. Уж поверьте мне как искусствоведу. В чём, в чём, а уж в этом-то я разбираюсь... Но, не это главное, дорогой друг. В городе есть дома и постарше. Главное то, что сказал Сима – «мы ищем глиняную игрушку» и, наверняка, это местная глиняная игрушка. – Глаза у профессора засветились. – Я знал, что она каким-то образом всплывёт, покажется, понимаете, ... знал. Именно ей, Семён Ваганович, я и занимался последнее время на кафедре – опросил сотни стариков, составил словесный портрет этой игрушки. Вы бы нарисовали эту игрушку с моих слов, чтоб рабочим показать?

– В нашем-то положении... – изумился Крокыч.

– А почему бы и нет... – на мысль нельзя надеть наручники, дорогой друг, душу нельзя отстегать кнутом. Она всегда свободна. Я вот хоть и подневольный у Симы, а чувствую себя гораздо свободнее его. Он меня кнутом, а мне его жалко. Жалко, что в человеке, рождённая быть свободной, душа – мается в темнице его помышлений и пропадает. Это он не меня, Семён Ваганович, прутом стеганул, а свою душу несчастную стеганул.

Они замолчали. Через некоторое время Крокыч сказал:

– Вы, Вениамин Павлович, я смотрю, очень лихо заработали. Может быть от Симы благодарность заслужить хотите?

– Если бы вы, уважаемый художник, не были мне другом, то я бы обиделся, – разогнувшись, сказал Вениамин Павло-

вич. – У меня стимул к труду появился. Первый раз подневольный труд в радость, – и профессор засмеялся.

– Поделитесь, ... может быть, и я воспылаю любовью к рабству? – сказал непринуждённо Крокыч.

– Я вот о чём, Семён Ваганович, думаю и не только думаю, но и уверен – мы ищем эту, мою игрушку? Потому и руки сами к мусору тянутся...

– Дорогой мой профессор!! Простите, я об этом не подумал, ... раз так, то мы должны найти её, быстрее чем другие.

– Пусть хоть кто-нибудь найдёт, мне всё равно, главное, чтоб нашли, да мне одним глазком на неё взглянуть.

– Они найдут и Симе отдадут, да на водку попросят, а Сима директору на блюдечке принесёт или ещё кому отдаст. А потом куда её сплавят? – никто не знает, – сказал Крокыч резко.

– Может, браткам, об этом шепнуть? – сказал Вениамин Павлович, – уж больно низкий процент вероятности, что игрушка попадётся именно нам.

– Мы никого из них не знаем, – дойдёт до Симы и будет беда. Это не важно, что он нас побьёт, он нас от работ может отстранить...

– Вон нам подмога идёт, – проговорил Позолотин, кивнув на приближающуюся группу людей.

– Сима с размахом дело делает – добавил Крокыч. – Стоп! Среди них вижу нашего знакомого.

– Кого?

– Помнишь к нам Валет приходил?..

– Конечно помню... Как же я могу такое забыть? Меня до слёз проняло. Может быть с ним поговорить, наш человек... Вы тут пошебуршите для видимости, а я сейчас, – и Крокыч, делая вид, что решил стянуть с кучи лесину, пошёл навстречу прибывшим.

Валет сразу узнал Крокыча.

– Что, ... и вы здесь? – спросил он художника, пожимая ему крепко руку.

– А как же, – наигранно важно сказал художник, – в первых рядах.

– Что, и профессор кучи разгребают? – удивился Валет.

– И он тоже; в рабстве все равны.

– Сима старается, или кто ещё приказал? – поинтересовался Валет.

– Нет, ... пока он один, – проговорил Крокыч и кивнул на Пегаса с Мухой. – Вон ещё двоих надсмотрщиков нашёл, боится, гат, боится посмотреть.

– Нам сказали, что какие-то глиняные игрушки будем искать.

– Правильно сказали, – подтвердил Крокыч, – а теперь слушай, – и он понизил голос до шёпота. – Позолотин уверен, что мы ищем ту самую игрушку о которой он пишет в своей книге, старую саратовскую, ... понял?

– Как не понять, мы понятливые, ... а что делать надо? – так же шёпотом спросил Валет.

– Ты кого-нибудь из прибывших знаешь?

– Не вопрос, многих, но не всех. Есть наши, а есть и не наши, но такие же странники как и мы. Среди наших могу положиться на Рябого, Шкоду, он в зелёном свитере, Илюху, и он кивнул в сторону щуплого болезненного парня. С Илюхой мы два года на одной трубе спим. Однотрубниками зовёмся. Так что будь спок, не подведём.

– Какой из твоего Илюхи работник, он же кое как себя носит. – Проговорил Крокыч глядя на испитое лицо бомжа, которого Валет назвал Илюхой.

– Нет, перекладывать с места на место он может.

– Что с ним?– спросил Крокыч, молодой ещё.

– Што, што? По закону хотел жизнь построить. Поддался на рекламу. Те, кто об этом кричит, хитренькие. Они по закону сами не живут, а народ подначивают. Вот и нашего Илью подначили. Ему один из новых русских так и сказал: «Хочешь из твоей же квартиры тебя выселю и будет всё по закону», а Илюха в бутылку «не имеее права». Вот ему и прописали закон. Сделали так, что и жена ушла, и квартиры лишился, а потом и здоровья. Подрядился на дачах кирпич носить рано весной. То ли надсаднился, то ли простыл, холодно было. С тех пор и чахнет. А этот, новый русский, однажды его увидел, открыл дверку машины и спрашивает: «Ну, что, одумался или нет, законник?». Илюха стоит и молчит, только землю носком ботинка ковыряет. «Стало быть не одумался» – заключил тот, что в машине. – Живи дальше»

Вот так. Можно сказать за правду пострадал. Помрёт, конечно. Только не он первый и не он последний... Все там будем.

– Ну, раз ты их знаешь, тогда тебе и карты в руки.

– Хорошо, чтоб и все козыри у нас были, – пошутил Валет.

Кромыч же, не обратив на его шутку внимания, проговорил:

– Надо предупредить, что если кто найдёт, то надо сразу спрятать, чтоб ни Симе, ни этим двум, – он кивнул на Пегаса и Муху, – в руки не попало, понял?

– Чего ж не понять. Всё даже очень понятно. Тузы, конечно, у них, у нас на руках одни шестёрки, зато со всей колоды. Но это, смотря в какую игру играть? Шестёрка она ведь и туза берёт, когда надо, – и Валет, показав ряд белых зубов, улыбнулся.

– Только осторожнее... – предупредил Валета Кромыч.

– Хорошо. Я к дальним кучам Илюху поставлю, муха не проскочит. После чего Валет переговорил с Илюхой и вот они как бы перебирая мусор, стали переходить от одного рабочего к другому, потихоньку с ними перешёптываясь. Рабочие согласно кивали головами, одобряюще посматривали в след Валету и Илюхе. Но не успели они обойти всех вновь прибывших, как у дальней кучи раздался крик: «Я нашёл!! Я нашёл!!». Кричал высокий худой бомж, махая рукой с зажатым в пальцах изделием.

Рабочие недоумённо переглянулись, а Илюхастоя поблизости, проговорил: «Оглобля, заткнись!».

К кричавшему сразу бросились Лёня и Муха. Сима нахо-

дился в это время в вагончике, но и он услышал крик. Рабочие тоже потянулись к последней куче. Пегас первым подошёл к рабочему и выхватил у него из рук глиняную игрушку. Тут и ещё есть, проговорил высокий рабочий, которого называли «Оглоблей», засовывая руку под балки и вытаскивая изделия.

– Вениамин Павлович! Вениамин Павлович! – громко позвал профессора Крокыч.

– Что случилось, – послышался голос профессора.

– Идите сюда, ... игрушку нашли, ... может быть она?

– Только поосторожней с ней, пожалуйста, – громко сказал профессор, – я сейчас.

На шум прибежал Сима. Распорядившись всем разбирать последнюю кучу, он велел немедленно принести найденные фигурки к нему в вагончик и ушёл.

– Неси, – сказал Мухе Пегас. – Вон в коробку сложи и носи, да осторожней, тряпочку постели, чтоб не потёрлись, а сам наклонившись, а затем встав на колени стал обследовать место, где найдены были игрушки.

Такой поворот событий не входил в планы Пегаса. Он заметил недружелюбное ворчание бомжей в адрес того бомжа, которого называли «Оглоблей» и по сердитым лицам никак не мог понять, что же происходит? Ведь нашли игрушки, должны радоваться. А они? «Возможно, что это только маленькая часть коллекции, – думал он. – Странно... Странно ещё и то, что он не испытывал никакой радости, от того, что игрушка

нашлась. Ему внутреннее чутьё говорило, что здесь что-то не так, но что? Вдруг это не та игрушка? А вдруг это кукла для Симы? И эту куклу подбросили, чтобы Симу сбить с толку. А если кукла, то кому это нужно? Может это Костян с братом их всех разводят? То какова цель и что они от этого имеют? Непонятно. Разве только если затянуть на какое-то время поиски?.. Правда, Лёня тоже хотел подсунуть Симе куклу, но только после того, как будут найдены настоящие игрушки, поэтому и послал Муху в клуб лепить, только лепщик он оказался неважный». Пришлось от этой идеи отказаться.

Пегаса смущало ещё и то, что найденные изделия лежали кучно, в одном месте, будто их кто туда положил. Никакой сумки или ящика рядом не было. Если без сумки или ящика, то они бы при погрузке и выгрузке разлетелись в разные стороны. «А если их Оглобля нашёл в сумке и высыпал? – задал он себе вопрос. – Спросить? А чего добьёшься? Вон как недоверчиво и подозрительно смотрят, ... что угодно скажут. Больно уж чистенькие, ... тут что-то не так...». Пегас попытался настроится на игрушку, поморщился. «нет, на свалке это делать бесполезно, – подумал он, – слишком много разных антикварных вещей здесь захоронено, сплошной антикварный могильник...».

Пегас снова подошёл к тому месту, где были найдены игрушки, засунул руку под балку, пошарил там рукой, вытащил руку, сел на балку, посмотрел на рабочих, перехватил

недружелюбный взгляд Крокыча, задумался, бросил взгляд на вагончик. «Задерживается у Симы Муха, задерживается...»

Затем стукнул себя по колену кулаком, встал и медленно стал обходить сваленные кучи, дошёл до зарослей лопухов, постоял, увидел искореженный ящик из под мыла, поставил на него ногу, стал обирать со штанины репьи. Что-то вроде улыбки скользнуло по его лицу.

– Что тут у вас? – спросил профессор, подходя к Крокычу.

– Игрушку нашли,... только вы долго шли,... Симе унесли.

– Мне бы одним глазком взглянуть, – загорелись глаза у профессора.

– Сейчас посмотрите, – весело сказал Крокыч. Думаете, Сима без вас обойдётся? Он же в этом деле барабан.

– Значит, всё-таки она приехала к нам? – весело и немного возбуждённо сказал профессор... Что молчите, Семён Ваганович!?

– Да не молчу я, тоже душа радуется. Между прочим, я тут кое-чего узнал... Братки говорят, что дом на Большой Горной сломали, там игрушечница жила, недавно умерла. Она и лепила из глины эти игрушки. Наши всё знают, особенно насчёт старых домов, подвалов, теплотрасс, сами знаете...

– Это просто великолепно! – потёр ладони Позолотин, я так рад. Я даже иногда думал: «Найдётся игрушка, подержу

её в руках, допишу последнюю главу, лягу под черёмуховый куст, положу на лицо лист лопуха и скажу: Забирай меня, Господи, Позолотин дожил до своего часа».

– Ну-у-у, вы, Вениамин Павлович, даёте... – укоризненно воскликнул Семён Ваганович, и тут же добавил, – Что-то Сима долго на игрушку не реагирует.

– Я просто с ума схожу от нетерпенья, – улыбнулся профессор.

– Сейчас появится, – заверил художник.

Через минуту слова художника подтвердились. Открылась дверь вагончика и Сима приказным тоном позвал профессора к себе.

– Вот видишь, – улыбаясь сказал Крокыч, – говорил же, ... идите, зовёт.

– Я сейчас, ... я быстро, – обрадовано сказал Вениамин Павлович и заспешил к Симиному вагончику.

.....

Как только Муха вошёл в вагончик, Сима велел поставить коробок на стол, вытащил из него игрушки и стал рассматривать.

– Что скажешь, букашка? – спросил он весело. – Молодцы! – Затем, повернувшись к Мухе, спросил, – Давно у Пегого служишь?

– Мы дружим... – ответил Муха.

– Дружбы не бывает, – отрезал Сима, – есть интерес и ничего больше. Это сказки для детского сада... Согласен?

– Не знаю...

– А я знаю!.. С сегодняшнего дня будешь ходить с Пегим, а работать на меня. Понял?

– Как это?

– Просто... Медок будешь в соты носить.

– Какой медок?

– Информацию. Мне около Пегаса свой человек нужен, моими глазами и ушами около него будешь.

– А если откажусь?

– Не откажешься,... потому, как скажу я Пегому, что ты мне такую услугу сам предложил и что, по-твоему, сделает с тобой Пегас?

– Он не поверит, – первое, что пришло в голову, сказал Муха, лихорадочно прокручивая варианты ответа. Такой оборот дела в его планы не входил.

– Да ты не парься... – сказал дружелюбно Сима, – всё решено,... я тебя сразу срисовал, как только ты на свалке появился,... глянул на твою рожу разок и готово.

– Чем же моя рожа тебе приглянулась? – спросил Муха, чувствуя как Сима забирает над ним власть. Казалось, что он видит человека насквозь и прячется от его взгляда Мухи-на душёнка, бегая по телу, пытаюсь укрыться от вездесущего взгляда Симы, и добежала уже до пяток.

– Рожа у тебя облизанная... – бросил Сима. – Такие облизунчики только холуями бывают, – и засмеялся нервическим тихим смехом, выпуская звуки сквозь редкие прокуренные

зубы. – Что ж, доверяй, но проверяй, – проговорил Сима и, открыв сапогом дверь вагончика, крикнул: «Профессор, ... мать твою, ... ко мне, каналья старая.

Дождаясь профессора, Сима продолжал изучающе, с прищуром, смотреть на Муху. – Посмотрим, поглядаем, – говорил он, раскатывая папиросу между пальцами. Вошёл профессор, вопросительно посмотрел на Симу.

– Посмотри, вон в коробке на столе, что это за хрень? – и Сима кивнул на коробок с игрушками. Вениамин Павлович подошёл, взял одну из игрушек и стал рассматривать.

– Что это? – нетерпеливо спросил Сима.

– Да, это саратовская игрушка, – проговорил профессор. – Стиль, манера росписи, вот эти геометрические оттиски. Это она... – Руки профессора от волнения дрожали, однако чем дольше он рассматривал игрушку, тем большее недоумение появлялось у него на лице.

– Что ещё? – спросил Сима, заметив изменения в лице профессора.

– Точнее, эти изделия можно отнести к саратовской глиняной игрушке, а дальше надо заниматься научным анализом.

– Ладно, ... иди, – сказал Сима профессору и когда за тем закрылась дверь, повернулся к Мухе и, раскачиваясь в кресле и глядя в потолок, проговорил как бы размышляя: – Старая коряга, решил правду скрыть. Ладно, не говори. Анализ ему понадобился! Лабораторию ему подавай! Не на того на-

пал. А ты, – он в упор посмотрел на Муху. – Решил, значит, Симу кидануть?! Ай, поганец, ... ну откуда только такие поганцы берутся? Молодца... Молодца... И как, ты это один придумал или с Пегим на пару? Только не думаю, чтоб с Пегим, он такого прокола не сделает.

– Один, – проговорил тихо Муха. – Пегас не знает.

– Во!.. Даже друга киданул... И меня бы киданул, если б не профессор. Выше науки, милок, не попрёшь. У меня тут и эксперты, и криминалисты, если надо, под рукой. – Затем помолчал и добавил, – Это хорошо, что один, ... очень даже хорошо, значит соображение имеешь. Ладно, этот вопрос оставим, обговорим потом, а сейчас иди к бомжам и с Пегого глаз не спускай, понял. Ступай. Да, кстати, вот на, – и он подал Мухе бутылку водки, – отдашь Оглобле, тому, кто это нашёл, – и он кивнул на лежащие на столе игрушки, – и пусть работают, скажи: «за Симой не заржавеет».

Мухаев пошёл к двери, но Сима стукнул по столу кулаком. Муха то ли от страха, то ли от неожиданности остановился и втянул голову в плечи.

– Запомни, Мухобой! Завтра я сменю всю бомжатуру, договариваться бестолку, пусть Пегас не парится. Но это я не для него говорю, а для тебя. Чтобы ты знал и на ус мотал... Скажу больше, хотя и не надо бы... Завтра Пегас на площадке не появится, попомни мои слова. Теперь иди и думай, да прикинь насколько Сима дальше тебя видит?

– А если я о нашем разговоре Пеге скажу? – выдавил, не

поворачиваясь, Муха.

– Не в твоём это интересе, ... что-то сольёшь, а что-то прибережёшь. Не ты первый, не ты последний, психология.

Муха, как ошпаренный, выскочил из вагончика и столкнулся с Пегасом.

– Нам в город надо, поздно уже, – сказал Пегас, – ближай-шие кучи почти что растаскали.

– А тут? – спросил Муха, пряча глаза.

– Нам здесь делать нечего, – бросил Пегас. – Оставаться тут, значит быть у Симы на подхвате, то есть быть пешкой в чужой игре. Давай, сваливаем. Нам игрушки Сима не отдаст. Потом не только мы и Сима пасём эти игрушки, но и работяги тоже. Я краем уха слышал отдельные фразы, Валет с бомжами говорил. Его, дружан, Илюха даже крикнул на Оглоблю, когда тот игрушки обнаружил.

– А Валет на кого работает? – спросил Мухаев.

– Валет, думаю, с Крокычем в связке. К нам с опаской относятся. Так что если и найдут, лопухом накроют и ни мы, ни Сима и знать не будем. Давай, сваливаем. Я тут на этот счёт придумал кое-что, потопали по-тихому.

– Симе надо сказать, что больше ничего не найдено, – смущаясь, сказал Муха. Уши у него при этом покраснели и это тоже не прошло мимо Пегиного глаза.

– Иди, отчитайся, – сказал он. – По глазам вижу, что он тебя под себя гребёт. Или уже подгрёб?

– Что-ты, Пега, как можно!?! – стал отнекиваться Муха.

– Всё возможно, Муха,... всё,... особенно у Симы. И не отнекивайся, лучше скажи в открытую, вместе чего-нибудь придумаем. Это у него излюбленный приём – иметь везде свои глаза и уши. И не пытайся смотреть на меня невинным взглядом.

– Да ты что?

– То, Муха, то. Мне не ври – глаза выдают. И хватит об этом. Сам думай. И потом, ты что забыл, что мы с доцентом должны встречаться? Он на одиннадцатое встречу назначил.

– На три часа, я помню.

– А после трёх мы здесь должны быть, понял?

– Может быть с бомжами переговорить, – сказал Муха.

– Бестолку. Они на контакт не идут, видно предупреждены.

– На счёт чего?

– Здесь, по-моему, предупреждены и насчёт чего и насчёт кого, то есть насчёт нас с тобой тоже. Я пытался с Крокычем говорить, а он подозрительно так на меня глянул и в сторону отошёл, с профессором стал шептаться. В общем глухо.

– А профессор, – он что, точно профессор?

– Ты над этим не парься, лучше скажи, что профессор Симе наговорил?

– Говорит, что очень похожа, что надо анализировать.

– И всё?

– Всё.

– Странно, сказал Пегас и испытующе посмотрел на Му-

ху. – Здесь что-то не так.

– Что не так?

– Сказанное профессором только подтверждает мои догадки. Ладно, разберёмся, пошли...

– Ты тоже думаешь, что эта игрушка не настоящая? – спросил Муха.

– Индюк думал, да в суп попал. Единственное, что обнадеживает – не профессионально сработали, не спецы... Старить надо было им игрушку, старить, в пыли хорошенько обвалять, в куче в разные места засунуть, трухой натереть, мелким боем присыпать, так что с куклой прокол у них получился, пошли давай.

– А как же Симино предложение?

– Плевать и на Симу, и на его предложение.

– Ты не согласен! – удивился Муха. – Что ты решил?

– Пока ничего, но инициативу надо брать в свои руки. Я сегодня приехал, думал тут чего-нибудь склею – мимо. Остаться тут и на завтра – значит проиграть Симе всю партию.

– Ему и тем, кто за ним стоит? – добавил Муха.

– Сейчас никто за Симой не стоит, – резко сказал Пегас, – сам свою партию разыгрывает. Если б стояли, то тут лимузины б крутились и Сима как ошалелый бегал.

– Ты так думаешь? – сдвинул брови Муха.

– Уверен... как дважды два. Без хозяина решил дело провернуть. Такой ход в криминальном бизнесе не нов. Только ты об этом не парься. Сима на завтра перерыв объявил.

– Правда!

– Правдой тут и не пахнет. Не я буду, если завтра Сима не заменит бомиков, что кучи перебирают. Осторожный. Всё просчитал, на два хода вперёд.

– Ты что, Пега, его мысли читаешь? – удивился Вадик.

– Не читаю, а размышляю... С Крокычем и профессором ему отношения портить не резон. Ты думаешь, он не просёк, что приживалы у него хотят игрушку перехватить? Не беспокойся, он их просчитал как дважды два. Думаю, он им завтра краплёные карты подсунет.

– Какие краплёные?

– У тебя чего, совсем голова не соображает? Завтра кучи будут разбирать только те, кого Сима лично знает. Сегодня удалось Крокычу обговорить с братухами ситуацию, а завтра приживалам Сима кислород перекроет, другие будут работать и на сговор с приживалами не пойдут.

– Он что, других людей наймёт? – спросил удивлённо Муха. Удивившись прежде всего тому, что Пегас буквально повторил сказанное Симой.

– Это как дважды-два.

– Завтра, значит, можно сюда не приезжать совсем?

– Завтра работы начнутся с обеда, раньше Симе новых бомжей не набрать. Ишь ты, на завтра он перерыв объявил,... тоже мне, профсоюзный деятель. Время ему нужно, время, Муха, и ничего больше, так что у тебя завтра до обеда выходной, можешь на своих плотках плавать, я к трём на

встречу. После обеда чего-нибудь придумаем, не бойсь.

– А ты?

– До обеда меня не ищи.

Дальше шли молча. Вскоре они сели под мостом на последний дачный рейсовый автобус, следовавший из Синеньких, и поехали в город.

Глава 37. Горбатая ворона

– Эти двое свалили, – сказал Крокыч, подходя к присевшему на стропилину Вениамину Павловичу. – На сегодня шабаш, пойдемте в хибарку.

Однако Вениамин Павлович не поднимался.

– Вы что, Позолотин, решили во вторую смену остаться?

– Т-с-с, произнёс Позолотин, поднеся палец к губам и кивком указал Крокычу на стоящую у оврага бочку. Художник посмотрел в указанном направлении и замер – на бочке выхаживала взад и вперёд горбатая старая ворона. Крокыч таких и не видел никогда. Сразу бросилась в глаза её на полголовы грязно-фиолетовая лысина, ошипанный хвост, кривоватый клюв и большое, на весь левый глаз, бельмо.

– Экая уродица, – сказал профессор.

– Ты это чего к нам, бельмовая, прилетела!? – крикнул Крокыч.

После его слов ворона ещё больше сгорбилась и, взмахнув крыльями, неуклюже спикировала в овраг и больше уже из него не показывалась.

– Не увидел бы – не поверил, – сказал вслед вороне Вени-

амин Павлович.

– Вот и не верь сказкам, – усмехнулся художник, – аж мураши по коже забегали. Помните наш давнишний разговор? То была теория.

– Пошли, Ваганыч, – и оба неторопясь зашагали к своей хибарке.

– Сима консультировался по игрушкам? – спросил Крокыч и кивнул на вагончик, – поделитесь впечатлением, что-то не вижу особо радостного блеска в ваших глазах, кроме отдельных искорок.

– Всё не то, Семён Ваганович, всё не то, ... однако это тоже информация. Вижу у вас, художник, глаза поблёскивают, не иначе что-то узнали?

Они вошли в хибарку и стали стаскивать запотевшие рубашки.

– Давайте постираю, – сказал Крокыч, беря рубашку профессора.

– Если вам не трудно, Ваганыч, почините пожалуйста, а то у меня глаза плохо видят, нитку в ушко не вдену. Сима, испортил вещь. Отчего глаза поблёскивают?.. скажите, не испытывайте старика.

– Пока вы, профессор, ходили к Симе, мы тоже для вас кое-чего приготовили, точнее не мы все, а Оглобля. – Торжественно начал Крокыч. – Он, когда игрушки нашёл, то не сразу шуметь стал, а сначала пару игрушек припрятал, а потом уж закричал, – и Крокыч подал Вениамину Павловичу

глиняного баранчика и конька. Профессор взял в руки игрушки и проговорил:

– Кажется вы, уважаемый художник, преподнесли мне сюрприз. Эта игрушка значительно отличается от той, что я видел у Симы в коробке. Там уровень изготовления гораздо ниже, можно сказать уровень начинающего лепильщика, а не профессионала.

– Не тяните за душу, профессор?

– Да-да. Это, Семён Ваганович, действительно саратовская глиняная игрушка.

– Что ещё скажете?... Не томите душу.

Профессор говорить не спешил, он внимательно рассматривал, то одно изделие, то другое, качал головой, покрякивал, потом сдвинул очки на лоб, стал рассматривать игрушку без очков, приблизив её к глазам.

– Одна из них тянет на старину, даже очень тянет. Я бы сказал, что этот конёк прискакал к нам из прошлого столетия, но...

– Что но?..

– Меня смущает его соседство вот с этим рогатым господином, – и профессор указал на баранчика. – Баранчик из того же семейства, что и другие игрушки, найденные Оглоблей, только сделан на порядок качественнее.

– Так его Оглобля и отложил, потому, что приглянулся...

– Баранчик, Семён Ваганович, современного изготовления.

– Как вы определили?

– Вот видите эти идеальные звёздочки на баранчике? Эти оттиски сделаны в век техники. Разве мог мастер в старину добиться такой точности в изготовлении штампов? Он ведь что использовал при их изготовлении: нож, раскалённую проволоку, а тут? Оттиски звёздочек просто идеальны или вот на боку выдавлен круг с внутренней насечкой. В качестве штампа мастер использовал деталь очень небольшого зубчатого привода, например от заводных игрушечных автомобильчиков. Нет, эта игрушка решительно не с прошлого и тем более с позапрошлого века.

– А чему же радуетесь? – спросил Крокыч.

– Меня конёк откровенно радует. Это та же рука и глубокой стариной здесь тоже не пахнет, а вот проработка рельефных рисунков велась мастером старинным способом, без всяких современных наворотов. Штришки сделаны палочкой с острым концом, а эти углубления, рядом, сделаны той же палочкой, только тупым концом. По спине идут углубления от штампа-тройчатки – такой рисунок легко вырезался ножом на торце палочки. Глаза тоже оттиснуты.

– Так почему вы конька поначалу отнесли к старинному изделию, а то вдруг раз, и уже к современному.

– Правильно. Я только в последний момент увидел, что глаза у конька и у барашка оттиснуты одним штампом. Видите вот эту выщерблинку, что оставил инструмент? – и профессор указал на глаз конька.

– Вижу, ... и что?

– Такая же выщерблинка имеется и на глазу баранчика. Это говорит о том, что глаза у обеих игрушек сделаны одним инструментом. И если мы относим баранчика к современным изделиям, то и конёк тоже не менее современен. Просто игрушка-конёк делалась специально под старину.

– Получается, что обе игрушки делал один мастер? – удивился Крокыч.

– Не обязательно. Инструментом могли пользоваться и другие, например ученики мастера.

– Глаза, Вениамин Павлович, оттиснуты очень оригинально, думаю, что этот штампик было нельзя изготовить вручную, – добавил Крокыч.

– А вот тут вы, Семён Ваганович, ошибаетесь. Для оттиска глаз делались специальные палочки-глазнички.

– Так это же токарная работа! – воскликнул Крокыч.

– Нет здесь никакой токарной работы, – спокойно и со знанием дела сказал Вениамин Павлович. – У палочки конец скруглялся на брусочке. Палочку мастер зажимал между ладонями и прокатывал – палочка вращалась и ширкалась концом о брусок, таким образом достигалась хорошая круглость, чем не примитивный токарный станок.

– А выступ-зрачок в середине как образовался? – заинтересовался художник.

– И это очень просто... мастер брал проволоку, шильце или гвоздик, нагревал докрасна кончик и в середине скруг-

лѐнного торца прожигал неглубокое отверстие. При оттиске это отверстие в середине штампика давало мастеру выпуклость – зрачок.

– Так чему же вы радуетесь, если это не старинная игрушка? – спросил Крокыч, – так бы сразу и сказали, что это подделка под старину и ценности эта игрушка никакой не имеет.

– Нет, Семѐн Ваганович, этот конѐк по большому счѣту не подделка. Мастер не делал копию с оригинала, тем более, что оригинала у него, по всей видимости, и нет. Вы всмотритесь оком художника, а не искусствоведа и обязательно найдѣте свои подтверждения моим выводам.

Крокыч взял в руки игрушки и тоже стал их пристально рассматривать.

– Вы правы, Вениамин Павлович, – сказал он через некоторое время. – Я ведь смотрел на неё сначала как на оригинал, потом как на подделку, а теперь, с вашей подачи, вижу в ней совсем другое.

– Что же вы видите? – заинтересованно спросил профессор.

– Игрушка делалась в полѣте фантазии мастера. Когда мастер что-либо подделывает, а по сути – копирует, он скован, его движения не свободны. Какой там полѣт фантазии! Сам по себе знаю. А здесь? Посмотрите на изгиб шеи. Изгиб делался одним движением руки, ... одним движением, профессор... Живо, свободно, без комплекса осторожности, боясь сделать что-то не так. Вы меня понимаете?

– Да, да, ... понимаю, говорите, ... говорите, я слушаю.

– Так может лепить только очень талантливый мастер, который свободно творит, не опираясь на схемы, шаблоны и заготовки. Эта игрушка создавалась в полёте фантазии, я бы даже применил такое слово, как экстаз. Экстаз самоотречения, ... профессор. Это состояние, когда ваятель мысленно уходит из этого мира, его душа парит свободно и легко, она свободна. Ни что не сковывает его творческого «Я»: ни забота о порванной обуви, ни косые взгляды жены. Он только телом в этом грешном мире. В это время он только духовен и своим талантом тоже служит духу. Вот почему изделия, сделанные в творческом порыве, отличаются от изделий, сделанных мастером не находящимся в духовном полёте. Находиться в духе, это значит, профессор, находиться в любви. Художественный дар без божьего присутствия – творческий вандализм.

– Продолжайте, продолжайте, я вас очень внимательно слушаю.

– Игрушка это, или картина, или другое произведение искусства только тогда имеет право называться искусством, если оно ведёт человека к богу. Само полотно художника должно быть этой дорогой. Если нет – то это псевдоискусство, и даже скажу больше и резче – это антиискусство, дорогой профессор. Не так ли?

– Вы читаете мои мысли, Семён Ваганович. Я бы даже сказал, что антиискусство – это возгордившееся искусство, оно

услаждает собственную гордыню, собственный слух, собственное око, оно восплаяет в человеке гнусные желания и всякое непотребство, ведя человека к гибели. Я даже, Семён Ваганович, чуть-чуть в этом плане пофилософствую.

– Я, Вениамин Павлович, всегда рад слышать ваше мнение, знать ваши взгляды...

– Я, Ваганыч, уверен, что каждое большое произведение по сути своей должно быть литургично. Да, в нём будет виден смрад, который окружает человека и путь, по которому он должен пройти, чтобы обрести истинную свободу. Да – да истинную, вы не ослышались, свободу в Иисусе Христе. Других свобод не бывает, это обман, желание увести человека, направить по ложному пути. Вся эта блистающая мишура современного мира, это, по сути, ложный дорожный знак для человека и человечества. Знак стоит со стрелкой – «только налево», а там яма.

– Можно, профессор, и мне дополнить именно эту часть вами сказанного, сейчас лопну от нетерпения, мысль народилась.

– Что ж, новорождённым всегда рады, – и Позолотин улыбнулся.

– А вам не кажется, что бессмертное произведение Сервантеса «Дон Кихот», сейчас обрело своё второе дыхание.

– У меня есть на это соображение, Ваганыч, но хотелось бы услышать сначала вас.

– Мне кажется, что все эти современные экранные герои с

накачанными мускулами, вооружённые по последнему слову техники – есть Дон Кихоты, нарастившие мышцы. Суть одна – они так же сражаются с ветряными мельницами. Спасая планету, материк, город, они, прежде всего, спасают его от овеществлённого зла, а зло оно не рядом с человеком находится, оно в самом человеке устраивает своё жилище. Вот и получается, что современный странствующий рыцарь, поражая, как ему кажется, носителя зла, не поражает само зло, это и есть его ветряные мельницы. Что вы на это скажете, профессор?

– Я скажу на это лишь то, что мы с вами, дорогой художник, отвлеклись. Давайте вернёмся к нашим баранам, – и он кивнул на игрушечного баранчика. – Вы красиво сказали об антиискусстве, Семён Ваганович, этак вдохновенно, ... я вам верю. И верю не потому, что ваш слог прекрасен, а потому, что каждое ваше слово находит поддержку в моём сердце, оно искренно. Ум ещё не успел оценить сказанное, разложить по составляющим, а душа уже приняла без всякой мозговой экспертизы... Хотите, я добавлю к вашему мнению, насчёт игрушки ещё один штришок.

– Да-да... я слушаю, профессор.

– Мы сошлись во мнении, что изделие делалось специально под старину. И я этому приведу ещё одно доказательство. Видите, штампиковые углубления подкрашены не гуашевыми красками, а коричневой глиной.

– У вас хороший глаз, профессор, насыщенности действи-

тельно нет.

– Рука одна делала, Семён Ваганович, что барашка, что конька.

– Разрешите с вами решительно не согласиться, – сказал Крокыч. – В этом деле у меня глаз более натренирован, чем у вас. Игрушки делали разные люди, а вот стиль один и тот же.

– Что вы этим хотите сказать?

– А то, что такие вещи происходят, когда делает учитель и ученик. Ученик, чаще всего копирует учителя. Вот и здесь, конька явно лепил учитель, а баранчика – ученик. И скажу вам – неплохой ученик.

Профессор ещё раз осмотрел обе игрушки и сказал:

– Убедили, Семён Ваганович, вы тонкий художник, такое увидеть не каждому дано.

– Я смотрю – вы радуетесь просто как ребёнок, хотя сами говорите, что игрушка современная, – заметил Крокыч.

– Я радуюсь тому, что всё-таки нашёлся мастер, пожелавший лепить старую игрушку. Традиции, оказывается, не умирают. Только как, среди явно ученических поделок, оказались конёк и барашек – это загадка?

– Может быть, эти игрушки подбросили, чтобы Симу с толку сбить? – сказал Крокыч.

– Это уже из разряда криминальной фантастики, – ответил профессор. – Если в таком плане рассуждать, то вскоре нарисуеться целая криминально-детективная история, с целью – заполучить изделие в свои руки любой ценой с пере-

стрелками, захватом заложников, ликвидациями свидетелей и в центре событий обязательно будет стоять криминальный синдикат с далеко идущими планами и иностранным партнёрством. Нет... нет... нет,... дорогой Семён Ваганович, не будем тратить наше серое вещество на эти нелепости, я учёный, а не голливудский сценарист низкопробных сюжетов. Меня от этих фантазий увольте.

– Как знать,... как знать, – проговорил Крокыч. Я просто в своей гипотезе отталкиваюсь от простой логики и не витаю в облаках, в которых летают создатели книг о криминале. Моя логика проста – если есть силы действия, ищущие игрушку с целью наживы, то почему бы и не быть силам противодействия, тоже ищущих игрушку, но только с целью её спасения?

– Вы, что, на себя и меня намекаете?

– Хотя бы и так.

– Что-то на грозную силу мы не совсем тянем, – улыбнулся Вениамин Павлович, – разве что к любому выброшенному шедевру мы географически находимся ближе других.

– Жаль, что в нашей среде нет ни одного сыщика, – сказал художник, – приживалы замолчали. Каждый стал думать о своём, потом понемногу опять разговорились, Вениамин Павлович стал вспоминать давнюю встречу с одним энтузиастом, преподавателем из какой-то детской организации, хотевший восстановить игрушку, он приходил к профессору за консультацией. В голове у более экспрессивного Крокыча

появлялись иные картинки, а точнее, вырисовывался целый сценарий детективного плана. Так, думая и тихо переговариваясь, Крокыч и профессор не заметили, как кто-то подошёл к их хибарке.

– А вот воровать, господа бомики, как-то неприлично! – проговорил Сима, распахивая дверь и выростая на пороге. – Кого хотели между пальцами провести! – Я же вам говорил, что у Симы всё схвачено. Вы не успели до своей вонючей хибарки дойти, а я уже знаю, что и как? Решили Симу обмануть. Что, профессор, не удалось!?! Мне принесли, то есть подкинули, что не надо, а у вас, смотрю, на столе стоит не фуфло.

С этими словами, он взял со стола Конька и баранчика, сунул их в карман и вышел, пообещав сделать за это приживалам козью морду. На языке Симы это означало предать художника и профессора опале. Если сказать совсем понятно, то до этого им было не сладко, а станет ещё хуже.

Глава 38. Опалённые жизнью

Каково же было удивление Смуглянки и Белянки, когда они увидели невесть откуда появившегося белого пуделя, но ещё большее их удивление было от того, что с ним пришёл Васёк и почему-то он был совсем не такой, как прежде. На вид он был совсем красный, как и некоторые другие игрушки у мамушки в доме, например Заступник, или Катерина.

– Что с тобой произошло? – спросили они разом.

– В костёр попал. – Почему-то весело, но серьёзно отве-

тил Василий. Таким его ни овечка, ни козочка никогда не видели. А он, – и Василий кивнул на белого пуделя, – мой и ваш друг. Он меня спасал от синеволосой Зины.

– Он же её пудель, – недоверчиво сказала Смуглянка, – я его в квартире видела.

– Правильно, – сказал Василий, – жилец, но не единомышленник, понятно? а это две большие разницы, надо эти понятия различать.

«Верно мамушка говорила, пока Васю жизнь не опалит и пламенем не вылижет, толку от него не будет, – подумала Белянка. – Только он теперь стал такой серьёзный, вон как рассуждает...»

– Эх, ты, ... неудачник... хорошо, что вовсе не сгорел. Как это тебя угораздило? – спросила озабоченно Смуглянка, боясь, что Васёк обжётся.

– А я даже рад, что со мной всё это произошло, – ответил Василий.

– Я его в клумбе нашёл, его Зина, моя хозяйка, в костёр бросила – сказал пудель.

– Видишь, от любви чуть не сгорел, – съехидничала Белянка, зная о недавней привязанности Василия к синеволосой и, понимая, что Ваську костёр послужил хорошей огненной купелью.

– Оставь его, – сказала Смуглянка, – не видишь – человек преобразился.

– Мамушка, когда читала толстую книгу, то часто гово-

рила Никите, что человек станет новой тварью, обновится. Может и наш Вася так обновился?

– Нет, подруга, мамушка говорила о конце света. А сейчас разве конец? – сказала Смуглянка. – Днём солнышко светит, Волга блестит, ночью звёзды горят. Нет, не то. У Василия сознание изменилось. Его не костёр опалил, а жизнь опалила. От костра только красными становятся, а он и красный, и умный.

– А почему ты его Василием называешь? Раньше всё Васьком звала... – сказала Белянка.

– Раньше ему то имя подходило, а теперь не подходит. – Заметила Смуглянка. – Васёк – это что-то такое ветреное... –

– Знаете. Я действительно стал по-другому думать. – Тихо сказал Василий. А опалило меня – это верно. Только не один огонь может опалить. Могут опалить и мысли и слова и философия. Так вот раньше я надеялся на Батиста, а оказалось – зря надеялся. Батист оказался тесно связан с одним неприятным гражданином, который и ко мне, и к нашей мамушке, и к дворнику, и, ко всем, кто живёт в нашем городе относится пренебрежительно. Это меня обожгло сильнее огня. Я даже рад, что попал в этот костёр. Иначе я бы и сейчас думал о том, что во всём виновата роковая случайность...

– Не будем об этом вспоминать, – проговорила Смуглянка и тут же стала рассказывать Василию и пуделю, как они нашли бело-серый порошок и как от него у них зажили ножики.

– А у меня гармонь что-то не срастается, сказал Василий,

глядя на лопину на гармошке.

– А это потому, что ты сделан из другой глины, – проговорили подруги вместе. Пойдёмте искать и твою землю.

– А может быть пойдём домой, вон там далеко-далеко должны быть журавли? Там наш дом – проговорил Василий грустно.

– Мы не можем вернуться домой с покалеченной гармошкой, – сказал пудель.

– Над нами и так все будут смеяться – проговорила Белянка, – Мы ведь сами напросились на счастливую жизнь, а что получилось, вернулись с разбитой гармошкой. Понимаешь, какой будет хохот в мамушкином доме.

– Ты не расстраивайся, – сказала Смуглянка, погладив Василию по вздрагивающей спине. – Мамушка говорила, «что бог не делает – всё к лучшему». А мамушка у нас была самая честная, справедливая, бесконечно добрая, а значит и самая умная женщина на свете. Ведь это так?

– Правильно, – сказал пудель, – самые умные – это те, кто самые добрые. А те, что весьма умные, но не добрые, по сути, и не умные вовсе, потому что им ума не достаёт быть добрыми, доброта выше ума, – проговорил пудель.

– Смотри-ка, ещё один философ в нашем глиняном королевстве появился, то-то обрадуется Мурлотик, теперь ему будет с кем пофилософствовать, – удивлённо и восторженно сказала Белянка.

– Это так, – кивнул Василий. – Только я сейчас очень хочу

к мамушке на могилку...

– И мы хотим, только где она находится, знает один Никита.

– Давайте поищем глину, из которой был сделан наш Василий, – предложил пудель, – надо же починить гармошку.

– Это умно и справедливо, – сказала Смуглянка, – потому как гармошку надо обязательно вылечить, она ведь наша, общая.

– Вы, проговорил Василий, простите меня девочки, что я вас втянул в такую катавасию. Я думал... – Василию было трудно говорить и он, опустив голову, замолчал. Его плечи как от плача вздрагивали, и по ним было видно, что этот, теперь уже сильный духом мужчина, не может поднять головы от стыда.

– Не надо, – сказал пудель, – он обнял Василия и лизнул его в щёку.

– Нет, надо! – упрямо сказал гармонист, надо, дорогой друг, надо. – Голос Василия стал твёрд и решителен. – Я ведь себя чуть не погубил... Да что себя, я и их чуть не погубил... Перед собой стыдно... Перед мамушкой стыдно. А более всего перед Дуняшей, ... простит ли? Я нанёс ей своим уходом удар в самое сердце, а она меня так любит...

– Она, если любит по-настоящему, обязательно простит, – сказал Пудель. – Только скажи, кто такая Дуняша, ты мне о ней ничего не говорил.

– Это глиняная девушка, Дуня – тонкопряха, ... она его

любит, – перебивая друг друга, заговорили Белянка и Смуглянка.

– А поймёт она его? – спросил пудель очень серьёзно и сдвинул брови.

– Думаем, что она поняла это гораздо раньше его самого, – сказали одновременно овечка и козочка.

– Это очень хорошо... – подытожил пудель.

– Мы тоже хороши, – сказала Белянка.

– Мы тоже виноваты, – подтвердила Смуглянка. Мы ведь эту новую жизнь, так и называли «Васькиной жизнью». – И тут они разом и безудержно захохотали.

– «Васькина жизнь», – хватаясь за живот, – кричала Смуглянка. – Ха-ха-ха!

– «Васькина жизнь», – давясь от смеха, хохотала Белянка.

Сам Василий стоял между ними и не знал, что ему делать, то ли смеяться, то ли плакать? И вдруг он, глядя на весёлые лица Смуглянки и Белянки, медленно стал повторять «Васькина жизнь», «Васькина жизнь». И вдруг тоже захохотал, вскрикивая и приседая: «Васькина жизнь», Ха-ха-ха. «Васькина жизнь», затем без музыкального сопровождения припел:

Раньше жизни нам хотелось
Беззаботной и простой;
Быстро ж мы её наелись,
И потёпали домой...

Ему подпели Белянка и Смуглянка:

А мы тоже хороши,
Глиняные дурочки,
Накрутили нам хвосты
В тихом переулочке.

Им было смешно и весело. Они посыпали друг друга серо-белым порошком, кружились, сцепившись копытцами, и радовались. И этот порошок, светлый и чистый, родной земли будто смывал с них и с их душ, прилипшую некогда грязь, и они чувствовали себя победителями и самыми счастливыми игрушками на свете. Только это был ещё не конец их испытаний и странствиям.

Василий, Белянка, Смуглянка и белый пудель дружно встали и отправились в путь – искать глину, из которой был сделан Василий, ведь ему надо было помочь излечить многочисленные раны и ссадины. И никто из них не догадывался, что их братья -глиняшки находятся не в лучшем положении и что тем и другим пока было ещё рано радоваться.

Глава 39. По следу

Итак, мы расстались с Митиным Юрой после его встречи с Пегасом и Мухой. После того, как ребята покинули кафе, Юра тоже покинул это уютное заведение, не торопясь вышел из кафе; следить за ребятами дальше в его планы не входило. Митин снял и вывернул ветровку, жёлтый цвет стал подкладкой, теперь она у него вместо жёлтой стала чёрной, от-

клеил и спрятал в карман усы, вытащил изо рта специальную вставку, меняющую голос. Эту вставку Юра придумал и изготовил сам. Мальчишки, как он и рассчитывал, не обратили на него никакого внимания, разве что Мухаев выразил неудовольствие, что неизвестный сидит на его месте. Только откуда было Юре знать, что это их столик? Зато они сели рядом,.. в общем получилось. Толковали о свалке, о Симе; Пегас дал Мухе какое-то задание. Какое? – Юра не расслышал. Только услышал такие слова в ответ: « Я уже всё забыл, вряд ли получится». Что получится? Что Мухаев забыл? Непонятно. Слова «вряд ли получится» относят порученное к какой-то работе, какую должен выполнить Мухаев, а эту работу он забыл. Понятно, что Мухаев не задачки по арифметике собирается решать, тогда что? Попробую размышлять с другого конца. – Речь вели о свалке, то и дело поминали какого-то Симу. Но, что это за свалка, куда должен ехать Пегас? Что за задание он дал Мухе? Из разговора было совершенно непонятно. Но то, что ребята и Сима охотятся за старинными глиняными игрушками было проговорено чётко и ясно. По всей видимости это и было самым главным в их разговоре. «Игрушка, а потом всё остальное» – решил Юра. – За этим все приходили к сломанному дому. Дом – это стержень. Юра видел там их раздасадованные лица. Значит, в этом доме они нашли игрушки. Только где, в комнатах, полуподвале или на чердаке? Нет, об этом он думать не будет, потому, как дом сломан и большой разницы, где они находились нет. Лучше

поразмышлять над словами Пегаса «Машины уже ждали, и мусор сваливали отдельно». Эта информация сейчас дороже. Ясно, что у мальчишек есть сильный конкурент. И так же ясно, что именно с этим конкурентом Митину и придётся скрестить шпаги. Да, он какое-то время будет выступать на стороне мальчишек и даже способствовать, чтобы реликвия города попала именно в их руки, и это только потому, что он их знает и ему их отследить в какой-то мере легче, здесь нет неопределённости».

После удачной, как он считал, слежки в кафе Юра решил продолжить разработку параллельных каналов. Игрушка – главный козырь, а зацепка у него была, и неплохая зацепка. Известно, что Пегасов и Мухаев занимаются антиквариатом, значит надо выйти на местных антикваров, а там, глядишь, что-нибудь и прояснится. Как только Юра об этом подумал, он сразу поехал на Сенной базар, потому что он видел там один такой лоток.

.....

– «Покупай гребешки, заколки, филигрань царская» – говорил молодой круглолицый продавец за прилавком, не обращаясь ни к кому. Он говорил для того, чтобы проходящие мимо люди обращали внимание на голос и знали о его столике.

– Червонец, разменяй сотню, – попросил продавец с соседней точки, продающий букинистическую литературу. «Это и есть тот самый Червонец, имя которого называли

мальчишки» – подумал Юра, глядя на продавца.

– Как продам чего-нибудь, тогда разменяю, – ответил названный Червонцем продавец, – примета плохая, чтоб ничего не продать, а уже менять. Вон попроси мороженщицу, у ней уже полчаса очередь стоит.... А тебе чего надо – обратился он немного грубоватым тоном к Митину, – принёс чего? Показывай.

– Я проконсультироваться, что зря тащить, – слукавил Юра.

– Выкладывай,... поможем, – весело сказал Червонец и испытующе посмотрел на Юру.

– Бабушка умерла, у неё кое-что осталось старинное... – проговорил Юра.

– Конкретнее можешь?

– Скульптурка, работы Фаберже, по крайней мере, так она говорила, – брякнул, не ожидая от себя такой прыти, Юра и замялся.

– Неси, – безразличным тоном сказал продавец. – Ещё?

– Заколки, запонки, карты игральные ручной работы, вроде самим Репиным рисованные, статуэтки или игрушки, – добавил он по инерции и не знал, что попал в разговоре в большую точку, которая ещё никак не могла в Червонце зажить после того, как у него перехватил товар невесть откуда появившийся очкарик.

В это время к Червонцу подошли два паренька и стали что-то ему предлагать, показывая на сумки.

– Открой, – скомандовал Червонец.

Ребята расстегнули сумки, засуетились.

– Не вынимайте, так вижу, положи под прилавок, ... беру.

Расчёт по прежней таксе.

– Может, накинешь полсотню? – спросил один из мальчишек.

– Можешь оставить себе, – проговорил продавец, – хотя с червонец могу накинуть, не больше.

Мальчишки обрадовались и по ту сторону прилавка стали что-то вытаскивать из сумок. Что они вытаскивали, видно не было. Продавец отсчитал пацанам сто рублей, добавил ещё десятку и те довольные убежали. И не успели они скрыться, как к прилавку подошёл мужчина в кепке и спросил Червонца: «Есть чего?»

– Пока мало, – ответил тот и мужчина в кепке отошёл.

– Что за игрушки? – обратился Червонец к Юре, но уже более заинтересованно, чем раньше. – Если пластмасса, то оставь себе на память об усопшей.

– Глина, ... думаю, что глина.... Я не специалист...

– Неси, раз глина, это можно посмотреть, – сказал Червонец, а сам подумал «неплохо бы Пегому наставить рога и перетянуть у него покупалу». – Сегодня принесёшь или когда?

– Я просто думал, прицениться, – сказал Юра, понимая, что вот так с бухты-барухты Червонца не разговорить. – У нас в районе пацанва скупает старые вещи, но боюсь проделшевить. Если у вас дороже, так я с радостью.

Кто скупает? – поинтересовался Червонец.

– Я не запомнил. Фамилия какая-то птичья, а может быть и прозвище, кто их знает...

После этих слов в глазах Червонца мелькнули злые огоньки и Юра понял, что наступил продавцу на большую мозоль и попал в своём размышлении в точку.

– Птичья, говоришь?... знаем,... фарцовщик ещё тот, это погоняло у него такое. Недавно игрушки глиняные приносил, на прилавок поставил, а потом на попятки,... так у нас не делается.

– Что так... не сошлись?

– Сошлись, не сошлись,... какая разница. Понтоваться не надо. За понты платить положено. Да и этот гусь хорош, по очкам бы врезать, чтоб торговых людей уважал, хрен учёный, доцент мать его. В прямые руки, так в прямые, кто же против, но не на прилавок и с прилавка. Правда, они тоже козланулись, рванули за оставшимся товаром, а дом под нож пошёл. Я всем говорю, кто мне дорогу перейдёт – больше потеряет. Так что неси, паря, неси, Пега тебе больше не даст, а я тебе ещё добавлю, за то, что к нему не попало. А лучше – ему покажи, а принеси мне, за это ещё червонец наброшу. Вот так-то, дорогу оправдаешь. А теперь вали, не загораживай, а то припухлые не видят, что на столе лежит.

– Добро, – сказал Юра и ушёл.

После того, как Сенной остался далеко позади и первая

радость от удачной поездки прошла, Юра стал анализировать базарную встречу. «Так-так, – думал он, – клюнула рыбка, спонтанность, она имеет свои преимущества, тут художественный вымысел по ходу рождается и никаких домашних заготовок. Итак, что я имею? А имею я многое: во-первых Пегас приносил Червонцу глиняные игрушки, это раз; брал он их в сломанном доме на Большой Горной, где я Пегасова с Мухаевым и видел – это два; засветился какой-то доцент, то ли кличка, то ли учёное звание – три. Нет, учёное звание. Червонец про него сказал: «Кандидат хренов». Я знаю, где находился этот дом – четыре. Если ещё немного подумать, то можно догадаться и ещё о чём-нибудь, например, что за ребята приходили к Червонцу? Почему товар не выставили на прилавок? почему его тут же кто-то унёс и куда? Возможно, эта торговая точка и есть скупочно-перевалочный пункт. Ладно, об этом пока думать не буду. О чём же думать?.. Ах, да, ... свалка». Но сколько Митин не активизировал мозговые извилины, никаких мыслей по выявлению места нахождения свалки не рождалось. «Может быть, попытаться крутануть Мухаева? – подумал он, – Нет, рано. Порасспросить Никиту и узнать, что и почём? Кстати, где может быть сейчас Пегас?... Ах, Лёня, Лёня, где же ты, милый, сейчас обретаешься? Зря я, наверное, прекратил слезку за пацанами. Червонец от меня никуда бы не ушёл, а вот Пегас мог вывести и на эту самую свалку, которых вокруг города предостаточно» – и младший лейтенант почувствовал всем суще-

ством своей милицейской натуры, что стоит на верной дороге... Как говорит в таких случаях Мария Васильевна: «В носу защекотало».

Митин пошёл на пруд, в надежде увидеть там Мухаева или Пегасова, хотя и понимал абсурдность этой затеи. На пруду их, как он и ожидал, не оказалось. «А что, если ещё раз поговорить с дворником? – мелькнуло в голове, – а о чём? Что я у него спрошу?»

В это время открылось окно и женский голос прокричал: «Федюня! Ты чего мусор не выбросил?! Вот неслух. Я же тебе говорила. Иди и сейчас же вынеси ведро, – после этих слов окно захлопнулось.

«Воспитательный процесс, – подумал Юра и усмехнулся. Но тут же сделался совершенно серьёзным. Мысль как стрела пронзила его голову. Он ещё несколько раз повторил произнесённое рассерженной женщиной слово «мусор».

– А вот с него самого мы и начнём, – радостно и вслух сказал он сам себе. – С него милого. Вот о мусоре я и должен спросить дворника. Наверняка мусор вывезли на ближайшую свалку, но где она? Надо ехать к дворнику, он может знать, куда повезли мусор? Хорошо, ... это я узнаю, а потом? «Потом суп с котом», – сказал он сам себе и поспешил на троллейбусную остановку.

– Куда повезли мусор, я не знаю, – сказал Никита, – вспомнив Юру, – зачем мне это? Куда бы не повезли, уже

всё равно...

– Я понимаю, что вам всё равно.– Сказал младший лейтенант. – Ещё один вопрос. Скажите, а ничего подозрительного вы не заметили,... может быть тоже кто-то интересовался, этим же вопросом, крутился здесь не без интереса,... такого не было?

– Крутились здесь два паренька, они и раньше к дому интерес проявляли. Я их ещё метлой гонял. Высокий подходил к водителю самосвала и они о чём-то разговаривали.

– А он на этом самосвале не уехал случайно?

– Точно не помню,... самосвалы уехали, и они исчезли, а кто, куда, с кем и как? Не знаю.

– Может быть, водители что говорили? – допытывался Митин. Запросто ведь могли не на свалку отвезти, а кому-нибудь на дачу, на строительство баньки,... а?

– На строительство баньки могли, только не возили.

– Почему не возили?

– Потому, что один шофёр другому сказал чётко. «Везём на свалку, иначе Хорунжиев шкуру спустит». Простите, больше ничего не знаю.

– Как вы сказали?.. – «Хорунжиев».

– Так он сказал, видно фамилия такая, – подтвердил дворник.

– Спасибо, спасибо. – И Юра торопливо пошёл со двора.

– А что, что-то не так? – спросил вслед Юре Никита, но Юра в ответ только махнул рукой и зашагал быстрее. Он по-

нял, что свалок вокруг миллионного города много, а вот начальников автобаз или их заместителей с фамилией Хорунжиев всего одна. Если узнать какой транспортной организацией руководит Хорунжиев, то легко найти и водителей. Надо пробить эту фамилию по нашим милицейским каналам. А впрочем, можно проще, – он увидел выезжающий от голубой церкви самосвал. Водитель самосвала оказался словоохотливым и сказал, что фамилия Хорунжиев среди автомобилистов известная и база эта находится на ВСО.

– Вы на ВСО спрашивайте директора автобазы Хорунжиева, вам любой скажет, – добавил он. – Впрочем, я еду на кирпичный завод в Елшанке, могу подбросить. – Юра поблагодарил разговорчивого водителя и залез в кабину.

Найти базу оказалось совсем просто. Диспетчер, к которому обратился Митин, – пошелестела бумажками и ответила, что вывозили мусор их водители, только куда, она не знает, а узнать можно у одного из шоферов, который проколол шину и в рейс не вышел. Идите в ремзону и спросите Шаповалова.

Шаповалов, как только ему Юра задал вопрос о свалке, аж вскипел.

– Я им говорю, что не буду я в Заводской район на свалку ездить. Просто проклятие какое-то, как не поездка – так прокол, как не поездка – прокол, а на этот раз оба ската продырявил.

– А мальчишки с вами до свалки ни с кем не ехали?

– Да со мной и ехали, только один ехал. Сказал, что это

дом его бабушки, детство в нём провёл. Я взял. Отчего ж не взять.

– Может быть, ещё что-то было непривычное, вы ведь часто мусор вывозите?

– Всё привычно, чему там непривычному быть, свалка – она и есть свалка, привёз, вывалил куда сказали, вот и всё.

– Значит, свалили как обычно?

– Ну, не совсем обычно.

– А что необычного? – допытывался Юра.

– Да распоряжало на свалке велел на отдельную площадку валить, не в овраг. А до этой площадки надо задом пятиться метров пятьдесят. Пока пятился, на два колеса и подсел, – и водитель смачно выругался.

После разговора с водителем, Юре стало ясно, что Лёня Пегасов, проявил в этом деле цепкость. Вероятно, не без его подсказки мусор свалили на отдельную площадку. Раз на отдельную площадку, то будут перебирать, а это дело не быстрое, за один день не получится. Молодец Пегасов, подсуетился.

Свалка может денёк и подождать. Надо обязательно наведаться в клуб к Пал Палычу. Учитель наверняка что-то знает. И это что-то может быть очень ценным для расследования. Ведь практически Юра не знаком с этой сферой и то, что он нарыл, лежало на поверхности. А если копнуть вглубь? Ведь он не спросил Червонца про ценность этой игрушки. Пегас не просто так поехал на свалку? А он в этом деле не профан.

Червонец тоже жалеет об упущенной выгоде и готов поквитаться с Пегасом. Одним словом, дело закручивается. Только нужна хорошая консультация, потому что дальше тупик. Надо идти к Пал Палычу, но сначала заглянуть в отделение.

.....

Сорокина встретила Юру прохладно, видно сердилась на то, что Юра целых полдня не давал о себе знать, но когда Митин рассказал ей, что ему удалось узнать, похвалила.

– Вижу, ты по следу идёшь хорошо, цепкий. Только, Юра, по следу идти – маловато. Когда гончая идёт по следу, она знает, что заяц ходит кругами и выходит обязательно на то же место. И ещё она знает, что зверя она обязательно выгонит на охотника. Чувствуешь разницу.

– Чувствую, что я должен быть и гончей и охотником в одном лице, так я вас понял?

– Правильно понял. А я добавлю: не будешь играть на опережение – проиграешь. Ты – это охотник. Ты знаешь, где ты сидишь, и гнать зверя должен на себя, понял.

– В общем, понял... – и добавил – Я, Марь Васильевна, думаю к Пал Палычу сходить, проконсультироваться.

– Правильно думаешь, только это надо было сделать, как только игрушка засветилась. Ты практически шёл к Червонцу не подготовленным. Хорошо, если он тебя не просчитал.

– Я чайником прикинулся...

– Если хорошо прикинулся, то похвально. Кстати, о Червонце:... ты сказал, что барыга обмолвился о том, что Пегасу

негде будет взять игрушку – дом сломали. Так?

– Так, – не понимая, куда клонит Мария Васильевна, – согласился Юра.

– Так-то оно так, только откуда он это узнал. Сто процентов Пегас и Муха ему об этом не сказали. Они конкуренты, это им зачем? В результате этой версии, что получается?

– Получается, что Червонец Пегаса выследил, – улыбаясь, сказал Юра.

– Молодец практикант. Именно так и было.

– А Червонец, – продолжил Юра, – эту информацию мне бы не сказал, если б дом был цел, так? А так как его нет, то они с Пегой как бы квиты.

Мария Васильевна заулыбалась:

– Ой, не зря на тебя Городец глаз положила... Однако мою похвалу считай авансом. Как бы мы не были хороши в расследовании, всё равно важен результат. Нет результата и работы нет. К Червонцу больше не ходи, опасно для дела, твои наблюдения на базаре очень ценные, здесь есть над чем подумать. Я об этом расскажу Музе Карповне.

– Может, Марь Васильевна, это друг к Червонцу приходил, а ребята под заказ вещи принесли, сразу под покупателя?

– Не думаю, такие совпадения – редкость.

– Я понял, Марь Васильевна, пойду-ка я к Пал Палычу наведуясь.

– От меня привет передай, – сказала Мария Васильевна.

– А вы что, его знаете? – удивился Юра.

– Кого я только не знаю... особенно из тех, кто с ребяташками работает, ладно, ладно иди, но всегда помни – наша задача – уберечь детей, помочь им выйти из опасной ситуации, разрулить их проблемы; соседство со взрослым криминалом во много раз усложняет задачу, а теперь иди.

Глава 40. Муха называет адрес

На следующий день, как не уговаривал Костя брата оставить кентавра дома, Антон не согласился. Кентавр за ночь высох и был таким, как и прежде.

– Эта находка принадлежит не только тебе, – сказал Костя, – а всем, и потом: ты уже один раз брал кентавра и мы знаем, что из этого получилось.

– Кому это всем? – возмутился брат.

– Всем людям, – сказал Костя, – всем саратовцам, и находиться она должна в музее, а не в твоём дырявом кармане.

– У меня карман не дырявый, – обиженно буркнул Антон.

– Всё равно, – настаивал на своём Костя, – всякое может случиться.

– В моём кармане ничего не случится, – упорствовал Антон.

– Довольно нам препираться, пошли лучше Муху искать, – сказал Костя, и оба направились к пруду.

Муха уже был там и катался на плотах.

– Наше вам, – крикнул Мухе Костя, – гребите к берегу, вопрос есть!

– Да пошли вы со своими вопросами, – огрызнулся Муха, – знаю я эти вопросы.

–Хуже будет, когда догоним, – пригрозил Антон.

–Не догоните, хохотнул Муха, – не на чем. Другой плот я тоже с собой прихватил – рядом с плотом, на котором лежал Вадик, плавал ещё один.

– Ну и гнида ты, Муха.

– А вы чё, думали, что только вы умные!?

– Ладно, катайся на плоту и жарься на солнышке, а мы тут в кустах, в тенёчке подождём, когда ты подплывёшь. Деться-то тебе всё равно некуда. Как ни плавай...

– А я никуда не тороплюсь, – проговорил Муха, – жалея, что не прихватил с собой лимонад, так как ощущал жажду. «Может, не будут меня караулить и уйдут» – подумал он, лёг на плот и стал ждать. А тут как назло Костя громко сказал брату:

– Сбегай, Тош в ларёк за лимонадом, а то жарко и пить хочется...

От этих слов у Мухи в животе аж уркнуло.

Антон действительно сходил за бутылкой лимонада и братья в тенёчке под деревом стали наслаждаться его сладковатой влагой.

– А лимонад какой?– спросил, не выдержав, Муха.

– Персиковый, – прочитал на бутылке Костя, – а ты какой любишь?

Именно персиковый и любил Муха. И у него начали бро-

дить в голове такие мысли: «Что мне Лёня,... я что, подписывался что ли хранить его тайны. Из игрушек всё равно ничего не получилось, самосвалы увезли. Вряд ли они чего в этом мусоре найдут. А если и найдут, то поколотое – кто купит? Надо подплыть. Чего уж там. Не побьют ведь, а, может быть, даже лимонадом угостят».

– Подплывёт, ... нет? – спросил Антон Костю.

– Ни куда не денется. Он чтоб на чужбинку лимонада не попить, сам знаешь, уверен – не вытерпит, обязательно подплывёт. Видишь, он уже потихоньку в нашу сторону правит, подгребает незаметно.

И Муха сдался. Хотя он и уговаривал себя, что подплывёт только поближе и что они его не достанут, а сам всё быстрее и быстрее плыл к берегу, видя на траве заветную бутылку с лимонадом.

– Ну что, Муха, подгребай, освежайся, – сказал Костя приветливо.

– По правде? – спросил Муха недоверчиво, – без дураков?

– Подгребай, подгребай! Не веришь что ли?

– Почему?.. Верю, ... думаю, что хотите, про Пегу узнать?»

– Обойдёмся без Пеги; нас другой вопрос интересует.

Муха облегчённо вздохнул, главное, чтоб про Пегу не спрашивали, потому как Муха мог и проболтаться, а это было не по-товарищески.

Мухаев подгрёб к берегу, сошёл с плотика и подошёл к братьям.

– Бери пей, – протянул ему пластиковый стакан с лимо-
надом Антон.

– Что надо? – спросил Муха, беря стакан и отпивая про-
хладную влагу.

– Нас глиняный мальчик интересуется, которого ты взял на
чердаке старого дома. Где этот мальчик и что с ним? Вот
такой вопрос. Как видишь – ничего криминального, – сказал
совсем просто Костя.

«Откуда это им известно? – подумал Муха, – никак Чер-
вонец проболтался, только братаны с ним не в контакте, от-
куда знают, что я этого жмурика взял?»

Муха от такой информированности братьев опешил.

– Вам и это известно? Вы чё, ясновидящие что ли?

– Нет, нам сон один на двоих приснился, как вы по чер-
даку шастали, а потом на базар рванули, – серьёзно сказал
Костя.

– А чё, такое бывает, чтоб сон на двоих? – изумился Муха,
явно поверив в сон. Такую осведомлённость он ничем дру-
гим объяснить не мог. «Ну раз сон, то тут вины моей ника-
кой нет», – подумал Муха и рассказал братьям, что глиняная
игрушка – мальчик-гуделка с дырочками на животе и груди у
Лёни и что сегодня в три часа он должен отнести её доценту.

– Сегодня в три говоришь? – переспросил Костя.

– Ей богу не вру, вот, – и Муха судорожно перекрестился.

– Адрес? – спросил Костя.

– Какой адрес? Свалки что ли? – не понял Муха.

– Адрес, где живёт доцент, – пояснил Антон.

– Был адрес,... доцент визитку оставил,... только я за-
был... – растерянно проговорил Муха, – визитка у Пеги.

– А ты вспоминай,... вспоминай,... это в твоих интере-
сах... – сказал Костя и налил другой стакан лимонада, но не
подавал Мухаеву, а задержал в руке. Муха посмотрел на лимо-
над и этот аргумент перевесил все остальные.

– Кажется, там было написано... слово «доцент», имя не
помню, а дальше адрес: «Лермонтова 9А», –

– Кажется, или точно? – спросил Антон.

– Да, точно,... я вспомнил. Так и было написано. Пега
вслух прочитал. Если б я прочитал, то не запомнил бы, а он
вслух,... вот я и запомнил. У меня на слух память хорошая.
Я и в школе,... если домашку зададут, ковыряюсь, ковыряю-
сь, а если училка у доски, что скажет, то сразу и ответить
могу...

– Когда это ты отвечал? Что-то я не припомню, – сказал
Костя.

– Так это если я слушаю, то и отвечаю, а если не слушаю,
то и не отвечаю.

– Значит, никогда не слушаешь, – подытожил Костя.

– Это точно, – тряхнул Муха рыжими кудрями, – слушаю
мало. На уроке всякие мысли в голову лезут. Сначала вроде
слушаешь о чём у доски говорят, а потом нет, а когда снова
начнёшь слушать, то и непонятно, потому как до этого не
слушал, в общем фигня получается, а что потом слушать,

напрягаться, раз всё равно непонятно, вот я и не слушаю.

– Молодец, – сказал Костя, – не совсем пропадающая душа, раз критику принимаешь и сам об этом сказать честно можешь. А теперь возьми бутылку лимонада и плыви на середину, наслаждайся.

– Что, ... бесплатно? – удивился Муха.

– Это тебе награда за память, – улыбнулся Костя. – Плыви, ... плыви, ... памятливым ты наш...

Муха взял бутылку, зашёл на плот и Костя с силой оттолкнул плот от берега.

– Вот здорово, – подумал Муха, – я на плоту да с лимонадом. Чудные какие-то пчёлки сегодня. То раньше кулак показывали, то лимонадом угощают. Ладно, я в их дела не встречаю, ... я сам по себе. И он уселся на плоту, а ребята зашли на детскую площадку около дома № 9, рядом со «Спутником» и стали совещаться. Информация, полученная от Мухи, была наиважнейшая.

– А если он наврал? – засомневался в Мухином рассказе Антон, – и адрес придумал?

– С лимонадом у носа?... Ни за что, это посильнее кулака действует, – возразил Костя. – Он очень большой охотник за чужой счёт полакомиться.

– Раз такая удача, то не грех нам ещё бутылку купить, – проговорил Антон. – Он вытащил из кармана мелочь и стал считать. На маленькую бутылку лимонада хватало.

И только Антон собрался бежать в магазин за лимонадом,

как увидел подходившего к ним парня в чёрной ветровке-хамелеоне с оранжевым низом.

– Что, ребята, скучаете? – спросил он весело.

– Да не очень, – ответил Антон, взглядываясь в незнакомца и шепча что-то Косте на ухо.

– О чём это вы шепчитесь? – спросил весело Митин, это был он.

– Мы вас узнали, – сказал Антон, вы с нашим директором школы на улице разговаривали, только вы тогда в форме были. – Правильно, хорошая у вас память, – проговорил младший лейтенант, поняв, что ребята его узнали и, не желая больше играть в прятки, спросил:

– Вы наверняка знаете Пегасова, не скажете, где он может быть?

– Трудно сказать... – ответил Костя. – Ему пути-дороги не заказаны.

– Тогда, может быть, вы мне поможете? Вы ребята наблюдательные. Вам не знакома такая кличка или имя «Доцент». Может быть чего слышали, даже случайно,... а?.. Может, кто из ребят это слово произносил?

– Нет, не слышали, – сказал Костя и тихонько наступил на ногу Антону, дескать, помалкивай и не говори лишнего. Но Антон, вместо того чтобы молчать, вдруг неожиданно ойкнул.

– Значит, не знакома, говорите, – проговорил Митин. – А я думал, вы что-нибудь знаете? – поняв, что старший из

детей наступил младшему на ногу.

– Не знаем мы никакого доцента, – сказал Антон. – Кино видели, там доцента Леонов играет, только там его давно поймали.

– Да... да. Я видел эту картину. – Сказал Митин. – А Пал Палыч когда будет?

– Он куда-то уехал. Мы его тоже ждали, но не дождались, – сказал Костя.

– Вы у него в кружке занимаетесь? – спросил ребят Юра.

– Да, лепим понемногу, – сказал Антон.

– Что же? Если не секрет...

Антон замялся и посмотрел на Костю. Костя хмыкнул и продолжил. – Секрет есть, конечно, только перед ребятами других школ, потому как у нас конкуренция. Они на выставке свои поделки выставляют, а мы свои, кто кого обойдёт. За работы призы дают, грамоты – ребята заулыбались.

– И что же вы сейчас на конкурс готовите, если не секрет, конечно?

– А вы зачем к Пал Палычу? – спросил Антон, оставив вопрос без ответа.

Юра понял, что подвергается проверке по принципу «свой – чужой».

– Я у него тоже в кружке занимался, – соврал Юра. – Только давно.

– Понятно, – протянул Антон уже более дружелюбно.

– Приятно встретить младшее поколение, – сказал Юра.

Он моментально вошёл в роль бывшего одноклубника.

– А вы в том же кабинете занимались, что и мы сейчас или нет? – спросил Костя.

– А вы в каком лепите? – вопросом на вопрос спросил Юра.

– Мы в самом большом, – сказал Костя, с решёткой на окнах.

– Нет, ребята, я в нём не лепил, мы лепили в том, что поменьше, – ответил Юра, сообразив, что называть этот кабинет нелепо, может последовать провокационный вопрос. Если они лепят в самом большом кабинете, то все остальные наверняка его меньше.

– А вы тоже Саратовскую игрушку лепили? – спросил Антон. Но Костя его перебил:

– Если он лепил в маленьком кабинете, то когда это было? Соображаешь, а мы Саратовской от силы два года занимаемся, даже на выставке с ней только один раз были, а больше и не были.

– А что это за Саратовская? – спросил Юра, – при мне такой не было.

– Эту игрушку Пал Палыч восстанавливает, а мы ему помогаем, – важно сказал Костя. – Пал Палыч говорит, что она уникальная, так сказать исчезнувший вид.

– Да ну? – не притворно, а уже по-настоящему удивился Юра. И это не ушло от внимания ребят.

– Пал Палыч говорил, что видел её на Сенном в пере-

стройку. Он говорит, что она уникальная, со своей технологией декорирования, вот так. Этой игрушке цены нет, только игрушечники старые все повымерли, вот мы и восстанавливаем забытое. – Ребята специально умолчали о кентавре, дескать, нечего перед каждым распинаться.

– Пал Палыч сказал, что если мы с ней на городскую выставку выйдем, то первое место обеспечено, – прихвастнул Антон.

– Если Пал Палыч сказал, то обязательно выйдете в призы, – подтвердил Юра.

– Зря вы Пегаса ищите, его вот так просто не найти, – заметил Костя.

– Это почему же? – заинтересованно спросил Юра.

– Деловой... Просто так ошиваться где-либо не будет, с интересом живёт.

– А вы что, без интереса? – ухватился за слово Юра.

– И мы с интересом, – заметил Костя, – только у нас интересы с ним разные.

– Чем же разные?

– У него интерес рисковый... – сказал Костя.

– И тайный, – добавил Антон.

– Ну-ну, – понимающе сказал Юра. – Вы тоже свои поделки, что на выставку делаете, поди, от чужих глаз оберегаете?

– Верно, – нетерпеливо сказал Костя, – только здесь большая разница. Мы свои изделия временно не показываем, а Пегас – всегда.

– Не по вкусу он вам? Что, совсем редиска? – пытливо, но весело спросил Юра.

– Нет, он не редиска, он меня от чужих пацанов защитил, – вспомнил Антон.

– Как же это было? – с нескрываемым интересом спросил Юра.

– Они у меня десять рублей отобрали, что мама на мороженое дала. А я не давал, они меня по шее. Я одного за руку укусил. Он хотел мне зубы выбить, а тут Пегга – одному в дыхалку, другого в челюсть... кричит «Беги!». А я от страха ногами пошевелить не могу, он меня хватить за руку и прочь. Когда отдышались, посоветовал в этот район, около базарчика, не показываться.

– Вот видишь, можно сказать, спас, – участливо сказал Юра, а что ж не дружите?

– Спаси – одно, а дружба – совсем другое, – вставил Костя, – он и в школе такой.

– Какой?

– И не свой, и не чужой, – выпалил Антон. – Меня спас, а когда встретились, то как будто ничего и не было. Посмотрел, будто в первый раз видит.

– А Муха? – Юра перевёл разговор на Мухаева, – они ведь друзья...

– У Пегаса нет друзей, – заметил Костя, – он одиночка, а Муха так, на подхвате, ни то – ни сё.

– Как это? – спросил Юра, но ребята заторопились.

– Вы нас извините, – сказал Костя, – только нам надо идти, – и толкнул Антона плечом.

Ребята ушли, оставив младшего лейтенанта сидеть на детской площадке. Правда, он и не собирался оттуда уходить. Он смотрел, как два карапуза роются в песочнице и размышлял: «Примерно такую же характеристику Лёне и Вадику дала и Сорокина. А вот слово «Доцент» мальчишкам знакомо и не по кино, иначе бы старший не нажал младшему на ногу и не подал сигнал молчать. Потом эта встреча с Мухаевым (следователь наблюдал за ней из-за куста). О чём они говорили? Понятно, что не о лимонаде, потом на лимонад расщедрились. Странно и непонятно. Они что-то выпытали у Мухаева, это точно, а расплатились лимонадом. На детскую площадку они пришли, чтобы обсудить проблему. Зря я к ним в этот момент подошёл, только насторожил. И ещё более зря я их вот так просто отпустил. Наверняка они с ходу, учитывая детскую нетерпеливость, захотят решить проблему. Лица-то у них были весьма озабоченные. Надо бы за ними проследить, только куда они направились: к дому культуры? На стадион? Или свернули на четвёртый жилучасток? Интересно, какой дорогой пошли, через перекидной мост или напрямую, через рельсы? Попробую догнать, если не ошибусь в направлении, . . . – и Митин быстро пошёл в сторону клуба. Но около клуба ребят не было. «Может быть, они всё-таки напрямую через пути на четвёртый жилучасток подались» – решил он, поняв, что ребят он потерял и стал

думать, что ему делать дальше.

Глава 41. Под лопухом

Весь день до вечера глиняшки провели под лопухом. Они так устали от бултыхания в ящике из-под мыла и до того у них болели бока, что им было ни до чего. Глиняшки повалились наземь и тут же уснули. Спали они долго и сон их был глубок. И это очень хорошо, потому, ничто так не восстанавливает силы, как крепкий и долгий сон. Они проснулись на следующий день, когда солнце встало и начинало уже припекачь

Дуня пришла под лопух возбуждённая и немного расстроенная. Она хотела немного найти воды, но достала из бочки совсем немного. Только расстроилась она совсем не из-за воды. Она увидела множество людей, разбирающих наваленные чудищами кучи. Это её встревожило. Но ещё больше встревожило, когда она услышала следующий разговор. Говорили между собой двое рабочих, что стояли всех ближе к Дуне.

– Как ты думаешь, есть в этом хламе что, или нет?

– Наше дело, Мокей, искать.

– Что ж, если всё переберём, а в них или под ними ничего нет, то и ничего за работу не дадут? Как ты думаешь?

– Сима сказал, что не обидит.

– А ты поверил? Это он говорил, что если игрушки найдём, а про то, что если не найдём, он ничего не говорил.

«Не нас ли ищут?» – подумала Дуня и сердце у нее тре-

можно ворохнулось. Нет, оно ворохнулось не от радости, что их ищут. Тревожное предчувствие бредило её душу. Тем более, она теперь знала, что доверяться надо далеко не всем, люди бывают злы и жадны. Конечно, она могла подойти к любому рабочему и сказать, что они здесь, под большим лопухом. Но будет ли это разумно? И не откликнется ли это необдуманное действие новой бедой, может быть даже худшей, чем с ними произошла? Лучше ко всему этому присмотреться и взвесить все за и против. Она видела из-за бочки прохаживающихся по двору свалки двух мальчишек, но сразу их не узнала, а когда узнала, то даже вздрогнула.

«Эти были на крыше и взяли Гуделку, – мелькнуло у неё в голове, – потом Гуделку бросили, как ненужную вещь, а затем маленький вновь его подобрал. Это плохие ребята, – заключила она. – И вся эта деятельность здесь нехорошая и нехорошая потому, что они здесь. Ещё она этих мальчишек видела в чердачное окно, когда ломали дом. Они не заступились за Никиту, а прятались в зарослях, и явно хотели проникнуть в дом и чем-то поживиться». И тут она вспомнила о других мальчишках, что стояли за трубой. Из них маленький, когда ломали дом, смело бросился на верзилу и даже укусил его за руку, заступаясь за дворника, за что и получил хорошего тумака. Больше она ничего не успела тогда увидеть, потому, что стала обваливаться кровля и они спрятались в ящик. Да, глиняшки тогда были очень расстроены, их жизнь висела на волоске и было не до воспоминаний. Но,

теперь, когда их жизням явно ничего не угрожает, почему бы и не вспомнить и не проанализировать ситуацию? И она заспешила под большой лопух, чтобы поделиться с друзьями своими мыслями и наблюдениями.

После её рассказа, о том, что она увидела и что вспомнила, все оживлённо стали обсуждать возникшую ситуацию .

– Надо было показаться тем первым, что были на чердаке и прятались за трубой, – проговорила Катерина.

– Жаль, что их здесь нет, мы к ним сразу со всех ног бы побежали, – сказала, вздохнув, Дуня.

– После драки дубиной не машут, – заметил Заступник.

– Мы тогда разве знали, кто они такие? – заметил Пустолай. – Это сейчас хорошо рассуждать, когда мы имеем ряд добротных свидетельств.

– Я вижу ценность Дуниной информации в том, что она с одной стороны негативная, а с другой стороны позитивная, – важно проговорил Мурлотик. – Благодаря этой информации, мы наконец-то узнали, кто из мальчишек наш друг и кто враг. И мы знаем, что именно враги занимаются нашими поисками здесь на свалке. А раз мы это знаем, то должны приложить все усилия, чтобы не попасться им на глаза.

– Правильно мыслишь, – сказал Пустолай.

– Против этого ничего не возразишь, всё разумно, – сказала Катерина.

– Я пойду на разведку, оценю обстановку, объявил Заступник. – Лопух это защита до поры до времени. Разберут

кучи, наткнутся на разбитый ящик и будут осматривать рядом растущую траву и обязательно наткнутся на нас.

– Нет, не ты пойдёшь, а я, – перебил Заступника Мурлотик. – Ты очень большой, Заступник, и тебя могут заметить, а я из вас сейчас самый маленький и поэтому на разведку пойду я. И потом, женщина могла чего-то не досмотреть. Надо всё оценить ещё и мужским взглядом.

– Ох, мужчина нашёлся, – сказала сердито Дуня, – что, если усы растут, то значит и шибко умный?!

– Не бранитесь, – сказала Катерина, а ты, кот, не задирайся, всё себе цену набиваешь, мы и без этого знаем, что ты обладаешь хорошими аналитическими способностями, этого никто из нас не ставит под сомнение, иди лучше и посмотри, что к чему? Дуня принесла очень важную информацию, а вот с чем ты вернёшься, ещё неизвестно?

Мурлотик больше не стал ничего говорить и ушёл. А через некоторое время он пришёл пыльный, грязный с взломоченными усами и шишкой на голове.

– Мура! Что с тобой случилось, – проговорила Дуня, жалая Мурлотика, – тебе больно.

– Не будем развешивать нюни из-за какой-то шишки, подумаешь, свалился какой-то обломок кирпича на голову.

– Так, быстрее говори, что ты узнал? – тормозили его глиняшки.

– А вот чего я узнал, – сказал он важно, усевшись на выступавший из-под земли корень. – Во-первых, там, – и он

кивнул в сторону куч, – какие-то глиняные игрушки уже нашли.

– Как!– выдохнула Катерина, неужели Васёк, Белянка и Смуглянка попались им в руки? Как они здесь оказались? Не может быть!

– А я разве сказал, что они нашли кого из наших?.. Вовсе нет. Там рабочие нашли другие глиняные игрушки, кстати, очень похожие на нас и отнесли их в вагончик Симе.

– Какому Симе? – спросил Пустолай.

– Сима, здесь главный,.. и скажу вам, что отморозок ещё тот, похлеще синеволосой Зиночки со своим любовником. У той хоть комплексы, а здесь полный провал до преисподней... – и он безнадёжно махнул лапой.

– Ладно, Сима подлый человек,.. что дальше? Не тяни ты быка за хвост, – исходил нетерпением Пустолай.

– А ты не торопись, Пустолаюшка, будет тебе и первое, и второе, и десерт. Терпенье, мой друг... Я подтверждаю слова Дуни о тех мальчишках, которых мы видели на крыше и во дворе. Я их тоже узнал, что меня несколько не радует. Пегас и Муха, так их зовут, у Симы за надсмотрщиков. Так, что им лучше на глаза не попадаться,.. вот так.

– А ещё что?

– А ещё я обследовал двор и кроме техники и мусорных куч, нашёл в отдалении маленькую хибарку. Дверь была не заперта, я вошёл и остолбенел. Вы понимаете, там, оказывается, живут люди,.. врагу такого не пожелаешь. Цивилизо-

ванная страна! А-а-а...

– Что ты в ней увидел?

– Увидел: эскизы картин по стенам развешены, палитра на столе, стопка рукописей в нише, прикрытая холстом. И всё.

– Что нам это даёт? – спросил Заступник. Ну, живут люди в ужасных условиях и что?

– Вы мне не даёте договорить, – обиженно сказал Мурлотик, – а сразу стараетесь комментировать отрывочные сведения. Я просто назвал несколько фактов, не комментируя и не делая выводов, а вы...

– Говори... говори... слушаем, – сказала Катерина и сделала страшные глаза, пытающемуся что-то сказать Пустолаю. Пустолай замолчал.

– Когда я слушал разговоры рабочих, то обратил внимание на двух из них, одного зовут Крокыч, а другого – Профессор. В любом случае, они так друг к другу обращались. Они страшно не любят Симу, с подозрением относятся к Пегасу и Мухе. Это их хибарка, думаю, что в ней можно укрыться под кроватью за связкой старых книг.

– Почему ты решил, что это их жилище?

– А как же, друзья-товарищи? Если этот старичок настоящий профессор, то рукопись в нише явно его. А Крокыча профессор ещё называл художником, то и картины, эскизы понятно чьи. Тут много ума не надо, чтоб понять, что к чему? И потом, у старичка разорвана на спине рубаха и через всю спину идёт кровавый рубец. Валет сказал, что его Сима

прутом ударил.

– Сволочь, – сказал только одно слово Заступник, – надо его на презубец поднять.

– Я бы Крокычу и Профессору доверился, – сказал Пустолай, – а Профессору ещё надо полизать рану.

– Тебе только чего – nibудь полизать, – сказала Дуня.

– Я кроме шуток, – сказал Пустолай, – моя слюна убивает болезнетворные бактерии. Мамушка рассказывала, что во время войны собаки зализывали солдатам раны. Она сколько раз звала меня, «полижи, – говорит, – Пустолай, палец, ножом порезала». Я так всю ранку тщательно вылижу, один раз, да другой, да третий, всё и проходит. – Пустолай замолчал.

– Значит, говоришь, на профессора и художника можно положиться! – не спросил, а утвердительно проговорил Заступник.

– Положиться можно, но я бы не спешил. Давайте ещё денёк понаблюдаем, а, то, как бы нам эта поспешность боком не вышла, – заметил Пустолай. – Давайте установим дежурство и будем наблюдать по двое. Один в одну сторону свалки будет глядеть, а другой в другую, так мы больше получим информации.

– Правильно мыслишь, брат Пустолай, – сказал Заступник. – Дуня будет наблюдать с Катериной, Мурлотик с Пустолаем, а я и один управлюсь, потому как у меня всё это профессионально отработано.

На том они и порешили. Весь день глиняшки наблюдали за рабочими, спать на ночь легли опять под лопухом.

.....

В это самое время, когда Заступник разговаривал с Пустолаем, в городе, на улице Вологодской 10/1, в квартире 36 произошла непредвиденная для Батиста встреча. Эту однокомнатную квартиру он снимал как частное лицо. Вечером, когда на улице стемнело, в дверь постучали. Стук был размеренный и властный.

Коммерсант открыл дверь и от неожиданности сделал шаг назад. Перед ним стоял сердитый Бакстер. Гость пересёк прихожую, заглянул мимоходом в туалет, прошёл мимо Батиста в зал и уселся в кресло. Батист прошёл следом и сел на краешек софы напротив.

Такая встреча для Батиста не предвещала ничего хорошего, аванс он израсходовал, а заказанной игрушки у него пока не было.

– Не ожидал? – спросил Бакстер, перейдя с «вы» на «ты». При этом казалось, что его похожий на молот тяжёлый нос ударил по квадратному ещё более тяжёлому подбородку – наковальне. «Хрум!» – раздалось от соединения молота и наковальни, и тяжёлые, откованные звуки, сниженные в слова, звякнули около коммерсанта.

– По правде говоря, нет, не ожидал, – ответил тихо Батист. (Разговор шёл на английском языке.)

– Правильно и делал, что не ожидал. Нас никто не ожида-

ет, но мы приходим и все рады, когда мы уходим... Не так ли?.. – и засмеялся, выдавив из себя набор скрипучих звуков. – Я жду отчёта, сэр... – и он закинул ногу на ногу.

– Рад бы отчитаться, но отчитываться особо нечем... – проговорил тихо коммерсант.

– Ты её нашёл? – бухнуло молотом о наковальню Бакстер.

– Пока нет, но я думаю, что игрушка вернётся в тот дом. Я об этом сразу буду знать. Фома Фомич обещал приложить усилия... Возможно, она в этом доме где-то и прячется. Мы выследим и возьмём её по-тихому.

– Не удастся взять по-тихому, так возьмите по-громкому.

– Как это, по-громкому? – непонимающе спросил Батист.

– Взорви этот дом, в котором, как ты говоришь, находится изделие, – раздражённо сказал Бакстер. – Мне всё равно.

– Вам что, игрушка не нужна??? – изумился Батист. – Я много чего могу, но взрывать не умею и не хочу.

– Это сделают другие, если надо, – выдохнув, проговорил Бакстер и, помолчав, добавил. – Наше ведомство недовольно тобой. Своей нерасторопностью, Батист, ты, неумышленно, конечно, срываешь очень важное дело.

Батист усмехнулся.

– Я понимаю, что у вас тоже сроки и отчёты, но ни Америка, ни Англия не пострадают, игрушка не ядерная бомба и взрывать из-за неё никого не стоит. Я принял, сказанное вами, за своеобразную шутку.

– Я не шутил, – сквозь зубы проговорил Бакстер. А на-

счёт того, что это не ядерная бомба, ошибаешься. Какая ещё ядерная. Более того. Народная игрушка несравнимо сильнее любого ядерного заряда.

– Шутите? – Коммерсант удивлённо поднял брови.

– Без всяких шуток. Заруби себе на носу, Батист, – глиняная народная игрушка – это культура народа, который мы хотим держать в повиновении.

– В рабстве что ли?

– Можно выразиться и так. Только в цивилизованном рабстве... в цивилизованном... Пока любой народ живёт по своим понятиям добра и зла, то есть, исповедует свои культурные ценности, а не иные – этот народ – наша постоянная головная боль. Поэтому, завоевать, в современном понимании – это не ходить с автоматами по улицам чужих городов, и даже не высасывать из государств силы при помощи хитроумных экономических технологий. Пока народ живёт в своём культурном пространстве – он не завоёван. Это доказано историей. Рано или поздно он всё равно просыпается от информационного дурмана... Покорить, – это значит лишить народ культурной составляющей, превратив его в обычную толпу, если хотите – в быдло.

– Это другой разговор. Прежний, о цивилизационном прорыве, как я понимаю, был, как говорится, «для прессы» и не более того, а звучало правдоподобно... очень правдоподобно. Может быть, Бакстер, вы преувеличиваете значение этих глиняных штуквин, – мягко возразил коммерсант.

– Ничуть. – Нижняя челюсть англичанина грохнула о верхнюю. – Народная игрушка в линейке влияния культурных ценностей является самой главной и стоит под номером один. Она первооснова восприятия. Она, сэр, есть наш главный стратегический противник. Именно народная игрушка воспитывает детей в духе преданности своему народу, в служении ему. А нам надо, чтобы было всё наоборот... Да, мы сумели заменить их игрушки на иные, но это, как я уже говорил, не выход из положения.

Батист, слушая Бакстера, в изумлении высоко поднял брови, отчего сгорбленный нос его, слегка разогнулся и устоялся на тяжёлый подбородок собеседника.

– Вы удивлены?... Полно... Это ещё терпимо. (Бакстер снова перешёл на «вы»). Главное заключается не в этом, а в том, что русская народная игрушка несёт в себе философию русского православного бога, а это уже серьёзно.

– Зачем вы мне всё это говорите, сэр?

Бакстер не ответил и закончил мысль.

– Вот почему, дорогой Батист, нашему ведомству всё равно, будет ли игрушка находиться у нас в подвалах или исчезнет вместе с домом, где она может, находится.

– Тогда надо прятать в ваши подвалы и саратовскую гармошку, и саратовский калач, – заметил Батист. Это тоже реликвии города...

– С этими можно подождать. Эти изделия не первой величины по значению. Игрушка с колыбели формирует народ-

ную душу. Она это делает тогда, когда народившейся душе пока не нужны ни народные пляски, ни гармошки. Всё о чём вы сказали – это приходит потом, являясь только удобрением, а семя – это игрушка. Помните об этом и ещё помните о том, что наше ведомство не прощает инакомыслия. Мы можем простить просчёт, но инакомыслие – никогда.

– Почему вы так заинтересованы именно малоизвестной игрушкой, ведь есть в России другие, с мировым именем? – Спросил Батист, отведя разговор от темы – «инакомыслия».

– Наша задача не допустить возрождения игрушки, – ответил Бакстер. – Пока дитя в люльке – с ним меньше хлопот. Детская смертность в мире не новость. И потом, вы не один занимаетесь этим вопросом, любезный. Надо торопиться. Ведь, если ребёнок встанет на ноги, его будет трудно не замечать.

– Что вы собираетесь делать с известными в России игрушками?

– Мы их превратим в обыкновенные сувениры, в украшения, придав им иной смысловой оттенок, но это кропотливо и долго, поэтому, дорогой, на вас лежит особая миссия.

С этими словами гость поднялся из кресла и, не попрощавшись, вышел.

После его ухода Батист впал в ярость. Он нервно ходил по комнате и проговаривал одни и те же фразы: «Что мне он сейчас говорил!? Что он говорил?». «Он рассуждает о

культуре, как телёнок о тряпке, которую жуёт». «Он смеет учить потомственного аристократа тому, что есть культура?! Смерд. Паршивый смерд». «Нет, никогда, человек воспитанный и выросший в атмосфере великого наследия, не поднимет руку на великие творения!!! Никогда! Никогда! Он ещё смел рассуждать о цивилизационном лидерстве... а, в сущности, бандитизм в мировом масштабе и не более того. Он явно боится игрушки». В эти секунды потомок аристократов себя откровенно ненавидел.

Разгневанный Батист ещё долго потрясал в воздухе кулачком, мучился совестью, откровенно презирал себя за то, что связался с Бакстером, за то, что взял эти проклятые деньги и, когда совсем обессилел от истязавших его душу эмоций, тихо заснул в кресле, не раздеваясь. Заснул, чтобы успокоившись, завтра снова начать искать то, что искать ему уже совсем не хотелось и, только азарт игрока толкал его на действия. Он спал, глаза его были закрыты и только через узкую щёлочку век стеклянный глаз мерцал голубой поволокой.

Глава 42. Бесплодные поиски

– Перекур! – прокричал Сима. После команды, рабочие уселись тут же на мусорные кучи.

Сели чуть в сторонке и Крокыч с Позолотиным.

– Жаль, конька и баранчика Сима отобрал, – посетовал Крокыч.

– Поиски развернул не на шутку, – заметил Вениамин Павлович, кивнув на перебиравших мусор бомжей.

– Что хочешь думай, а вчерашних рабочих здесь нет, Сима всех убрал за исключением нас с вами да Валета. Просто так, Вениамин Павлович, состав не меняют.

– Вы, Семён Ваганович, с Валетом на эту тему говорили?

– Говорил, только всё без толку. Он их не знает, заговаривать пытался, но они на разговор не идут. Не случайно Сима вчера на сегодня выходной объявил, а сегодня в обед новый состав рабочих привёз и перебирать начал.

– Со всех сторон обложил. Если такая предусмотрительность, то можно думать...

– А что, профессор, чем чёрт не шутит, вдруг мы действительно ищем ту самую игрушку, что и вы ищите, а? Человеческий мозг – это такая загадочная субстанция, возможно, он у вас прогнозирует дальнейшие события, а может быть здесь есть и элементы ясновидения. Я читал, что бог награждает любящих его людей и много во имя его претерпевших разными способностями, например, видением будущего или способностями излечивать людей от всяких болезней, или прозревать прошлое. Я, кажется, что-то из прошлого нашёл... – Художник нагнулся и поднял с кучи мусора небольшую вещицу, обтёр с неё пыль. Это был небольшой, отличный из бронзы рельефчик, на котором были изображены три стерлядки. Крокыч передал находку профессору. – Посмотрите, уважаемый, может быть, что ценное?

Вениамин Павлович взял находку и стал внимательно её осматривать, затем вернул находку Крокычу.

– Это, Семён Ваганович, поздняя отливка. Она особой ценности не представляет. Таких отливок я встречал достаточно много, является деталью письменного прибора.

– Ну, вот... А я думал, что это археологическая ценность. Кстати, профессор, что стоит за этой геральдикой на гербе Саратова? Почему именно стерлядки? Я знаю, что стерлядь является в Волге самой ценной промысловой рыбой, но, думается, что не только это её воздвигло на герб?

– Геральдика – дело серьёзное, Ваганыч. Просто так на гербах ни одного штриха не ставят. Разумеется, стерлядь является самой ценной рыбой среди семейства осетровых. Размножение её не такое, как у других рыб. Самки впервые нерестятся в возрасте семи – восьми лет, а живёт она без малого тридцать. Но, это так, для информации. Разумеется, Семён Ваганыч, за рыбкой этой и ещё всякие истории стоят, и для Саратова немаловажные. Есть, конечно, истории совсем сказочные, а есть и правдоподобные.

– Так не тяните за душу... расскажите.

– Был я, Ваганыч, в одной экспедиции, изучали быт народов Поволжья, так мне один рыбак вот какую историю рассказал. История эта связана со стерлядью и выбором места постройки города. Так вот. Известно, что Саратов по повелению царя строился как город-крепость. Это факт исторический. Место же постройки выбирали конкретные люди. Выбрал это место князь Григорий Засекин с товарищами. Крепость рубили в верховьях Волги, вязали в плоты и спуска-

ли вниз по течению, а на месте только собирали. Так строить удобно, быстро и для врагов неожиданно. Место было князем выбрано, расположились стрельцы на берегу, ждут плоты, костры жгут. А тут туман надвинулся, в двух шагах ничего не видно. Речники хоть люди и опытные, а как в туман плот погонишь? Можно место постройке проскочить, а это беда и можно сказать – государственное преступление, назад плот не воротишь и царский срок нарушишь. Вот такая ситуация сложилась – вперёд не поплывёшь и на месте стоять нельзя. Боятся, но плывут потихоньку, в береговые шумы вслушиваются. И тут лоцман, он на переднем плоту был, заметил плывущих впереди плота трёх стерлядок. Плывут стерлядки, спинами поверхность воды разрезают, отчего волны на спокойной водной глади в разные стороны расходятся. Стерлядок видно хорошо. Средняя чуть впереди плывёт, а две по бокам. Сначала лоцман подумал, что это случайность, а потом смекнул, что случайностью тут не пахнет, понял, что стерлядки плоты сопровождают и путь указывают. Одним словом – привели рыбки плот к берегу, где его стрельцы с князем дожидались и, разом перекинувшись у берега через спины, исчезли в глубине под плотами. Вот такую я услышал историю.

– Я читал, профессор, про то, как дельфины корабли по сложным фарватерам проводят, а тут стерлядь... – сказал Крокыч.

– Мне эти факты про дельфинов, тоже известны, поэтому

как к сказке или придумке какой, отнести к рассказу рыбака нельзя, других же доказательств случившегося нет, заглянуть в прошлое тоже нельзя. Есть, конечно, ясновидцы...

– Может быть у вас, профессор, некие способности из этой области есть?

– Что вы, Семён Ваганович! Эвон куда хватили. Из меня хоть святого не лепите. В бога, как в личность за нас пострадавшую и взявшего наши грехи на себя, и кровь свою за нас на кресте пролившего, я верю и всегда верил, это просто для любого учёного очевидно, но я никогда не думал, что нахожусь на свалке и страдаю ради Христа. Мне и мысль такая в голову не приходила.

– А вот уж тут позвольте, уважаемый, с вами не согласитесь, сказал Семён Ваганович. – Вы о ближнем пеклись, когда квартиру свою подписывали, а о своей участи не думали и теперь о ближнем печётесь, научный труд пишете, игрушку ищите, которую мастера, талант которых от Бога был, делали. Согласитесь, что это не праздное занятие, напомнить людям поделкой о любви...

– Что вы сказали, Семён Ваганович!! – каким-то неестественным голосом воскликнул профессор. Повторите, ... повторите мне это ещё раз...

Профессор после сказанного Крокычем очень разволновался и художник подумал о том, что уж не симптомы ли это болезненного состояния проявляются?

– Что я сказал?.. Ничего не сказал, опешил Крокыч.

– Нет... нет, вы что – то, дружище, сказали и я прошу вас это повторить, – взволнованно сказал Вениамин Павлович.

– Как вам угодно, – пожал плечами Крокыч, – просто я сказал, что это не праздное занятие – напомнить людям поделкой о любви, вот и всё.

– Нет, дорогой, не всё. Вот мысль, которая от меня всегда ускользала, вот она – главная задача народной игрушки – нести людям любовь, напоминать им о любви, о той любви, которой господь возлюбил людей. Это. Семён Ваганович, не просто изделия на потеху! В этом сокрыт грандиозный сакральный смысл, и господь вашими устами до меня его донёс. Именно в этом и состоит великое предназначение народной игрушки, как нести людям любовь, размягчать их души своим видом, учить детей любви, напоминать о ней взрослым. Спасибо, Семён Ваганович! Большущее вам спасибо! – профессор взял руку Крокыча и крепко её пожал.

– Бросьте вы, профессор, я ведь когда говорил об этом даже и не думал, просто с языка сорвалось.

– Даже если и так, сказанное вами для меня не случайно, это будет главной мыслью в моей книге, и я с радостью поставлю вашу фамилию на обложке рядом со своей, приглашаю вас в соавторы.

– Что вы, что вы, помилуйте, – замахал руками Крокыч, – нашли учёного, а вот о том, что не свою ли игрушку вы сейчас в кучах ищите, это я действительно сказал и от своих слов нее отказываюсь.

– Вы, милейший, мои мысли прочитали. Что вы насчёт этого ещё думаете?

– Меня, профессор, смущает то, что этим вопросом занимается Сима; с какой стати? Это дело интеллектуалов, хоть с положительным, хоть с отрицательным значением этого слова. Это единственное, что меня смущает в разборке мусора, а точнее, в этом деле.

– Возможно, до него информация дошла своим путём? – заметил профессор.

– Я бы так и думал, если б не появление на свалке этого подростка. Как его там называли, не помните, высокий такой с интеллигентным лицом, а с ним маленький с бегающими глазками.

– Высокого Валет Пегасом называл, – ответил Крокыч, – а маленького Мухой. Только мне показалось, что они с Симой не из одной компании. У них что-то своё на уме.

– Вот, вот и я так же подумал, – заметил Позолотин. – Что-то здесь не так?

– Верно, Вениамин Павлович. – Сима суется, а эта парочка нет. Только вид делают, что Симе подчиняются и помогают.

– Трудно сказать, но похоже на то, – заметил Вениамин Павлович. – На надсмотрщиков с кнутом они не тянут.

– Надо к ним приглядеться. Только их что-то сегодня нет?

– Интереса видно нет... На найденные игрушки этот Пегас тоже отреагировал как-то странно. Вы-то об этом, Семён

Ваганович, что думаете?

– Откуда найденная игрушка в таком исполнении взялась? – недоумённо проговорил профессор. Правда, я знал одного мастера в городе. Он был занят идеей поиска и возрождения старинной игрушки. Не его ли это игрушка здесь очутилась? Он мне давно показывал два или три пробных изделия, очень, скажу вам, напоминают, очень.

– Мне в этой истории странным показалось то, что все игрушки целёхонькие, как-будто специально кто подложил, – высказал своё мнение Крокыч.

– Верно, – сказал профессор, – вот что значит глаз художника.

– Какой там глаз. – Отмахнулся художник. – Глаз здесь не причём, просто так подумалось. Видно, кто-то с кем-то играет в подкидного дурака. Жаль, что вы отмахиваетесь от моей гипотезы о поиске игрушки соперничающими людьми.

– Нам этого, Семён Ваганович, сейчас не понять, надо посмотреть, что будет дальше. У нас на этот счёт очень мало информации. Думается, что в дело поиска игрушки включены разные силы.

– Одни, чтобы на ней заработать, а другие, чтобы спасти народное достояние, – вставил Крокыч.

– Не всех перечислили, дружище.

– Кто же, по-вашему, ещё?

– Третья сила, это сила, желающая исчезновения игрушки.

– Кто же этот ненавистник святого?

– Это спецслужбы других государств, Семён Ваганович.

– Им-то она зачем?

– Им она нужна, чтобы её уничтожить, а другую насадить.

Да, да. Это называется подрывом духовной мощи народа и государства.

Об этом мы ещё поговорим. Сейчас давайте подниматься, перекур закончился, вон уже Сима встал, сейчас команду подаст.

Глава 43. Дом на Лермонтовой

Дом Забродина стоял недалеко от Волги и представлял из себя двухэтажный коттедж с двориком, окружённый высоким кирпичным забором.

– Хорош особнячок! – воскликнул Костя, когда они поравнялись с домом.

Костя и Антон укрылись за кустами живой изгороди, опоясывающей забор, и стали думать, как им быть? Сначала они хотели просто дождаться Пегаса и отобрать у него Гуделку, потому и укрылись в кустах. Затем Антон нашёл щель между кирпичами и стал наблюдать за тем, что происходит во дворе. А во дворе за столиком в кресле-качалке сидел интеллигентного вида господин. Он то и дело поглядывал на часы и видимо кого-то ждал. Лицо его было украшено маленькой аккуратно подбритой короткой бородкой и усиками. На столике стояли бутылки, по всей видимости с напитками.

– Это и есть тот самый доцент, – сказал Антон.

– Тоша! А тебе не кажется, что это обыкновенный грабёж, – сказал Костя.

– Как это грабёж.... Ничего подобного. – Ответил Антон. – Муха игрушку стырил, за что метлой вдоль спины получил.

– А ты не стырил?

– Я не стырил, – запальчиво сказал Антон, – нам дворник разрешил и дверь показал.

– Это не аргумент. Игрушка тоже дворнику не принадлежала, если хочешь знать...

– Пегас игрушку продать хочет и свою выгоду ищет, а мы для клуба стараемся... И потом, Пега игрушку должен был сдать государству, а не тащить на Сенной, – возразил Антон.

– Не очень убедительно.

– А что убедительно по-твоему? – рассердился Антон.

– А убедительным будет то, если бы мы перелезли через забор и послушали, о чём этот господин будет говорить с Лёней Пегасовым, которого, по сведениям полученным от Мухаева, он теперь и дожидается. А у Лёни чем голова сейчас заряжена? Понятно без слов.

– Это ты здорово придумал, только как пробраться во двор? – Антон уважал в брате эту способность к анализу, – по правде, лезть через чужой забор, это тоже посягательство на частную собственность, – договорил Антон.

– А мы ни на чью собственность и не посягаем, – ответил Костя, – мы ничего не крадём, мы только слушаем и всё,

... а слова это не имущество, вот так.

Этот аргумент брата развеял последние сомнения Антона. Слова действительно имуществом не назовёшь.

– Хорошо, – улыбнулся Антон, будем считать, что убедил, только не совсем.

– Потом деспорим, – бросил Костя, а сейчас дело надо делать.

В конце забора они нашли толстое дерево, ветки которого перепутывались с такими же ветками такого же большого дерева, только росшего по ту сторону забора.

– Что, рискнём? – кивнул Костя на сплетённые ветки.

– А выдержат?

– Ты легче меня, полезешь первым. А если под тобой затрещат, то сразу назад... понял?

– Чего ж тут не понять... – и Антон полез на дерево, затем встал на толстую ветку, по ней перешёл на другую сторону забора, осторожно перебрался на ветку другого дерева и затаился за стволом, показывая брату знаками, что ничего страшного нет.

– Костя тоже благополучно достиг по ветке, другого дерева, но когда ступил на неё, она предательски затрещала. Костя, сбалансировал и удачно переступил на другую ветку и удержался от падения. Осторожно, держась за сучки, они спустились на землю и, прячась за кустами, приблизились к сидящему за столиком господину. И только они успели подобраться к нему поближе, как в калитку постучали. Калит-

ка, видно здесь не обошлось без электроники, бесшумно открылась и во дворе появился не кто иной, как сам Лёня Пегасов. Он подошёл к доценту и поставил перед ним на стол глиняного мальчика.

– И это всё? – спросил господин.

– Пока да, Эдуард Аркадьевич, есть непредвиденные технические сбои, – Пегасов немного смутился.

– Что за сбои? – строго спросил доцент, и они стали тихо разговаривать. О чём они говорили, было не слышно. Мальчишки подобралась поближе. И хотя первая часть разговора была пропущена, о чём шёл разговор, было понятно. Говорил доцент:

– Я обещаю устроить тебя в ВУЗ, Лёня! Мне нужны игрушки. Ты это понимаешь!? Твоё поступление на бесплатное отделение целиком и полностью теперь зависит от этих глиняных болванчиков, ... неужели непонятно?!

– Я понимаю, Эдуард Аркадьевич, делаю всё возможное.

– Это и есть та самая игрушка, что Пега с Мухой на чердаке нашли, – прошептал Антон.

– Молчи ты... – угрожающе прошипел Костя. – Смотри лучше.

Минут через пять Лёня, получив деньги, встал, намереваясь уйти.

– Уходим, – проговорил Костя. И только они собрались уходить, как Эдуард Аркадьевич тоже встал и, проводив Лёню до ворот, вернулся назад, но не сел в кресло-качалку, а

подошёл к беседке, путь назад к тому месту, где перелезли Костя и Антон через забор, был отрезан.

Минуты через три после ухода Лёни у ворот раздался сигнал автомобиля. Степан Аркадьевич взял в руки прибор, нацелил его на ворота – последние открылись и во двор въехал чёрный «шевроле». Из кабины вышли небезызвестный нам Фома Фомич Тараканов и иностранец, тот самый господин Батист, с которым наш читатель уже хорошо знаком. После краткой церемонии встречи, знакомства Батиста с хозяином дома и обмена любезностями, они сели за стол в беседке.

– Давай послушаем, о чём говорить будут, – прошептал Костя. Антон кивнул.

– Вы о чём так волнуетесь, уважаемый Эдуард Аркадьевич? – спросил Фома Фомич.

– Дело в том что, случилось невероятное, – сказал доцент.

– Что-то давненько в нашем городе невероятных событий не происходило, – улыбнулся директор свалки, оттянув нижнюю губу и затягиваясь сигаретой. Ты бы, Эдик, поподробнее рассказал и не спешил, а то господин Батист подумает о нас не совсем то и не совсем так.

Господин Батист как только подошёл к столику сразу увидел, принесённую Лёней глиняную игрушку и стал её внимательно рассматривать.

– Как я понимаю это и есть тот самый шедевр, о котором мне вы, господин Забродин, сказать? – спросил Батист. В его душе снова взяла верх алчность и стремление к наживе, вре-

менно подавив лучшие побуждения потомка аристократов и, понятно, что глаз его на это соответствующе отреагировал.

– Да, господин Батист, у вас в руках та самая игрушка, о которой шла речь, – торжественно сказал Эдуард Аркадьевич.

– Я не понимаю,.. я видел подобный игрушка у господин Тараканов, – удивился Батист. Вы меня что, водить за нос, – и иностранец замысловато поводил рукой в воздухе, выразительно коснувшись своего носа.

– Нет-нет, – сказал Фома Фомич, сразу сообразив, что по своему незнанию дал маху, что у него в квартире Батист видел такую же игрушку, и тут же решил исправить положение. – Господин Батист, Вас никто не желает водить за нос, – произнёс он. – Эти игрушки из одной коллекции, делались одним мастером, поэтому и почерк един.

– Сколько это стоить доллар? Хотя бы приблизительно, – спросил Батист.

– Сейчас это не стоит ничего, – проговорил доцент.

– Не понимаю ваш высказывания! – поднял брови иностранец.

– Всё просто, – стал пояснять доцент. – Это касается истории края. Дело в том, что на саратовщине испокон веков делали вот такую глиняную игрушку. Это утверждал профессор Позолотин. Позолотин утверждал, что это место на берегу Волги особое. Игрушку ведь лепили не только в Саратове. Задолго до появления Саратова игрушку лепили в зо-

лотоордынском городе Укеке, который располагался в сегодняшней черте города Саратова. Сейчас это посёлок Увек. Некоторые археологи утверждают, что до Золотой орды на Увеке уже жили люди. И стоит предполагать, что они тоже лепили игрушку. Прошу заметить, что это говорил не я, а профессор Позолотин. У меня было несколько иное мнение. Я считал, что игрушка как отдельный вид не существовала. Я думал, что на саратовщине мастера просто копировали игрушки из других мест. Они ходили на заработки в другие регионы, видели игрушку, покупали и как могли копировали, разумеется, немного её изменяя. Надо признать то, что профессор Позолотин оказался прав, игрушка действительно существовала в наших местах как отдельный вид и вот эта игрушка, что вы держите в руках, полное тому доказательство. Спустя десятилетия после исчезновения она нашлась.

– О! Это колоссально!! Профессор Позолотин, как я понимаю, очень доволен, – проговорил господин Батист, – его уважай учёные запада! Это очень солидный в науке господин. Я рад буду его смотреть и знакомиться...

После экскурса в историю края в Батисте произошло смешение чувств, перед величием находки. Стекланный глаз не знал, как ему реагировать на путаницу в душе хозяина и он, то мгновенно темнел, то так же мгновенно светлел, да так, что из него буквально сыпались голубые искры.

– Позолотина давно нет, – подчеркнуто произнёс Эдуард Аркадьевич.

– Как нэт? – удивился француз. – Позолотин совсем нэт?!
эт?!

– Да, нет. – Нервно проговорил доцент. – В России часто пропадают люди, господин Батист, их крадут, они теряют память, да мало ли чего может приключиться с человеком.

– Это плёхо. сэр. Вы – человек наука, кандидат наука, и понимаете это не хуже меня. Человек с таким именем не может, не наследив, пропадать.

– Вы хотели сказать «бесследно», – поправил иностранца Фома Фомич.

– Да-да, бесследно, бесследно. О-кей. Совсем бесследно.

– Это хорошо, что его нет, – наигранно весело сказал Забродин. – Хорошо именно для нас, для нашего бизнеса.

– У вас в Россия всё, как это выразиться, – к верх сапогами. Что у нас плёхо, то у вас почему-то обязательно корошо, – недоумённо сказал Батист. – Я не понимаю почему это для наш бизнес плёхо? Я платить...

– Профессор Позолотин не разрешил бы вывезти уникальную игрушку за рубеж, вот почему это и для вас, господин Батист, и для нас было бы плохо.

– Слышал, – прошептал Антон.

– Тише, ... а то заметят.

– Вот этот с бородкой и есть тот самый Забродин, доцент; иностранец подтвердил. Муха не соврал, его точно зовут Эдуард Аркадьевич.

– Без тебя понял, не глухой...

– Если бы во время отобрали гуделку у Пеги, то была бы наша, а теперь вон она на столике стоит. Надо было его там караулить, а не здесь торчать.

Антон немного помолчал, затем тихо проговорил:

– Не плохо бы наведаться на эту свалку и нам.

– Наведаемся, только не сейчас – ответил Костя. – Здесь дела поважнее. Всё равно игрушка этим господам попадёт. Слушай лучше, да запоминай. Сейчас каждое их слово на вес золота, речь идёт не об одной игрушке.

По разговору мальчишки поняли, что Эдуард Аркадьевич и Фома Фомич давно друг друга знают и даже находятся в приятельских отношениях. Не каждый же будет называть Эдуарда Аркадьевича «Эдиком», а кто у них главнее – было не понять. Главное сейчас было запомнить все нюансы разговора.

.....

– А вдруг эта игрушка не та, за которую вы её выдаёте? – засомневался Батист.

– Это доказуемо, – проговорил доцент. – Дело в том, что эта игрушка описана профессором Позолотиным в своей монографии... Если сомневаетесь, то можете взять третий том его сочинений и сверить данное им описание с оригиналом. Посмотрите страницы 425 – 430.

– Я вам доверяй, – сказал Батист, – но будет спокойнее, если я тоже познакомлюсь с этот текст и сделаю сравнения. Как гласит ваш поговорка «Доверяй, но проверяй».

– Проверьте, госполдин Батист, мы не против,– сказал Фома Фомич и встал, показывая тем самым, что разговор на сегодня закончен.

– Думаю, что скоро мы встретится, – проговорил Батист. – Я сегодня-завтра наведу справка и если всё о-кей, то наш договор будет в силе. Кстати, гармониста и барашек я тоже буду покупать.

После этих слов Батист пожал всем руки и ушёл, Тараканов и доцент остались одни.

.....

«А молодец всё-таки Антон, что взял меня с собой, а не послушал своего брата и учителя, – думал Свистопляс, находясь в антоновом кармане, – где бы я это всё услышал, плохо одно, что выглянуть нельзя и осмотреться, а главное, нельзя увидеть ту игрушку, о какой говорят эти господа». Одного из говоривших Свистопляс признал, это – Фома Фомич, а вот другого голоса он никогда не слышал. «А вдруг это Глиня стоит перед ними на столе, а он Свистопляс даже и не знает, хотя находится совсем рядом, – подумал кентавр.– В этом случае можно подскочить полным галопом к столу , громко крикнуть их воинственный клич «Смелым – Слава ! – Трусам – Позор!», Глиня сразу поймёт, что это его друг, прыгнет со стола прямо ему на спину и, поминай как их звали, ведь никто не умеет так быстро скакать как Свистопляс».

Но через минуту, он уже отверг это решение, потому как спастись самим, подумал он, – мало чести для настоящих

воинов, главное для них спасти тех, кто попал в беду, то есть остальных глиняшек: Катерину, Дуню, Пустолая... , а тут уже спешка не нужна, а лучше узнать, где они находятся?

Как понял Свистопляс. Эти господа озабочены тем же, так зачем им мешать, пусть ищут, а для выручки друга Глини он придумает другой план. Ещё его остановила от решительных действий информация о Ваське, козочке и овечке. Конечно, Батист не назвал их по имени, но он же чётко сказал, и Свистопляс хорошо это слышал: «Гармониста и барашек я тоже буду покупать». Понятно, что этот иностранец не знал их имён, важно, что речь шла о гармонисте и барашке, и ясно, что он их тоже хочет купить. Здесь надо подумать.

.....

– Осторожный, – сказал Эдуард Аркадьевич Фоме Фомичу про иностранца после его ухода, сидя в кресле-качалке, – проверить решил.

Забродин стоял напротив него, опершись на спинку стула. Вид у него был явно не торжествующий, а скорее наоборот.

– А вы как бы на его месте поступили? – немного помолчав, сказал Фома Фомич, – все мы рискуем, а он так больше нашего, вот и стелет соломки.

А всё-таки, Позолтин был прав, – сказал доцент Фоме Фомичу. – Знаешь, у меня сейчас смешанные чувства. С одной стороны я раньше всегда хотел, чтобы он был неправ. Вот и в своей докторской диссертации я об игрушке ничего не говорю. У меня на носу защита, а тут всплывают веществен-

ные доказательства, что она была и есть... Я не могу о ней ничего не сказать...

– Ты, Эдик, не волнуйся, – утешительно сказал директор свалки.

– Как же мне не волноваться, – начал горячо говорить Забродин. – Оппоненты тоже не дураки. Они читали труды Позолотина. Правда, на мировой уровень эта информация не выплеснулась, но как знать. Нужна пауза, а паузы может и не быть. Возьмёт какой-нибудь коллекционер и продаст игрушечку иностранцам, а они люди дошлые, копейку умеют делать. На весь мир разгрезвонят, что в Саратове найдена уникальная игрушка, и уж, как пить дать, вспомнят и Позолотина, а потом доберутся и до меня. Что там говорить о коллекционерах, когда мы сами собираемся сделать то же самое. Логика говорит мне, что лучше б её и не было, а если нашлась, так её надо закопать подальше, чтоб уж не нашли больше никто никогда. А, с другой стороны, чую, что на этой игрушке можно хорошо заработать. Вот какие диаметрально противоположные мысли у меня в голове.

– Сними с защиты докторскую диссертацию, – тихо сказал Фома Фомич.

– Как это снять!?!.. Как это снять?! – возмутился Забродин. – Я столько потратил времени и сил, чтобы её написать, ... и как же снять..?

– Прости... Тебе что, Эдик, славы захотелось?! – Фома Фомич заговорил твёрдо и резко. Тебе что, в доктора наук

выйти захотелось?... Если я тебе говорю, что снять, значит – снять! – и вкрадчиво, понизив голос, с нажимом в интонации добавил. – Пока нельзя, Эдуард, по-ка...

– Не могу я этого сделать!

– Можешь и сделаешь! – твёрдо и безапелляционно сказал Фома Фомич.

– Нет, ... не могу, – отрицательно покачал головой доцент.

– А ты, прежде чем неткать, да головой мотать, как бугай в колхозном стаде от мух, вспомни, кто тебя в люди вывел? Ты перед кем сейчас нос дерёшь?!.. Фома Фомич тебе такого указания не давал – нос задирать. – Голос Фомы Фомича крепчал, становился злее и напористее. – Вот когда я тебе такое указание, Эдуардушка, дам, нос задирать, – тогда и задерёшь. А ты думал, что раз стал доцентом и председателем комиссии по вывозке за рубеж культурных ценностей, то тебе Фома Фомич стал и не нужен... Нет, милоч,.. как ещё нужен... Стоит мне захотеть и твоя диссертация вернётся из Москвы. Ты, как вижу, забыл, кто из тебя человека сделал? Что ж, надо тебе напомнить о том, как ты на свалке, – Фома Фомич постучал пальцем по краю стола, – на моей, заметь, таракановской свалке, старинные вещи собирал. А кто тебя заметил, а кто тебя после института на кафедру определил; потом, не без моей ли ты помощи комиссию возглавил!?

Фома Фомич откинулся в кресле и отечески продолжил. – Я, Эдик, своего человека растил... Я тебя выдвинул, так я тебя и задвину, если захочу. А если надо, то вместе с мусо-

ром закопаю. Ты думаешь, если ты заведующий кафедрой, так мне до тебя уже и не дотянуться? Да у нас, братец, всё в стране на таких как я держится, на Таракановых. Если Фомы Фомичи захотят страну перевернуть и на голову поставить, перевернут и поставят. А ты... Кто ты есть? Посмотри на себя...

– Фома Фомич, ... отец родной, ... может чего лишку сказал, ... не губите, ... лучше посоветуйте, – и Забродин, встав на колени, и подойдя на коленях к креслу-качалке, в котором сидел Фома Фомич, стал целовать руки и колени Тараканова.

– Ну, полно, ... полно, ... вижу твоё раскаяние, ... полно. Склонённую голову меч не сечёт, ... полно, – проговорил снисходительно Тараканов, приподнимая Эдуарда Аркадьевича с колен.

– Так как мне быть-то, Фома Фомич!?! – воскликнул Забродин, сложив руки ладошками у собственной груди. – Подскажите, голова кругом идёт, .. в толк взять не могу, – продолжал говорить Забродин просящим, полным отчаянья голосом.

– А вот это уже другое дело... – мягко сказал Фома Фомич, это правильная нота. Именно так, Эдуардушка, и надо. Именно так... А, Фома Фомич, посоветует, а как же не посоветовать... В ваших глиняных куклах, Эдуард Аркадьевич, я не очень разбираюсь. Можно даже сказать, что совсем не разбираюсь. Зато у меня есть люди, которые в этом понимают, вы второй из них.

– Кто первый?.. Не Позолотин ли воскрес? – спросил испуганно доцент.

– Вот... вот, – И Фома Фомич изучающе посмотрел на Забродина.

– Я думал его уж косточки сгнили... – с дрожащими губами сказал Забродин.

– Догадливый ты, Эдуардушка, за что всегда я тебя и ценил. А теперь слушай, что тебе Фома Фомич скажет... Эту игрушечку мы профессору покажем. И если это та самая, тогда это будет уже другое дело и другая цена, и другой оборот...

– Какой оборот? – переспросил Забродин.

– А такой, Эдуард Аркадьевич, что я – Фома Фомич, директор свалки спас народное достояние, а ты учёный муж, подвергал сомнению, выдвинутую профессором Позолотинным, научную гипотезу, что и выразил в своей диссертации. Что, съел? – и Фома Фомич захохотал. Его лицо выражало необычайное удовольствие, щёки подпрыгивали, а вместо глаз образовались две симпатичные лучезарные трещинки.

– Вы этого не сделаете... Вы этого не сделаете!!! – проговорил испуганно Забродин, встав опять перед Таракановым на колени.

На Забродина жалко было смотреть, с трясущимися руками, в запотевших очках, с сузившимися плечами, он уже не был тем самодовольным Забродиным, какого мальчишки видели в начале встречи. И им теперь было понятно, что имен-

но Фома Фомич, директор свалки и есть самый главный. Они не мигая смотрели из своего укрытия на директора и Забродина, стараясь не пропустить ни одного слова.

– А хорошо, что мы не ушли, – прошептал Антон брату.

– Тихо ты... – оборвал его Костя.

Мальчишки увидели, как Эдуард Аркадьевич, снова был поднят с колен и как он тяжело сел на стул. Фома Фомич наклонился вперёд, похлопал ладошкой по колену Забродина и сказал весело и непринуждённо:

– А вот тут ты прав,... конечно, не сделаю, – облизнув губы, проговорил директор, – чего испугался... мне, Тараканову, медаль не нужна. Нам, Фомам Фомичам, власть нужна, а не слава. Ты вот своим умишком думаешь, что я к губернатору пойду по игрушке вопрос решать. Ан, нет. Я к такому же Фоме Фомичу пойду, под кем этот самый губернатор ходит. К другому такому же Тараканову, и мы с ним обязательно найдём общий язык. Тараканов с Таракановым всегда договорится. Вот так вот, Ероха – воха. – Он сжал пальцы в кулак, поднёс кулак к своему лицу и впился в этот кулак взглядом. И, помолчав, добавил. – Ты вот председатель экспертной комиссии – ходишь подо мной, а другой ходит тоже под таким же Таракановым как и ты, только под другим. Таракановы – сила. А ты, поди, думаешь «на законе, на конституции страна стоит»... нет, дорогой, – на Таракановых она стоит... на Таракановых. Таракановы её и фундамент, и стены, и крыша, если угодно!

После сказанного Фома Фомич опять помолчал и проговорил уже без пафоса:

– Ты вот что, – и он поманил к себе пальцем доцента, а когда тот нагнулся в направлении сидящего Фомы Фомича, проговорил негромко. – Ты не бойся и не трепещи как заячий хвост. Мы сделаем так, что и овцы будут целы и волки сыты, не дрейфь... Мы игрушку эту за границу сплавим, там придержим, обнародовать не будем. Ты свою диссертацию защитишь... Я стану председателем ассоциации директоров свалок. Позолотина, придёт время, из мёртвых воскресим. Да ещё и его спасителями окажемся. Вот тогда и крикнем об игрушке. Я, разумеется, буду спасителем игрушки. Ты немного покаешься и признаешь правоту Позолотина, а звание доктора наук у тебя уже никто не отнимет и кафедры тоже. Позолотина выпустим тогда, когда это будет нам надо, ни часом раньше. К Позолотину мировая общественность прислушается, начнётся игрушечный шум. А игрушка-то, уже за границей, тю-тю. И тебя из-под удара с твоей комиссией выведем. Откуда же ты мог знать, что это раритет? Игрушка вскоре займёт подобающее ей место в мировой культурной нише, потянет на себя очень хорошие деньги, а это миллионы зелёных. И все довольны. – Фома Фомич от удовольствия и предвкушения того, о чём говорил, даже показал доценту кончик языка. Ну, что, мол,... съел, так-то вот. Фома Фомич всё продумал...

– Ну, вы голова, Фома Фомич. Этого я от вас не ожидал, –

сказал удивлённо доцент.

Эдуард Аркадьевич откинулся на спинку, достал платочек и стал вытирать лоб.

– Ладно, не хвали, сам знаю. – Небрежно двинул рукой директор.

– А о какой, Фома Фомич, игрушке говорил иностранец, я не понял, но при нём выяснять не стал? Какой-то гармонист?.. барашки?.. Поясните, что к чему? – спросил доцент.

– Моя промашка, Эдуард,... моя... Батист у меня вчера был и подобную игрушку видел, в руках вертел. Только там фигурки другие были, вот о них он и говорил. Гармонист там был, козочка и овечка.

– Как!? – ахнул Забродин. – Откуда они у вас? А я тут как фигляр!... Сцены перед французом устраиваю...

– Да всё просто, – махнул рукой Тараканов, – говорю же, что я маху дал. В доме, что я приобрёл, ты знаешь, игрушки эти были. Штуки три Зинуля в квартиру привезла. Этот Батист у меня в гостях был, на них весь вечер, пялился. Так что они там за границей не умнее нас с тобой, только форсу много.

– Так она что, эта игрушка, у вас!?

– Не-ет... уже не у меня...

– Как!?

– Эта Зиночка с куриными мозгами, выбросила их в окно, – Фома Фомич поморщился.

– Как, тысячи зелёных в окно? – изумился Эдуард Арка-

дьевич.

– А чему ты удивляешься? – сказал спокойно Тараканов. – Свои мозги никому не вставишь. Вот это и называется непредвиденным фактором.

– Так, Фома Фомич, возьмите пуделя, пусть ищет, в клумбах, ... я не знаю... – заволновался доцент, давайте перероем там всё.

– Пуделя тоже нет, ... сбежал... – сказал с досадою Фома Фомич. – Думаю, что с этой игрушкой в зубах и сбежал. Весь вечер он пытался её заполучить, а мы не давали. Улучил момент, когда я его вывел гулять и сбежал.

– А дом, который ломали твои люди, что было нельзя осмотреть?

– Да смотрели, ... смотрели... и видели, только, кто бы знал... – директор помолчал. – Ты вот чего, волну не гони, игрушка никуда не денется. Сейчас я позвоню Симе и он её милую на блюдечке нам принесёт.

Он достал мобильник, набрал номер и сказал в трубку: «Это Фома Фомич. Ты, Сима, вот что. Тот мусор, что от меня привезли надо перебрать по щепочке. В мусоре находится глиняная игрушка, её надо найти, – и выключил телефон.

– Я не доверяю твоему Симе, – сказал Забродин. – Пусть от меня там будет ещё один человек.

– Это ты его имеешь в виду, и он кивнул на Гуделку, подразумеваемая под ним принёсшего игрушку Пегаса.

– Да, его самого. Пусть будут на равных по поиску игруш-

ки.

– Надо подумать, – сказал Фома Фомич, – как бы Сима не обиделся. У нас не так-то много преданных и верных людей, – и, встав, направился к своему «шевроле». За ним пошёл и доцент.

– Вот тебе на,—... протянул Костя, – когда за чёрным «шевроле» закрылись ворота. – Ты всё понял?

– Я запомнить-то запомнил, только не всё понял, – ответил Антон.

– Фома Фомич оказался удачливым, сам поди не думал, какое ему богатство привалит, когда старый дом покупал, и Позолотин, оказывается жив. Помнишь, о нём Пал Палыч говорил?.. Интересно, где он прячет профессора? Давай расскажем обо всём учителю.

– Давай. Только отсюда надо сначала выбраться.

Такой удачи ребята не ожидали. По сути, вся информация была у них, образно выражаясь, в кармане и даже информация о Позолотине, на которую они просто не рассчитывали. Надо было действовать.

Антон быстро перебрался на ту сторону ограды, а вот с Костей случилась беда. Предательская ветка, что прошлый раз только треснула, обломилась и он упал.

Цепкая рука схватила Костю за шиворот и повернула. Костя увидел перед собой ехидную улыбку доцента.

Глава 44. Василий играет

Мы оставили Смуглянку, Белянку и Василия в тот момент, когда они, вдоволь пообсыпавшись серо-белым глиняным порошком, пошли на поиски глины, из которой был сделан Василий. Величественная панорама предстала перед путниками, когда они поднялись на самую вершину горы. Во-первых, это была, раскинувшаяся на многие километры, широкая гладь реки, за которой виднелись очертания другого города. Мамушка говорила, что это Покровская слобода, а по-сегодняшнему – город Энгельс. Вдали, справа и слева, виднелись два, различных в утренней дымке, моста, справа – железнодорожный, а слева – автомобильный. Они нитками пересекали реку, а по реке плыл серебристо-белый теплоход.

– Красиво как, – вздохнула Белянка.

– Так бы и ходила здесь, и щипала травку, – проговорила Смуглянка.

– Это место называется Кумысная поляна, – пояснил пудель, – мы с хозяином сюда на пикники приезжали.

– А чего ты ещё знаешь? – спросил Василий. – Может быть, ты знаешь, где здесь глина?

– А что такое глина? – спросил пудель. – Что такое земля знаю, а вот что такое глина?.. я не знаю, – и помотал отрицательно головой.

– Вот, на тебе, – сказала Белянка. – Глина это тоже земля. Бывает – жёлтая, коричневая, серо-белая, как там, где мы только что были...

– А я цветов не различаю, – погрустнел пудель, – я запа-

хи различаю, а вот цветов не различаю, у меня в глазах всё серое.

– Тогда как тебе объяснить – задумалась Смуглянка. – У меня тоже с цветами не очень.

– Я придумала, – сказала Белянка. – После дождя к ней копыта прилипают и скользишь.

– Так бы сразу и сказали, – обрадовался пудель, – тогда я тут в округе все такие места знаю, где лапы прилипают.

– Так, где же эти твои места? – спросил обрадованно Василий. – Может быть одна из глин, что в этих местах есть – моя будет?

– Самая от нас близкая глина, не считая ту, что мы видели, это липучка. Так я её прозвал, – сказал пудель, – находится на пруду. Мы с хозяином там машину мыли.

– А где этот пруд? – спросил Василий.

– Пруд находится около дач. Только к дачам идти и не обязательно. Сначала пойдём обочиной шоссе, дойдём до памятника водителям, погибшим на войне; справа, за полем, в овражке, и есть эта глина. Я по тому овражку бегал, и везде лапы липли.

– Молодец, пудель, всё замечаешь, – похвалила его Белянка, и они пошли искать глину.

Шли достаточно долго, и всё по причине маленького роста глиняшек и коротких их ножек. Вот позади остался лес, край шоссе пошли высоченные тополя. По шоссе шли и шли автомобили. Впереди они почему-то сигналили.

– А почему они там гудят? – спросила козочка.

– Эх, вы! Не знаете, – с интонацией знатока, – сказал пудель. – В том месте как раз и стоит памятник погибшим в войну водителям, вот те водители что едут и сигналият, дань памяти павшим отдают.

Дошли до памятника водителям, справа пересекли поле и спустились в неглубокий овражек. И тут пудель разочарованно остановился, озираясь по сторонам.

– Ты чего? – спросил Василий.

– Раньше здесь липло, а сейчас не липнет.

– Так ты, наверное, после дождя бегал, – засмеялась Белянка.

– Это правда, – сконфузился пудель. – Мы ещё от него с хозяином в автомобиле укрывались.

И вдруг все увидели, как лицо Василия просияло.

– Что с тобой? – проговорила Смуглянка, глядя на Василия.

– Со мной происходит то, что было и с вами. Встал я на жёлтую землю и дыхание в груди от радости спёрло, и такая благодать по всему телу разлилась, что даже и словами не выразить, а можно только музыкой. И вдруг Василий снял с плеча гармонь и растянул меха. Воздух всколыхнули звуки гармоники. Только это уже была совсем другая музыка, не разухабистая и задорная, частушечная. Василий склонил кудри над гармошкой, и плавно перебирая лады, неторопливо тянул и тянул меха и звуки, красивые, нежные, радостные

и в то же время немного грустные, стайками закружились над ним в золотистом небе. Одни из них, стремительные и резвые, поднимались до облаков, а другие, наоборот, опускались вниз и приникали к травам, вкладывая им в маленькие зелёные ушки свою чарующую песнь.

Порой Василий встряхивал кудрями, приникал к гармошке ухом, будто вслушиваясь, как бьётся её музыкальное сердце, после чего, глубоко вздохнув мехами, инструмент начинал выдавать звуки величественные и, одновременно, душевно-страдательные, и, казалось, что нет места на земле, где бы не стенали и не хороводили, и не убегали в голубую высь Васины аккорды. И вдруг, стало всё вокруг гораздо прозрачнее, чем раньше, словно небо опустилось на землю и прилегло на пригорке, чтобы только послушать и прикоснуться к человеческому таланту, а более через музыку ощутить его душу и понять это великое из великих существ на земле, имя которому – человек.

И хоть Василий и был сделан из глины, но любовь, переданная ему через руки мамушки, облагородила его глиняную душу, вдохнула в неё и придала ей иные качества и свойства, и его душа сейчас проявлялась в виде этих гармоничных, завораживающих звуков.

Ах, как он играл, как играл!! Звуки гармоники заполнили всё пространство от горизонта до горизонта. Вот они долетели до вдальеке работающего на поле трактора. Трактор вдруг произвольно остановился и тракторист, молодой парень, за-

глушив шумливый двигатель, высунулся из кабины в окно, да так и застыл без движения с раскрытым ртом и широкой улыбкой на лице.

Да что там трактор – остановилась на лету сорока, летела, летела, да так и замерла с распростёртыми в воздухе крыльями, будто она уже не опиралась взмахами крыл о воздух, а звуки каким-то таинственным образом удерживали птицу; так же и, нечаянно слетевшие с берёз листья, плавно кружили в воздухе и не опускались на землю, перестав подчиняться законам земного тяготения, потому, как и сам этот закон наполнился новым содержанием и смыслом. И где-то далеко-далеко, аж на другой стороне планеты, австралийский рыбак, услышав долетевшие до него аккорды, вдруг выпустил из рук только что пойманную рыбку, да и замер, повернув голову на северо-запад. Именно на северо-западе находится эта чудная-пречудная страна Россия, потому как только с этой стороны на большой остров, преодолев огромное расстояние, пришли чарующие звуки. И сама рыбка, при ощущении этих звуков, даже освободившись из цепких рук рыбака и почувствовав свободу, не ушла в глубины вод, а высунула из пучины свою лобастую голову, чтобы соприкоснуться с таинственным и необычным явлением.

Но, не только Австралии достигли эти звуки, они достигли и звёзд, и заморожены ими были мерцающие светила, так что на какие-то минуты, пока играла гармошка, остановился их ход в пространстве. Созвездия же, преодолев гравитаци-

онные поля, приблизились к земле, потому как за миллионы лет не доносилось до них с этой крошечной планеты ничего подобного, что бы помешало их мерному движению в вечности. Такова была сила этого гимна встречи человека со своей матерью-землёй, и нет на свете ничего более грандиозного и возвышенного, что бы могло породить такую музыку и такие чувства!

Когда Василий закончил играть, он долго ещё сидел со склонённой головой. Вылез из кабины трактора тракторист и уселся на гусеницы своего железного коня и, тихо улыбаясь, подставил запылённое лицо солнечным лучам – хорошо; опускающиеся листья берёзы изменили, вопреки всяким земным законам, свой путь и тихо легли у Васиных ног, одна сорока, почувствовав, что её уже ничто, помимо её крыл, не удерживает в воздухе, энергично ими захлопала, но продолжала оставаться на одном месте, потому как забыла, куда она летела и зачем? Лобастая рыба, близ берегов Австралии, ушла под воду, чтоб сообщить другим морским обитателям о чуде, которое она только что слышала, и что это чудо спасло ей жизнь. И только горбатая зеленоокая волна высоко и запоздало вздыбилась над океанской гладью, в надежде захватить пенистым гребешком необыкновенные звуки, чтобы унести их на дно и спрятать в океанских тайниках, как самую дорогую реликвию мироздания, но, как всегда, опоздала и, ворча и ворочаясь, неспешно улеглась между двумя континентами.

После всего этого, пуделя и глиняшек обуяло безудержное веселье.

– Васина земля! – вдруг закричала Смуглянка.

– Васина земля! – вторила ей Белянка. И первый раз они стали бодаться от радости, и не было у них друг перед другом ни капли гордости и высокомерия.

– Надо запомнить, как она пахнет, – сказал пудель и, ткнув нос в глинистую почву, стал с жадностью втягивать в себя воздух.

– А теперь, после того как мы нашли Васину землю, нам надо искать своих братьев, – сказала Белянка.

– Так как же их мы найдём? – спросил Василий. – Мы даже не знаем где Большая Горная улица?

– Там сейчас уютно, Катерина испекла свой чудесный калач, – сказала Белянка.

– А Дуня обещала сшить мне красивый золототканый передник, – смахнув слезу, сказала Смуглянка.

– А Свистопляс с Гуделкой борются с вещизмом или устраивают показательные бои на чердаке, – добавил Василий, – какие же мы были тогда глупые и самонадеянные, и в первую очередь я. И, потом, Дуня, эта чудесная девушка, она меня так искренне любила непутёвого, а я платил ей чёрной неблагодарностью. Я её просто не замечал.

– Это хуже всего, когда девушку не замечают, – проговорила Смуглянка. – Помните, когда мамушка налепила много смешливых баранчиков, мне было очень обидно, что ни

один из них не обращал на меня никакого внимания. Для женского пола это очень серьёзно.

– Я придумал!.. Я придумал!! – вдруг закричал пудель. И загавкал от неопишуемой радости.

– Да ты не гавкай, а говори нормальным русским игрушечным языком, – улыбаясь, сказала козочка.

– Дело в том, что здесь есть неподалёку городская свалка.

– Ну и что? – сказал Василий.

– Как, что, – удивился пудель, видя, что Вася не понимает таких простых вещей, которые понимает любой пёс. – На свалке всегда много бродячих собак.

– Так и что? – опять спросил Василий.

– Дружище, если эти собаки бродячие, то они многое чего знают и видели на своём собачьем веку. А они туда сбегаются со всего города и наверняка знают и вашу Большую Горную, и, если во дворе вашего дома стоит хотя бы один бак для пищевых отходов, то они обязательно знают и ваш дом.

– Нет у нас во дворе мусорного бака для пищевых отходов, – ответил Василий. – Для обычного мусора баки стоят, а для пищевых отходов не стоят.

– Это плохо, что у вас нет во дворе пищевых бака, – заключил пудель. – Я хоть собака и домашняя, но всегда не прочь полазить около таких баков. В любом случае, вашу улицу псы всё равно знают.

– Это почему же? – спросил Василий.

– Знают не потому, что в вашем дворе стоит бак для пи-

щелчков, а потому, что в вашем дворе нет такого бака, и ни одна уважающая себя бродячая собака в этот двор даже не забежит.

– Логично, – сказал Василий.

– Пойдёмте обочиной трассы, – сказал пудель. – Вон видите вдалеке путепровод, мост такой, по которому машины едут. Вот за этим мостом и свалка, – и он первым пошёл в сторону моста. За пуделем двинулись и остальные.

Глава 45. Пленники

– Так что, голубок!? Будем признаваться или как? – спросил доцент Костю.

Костя решил претвориться ничего не понимающим, зашныкал: «Дяденька,.. я не хотел,.. у нас,.. у нас,.. мы играли,.. я искал...».

– За кем ты следил? Говори! – глаза у доцента сделались злыми, – зачем ты сюда лез?

– Я не лез, мы по ветвям деревьев друг за другом,.. и не заметил я, как очутился на вашем дереве, – выпалил Костя первое, что пришло в голову. – Я, дяденька, точно случайно,.. я не хотел, это всё Антон... – И тут он понял, что сказал лишнее. Имя брата не надо было упоминать.

– Это уже интересно, – сказал доцент, вспомнив о разговоре с Пегасом. Тот называл ему имена двух мальчишек, которые тоже ищут игрушку вместе с их учителем, и одного из них он называл Антоном, а другого Костей.

– А тебя, шкет, как зовут? – спросил сурово доцент.

– Ваня, – выпалил первое имя, которое пришло Косте в голову.

– Ладно, – изучающе посмотрев на мальчишку, сказал Забродин. – Допустим, ты сказал правду и я тебе поверил...

– Отпустите меня, дяденька... – захныкал Костя, – пытаюсь разжалобить доцента.

– Где твои сообщники? Говори...

– Я тут один, – не желая выдавать брата, – проговорил Костя. Эх! Если бы он знал, что скрывать этого ни в коем случае нельзя. Что этой ситуацией могут воспользоваться, но Костя, выгораживая брата, хотел сделать как лучше. Он не понимал того, что если бы он сказал, что он здесь не один и что его друзья видели как он перелез через забор, то этим бы поставил Забродина в ситуацию, когда мальчишку трогать было никак нельзя, потому как есть свидетели, но Костя до этого не додумался, ему хотелось отвести тень подозрения от Антона.

– А говорил, что друг за дружкой гонялись, маленький лежец... Нет логики. Подумай сам: если друг за другом гонялись, то должен быть кто-то ещё, ибо сам за собой ты гоняться не можешь, ... ведь верно?

– Они увидели, что я к вам свалился, и убежали, – попытался вывернуться Костя.

– И это тоже ложь, – сказал Забродин, – потому как раньше ты упомянул только одного Антона. Отсутствует логика, ... с этим ничего не поделаешь. Тебе надлежит сказать прав-

ду, а правда всегда логична.

Антон хотел было бросится Косте на помощь, но тут же отверг это решение как нереальное, разве он может что сделать с сильным мужчиной, лучше понаблюдать отсюда, а вдруг доцент выведет Костю за ворота и даст ему под зад пинка, чтобы больше по чужим дворам не лазил.

.....

– Нет, я тебя не отпущу, хотя сказанное тобой на первый взгляд звучит и правдоподобно, – сказал Эдуард Аркадьевич Косте. – На первых порах посажу под замок и сообщу в милицию, и с этими словами повёл Костю к пристройке. Перед тем, как посадить Костю под замок доцент обшарил Костины карманы, забрал сотовый телефон, и, открыв дверь, втокнул мальчика в какое-то узкое полуподвальное помещение с маленьким оконцем с решёткой и запер дверь на замок.

Костя огляделся. В полуподвальном помещении было полутемно. В углу стояли и лежали шланги и пластмассовые ёмкости. «Отсюда не выбраться» – мелькнуло у Кости в голове.

.....

После того как злоумышленник был пойман и посажен в подвал, Эдуард Аркадьевич пришёл в беседку, сел за столик и стал звонить по телефону. Звонил он, конечно, Фоме Фомичу. Фома Фомич по голосу компаньона сразу понял, что что-то случилось. Доцент в деталях рассказал ему о Косте.

– Ты его отпустил?! – спросил Тараканов.

– Нет, запер в подвале.

– Это очень плохо, Эдуард Аркадьевич... Свидетели нам не нужны...

– Так он ещё пацан,... если даже чего и слышал, то ничего не понял.

– Не спеши с выводами, любезный. Такие пацаны нанесли Гитлеру и его рейху такой урон в войну, что возможно сопоставимо с гибелью дивизии, а то и армии. Партизанская разведка очень широко пользовалась их услугами. Так немцы хоть на своём языке говорили, а вы и я, сидя во дворе, говорили не на немецком. Потом они нас просто могли сфотографировать любой цифровой камерой.

– Цифровика у него не было, а мобильник я у него отобрал.

– Вы считаете, что он слышал наш разговор и всё понял? – спросил жёстко Фома Фомич.

– Я этого не утверждаю, но бережёного – бог бережёт. Под удар поставлен наш с вами бизнес, – сказал Эдуард Аркадьевич.

– Не суетись, Эдик, не надо,... свидетели нам не нужны и в любом виде, хоть жареные, хоть пареные, хоть в салате с индейкой.

– Что вы такое говорите? Разве можно! – испуганно сказал доцент.

– Я говорю, что этот ваш шикарный домик на берегу Вол-

ги построен не на зарплату преподавателя вуза.

– Бросьте, Фома Фомич, ... не до ваших намёков...

– Я не намекаю, ... я говорю. Просто вы завтра пересядете из дорогого автомобиля опять в старенький Запорожец. Вы этого хотите? И запомните, в мире капитала уважают деньги, а не людей. Люди – грязь.

– Так не убивать же мне его?.. – раздражённо сказал доцент.

– Я вам этого не говорил. Я сказал только, если он слышал разговор, то это очень опасно и в первую очередь для нашего «Изумруда». Вот и всё. Вы должны радоваться тому, что он был один.

– Я сам не могу... Может быть этот дворник?.. Я хорошо ему заплачу, ... я...

– Вы в нём уверены? – перебил доцента Тараканов.

– Эта орясина за рюмку водки и нас с тобой удавит, и глазом не моргнёт. Если его напоить, но поутру не опохмелить, так он и мать родную... того...

– С дворником не связывайтесь, – отчеканил каждое слово Фома Фомич, – бизнес должен быть чистым, по крайней мере, хотя бы внешне. Да, кстати, ... я пришлю к тебе двух охранников, чтоб тебе спокойнее было, – и он отключил мобильник.

Эдуард Аркадьевич, после такого разговора с Фомой Фомичём долго не мог прийти в себя. Он сидел недвижно за столиком, пока в калитку не постучали.

Эдуард Аркадьевич открыл калитку. Пришёл весёлый Батист. Он съездил в университетскую библиотеку, пролистал третий том позолотинской монографии и остался очень доволен, описание профессором игрушки один в один совпало с игрушкой, которую он видел у Забродина и у Фомы Фоми-ча.

Господин Батист, как только увидел Эдуарда Аркадьевича в таком удручённом состоянии, сразу понял, что у доцента проблемы.

– Сегодня, я думаю, мы найдём игрушка, а через три дня я вывезу её за граница как малоценную вещь, – проговорил он, усаживаясь рядом с Эдуардом Аркадьевичем на стул. – Я доволен, проверка подтвердил вами сказанное, готов платить доллар.

– Вам хорошо рассуждать, вы возьмёте игрушку и смое-тесь, а мне как всё это разгрести? – проговорил отрешённо Эдуард Аркадьевич, и он рассказал про своего пленника в подвале.

– Это ваше дело, господин Забродин, меня это не ин-тересовать, – Батист посмотрел на доцента холодным взгля-дом. – Меня интересовать только игрушка и ничего больше. Как учёный вы меня совершенно не интересовать. Если бы не Позолотин, вы бы и внимания не обратил на эта игруш-ка. Ваша ценность для нас только в возглавляемая вами ко-миссия и не более того. Как учёный в нашем деле вы ничто. Мировая общественность поверит только профессор Позо-

лотин, его трудам.

– Вытираете об меня ноги?.. – бросил доцент.

– Нет, зачем же. Просто вас скоро посадить, а на ваш место придёт новый человек.

– И вы его рассчитываете купить так же, как купили меня?

– В нашем мире, Эдуард Аркадьевич, всё продаётся и покупается: должности, звания, диссертация, – проговорил жёстко Батист и стеклянный глаз его из карего вдруг превратился в чёрный. – Разница лишь в цена. И, знаете, что дешевле всего стоит, – иностранец ухмыльнулся, – самый дешёвый и самый ходовой товар не эти вот, – он кивнул на Гуделку, – глиняный болванчики, а – совесть, господин Забродин. Ей торгуют сплошь и рядом, особенно в ваша перестроенная страна. Остальное всё, к ней только прилагательство. За ваш совесть скоро не дадут ни копейки.

Батист замолчал. Доцент устремил на него беспомощный взгляд и медленно повторил за иностранцем произнесённую им фразу: «За ваш совесть скоро не дадут ни копейки».

– Да-да, господин доцент, – это единственный товар имеет тогда самая большая цена, когда его в принципе нет... – и Батист захохотал над собственным и, как ему показалось, очень удачным каламбуром. – Ха-ха-ха, ... Ха-ха-ха... Самая высокая цена за НЕТ. Самая высокая цена за пустота...

Гуделке это очень не понравилось. Он хотел крикнуть этому противному человечку, что он не болванчик и что он сво-

ей совести никому не продавал. Но Батист взял Гуделку в руки и так сдавил своими суховатыми цепкими пальцами, что у Гуделки перехватило дыхание и, возможно, он так бы и задохнулся, если бы Батист его снова не поставил на стол. Но больше чем иностранца, он ненавидел доцента Забродина. Иностранец что? Купил, вывез, продал, а доцент?.. Он-то свой. А он, Гуделка, думал, и правда, что попал к настоящим ценителям искусства. Тогда ему было приятно, что о нём так высоко отзываются. А на деле оказалось, что он попал к мошенникам, желающим только извлечь из него выгоду. «Вот тебе и Гуделкина выгода» – подумал он и ироничная улыбка в отношении своих недавних мыслей мелькнула в краешках его губ. «Гуделкина выгода», – проговорил он ещё раз и две маленькие слезинки блеснули на его ресницах. В первые минуты его постигло разочарование. И тут он вспомнил о гармонисте Ваське, вспомнил, как все игрушки осуждали его за то, что он прельстился на красивую жизнь за рубежом и увлёк за собой козочку и овечку. А чем лучше он – Гуделка, который мечтал не о том, чтобы в него играли дети, а чтобы им восхищались взрослые. Да-да, восхищались его великолепным комбинизоном и искусным пролепом. Он ведь тогда считал это за свои достоинства. А разве эти достоинства были его? Ведь по правде у него и не было никаких собственных достоинств, а всё, что он имел, это было искусство мамушкиных рук.

И теперь за эти прошлые мысли Гуделка возненавидел се-

бя, и готов был от стыда расколоться пополам. И он был уже готов упасть со стола и расколоться, как другая мысль молнией мелькнула у него в голове: «Расколоться – это не выход из положения. Он расколется, его отдадут реставратору, тот его снова соберёт в кучу и его продадут ещё дороже. Нет, так дело не пойдёт. Надо что-то делать, ... что-то делать?.. И первое, что ему пришло в голову – бежать. Бежать подальше из этого дома. Ему стало жутко от того, что как только он приобретёт ценность в мировом сообществе ценителей старины, то может тоже попасть в целлофановый мешочек с биркой и будет отправлен в коробку, где будет тьма и тараканий шорох.» И тут он вспомнил о своём друге Свистоплясе, и вспомнил те сражения, которые они разыгрывали на чердаке, и ему стало горько. Разумеется, что всё это были детские шалости и игры. А ещё он вспомнил, как они сражались с вещизмом, дырявя трезубцем, как им тогда казалось, «лишние» рубахи и платья на верёвках. Как всё это было наивно... и как всё это было давно? Казалось, с тех пор прошла если не вечность, то целая жизнь.

«Надо бежать в мамушкин дом на чердак. Лучше залезть в ящик из-под мыла и сидеть в нём со своими глиняшками» – решил он. И это не так далеко. В окно видно Соколовую гору и памятник. В любом случае за пол-дня можно дойти даже с его короткими ножками. Гуделка просто не знал, что нет уже мамушкиного дома, а разбитый ящик из-под хозяйственного мыла валяется около большого лопуха на городской свалке.

.....

Антон тем временем никуда не ушёл, а продолжал наблюдать. Он видел, как доцент схватил Костю и как запер его в полуподвальном помещении, потом с кем-то говорил по мобильнику, а потом пришёл этот, тощий и горбоносый. Как только доцент пошёл проводить гостя за калитку, Антон быстро пробрался во двор, подбежал, крадучись, к двери, но она была заперта на замок.

– Кос-тя... Кос-тя... – зашептал он, – это я – Антон.

– Здесь темно и пахнет плесенью, – прошептал Костя. – Дверь на замке.

– Я знаю, – попытаюсь найти какую-нибудь железяку, чтоб подковырнуть...

– Осторожнее...

Но не успел Антон отойти от двери, как рука доцента стянула ему сзади ворот рубашки; перехватило дыхание, мальчик захрипел. Щёлкнул замок, дверь открылась и мальчишка от пинка кубарем полетел в дверной проём.

– Думаю, что вам вдвоём будет нескучно, – сказал доцент, запирая дверь на ключ. Посидите, подумайте, может вы мне что-то и расскажете интересное. Когда надумаете – постучите, я вас открою и мы поговорим. Только не забудьте в начале покаянной речи сказать, что вас зовут Костя и Антон, – сказал доцент и ушёл.

Антон и Костя сидели молча прямо на земле. Кирпичные

толстые стены, крепкий замок не давали никаких шансов на спасение.

– Что с нами будет? – спросил Антон.

– Не знаю, думаю, что крапивой отстегают и отпустят, – сказал Костя брату, более этим желая успокоить Антона, нежели сам так думал. А думал он о том, что с ними, как носителями секретной информации, связанной с криминальным бизнесом, с бизнесом, завязанном на больших деньгах, церемониться никто не будет. Правда, доцент не знает, что они услышали, на этом можно сыграть, но как? Как этим можно распорядиться? Может быть, их врагам достаточно одних подозрений?

– А давай им скажем, что мы всё знаем, – предложил Антон.

– Ты думаешь, что они испугаются?

– Скажем, что за забором остались другие ребяташки и видели как мы сюда полезли...

– Это, Тош, идея, но как они на это среагируют? Не будет ли от этого хуже?

– Как это хуже?

– Например, попытаются от нас побыстрее избавиться, чтоб замести следы.

– Как это избавиться? – спросил Антон.

– Хватит об этом, давай лучше помолчим. Когда люди молчат, им интересные мысли приходят, не зря же говорят, что молчание – золото.

Мальчики замолчали. Хотя их и объединяла общая беда, но каждый из них думал о своём. И вдруг Антон увидел, выходящего из тёмного угла, маленького сгорбленного дедушку с котомкой за плечами. «Какой-то отшельник?», – подумал мальчик. Он про отшельников читал в книжке. Отшельники потому и называются отшельниками, что живут уединённо в лесных дебрях, подальше от людей. Только почему они там живут? Он не знал.

– Здравствуй, Тоша, сказал старичок и посмотрел на мальчика добрыми глазами. Только странно, голос Антон слышал, а губы у старичка не шевелились.

– Как он сюда вошёл? – подумал Антон, – может быть, и мы так же отсюда выберемся?

– Нет, Антоша, – услышал он, но не голос, а как бы мысли, которые помимо звуков, проникли к нему в голову. – Этим путём, каким я хожу, ты ходить не можешь.

– А вы призрак? – спросил Антон мысленно.

– Нет.

– А зачем же явились, если помочь нам не можете?

– Моя помощь не от мира, а ты от мира.

– Я понял, ... вы умерший ..., – но старичок не ответил на эти слова.

– Я пришёл, чтобы уныние не сгубило вас. Бойся уныния и не позволяй унынию вселиться в твоего брата, подбадривай его.

И тут странный дедушка исчез.

– Ты чего его ничего не спросил? – обиженно сказал Антон Косте.

– Кого?

– Так дедушку же?

– Какого дедушку?

– Так, с котомкой, – недоумевая, сказал Антон.

– Ты не заболел?

– Не веришь – не надо... – насупился Антон.

– Давай лучше думать, как спастись. Неужели в этом помещении нет ничего подходящего, чтобы сломать дверь?

– А если попробовать дверь поджечь.

– Она железная...

И тут Антон почувствовал как у него в кармане заскрябался Свистопляс. Он сунул руку в карман и нащупал игрушку. Кентавр лизал ему руку, выражая тем самым благодарность Антону за то, что он взял его с собой. Антон вытащил игрушку из кармана.

– Ну, вот видишь, как ты необдуманно поступил, – сказал Костя, увидев кентавра, – хорошо, что ещё кентавр целый, а мог бы разбиться.

– Почему?

– А потому, как мне известно, ты сюда не сам вошёл, а от пинка под зад коленкой, да ещё вдобавок растянулся.

Костя больше ничего не стал говорить брату, потому как в данном положении было не до нравоучений, да и Антону тоже несладко. Лучше в этой ситуации подумать о том, что

делать? а не выяснять с братом отношения.

– Как ты думаешь, что они с нами сделают, может действительно крапивой отстегают? – спросил опять Антон.

– Здесь крапива не растёт. – Ответил Костя.

– Тогда чем?

– Я думаю, что на костре сожгут, – сказал Свистопляс, – или на кол посадят, это смотря, что вождю по душе.

– Костя очень удивился, услышав речь кентавра. Он подумал, что это ему мерещится, вон померещился Антону старичок с котомкой и ничего. Может быть это подвал такой, где всё мерещится?

– Только это не так быстро делается, – продолжал кентавр, – Чтобы умертвить врагов, надо сначала дождаться, чтоб звёзды совпали, потом, чтоб луна ущербной была, затем совершить ритуальный танец около деревянного бога, затем около костра, а уж затем...

– Спасибо. Утешил, – сказал Костя по инерции, не поняв, что кентавр не только говорящий, но и рассуждающий.

– Сейчас так не принято, – сказал Антон кентавру. – Это в ваших племенах так делали.

– А как принято, как!? – вскипел Свистопляс. – Одеждой у вас делиться не принято, едой тоже. Я сказал, как это принято делать в моём роду. У нас, у древлян всё было разумно. Тогда скажите, как у вас поступают с теми, кто нарушает законы рода и племени!?

– Что он несёт? – спросил Костя и поморщился.

– Я думаю, что кентавр очень древний и рассказывает о законах, которые существовали тысячелетие назад, а может быть даже и больше. Вон о древлянах вспомнил, кто они такие?

– Это одно из племён, жившее на территории, где сейчас находится Россия, – сказал Костя. – Наш кентавр, получается, язычник и говорит и судит с позиции родоплеменных отношений и бытовавшей у них тогда веры.

– Нам бы сейчас в то время, – сказал Антон.

– Ну, ты даёшь! – присвистнул Костя.

– Ничего я и не даю, – ответил Антон. – Тогда человека к сжиганию на костре приговорят, потом поди месяц или два ждут, когда звезда со звездой совпадёт, да луна другим боком повернётся, а в наше время...

– Ты договаривай, раз начал, – сказал Костя.

– Нечего тут и договаривать, – буркнул Антон, – вон как по телеку показывают, вывезут туда, где поменьше народу и стукнут битой по голове.

– Что это за бита такая? – спросил кентавр.

– Дубинка, по-вашему, – нехотя ответил Костя.

– Это в какой я век попал!? – возмутился Свистопляс, – дикарство какое-то! Луну не ждут, на звёзды не смотрят.

– Давайте порассуждаем на эту тему тогда, когда выберемся из этого каменного мешка, – сказал Костя тихо, но очень убедительно. Все замолчали. Сидели молча довольно долго, потом братья стали вспоминать фильмы в которых герои по-

падали в приблизительно похожие ситуации.

Так, прорабатывая разные варианты, они просидели ещё с час. Потом услышали как заработал двигатель автомобиля.

– Это доцент машину завёл, – сказал Антон. Видно хочет куда-то ехать. Жаль, что он мобильник отобрал. А то бы, ... бац! Позвонили и всё.

– Такое бывает только в плохих книжках – заметил Костя. – Бац, ... Бац – это примитив.

Замолчали снова.

Свистопляс уже много раз обошёл помещение, выискивая хоть какое отверстие, чтоб можно было выбраться. Из всего что находилось, это вентиляционное небольшое отверстие, но кентавр в него не мог протиснуться, на небольшом оконце стояла сваренная из толстых прутков решётка с мелкими ячейками. Чтоб через неё пролезть, надобно кентавру раза в два уменьшиться, но, к сожалению, Свистопляс способностью к таким чудесным превращениям и уменьшениям не обладал.

– Брось стучать копытами, – сказал Костя, чего бестолку туда-сюда ходить. – На что кентавр ничего не сказал, глубоко вздохнул и сел на кирпич.

Так они просидели не менее получаса. В подвальном помещении была абсолютная тишина. И тут вдруг, среди этой тишины послышались какие-то звуки. Они услышали, как кто-то крадётсЯ снаружи вдоль стенки. «Кошка, наверное? – подумал Антон, – или крыса», – но ничего не сказал брату.

Около двери, этот кто-то остановился и затаил дыхание. В это время Антон немного кашлянул, просто у него запершило в горле.

– Кто там? – спросил Костя вполголоса.

– Это я... – услышали они в ответ, так же сказанное очень тихо.

– Ты, это кто?

– Я – Гуделка, – раздалось за дверью, – а вы чего тут под замком?

– Гуделка! Это ты!?! – вскричал Свистопляс и тут же подскочил к двери.

– И ты там, друг Свистопляс!?! – удивился ещё более Гуделка. – Вот не ожидал, ... как я могу до вас добраться?

– Это кто? – спросил Антон Свистопляса. Ты его знаешь?!

– Так это же мой друг Глиня, игрушечный человечек, его доценту Пегас принёс. Так, Глиня?

– Так, – донеслось из-за двери.

– Значит это он стоял на столе? – спросил Костя.

– Конечно, он, – подтвердил Свистопляс.

– Нас доцент запер, – сказал Антон. – Мы слышали, как он завёл автомобиль и уехал.

– Нет, это иностранец уехал на такси, а доцент кому-то звонит и никак не дозвонится. Я теперь понял, ... наверное, звонит по телефону насчёт вас. Пока он названивает я и сбежал со стола, и вас стал искать. Я же ведь слышал, как вас он сцапал, а видеть не видел, потому как меня он предусмотритель-

тельно в шкатулку положил, а как второго стал цапать, то и забыл про меня, или уже не до меня стало, ... хватит разговоров, давайте я лучше к вам как-нибудь пролезу.

– Нет, Гуделка, к нам не надо, ты нам с той стороны нужен, – сказал Костя, повеселев, – а на подоконник заберись, если сумеешь.

Не прошло и пяти минут, как на подоконнике зарешеченного оконца появился маленький игрушечный человечек, серо-белого цвета с улыбкой на лице.

– Ну, говори, как ты сюда попал? – спросил глиняный человечек кентавра.

– Мы его нашли на чердаке старого дома, нам дворник Никита разрешил, – ответил за Свистопляса Антон.

– Ах, вот оказывается, кто взял моего друга... – проговорил Гуделка. Так это значит вы... Вы взяли, а теперь здесь вместе сидите. Это хорошо.

– Чего ж хорошего?

– Раз сидите под замком в этом подвале с моим другом, значит вы и мои друзья.

Тут ребята рассказали ему о том, как они нашли Свистопляса и о том, какое несчастье постигло старый дом, и о том, как погиб в неравном бою былинный герой, бросившийся с дубиной на бульдозер.

– Это Заступник, – проговорил глиняный мальчик. Слезы ручьём покатались у него по щекам. Ведь Гуделка только что мечтал снова прийти в старый дом, забраться с Сви-

стоплясом на чердак, но только не сражаться, а просто помечтать, глядя в слуховое окно. Снова увидеть с голубым куполом церковь, отплывающие от пристани белые теплоходы, ажурные пролёты моста через Волгу. Но теперь, оказывается, дома нет и нет Свистопляса с Заступником. А значит и некому его побранить за шалости. Ведь Заступник, он был так добр, хотя с виду и суров.

– Ты не расстраивайся, – сказал Антон. – Может быть, твои братья и сёстры и остались каким-то образом живы, мы их с дворником ни погибшими, ни покалеченными не видели. Знаем только, что мусор вывезли на свалку.

– И мусор на свалку, – снова залился слезами Гуделка. – Наверное, это очень страшное место – свалка?

– Про свалку я знаю только одно, что там всё время чего-то дымится и стаями ходят бродячие собаки, уточнил Антон.

– Собаки! – воскликнул глиняшка. – Ах!.. Как же я забыл, ... мой брат Пустолай со своим другом Мурлотиком! – и слёзы у него потекли ещё пуще прежнего. – Ах, ... какой я чёрствый был и пустой, и глупый человечек. Мы только и делали со Свистоплясом, что устраивали эти, никому не нужные пустые игры на чердаке, да творили ещё разные глупости.

– Почему ты пустой и глупый, – мы не находим в тебе этого. Нет в тебе и чёрствости, ... ты искренне переживаешь за друзей... – сказал Антон.

– Не надо меня утешать... – Сквозь слёзы проговорил Гуделка, – Слёзы всегда смывают с лица только пыль, а мамушка ещё говорила, что они должны облагораживать душу. А моя душа не облагораживается. Я верю мамушке, вижу свои слёзы, но не нахожу в себе ни капли благородства.

– Успокойся, Глиняш, – проговорил ласково Антон. – Я думаю, чтобы стать настоящим... настоящим, – он не знал как назвать глиняшку, затем проговорил, – чтобы стать настоящим человеком, хоть даже и глиняным, то надо совершить подвиг.

– Это правда? – обрадовано сказал Гуделка.

– Конечно, правда, – подтвердил Костя.

– Я им верю, – сказал Свистопляс, – они славные ребята и очень смелые.

– А что такое подвиг и как его совершить? – спросил Гуделка.

– Не знаю... – сказал Костя, – Мы в школе сочинение писали на тему: «В жизни всегда есть место подвигу». Примеры разные приводили из книжек, а вот как совершить подвиг по-настоящему – я не знаю. На уроках этому не учат. Всё это только в книжках. Я думаю, в жизни всё по-другому. Вот мы сидим взаперти, а кто-то где-то подвиг совершает, дзот своим телом закрывает, а мы не только выбраться не можем, но и даже сообщить о себе не в силах.

– А для чего же я? – сказал Глиня, – я вам обязательно помогу, разрази меня гром, так говорит мой друг Свистопляс,

только что мне делать?

– Ты что, готов нам помочь? – спросил с надеждой в голосе Антон.

– Конечно! Вилы мне в бок, если я этого не сделаю. – так говорит Свистопляс.

– Если ты готов нам помочь, – проговорил Костя, – то твоя задача выбраться со двораа, то есть перелезть через забор. После того, как выберешься, дойдёшь до церкви, она совсем рядом. Только это не та церковь, что с голубым куполом, а другая, с покосившейся колокольней.

– Знаю... знаю... – сказал Гуделка.

– Так вот, ... около церкви сядешь на троллейбус №4 и доедешь до остановки «Радуга». Там найдёшь клуб «Спутник», понял? Это от остановки недалеко. Выйдешь из троллейбуса и вернёшься немного назад, дойдёшь до Крымской улицы, там будет светофор, как зажжётся зелёный свет – перейдёшь на другую сторону, повернёшь налево и пойдёшь прямо, дойдёшь до садика и за садиком свернёшь направо. Запомнил?

Гуделка кивнул и повторил за Костей то, что он сказал: «перелезть через забор, дойти до церкви с покосившейся колокольней, сесть на троллейбус №4, доехать до остановки «Радуга», найти клуб «Спутник».

– Твоя задача найти в клубе преподавателя по керамике Пал Палыча и рассказать ему о том, где мы и что с нами? Вот и всё.

– Я знаю Пал Палыча. Он вылечил мои покалеченные ноги и руки, – вставил кентавр.

– Страшно как-то, – проговорил Гуделка. – Я ведь самостоятельно никогда и никуда не ездил, всё больше в сумках, да в карманах.

– Ты троллейбус знаешь, что такое?

– С Пегасом в троллейбусе ехал от Сенного базара сюда, рогатый такой, с палками наверху, а над ним провода...

– Это Пегас тебя на нём к доценту вёз? – спросил Костя.

– Ага, на нём, – кивнул Глиня.

– Теперь всё понятно, – подытожил разговор Костя.

– Я пошёл, – и Гуделка, пожав братьям через решётку руки, спрыгнул с подоконника на землю. С земли донёсся его голос – Держитесь, друзья!! Я обязательно вас выручу!!

Глава 46. Глиня совершает подвиг

Где останавливается троллейбус Гуделка знал, а вот как проехать незамеченным?.. В троллейбус он попал благодаря тому, что вцепился одной даме в сумку, иначе ему было бы не подняться на ступеньки. Народа в троллейбусе было совсем немного и он спрятался под заднее сиденье. Остановку водитель тоже объявил и глиняшке с его короткими ножками ничего не оставалось, как просто вывалиться из троллейбуса на асфальт, где его и подобрали две девочки – пятикласницы Аня и Лена.

– Смотри, ... челобречек, – сказала Аня и подняла Глиню.

– Мне кажется, что он сделан из глины, – сказала Лена и

потрогала Гуделку пальчиком.

– Давай отнесём его Пал Палычу в «Спутник», – предложила Аня, – он про глину всё знает.

– Давай, – согласилась подруга и они, переговариваясь, побежали в клуб. Правда, им пришлось немного задержаться. Светофор на пересечении улицы Крымской и проспекта Энтузиастов никак не хотел пропускать пешеходов. Больно уж долго он переключался с одного цвета на другой или им это так показалось. Но вот загорелся зелёный и девчушки, споря на ходу, «где им идти?» напрямую через двор школы №83 или свернуть за садиком и пройти через территорию гимназии №58? Выбрали второй вариант, так как за 83-ей школой могут быть мальчишки, которые обязательно отберут игрушку, а тут много пешеходов и никто им ничего плохого не сделает.

Аня и Лена буквально впорхнули в кабинет керамики. В кабинете за столом сидел Пал Палыч с неизвестным молодым человеком. Девочки засмутились и остановились у порога не желая мешать беседе. А так как они сторали от нетерпения, то переминались с ноги на ногу и перешептывались. К Пал Палычу они бы подошли, но у него посетитель и девочкам было неудобно прерывать беседу.

– Что же вы сразу к нам не пришли, – говорил укоризненно Юра Пал Палычу. Они с Пал Палычем были увлечены разговором и не заметили вошедших девочек.

– Я тоже попал к шапошному разбору; приехал, а там только небольшая куча мусора от дома осталась, – проговорил Пал Палыч. – Теперь Костя с Антоном куда-то исчезли? Ума не приложу, куда они могли подеваться. Вчера кентавра ремонтировали, а сегодня их нет.

– Какого кентавра?

– Ребята нашли одну игрушку на месте сломанного дома в мусоре, вот и чинили.

– Игрушка, как я понимаю, из сломанного дома, – уточняя, спросил Юра.

– Да, та самая, о которой мы и говорили. Они её вчера ремонтировали, а сегодня их нет.

– Я их видел на пруду, а потом на детской площадке, хотел посмотреть, куда они пойдут или поедут, но они как сквозь землю провалились. Главное, чтоб они сами не стали никого выслеживать, – сказал Юра.

– Вы имеете в виду Пегаса с Мухой?

– Пегас с Мухой им ничего не сделают. – Сказал младший лейтенант. – За этим делом могут стоять очень солидные дяди с возможностями, а это опасно. Сами ведь говорите, что игрушка очень ценная.

– Очень ценная. Позолотин за неё половину бы жизни отдал...

– Да, и спасибо что рассказали о профессоре. Я расскажу об этом кому надо. Лихие девяностые прошли, может быть и о нём что-то узнаем. Хорошо, не буду мешать, ещё раз спа-

сибо, – и они распрощались.

А жаль, что распращались. Если бы Юра задержался у Пал Палыча хотя бы на пять минут, то услышал и увидел бы то... Впрочем, без сослагательных наклонений. В своё время Митин обо всём этом узнает, а сейчас пусть идёт и отработывает собственные версии.

– Что за спиной прячешь, егоза?– Добродушно спросил Пал Палыч Аню. Она держала руку за спиной и глаза её, не в пример подружки, горели огнём нетерпения.

– А, вот... – сказала Аня, вытянула руку из-за спины и положила перед учителем глиняного человечка.

– Челобречка нашли, – добавила Лена, думаем, что глиняный, из троллейбуса выпал. Вам принесли, только мы спешим очень,... ладно... Мы его у Радуги на остановке подобрали! – пояснила Аня, направляясь к двери, нам в магазин книжный надо...

– Бегите,... бегите... – сказал Пал Палыч, – а за глиняшку спасибо. – Девочки убежали.

Пал Палыч, как только увидел игрушку, сразу понял, что она плод труда того же мастера, что и кентавр. Другого мнения быть не могло. Волнение вновь охватило старого учителя. Как же не волноваться, это ведь уже вторая находка,... как говорится – против фактов не пойдёшь. Почерк один и тот же, да и проработка деталей особенная, не спутаешь. Пал Палыч решил получше рассмотреть находку, так как детей

в этот момент в студии не было. Он положил человечка на стол, повернулся, чтобы взять из нижнего ящика стола лупу и нечаянно придавил Гуделке ногу.

– Ой!.. ой! закричал Глиня тонким голосочком. Пал Палыч изумлённо посмотрел на игрушку, повернулся, взял её в руки и стал рассматривать на предмет нахождения в ней говорящего электронного устройства, но каких-либо следов присутствия электроники не находил.

–М-м-да, – пожевал губами учитель, и вслух проговорил: – странно,... неужели я ошибся в первоначальной оценке? – Он опять повертел игрушку в руках. – Тут ни с чем не спутаешь, как не гляди – игрушка не резиновая, а керамическая. Вставить в неё электронное устройство до обжига конечно можно, но толку от этого? – продолжал рассуждать вслух Пал Палыч, – во время обжига в печи вся электроника обязательно сгорит...».

– Меня не надо в печь, – услышал снова учитель и удивился ещё больше. Ведь игрушка ответила на его вопрос, который он произнёс вслух. Есть, конечно, чудеса на свете, но чтоб такое?

– Вот умелец... вот умелец, – проговорил Пал Палыч, имея в виду неизвестного мастера.

– Я не умелец, я отношусь к гуделкам, а зовут меня Глиня. – Очень серьёзно с нотками обиды в голосе сказал Гуделка.

Это ещё больше изумило учителя.

– Так, ... так, – сказал Пал Палыч, – сказки начинают оживать. Ещё один Буратино объявился, только глиняный, значит не Буратино, а Глинатино или Скудалино, так получается.

– Я не Буратино и не Скудалино, – сказал Гуделка обиженно. – Я – Глиня и не обзывайтесь, пожалуйста.

Пал Палыч покачал от изумления головой, много он чего в свои шестьдесят лет видел, но чтобы игрушка обладала интеллектом, такое можно встретить разве только в научно-фантастических книгах или фильмах.

– Глинатино, это значит мальчик из глины, – пояснил Пал Палыч Гуделке, – а Скудалино – это старое название всё той же глины. Раньше глину – скуделью называли, потому и Скудалино.

– Не хочу я быть ни Глинатино, ни Скудалино, потому что я Глиня, меня так мамушка назвала, понятно?

– Конечно, понятно...

– А мне Костя и Антон говорили, что вы самобытный умный человек и ничему не удивитесь, а вы как маленький мальчишка: А-я-яй, а-я-яй!

– Так значит ты не случайная находка, а посланец? – ещё больше удивился Пал Палыч, после того как игрушка назвала имена мальчишек.

– Нам мамушка говорила, что случайностей на земле не бывает. Вот так, – сказал Гуделка. – Вы пожилой человек и должны об этом знать, а ещё детей учите и тары-бары раз-

водите, когда Костя, Антон и мой друг Свистопляс в беде и может быть могут лишиться жизни...

– Стоп... стоп. Давай по порядку. – Лицо Пал Палыча мгновенно приняло самое серьёзное выражение. – Где они? Что с ними случилось? – спросил он очень строго, – кто такой Свистопляс?

– С этого надо было и начинать, а то взял лупу и рассматривает мой пупок, – проговорил Глиня.

– Ну, ты не сердись, – примирительно сказал Пал Палыч, – прошу прощения.

– Костя, Антон и кентавр заперты в подвальном помещении на замок. – Начал торопливо говорить Гуделка. – Они просили сказать, что их запер доцент, за то, что они подслушали его разговор с иностранцем.

– А кто такой Свистопляс?

– Какой же вы непонятливый... Свистопляс, это кентавр, он друг Кости и Антона. Ну, как ещё объяснить!? Вы же его сами ремонтировали, разве уже забыли?

– Так, теперь понятно кто такой Свистопляс. Я с ним имел честь познакомиться... А о чём доцент с иностранцем говорили, знаешь?

– Об этом знают Костя, Антон и мой друг Свистопляс. Я тоже знаю. Иностранца зовут Батист, он из Франции.

– А «Доцент» это что – кличка? – переспросил Пал Палыч.

– Нет, это не кличка. Учитель, а такой тупой. – С укором сказал Глиня. – Доцент – это учёный, он кандидат наук, это

такое научное звание, а зовут его Эдуард Аркадьевич Забродин, он в институте работает, и продаёт всякие ценные вещи за рубеж, как малоценные.

– Откуда ты всё это знаешь?

– Меня мальчишки, только не ваши, а другие, нашли на чердаке дома на Большой Горной и отнесли на базар. Там и подошёл к нам этот мужчина с усиками и бородкой. Это и был доцент. Потом мальчишка меня отнёс этому Эдуарду Аркадьевичу домой, они так договорились. У него дом большой с забором. Во дворе беседка. Меня на стол в беседке поставили. Они всё при мне обговаривали, думали, что я не понимаю. А я на столе стоял и всё слышал. Ещё, о каком-то «Изумруде» говорили, а мальчишки через забор перелезли и их разговор подслушали. А потом Батист приехал и Фома Фомич. Они долго разговаривали и спорили.

– И что же за спор такой?

– Эдуард Аркадьевич говорит, что «Изумруд» не для того создавался, чтоб отморозки в виде Симы о нём слышать могли. Батист у них компаньон.

– Гляди-ко, какие ты слова знаешь? – удивился Пал Палыч.

– Так я же игрушка просвещённая. Мамушка необразованных не лепила.

– Так они, говоришь, под замком сидят? – уточнил Пал Палыч. «Разговор весьма интересный, но не ко времени, – подумал он. – Об этом в другой раз».

Гуделка утвердительно кивнул головой.

– Немедленно едем, – сказал встревоженно Пал Палыч. Он сунул в сумку стальной гвоздодёр, бельевую верёвку на всякий случай, взял Гуделку, положил его в нагрудный карман, так, чтобы из кармана высывалась одна его голова, запер кабинет и быстро пошёл на троллейбусную остановку, пожалев об ушедшем милиционере.. «Он в этом деле был бы как раз кстати, ему бы это было весьма полезно услышать», – подумал Пал Палыч, ещё больше убыстряя шаг. За перекидным пешеходным мостом через железную дорогу он уже почти бежал в направлении троллейбусной остановки.

– Только бы успеть, только бы успеть, – повторял он, прибавляя и прибавляя шаг. И только, когда они сели в троллейбус, Пал Палыч немного успокоился, вытащил мобильник и попытался позвонить, но абонент не отвечал.

– Куда звонишь? – спросил Гуделка.

– На четвёртый жил участок, – сказал учитель.

– Это мне ничего не говорит, – ответил Гуделка, – такого дома я не знаю и людей под таким именем тоже.

– Это милиция Заводского района, там у меня знакомая работает, бывшая моя ученица.

– Какая ученица? Она надёжный человек? На неё можно положиться? – спросил Гуделка.

– Надёжная, надёжная. И должность у неё солидная. Не хотелось бы по пустякам беспокоить.

– Кто такая эта должность?

– Не должность, а женщина – Муза Карповна Городец, начальник отдела, майор. Понял?

– По правде говоря, не очень. Я в чинах и званиях не разбираюсь. А майор – звучит. А, зачем к ней?

Какой ты любопытный, братец... Хотел поговорить. Дело-то уж больно деликатное, чтоб подстраховала, так чтоб без особого шума, мало ли что мальчишки могут придумать... «Да и ты тоже, уж больно разговорчивый, первоапрельская шутка в кармане», – подумал о Гуделке Пал Палыч, но не произнёс этого вслух.

– Они не придумать... – сказал Гуделка.

– Так вижу, ... вижу. Это-то меня и... – Пал Палыч не договорил. Он не знал, как строить свой разговор с игрушкой, ступешевался и замолчал.

Гуделка кивнул понимающе, хотя почти ничего не понял, потому, как люди живут по своим непонятным законам, которых, как говорил Никита, насочиняли с одной только целью, чтобы их не исполнять, а живут совсем по другим, которые нигде не написаны, но исполняются неукоснительно.

«Придётся нам разруливать с пацанами одним» – подумал Пал Палыч» и не заметил, как проговорил свои мысли вслух.

– Как это разруливать? – спросил Гуделка, разве у вас есть руль?

– Это выражение такое. Разруливать – значит исправлять что-то, налаживать.

– Что исправлять?

Пал Палыч не ответил на вопрос Гуделки, продолжая прокручивать в мозгах ситуацию. «Звонить Музе Карповне, как он хотел, стоит ли? Что он скажет? что игрушка ему об этом рассказала. Такому бы и он не поверил, а подумал бы, что собиравшийся пьян или наркотиками увлекается, оттого и глюки. Звонить однозначно нельзя, ... проверить самому, а потом уж сообщить, ... это будет правильно. Лучше ещё раз мысленно прокрутить ситуацию. По всей видимости, хозяин коттеджа решил их поугаить и посадил в подвал, чтобы не лазили по чужим дворам. Даже если и велись серьёзные переговоры с участием иностранца, никто мальчишек в серьёз не примет, даже если их и обнаружили. Наверняка подумали, что играя в прятки, перелезли через забор или что-нибудь на это похожее», – так думал Пал Палыч, совершенно не ведая в какую опасную историю влипли его ученики, а через некоторое время влипнет и он сам. А, в общем, он уже в неё почти влип.

В троллейбусе было мало народа, Пал Палыч сидел с Гуделкой на заднем сиденье и люди думали, что пожилой человек разговаривает сам с собой. Их это несколько не смущало, потому как такое бывает, когда люди проговаривают свои мысли вслух, особенно пожилые.

– Ты тех мальчишек хорошо помнишь, что тебя нашли на чердаке? – спросил Пал Палыч Глиню.

– А как же не помнить, я их в жизнь не забуду.

– Их случайно не Мухой и Пегасом звали?

– Точно, Пегасом, а с ним этакий маленький с рыжей шевелюрой был, его Пегас Мухой называл... – вы откуда знаете?

– Это сейчас обсуждать не будем.

– Я знаю, что когда они из дома вылазили, сторож Никита стукнул одного метлой по спине. Когда они меня на базар несли, то Муха жаловался, что у него спина от метлы горит. Я тогда очень обрадовался, что меня на базаре на прилавок поставили, народу вокруг тыщи и все на меня смотрят. Потом, я уже говорил, этот доцент появился. Я тогда очень обрадовался, что в музей или на выставку попаду, а тут... – глиняный мальчик, не договорив, замолчал.

– И что же, не попал, значит, на выставку? – участливо спросил Пал Палыч.

– Как видите,... жулики оказались,... и полный дом вещей в целлофановую плёнку завёрнутых, от пыли; я когда со двора убежал, в окно дома заглянул, чтоб узнать, где доцент и не сцапает ли он меня?

– А что же иностранец, тоже жулик?

– Думаю, что так. Он меня ещё болванчиком называл. Сам болванчик горбоносый... – Гуделка замолчал, видимо вспоминая пережитое. Затем заговорил снова. – Бизнес у них с доцентом общий. Ещё Фома Фомич с ними. Он у них главный. Это тот самый Фома Фомич, что мамушкин дом купил. Думаю, что у них сейчас совет должен быть.

– Какой совет?

– Как какой? Обыкновенный – что делать со свидетелями их переговоров, то есть с Костей и Антоном?

– Понятно... – сказал Пал Палыч. – Ты мне вот чего скажи – ваш дом на Большой Горной стоял, в переулочке и был крыт черепицей?

– А вы откуда знаете? – удивился Глиня.

– Вопросы отложим на потом. Ты лучше скажи, в доме было много таких игрушек как ты?

– Много, только гармонист, козочка и овечка добровольно к Фоме Фомичу поехали, они синеволосой понравились. Сами того хотели. Она их и взяла. Никита сказал про них, что раз ума нет, то считай калеки. И где они сейчас, никто не знает. Мне ребята рассказали, про то, что мамушкин дом сломали.

– Я это знаю, сам видел, – подтвердил сказанное ребятами Пал Палыч.

– Не всё знаете. Никита перед сломом дома игрушки в ящик из-под мыла положил и на чердак отнёс. Мы с Свисто-плясом...

– С кем, ... с кем? – перебил Глиню педагог.

– Какая, право, у тебя память плохая... Ну, с кентавром, я же говорил. Мы бои устраивали, вот в ящик и не попали, а другие в ящике оказались. А где теперь этот ящик – никто не знает. Вот и всё, что мне известно, а что там и как? – не знаю, – заключил Глиня и, помолчав, добавил, – Антон

говорит, что с Заступником, с богатырём по-вашему, беда приключилась, может быть даже и погиб, – Глиня засопел и уткнулся носом в плечо Пал Палыча. Он хотел скрыть от учителя нечаянно нахлынувшие слёзы.

– Не расстраивайся, – сказал Пал Палыч, – ты лучше дом покажи, где ребят с Свистоплясом удерживают, – троллейбус к конечной остановке подъезжает. Вон уже церковь, а за ним музей краеведения, там и конечная.

Они вышли из троллейбуса и Пал Палыч быстрым шагом пошёл туда, куда указывал Гуделка. Вскоре они остановились перед высоким кирпичным забором. Пал Палыч через дырочку заглянул во внутрь – автомашины во дворе не было, значит хозяина тоже нет.

– Может быть, стоит вызвать милицию и подождать? – спросил Пал Палыч глиняшку.

– А если их уже увезли, пока я к вам ездил? – предположил Глиня.

– Тоже верно, только время протянем, – согласился Пал Палыч с доводами глиняного мальчика.

– Тогда нам ничего не остаётся, как лезть через забор, – сказал Пал Палыч и стал исследовать кирпичную кладку на предмет – не обнаружится ли где удобное место для перелезания?

Когда он искал удобное место для перелезания, то остановилась какая-то старушка и проворчала, глядя на пытающегося влезть на высокий кирпичный забор пожилого чело-

века:

– Чему молодёжь научится, когда старики по заборам лазают, а ещё с виду добропорядочный человек... Насмотрятся фильмов по телевизору вот и сходят с ума,... тьфу,... глаза бы не смотрели.

В этот момент ни Пал Палыч, ни Гуделка не знали, что к этому самому дому мчится на большой скорости чёрная иномарка и что не дольше как через полчаса она въедет в автоматически открывшиеся ей ворота. Этого учитель не знал и не мог знать, а вот что он понимал, так это то, что надо попробовать на прочность сучок стоящего рядом с забором дерева. Попробовал, оценил, видимо остался доволен, влез на дерево и по суку достиг забора, перебрался на толстую ветку другого дерева, что росло во дворе и только он стал перебираться на другую ветку, чтобы достичь ствола и спуститься по нему на землю, как из-за дома вышли два прилично одетых молодых человека и предложили Пал Палычу спуститься вниз, предусмотрительно приставив к стене лестницу. Молодые люди были весьма крепки телосложением и не шутили, Пал Палычу пришлось подчиниться.

– Его куда? К тем, что ли? – спросил один из охранников.

– Надо его закрыть в другой подвал. Все вместе – это опасно.

Охранники проводили Пал Палыча до открытой двери подвала, обыскали, дали хорошего тычка между лопаток, отчего учитель полетел в тёмное пространство подвала. Дверь

с визгом захлопнулась и кто-то из охранников произнёс: «Вот так-то лучше будет, и тебе не суетно, и нам спокойнее».

– Ты здесь? Малыш! – окликнул Пал Палыч, лёжа на цементном полу, Гуделку.

– Тут я, тут... – послышался Гуделкин писк. – Вы не могли бы повернуться на бок, а то я из вашего кармана никак не выберусь...

– Хорошо хоть ты со мной, – проговорил учитель, переворачиваясь на спину и продолжая лежать.

– А куда же я от вас денусь!?! – сказал Глиня, вылезая из нагрудного кармана и прохаживаясь по груди Пал Палыча.

– А я решил, что тебя потерял. «Вот, – думаю, – и Гуделку потерял», а ты здесь. Это даже очень хорошо.

– Чего ж хорошего, когда нас сцапали, – сказал Гуделка

– Голова болит, – проговорил Пал Палыч морщась и трогая рукой голову, – ударился.

– Жаль, конечно, что перед тем как нас сюда толкнуть, они матрац не постелили, – пошутил Гуделка.

– Какой там матрац, – морщась, сказал Пал Палыч, – однако ты игрушка с юмором, ценю. В нашем положении юмора только и не хватает, – учитель, кряхтя, стал подниматься на ноги, а Гуделка предусмотрительно спрыгнул с груди Пал Палыча и уселся на, лежащий на полу обрубок бревна.

Гуделка не стал развивать тему юмора в экстремальных ситуациях, он думал. Он думал об этом странном сообществе людей, среди которых очень много хороших и честных

человеков и про то, что совсем небольшая кучка плохих людейшек не даёт им спокойно и мирно жить. Вот и Пал Палыч – очень хороший человек, а его в подвал... Так не годится. Значит, они с Свистоплясом правильно боролись с пороками. Так порок наживы у одних, заканчивается подвалом для других.

Кое-как придя в себя от тычка и удара головой, Пал Палыч встал, обследовал небольшое помещение, нашёл в стене маленькое вентиляционное окошечко и стал наблюдать, что происходит во дворе.

– Послушай, Глиня, – сказал Пал Палыч, – а нас не в тот подвал посадили, где были ребята? Их может быть отсюда увезли или дали по шее и прогнали. – С этими словами учитель поднял Гуделку с земли и поставил его на выступающий кирпич вентиляционного окошечка.

– Не – а? Тот подвал с другой стороны дома, а этот с этой, – сказал Гуделка, – оглядев в окошечко двор.

– Значит, нас от ребят отдельно держат, – высказал мысль Пал Палыч и стал наблюдать дальше. Во дворе появился с метлой дворник. Он подошёл к воротам и стал мести. В нём Пал Палыч без труда узнал Никиту. «Видно он здесь подрабатывает» – подумал учитель. В тот момент, как только Пал Палыч увидел Никиту, он стал рассчитывать на его помощь. Только как ему подать незаметно сигнал?

Но замыслу Пал Палыча не удалось сбыться. К дворнику подошли те самые охранники, что арестовали Пал Палыча, и

стали указывать Никите на дверь, дескать, сегодня подметать не надо, уходи. Голос Никиты был грубый и до Пал Палыча донеслись слова: «Вы мне не указ; мне Эдуард Аркадьевич сказал мести, я и мету, всё как положено, минута в минуту.

– Это голос Никиты! Это голос Никиты! – закричал Гуделка, – он нас обязательно выручит! Никита!! Никита-а-а!! – закричал он изо всей силы. – Это я, мамушкин Глиня! Нас заперли с учителем в подвале! Выручи нас!..

Никита уже собирался уходить, но услышав Гуделкин голос, узнал его и, развернувшись, направился к подвалу.

– А вот туда тебе, борода, нельзя, – проговорил один из охранников, загораживая дворнику дорогу.

– Я тут двор убираю и везде хожу, – ответил Никита.

– Ты! Чума с метлой, ... дёргай отсель, – угрожающе сказал загородивший Никите дорогу охранник.

Видя, что Никиту просто так не проводишь, охранники решили выпроводить его силой. Один зашёл сзади и взял Никиту за шиворот, и повёл к воротам. Но не успел он и пройти трёх шагов, как жилистая рука Никиты дотянулась до руки охранника и, захватив её крепкими пальцами, легко перебросила тело парня через себя, затем так же легко охранник был поднят на вытянутые руки Никиты и переброшен через забор. «Вот так и ладненько, – проговорил Никита, – теперь порядок. А то они сказали, ... они сказали, ... тьфу на вас, ... мне сам Эдуард Аркадьевич распорядок составил, ... указчики.

Видя такой оборот дела, второй охранник спрятался за половинку ворот, прихватив с собой лопату. Как только дворник повернулся к нему задом и пошёл к подвалу, ударил его совковой лопатой по голове; черенок у лопаты сломался, а Никита, схватившись за голову, упал. Тут же в дверях появился другой охранник, держась за плечо и постанывая. Вдвоём они волоком оттащили Никиту в сторону от ворот, положили у забора рядом с чёрным «фольксвагеном» доцента, связали и воткнули в рот кляп. «Вот и нет моего помощничка, – подумал Пал Палыч, – теперь жди своей очереди... тут дураком не прикинешься. Машину-то я в дырочку забора не увидел».

Только теперь учитель понял насколько серьёзна история, в какую он вляпался. «Эти церемониться не будут, у них всё просто», – подумал он и стал наблюдать дальше. Пал Палыч наблюдал, а Гуделка сидел тут же на подоконнике на половинке красного кирпича, и плакал, приговаривая: «Нет больше Никиты, ... никто не погладит по голове, ... никто не расскажет про Англию, ... никто не расскажет о справедливости... Ы-ы-ы-ы...».

Охранники же нисколько не мешкая погрузили Никиту в багажник «фольксвагена», и не более чем через десять минут в этом же багажнике, рядом с Никитой лежал и связанный Пал Палыч. Когда учитель увидел идущих к подвалу охранников, он сразу всё понял.

– Глиня!.. – и он кивнул на оконце, – по мою душу идут.

– И по мою то же, – твёрдо сказал Гуделка и быстро забрался в нагрудный карман Пал Палыча. – Я друзей в беде не оставляю.

– Это бессмысленная жертва... – сказал Пал Палыч.

– Не думаю, что вы на моём месте поступили б иначе... Не будем спорить и не надо меня переубеждать... – и Глиня спрятался в кармане.

Пал Палыч тоже попытался сопротивляться охранникам, но те были молодые и тренированные, они быстро скрутили учителя и бросили в багажник.

Во время борьбы из кармана Пал Палыча выпал Гуделка. Наблюдавший со стороны за сопротивлявшимся учителем доцент, подошёл и поднял Гуделку, повертел в руках и положил в бардачок автомобиля.

– А вот красть чужие вещи нехорошо, – сказал он, подойдя к багажнику. – Как я понимаю, вы и через забор лезли, чтобы стянуть, что-либо ценное, а тут такая удача. Как я понимаю, действовали группой. Вы хоть знаете, что держали в своих руках? Вижу, что не знали... Хорошо... я поясню.

Не надо пояснять, – проговорил Пал Палыч из багажника, – я учитель по керамике и не хуже вас разбираюсь в лепных изделиях.

– Ах! Вы учитель! – удивился Эдуард Аркадьевич. – Значит не простой вор, а разбирающийся в культурных ценностях... Так я понимаю... Очень приятно познакомиться, – с издёвкой проговорил Забродин. – Вы, наверное, воспитатель

тех самых пацанов, что тоже посягали на чужую собственность, а теперь сидят связанные в соседнем подвале. Кажется, их зовут Костя и Антон. Не так ли? Что ж, какой воспитатель – такие и ученики, ... кол-лега.

– Какой я тебе коллега? – прохрипел Пал Палыч.

– Если два человека занимаются одним и тем же делом, то они коллеги, что тут непонятного. Вы ищите игрушку, а я её нашёл, правда, вперёд вас, это бывает, Удача – она не регламентирована, на неё никакой прогноз не распространяется, уж вы мне поверьте.

Голос доцента был с ехидцей. Чувствуемое превосходство так и выпирало из произносимых им фраз.

– Что ж вы мне рта не затыкаете, господин доцент? В современных фильмах принято затыкать рты, а затем везти на какой-нибудь не работающий завод. С вашей лёгкой руки их теперь на Руси так много, что долго и искать не надобно. Вам только остаётся в безлюдном цеху подцепить жертву крючком, подвесить и пытаться... Что, разве не так?

– Ты, папаша, посмотрелся неправильных фильмов, – сказал доцент, – Точнее, такой сюжет для тебя и для твоего соседа по багажнику не подходит, слишком поэтический. Да и что из вас выбивать? Деньги? – у вас их нет; завещание на многомиллионную в долларах недвижимость? – тоже самое... У вас ничего нет? Скучная пенсия, да плюс к ней скучный приработок, вот и всё. А вы – заброшенные цеха-а-а!, ... крюки-и-и!... Кто о вас будет руки марать?... Вы просто

пропадёте, дорогой учитель, вот и всё. Всё что знаете вы – примерно тоже самое знаю и я, так что, скажем, вы не являетесь носителями суперважной информации. Наверное, ломаете себе голову, почему я с вами разговор веду?

– Да уж загадка, если всё так просто, то чего уж там... – сказал Пал Палыч.

– Не напрягайтесь... И вы, и дворник, мне нужны только потому, что оба являетесь ценными носителями навыков, а это серьёзно. Навыки, конечно, можно наработать, но это долго, а время – деньги. В наше время люди нетерпеливы, я не про себя, я могу и подождать. От вас зависит, какой будет план наших действий дальше.

– Что-о-о... План?... План готовящегося преступления, так? – перебил его Пал Палыч.

Эдуард Аркадьевич поморщился.

– Экие вы подыскиваете выражения, Пал Палыч, вас ведь так величают?.. Пал Палыч не ответил.

– А я ведь ничего плохого не хочу ни вам, ни вашему товарищу по несчастью. Поверьте. Я сам хотел на вас выйти, но вы меня опередили и всё получилось вот так нелицеприятно. Просто вы являетесь, судя по статье в газете, реаниматором игрушки и не один год над этим работаете и, исходя из информации в газетной статье, сильно в этом деле преуспели, но не во всём. Ваш сосед, как только очнётся, расскажет вам недостающие детали технологии, ведь он хорошо знал хозяйку дома и даже ей помогал. Как видите, вы оба могли бы ока-

зять делу возрождения игрушки неопенимую услугу. Ведь от вас не требуется ничего такого. Вы возродили игрушку, это уже много. Второй шаг – создание в городе мастерской по её производству. По сравнению с тем, что сделано, это мелочь. Когда вы почти у цели, оказаться в багажнике – обидно. Тем более, игрушка, хотя и в единичном экземпляре найдена, а скоро будет в наших руках и вся коллекция.

– Конкретнее можно, – проговорил Пал Палыч.

– Можно и конкретнее. Делать ничего, по сути, не надо, честь ваша не затрагивается, совесть вашу никто покупать не собирается и даже денег никто не предлагает. Это ведь бестолку, правда? Вы же не покупаетесь?... Можно на этот вопрос не отвечать, я это и так знаю. А дело самое пустяшное – я вас отпускаю на свободу, могу отправить на курорт. Одним словом, вы два-три месяца молчите об игрушке, а потом вольному воля – говорите о её достоинствах сколько хотите. Мы вам даже обустроим мастерскую по её производству. Хотите – будете директором мастерской, а желаете – то и научным консультантом, поможем вам выпустить для детей книжечку по игрушке, и даже альбом на двух или трёх языках в суперобложке, где наряду с фотографиями найденной игрушки будут фотографии и игрушек, слепленные вашими руками, разве это плохо? Если желаете, в городе будет музей игрушки. Игрушкой с радостью пополнят свои фонды лучшие музеи мира. Можем украсить детский парк игрушечными глиняными персонажами. Согласитесь, это гораз-

до лучше, чем лежать в багажнике. Как видите, мы игрушке не враги и сделаем всё возможное, для её процветания. Убедил?

– Как я понимаю, вы хотите раскрутить игрушку и на ней заработать?

– У вас прекрасная логика, Пал Палыч. Что в этом плохого, что мы её собираемся раскрутить? Поймите, государство и правительство города и области этим не будут заниматься, а у таких как вы на это нет денег. В итоге остаёмся мы, с возможностями, с влиянием, связями и деньгами, логично?..

– Я понял. Вам необходимы серьёзные свидетельства об игрушке, практическая её проработка, от этого она вырастет в цене, – сказал резко Пал Палыч.

– Вы умный человек. Всё правильно, она вырастет в цене, но о деньгах ли речь, ведь вы и этот дворник – альтруисты, для вас важна идея, так кто вам будет мешать наслаждаться собственной фантазией, да ещё и постоянно имея в кармане на жизнь. Я вам предлагаю реальное дело, наша фирма не привыкла разбрасываться талантами, сударь, потому и стараемся сберечь каждого значимого человека.

– Захлопывайте багажник «добродетель», – проговорил зло Пал Палыч.

– Дело ваше, учитель, только помните – незаменимых нет. Предлагаемый вариант удобный и для вас, и для нас. Просто с вашим отказом этим делом займётся «Изумруд».

– Что, подпольная кликуха бизнесворотилы? – с сарказ-

мом спросил Пал Палыч, хотя от Гуделки он знал, что это подпольная фирма по продаже антиквариата за границу.

– На сей раз вы ошиблись. «Изумруд» – хорошо законспирированная организация. Да, «Изумруд» это сделает и без вашей помощи, правда немного дольше по времени. – И с этими словами Эдуард Аркадьевич кивнул одному из охранников, крышка багажника захлопнулась и через две минуты машина, мягко покачиваясь на неровностях, не торопясь выкатилась со двора, Автоматическая система закрыла створки ворот.

Глава 47. Профессору плохо

Шевелись! Шевелись! – кричит Сима, глядя как бездомные перебирают оставшиеся кучи мусора. Вчера кучи не добрали и потому сегодня Сима торопиться довершить разборку, опасаясь как бы не нагрязнул Фома Фомич, ведь не зря же он позвонил ему по мобилу и приказал искать игрушку.

– Зорче гляди, дармоеды! – выкрикивает Сима. – Кто проглядит, тому глаз вон, а кто увидит, тому бутылка горячительного, персональная от Симы и моё благорасположение. А моё благорасположение многого стоит, правда, профессор? И он толкнул профессора ногой. Позолотин свалился набок и заохал.

– Не трожь старика, – зло сузив глаза и в упор глядя на Симу проговорил Крокыч, – тронешь – убью. Сима опешил, но с Крокычем связываться не стал, просто выругался и пошёл дальше, делая вид, что не слышал сказанное.

– Спасибо тебе, – проговорил Позолотин, – переводя дыхание, – плохо мне что-то, совсем плохо, как бы не умереть...

Крокыч бросил заниматься мусором и решил отнести Позолотина в тень. Солнце пекло нестерпимо. В яме на свалке что-то тлело и оттуда шёл дополнительный жар и смрад. В стороне рычали, деля добычу, собаки. Крокыч обхватил Позолотина и волоком потащил его подальше от мусорной кучи и положил около большого лопуха так, что тень от его листьев падала на голову профессора.

– Здесь вам будет лучше, – сказал Крокыч, подсовывая под голову Позолотина охапку травы. – Главное, лежите спокойно и не шевелитесь.

– А если Сима спросит? – слышался слабый голос Вениамина Павловича. – Ругаться будет.

– Не беспокойтесь, профессор, я с Симой вопрос улажу, – и Крокыч ушёл.

Вениамин Павлович, как только Крокыч ушёл, сразу забылся, тело его обмякло и он ощутил сладкую полудрёму. Он вдруг, как бы во сне, увидел свою давно умершую мать, она молодая стоит на лугу с граблями, а отец в стороне, по пояс голый, косит высокую траву. Спина у него шоколадного цвета, а на военных солдатских брюках тёмные пятна от стекавшего со спины пота.

– Иди, Венечка, иди, – говорит мать, маня ребёнка к себе, и Веня, перебирая босыми ножками, подходит по неско-

шенной траве поближе, а дальше идти опасается. Мать берёт его на руки и сажает под большой лопух. Под этим лопухом тень и налетающий ветерок приятно холодит грудь. Венечка протягивает ручонки и пытается поймать пальчиками живительные струйки ускользящего ветерка. «Дай, дай, дай, – говорит он и смеётся. И вдруг Веня слышит, будто вокруг него начинают говорить цветы. Они наклоняют к нему свои разноцветные головки и повторяют: «Он спит... Он спит. Венечка хороший. Спи... Спи. Тебе надо поспать. Он спит. Он спит». Но Веня знает, что он не спит, а слышит то, что не слышит ни его мать, ни отец. Он, Веня, понимает язык цветов и ему становится от этого весело и смешно. «Дай, дай, дай» – повторяет малыш и смеётся, а в ответ вновь слышит: «Спи, спи, тебе надо поспать». Он слышит эти голоса настолько явственно, что просыпается.

«Что это?.. Неужели галлюцинации?», – думает Вениамин Павлович. Он поднимает тяжёлые веки и видит широкий лист лопуха над головой, но голоса почему-то не исчезают. Они совсем рядом. Он понимает, что находится на свалке, что над ним лопух, но откуда же голоса? Неужели давно минувшее соединилось с настоящим? Но ведь он учёный, профессор, понимает, что так не бывает. Но, голоса цветов?... Разве их не было? Разве он всё это придумал? Они были. Почему были? Он слышит их и теперь, связь прошлого с настоящим ещё не успела разорваться и это, по всей видимости, остаточные явления полубредового состояния. «Вероят-

но, галлюцинация, – подумал Вениамин Павлович, – от перегрева, со временем пройдёт, надо только спокойно лежать и пройдёт. Лишь бы не появился Сима и не погнал на разборку мусора». Но Симы не было, а чья-то рука кладёт ему на лоб смоченную в холодной воде тряпочку. Холод действует и Позолотин видит, прямо около своего уха, маленькую, похожую на куколку девушку.

– Не бойтесь меня, – говорит девушка, – я Дуня. Дуня-тонкопряха, – попровляется она, – а со мной Катерина-калашница, – и она кивнула головой в противоположную сторону.

Позолотин скосил глаза налево и увидел такую же маленькую женщину, только несколько старше, она складывала тряпочку, чтоб приложить её к голове Вениамина Павловича.

– Вам нельзя шевелиться, – сказала Катерина, увидев, что очнувшийся человек смотрит на неё очень ласково и дружелюбно.

– Вам надо отдохнуть, – проговорила, журчащим как ручеёк голосом, Дуня.

– Вы кто? – спросил Вениамин Павлович.

– Мы глиняные игрушки, – проговорил мужской голос, и Вениамин Павлович увидел на своей груди маленького богатыря с дубиной.

– Какие игрушки? – удивился профессор.

– Мы этого не знаем?.. – ответил богатырь, – просто нас мамушка всю жизнь лепила, и её свёкр лепил и свекра отец

лепил и этого отца бабушка лепила... дальше я не знаю, все лепили, а последней была мамушка, а люди её звали Еленой Никаноровной, – проговорил богатырь и сошёл с груди.

– Что это? Как всё это понимать? – проговорил вслух недоумённо профессор.

– Терпение, мой друг, терпение, – раздался совсем рядом старческий голос.

Вениамин Павлович скосил вправо глаза, потому как даже, повернуть голову у него не было сил. Краешком глаза он увидел, как под лопух вошёл древний старичок с котомкой за плечами в длинной старинной одежде. Своим видом он напоминал отшельника. Старичок подошёл к профессору, положил ладонь небольшой морщинистой руки ему на голову и пристально посмотрел страдальцу в глаза. – Терпение, мой друг, – повторил он, – в скорбях должно быть терпение, – повторил он ещё раз и вдруг стал исчезать, как бы растворяясь. Тела его не стало видно и только одни чистые добрые любящие лучистые глаза смотрели, будто зависнув в воздухе. Ниже глаз были видны губы. Глаза не мигая, строго и чуть подбадривающе с минуту смотрели на Вениамина Павловича, затем стали удаляться и таять.

«Кажется, я умираю, – подумал профессор. – Вот уже начались видения. Я – учёный и мне являются люди из давнего прошлого. Кто этот старичок с котомкой? Почему он, кроме того как «надо терпеть» ничего не сказал? А может быть этим он как раз и сказал всё, что надо Позолотину

именно сейчас? Ведь терпение в скорбях – краеугольный камень человеческого бытия. Терпение даёт надежду. Из терпения происходит любовь, бескорыстие, соучастие... и мир. Это из Евангелия. Отшельник напомнил ему евангельские строки. Всё верно,... из терпения в конце происходит мир, а из нетерпения произрастает брань, самовозвышение, самодовольство и революции.

«Странно, но я не могу даже предположить, кто этот старичок?.. – подумал Вениамин Павлович. – Почему он мне явился? Явился именно сейчас, здесь; как это понять? Нет-нет, всё не то и не так... Мне просто мерещатся живыми части моей незавершённой научной работы. Недавно закончил писать главу о быте древних славян, затем долго размышлял о первохристианах... Может быть, это материализация мыслей?.. Нет, не то... Я уже начинаю думать не как учёный, а как мистик. Странно, кто он? Возможно это явление из более позднего периода,... древняя Русь,... непроходимые леса... В леса из мира уходят и становятся отшельниками немногие из людей, чтобы проводить жизнь в уединении, оставшись один на один со своими помыслами, страхованиями, молитвами и надеждой. Нет, нет, это точно плод больного воображения,... и пример тому налицо. – Я всё время думал о традиционной глиняной игрушке, и вот она ходит по моей груди, а я лежу под лопухом и слышу недалеко голос Крокыча. Возможно это всё-таки воздействие солнечной радиации на ослабевшее тело», – и профессор снова впал в забытье.

Это забытьё снова подарило ему чудное видение. Вот он на плоту. Под ногами между брёвнами хлюпает вода. Только это совсем необыкновенные брёвна, они строганные, с затёсами и вырубками. Совсем рядом раздаются голоса, но Вениамин Павлович не видит людей, плотный туман завалил и плот, и берега, и небо. Профессор пошёл по скользким брёвнам на голос, который был ближе к нему. Этот голос отдавал команды: «Право бери», «стоп», «прямо»...

Вениамин Павлович сделал несколько шагов и вдруг увидел прямо перед собой на выдвинутых вперёд трёх брёвнах, с фонарём в руке, человека. Тот, освещая фонарём воду и вглядываясь в неё, отдавал команды. Вениамин Павлович обратил внимание на одежду человека. Он был одет в кафтан с петлицами, с шапкой на голове, на ногах жёлтые сапоги. «Так это же стрелец времён Ивана Грозного...» – удивился профессор.

Что вы тут делаете? – спросил Вениамин Павлович. Стрелец в ответ сделал профессору знак рукой, дескать, говори тише и поманил профессора подойти ближе к нему. Вениамин Павлович ступил на выступающие вперёд брёвна, сделал два шага и остановился. Стрелец указывал рукой на воду. И тут профессор увидел там, куда показывал стрелец, плывущих трёх стерлядок. Они наполовину были погружены в воду и в стороны от плывущих рыб расходились небольшие волны. Средняя стерлядь плыла немного впереди, а те, что плыли по бокам, отставали на полкорпуса. «История ожива-

ет, – подумал Вениамин Павлович. Он совсем недавно рассказывал Крокычу об этих стерлядях и вот он их видит собственными глазами, и лоцмана в стрелецкой одежде, и сами плоты». – «Это чудо. Это невозможно!!!» – произнёс он вслух.

– Ему совсем плохо, – сказала Дуня, глядя на профессора.

– Жаль, что у нас нет никаких лекарств, – посетовала Катерина.

– А если б и были, мы разве знаем, что давать человеку в этом случае? – усомнилась в знаниях глиняшек Дуня.

– Ему надо просто отдохнуть, он перегрелся на солнышке.

– Нам от этого не лучше, – заметил Мурлотик.

– Поясни нам свою глубокую мысль, а то не доходит, – вмешался в разговор Пустолай.

– Чего тут пояснять, сами что ли не сообразите. Этот человек профессор, учёный значит. По крайней мере, его так называл человек, который его принёс. Раз он его принёс, то он его отсюда и заберёт.

– Ну и что из этого? – спросил Пустолай.

– А то, что мы тоже под этим же лопухом находимся, только с другой стороны. Вы что думаете, что профессора будут брать, а нас не увидят? И ещё неизвестно, кто увидит. Может быть, за ним два или три человека придут? За профессора и его друга мы спокойны, а за остальных ручаться нельзя. Вот так вот.

– И что из того? – почесал нос Пустолай.

– Уходить нам надо отсюда. И лучше будет, если мы сейчас переберёмся в разведанную лачужку, пока там никого нет, иначе будет поздно.

– Мурлотик прав, – сказал Заступник, – здесь нам оставаться опасно.

– Мы что же, должны бросить профессора в беде? – спросила Дуня.

– Никто не говорит, что это надо сделать прямо сейчас, – пояснил Заступник. – Побудем здесь какое-то время, и как профессору станет лучше, то и уйдём.

– Мне его жалко, – сказала Катерина. – А нельзя ли нам перекочевать под соседний лопух, тогда и мы будем в безопасности и профессор будет под присмотром.

– Если мы уйдём, то это будет не по совести, – сказала Дуня. – Надо продолжать ему класть на лоб мокрые тряпочки. Вы как хотите, а я от больного никуда не побегу. С ней все согласились.

Очнулся Вениамин Павлович под вечер в хибарке, видно туда его перенёс Крокыч. Он открыл глаза и увидел улыбающееся лицо художника. Крокыч смотрел на него во все глаза и кивал на стол. Позолотин посмотрел в ту сторону и увидел знакомые игрушки, именно те, которые он видел во сне, лёжа под лопухом около кучи мусора, только здесь они не были живыми. «Значит, мне не приснилось, – подумал Вениамин Павлович, – игрушки действительно были. Просто мой ра-

зум чудесным образом трансформировал действительность, наделив игрушки речью и способностью двигаться».

– Под лопухом нашёл, – сказал Крокыч, считай у вас в головах. Рядом ящик валялся разбитый. Видно когда самосвал мусор сваливал, то ящик откатился в сторону, там трава све-жепрямая, и вот результат.

– Сима знает? – спросил взволнованно профессор, – чувствуя, как комок радости подкатился ему к горлу и мешает говорить.

– Что вы, ни в коем случае. Эти игрушки не для его пога-ных рук, – заверил художник.

– Это правильно, – сказал профессор. – Вот она – недо-стающая деталь цивилизации, – и улыбнулся. – Это, дорогой Семён Ваганович, настоящая старинная саратовская глиня-ная игрушка, а то, что у Симы в коробке, сам понимаешь...

– Вот значит из-за чего вся свалка на ушах ходит! – пока-чал головой художник

– Ей цены нет, потому и ходит, – заметил профессор.

– Мне надо на работу идти, – сказал Крокыч, – Сима орать будет.

– Да-да, конечно, только игрушки спрячьте, вдруг кто придёт и увидит.

– Конечно, обязательно спрячу, – и Крокыч положил иг-рушки в коробку, накрыл их старой газетой, задвинул под кровать и ушёл разбирать мусорные кучи. Позолотин остал-ся в хибарке один.

Профессор лежал на скрипучей кровати и думал о превратностях судьбы, а потом даже вроде уснул. И снова, как и там под лопухом, игрушки, находящиеся в хибарке, снова стали живыми. Они вылезли из коробки, стали ходить по помещению и разговаривать с Вениамином Павловичем. Профессор задавал игрушкам вопросы, и они отвечали на них. И профессор удивлялся тому, как они много знают из истории и этнографии, особенно Заступник, который буквально в деталях рассказывал о тех вещах, над которыми десятки лет ломают голову историки. Он, как оказалось, хорошо знает Святогора и Илью Муромца, так как путешествовал с богатырями и находился в суме у Алёши Поповича, а сума была приторочена к седлу. Алёша Попович, даже будучи взрослым человеком и богатырём русской земли, никогда не расставался со своей любимой игрушкой и всегда брал её с собой в походы. Перед тяжелейшей битвой вынет из сумы Алёша Попович Заступника, посмотрит на него, вспомнит себя ребёнком и прибавляется в нём сила и смелость. Ведь он должен в бою защитить жён, стариков и детей. Много чего рассказал профессору маленький воин, а после добавил:

– А если вы поговорите с Свистоплясом, то узнаете ещё больше, он у нас самый древний, – я того не знаю, что он знает.

– Кто такой Свистопляс? Я не знаю такого, – сказал Вениамин Павлович. Я никогда не слышал о нём. И тут же получил ответ но не от человечка с мечом, а от Дуни.

– Это кентавр. Он половина человек, половина конь. Он язычник.

«Странно, как они могут помнить, то, что было до них, или они слеплены очень давно, ещё во времена язычества. Нет, этого не может быть, тогда откуда у них знания о далёком прошлом?», – подумал профессор, но через минуту забыл об этом и опять впал в забытьё.

Позолотин даже во сне был счастлив. Улыбка не сходила с его губ; они шептали: «Ещё, ... ещё, ... ещё...» Он время от времени просыпался и проговаривал свои мысли:

– Я об этом обязательно напишу. Учёные всего мира должны знать. Ну и что, что у него нет доказательств. У него есть само живое знание, разве этого мало? Что может служить доказательством живому знанию. Это абсурд. Живому знанию не требуются никакие доказательства. Так, например, люди имеют живое знание о боге, разве им нужны доказательства о том, что Иисус Христос был, что он ходил, ел, пил как и все люди на земле, исцелял болящих и воскрешал умерших. Этому не нужны никакие доказательства. Только неверный мир требует этому доказательств. Этот мир и представленным доказательствам всё равно не поверит, и требует новые доказательства, чтоб подтвердили предыдущие и это будет продолжаться бесконечно.

Потом Вениамин Павлович стал думать о том, что, возможно, его мозг включил дополнительную функцию, которая неведома учёным, и она соединила прошлое, настоящее

и, возможно, даже и будущее. Отдалённым примером тому может служить открытие знаменитой периодической таблицы Менделеева. Эта таблица учёному приснилась во сне. Возможно, так сработало подсознание учёного, выстроив в единую схему приобретённые знания, но до поры до времени не могло этими знаниями распорядиться должным образом. А, в общем, это была загадка, над разгадкой которой так долго бился мозг химика и родил идею. Так и он – Позолотин – многие годы думал об исчезнувшей игрушке и, возможно, что и его мозг и всё его существо невероятным образом воссоздало утраченное?.. пусть даже в виде галлюцинации».

Потом профессор уснул и уже никого не видел и ни с кем не разговаривал; в хибарке воцарилась тишина. Когда он проснётся, то будет думать, что всё это ему приснилось.

.....

Вечереет. Рабочие на свалке продолжают разбирать кучи. Уставший от беготни, Сима сидит на старом, привезённом на свалку, диване и полощет горло водой. Он понимает, что игрушка находится здесь, только пока не найдена, и подтверждение тому – звонок Фомы Фомича с требованием «искать». С одной стороны, этот звонок делал поиски Симы легитимными: директор приказал – я ищу, с другой стороны, Сима понимал, что в поиск игрушки включились более солидные игроки, а с ними надо держать ухо востро. Потом, раз они включились, то, значит, вещь действительно стоящая и ему, Симе, надо в этом деле ушами не хлопать.

Сима ещё какое-то время посидел на диване, обдумывая ситуацию. «Вряд ли дотемна успеем разобрать, – подумал он, – жара несносная, второй человек падает, первым профессор не выдержал, вторым ослабел Оглобля... Этого надо было ожидать.

«А всё же интересно, откуда у Фомы Фомича информация об игрушке? Может быть Пегас? А что, он человек самолюбивый, увидел, что ему ничего не светит, вот и слил информацию, на разборе мусора сегодня не появился, тоже факт не в его пользу. Если утечка пошла через Червонца? – это не в его интересе. У него тёплое место на базаре, зачем ему на Симино место метить? ладно, не будем ломать голову», – тут он улыбнулся от пришедшей в голову идеи. «Фома Фомич желает получить игрушку – он её получит. Только получит не ту, которая настоящая и которую ещё не нашли, а ту, которая лежит в коробке в вагончике. Нашёл её Оглобля, так что с Симы взятки гладки. Хотел, как говорится, игрушку – получи, а там уж, извиняй, что нашли, то и нашли».

От этой мысли к Симе пришло благодушное настроение, он уже не так зорко следил за копающимися в мусоре бомжами. Зачем? Всё идёт хорошо, игрушку нашли и ещё найдут. Сима захочет – и найдут.

На улице смеркается. С Волги потянул горячий настоенный на заволжских травах, ветерок.

– Всё, хватит, шабаш, – сказал Сима и, обращаясь к Кро-

кычу, добавил, – скажи это тем, что у дальних куч копаются, – и направился к себе в вагончик. Зазвонил телефон. Сима взял трубку. Звонил Фома Фомич.

– Слушаю вас, Фома Фомич, – сказал Сима.

– Сима! Ты меня хорошо слышишь? – требовательным голосом спросил директор.

– Да.

– Слушай меня внимательно. Заканчивай все работы и гони всех с территории свалки к чёртовой матери. Ты меня понял!?

– Обязательно понял: остановить работы и всех гнать со свалки к чёртовой матери.

– Исполни – сказал Фома Фомич и отключил телефон.

Сима пожал плечами: «рабочий день закончился, – подумал он – последние бомики сейчас уйдут. К чему это предупреждение? Что за спешка и вообще, то ищи Сима хоть днём, хоть ночью, а то вдруг раз – и всё наоборот... Ну, да, ладно». На полпути к вагончику Сима вдруг остановился и посмотрел в сторону хибарки, где жили Крокыч и Позолотин. В свете догорающей зари, он увидел как большая, лохматая тень скользнула и исчезла, будто растаяла на фоне темнеющих кустов. «Что это? – подумал он, – неужели опять? Впрочем, могло и померещиться, не железный же он сидеть всё время на солнцепёке», и Сима скрылся в вагончике.

А в это время, когда Сима шёл к своему вагончику, неизвестное, большое, лохматое, с большими клыками и когтями

существо, бесшумно появилось на пороге бомжацкой хибарки и уставило на неподвижно лежащего Позолотина свои большие, круглые, фосфорически светящиеся глаза. Профессор был в помещении один, он лежал на кровати и спал. Существо втянуло в себя носом воздух, бесшумно подошло к кровати, вытащило лапой коробок, открыло тёмную пасть, отчего страшные клыки матово блеснули в вечернем свете. Пришелец взял в зубы Катерину, но ему показалось мало, так как пасть была очень большая, и он прихватил ещё и Дуню с Мурлотиком и скрылся в ночи. Затем он появился ещё раз, чтобы забрать остальных. Никто из бомжей на свалке его появления не заметил, только тень скользнула по строениям и растворилась во мраке, будто этого существа никогда здесь и не было.

Глава 48. Пегас действует

Как мы уже знаем, Пегас решил не показываться больше Симе на глаза и не участвовать в разборке мусорных куч. На этот раз, он, приехав вместе с Мухой на свалку, решил понаблюдать за ходом работ со стороны. Для этого он и Муха спрятались на другой стороне оврага, куда сваливали мусор и стали вести наблюдение. Овраг и территория свалки перед ним были как на ладони.

– Я тебя не понимаю, – бухтит Муха, устраиваясь рядом с Пегасом, – нам же разрешено ходить по самой свалке и наблюдать, а мы... сидим в этих кустах и глаза издали пялим.

– А тут и понимать нечего, – сказал Пегас. – Бомжи к нам относятся недружелюбно, так что от них ждать помощи не приходится. Тем более у них там свои завязки на это дело. Если работяги не захотят отдать находку Симе, то он её и не получит, будь спокоен. Мы её тоже не увидим, как бы мы около этих мусорных куч не ходили. Увидят, бросят на неё старую, побитую молью тряпку, вот и всё. Стало быть, надо наблюдать со стороны, глядишь что-то и нарисуетя. Давай располагайся, – и он уселся на торчащий из земли пень.

– Ну ты, Пега, голова... – удивился Муха, – откуда будем наблюдать?

– Вот под этими кустами и располагайся, чтоб удобно было.

– Так отсюда ничего не видно... – возмутился Муха. – Вернее, всё видно, но так, общим планом.

– А ты очки одень, – и с этими словами Пегас вытащил из сумки бинокль.

– Вот это да! – изумился Муха.

– А ты не изумляйся, всё продумано. Если рабочие игрушку найдут, то обязательно временно спрячут, а придут за находкой вечером, когда на площадке никого не будет. Так, что если мы прошляпим момент, когда они её найдут, то когда будут тырить и прятать, не прошляпим. Так, что сегодня нам придётся пободрствовать. Не думаю, что это затянется допоздна. В любом случае, Муха, терпение. Будем наблюдать по очереди, чтоб глаза не уставали и бдительность не при-

туплялась. Ты, самое главное, когда будешь наблюдать, не смотри, куда кто чего бросил, этот вариант проигрышный, ты смотри за психологией работающих. Из этого и делай вывод – нашли или не нашли.

В кустах Пегас и Муха досидели до темна, но ничего особенного в поведении рабочих не заметили. Не реагируя на окрики Симы, рабочие нехотя перекидывали мусор из одной кучи в другую. Потом стало смеркаться, Сима включил внешнее освещение, на столбах зажглись лампочки. Светили они тускло, отбрасывая от предметов нечёткие, расплывчатые тени. Муха переводил бинокль с одного предмета на другой и вдруг, отняв бинокль от глаз, стал вглядываться в территорию свалки без бинокля.

– Ты чего? – спросил Пегас.

– Не знаю... показалось, наверное...

– Чего тебе показалось?..

– Приведение какое-то...

Пегас взял у Мухи бинокль и стал смотреть. Затем отнял бинокль от глаз, протёр окуляры и снова стал смотреть.

– Чё, видишь? – дёрнул за рукав друга Муха.

– Вижу, не слепой..., – сказал Пегас, не отнимая от глаз бинокль.

Он увидел, как что-то большое и лохматое тёмным пятном скользнуло по кустам, приблизилось к строению в конце территории свалки, на минуту исчезло, потом появилось вновь. Эта таинственная и страшная тень появлялась около

бомжажкой хибарки раза два и всегда перемещалась в сторону леса.

– Что это? – спросил Муха.

– Ты что, трухнул, малость, – спросил Пегас. – Не дрейфь, когда темно, что угодно привидеться может.

– Мне не привиделось, ... зверь огромный...

– Брось труса праздновать.

– Может быть, домой пойдём, а, Лёнь?

– Рано ещё. – Ответил Пегас. – Жаль, что у нас нет прибора ночного видения.

– Тогда что?

– А то, что прибор ночного видения не простой бинокль, в который мы пытаемся что-то сейчас рассмотреть, а специальный, в инфракраснике всё показывает.

– А, что это за инфракрасник?

– Ты что, Муха, совсем тупой. Этот прибор помогает видеть инфракрасные лучи, а эти лучи, можно сказать, освещают человека, только наш глаз их не видит, вот прибор и помогает человеку увидеть то, что эти лучи освещают, а точнее сказать, выделяют.

– Может, пойдём, а? – просяще проговорил Муха. – С обеда здесь сидим, а толку... Лучше б на свалке среди бомиков толкались.

– Это тебе лучше, а мне нет. Я здесь ни от кого независим. Если же игрушку найдут, то мы и отсюда увидим, лишний раз перед Симой светиться не стоит. Ты наблюдай, давай.

– Наблюдаю, вон около хибарки, где живут Крокыч и Позолотин, собака пробежала, чего-то нашла, легла и грызёт.

– Ты в бинокль смотри, а не просто так пялься, – сказал Пегас. – Там, около вагончика света хватает, чтобы что-то увидеть.

Мухаев взял бинокль и снова стал наблюдать. Только он не смотрел в бинокль молча, а по приказу Пегаса комментировал:

– Вон Сима складывает инструмент в контейнер, лопаты положил, метлу, грабли... – говорит Муха.

– Ты о существенном говори, а нечего действия Симы комментировать. Может быть, он в туалет пойдёт по нужде, ты и об этом будешь говорить?

– Сам велел! – огрызнулся Муха. – Может быть, он в туалете игрушку прячет?

– Ну, завёлся, – поморщился Пегас, – может, да кабы,... ты дело говори, а не перечисляй всякую ерунду.

– А я и говорю дело...

– Ладно,... шут с тобой,... балабонь, – сказал Пегас и растянулся на траве.

Решение – посидеть подольше – родилось у Пегаса неожиданно. Леонид вдруг почувствовал не совсем ясное ощущение тревоги с симптомами неясного трепетания в груди, как перед нахождением антиквариата. Ощущение трепетания в груди было ему знакомо, это обнадёживало, а вот откуда взя-

лась смутная тревога? Он этого не знал и понимал, что такой симбиоз чувств явно к неожиданностям. Об этой тревоге Пегас ни слова не сказал Мухе. «Так будет лучше, – решил он, – меньше трескотни под ухом, пусть комментирует события».

Посидели ещё какое-то время. Пегас чувствовал, что смешанные чувства, будоражившие его тело и мозг, нисколько не утихают и даже усиливаются. Это предощущение заставляло его сидеть и ждать.

– Крокыч к хибарке идёт с работы, – продолжал говорить вялым голосом Муха, ... – собака пробежала, ... фонарь на дальнем столбе потух, видно, сгорел...

Чем и дальше слушать монотонное перечисление увиденного Мухой, давайте лучше посмотрим, что делают наши путешественники: Василий, Белянка, Смуглянка и пудель.

.....

В это время, когда уставший Крокыч подходил к своей хибарке, до смерти уставшие Василий, Белянка, Смуглянка вместе с пуделем, приближались к мусорной свалке и, не дойдя до неё буквально полсотни метров, решили переночевать под перекрытиями моста-путепровода, опасаясь как бы не было дождя. Конечно, взрослому человеку этот путь мог бы показаться и не столь длинным, но маленьким игрушкам с их короткими ножками такое расстояние было весьма значительным. Не устал один пудель. Он с удивлением смотрел на своих скисших друзей. Он запросто мог пробежать и ещё несколько раз по столько же. Во время этого перехода гли-

няшки отдыхали несколько раз и всё равно выглядели измученными.

– Привал. – Сказал пудель. Глиняшки как будто этой команды только и ждали. Они просто повалились на землю и уснули мёртвым сном. Рядом с ними лёг и пудель, решив, как только достаточно стемнеет, он пойдёт на разведку, потому как сейчас на свалке делать нечего, бродячие псы на неё ещё не сбежались. Выждав некоторое время и убедившись, что его друзья крепко спят, пудель встал, потянулся и пошёл на свалку.

Глава 49. На задней подвеске

Дверь в подвал, в котором находились ребята, открыл сам доцент. Первым он вывел из подвала Костю, связал ему сзади руки, заклеил рот и посадил в машину. Так же он поступил и с Антоном, а вот о нахождении в подвале кентавра он не знал. Когда доцент увёл Антона, Свистопляс, осторожно переступая копытами, чтобы не было слышно цоканья, проследовал за ними и когда Антона посадили в машину он тут же юркнул под автомобиль, уселся на какую-то железку и вцепился руками в другую.

Если бы Свистопляс разбирался в технике, то он бы знал, что уселся он на задний мост автомобиля, так как этот автомобиль был полноприводный, то есть и задние, и передние колёса у него были ведущие. Только технические достоинства автомобиля Свистопляса мало интересовали, главное, что сидеть ему было очень удобно. Разумеется, он не знал,

что держится за амортизатор. Ногами до земли Свистопляс совершенно не доставал. Укрывшись таким образом от посторонних глаз, кентавр стал ждать, что же будет дальше? Он не знал участи Гуделки, но броситься сейчас на его поиски было безрассудно. Его друг Гуделка поступил бы точно так же, будь он на его месте. А как же иначе, ведь на заднем сиденье автомобиля находились его связанные друзья, а машиной управляли совсем несвязанные враги, хотя хотелось бы, чтобы всё было наоборот, но, как это сделать, это Свистопляс не знал. А Гуделка тоже самое думал о друге Свистоплясе и находился он от своего друга совсем недалеко, а точнее он ехал в той же машине, находясь в бардачке, куда его сунул доцент.

Глава 50. Знакомые запахи

Как только пудель покинул глиняшек, он в темноте добежал до забора свалки и стал тщательно его обследовать. Зрение в этом случае ему не очень было нужно. Нос был главным его поводырём в темноте. Вот, например, собачья тропа. На ней запахов хоть отбавляй, кто тут только не проходил. Разумеется, эта тропа наверняка ведёт к дырке в заборе, а за забором свалка, тут и дураку понятно, должны же как-то псы проникать на свалку.

Пудель ещё немного прошёл вдоль забора и тут же обнаружил в заборе дырку. «Да это не дырка, а целая дырища» – посетовал пудель на нерачительность хозяина свалки, однако в дыру пролез и стал обследовать территорию. Вот он до-

шёл до вагончика Симы, понюхал дверь. В вагончике кто-то напевал. Пудель проследовал дальше и вдруг шерсть на его загривке стала дыбом. Пудель первый раз в жизни не поверил своему носу. Он принялся ещё раз, сомнений быть не могло – на свалке находятся следы его хозяина и хозяйки. Это пуделя сильно смутило, он остановился и стал думать: «почему они здесь?» Так и ничего не придумав, он побежал дальше и вскоре его нос уловил запах других людей. Этот запах шёл из деревянного строения, приютившегося в конце огороженной территории. А ещё нос пуделя уловил запах, который он не спутал бы ни с чем на свете. Этот запах был настолько сродни запаху глиняшек, что у пуделя даже в носу засвербило. Этот запах тоже исходил из той же самой хибарки. Пудель хотел от радости залаять, но тут же прикусил свой язык, потому что это было не к месту и не вовремя, тем более, что в хибарке не спали. В ней светилось маленькое оконце. «Запах запахом, а осторожность не помешает», – подумал он.

Из строения доносилась тихая речь; разговаривали двое; пудель прислушался. Один голос был старческий, а другой принадлежал более молодому человеку.

– Я, кажется, Семён Ваганович, сегодня перегрелся на солнышке? – проговорил старческий голос.

– На таком солнцепёке, дорогой профессор, не мудрено перегреться.

«Значит, старческий голос принадлежит профессору, –

подумал пудель, – а более молодой Семёну Вагановичу» – и стал слушать дальше.

– Вениамин Павлович, вот мы говорим игрушка – игрушка, а разве так важно во что дети играют? Так и хочется сказать, дескать, пусть играют, лишь бы не плакали, – сказал более молодой голос.

– Нет, уважаемый художник, – оживился старческий голос. – Далеко не всё равно. «Этот голос, значит, принадлежит профессору, а другой – художнику, – сориентировался пудель, – интересно о чём же они говорят?».

– Игрушка формирует мировоззрение ребёнка, душу его формирует, – продолжал говорить профессор. – Представьте, что юное существо с малых лет играет в звероподобные алчные существа, внешне похожие на людей. Такая игра только культивирует низменные инстинкты, результат от этого не за горами – брошенные семьи, непочетание родителей, культ силы, бандитизм и прочее, и прочее. Игрушка для ребёнка – главная среда, в которой он воспитывается. И запомните – игрушки благоприличные – благоустраивают детскую душу, и наоборот... Этому, Семён Ваганович, благоустраению и служила всегда народная глиняная игрушка.

«С этим нельзя не согласиться, – подумал пудель, – Это очень умно и дальновидно. Видно, в этой лачужке живут очень умные люди».

– Лепить такую игрушку, – продолжал говорить человек в хибарке, – мог не всякий человек, а духовно одарённый, вот

так, дорогой художник. Слишком это ремесло деликатное, особого душевного напряжения требует. А как сейчас происходит, вам судить. Посмотрите, какие игрушки попадают на свалку?.. Какие игрушки везут в нашу страну?.. И поразмышляйте на досуге. Есть такие, что просто душу от них воротит. Только не думайте, уважаемый, что тот, кто делает эти игрушки не знает, что творит? Разумеется, тот, кто создаёт эти мерзкие изделия, приведёт тысячи доводов в оправдание своей деятельности, и все они будут казаться состоятельными. Обязательно найдутся среди защитников этой мерзости и такие, что будут говорить о том, что молодое поколение должно знать и низменные проявления в человеческой жизни, надо знакомить ребёнка с миром зла в его вещественном воплощении, чтобы закалить его душу, пробудить в ребёнке желание сопротивляться злу, и так далее, но это не более чем уловка.

– Звучит правдоподобно, – заметил Крокыч.

– Это только звучит, дорогой художник, на этом многие ловятся. Эти игрушки формируют в сознании культ силы, но и это не самое главное, главное заключается в другом. Они устанавливают в сознании низшую интеллектуальную планку восприятия. Играя в такие игрушки, ребёнок перестаёт духовно расти. Он достигает этой планки и всё, в его сознании это вершина. Дети, воспитывающиеся в волчьей стае и вскармливаемые грудью волчицы, никогда не станут полноценными людьми, если даже их из этой среды и изъять. Тому

множество примеров, хотя здесь работают и другие факторы.

– Так что же получается, – взволнованно заговорил художник, – покемонов и иже с ними мы должны рассматривать как агрессию против наших детей!? Против нашего народа в целом?!

– И против человечества тоже, – добавил профессор, – против замысла божия.

– Даже так?!

– Я всегда считал вас, Семён Ваганович, умным человеком.

– Какой там умный, когда разжевали и в рот положили, ... умный...

– На это и весь расчёт, Крокыч, нашей же безалаберностью нас и бьют. Народная игрушка – кость в горле у наших врагов, вот они и стараются её истребить, а нам вместо неё всяких покемонов да черепашек подсунуть, играйте, мол, детки, и потихоньку превращайтесь в тех, в кого играете, вот так-то. Эту мысль можно развивать и дальше. Наша народная игрушка, по сути, очень духовна. Поэтому агрессия идёт против духа и в первую очередь против духа! – на возвышенной ноте закончил говорить профессор.

– Интересно, в какие игрушки играл Сима в детстве? – проговорил художник. – Сдаётся, что игрушками ему служили человеческие черепа.

– Сима, дорогой Ваганыч, – не главный носитель зла. Это мелкая сошка, исполнитель. Ты об этом на досуге подумай,

но то, что он в детстве играл не в те игрушки, это, безусловно.

Профессор и Крокыч замолчали.

– Я сегодня, Семён Ваганович, кажется, сильно перегрелся, – опять произнёс ту же фразу профессор, что и в начале разговора. Видно, какая-то мысль не давала Вениамину Павловичу покоя, и он хотел к ней вернуться.

– Да, уж упаси вас бог так перегреваться, – сказал Крокыч, – я даже подумал «не паралич ли вас стукнул?».

– Нет, не паралич. Только я, наверное, был очень близок к параличу или к чему-то в этом роде. До сих пор думаю над этим, ... всё так явственно. Лежу я под лопухом и хорошо мне так, я маленький, родительница рядом обо мне заботится. Это можно отнести к перегреву или ещё к какой-либо болезненной симптоматике. А вот дальше что было, ничем не объяснишь.

– Ну, что там вам привержилось, говорите.

– Видел я как бы наяву, маленьких глиняных человечков, равно как и глиняных животных. Что вы нашли и принесли. Они ухаживали за мной, разговаривали. И в голове у меня одно в это время было – вроде это старая саратовская игрушка обо мне заботится и со мною и между собой разговаривает. Помню их маленького великана, его Заступником называли, была там миловидная девушка Дуня и собака Пустолай. Я это хорошо запомнил и видел всё это так же отчётливо и ясно, как вас сейчас вижу.

– Нет, вам определённно нельзя находиться на солнцепёке, дорогой друг. Я не врач, но налицо какие-то глюки. Вам надо отдохнуть, спите.

– Жаль, что это глюки, Ваганыч, я бы отдал свою оставшуюся жизнь за то, чтобы это были не наваждения, а реальность. И это не всё. Когда вы ушли на работу, а я остался здесь один, то игрушки, здесь в комнате опять ходили и со мной разговаривали, рассказывали истории из жизни предков. Вы представляете, милейший, сколько они знают. Я был весьма удивлён, разговаривая с их воином. Жизненный уклад предков как на ладони. Каждое слово на вес золота, только записывай, это совсем не додумки учёных, как бы они не были правдоподобны, это реальность...

– Спите... спите, профессор. – Было слышно, как Крокыч дунул на свечу и хибарка погрузилась в полумрак.

Кто такие профессор и Крокыч, пудель не знал. Разговор их он не очень понял, а вот что речь шла об игрушках, запомнил. Главным же для пуделя были запахи. Откуда здесь такие знакомые запахи? Будто он своих друзей оставил не под мостом, а в этом домике, было ему тоже очень непонятно. Пудель попробовал выяснить, откуда начинаются эти запахи и где кончаются. Он побежал по территории свалки и без труда обнаружил большой лопух на самом краю оврага и рядом разбитый ящик. Из ящика сильно пахло хозяйственным мылом, этот запах он знал, так как ходил с хозяйкой в магазины

и там, где они покупали порошок для стирки, там всегда пахло этим самым мылом, омерзительный, надо сказать, запах. Только почему и под лопухом, и в ящике, и около хибарки пахнет игрушками? Это было пуделю совсем непонятно. По опыту он знал, что это остаточные запахи, они оставлены игрушками совсем недавно. Это говорит о том, что обладатели этого запаха находились здесь. По всей видимости, они сюда приехали в ящике вместе с мусором; этот ящик упал и разбился, игрушки из него вылезли и спрятались под большой лопух, тут и думать много не надо. Из-под лопуха их принесли в хибарку, а дальше? А вот дальше с анализом событий у пуделя как-то не клеилось.

«Где же обладатели этого запаха сейчас?» – думал он. Пудель мог бы обследовать и овраг, но туда ему спускаться не хотелось. Очень стойкий, пугающий запах шёл снизу. И стойкость, и насыщенность, и широта этого запаха говорили пуделю об огромной величине этого пахнущего объекта. Это существо внушительных размеров было здесь и даже заходило в эту хибарку, но не причинило людям никакого вреда. Почему? Почему следы этого пришельца уходят в овраг? Эти «почему?», заставляли пуделя быть осторожным и внимательным.

Пудель, выждав немного времени и поняв, что большего он здесь не услышит и ничего не найдёт, пошёл к своим друзьям. Он их увидел спящими на том же месте, где и оставил, и тут же стал их будить.

– Чего надо? – спросонья ворчал Василий.

– Да проснитесь вы, лежебоки, – сердился пудель.

Наконец Василий проснулся и, протирая глаза, сел. Белянка со Смуглянкой, тоже потягиваясь и позёвывая, стали нехотя подниматься.

– Чего тебе неймётся? – спросил Василий, когда сон окончательно от него отошёл.

– Я ходил в разведку и обнаружил, что мы пришли на свалку.

– И что дальше? Сходил и сходил, что, обязательно будить надо? – и Василий широко зевнул.

– Да вы послушайте... На территории свалки я нашёл хибарку, такой маленький сарайчик, в котором живут люди. Я даже удивился, что в таком неприглядном помещении можно жить. У моего бывшего хозяина в квартире много комнат и всё заставлено мягкими диванами, креслами и другой всякой мебелью, вы это сами видели, а ещё есть большущая трёхэтажная дача и дом за границей. Правда за границей я никогда не был, а на даче у меня была собственная комната на первом этаже, в несколько раз больше чем конура этих людей, и спал я там на диване. Но это так, к слову. В сарайчике этом живут профессор и художник. Очень умные и деликатные люди.

– А об этом ты как узнал, что умные и деликатные? – спросил Василий. – Ты что, с ними разговаривал?

– Потому, что разговаривают они друг с другом учтиво

и беседа их умна. Из разговора профессора и художника я узнал, что на свалке ищут старинную глиняную игрушку, рабочие разбирают привезённый самосвалами строительный мусор. Я и подумал, может быть, это вас ищут? Вы ведь тоже глиняные игрушки. И потом, что-то уже ими найдено, только запахов присутствия найденного я не обнаружил.

– Как я понимаю, – сказал гармонист, – нас в строительном мусоре искать не будут, если только в костре. Синеволосая меня сама в костёр бросила.

– Тогда может быть ищут Смуглянку с Белянкой? – задал вопрос пудель.

– Сам же сказал, что ищут в строительном мусоре, а в домах мусор бытовой, упаковки, старые изношенные вещи и так далее. Мы видели, как наш дворник всё это убирал, а часть на месте сжигал.

– Тогда, может быть, это ваших сестёр и братьев ищут? – не унимался пудель.

– Скажешь тоже. Это мы уехали, а те в доме остались. – Сказал Василий.

– Может дом сломали, вот тебе и строительный мусор – озвучил гипотезу пудель. Потом, на свалке полно таких же запахов, что и от вас исходят, только давнишние.

– Мамушкин дом ещё очень даже хороший. Зачем его ломать? – возразила Смуглянка.

– Стоп. – Тут пудель умолк и задумался, а потом тихо сказал, – какой же я дурак. Бывают дурни псы, только я им и в

подмётки не гожусь.

– Ты чего? – спросила Белянка.

– А то, что мой хозяин говорил, что купил большой, деревянный дом под черепичной крышей у Глебучева оврага. И ещё он говорил, что на этом месте то ли коттедж, то ли супермаркет хочет построить. Может быть, это и есть вашей мамушки дом?

– Ты говори, да не заговаривайся, – проговорил сердито Василий, – кто это посмеет сломать мамушкин дом?

– А я и не заговариваюсь, – запальчиво сказал пудель. – Сам посуди. Ваш дом около Глебучева оврага стоял? – Стоял. Деревянный? – деревянный. Крытый был черепицей? – черепицей, Старый дом? – старый.

– Разве мало домов старых и крытых черепицей? – чтобы не думать о плохом, сказал Василий.

– Рядом с нашим домом ни одного дома не было, чтобы были крытые черепицей, – сказали Смуглянка и Белянка.

– Вы откуда знаете? – продолжая не верить в доводы, упирался Василий.

– А нам Мурлотик говорил, – сказала Белянка.

– Так он вам и говорил? – засомневался Василий.

– Он говорил, что по черепичной крыше, охотясь за воробьями, он ходить наловчился, а другие дома сплошь крыты железом, по ним особо не походишь.

Эти слова окончательно убили последнюю надежду в Василии. Он не хотел верить в то, что это сломан их дом. «Что

же стало с моей Дуней, – думал Василий, что стало с Глиней, Свистоплясом, Катериной и другими?» – Он нагнулся и обхватил голову руками.

– Ты не расстраивайся, – сказал пудель, – может быть с ними ничего плохого и не случилось? Но вместо ответа Василий, взял гармонь и едва трогая лады, заиграл. Грустные звуки полились в вечернее небо. Гармонь не пела, а стонала. Сквозь грустную мелодию слышались то скрежет металла, то шум падающих стропил, то шелест ветерка, который поднимает в воздух вековую от строения пыль, то чьё-то рыдание и всхлипы. И от пролившихся на землю звуков перестал стрекотать кузнечик. Он хотел забраться на самую высокую травинку, чтоб увидеть игрока, но не смог, потому как его ножки скользили по стебельку, так как стебелёк был мокр от кузнечиковых слёз; остановились, проплывающие высоко в небе, заслонив луну, облака. И проронили облака на землю капельки-слезинки, и пали капельки дождя на лицо Василия, и потекли капельки по щекам Василия, соединившись с его собственными слезами, и побежали одним гремучим потоком, и не было на земле такого потока, в котором бы было заключено больше горя, чем в этом. И если встретится на его пути неправда, то огнём сгорит, и если встанет на его пути плотина из несправедливости, то по камешку размечется. Таково было горе и такова была печаль, и требовала эта печаль от небес возмездия. И стенали о возмездии травы, и сгибались к ним в едином порыве ветки кустов, и клони-

ли головы высокие деревья, и слышалось в подлунном мире только одно – «Покарай, Господи!».

Василий перестал играть. Все сидели молча, одна луна по-прежнему проливала на землю свой желтоватый свет.

– Профессор ещё говорил о том, что ему то-ли во сне, то-ли наяву являлись какие-то глиняные существа, – проговорил пудель. – Эти существа по нему ходили и с ним разговаривали, говорил про какого-то Заступника, Пустолая, других я не запомнил.

– Что, он их видел? встрепенулся Василий и буквально вскочил – они живы?

– Ты чего это? – спросил Василия пудель.

– Говори, ... говори, ... что ты о них знаешь?!

– Что я знаю...? Да по существу ничего... Вроде бы они профессору помогали, когда его художник под лопух отнёс и там положил, когда ему стало от жары плохо.

– Может быть, ты ещё чего запомнил!? Ведь и Заступник, и Пустолай – наши братья!? – допытывался Василий. – Мы все вместе жили в мамушкином доме.

– Нет, больше ничего я не запомнил, – виновато сказал пудель, но я обязательно узнаю. Теперь я понял, что профессор и художник наши друзья и их не следует опасаться.

Может быть, этот разговор продолжался бы и дольше, только подъехали к свалке два чёрных лимузина, высветив фарами ворота, и произвели на свет требовательные, высо-

комерные и чванливые звуки. Василий, Белянка, Смуглянка и пудель стали смотреть как замороженные на эти автомобили.

– Вы никуда не ходите, я сейчас, – сказал пудель, схожу на разведку, узнаю, что к чему. И тут же, шагнув в сторону, скрылся в темноте, а игрушки, обрадовавшись возможно скорой встрече со своими братьями и сёстрами, и немного успокоившись, стали ждать пуделя. Только недолго они бодрствовали, тяжёлая дрёма снова навалилась на Василия, Белянку и Смуглянку и смежила веки. Глиняшки накрылись широким листом лопуха и уснули.

Глиняшки совершенно не слышали, как рядом с ними остановился чёрный «форд». Скажу по секрету. «форд» мог остановиться и в любом другом месте, но он остановился именно здесь, в метре от спящих игрушек. За рулём сидел Батист. О! У француза были великолепные данные шахматиста. Он мог просчитывать ситуацию на много ходов вперёд. Если бы он выбрал профессию сыщика, то он бы вряд уступал Шерлоку Холмсу. Прекрасная интуиция и трезвый расчёт помогали ему находить такие ходы, которые могли бы украсить любое художественное произведение на эту тему. Интуиция его никогда не подводила. Она помогла ему выйти на Фому Фомича, она помогла ему разобраться во взаимоотношениях Фомы Фомича и доцента. Не подвела она его и сейчас.

Дверка машины открылась, предприниматель вышел и осветил подмостовое пространство фонариком. Он никого не увидел. «Странно, – подумал он. – Должны быть где-то здесь. Они не могли уйти дальше на своих коротеньких ножках; мост – прекрасное укрытие от дождя и, на тебе, пусто». Если бы Батист посмотрел на землю рядом со своими ботинками и поднял лежащий лист лопуха... Но он этого не сделал.

После осмотра подмостового пространства Батист выключил фонарик, вернулся к машине, сел в кабину. Некоторое время Батист не предпринимал никаких действий. Он размышлял. Всё в нём говорило, что игрушки, которые он видел у Фомы Фомича, находятся где-то поблизости, но темнота мешала поискам. Наконец Батист принял решение – он завёл мотор и, не включая фар, тихо уехал, чтоб через километр-два снова остановиться на обочине высвечивающегося шоссе, выйти из автомобиля, постоять а затем, включив фары и вдавив педаль экселератора в пол, быстро уехать.

В общем, была и ещё одна причина прекратить поиски, не только темнота. Эту причину Батист не мог предвидеть. Отъехав от моста Батист вышел из «форда». Ночь объяла его. Только это была уже другая ночь, нежели там под мостом. Там это была простая темнота, а здесь... Батист почувствовал, как нечто необъяснимое входит в его душу. И это необъяснимое полонит её, завораживает и будит в нём сверхестественное и необъяснимое. «Что Это?» – спрашивал он само-

го себя; «откуда взялось?», «Я никогда не чувствовал ничего подобного!» Эта русская ночь, эти русские звёзды... Что они делают со мной? Они совсем не такие, как в Америке, Англии и на его родине – во Франции. Что это за тонкие изумительные звуки, низвергающиеся с высоты, что это за звоны? Эта ночная тишина совсем не тишина... она дышит, она играет, она движется. Здесь всё живое: и ночные сказочные сумраки, кои неслышно ходят вокруг, и шепчущие ему что-то звёзды, и надзвёздное фиолетовое пространство, хранящее симфонии мироздания, – всё это не просто живёт своей жизнью, а оно входит в ночного странника, оживляет его душу, омывает его сердце, входит в каждую его клетку, насыщает каждый его атом. «Это – купель мира...» подумал Батист. – «Да-да, это – купель мира, она в России, она здесь. И это шоссе уже не одно... их два. Одно струится по земле, а другое повисает и поднимается над ним, и уходит в карминовую вечность, откуда доносятся колокольные звоны. Эта, уходящая с земли, дорога, пребывает в чудном сиянии, она ни от мира, но из мира земного в мир вечный. Звёзды украшают сей путь». И вдруг Батист почувствовал, что это и его дорога, что это и его путь и уже не мог больше не только продолжать поиски, но и жить как жил раньше, что те чувства, которые в нём жили раньше, ушли и на их место пришли новые, неизвестные, но такие близкие и настоящие. И что он, по рождению француз, с лёгкостью и радостью принимает то, что ему ниспослано свыше. И вот в нём уже русские

чувства и русские мысли, и русская говорящая и поющая тишина. Всё преобразилось, всё стало иным, более красивым и жизнеутверждающим. Уезжать не хотелось, говорить не хотелось, думать не хотелось. «Не об этом ли говорил Бакстер? – подумал предприниматель. – Знаю, об этом. К чёрту Бакстера, к чёрту всю его философию. Есть только это русское небо и под этим небом – я.

После того, как «форд» уехал, на насыпь моста поднялся огромный лохматый зверь. Он поднял голову вверх и стал жадно втягивать в себя воздух, поворачивая голову налево и направо. О! Его чутью могло позавидовать любое существо на земле. Он чуял на десятки километров даже тогда, когда на земле не было даже малейшего ветерка. Вот он насторожился, повернулся в сторону моста и снова втянул носом воздух. После этого зверь пересёк шоссе. Он шёл тихо, почти бесшумно, низко наклонив голову и свесив хвост. Вот он подошёл к оставленному на обочине прицепу от Камаза. По всей видимости, прицеп сломался и его отцепили от грузовика. Зверь понюхал прицеп, тронул его лапой и легко без видимых усилий, перевернул его кверху колёсами, будто это была не массивная стальная конструкция, а пустой спичечный коробок. Зверь обнюхал прицеп снизу, движением лапы снова поставил его на колёса и пошёл дальше.

Ни Василий, ни козочка и ни овечка не проснулись под мостом, когда большое лохматое существо приблизилось к

ним из сумрака и обнюхав каждого взяло в клыкастую пасть Василия и скрылось так же тихо и незаметно, как и появилось. Затем оно, через некоторое время, таким же образом утащило Белянку и Смуглянку. Только зачем ему понадобились глиняные игрушки?.. В пищу они не годились, да и навряд они пахли чем-то съестным. Возможно, у него есть логово и маленькие дети? Только зачем клыкастому гиганту глиняшки?.. Видно у этого лохматого существа были свои соображения, которые человеческому разуму не доступны.

Давайте до времени оставим это существо в покое. Тем более, что сказать нам о нём всё равно нечего, у автора нет никакой дополнительной информации на этот счёт. Разве что профессор, увидев чудище, мог вспомнить старый керамический изразец, что попался ему при разборке в куче мусора, но профессору сейчас было не до изразца, тем более, что и изразец непонятным образом у него исчез. Давайте вместе посмотрим, как будут развиваться события и, возможно, что-то да прояснится в этой странной истории.

.....

На свалке, не считая профессора и Крокыча, никого. Бомжи разбрелись кто куда, тяжёлые сумерки опустились на землю, сглаживая пространство и сравнивая землю с небом в одну тёмную, с серой бахромой над высокими деревьями, мглу.

Сима из-за дневных неудач был не в духе. Он тотчас увидел подъехавшие к воротам иномарки и побежал отворять ворота. Он отворял ворота, а сам прокручивал в голове де-

тали разговора по телефону с Фомой Фомичом. Сказать директору было нечего. День прошёл, а других игрушек как не было так и нет. Понятно, что Фоме Фомичу нужен положительный результат. А где его Сима возьмёт этот положительный результат? Показывать найденные игрушки было рано, не в его Симином интересе. «Однако, этот приезд не к добру, – подумал Сима, – в крайнем случае, всё таки придётся показать Фоме Фомичу найденные Оглоблей игрушки. Ладно, война план покажет, сейчас, главное, ворота побыстрее открыть, директор страшно не любит, когда Сима медлит. Потом, он выполнил его главный последний приказ и выпроводил со свалки всех бомжей, которые уходить не хотели, надеясь переспать на мусорных кучах, чтобы утром снова начать их разборку».

Сима бегом открывает половинки ворот и видит в первой машине очень злое лицо директора. Две чёрные иномарки вкатились в ворота. Второй Ашины Сима на свалке никогда не видел. И если Ашина директора остановилась под фонарём около вагончика, то вторая, обогнув директорский «шевроле», проехала вперёд и остановилась поодаль, где потемнее.

.....

Сердце пуделя, когда он бежал к чёрным большим автомобилям, предчувствовало что-то радостное и одновременно нехорошее. Эти два чувства постоянно смешивались и какое из них первое, и какое второе он определить никак не

мог, потому что и эти чувства то и дело менялись местами.

– Сима! Какого лешего медлишь! – раздался из первой машины знакомый голос. О! Этот голос был не просто знаком пуделю. Он принадлежал самому Фоме Фомичу, его хозяину. А тот человек, что отворяет ворота, и есть тот самый Сима, запах которого он чуял в вагончике и о котором так нелицеприятно говорили профессор и Крокыч. «Так вот какой свалкой заведует Фома Фомич» – подумал пудель, и решил подойти поближе, только не следом за машинами, потому как хозяин может узнать в пуделе своего сбежавшего пса, а лучше пробраться по лопухам, так надёжнее, и пудель нырнул в лопухи.

Не прошёл он по лопухам и двадцати метров, как в его нос ударил уже другой знакомый запах, только он уже не смешивался с запахом Фомы Фомича. И тут луна вышла из-за облака, и он в её сумеречном желтоватом свете увидел фигурку. Фигурка метнулась из-под машины к лопухам и замерла. Эта был то ли конь, то ли человек, то ли всё вместе взятое. В любом случае таких людей или животных пудель в своей жизни не видел. Пудель сейчас полагался не на зрение, а на чутьё. А вот запах ему говорил, что это друг, потому как он пахнет точно так же как Василий, Беянка и Смуглянка. «Значит это игрушка», – подумал пудель и первым подошёл к незнакомцу.

– Не бойся меня, – проговорил пудель, – Я тебе ни сделаю ничего плохого, потому что я твой друг.

– А как мне знать – друг ты или враг? – спросил Свисто-
пляс, выступая из-под лопуха.

– Ты имеешь такой же запах...

– Кто это пахнет так же как и я?

– А тебе ничего не говорят такие имена как «Василий»,
«Смуглянка», «Белянка»? – спросил пудель.

– Откуда ты их знаешь? – обрадованно, но в тоже вре-
мя немного недоверчиво спросил кентавр. Жизнь обоих на-
учила осторожности, чтоб не бросаться в объятия первому
встречному, и не доверять на слово.

– Я знаю, что ты Свистопляс и что вы с Гуделкой отчаян-
ные ребята, – проговорил пудель, а те, кого я назвал Васили-
ем, Белянкой и Смуглянкой живы и здоровы.

– Ура!.. – чуть было не крикнул Свистопляс от перепол-
нившей его мгновенной радости, но он тотчас взял в себя
в руки и кроме как созвучия «Ур...» ничего не поколебало
воздух.

– Как ты здесь оказался? – спросил пудель.

– Я приехал на подвеске одного из этих автомобилей, –
ответил кентавр. – По нашим соображениям и имеющейся у
нас информации, наши братья и сёстры из сломанного дома
должны находиться на этой свалке.

– Связывая обстоятельства и опираясь на запахи, я тоже
прихожу к такому же выводу, – проговорил пудель.

– Правильно, – сказал кентавр. – А вот мне и Гуделке это
даже очень точно известно.

– Откуда это вам известно? – спросил пудель Свистопляса.

– Жаль, что друга Гуделки нет, – сказал Свистопляс, но тут же, за его спиной раздался голос:

– Как это нет! Ты, брат Свистопляс, что-то рано меня похоронил.

– Гуделка, ты как тут оказался!!!? – воскликнул обрадовано Свистопляс и схватил друга за плечи.

– Я приехал в бардачке вон того лимузина, – и он указал на машину, стоявшую в тени. – Это машина доцента. В машине на заднем сиденье сидят связанные Костя и Антон. Когда доцент остановился и вышел из машины, я выбрался из бардачка и попытался их развязать, но не смог, слишком крепко стянуто. Я решил вылезти из машины и попытаться найти острый предмет, чтобы им можно было разрезать верёвки, например, стекляшку. Я опустил стекло, выбрался из машины, стал присматриваться и слышу разговор. Голос своего друга я из тысяч голосов узнаю.

Оба друга очень сильно обрадовались встрече и от бурлящих в них чувств никак не могли перейти к обсуждению сложившейся ситуации.

– К делу, ... к делу, ... потом будете обниматься, – говорил пудель, желая как-то умерить жар и пыл встретившихся друзей. Наконец Гуделка и Свистопляс немного успокоились.

– Я дополню твою информацию, – сказал строго и грустно кентавр:

– В багажнике этого же лимузина лежат Никита и учитель Пал Палыч. Я тоже приехал на этом лимузине, точнее под ним.

– Чем мы располагаем? для того, чтобы выручить наших друзей из беды? – спросил Гуделка,

– Только информацией, – ответил кентавр.

– Тебя не растрясло на подвеске, о какой ты информации говоришь?

– Слушай меня, Глиня, внимательно. В отличие от тебя я не просто катился на заднем мосту автомобиля, но и трезубцем ковырял днище багажника и весьма в этом преуспел.

– В чём же ты преуспел? В ковырянии багажников?

– Между прочим, через проделанную дырочку я от Пал Палыча узнал, что их везут, по всей видимости, на свалку, а не на кладбище, хотя они эти вещи могут и совместить. По всей видимости, и совместят, потому, как секреты выдают только обречённым.

– Какие секреты?

– Простые. Дело в том, что все эти отморозки очень любят показать своё превосходство перед кем либо, особенно перед жертвой. Вот доцент и похвастал Пал Палычу своей оригинальной законспирированной организацией с названием «Изумруд» и даже рассказал ему схему её действия.

– Зачем ему это было надо рассказывать Пал Палычу? – удивился Гуделка. В то время как доцент разговаривал с Пал Палычем, он находился в бардачке автомобиля и ничего не

слышал.

– Ты соображать когда-нибудь будешь быстрее чем сейчас? – озлился кентавр. – Рассказывают всегда такие вещи только тому, кто не сможет уже об этом никому больше рассказать, понял?

– То есть, всех свидетелей они уничтожат!?! Ты это хочешь сказать?

– Вот именно, – подтвердил пудель. – И спасти их надо сразу всех вместе.

– Это уж как получится, или всех сразу, или по очереди. – Заметил Свистопляс. – Только для начала надо немного оглядеться и найти, как ты говоришь, что-то острое, чтобы перерезать верёвки на мальчишках.

– Я уже здесь достаточно осмотрелся, – сказал пудель, хочу к сказанному вами добавить некоторые детали, потому, как их не слышал Гуделка. – Ваши братья Василий, Белянка и Смуглянка находятся вон под тем мостом, – и он показал на путепровод,, другие, которых я никогда не видел, тоже находятся где-то рядом.

– Там? – переспросил Гуделка и указал на чернеющую громаду путепровода.

– Где же ещё, конечно, там.

Свистопляс тут же встал на дыбы, намереваясь сделать скачѳк в сторону путепровода и если б ни Гуделка, то кентавра б уж и след простыл.

– Куда!?! – удерживая Свистопляса за хвост, – проговорил

Гуделка.

– Так... там же... ове-вечка,... ко-козочка... – пролепетал Свистопляс, не совсем понимая, почему его удерживают.

– Охолонь немного, – вразумляюще сказал Гуделка, – сейчас не до эмоций. Где ты здесь ещё учуял запахи такие же как наши? – спросил он пуделя.

– Там, – и пудель махнул лапой в сторону оврага, – только тех, кто оставил там свои запахи, их нет, зато я знаю из разговора жителей свалки, что их здесь усиленно ищут, перебирая мусор от сломанного дома. Можете мне верить, мой нос и мои уши меня ещё никогда не подводили.

– Дуня, Катерина, Пустолай... здесь?! – изумился Гуделка.

– Спокойствие, друзья, оставим эмоции, – проговорил пудель. – Они здесь, но их нет.

– Как это они здесь и их нет!?! – удивился Свистопляс. – Такого не бывает... Есть – значит – есть, а если нет, то и нет, и хватит морочить голову.

– Меня смутило присутствие сильного запаха незнакомца, – продолжил говорить пудель, – его запах перебивает их запахи. Думаю, что это очень большой зверь с огромными когтями, отпечатки его лап я видел. Такого зверя я никогда не встречал и даже о таком никогда не слышал. Самая большая собака, которую я видел, это дог, но он пахнет совершенно не так... и отпечатки лап у него гораздо меньших размеров.

– Зато мы слышали о таком звере, – проговорил Гуделка, – нам мамушка про него рассказывала и говорила, что он больше любого волка и даже вепря лесного.

– Хорошо, что наши братья где-то рядом, – а уж найти... мы их найдём, – воодушевлённо сказал Свистопляс. Только давайте не отвлекаться. Сейчас наша задача освободить мальчишек, а чтобы их освободить надо найти острую железку или стекляшку. Давайте разойдёмся и поищем.

.....

– Сима! Чего ты там возишься, – раздался сердитый голос Фомы Фомича. – Прах тебя возьми, помогай. Куда идёшь? Не мне, доценту помоги, ... учёные, мать вашу, ... ничего не могут сделать своими руками.

Доцента Сима видел впервые, хотя Фома Фомич не раз в разговоре упоминал это имя и Сима знал, что доцент очень значительная фигура.

– Бегу, – говорит Сима и бежит к машине. При слабом свете он различает в багажнике второй машины связанных людей.

– А это кто? – Сима кивает на связанных.

– Это свидетели нашего благополучия или неблагополучия, Сима. Тут и слово не подберёшь...

– И те два шкета тоже? – удивился Сима, кивнув на заднее сиденье.

– Эти два шкета практически знают всё... Они знают схему подпольного бизнеса. Если бы они знали кое-что – не бе-

да, а схема – это больше чем серьёзно.

– Что делать? – спросил Сима.

– Сам знаешь...

– Не беспокойтесь, Фома Фомич, всё будет сделано в лучшем виде, – и Сима ухмыльнулся. Он нагнулся и хотел вытащить из багажника дворника и Пал Палыча. И вдруг из темноты, из лопухов выскочила маленькая собачонка и впиалась Симе в ботинок.

– Долой!! Долой!! – рычит Сима, пытаясь освободить ногу, но пудель не отцепляется. Сима неуклюже поворачивается к нападавшему, пудель в это время дёргает его за штанину и Сима падает. Затем Сима поднялся, поднял валявшуюся палку и замахнулся. Пудель бросил Симин ботинок, отскочил и побежал к директорской машине. Фома Фомич увидев бегущую к нему собаку, предусмотрительно убрал в кабину ноги и закрыл дверку, однако это пуделя нисколько не смутило, он с разбегу прыгнул к опущенному стеклу дверки, пытаясь ухватить Фому Фомича за руку. Директор отпрянул вглубь машины. Он сразу узнал в пуделе своего сбежавшего пса. Сима поспешил на вырубку директора. Он бросил издали в пуделя палкой, попал, пудель завизжал от боли и исчез в темноте.

– Откуда он у тебя? – спросил Фома Фомич, кивнув в сторону исчезнувшего пса.

– Первый раз вижу, – ответил Сима, – ботинок прокусил, зараза.

Хотя, Фома Фомич узнал свою собаку, но не показал этого ни жестом, ни мимикой.

– Быстро дичают, – сказал Фома Фомич после паузы, – очень быстро, ... не думал...

– Это вы о чём? – спросил Сима, но директор не ответил.

Глава 51. Неожиданная встреча

Кончай в бинокль глазеть, – сказал Пегас и тронул Муху за плечо.

– Подожди, – сказал Муха. – Кто-то приехал.

– Кто там может в это время приехать?

– Не знаю. Машина с шоссе к свалке свернула. Сима ворота открывает. Ни одна, а две машины на территорию свалки въехали.

Пегасов вырвал у Мухи бинокль и впился глазами в окуляры. В бинокль было не разглядеть, кто? и что? но то, что поздние гости были люди солидные легко определялось по маркам машин.

– «шевроле» и «фольксваген», – проговорил Лёня, – интересненько, кто это на таких тачках по свалкам в тёмное время раскатывает?

– Мало ли кто, – ответил Муха, – неинтересно.

Леонид всем своим существом понял, что это, то самое, чего он ждал.

– Давай подойдём поближе, – сказал он Мухе, – темно, нас никто не заметит.

– Может не стоит?

– Не дрейфь.

– Может быть, я тут посижу, – ответил Муха, – что-то в коленку вступило.

– Трусость у тебя туда вступила, – проговорил зло Пегас. Муха встал, и притворно постанывая и морщась, нехотя пошёл за товарищем.

Пегас скользил между кустами совсем не слышно, как тень. Вот они стороной обошли овраг, вышли на противоположную его сторону, достигли бомжацкой хибарки, прижались спинами к её стене, прислушались. В хибарке света не было, но там и не спали. Из неё доносились приглушённые голоса, разговаривали двое. В общем, мы уже знаем, что это разговаривают в хибарке между собой приживалы.

– А что, профессор, – Услышал Пегас. – Симу сегодня неудача постигла, он так старался и мимо. – Сказал художник.

– Знаешь, Крокыч, – давно замечено, – что настоящие культурные ценности людям с нечистой совестью не даются, разве только на время. Чаще их постигает при этом беда. Это из древних манускриптов.

– Я слышал об этом, только сталкиваться с этим не приходилось.

– Так столкнулись же, ... Семён Ваганович...

– Вы думаете, что столкнулись? Тогда почему она мне не показалась? – разочарованно сказал художник, – вам пока-

залась, а мне нет? Только внешне.

– Может быть, и показалась, да вы не увидели, эти события и ситуации носят прикровенный характер. – Начал успокаивать художника профессор. – На то разные есть причины.

– Какие такие причины?

– Возможно, ещё время не пришло, мы до этого не дозрели или зло не проявилось во всей своей полноте, время покажет, – рассудил Вениамин Павлович.

– Если нас иметь в виду, то мы что, не пострадали что-ли?

– Может быть, и так... я же сказал, что события эти прикровенны.

– Машины подъехали, вы слышали, – сказал, насторожившись, Семён Ваганович. – Или это мне показалось?

– Что за гости на ночь глядя? Вы, Семён Ваганович, лежите, а я пойду посмотрю, может быть заказчики этого переполоха пожаловали? Это дело меня в первую очередь касается.

– Не ходили бы. Что там кроме темени увидишь, – стал отговаривать Крокыч.

– Нет уж, пойду. Я близко подходить не буду, а всё же интересно, кто в этом направлении копает, вдруг какой знакомец по прошлому, тогда и сориентироваться можно, насколько это серьёзно?

– Только, Вениамин Павлович, не задерживайтесь, – предупредил художник.

.....

– Это бомжи, Крокыч с профессором, – сказал шепотом

Пегас Мухе, – я их по голосам узнал, здешние приживалы.

Пегас и Муха, чтоб не столкнуться с аборигеном свалки, тут же отпрянули от хибарки, затаились за стеной и стали наблюдать. Из хибарки вышел профессор и направился в сторону приехавших автомобилей.

– Он, что? Действительно профессор, – спросил Муха, – семеня за Пегасом.

– Брось ты, кликуха бомжацкая, – ответил Пегас. – Среди них таких имён хватает. Я знал одного, академиком звали, а он оказался впоследствии академиком по попрошайничеству. Стой... Ближе подходить не будем и отсюда видно.

Два чёрных легковых автомобиля стояли около вагончика. У одного был открыт багажник. В свете фонаря было видно, как около машин ходили люди, – мелькала фигура Симы, и ещё какого-то высокого господина и человека поменьше, толстенького. О чём они говорили было не слышно.

– Вот бы поближе подобраться, – сказал Пегас. – Не слышно, о чём говорят.

– Опасно, – прошептал Муха, – около вагончика будем как на ладони, засекут. Отсюда тоже можно понять что к чему?

– Ладно, уговорил, нарываться не будем, отсюда, так отсюда.

В одном из приехавших Пегас по внешности узнал Фому Фомича. Фигура второго тоже была очень знакома, но узнать кто это? он никак не мог.

– Зачем-то багажник открыли, – сказал Муха, тяжёлое в нём, вон как подвеска просела, – прокомментировал Мухаев.

– Вижу, не слепой, – огрызнулся Пегас, – смотри давай, только молча, ещё не хватало, чтоб нас здесь застукали.

Тут из темноты в световое пятно от фонаря выплыла фигура бомжа. Да это был тот самый бомж, которого Пегас с Мухой только что видели около хибарки. Это был приживал Позолотин Вениамин Павлович.

– И вы, Эдуард Аркадьевич, здесь!?! Орлы слетаются на могильник..., – проговорил Вениамин Павлович, узнав в мужчине с бородкой доцента Эдуарда Аркадьевича Забродина.

Забродин испуганно посмотрел на обросшего густой щетиной человека, торопливо захлопнул багажник.

– Да, Эдуард Аркадьевич! Не узнали, вижу, не узнали своего бывшего шефа, – продолжал говорить Позолотин.

– Не имею вас чести знать, сударь, – сказал нервно доцент и испуганно посмотрел по сторонам. Он не узнал профессора.

– Как же так, имели честь быть моим аспирантом и вдруг...

Забродин взгляделся в подошедшего и немного испуганно тихо сказал: «Позолотин!»

– Вижу, что с памятью у вас всё в порядке, – сказал профессор.

– Что вы здесь делаете? – спросил доцент первое, что пришло в голову.

Хотя он и догадывался по репликам Фомы Фомича, что как бы Позолотин жив, но Эдуард Аркадьевич не очень ему в этом верил, полагая, что Фома Фомич просто нагоняет на него страха, потом Фома Фомич при нём отдал команду Симе, чтоб на свалке никого не было, а тут...

– Я здесь изучаю социальные срезы народного благосостояния, – ответил Позолотин. – Только с одним маленьким «но». Знаете, Забродин, когда учёные производят раскопки, то по культурным слоям определяют жизнь предков. Я, в отличие от них, многие годы сам формирую эти слои, – и он кивнул на гору мусора, – и даже, в некотором роде, выступаю патологоанатомом современного общества, если принять эту свалку за живой организм. Согласитесь, Эдуард Аркадьевич. Ваше общество, которое вы так усиленно создаёте, к сожалению уже нуждается в таких медицинских специалистах. К сожалению, рождённое вами, оказалось нежизнеспособно. Либерализм пуст и цели его мелки. Да вы и сами знаете это не хуже меня и с удовольствием бы от него отказались, если бы не собственное благополучие. Исповедуете один закон: «мир в смраде, а я в шоколаде».

– Довольно! – выкрикнул Забродин. – Хватит! Кто вы!? И кто Я!? Не забывайте, Позолотин. Да, я не верю в либеральные ценности, и не верю людям, кто их проповедует и насаждает, но я с ними, потому что они сильные!

Забродин брезгливо поморщился. Он понимал, что встретил профессора совсем некстати, в машине и в багажнике люди, может догадаться, ... заподозрить, ... что-то увидеть. «Нет, ... не вовремя, ... совсем не вовремя, – мелькнуло в голове у Эдуарда Аркадьевича. – Откуда он взялся?.. О чём думал Фома Фомич, когда они сюда ехали?

– А вы не морщитесь. – Сказал Вениамин Павлович. – Между прочим, для науки здесь кладезь ценнейшего материала. Я тоже думал в начале, что угодил на социальное дно. Только учёный всегда остаётся учёным, если он только настоящий учёный, а не проходимец. Я не терял время даром и, исследуя жизнь бродяг, бомжей, роясь в отбросах, находил шедевры искусства, которые должны украшать музеи. По срезам определял эпохи кризисов, вопиющего воровства и вопиющего беспредела...

– Как же вы определяете, профессор, сегодняшнее состояние государства и общества? – спросил скептически доцент, – раз вы такой экстремал.

– Я его определяю чёрной дырой, которую с таким дерзновением роете вы, Эдуард Аркадьевич, а я своим трудом пытаюсь вашу деятельность вытащить на всеобщее обозрение!

– Вы, что, находясь в этом дерьме, писали научную работу?! – удивился Забродин, продолжая анализировать ситуацию. «Это хорошо, что он вышел и нам показался, – думал он. – Как не было в тебе, профессор, практической жилки, так и нет. Поташился сразу к машинам, дура, а мог бы по-

наблюдать из-за кустиков. Вот тогда другое дело. Тогда мог бы и поторговаться, тогда цена твоего воскрешения была бы совсем другая,... тогда мог бы и квартиру запросить, и машину в придачу за своё молчание. Дурак ты, профессор. Как был дураком, так и остался».

– Да, милейший, именно так и было, – профессор возвысил голос. – Здесь я написал свой самый главный научный труд.

– Простите, и вы надеетесь его издать? – спросил, бросив оценивающий взгляд на обросшего, измождённого человека, доцент, в котором он едва узнавал профессора. – С дырами в карманах? Подо что будете издавать? Может быть под имя? – его нет, потому что нет профессора Позолотина, а есть похожий на него внешне бомж, вот и всё. Да и то этот бомж – сейчас есть, а через пять минут его нет, потому как все мы смертные,... инсульт,... годы,... профессор... годы. И думаю, что в вашей монографии вы меня, без пяти минут профессора Забродина, известного специалиста в области культурологии, конечно же не щадите? Можете не отвечать,... сам знаю...

– Вы угадали... – спокойно сказал Вениамин Павлович.

– Отомстили, значит, смешали с грязью? – и Эдуард Аркадьевич вызывающе закусил нижнюю губу.

– Нет, нет, уважаемый Эдуард Аркадьевич, только сделал должную оценку... Я внимательно следил за вашей деятельностью и на посту председателя комиссии тоже, думаю, что

у прокуратуры к вам возникнет много вопросов.

Доцент криво усмехнулся. Позолотин даже не понимает, в какую ситуацию сам себя ставит, – думал он. – Позолотин рад, что припёр меня в угол, не понимая, что из угла есть только один выход – напрямую, через него, ... неужели он думает, что я встану на колени и буду просить пощады?.. Глупец.

– Откуда же вы черпали материалы, милейший сфинкс? – спросил, пряча улыбку в усах, Забродин.

– Здесь, милейший, материалы валяются под ногами: отчёты, счета. Вот, например, – и он поднял с земли какую-то пыльную бумажку и начал читать: «Отчёт ревизионной комиссии о результатах деятельности почтового отделения за отчётный год». Можете сами поинтересоваться, – и он подал документ Забродину. Тот поморщился. Он понял всё. Он понял, что Позолотин действительно даром времени не терял, его действительно блестящий ум нашёл себе применение и здесь, и, главное, он не просто написал монографию среди этих отбросов и вони, главное, что он поставил в ней на доценте Забродине жирную точку. Только навряд ли он что знает о деятельности возглавляемой Забродиним комиссией.

– Да что вы знаете?! – нервически прокричал доцент. – Что вы можете поставить мне в вину?... Выживший из ума старик?! Кто вас примет всерьёз? Жизнь ушла вперёд, – проговорил доцент, ощущая всем телом, что противнее этого

оборванного старикашки нет для него ни одного человека в целом свете.

– Да, Эдуард Аркадьевич! – ещё более возвысил голос Позолотин, – питаюсь отбросами, голодая и замерзая, я со-здал главный труд своей жизни. Рукопись книги готова и она произведёт в науке переворот, я уж не говорю о социальном взрыве. Её аргументы и выводы раздавят ваш помпезный на-учный дом, построенный на песке. Вы окажетесь под облом-ками собственного строения.

– Интересно, каким образом, вы её собираетесь издать? Вы же голодранец... – глаза доцента сузились. – Общество уже иное! Прежние ориентиры попорчены. Вы и ваша рукопись – ничто, а вы сами тоже никто... Мы, Забродины, передела-ли страну, наша пропаганда преподнесла миллионам новую философию, мы написали новые книги, сняли новые филь-мы, обозначили новую мораль. Давайте загнём пальцы и вы увидите, что все позиции в стране наши, кроме одной. Эта позиция замшелая и глупая – это вы Позолотин и ваши бо-сяки.

– В это трудно поверить, Эдуард Аркадьевич, – перебил доцента Позолотин, – особенно это трудно сделать вам, «ува-жаемый», но сотни таких как я голодранцев, или как вы вы-разились «босяков» – узнав о том, что нищий-профессор на-писал о них и их стране научный труд, по копейке собирали деньги на его издание. Да, нищие, оборванные люди! Многие из них не видели меня даже в лицо и, наверное, никогда не

прочитают этой книги, но тайной почтой передавали крохи на её издание. Вам этого, Забродин, не понять! Здесь много хороших людей. Это мои друзья. Они заботятся обо мне. Создают условия для работы, подкармливают.

– Что вы этим хотите сказать!?! – взвизгнул, теряя терпение, доцент.

– Только то, что вы услышали, и ничего больше...

Этот диалог отнял у профессора остатки сил. У него закружилась голова и он закачался. Откуда ни возьмись сзади появился Крокыч и подхватил Позолотина.

– Говорил же, что надо отлежаться, а вы? Куда на ночь глядя? Крокыч не знал доцента и не слышал только что произошедшего меж ним и профессором диалога.

– Ты, Крокыч, не брани старика, просто голос показался знакомым, вот я и подошёл, – сказал тихо профессор. – Вот коллегу встретил, помните, я рассказывал о Забродине? Он, Крокыч, очень опасный человек, для тебя, для меня, для твоей картины и для моей рукописи, по сравнению с ним Сима – пигмей. Этот уничтожает душу, дух, переиначивает и перелицовывает историю, время, факты, создаёт новые мифы и это всё только ради своего благополучия...

– И что же? – Крокыч смерил доцента уничижительным взглядом.

– Я ошибся, продолжал профессор, – Я не сейчас ошибся, Семён Ваганович,.. я десять лет назад ошибся, когда это-

му,... этому..., – он не знал как назвать бывшего своего аспиранта, – когда зажѐг ему зелёный свет в аспирантуру.

Профессор закашлялся, дальше он не мог говорить,... и в этот момент в багажнике иномарки кто-то заворочался и застонал. Крокыч бросил взгляд на машину, на доцента, перехватил поудобнее Позолотина, хотел взвалить его себе на плечо, но сил явно не хватало.

И доцент всё понял, он быстро сел в машину и включил скорость. Иномарка в секунды подмяла под себя Позолотина и Крокыча, затем рванула с пробуксовкой назад, но, не доехав до ворот, остановилась. Доцент подозвал к себе Симу и, кивнув на валяющихся на земле профессора и художника, спросил:

– Где их ночлежка? Сима кивнул на приютившуюся вдалеке около обрыва хибарку, затем подошёл к директору.

– Я же тебе приказал всех со свалки убрать, сказал зло Фома Фомич Симе. – Всех, значит всех. А теперь что? Эх, ... исполнители.

– Что и профессора надо было в шею? – удивился Сима. У вас же насчёт него мысли были... Я думал...

– Не надо думать... – сердито сказал директор, – это я буду думать, а ты исполнять... А в общем, уже всё равно. Для них бы было лучше, если б их не было здесь совсем. Теперь это уже не имеет значения.

Глава 52. Страх

Свистопляс с Гуделкой видели, как пудель отважно бро-

сился на Симу, а потом на директора.

Только Свистопляс и Гуделка хотели выйти из своих лопухов и подойти поближе, как тотчас спрятались снова. Они увидели, как двое мальчишек прошмыгнули вдоль ворот, прижались к стенке подсобного помещения и затаились. Их было неплохо видно, потому что вышедшая из-за туч луна хорошо освещала эту сторону подсобки, и Гуделка с Свистоплясом без труда узнали в них тех самых мальчишек, что заходили на чердак мамушкиного дома, а потом взяли Гуделку и отнесли его к доценту, чья машина стоит здесь же с людьми в багажнике. Это были враги и Гуделка с Свистоплясом понимали, что им попадаться на глаза нельзя.

Только почему они к доценту и Фоме Фомичу не выходят, а прячутся и наблюдают, ведь они же с доцентом друзья, а доцент – приятель Фоме Фомичу, значит, они из одного лагеря? Это странно. И вообще в действиях людей подчас трудно разобраться. Если б Гуделка и Свистопляс были в них уверены, то давно бы подошли и рассказали, что в машине находятся два добрых мальчишки, Костя и Антон, они тоже приходили на чердак мамушкиного дома, что они хотели спасти игрушки, но у них это не получилось, и Свистопляс этому свидетель, и что в багажнике лежат дворник Никита и Пал Палыч. О дворнике можно и не говорить, все его знают, какой он добрый и бескорыстный человек, и если они вдвоём в багажнике с Пал Палычем, то значит и тот добрый и бескорыстный человек.

– Может быть, эти мальчишки ищут свою выгоду и не собираются никого спасать? – высказал предположение Свистопляс.

– По всей видимости, это так и есть, – согласился Гуделка, – иначе б не прятались, а действовали.

Гуделка и кентавр прокручивали в голове разные варианты помощи, но даже ценой своей жизни они не могли предотвратить страшных в развитии событий. Они видели, как отчаянно пудель бросился на Симу и директора, и что из этого получилось? А Гуделка и кентавр гораздо меньше пуделя, они даже меньше его одной ноги, что же будет с ними, если они тоже вот так?.. Их просто раздавят и всё.

– Погибать надо с пользой, – сказал Гуделка.

– А как погибать с пользой? – спросил Свистопляс.

– Не знаю... – ответил Гуделка и пожал плечами... – я думаю, что это такое – такое, когда врагам от твоей гибели будет очень, очень плохо.

– А пудель – герой!.. – сказал кентавр.

– Да, смелости ему не занимать, – согласился Гуделка. – Только на одной смелости далеко не уедешь, нужна и рассудительность, план какой-никакой.

– Ты – голова, – ответил Свистопляс. – Правильно сказал. Только непонятно, что мы такие маленькие можем сделать, от чего таким большим людям как директор и Сима будет плохо? Пудель хоть что-то сделал, а мы?... Прячемся в лопухах как последние трусы,... даже верёвок не перерезали.

– Перестань заниматься душеизбиением. От этого толку нет. Смотри,... пудель, совершил очень отчаянный поступок, а что из этого? Ну, прокусил он Симе ботинок, поди, и ногу до крови поранил. Так что нога? – нога заживёт, а через неделю Сима и забудет про этот случай. Вот наши враги перед нами, а пудель где?

– Наверное, где-то затаился, – проговорил Гуделка.

– Это в лучшем случае, – сказал Свистопляс, – а может быть от удара встать не может.

Тут они увидели, как к машинам подошёл больной измождённый пожилой человек и стал о чём-то говорить с Забродиным. Игрушки видели, что такой разговор доценту не по душе, что он нервничает, отводит глаза и злится.

– Такое впечатление, что встретились два хорошо знающие друг друга человека, – заметил Гуделка.

– Только я не вижу радости на их лицах и даже наоборот, – добавил Свистопляс.

– Значит встретились не друзья, а враги... А если подошедший человек доценту враг то...

– То он наш друг, – договорил Свистопляс, – и нам надо действовать заодно и предупредить старичка об опасности.

И тут Гуделке пришла в голову отличная мысль. Он привстал на цыпочки и энергично, что-то зашептал на ухо кентавру.

– Ты – голова! – проговорил радостно Свистопляс. Они даже стукнули с Свистоплясом ладонями в знак согласия и

солидарности.

– Как и раньше, на раз, два, три, – сказал Гуделка кентавру, помнишь, как мы протыкали колёса Чугунихинуому зятю.

– Согласен, – блеснул зубами Сваистопляс, – как и прежде, договорились, – и они юркнули под машину директора. Только осуществить им свой план на этот раз не удалось. Как только машина доцента наехала на профессора и Крокыча, они так испугались, что пустились бежать от этого страшного места без оглядки. Когда же они немного успокоились и пришли в себя, то увидели, что сидят за бочкой около оврага, куда сваливают мусор.

– Мы, кажется, брат Глиня, с тобой не по совести поступили, – сказал Свистопляс, когда волна испуга стала стихать в его теле и голова начала мало-мальски соображать.

– Я даже не знаю, как мы очутились за этой бочкой, – проговорил, совсем не оправдываясь, Гуделка.

– Это страх виноват, он парализует сознание и включает рефлекс спасения, – заметил Свистопляс.

– Что ж теперь делать? Ведь перед собой и тобой стыдно, – Гуделка чувствовал себя очень неловко и даже не мог смотреть в глаза другу.

– И я чувствую то же самое. – Откровенно сказал Свистопляс.

– Это что же за рефлекс такой, что мне стыдно смотреть другу в глаза, – сказал Гуделка. – Это не рефлекс спасения, а самая настоящая трусость, я так понимаю.

– Друг друга нам нечего стыдиться, – увидев состояние Гуделки, сказал Свистопляс, – а вот положение исправлять надо, это единственное лекарство от страха и угрызений совести, – проговорил со знанием дела кентавр.

– Смотри – смотри, кто-то идёт от ворот в конец территории? – проговорил Гуделка.

– Это доцент, наверное, направляется к жилищу профессора и Крокыча, ну тех самых..., на кого он автомобилем наехал...

– Чего ему там надо? – спросил Гуделка.

– По всей видимости, ему нужно жилище профессора, сам слышал разговор между доцентом и профессором...

– Я тебя не спрашиваю, чья это хибарка, я тебя спрашиваю, что ему в ней надо?

– Чего пристал?... – прошипел Свистопляс. – Рукопись ему Позолотинская нужна. В ней профессор что-то против него написал... Давай подойдём чуток поближе,... посмотрим – найдёт он её и куда денет? Эта рукопись – его главный враг. А если эта рукопись главный враг доцента, то мы её должны спасти... – высказал он своё мнение.

– Вот если б нам удалось её спасти!.. а. Брат Свистопляс, что скажешь?

– Скажу, что у обоих у нас мозги от страха приторможенные. Мы же слышали разговор между профессором и этим..., что, не могли сразу догадаться, что надо бежать и спасать рукопись, а теперь что – «дяденька подожди, не ходи

в хибарку, мы сперва сбегает, ... вынесем, что нам надо, а вы уж потом, за нами зайдёте...», так что ли?

– Может быть, он её куда спрячет, а мы выследим и возьмём.

– Давай, ... только надеяться на такое развитие событий не стоит, зачем её ему прятать? Унесёт и всё.

– А вдруг?

– Ладно, – согласился Свистопляс и они, прячась за мусорными кучами, последовали за доцентом. Хотя прятаться им не было особой необходимости, глиняшки были настолько малы, что вряд бы их доцент заметил на слабо освещённом месте, даже если бы они шли за ним след в след.

Глава 53 Юра арестован

Куда исчез Пал Палыч, Юра не знал, он вернулся в «Спутник», а Пал Палыча и след простыл, не было рядом с клубом и тех девочек, что к нему приходили, досадно. И тут Юра вспомнил из разговора ребят адрес. «Лермонтова, 9 А». Что это за адрес? Понятно, что этот адрес они узнали у Мухаева и даже лимонадом его угостили. Надобно этот адресочек проверить. «Это – ниточка, – подумал он, – за неё надо ухватиться».

Когда Юра приехал по адресу «Лермонтова, 9А», то уже смеркалось. Неожиданно увидел Пал Палыча. Он шёл вдоль кирпичного забора и к чему-то присматривался. «Подожду около калитки», – подумал Юра и, схоронившись за толстое дерево, стал ждать. Было ясно, что Пал Палыч сюда приехал

не случайно. Он приехал точно по адресу и этот адрес ему известен. «Или о нём узнал совсем недавно?», – подумал он. В любом случае, пока Митин был в клубе, педагог не выказывал никакого беспокойства, значит в то время он ещё адреса не знал. Не выказывал, не выказывал беспокойства, и вдруг раз – и здесь. Загадка. Раз он здесь – значит дело срочное и архиважное. Мог бы посоветоваться хотя бы с Марией Васильевной – не стал, значит, не уверен в правоте дела, решил сам проверить, такая версия вернее. Откуда Пал Палыч узнал адрес? Тоже загадка. Версий две. Первая – сообщили по телефону, вторая – узнал от этих девчушек. Девочки убежали следом за Юрой. Почему так быстро? Всё очень просто – сообщили и убежали. После чего Пал Палыч собрался и поехал именно сюда. Что-то долго он не появляется из-за угла? В калитку он войти не мог, она в поле зрения; значит учитель за углом. «А я чего здесь делаю?», – задал сам себе вопрос Юра. «В общем – то, ничего, – сказал он сам себе, – получается, я Пал Палыча выслеживаю, хотя и встретился с ним, можно сказать, случайно; Пал Палыч ищет мальчишек, а они кого ищут или выслеживают? Ерунда получается». Надо наблюдать, может что и нарисуеться? Юра прислонился спиной к дереву и стал ждать. Ждал достаточно долго. Пал Палыч около калитки не появлялся. Не видел Юра, что происходило и за забором. Видел только, как в ворота вкатился чёрный «шевроле». После чего из ворот уже выехали два автомобиля, оба с тонированными стёклами. Кто был в

этих машинах? Куда уехали?.. Было совершенно не понятно. Важно было другое, что ребята на пруду говорили об этом доме, они сюда поехали и исчезли. Сюда поехал и Пал Палыч и тоже вроде как сквозь землю провалился. Правда, это только догадки. Если звонить Марии Васильевне, то, что он ей скажет, кроме досужих домыслов. Из многих особняков в городе выезжают иностранные респектабельные машины, ну и что? Звонить без проверки никак нельзя и Юра решил обойти забор. Он зашёл за угол, но Пал Палыча там не было, дошёл до толстого ветвистого дерева около забора, увидел, что на дерево совсем недавно залазили – шматок грязи висел на травинке, застрявшей в трещине сучка. Перелазил, понятно, Пал Палыч, травинка ещё не успела высохнуть. На висящем куске грязный отпечаток Пал Палычевых кроссовок, этот отпечаток он видел у клуба.

Юра решил перелезть через забор. «Хорошо, что в гражданке, – подумал он, – в глаза никому не брошусь. А если что-то серьёзное, то сразу позвоню». Юра предусмотрительно набрал на мобильнике СМС- сообщение « Лермонтова, 9а. Как договаривались О.Ж.!!! Юра». Осталось только нажать на кнопку и спасительная СМС улетит по назначению. Удобнее места, где перелазили братья и Пал Палыч было не сыскать. Правда, Юра не пользовался верёвкой как Пал Палыч. На физических занятиях в школе и в институте он на брусках и перекладине делал чудеса. В любом случае подтянуться раз пятьдесят на перекладине и столько же отжаться

на брусках ему ничего не стоило.

Юра подошёл к забору, подпрыгнул и уже хотел подтянуться, выйти на флажок и перекинуть ногу, как кто-то его схватил за брюки и потянул вниз, Юра потерял равновесие и упал на спину. Каково же было его удивление, что со стены его бадиком стянула древняя старушка в очках-линзах.

– Што за привышка лазить шерез жаборы! – гневно прошамкала бабуля. – То какие-то два пашана перелезли, то пожилой гошподин, то чеперь вы! Куда же это годитша. А ешо в газетах пишут, што чаштная шобштвенность швященна. Какая же она швященная, када вы весь забор шапожищами издрыгали. Вот ждам шаш тебя, милок, в милицию, там на тебя шаштавят акт и будешь ты этот забор, милок, крашить....

– Так я сам из милиции, – проговорил Юра, и, достав удостоверение, показал его бабульке. Бабулька же недолго думая, схватила заскорuzлыми пальцами из рук Юры удостоверение и сунула его себе в карман юбки.

– Ничего, голубок,... рашберутша... – прокомментировала она свои действия. – Если ты взаправдашний милиционер – от тебя не убудет, а ешли оборотень в погонах, охотящийся за шужим добром, тогда не пошдоровится.

В самом деле, ситуация была патовая. Отбирать у бабки назад удостоверение – это визг, потом не будет же он заламывать ей руки и шарить в её юбке, выскивая свои корочки, смех да и только. От этой бабульки он узнал очень важные сведения. Оказывается, через этот забор перелезли два

мальчишки и Пал Палыч. Эта информация была для Юры очень ценная, можно уже было не лезть через забор, а звонить Марии Васильевне и обрисовывать ситуацию.

В этот момент мимо по дороге проезжала милицейская машина, бабка, увидев милицейскую машину, начала кричать: – «Оборошня в погонах ижловила, ратуйте, люди!!!» Канареечной расцветки Волга остановилась. Из неё вышли два незнакомых Юре милиционера и Митина втиснули на заднее сиденье машины. Юра пытался что-то сказать, но его никто не слушал. Сдали Юру дежурившему капитану, который на все Юрины возражения по его задержанию говорил: «Разберёмся», но разбираться он явно не очень спешил. Дежурный потребовал от Юры удостоверение, но его у Юры не было, так как он находился в тайном кармане бабкиной юбки, которую никто не задержал. «Всё пропало, – подумал Юра, – это же провал операции с непредсказуемыми последствиями, где возможно на карту поставлена даже жизнь людей».

Допрашивал его медлительный капитан по фамилии Канивец. Говорил он часть слов на малороссийском наречии, а часть по-русски, при этом капитан почему-то в словах налегал на «о». Капитан никуда не спешил.

– Да позвоните вы в отделение, узнайте у Марии Васильевны!! – нетерпеливо говорил Юра.

– А ты, не торопись, везде позвонимо и всё узнаемо. Ты сам поймы – документа у тэбя нима, арестовалы тэбя во вре-

мя разбойного нападения на чужую собственность, когда ты перелазыл через забор дома, это факт. А факты вещь упрямая... Так шо не торопысь. Мы понимаемо, шо ты сейчас сэбе ищешь заступников, ничего не выйдэ, твоя карта быта. Ты знаешь тех, кто живёт в этом особняке?

– Откуда мне знать!!

– Вот бачишь, а на твоём телефончыке этот адрес в СМС сообщенны значитсы, да ещё пысьмо непонятного содержания, но с большим намёком о имеющымся подэльнике. Так шо, милок, ты попал по-крупному. Телефончык твой – это вещдок, – и капитан кивнул на лежащий на столе Юрин мобильный телефон.

– О каком, таком подэльнике вы говорите?! – спросил Юра.

– Кто цэ такой «О. Ж.»? Кто цэ? объясны: Олэг или Ольга?

– Это у нас с начальницей условный сигнал... – выпалил Юра.

– Так и запышымо: «Задержанный признал, шо в СМС сообщенны зашифрован условный сигнал...»

– Да что вы ерундой занимаетесь! – вскричал Юра.

– А ты не дэрзи. Твоё дило сейчас сыдеть и показания давать, – остановил Митина Канивец.

Вошёл ещё один милиционер, видно помощник Каневца, спросил как дела?

– Так вот, допрашиваемо, – ответил капитан и кивнул на Юру.

В окно было видно, как к участку подрулил милицейский Уаз и встал под фонарём, как раз напротив окна комнаты в которой допрашивали Юру. Из автомобиля быстро вылез сержант и, чертыхаясь, стал откручивать переднее колесо.

– Шо, Вано, – опять гвоздя словимо? – прокричал капитан в окно. – И опять скажешь: «помоги, Фёдор Иваныч!», так?

– Ну, придержи чуть-чуть по старой дружбе, – проговорил сержант. Сержанта звали Иваном и только один капитан Каневец его звал на грузинский манер – Вано, хотя в облике сержанта не было ни одной чёрточки которая бы указывала на его грузинское происхождение.

Каневец встал из-за стола, вышел на улицу, посмотрел на спущенное колесо, помотал головой и ухватился за бампер. Юре было хорошо видно, как капитан, поднатужившись, поднял правую часть передней подвески, а сержант быстро и ловко одел на ступицу запаску.

«Экая силища», – подумал Юра и с уважением посмотрел на широкую спину Каневца.

– Спасибо, – сказал весело сержант, – вечный ваш должник, – и, взяв из машины папку с бумагами, заспешил в отделение.

– Пожалуйста, – буркнул капитан вслед, – с тебя причитается, только как старший по званию, хочу спросить, когда домкратом обзаведёшься? А то «Фёдор Иваныч... да Фёдор Иваныч», нашёл подъёмный кран. Ты бы лучше мотор у коня заглушил.

– Стартер баракхлит, – сказал сержант с порога, – лишний раз не заведёшь, а я на минутку, – и скрылся в дверях. Понятно, что он появится не через минутку. Через минуту в дежурку снова вошёл капитан Канивец. Его помощник сразу вышел, а Канивец стал не торопясь задавать Юре вопросы, тщательно записывая показания.

– Зовут тебя як? – обратился он к Юре.

– Юрием меня зовут... Юра, фамилия – Митин...

– Фамилию я у тебя пока не спрашиваемо, потому не спешимо.

– Как же не спешить, я же вам говорю, что там возможно над людьми опасность нависла...

– Все так гутарят, – размеренно проговорил капитан, – ещё к этому добавь, шо жена рожае или утюг дома забыв выключить,... это самые расхожие оправдания.

– Не забыл, не забыл я утюг выключить, – нервно сказал Юра, – и жены у меня пока нет...

– Так и запишимо, – прокомментировал Канивец, – не женат... Да пойми ты меня, хлопче. Я може и рад тебя отпустить, да все улики против тебя, и с виду ты вроде не бандюган, но надо разобраться.

И в этот момент, когда Юра один на один беседовал с капитаном, в помещение прошмыгнула рыженькая собачонка, и со стола, где пишут посетители заявления, схватила и понесла авторучку. Капитан тут же забыл об арестованном и устремился за собачонкой.

– Сейчас я изловлю эту стервозу, – проговорил он, широко расставляя руки и ноги, – все ручки перетаскала, – но собачонка, каждый раз, когда над ней нависала угроза быть пойманной, ловко проскальзывала у капитана между ног, и всё начиналось сначала. Капитан вытирал пот и говорил:

– Рыжик... рыжик... рыжик, куть..., куть..., куть, как тебя там... Я тебя сейчас, пацан, поймаемо, ой поймаемо... Вот пацанва развелась четвероногая...

Собачка, почти загнанная в угол, вдруг проскользнула между ног капитана и, пробежав между Юрой и стенкой, спряталась под столом. Канивец, увидев под столом собачонку, как бы оправдываясь сказал:

– Бестия, уже пятую ручку ворует, и привязывал, так, на тебе, верёвочку перекусывае. – Он хотел было взять собачонку за ошейник, но та юркнула под стул, проскочила мимо Юры и опять очутилась в недосягаемой зоне. Капитан, тихонько выругавшись, начал маневр сначала.

Юра понял, что это будет продолжаться долго, и когда собака в очередной раз обманула Каневца и спряталась под стул, а капитан всей массой стал на неё надвигаться, Юра потихоньку встал и вышел в вестибюль. В это время капитан видно поймал собачонку, потому что послышалось собачье скуление и раздался радостный возглас капитана:

– Я же тебе гутарил, шо поймаемо... гутарил!

Юра слышал как из другой комнаты вышел кто-то, видно старше чином, и спросил о том, разобрался ли Канивец

с задержанным?

– Так точно, такие як он, кроме как ручки утаскивати, ничего не могут. Я эту породу знаю. Тэперь спровадил куда следуе. Пацанва грызучая.

– Что решили?

– Дать по шее и выпроводить.

– По шее, только виртуально, это ты правильно сказал, серьёзных дел невпроворот, – послышалось в ответ, – только акт надо было всё равно составить.

– Та, какой акт, какой акт? Пацанва грызучая, – проговорил дежурный и вдруг увидел, что в помещении нет Юры. – Ушёл... – выдохнул Канивец и тяжело и медленно опустился на стул, такого у него за службу ещё не было. Капитан сидел недвижно. В комнате было пусто, одна рыженькая псина сидела в уголке и аккуратно догрызала казённую самописку.

– Ну шо ты их таскае, – увещевательно сказал Канивец, – шо тебе они плохого сдилали? Люди доносы, кляузы, прошения ими всякие пишут, а ты их ворует и грызёшь. И вот тебя разнимаемо, вот разнимаемо...? И кто тэбе эту мысль в голову твою мохнатую вложил?

Услышав воспитательную речь Каневца, Юра потихоньку вышел из вестибюля, подошёл к Уазу, сел за руль, снял с ручника, скатил его с горки и, вырулив на дорогу, дал газ.

.....

Юра ехал на свалку. Он и так очень сильно опоздал, на улице было уже довольно темно. В милиции видно ни капи-

тан, ни сержант ещё не забили тревогу об угоне машины. Сидя за рулём, Юра о своём задержании не думал, он гнал милицейский Уаз на Алтынную гору. Именно туда по его интуиции и могли увезти ребят и учителя на тех двух машинах, что выехали из ворот.

Около КПП ГИБДД небольшой затор, фура, разворачиваясь, перегородила проезжую часть. Два инспектора с жезлами в руках бегают около грузовика, подавая знаки подъезжающим к фуре водителям. Юра сразу оценил обстановку, «надо проехать, как можно ближе к КПП и он с визгом и писксом тормозных накладок и шин этот маневр совершил и, промчавшись рядом с инспектором дорожного движения, выправил машину и погнал её на Алтынную гору.

– Инспектор! – крикнул из кабины милиционеру, водитель Краза, что стоял ближе всех к раскорячившейся фуре, – нарушаем! – и кивнул вслед удалявшемуся Уазу. На что инспектор ничего не ответил, а сказал подошедшему напарнику:

– Что у этого Емелина, как стемнеет, куриная слепота нападает, чуть меня не задел, да и перед водителями неудобно.

– Может быть не он? – заметил напарник.

– Я его машину как облупленную знаю.

– Тогда, что ему за шлея под хвост попала? – спросил напарник.

– На всякий случай звякни в отдел, поинтересуйся, кто Ваньке хвоста накрутил?

– Думаю, что отдел тут не при чём, это, наверное, его бла-говерная с ним поцапалась. Он когда с ней поцапается, все-гда такой бешеный. Ладно, давай эту корову с дороги уби-рать, – он кивнул на фуру, и милиционеры разошлись.

Глава 54. Пожар

«Рукопись, рукопись, рукопись...» – стучало в мозгах у Эдуарда Аркадьевича, когда он вошёл в хибарку профессо-ра. – Её надо обязательно найти. Что там мог написать вы-живший из ума старик?». Эдуард Аркадьевич не любил этих, как он считал, выживших из ума правдолюбов. Его озлоб-ляла их упёртость в следовании давно истлевшим правилам. Забродин считал, что всё в жизни меняется и ничего не мо-жет оставаться неизменным, и правила игры тоже. Даже ди-кие животные, приспособляясь к быстротечному миру, в эпоху научно-технической революции всё чаще, и чаще, вхо-дят в контакт с людьми, подавляют собственные инстинкты, приспособляются. И если б не упёртость Позолотина, то и Забродин не преступал бы никакой черты.

– Вот и она... – сказал , буд-то выдохнул Забродин , уви-дев очертания ветхого жилища.

Войдя в хибару, Эдуард Аркадьевич, подсвечивая мо-бильником, начал искать рукопись. Полетели под ноги По-золотинские книги, эскизы Крокыча, подшивки газет, но ру-кописи среди них не было. Сбрасывая на пол мешавшие ему вещи, шаря во всех укромных местах, доцент повторял одни и те же слова: «Дерьмо,... дерьмо,... дерьмо, всё дерьмо,...

подлые свиньи, ... поганый крысятник, ... гнилая сараюшка».

«Нет, так не найти, – мелькнуло у него в голове, – так не найти, ... это – конец... Всё... всё спалить!!! Где моя газовая зажигалка, животные в человеческом обличье?.. Ага, кажется, нашёл, ... вот она».

Злорадная ухмылка скользнула по лицу доцента; раздался щелчок, вспыхнул голубоватый огонёк.

«Так-то оно будет лучше, ... – говорил Эдуард Аркадьевич. – Нет ни Позолотина, ни поганой его рукописи... всё одним махом. Вот она великая очистительная сила огня! К чёрту эту хибарку! К чёрту рукопись!». Забродин поднёс огонёк зажигалки к стопке старых пожелтевших газет. Огонь тут же набросился на сухие как порох газетные листы. Огнестолбы красновато-жёлтого пламени, начинающего пожирать старые газеты, играли на напряжённых скулах доцента.

«Вот так... – думал он, смотря как языки пламени лижут дощатые стены жилища, обклеенные журнальными листами с картинками. – Нет и не было ничего. Так и должно быть... Так всегда было и так всегда будет в этом подлунном мире и не он, Забродин, – первый и не он, Позолотин, – последний.

.....

– Смотри, окно засветилось в хибарке, – сказал Свистопляс и толкнул Гуделку.

– Доцент рукопись ищет, – пояснил Гуделка.

– Зачем-то факел зажжёт?

– Чтоб светлее было, – пояснил Гуделка.

– Смотри, он тычет факелом во все углы хибарки, – и Свистопляс схватил Гуделку за руку. – Что он делает!?! – удивлённо воскликнул Свистопляс.

– Он не нашёл рукопись профессора и потому решил сжечь жилище, надеясь, что вместе с ним сгорит и рукопись... – ответил Гуделка. – А мы-то думали, что он её будет куда-то прятать.

Через несколько минут хибарка была объята пламенем, а доцент всё из неё не выходил. Он продолжал ходить по жилищу, пытаясь зажечь в нём всё, что имеет способность гореть.

Эдуард Аркадьевич видел, что стены уже загорелись, пламя охватило потолок, но он ещё медлил уходить. Он тыкал и тыкал факелом, проговаривая: «Чёртов бомжатник, проклятая рукопись, поганая свалка, ... пусть всё сгорит, всё...».

Огонь, охвативший строение, ещё более усиливал нервическое состояние доцента, притупляя инстинкт самосохранения.

– На тебе, ... на тебе ... – приговаривал он, тыча факелом в потолок, в картонную обивку двери. – Пусть всё сгорит, ... всё...

.....

И тут Гуделка и Свистопляс испугались ещё раз. Они увидели как к горячей хибарке двумя огромными прыжками подскочил страшный клыкастый с длинной шерстью, большой гривой и горящими глазами зверь. Он остановился от

неё на расстоянии одного прыжка и наострил уши. Огромный зверь втянул в себя воздух и, видимо, не почуял того, что должен был учуять, или пепел от горящего строения забивал его нос, только он стоял, не шелохнувшись, глядя то на горящую хибарку, то на вагончик, то на чёрные автомобили. Казалось, что он чего-то ищет, но огонь, дым и пепел мешают ему учуять необходимое. Казалось даже, что он не обращает никакого внимания на горящее строение и просто чего-то ждёт.

Немного погодя на пороге хибарки появился Забродин. Он улыбался. На его закопченном лице резко выделялись два ряда ослепительно белых зубов, пиджак на нём дымился, а в глазах было торжество. В его руках горело два бумажных факела. Эдуард Аркадьевич остановился, посмотрел на объятую внутри пламенем хибарку, на поблёскивающие вдалеке у ворот иномарки, на похожего на сфинкса зверя, затем, закинул голову, посмотрел на небо и, широко открыв рот, издал в его иссяня-чёрную пустоту гортанный победный клич. Он пребывал в неопишемом восторге. И этот нечеловеческий восторг пленил Забродина, отнял у него волю и самообладание. В этом восторге чувствовалась неземная сила, торжество и упоение сделанным.

Эдуард Аркадьевич бросил огарки факелов на землю и сделал шаг в сторону ворот, но тут же на его пути вырос громадный зверь; он шагнул в другую сторону и снова зверь встал у него на пути; в третью – повторилось тоже самое.

Оставалось четвёртое направление – дверь горячей хибарки.

Забродин повернулся, посмотрел в открытую дверь строения. Внутри помещения пламя уже съело газетную и журнальную обклейку противоположной стены, освободив в ней нишу с позолотинской рукописью. Дрожь прошла по телу Эдуарда Аркадьевича. «Это она», – подумал он, и эта мысль как стрела пронзила его с головы до пят.

– Это она, – выдохнул он. – Вот провидческая справедливость! Вот взмах её огненных крыл! Рукопись надо непременно взять и посмотреть, – и он, пригнувшись, шагнул в горящее жилище. Дым застилал глаза, от жара потрескивали на голове волосы...

– Она! Она! Она!.. Как же я её раньше не увидел. Ещё непоздно... я успею. Её обязательно надо посмотреть... – повторял Эдуард Аркадьевич, прикрывая лицо от дыма и жара. Он схватил тлеющие листы и стал в них жадно всматриваться. Да, это были листы, исписанные рукой учёного, это Позолотинский почерк, эти ссылки и сноски, всё говорит о научной работе. И тут Эдуард Аркадьевич, выхватив из ниши листы рукописи, пустился с ними в пляс. Он плясал в охваченным огнём помещении и не мог остановиться. Он смеялся и, вытаскивая из ниши всё новые и новые листы, бросал их туда, где огонь горел сильнее всего. Злая радость блуждала у него на лице. – Ничего не надо спасать... ничего-о-о... – повторял он, глядя то на горящие листы, то в проём двери,

напротив которого, на фоне чернеющего пространства горели оранжевым светом большие, с чайную чашку, глаза неведомого существа.

Через некоторое время огонь изнутри хибарки выплеснулся наружу, заплясал по крыше, занимая всё большее и большее пространство.

После того, как рухнула кровля строения, и в небо взвился большой клубок искр, зверь встал, повернулся и, сделав два огромных прыжка, исчез в темноте.

Гуделка и Свистопляс ничего не поняли, страх овладел ими. Они бежали прочь от этого страшного места, не оглядываясь и не останавливаясь. Они не заметили, как добежали до бочки, за которой совсем недавно сидели, и снова за неё спрятались.

– Погиб наш Эдуард Аркадьевич, – сказал Сима, подходя к машине директора и обращаясь к Фоме Фомичу.

– Как? – нервно произнёс директор, – испугавшись больше неожиданности произошедшего нежели чувствуя жалость к погибшему.

– Перенапрягся и сгорел вместе с хибаркой...

– Зря старался, бедолага, – не смотря на Симу и постукивая пальцами по рулю, проронил Фома Фомич. – Впрочем, огонь всех примирил. А говорят ещё, что рукописи не горят, дурачье... Горят вместе со своими создателями, почитателя-

ми и противниками... Можно сказать – Эдуард Аркадьевич сгорел на научной работе, – и саркастическая усмешка пробежала по его лицу. Фома Фомич не торопился. Он решил сам проследить за действиями подчинённого и всё довести до конца.

– Пламя очень большое, как бы кто чего не заподозрил? – сказал Сима.

– Все знают, что здесь свалка, а на свалке всегда чего-нибудь жгут, – спокойно, не поворачивая головы, проговорил Фома Фомич. – Пусть догорает.

– А с ними что делать? – Сима кивнул он на стонущих на земле Крокыча и Позолотина.

– Сам знаешь! – отрезал Фома Фомич. – Кстати, спихни бульдозером бомжацкий курятник тоже в овраг, пусть там догорает, меньше вопросов.

Сима отошёл от Фомы Фомича, взял профессора за ногу и, не обращая внимания на его стоны, потащил к обрыву, куда стлкнували мусор. Там уже лежали связанные мальчишки, дворник и Пал Палыч, он их туда оттащил раньше. То же самое он проделал с Крокычем и Позолотиным, затем, подумав, открыл рядом стоящий контейнер, вытащил из него лопаты, вилы и грабли, ломом свалил контейнер на заднюю стенку, и стал укладывать в него ещё живые тела.

Сима не торопился. Спешить было некуда. Впереди была целая ночь и за эту ночь он успеет сделать всё. В это всё

входило: завести трактор, на это не потребуется много времени, столкнуть бульдозером контейнер под обрыв, а затем туда же отправить кучи мусора от сломанного дома. Затем – всё хорошенько примять, чтоб из-под слоя мусора и земли не просочился ни один вздох или стон.

Красноватые отблески пламени, пожирающие всё, что осталось от хибарки, немного освещали и то место, где Сима решил захоронить жертвы. Языки пламени плясали над хибаркой в диком оранжевом танце, выхватывая из темноты опушку леса, противоположный обрыв оврага, отдыхающую технику и железобетонный забор. Они играли и на напряжённом лице Симы, решившем использовать контейнер, как своеобразный гроб для страдальцев. «Нельзя же так без гроба, – думал он, – всё же люди, человеки».

– Вот тебе и Муму, – проговорил он, втискивая профессора в контейнер, – Всё только моими руками, – ворчал он. – Вон сараюшку сожгли, людей покалечили, – а ты, Сима, хорони и живых, и мёртвых... Везде Сима. Когда я перестану всем быть должен? «А если всех одним махом, если и директора к ним же и всех одним разом,... и Сима будет совсем свободен и совсем независим, а?..» – подумал он». От таких мыслей Сима даже остановился, и тут же испугался их, потому что подумать такое он не мог даже в кошмарном сне. «Этак и до помешательства недалеко», – пришло ему в голову и он стал торопясь делать то, что ему приказал Фома Фомич.

Он сложил обречённых на смерть в контейнер, закрыл дверные створки и даже запер контейнер на замок. Для чего запер, он не знал, больше сделал это машинально, как привык запирасть в этом контейнере свои лопаты, грабли и прочий нужный ему инструмент.

– Я вас не убивал, мужики, . . . – проговорил он натужно, – я вас только хороню. А хоронить, это не убивать, – говорил он то ли обречённым, что находились в контейнере, то ли самому себе в качестве хоть какого-то оправдания своих действий. – Вот такое Му-му, мужики. Му-му было проще.

После того как контейнер был заперт, Сима пошёл к бульдозеру и в это время, опять неизвестно откуда взявшийся, пудель, рыча, схватил его за штанину.

– Опять ты, – замахиваясь на пуделя, проговорил Сима. Но пудель не давал ему прохода. Он захлёбывался в гневном лае. Наконец Сима, изловчившись, ударил его ногой и тот, взвизгнув, отлетел в сторону. В это время Сима залез в кабину трактора, завёл мотор, включил передачу и, опустив нож, направил машину к контейнеру. В свете горячей хибарки было видно, как напряжено лицо Симы. В этот момент он ненавидел весь мир: ненавидел директора, которого тоже вместе с его «шевроле» готов был закопать в этом мусоре, ненавидел профессора с его сказками о иных цивилизациях, ненавидел самого себя, услужливо делающего мерзкую работу. На какие-то мгновения он вспомнил себя прежним бездомным попрошайкой и понял, как он низко пал по срав-

нению с тем самым собой, униженным, но таким свободным. Слезы катились у него по щекам, это были слёзы жалости и неприязни к самому себе. Сима, сидя в кабине, оплакивал самого себя и свою идущую вкривь и вкось жизнь. Да, он ненавидел себя, но ещё больше он ненавидел этих людей в контейнере, праведных и чистых, и потому он сначала закопает их, а потом закопает себя, потому что так жить больше нельзя. Потому что все здесь ищут игрушку, а на него, Симу, всем под этими звёздами наплевать, устраивай, Сима, свою жизнь как хочешь, твои проблемы, но если ты оступишься, то мы тебя посадим или закопаем. Закапывать, конечно, будем не мы, но найдутся десятки таких Сим, которые послушно и услужливо сделают эту работу.

Сима до боли в пальцах сжал тракторные рычаги и всё двигал бульдозером контейнер к обрыву, а на контейнере, прыгая, злобно лаял белый пудель.

Трактор столкнул в овраг контейнер. После чего следом Сима ножом столкнул на него под обрыв и кучу мусора. Да, того самого мусора, который остался от дома на Большой Горной улице. После этого трактор, клящая железными башмаками гусениц, подъехал к догорающей хибарке и лёгким движением блестящего ножа, в котором отразилось пламя, столкнул остатки догорающих стен в овраг.

Глава 55. Отрезвление

– Видел, – толкнул Муха Пегаса в бок, когда они перебрались на новое место.

– Вижу, не слепой, – через силу проговорил Пегас. – Вот мразь. И как таких земля держит. И он уткнулся лицом в бетонную плиту забора.

– Зря всё это, пошли скорее отсюда. Одни мы ничего не сделаем, они и нас кончат, – дрожащим голосом проговорил Муха.

– Действовать надо, ... действовать, – и Пегас в отчаянье стукнул кулаком по бетонной плите.

– Ты что, решил чего?

– В город надо, ... сообщить надо...

– А может, Пега, уйдём потихоньку, нас никто не видел и мы никого, ... а?

– А Костян с Антохой должны в контейнере гнить? – зло проговорил Пегас.

– Мы всё равно ничего не сделаем, – убеждал Муха. – Свидетелей сам знаешь, убирают, а у Симы ружьё есть, сам говорил, не убежишь, а у этого жирненького может быть и пистолет имеется. Сам подумай, только быстрее думай, неровен час и нас обнаружат.

– Всё верно, Муха, ... в милицию надо сообщить. Давай на шоссе, может, кто до города подбросит.

– Давай, – и они, скользнув вдоль стены, незаметно пролезли через собачий лаз, по которому недавно прошли на территорию свалки Гуделка и Свистопляс, вышли на шоссе и стали голосовать, но машины, как назло, не останавливались.

– Давай, Муха, бегом через лес, быстрее будет, – и они побежали в сторону леса и города.

Муха не поспевал за Пегасом и всё время просил его идти потише, но Пегас не сбавлял темпа. Леонид живо представлял, каково там в контейнере под слоем мусора. «И на много ли там хватит воздуха для шести человек», – думал он, хотя не был абсолютно уверен, что все из них живы. Из тех, на кого доцент машиной наехал, вряд ли. Потом, он видел как их Сима тащил за ногу к обрыву.

Муха в темноте едва различал впереди себя спину Пеги. Он, пыхтя, двигался следом за этой спиной, боясь отстать, а Пегас всё убыстрял и убыстрял шаги и Муха видел, что он всё больше и больше отстаёт. Муха был недоволен собой – «надо было тащиться сюда сегодня? – думал он. – Это всё Пега со своими расчётами, вот и рассчитал». Вадик понял, что он в первый раз просчитался в действиях Пегаса и теперь совершенно не знает как ему вести себя дальше. Вместо того, чтобы спрятаться и выждать, Пега вдруг рванул в город, да и не куда-нибудь, а в ментовку, от которой всегда сам шарахался. Светиться Мухе в милиции не хотелось, будут задавать вопросы. А так? Ушли бы потихоньку и всё. Всё равно воздуха им не хватит и никто к ним на помощь прийти не успеет.

– У тебя что, на лбу прибор ночного видения, что ли? – отпыхиваясь, сказал Муха, настигнув Пегаса у самого леса. Как ты эту дорожку видишь?

– А ты побегай на свалку с моё, тоже прибором ночного видения сделаешься...

– Передохнуть бы. Надо было к шоссе выходить, там идти поспособнее.

– Зато дальше идти,... топай давай!

– Не могу больше в таком темпе,... выдохся, – и Муха опустился на лежащее дерево. Сел рядом и Пегас. Немного помолчали. Молчание прервал Пегас:

– Пошли, давай, не на именинах. – Муха нехотя встал и шагнул за Пегасом в лесную поросль. Жирная липучая темнота обступила ребят со всех сторон. Спереди, с боков, сзади стояли её сумеречные грязные разводы. Лесной воздух, тягучий как берёзовый дёготь, зачавкал в бронхах, проникая всё глубже, в лёгкие. Муха закашлялся, пытаясь справиться с учащённым дыханием, вытер рукавом нос. И куда бы он ни посмотрел – всюду на расстоянии вытянутой руки и чуть далее стояли и скользили слева направо и обратно лохматые таинственные тени.

– Ты, Муха, из-за чего со мною шляешься?– спросил Пегас, не оборачиваясь и ныряя под едва различимые ветви. – Особо старину не любишь. Интересы я в тебе не вижу. У тебя вся и забота – какую старинную латунную ручку от двери отломить, побыстрому сдать черметчикам, да бутылку лимонада в свой толстущий живот вылить, вот и вся твоя жизненная философия. Философия живота называется.

– Это что, плохо?.. Все так живут, – парировал Мухаев,

приноравливая свой мелкий шажок к широкому шагу Пегаса. Получалось, что в одном Лёнином шаге умещалось почти два Мухиных.

– Не все, а многие, – поправил его Лёня, – ты меня к своим всем не причисляй.

– А ты что, из другого теста? – удивился Муха. – Всё тоже самое, только с фасоном...

– Все люди, Муха, из одного теста, у всех кости, а на костях мясо и кожа...

– Ну и что? К чему ты это сказал?

– А то, что тебе этого не понять...

– С каких же это пор ты, Пегас, так заговорил?

– А с тех самых пор, как в дом на Большой Горной слазили, ... вот с какого, а может быть и минут с десять назад. Мозги хорошо прочищает.

– Небось, после того, как тебя дворник метлой шваркнул, – хихикнул Муха. – Так он же тебя не по голове, а по спине огрел.

Ветка больно хлестнула Вадика по щеке.

– Не ёрничай. Просто с тех пор я задумываться стал...

– А это, Пегас, в нашем возрасте опасно... задумываться, – съехидничал Вадик, выставя для безопасности вперёд руку и предохраняя лицо от неожиданных ударов и касаний.

– Говорю – не скалзубь...

– Вас понял, мин херц, ... уже замолчал.

– Так вот, – продолжил Пегас, – я думал раньше, что биз-

несом занимаюсь. Бизнес на искусстве. А вообще всё это настоящее воровство. Помнишь наш разговор на чердаке? Я ещё тебе говорил о быте предков?

– Помню... Я тогда ещё отметил, Пега, твой сдвиг по фазе.

– Так вот, Муха. Мы есть самые настоящие воры. Собственную историю крадём и сбывать дяде Сему подороже, мечтаем. А он нам «Ой, ля-ля!» говорит, да по спине хлопает... Чем мы отличаемся от того же доцента или Червонца? Да ничем... Каждый из нас старается нажиться.

Ты вот ручку медную, литуую тогда отломил, а за неё, может, императрица держалась?

– Ты, Пега, об императрице пошутил? Да?... – сбился с шага Муха.

– Это я к слову, чтоб пример поярче. Только мне на эти шмотки с сегодняшнего дня стало наплевать.

– Ты, Пега, даёшь... То о крутом велике мечтал, а то раз, ... и, на тебе, – в канаву свернул.

– Не в канаву я, Муха, свернул, а наоборот, хочу из канавы выбраться. Кончились старые мечты. В милицию надо идти и про Симу рассказать.

– А как же игрушки? – встревожился Мухаев, – их же найдут без нас тогда, ... сам понимаешь, оприходуют, да ещё взгреют, ты что, об этом забыл?

– А люди, что в контейнере в овраге, помирать должны? – озлился Лёня.

– Нам-то что? – натуженно проговорил Муха. – Я их туда

не пихал.

– Ну и гад... Ты не пихал... Так видел же!

– Так что из этого, что видел? Видел, не видел – какая разница.

– За игрушки, за доллары значит труханул?..

– Ничего я не забоялся. Просто у меня идея. У тебя своя идея, а у меня своя...

– Поделись идейкой,... раз образовалась... – иронично сказал Пегас, – неожиданно сбавив темп ходьбы, и Вадик буквально ткнулся ему головой в спину.

– Я сам по себе – вот так? – проговорил Муха, осаживая ход.

– Хороша идея...

– Не хуже твоей. – Парировал Вадик.

– А ты мою идею знаешь?

– Догадываюсь,... не глупый. Сам говорил – «В люди выбиться», там, в Глебучевом овраге,... забыл?

– Ничего я не забыл. Я от этой идеи и сейчас не отказываюсь. Власть – это большая сила. Только эту силу с умом употреблять надо, тогда польза всем.

– Конечно, сильному во власти всё можно, – вставил Муха, – куда уж мне с бледным задом. Твоя философия шире – грести деньгу, так чтоб лопатой, а не ручки на лимонад менять. Ручки – это удел слабых, таких как я. Сильному всё можно. Сильные ручки не тырят; сильные их в слитках вывозят, так что ли, Пегас? Твоя философия... Я ведь тебе го-

ворил, что у меня память особенная, что скажут, того я не забываю.

Пегас на выпад Вадика никак не отреагировал, он просто вдруг остановился и сел на едва различимый ствол полусвалившегося дерева.

– Отдохнём чуток, ... дыхалка не работает.

– Чо, молчишь? Сказал бы чего-нибудь, поучил, а то скушно. – Иронично и немного с подколом проговорил Муха. – Очень уж охота нравоучительную речь от сверстника услышать.

Пегас продолжал молчать, а потом вдруг сказал:

– Всё можно, Муха, только подлецу, а я себя таким пока не считаю. Теперь мне власть нужна, чтобы перед мерзавцами не гнуться и этих мерзавцев на место ставить.

– А к власти будешь идти на полусогнутых? Перед менялой на полусогнутых, перед доцентом. Смотри, колени сотрёшь... Без этого ни до одного кресла не долезешь.

– Был на полусогнутых, да весь вышел... Одним словом – у тебя, Вадик, своя дорога, а у меня своя.

– Как это? – опешил Муха. – Ты что меня сейчас, здесь, ... бросаешь?

– Никто тебя, дурку вяленую, не бросает, – вставай потопали... Давай, ... ходу!

– Так я и так уж задохся.

– Задохся, потому, что смолишь с утра до вечера.

– Сам только вчера чадил?

– Положим – не вчера, это раз. А бросил, потому что дышалка слабеет.

– Ты смотри, какая самокритичность. Раньше я за тобой, Лёня, этого не замечал. – Пегас не ответил.

Дальше шли молча. Пегас шёл, не оглядываясь, Муха едва за ним поспевал.

Глава 56. Драконы и Иванушки

– Всё-таки мы с тобой, Гуделка, трусы и негодяи... – проговорил Свистопляс, после того как с ним стал проходить очередной испуг и они увидели себя снова прячущимися за бочкой.

– Ты так думаешь. – Не спросил, а сказал Гуделка, что бы только не молчать.

– Бегаем с тобой по свалке, как трусливые мыши, да среди мусорных куч прячемся, разве это дело? На чердаке мамушкиного дома у нас в сражениях всё гладко выходило, победа была всегда за нами, а тут?.. Помнишь, нам мамушка говорила, что надо в правильные игры играть, что, кто в какие игры в детстве играет, тот такой и вырастает?

– Помню, не у одного у тебя память имеется.

– А ты не сердись. Это я к тому говорю, что видимо, мы с тобой, Глиня, в неправильные игры играли, раз всё время как мышинные хвосты за этой тухлой бочкой оказываемся.

– Твоя правда, Свистопляс, – и Гуделка глубоко вздохнул.

– Тогда, Глиня, всё было понарошку, а теперь.... Видишь, Змей Горыныч к оврагу едет, видишь, контейнер в овраг

столкнул, к горящему домику направляется.

Друзья из своего укрытия стали наблюдать за действиями дракона.

– Что это? – спросил Гуделка, когда в той стороне, где находилась лачужка приживалов, поднялся к небу сноп искр, а трактор, развернувшись, блеснул стальным ножом.

– Наверное, дракон заваливал свои жертвы, чтобы потом съесть, я его повадки знаю, – ответил кентавр.

– Какие повадки!? Что ты мелешь?! – вскричал раздосадовано Гуделка. – Это обыкновенная машина, которую придумали люди, и тот человек, что сидит в кабине и ею управляет, думаю и есть твой мистический дракон, только в человеческом обличье.

– А так что, разве бывает? – удивился Свистопляс.

– Проснись, ... чучело – мучило, ... ты в каком веке живёшь!? Пора бы уже понять, что вокруг происходит и почему?

– И что же, по-твоему, скажи, происходит, если ты такой сообразительный и не признаёшь драконов? – спросил Свистопляс.

– А то, что люди делятся на драконов, которые зарывают живых людей в мусор, и Иванушек, которые этому сопротивляются. Мамушка же читала нам сказку про Иванушку. Там всё правильно написано, только немного иносказательно, понял?!

– Я всё понял! – прокричал Свистопляс. – Садись на меня

быстрее.

– Чего ты понял?!

– Я понял, что в контейнере, который столкнул в овраг и завалил мусором человеческий дракон, наши друзья,... я знаю, что надо делать.

Глава 57. Выбор

Муха сопел и еле тащился, Пегас убыстрял шаг.

– Да не гони ты... – взмолился Мухаев, – чего оглобли раскидал. Обрадовался, что ноги длинные.

– Торопиться надо, – отрезал Пегас.

– Может курнуть?

– И так задохся, а курнёшь – совсем скиснешь...

– Ты что, по правде курить бросил или от балды сказал?

– Ничего не от балды.

– Родаки что ли на хвост сели?

– Причём здесь они. Пора самому думать. Начинали курить глупенькими, думали быстрее повзрослеть – не получилось.

– А что получилось?

Пегас промолчал.

– Знаешь, Муха, – начал Пегас спокойно и как-то задумчиво, – в жизни оказывается бывает такое, когда ни на кого не сошлётся. Вот ты – и напротив твоя совесть. Она смотрит на тебя и ждёт,... ждёт твоего поступка. И от тебя зависит, улыбнётся она тебе или отвернётся, закроет лицо руками и заплачет. Эти моменты человека на всё по-друго-

му смотреть заставляют. Сейчас человек такой, а через час уже он совсем другой. Совсем, ... совсем, ... понимаешь... Не знаю, как это получается, но другой. – Пегас глубоко вздохнул и закончил. – Тебе вот игрушки дороги, ты на них разбогатеть хочешь. А ведь ты на крови разбогатеть хочешь.

– Я никого не убил, – буркнул Вадик. – И не надо на меня волну гнать. Я никого машиной не давил и бульдозером не закапывал.

– Правильно, не закапывал, может быть даже и в глубине души против этого, но смиряешься, ... разве не так? И действия свои, и малодушие потихоньку оправдываешь, причины ищешь. Только ты не подумай, что я о тебе говорю, ... я о себе сейчас говорю, ... только вчерашнем; мысли вслух называется.

– Смиряюсь, не смиряюсь – какая разница. – Сказал Муха неожиданно зло и резко. – А ты, что хочешь, чтобы я игрушку нашёл, продал и на вырученные деньги в честь погребённых церковь построил? Да?

– Думаю, Муха, в эту церковь люди молиться ходить не будут, какой бы ты её красивой не сделал, хоть сусальным золотом все купола покрой. От совести откупиться нельзя. Замолить грехи можно, а вот откупиться нельзя. Перед ней и оправдаться ничем нельзя...

Пегас замолчал. И если б не темнота, можно было увидеть, как от напряжения ходят на его скулах желваки.

– Об этом, будут в эту церковь люди ходить или не будут,

не тебе, Лёначка, судить.

– А кому?

– Ты, как я понимаю, уже на игрушках разбогатеть не хочешь? – съязвил Муха.

– Может быть и хочу, но только не такой ценой и не таким способом. Я или ты – на них заработать думаем, а люди за них... – он замолчал, потом проговорил натужено. – А их в контейнер и в землю.

– Так уж и скажи, что с Костяном решил задружиться. – Муха остановился, обирая со штанины колючки. Он понял, что сказал лишнее.

– Ладно, потопали быстрее, каждая минута дорога. – Пегас нырнул в кусты. Они углубились в высокий дубовый лес. Стало темнее. Пегас чуть различимый шёл впереди. Прошло минут пять, и вдруг Муха услышал впереди себя слабый вскрик Пегаса.

– Пега, ты где? – испуганно спросил он, всматриваясь в темноту и не видя дружка.

До Мухи донеслись стоны. Он сделал три четыре шага в направлении доносящихся стонов и едва различил провалившегося в какую-то яму Пегаса.

– Я сейчас, Пега, помогу, – засуетился Муха, и стал тащить Пегаса за руку. – Как ты в неё угодил?

– Просто. Шагнул вроде неловко и всё, ни черта ведь не видно. Тяни, давай.

– Я тяну.

Наконец Пегас выкарабкался из ямы, сел.

– Нога... вот чёрт, угораздило, на ногу встать не могу. Сломал, наверное, – проговорил вымученным голосом Пегас.

– Ещё этого не хватало, – с тревогой в голосе сказал Муха, ощупывая ногу Пегаса.

– А что за яма, – спросил Пегас, – возьми спички, посвети. Мальчишки, подсвечивая спичками, стали смотреть в яму.

– Глубокая, – сказал Муха.

– Это не яма, а разлом. – Уточнил Пегас. – Овраг рядом, круча, вот земля и отошла. В яме какая-то коробка видна.

– Что за коробка?

– Откуда я знаю. Посмотреть надо. Давай спускайся, я подержу.

– Всегда я..., как что – так Муха. Муха туда,... Муха сюда...

– Тебе что, спуститься и посмотреть трудно!?! Я б тебя и не просил, если бы ногу не повредил.

– Мне не трудно, – и Муха стал спускаться в яму. Достал коробок и подал Пегасу.

– Повыше чуть-чуть подними, не дотянусь, – проговорил Пегас, стараясь ухватить коробку за край.

– Неудобная, – пыхтел Муха.

– Давай, Мушка, ещё чуть-чуть. Вот так. Готово,... всё, вылезай.

– Что скажешь? – спросил Муха, когда коробок очутился у Пегаса в руках.

– Сейчас посмотрим. – Пегас посветил спичками и от удивления присвистнул.

– Чего там? – с интересом спросил, вылезая из ямы, Мухаев.

– Ничего, вылезай, давай, – и, стоя на коленях, подал Мухе руку.

Тот вылез и посмотрел в короб. На его дне желтоватый луч света высветил аккуратно уложенные глиняные игрушки.

– Ну что, Муха, скажешь?.. Это не те же самые, что Оглобля нашёл?

– Нет, те другие были, хотя похожие, и коробок другой. Там в белую коробку сложили и Симе отнесли, а тут цветная. Они вон даже бумагой переложены.

– Наблюдательный, – сказал Пегас хмуро.

– Я чё, ... одну от другой коробки не отличу? Да и игрушки там другие были. Здесь верблюды есть, а там не было. Не те это, другие.

– Это и есть настоящая игрушка, – сказал Пегас, – а та – кукла.

– А как же ты на те говорил, что чистенькая и не разброшенная?.. А эти вон как упакованы, а говоришь, что настоящая? Не пойму я тебя.

– Фонит от коробочки, вот чего скажу...

– Фонит!?! – удивился Мухаев.

– Фонит, фонит. А чистенькая, что с того? Я, Мухан, за свою практику каких только вещей по чердакам, сараям и даже в тайниках не находил. Среди них всякие были: и чистенькие, и грязненькие, и такие, хоть бери и в музее на обозрение ставь.

– Везу-ха... – довольным голосом проговорил Муха. – А что ты об этом думаешь?

– Думаю, бомики эту коробку нашли и в лес отнесли. Вот и вся арифметика, а мы наткнулись. Случайность, она тоже в нашем деле фактор не редкий.

– Мы с тобой за бомжами наблюдали, ... никто никуда не отходил, так в кучах и рылись, ... а ты и сам видел... Как же это они спроворили?

– Да не отслеживали мы с тобой эту коробку, не отслеживали! – и Пегас резко повернулся к дружку. – Да, не знаем, как она сюда попала? Ни ты, ни я, ... не знаем и что с того? Потом ты уверен, что все бомжи в мусорных кучах рылись?!

– А что? – спросил Муха.

– Да то, что один из них, так же как и мы, мог спокойненько в лопухах лежать и своего часа дожидаться, когда дружны знак подадут?

– Это ты серьёзно?

– Это только предположение, Муха, так, на вскидку. Только нам сейчас анализом некогда заниматься, ... потопали. Генеральное всё просто. Нашли – спрятали. Мы-то не в прогаре.

– Надо коробку отнести отсюда в сторону, чтоб бомжи не

нашли и спрятать в приметном месте, а днём прийти, – предложил Мухаев.

– Ты прав. – Пегас поднялся, взял в руки коробок и понёс в сторону от тропы, но сделав три шага, вдруг охнул и повалился на землю. Он не мог не только нести коробок, но и идти тоже.

– Коробок здесь оставлять никак нельзя, – проговорил Муха, – вернутся те, кто прятал, и ха-ха. – Он взял Пегаса за руку, помог подняться на одну ногу, затем, обхватил его за туловище и почти на себе потащил за деревья. Оттащил метров десять, вернулся за коробком. Взял, понёс.

Дотащил до Пегаса, положил коробок, сел рядом. Спросил:

– Что, больно?

– Чего больно?

– Нога, спрашиваю, болит?

– Нога-то, не знаю, ... больше душу чувствую.

– Как это душу? – опешил Вадик.

– А вот так ... Мы тут с коробком этим только время зря теряем ... Одному тебе надо идти, ... одному, ... понял, Муха, я не ходок, ... людям про свалку сказать надо. Давай, Вадик, давай!

– Да нет, ... мы вместе, ... как же я тебя брошу? – опешил Муха.

– Наступить, Муха, не могу, болит очень. Не ходок я.

Муха попытался поднять Пегаса, но сил явно не хвата-

ло. И тут он наткнулся взглядом на коробок, потом перевёл взгляд на Пегаса.

– Я, Пега, сейчас,... сейчас.. Ты прав,... надо людей позвать,... один не осилю,... я быстро... – Он взял коробок и стал пятиться.

– Коробку-то оставь, сдалась она тебе.

– Я быстро, Пега, быстро. Тут же недалеко трасса... – Вон машины гудят...

Не выпуская коробка из рук, Муха всё дальше и дальше пятился от сидящего на земле Пегаса. Вот он обо что-то споткнулся, упал, поднялся и уже не оглядываясь, побежал. Сначала он бежал быстро, часто спотыкался, путался в траве, потом стал успокаиваться, пошёл тише. Машины гудели слева в стороне, а он всё шёл и шёл прямо по тропе, всматриваясь в густые тени дубового леса и вдруг остановился. – Впереди, шагах в десяти, на уровне его роста он увидел в темноте два ярких оранжевых пятна. «Это глаза», – подумал он. Именно эти два фосфорических пятна с чёрной точкой посередине он видел на свалке, когда смотрел в бинокль. «Это то самое» – подумал Муха и почувствовал, как по спине побежали мурашки. Ему сразу стало холодно, зубы во рту начали выстукивать дробь.

– Это моё... – сказал Муха существу и крепко прижал коробок к груди... – Это моё!! – со злостью и слезами крикнул он светящимся глазам. – Что тебе надо!? Это я достал коробок из ямы! Я-я-я-я... Ты слышишь меня!? Если б не я, то

Пегга не полез бы в яму, да он этого и не мог сделать. Ну, ешь меня! Жри!! Пегге не повезло, а мне повезло... Я лазил в яму, я достал игрушки,... они мои!..

Глаза не мигая смотрели на Муху и не двигались. Муха свернул чуть в сторону, желая обойти существо, но не прошёл он и двух десятков шагов, как на его пути снова загорелись два оранжевых пятна. Муха опешил, он ещё раз два сменил направление, но всё было тщетно, оранжевые огни глаз каждый раз вставали на его пути. И тут Муха понял, что невидимое существо разрешает ему идти только в сторону шоссе и никуда больше. И вдруг Мухаев поймал себя на мысли, что за то время, как он отошёл от Пегаса, почему-то ни разу не подумал о погребённых в контейнере людях. Он взвалил коробок на плечо и, осторожно ступая среди деревьев, пошёл на гуд машин.

Впереди серой лентой мелькнуло шоссе. Муха вышел на обочину и стал голосовать проезжающим водителям, но те, как и тогда, у путепровода, не останавливались. Муха пошёл по обочине в направлении города, продолжая выбрасывать руку проезжающим автомобилям. Муха голосовал всё реже, а затем и вовсе бросил это занятие.

До Алтынной горы, с которой открывался вид на город, было уже не далеко. «Дойду, – думал Вадик. – Без колёс обойдётся. А может и лучше, что без колёс, лишних вопросов никто задавать не будет – Откуда? Да куда? Да что несёшь?». И тут же поймал себя на мысли, что ему уже не

хочется звать людей на помощь. Он, на какое-то время даже забыл о Пегасе. В руках был коробок. Его надо было надёжно спрятать, а если Пега и доберётся, то пусть докажет, что этот коробок не его, а общий? «Это моё, ... моё, ... моё, – стучало в висках. – Тут даже одному не только на велик, но и на мотик хватит. Только не надо торопиться, а всё обмозговать. Хорошо бы его где-нибудь спрятать, а не тащится и привлекать к себе внимание».

Дорога пошла под уклон. Впереди, внизу запестрели дальние и ближние огни города. Он даже не сразу среагировал на свернувший на обочину и остановившийся на пути милицейский Уазик. Из автомобиля вышел человек в гражданском.

– Младший лейтенант Митин. – Представился он. – Куда спешим, что несём? – и он указал рукой на коробок.

– С дачи... – Выпалил первое, что пришло в голову Муха, – с Кумысной поляны и тут же признал в нём того самого парня который подходил к нему на пруду.

– Открой, – младший лейтенант кивнул на коробку.

Муха открыл коробку и милиционер посветил в неё фонариком.

– Имя?

– Вадим... Вадик...

– Сам что ли налепил? Или как? – Увидев смутившегося паренька, добавил, – трофей, значит, а про себя подумал. «Это и есть тот самый Мухаев. Только почему он один?»

Муха замешкался с ответом.

– Нам по пути, садись, – сказал милиционер и распахнул дверку.

– Как по пути... Нам совсем и не по пути,... вы в гору, а я под гору вроде бы как... – промямлил Муха, – я и сам доберусь, мне совсем не трудно...

– Садись, Мухаев, садись, – сказал Юра, – в участке разберёмся.

После того как его назвали по фамилии, Мухаев скис, а потом вдруг встрепенулся:

– Товарищ милиционер... Мне никак нельзя в участок, у меня товарищ в лесу ногу сломал.

– Почему молчал?

– Испугался... Не сообразил сразу. «Кажется, парень не врёт, – подумал Юра, – только почему не голосовал? Почему замешкался и не сказал сразу? Испугался? Вряд ли. Хотя испуг явно был, но за товарища ли? Тут что-то не так. Надо проверить».– Показать можешь? – спросил он.

– Могу, здесь не далеко.

В это время затрещала рация. Юра взял трубку. Седьмой ответьте... седьмой ответьте. Подтвердите информацию об угоне автомобиля.

– Информация не подтверждается, автомобиль на спецзадании, – сказал Митин и тут же, обращаясь к Мухе, спросил. – Так, как зовут твоего дружка?

– Пегасом,... Пегой,... то есть Лёней, – сбиваясь прогово-

рил Муха.

– Что ж у тебя, Вадик, с именами заковыка. Собственному имени предпочитаешь прозвище? Где ты оставил друга?

– Он в лесу, ... мы лесом шли.

– Где ты из леса к трассе вышел?

– Метров сто пятьдесят – двести. Там кусты начинались.

Юра прибавил газу и, подсвечивая прожектором, поехал по обочине.

– Смотри внимательно, скажешь, где ты на дорогу вышел...

– Стойте, ... вроде здесь... – сказал Мухаев, вглядываясь в кусты.

– Вроде, или здесь?

– Точно, здесь. Вон ветка от дерева на змея похожа, я ещё трухнул малость.

Младший лейтенант остановил машину, взял из машины рупор и они вместе с Мухаевым шагнули в темноту. «Лёня! Ты где? Отзовись.» – сказал в рупор Юра и прислушался.

– А-А-А, – раздалось немного в стороне. Юра и Мухаев пошли на голос.

– Вот видите, он здесь, – то ли обрадованно, то ли оправдательно говорил Муха, раздвигая ветки деревьев.

Юра шёл напрямую, ломаясь через кусты и держа руку перед собой, опасаясь лицом наткнуться на ветку.

– Я здесь! Здесь! – повторял Пегас, слыша голоса и шаги приближающихся к нему людей.

Вскоре Митин осветил фонариком сидящего на земле и прислонившегося к дереву Пегаса. Пегас зажмурился.

– Вот он, – сказал, обрадовано Муха, – живой, только идти не может. – И уже обращаясь к Лёне сказал, – вот, Пега, видишь, ... помощь привёл.

– Прости, Муха, а я про тебя плохое подумал, – сказал Пегас. – Плохо подумал, когда увидел, как ты в коробок вцепился. «Зачем, – думаю, ему коробок? Куда он денется.» А ты вон как. Молодцом.

– Так мы не дойдём, – сказал лейтенант, отдал мегафон Мухе, взвалил Лёню на спину и понёс, изредка подсвечивая дорогу фонариком.

– Не донесёте, – простонал Пегасов, молод, кость не окрепла.

– Это у тебя кость не окрепла, а я на перекладине шутя пятьдесят раз, ... молчи лучше, ... кость..

До машины оставалось совсем ничего, когда Лёня вдруг заколотил Юру по спине.

– Ты чего? – спросил Юра

– Не меня, ... не меня спасать надо ... Других спасать надо. Ты, Муха, разве ничего не сказал?.. Всё понятно.

– Сейчас всё и расскажешь, – сказал Юра, подходя к автомобилю и усаживая потерпевшего на переднее сиденье Уазика. – Вот так, а теперь говори.

– Не меня надо спасать, что мне делается! ... Я и подожду ...

– Говори толком.

– Люди в земле заживо погребены. Их спасти надо.

– Какие люди!? Где!?

– На свалке. Где ж ещё? Там Сима, сторож, он их в контейнер сложил и трактором в овраг спихнул. Их из-за игрушек жизни лишают. Там Костян, Антоха, учитель, дворник и ещё двое бездомных. Я их раньше видел. Они на свалке живут.

Младший лейтенант пристально посмотрел на Лёню и перевёл взгляд на Муху.

– Я тоже видел, – сказал Муха и опустил глаза.

– Это уже другой коленкор, – проговорил младший лейтенант и включил рацию:

– Говорит оперуполномоченный по правам ребёнка младший лейтенант Митин. Всем, кто меня слышит. Срочно опергруппу на свалку Заводского района. Вызовите машины скорой помощи. Реанимацию. Людей живыми в землю закопали. Среди них двое несовершеннолетних. Я еду на свалку. Свалка на развязке с кольцевой на Балашов. Конец связи. И тут Митин и Лёня, и Муха вдруг услышали, как впереди, не очень далеко засигналила машина. Она сигналила, не переставая. И в этих звуках слышалась и боль, и стон, и призыв, и отчаянье.

– Это на свалке, – сказал Пегасов, ... там, точно, ... не понимаю, кто и зачем?

Младший лейтенант включил сирену и машина, выбросив

из-под колёс гравий, помчалась на звук сигналящей машины.

Глава 58. Заживо погребённые

Как только Сима заглушил трактор – наступила жуткая тишина, прерываемая лаем ошалелой собачонки.

– Ты тут завершай, а я поехал. Вроде всё гладко, – сказал Фома Фомич Симе.

– С машиной доцента, что будем делать? – спросил Сима.

– Отгони её на платную стоянку, ты знаешь куда. Это тебе за труды праведные, положено. Чтоб здесь не светилась, понял?

– Ну, спасибочки, – расплылся в улыбке Сима. – Вам ворота открыть? – подобострастно спросил он.

– Ты лучше скажи, кто там у тебя воеет?

– Пудель этот, что вас чуть-чуть за руку не схватил.

– Чтоб его не было. Я ж тебе ружьё для охраны дал, развёл здесь псарню, ладно, иди, – с нарочитой сердитостью проговорил Фома Фомич. – Иди, иди... дело делай, – И Тараканов захлопнул дверку «шевроле».

Сима, взяв из вагончика ружьё, сунул в карман горсть патронов и не торопясь пошёл на вой собаки. Подойдя к обрыву, Сима увидел, что на том месте, куда он свалил бульдозером контейнер, на куче мусора сидит тот самый белый пудель. Собачка выла. От этого воя у Симы мурашки шли по телу. Живя долгое время на свалке, Сима слышал всякое. Даже недавний рык какого-то существа и то не так сильно

потревожил Симу, как вой этой вшивой псины. «Сейчас я тебя», – подумал Сима, снимая с плеча ружьё и прицеливаясь. Звук выстрела кнутом хлестнул по склонам оврага.

«Вот так-то будет лучше», – сказал Сима и, закинув за спину ружьё, пошёл прочь. Но не успел он дойти до вагончика, как вой повторился снова. Рассерженный Сима сдёрнул с плеча ружьё и устремился к обрыву. С обрыва он сделал по пуделю ещё несколько выстрелов, но безрезультатно. Сабачка будто издевалась над Симой. Она, то вскакивала на сваленный мусор и выла, но прежде чем Сима успевал нажать на курок, она моментально исчезала.

– Ладно, хрен с тобой, – сплюнул Сима, – после того, как все патроны были израсходованы, – живи пока, – и пошёл к вагончику.

Из оврага, куда Сима столкнул хибарку тянуло дымком. Редкие язычки пламени вырывались из-под слоя углей, пепла, и земли, и то, как бы для того, чтобы посмотреть, что там делается наверху и не пора ли пожрать что-нибудь ещё в угоду людям, а, впрочем, они могут обойтись и без них.

Сима не успел дойти до вагончика, как впереди за вагончиком раздался призывный звук автомобильного клаксона. Сима вздрогнул от неожиданности.

– Какого лешего, ... кому надо – проговорил он и побежал в направлении ворот. Когда Сима обогнул вагончик, он увидел, что перед воротами никакой машины не стоит, и что это сигналит машина доцента. Сима бросился к машине,

но дверки не открывались. «От выстрелов что-ли засигналила?...», – подумал он и стал искать чем бы открыть дверку.

– Этого мне ещё не хватало, – ворчал Сима, выискивая что-нибудь увесистое, чтобы разбить боковое стекло и отключить сигнализацию. Под руки как назло ничего не попадалось. «Наверное, от выстрелов, звуковая волна ударила, вот сигналка и сработала, – подумал он опять, – схожу в вагончик за молотком», – и он затрусил в вагончик, совершенно не уяснив того, что сигналил в автомобиле клаксон, а не сигнализация. Если б это ему пришло на ум, то он сразу бы сообразил, что автомобиле кто-то есть.

В вагончике молотка тоже не оказалось, потому что Сима его оставил в контейнере. Неожиданно Сима бросил взгляд на стол, увидел коробок с игрушками и усмехнулся. Он взял коробку, решив ей разбить стекло и снова пошёл к машине. Но не успел он до неё дойти, как к воротам свалки с шоссе свернул милицейский Уазик. Сима поставил коробок на землю и выжидательно стал смотреть на милицейскую машину.

– Чего застыл?! Открывай, давай! – громко сказал Юра из кабины.

Сима побежал к воротам и стал их торопливо открывать. В голове у него стучало: «Неужели кто видел? Вряд ли... Тут бы уже была опергруппа. А это так, слышал, наверное, стрельбу, вот и подкатил, или водилы на КПП сказали, что на свалке стрельба. Далась мне эта псина... Не подумал».

– С проверочкой, товарищ, – спросил он заискивающе, глядя на открывшуюся дверку машины и пытаясь угадать, сколько человек в ней сидит, – у нас всё в ажуре. Противоугонная сигнализация сработала, а дверка не отпирается, сейчас в аккурат всё замолкнет...

– Ворота отворяй, – произнёс приказным тоном Юра.

– Это я щас, ... это щас... – Сима стал не торопясь открывать створку ворот. Отворил одну, стал отворять другую. Симе было не видно кто сидит в милицейском Уазике, но то, что приехавший был не один, это он чувствовал.

– Где зарыты? – тихо спросил Юра Пегасова.

– Там, где бочка стоит, правее пламени, – ответил Лёня так же тихо и прошептал: – Это и есть тот самый Сима.

Уазик въехал во двор. Митин вышел из машины, подошёл к автомобилю доцента. Сима стоял около иномарки и пытался открыть дверку. Автомобиль вдруг прекратил сигналить. Стекло разбивать было уже незачем.

– Электроника, мать её. Навтыкают всего до дури, – сказал он подошедшему Юре.

– Электроника только больно умная, – проговорил Митин, сигналит когда надо и прекращает тоже. Сима понял всё и сразу, когда из милицейской машины вышел Лёня Пегасов.

«Он всё видел» – резанула Симу мысль, – это не случайность, – и в этот момент он услышал звуки приближающейся сирены. Сима метнулся в сторону, но сзади его успел схватить за одежду Юра. Сима резко повернулся, но Юра держал

крепко. Сима захватил руку Митина и стал заламывать её за спину. Юра понял, что перед ним сильный противник и приёмы знает не хуже, а может быть даже и лучше его.

– Не спеши, ментура, – проговорил, кряхтя, Сима, – когда ты пешком под стол ходил, со мной уже редко кто в перетяжки садился. Вся зона махру была должна, а там были бугаи не в пример тебе.

В костлявом Симе оказалось силищи действительно много, вскоре Юра понял, что сдаёт. «Сима сейчас освободится, шагнёт в темноту и ищи-свищи, – подумал Юра, чувствуя, как противник выходит из захвата. – Сейчас он освободит руку, сделает бросок, а потом ударит ногой или рукой» – мелькнуло в голове у Юры.

Но Сима не ударил. Рука его, крепкая и жилистая, вдруг ослабла и Сима разом обмяк. Юра столкнул с себя Симу и посмотрел на ребят. Перед ним стоял с разорванным коробком Лёня. Это он ударил коробкой с глиняными игрушками Симу по голове, теми самыми, которыми Сима хотел разбить стекло у дверки.

Через пару минут на территорию свалки въехала машина с опергруппой. Свалку окружили автоматчики в бронежилетах, ими командовал молодой усатый капитан. За машиной опергруппы в ворота въехала милицейская семёрка и ещё одна машина с милиционерами, на которой приехал уже знакомый нам капитан Канивец, ловивший в участке сабачонку. Из жигулей вышла Муза Карповна Городец и быстро

подошла к Юре.

– Вот це и есть угонщик, – проговорил капитан Канивец, показав Музе Карповне на Юру, и вытащил из кармана наручники.

– Минутку, капитан, не этого, – проговорила Муза Карповна и велела наручники одеть на Симу. Сима уже очухался от удара. Он лежал на земле и проигрывал сценарий собственного спасения. «Схватить этого пацана снова, прикрывшись им, залезть в Узик и ударить по газам. Нет, пацан мне не помеха. Ближе всех этот, с наручниками, он вооружён, надо начинать с него, завладеть оружием, взять в заложники бабу и в машину. Ишь, ждёт, когда я ему руки в скобы суну, ... жди, ... сейчас я поднимусь, а ты ляжешь...». С этими мыслями Сима, притворно держась за бок и постанывая, поднялся, сделал шаг к Каневцу и вдруг быстро схватил его за руку, потянул на себя, выводя капитана из равновесия, одновременно стараясь захватить кобуру с пистолетом. Только, как планировал Сима – «быстро и разом» у него не получилось. Сима захватил руку капитана и уже хотел завладеть его оружием, как капитан одним движением освободился от захвата, схватил руку Симы и так сдавил ему пятернёй запястье, что Сима вскрикнул от боли и понял, что сопротивляться бесполезно, в этом капитане силы оказалось немеренно. Сима послушно сунул руки в наручники, говоря:

– Стрельнул несколько раз. Одичавшие псы замучили. Бегают стайей, того и гляди слопают.

– Это та одичавшая, что в овраге воеет? – спросила Городец, кивнув в сторону оврага. – Осветите место! – приказала она.

Автомобиль подъехал к оврагу и прожектор Уаза осветил дно. Луч тотчас выхватил из темноты воющего белого пуделя, который, то скрывался в прокапанной им норе, то вылазил из неё и начинал выть.

– Где лопаты, – спросила Симу Муза Карповна.

– Там, под замком, – и Сима кивнул на подсобку.

– Где ключ, – спросила Городец. Но Сима не успел ответить.

– Ладно, обойдёмся, – сказала майор, достала пистолет и выстрелила в замок, тот раскрылся и упал на землю. – Берём инструменты, – проговорила Муза Карповна сдавленным голосом, и первая, взяв из подсобки лопату и бросив Юре китель с кобурой, стала спускаться к пуделю.

Ах, как радовался пудель! Как радовался! Он то подбегал к спускающейся в овраг Музе Карповне, то стрелой возвращался назад и начинал копать лапками мусор, то вновь бежал навстречу человеку.

– А як же угоншык? – спросил Канивец Музу Карповну, – треба арестовать, чтоб по всим правилам...! – недоумённо смотря на португею в руках у Митина.

– Это младший лейтенант Митин, капитан, – сказала, спускаясь в овраг, Муза Карповна. – Он у нас недавно работает.

Как узнал пудель, в спускающейся к нему женщине в форме, своего друга, это, наверное, так и останется собачьей тайной. Несколько рослых милиционеров, опередив Музу Карповну, прыгнули в овраг. Канивец хотел взять лопату у Городец, но та не дала.

– Поищите себе другую, капитан, – сказала она, – а лопатой я умею работать не хуже других.

Подошла машина скорой помощи. Врач, осмотрев Лёнину ногу, сказал:

– Сильный вывих, но, в любом случае, необходим рентгеновский снимок для подтверждения диагноза.

– Его можно увозить? – спросил он начальника опергруппы.

– Подождите. Будут ещё пострадавшие, – ответил усатый подполковник, – поставьте автомобиль чуть в сторону, дайте дорогу автокрану.

К краю оврага подъехал автокран. Вскоре крюк на стальных тросах закачался над головами, откапывающих контейнер, милиционеров. Муза Карповна вытерла со лба пот, отдала лопату капитану Каневцу.

Через несколько минут шестеро крепких милиционеров раскидали, надвинутый сверху бульдозером на контейнер мусор. Показалась железная дверь контейнера. Канивец окликнул закопанных:

– Вы тилькы живы, це как? – В ответ услышал: «Воздух свежий пошёл, полегчало, а то профессор с художником со-

всем сникли. Хорошо, что откуда-то сбоку чуток воздух поступал, а то бы и откапывать было некого... Мы тут кое-как развязались. Врача надо. – Это был голос Пал Палыча. Кто-то ударил по замку топором. Тот звякнул и отлетел в сторону.

– Скорая – тилькы приехала. Потерпыте трошки. Крэпко вас заховалы. А норку до контейнера выдно сабачонка прокопала, це воздух немного и шёл, – сказал Канивец искомандовал откапывавшим милиционерам: – Поднатужься, мужики! – и три пары крепких рук схватили за створку дверки, но она видно покоробилась и никак не открывалась.

– Так це же нэ так надо, – проговорил капитан Канивец, отстранил рукой милиционеров, взялся за створку сам и поднатужился. Крупные капли пота выступили у него на лице и было видно, как на висках напряглись, запульсировали вены. Противно завизжало отдираемое железо и через десяток секунд дверка, металлически охнув и выгнувшись, упала поодаль контейнера.

– Це вот так надо, – спокойно проговорил Канивец и, обращаясь к лежащим в контейнере, сказал так просто, как будто он каждый день спасает погребённых заживо. – Значимо живи...

– Живы, ... живы! – раздалось из контейнера, – профессору и художнику плохо. Их надо вытаскивать.

Спустили носилки. Первым достали и уложили на носилки профессора, и они, передаваемые из рук в руки, поплыли над головами милиционеров и водителей автомашин. За-

тем точно также вытащили Крокыча, врач стал им оказывать наверху первую помощь. Костя и Антон, чумадые и взбурженныe, выбрались сами. За ними не без помощи из контейнера вылез, кряхтя и постанывая, Пал Палыч. Потом выбрался с помощью милиционеров и Никита. Выбрался-то он выбрался, но, ни идти потом, ни стоять совершенно не мог, жаловался на головную боль и головокружение. Его тут же, уложили в скорую помощь и отправили в город. "Сильное сотрясение головного мозга", сказал врач скорой помощи.

– Это его лопатой по голове ударили, – указал причину Пал Палыч, – я видел.

– Разве только одной лопатой, – проговорил сердито врач, – на нём живого места нет... Лопатой стукнули по голове, а на теле синяк на синяке.

– Его ещё охранники на Большой Горной били, – добавил Антон.

– Теперь всё ясно, – сердито проговорил врач. – Лежите и не шевелитесь. Поехали, сказал он водителю, и скорая выехала из ворот свалки.

Вторая скорая увезла Крокыча. После наезда автомобиля у него оказалась сломана нога, ключица, а в больнице определили ещё и перелом ребра. При наезде машины, в самый последний момент, он успел заслонить собой профессора и получил тяжелейшие ушибы и травмы. Он был совсем плох, трудно дышал, но продолжал, преодолевая боль, шутить:

– Доктор, – говорил он, – прошу, вы только меня во вто-

рую городскую больницу не везите.

– Это почему же? – со всей серьёзностью спрашивал врач.

– Так от свалки далековато...

Доктор улыбнулся и проговорил:

– Раз шутит – значит, выживет, и добавил. – Одного не пойму. Приедешь иной раз по вызову, глядишь – царапина, а стонов-то, стонов. А тут живого места нет и, на тебе, шутики-прибаутки.

Подошёл, к сидящему на куче мусора Симе, следовательно и хотел вести его на допрос в автобус.

– Давай, поднимайся! Насидишься ещё. Как я понимаю, у тебя для этого дела теперь времени будет много.

– А ты, мент, не погоняй, – и Сима стал медленно подниматься.

– Пошевеливайся, ... пошевеливайся, – торопил следователь.

Сима поднялся, распрямился, пошевелил сзади в наручниках кистями рук, но не успел ступить и шагу, как крупный, лохматый, неизвестный породы зверь метнулся из темноты. Раздался страшный рык. Сима упал. Юра молниеносно выхватил из кобуры пистолет Музы Карповны, снял с предохранителя. Зверь рванулся в темноту. Юра выстрелил нападавшему вслед и в стороне, куда скрылся зверь, послышался стон.

– Кто это был? Ты в кого стрелял!? – спросила Городец Юру.

– Не знаю... – сказал растерянно Юра, – большое, лохмотое, не разглядел в темноте, мелькнул как молния, по всей видимости, ударил задержанного, я видел только мелькнувшую лапу и открытую пасть, он в сторону, к тем кустам прыгнул, я вслед и выстрелил, вот и всё.

– Попал?

– Не знаю,... рычало..., – пожал плечами Юра. – Непонятно как-то, товарищ майор,... кран работает, ... шум,... автоматчики, фары светят, прожектора и нападение...? – Мистика какая-то...

– Разберёмся и со зверем, и с мистикой тоже, – добавила Муза Карповна. – Поднимайте и ведите задержанного.

Один из милиционеров толкнул Симу, – Вставай,... пошли,... пронесло,... мог бы и порвать.... – Вставай, говорю... – Сима не вставал, он лежал ничком, уткнувшись лицом в мусорную кучу. Лейтенант перевернул его и отшатнулся. – Врача!.. Скорее врача! – закричал он.

Сима не шевелился, глаза его недвижно смотрели в бесконечную подсвеченную звёздами глубину пространства над мусорной свалкой. Подошёл врач, осмотрел Симу и сказал: «Труп».

– Как труп?! Почему труп?! Нападавший только сбил его с ног! Я видел... – стал запальчиво говорить Юра.

– Всё правильно, – сказал спокойно врач, – на его теле нет видимых повреждений. Он умер от разрыва сердца. В народе ещё говорят в таких случаях – от страха.

Сима лежал на куче мусора, глаза его были безжизненны, множество звёзд, недавно чёрного как сажа неба, отражались в этих уже неживых глазах, а в уголках губ сохранилась отрешённая от земной суеты улыбка. Чему улыбался этот умерший человек в последнюю секунду своей жизни? Чего не могло вынести его сердце? Возможно, он улыбался тому, что теперь ему не надо выполнять пакостные приказы Фомы Фомича и постоянно бояться, ... бояться, ... бояться. А, может быть, он улыбался от того, что в это время душа его, паря над территорией свалки, радовалась, что самое большое злодеяние в жизни ему так и не довелось совершить, и она видит, что, закопанные Симой, люди живы, а значит, остаётся надежда, что это последнее преступление не будет ему вменено в грех.

Остальных пострадавших врач со скорой осматривал в Симином вагончике.

Юра Митин зашёл в вагончик, чтобы справиться о самочувствии Позолотина. Смерть Симы на Юру очень подействовала. Он сильно переживал из-за того, что не успел вовремя выстрелить, в результате чего погиб человек. В это время в вагончике доктор осматривал профессора и говорил:

– Крайнее истощение организма, аритмия и тахикардия, давление снижено, с этим не надо шутить, ... надо обследоваться. Угрозы для жизни не существует, но нужна ком-

плексная проверка и лежать, лежать, лежать.

– Была бы угроза, – сказал Вениамин Павлович, – если б не Семён Ваганович, это он от меня смерть отвёл..., да если б собачка нору к контейнеру не прокопала и воздух к нам не пошёл.

– А ну – ка, ребята, – сказал доктор Антону и Косте, – принесите воды руки сполоснуть и, взяв полотенце, вышел из вагончика.

– А Сима того,... представился, – сказал Пал Палыч профессору, – говорят от страха.

– Собачина выскочила, огромная, – начал опять уже Позолотину объяснять Юра, – я такой и не видел никогда; никто толком ничего не понял, лапы мелькнули, пасть раскрытая,.. посмотрели – мёртв, доктор говорит от страха.

– Собачина говоришь. Всё-таки он существует, – сказал Позолотин, а я, знаете ли, до сегодняшнего дня думал, что это легенда. – Профессор повеселел.

– Вы это о чём, профессор? – спросил Пал Палыч.

– Мы с вами ещё в контейнере об этом говорили, – стал пояснять Позолотин. – Я о двух зверях, которых слепил отшельник, про народную легенду рассказывал? Потом этот же зверь на печном изразце, помните?

– Конечно, помню, только я думал, что это сказка, народный вымысел, так сказать, – удивлённо сказал Пал Палыч.

– Думаю, что этот вымысел, начал обретать видимые черты. Легенды оживают... Так куда он, сударь, скрылся, – об-

ратился профессор к Митину.

– В те кусты маханул, да зарычал, аж мурашки по коже... Я не ожидал, выстрелил наугад вслед не прицельно. Ушёл, ... только зарычал страшно. – И Юра опять, только более детально, стал объяснять присутствовавшим о произошедшем. Муза Карповна отозвала доктора в сторону и, кивнув на профессора, спросила:

– Как он?

– Был на волоске. – Ответил доктор. – Ещё минут пятнадцать, двадцать не откопали бы и всё... нехватка кислорода, плюс сердечно-лёгочная недостаточность. Сами понимаете. Сейчас повеселел. Укольчики вкололи.

Глава 59. Роковой выстрел

Кран, вытащив из оврага контейнер, стал пятиться назад. Костя и Антон никак не хотели уходить со свалки и ехать домой. Они всё твердили майору Городец о каком-то Глине и Свистоплясе, но та толком ничего не понимала и настаивал на своём. На какое-то время все забыли о профессоре, а когда спохватились, то его нигде не было.

– Он меня о звере спрашивал, – сказал Митин. Может быть он за ним пошёл, – и направился к кустам, держа наготове пистолет.

– Профессор, вы где!!? – прокричал Юра в темноту.

– Вениамин Павло-ви-ч! – прокричал учитель. – Вениамин Павло-ви-ч! – Он шёл следом за Юрой.

В кустах с подвывом лаял пудель. Юра двигался на его

голос. Он догадывался, что это лает та самая собачонка, что показывала место погребения людей. Он не мог спутать её голос ни с одним голосом четвероногих.

– Костя, Антон, – стойте, – крикнул Пал Палыч. Ребята обогнали учителя и устремились за Юрой. По кустам скользнул ослепительный луч, это капитан Канивец направил прожектор Уаза на кусты. Луч пошарил по кустам, скользнул в прогал между ними и остановился, высветив небольшую, заросшую травой, полянку.

Юра дошёл до полянки, отодвинул мешавший обзору куст, неожиданно остановился, ещё сильнее отодвинул куст, замер, и стал торопливо засовывать пистолет в кобуру. Подбежали ребята, а за ними подошли Пал Палыч и майор Городец. Среди кустов, на небольшой полянке в жёлтом пятне прожектора они увидели чудовищного зверя, перед которым стоял на коленях профессор и гладил рукой его широкий цвета бронзы лоб. Он трогал его большие желтоватые клыки, теребил уши и гриву, а рядом сидел белый пудель и, подняв мокрую мордашку к звёздам, выл.

Пал Палыч присел рядом с Позолотиним на корточки и, обняв его за плечи, тихо спросил: «Это он?»

– Да, – так же тихо ответил профессор и, вздохнув, добавил. – Вот так оживают легенды, дорогой игрушечник. На свете всё взаимосвязано. Никто не знает, где кончается легенда, а где она берёт начало, равно как не знает, когда она оживёт. «В жизни, друг Горацио, такое бывает, что и не сни-

лось нашим мудрецам», – произнёс он с большой скорбью. Старый профессор плакал и не скрывал своих слёз.

– Я же не хотел, – говорил, оправдываясь, Юра. – Я же наугад стрелял, вдогон.

– А пуля попала точно в голову, – сказала Муза Карповна, указывая на тёмное пятно между ухом и глазом зверя. – Думаю, что он во время выстрела обернулся, иначе бы пуля попала ему в затылок.

– Как же так, ... я едва отстреливаю норму, у меня со стрельбой не ахти, а тут? – говорил, чуть ли не плача, Юра.

– Це, такое бывае, – сказал, присев рядом, Канивец. – А у меня наоборот, всё в дэсятку, с какого положения нэ выстрелю, а як смотр, так мажу, всё молоко моё.

– Да нет, вот подтянуться, отжаться, пробежать, сколько угодно, а стрелять не очень... – оправдываясь продолжал говорить Митин, заглядывая в глаза обступившим их водителям автомашин и милиционерам, как бы, ища у них поддержки или оправдания.

– Пойдёмте, профессор, – сказал Пал Палыч, поднимая Позолотина.

– Да, да, нам надо ехать, – сказала майор Городец. – Оставшихся пострадавших определим в сазовскую больницу. Я со звонила с главным врачом. В клинике, нас ждут.

– Вы езжайте, – сказал Вениамин Павлович, а я тут последнюю ночь переночую.

– Зачем? Мы вас устроим, ваши подвиги уже не к чему, –

проговорила Муза Карповна.

– Это надо науке, – товарищ майор, – проговорил твёрдо Позолотин. – Мне необходимо рано утром осмотреть зверя. А к вам большая просьба – выставите около него охрану. Мало ли что, ... собаки бродячие порвут...

– Да, да... вы не беспокойтесь, ... мы всё сделаем, – завершила Городец и тут же подозвала к себе капитана Каневца и приказала с убитого животного не спускать глаз.

– Не волнуйтесь, товарищ майор, всё будет сделано в лучшем виде. – Ответил капитан.

Юра протянул пистолет и китель Музе Карповне. Городец взяла оружие и сказала: – Этого мерзавца мы десять лет искали, а он на свалке окопался, – и она кивнул в сторону, где лежало тело Симы. – А стрелять мы тебя, младший лейтенант, научим, – и они с Юрой пошли к вагончику.

В это время на территорию свалки въехали милицейские «Жигули». Из машины вывели в наручниках Фому Фомича и Синеволосую и повели на допрос в автобус. После них вышла и Мария Васильевна Сорокина.

– А ты чего сюда приехала? – спросила подругу Городец.

– Так мои же здесь, подопечные...

– Живые, здоровые твои подопечные, – проговорила Муза Карповна. – уезжать отсюда не хотят, говорят, что здесь до утра останутся. Поговори с ними, возможно стресс так действует, они сейчас придут, в кустах зверя убитого рассматривают, – и она вкратце рассказала Марии Васильевне про-

изошедшую историю.

– Нет, Муза Карповна, пусть ночуют здесь, – сказала, выслушав Городец, Мария Васильевна. – Новые события и обстоятельства снимут стресс лучше любого лекарства. Уложим мы их сейчас на больничную койку, ну и что? Будут лежать, нагонять на себя страхов, да содрогаться от воспоминаний и представлений возможно совсем иного исхода. Нет, пусть будут здесь, среди вооружённых мужчин. Я бы посоветовала дать им по разу выстрелить из табельного.

– Ты что говоришь?

– А то, товарищ майор, я говорю, то что надо... Клин клином вышибают... Пусть ночуют. Я с ними младшего лейтенанта оставлю, а сама поеду родителей предупрежу, чтоб не волновались.

– Что родителям скажешь?

– Придумаю чего-нибудь правдоподобное. – Знаешь, в таких случаях для родственников хорошая добрая неправда полезнее, чем вот такая... – она не договорила, а только кивнула в сторону лежащего на краю оврага контейнера.

– Тебе виднее, подруга, это по твоей части.

– А как там директор со своей красоткой? – спросила Мария Васильевна.

– Упираются, но раскрутим. Тараканов думает, что Сима жив. Пусть думает. Он уже сейчас стал на него всё валить. Дело сделано, дальше дело техники и времени. Только меня сейчас не это интересует.

– А что тебя интересует?

– Меня интересует зверь.

– Не тот ли, что на мусорной куче лежит?

– Этот меня уже не интересует, хотя тоже человек.

– Я тебя, подруга, не узнаю, – удивилась Мария Васильевна.

– Я и сама себя не узнаю, ... ночь, свалка, труп и ожившая во времени и пространстве сказка, ... это не так просто переварить...

К омовской машине сходилась оперативная группа. Усатый капитан снял оцепление. Омовцы, переговариваясь и подталкивая друг друга, залезали в фургон.

– Жаль, что я не могу ходить, – сказал Пегас, – глядя в окно вагончика.

– А мне что-то и смотреть не хочется, – ответил Муха. – Он был явно не в себе и всё время молчал, да косо посматривал на окружающих, наконец, вышел из вагончика и сел на перевёрнутое ржавое ведро.

– Ты что, не радуешься, что люди живы остались. Вон Антоха с Костяном идут целые и невредимые, – сказал Пегас.

– Так они пусть и радуются, что целые, а я-то тут причём?

– Верно, ты тут не причём. – Проговорил Лёня, затем, опершись на здоровую ногу, вылез из машины и, взяв вместо палки оставленную кем-то лопату и опираясь на неё, поковылял навстречу идущим от кустов людям.

Костя, Антон и Юра, увидев Пегасова, остановились. Антон и Костя пока не знали как себя с ним вести. К ним подошёл Митин.

– Он, ребята, вам жизнь спас, – сказал очень тихо Юра, чтобы слышали только Антон и Костя.

Лёня, волоча ногу, подошёл к Косте и Антону и сказал:

– Расслабляться рано, игрушку надо искать.

– А это разве не игрушки? – спросил Костя и кивнул на разорванный коробок, затем наклонился и стал рассматривать рассыпанные после удара изделия. Затем сказал, улыбаясь: – Это же наши игрушки, на сушке были, Тош, ты их узнаёшь?

– Точно наши, – сказал удивлённо Антон. – Вон черепаха моя, а эту Даша делала, ту Тася... – как они здесь оказались?

– Хоть это прояснилось, – сказал Лёня, – а как они здесь оказались, надо у Вадика спросить. Расскажи нам, Вадик, как из КЮТА игрушки здесь появились? – и он повернулся в сторону Мухаева.

– Как я понимаю, ты, Леонид, к этим игрушкам не причастен? – спросил Костя.

– Нет, ребята, причастен.

– Не понял... – сказал Костя.

– Моя доля вины состоит как раз в том, что я озвучил Мухе идею подсунуть на свалку Симе куклу. Налепить игрушек и подбросить в одну из куч. Только это надо было сделать, когда рабочие при разборе мусора найдут настоящую, ста-

ринную. Я потом от этой идеи отказался, а Муха клюнул. Как мы теперь с вами понимаем, Муха, не говоря мне, стырил в клубе ваши игрушки и подкинул. Это я понял ещё раньше, что он и меня, и Симу купить решил, только сделал он это без головы. Я даже не пойму о чём ты думал, когда игрушки в мусор совал? – спросил Лёня Мухаева, – прояснил бы ситуацию? Что тебе это давало? Думаю, что ничего.

Муха вместо ответа опустил глаза и стал ковырять в носу.

– Как видите, молчанье – знак согласия... – Лёня широко улыбнулся. – Решил всех обойти. И ведь получилось! Молодец, Муха, далеко пойдёшь, – и Лёня похлопал Вадика по плечу.

– Игрушки-то чистенькие, – сказал Костя, – тут любому понятно, что и как?

– Понятно-то понятно, только не всегда сходится, – сказал Лёня. – В практике у меня всякое было. Только не это, ребята, меня смущает – чистенькие или не чистенькие? Вместе лежат или нет? И аккуратно положены или разбросаны под всей кучей?.. Здесь другое. Оно и сейчас меня тревожит. – Лёня обвёл взглядом ребят.

– Не тяни резину, говори, – сказал Костя.

– Дело в том, что вчера, уходя по тёмну со свалки, в лесу я упал в яму. Случайно это произошло или нет – сказать не могу, для самого загадка, только в этой яме коробка оказалась и не простая коробка, а тоже с игрушками. Как они туда попали не знаю. Думаю, что кто-то из рабочих припрятал,

нашли и спрятали.

– Ну и что дальше?

– А дальше я подумал, что это вторая кукла.

– Как кукла? – воскликнул Муха, – ты же говорил, что фонят?

– Правильно, говорил, но на самом деле Вадик, они не фонили. Проверял я тебя, – и тут же, обращаясь к Косте и Антону, сказал: – Извините, ребята, но я подумал, что вторую куклу вы заготовили, только подкинуть не успели.

– Мы ничего не собирались подбрасывать, – спокойно сказал Костя.

– Тогда откуда она взялась? – удивился Лёня.

– Муха, сгоняй в машину, принеси, коробок, что в яме нашли. – Лёня повернулся в сторону Мухаева, но того среди них уже не было.

– Ну и способности... – удивился Антон, – среди нас стоял – и нет.

– Растаял как дым, – сказал Костя.

Как Вадик ушёл? никто не заметил. Не увидел этого, поглощённый беседой ребят, и Митин.

– А как же игрушки очутились в лесу? – спросил Антон.

– Что за коробка? – удивился Костя. – У нас кроме этих игрушек больше ничего не пропадало.

– Раз не пропадало, тогда это пока тайна, – медленно проговорил Пегасов и, посмотрев на Юру, продолжил. – Там их мы больно не рассматривали, я заглянул – игрушки, не тот

момент был, чтоб изучать. А Муха на них повёлся. Я же сказал, что они фонят, вот он их хапнул и дёру.

– Жадность не порок, а болезнь... – сказал Костя.

– Возможно это случайность, – Заметил Юра, – только к делу вашего спасения она имеет тоже самое прямое отношение. Если б я его на трассе не встретил, то неизвестно бы чем дело кончилось?..

– Не он же вас остановил... – проговорил робко Антон, – а вы его остановили.

– Никто не может сейчас из нас сказать, пошёл бы Вадик тогда заявлять в милицию или нет, – заметил Юра, – до КПП ещё далеко было, всякие мысли могли прийти ему в голову.

– Почему же они к нему не пришли, когда вы остановились и дорогу ему машиной загородили?– спросил Лёня.

– Человек – загадка, – ответил Юра. – Я в его душу в тот момент не заглядывал, только это он вывел меня на Лёню, этого забывать не надо.

На это его замечание никто ничего не сказал...

После сказанного Юрой наступило тягостное молчание. Нарушил молчание Антон.

– Давайте игрушки посмотрим, что в лесу нашли.

– Они в машине, на сиденье стоят, – сказал Юра и пошёл за игрушками, ребята пошли за ним.

Юра открыл дверцу Уазика, взял коробку, поставил на землю и раскрыл.

– Пал Палыч!! Пал Палыч!! – закричал вдруг Костя, за-

глянув в коробку. – Пал Палыч, где же вы!? Скорее сюда!

– Чего шумишь, – спросил, шагнув к ребятам из темноты, учитель.

– Посмотрите!

Пал Палыч посмотрел в коробку и лицо его расплылось в улыбке.

– Надо же, ... не ожидал, ... вот что угодно, только ни это ...

Юра и Лёня смотрели на удивляющихся учителя, Костю и Антона и не понимали, в чём причина их восклицаний: «Этого не может быть!», «Вот чудеса!», «Сам бы не видел – ни за что бы не поверил!».

– Да скажите, Пал Палыч, что произошло? – попросил Юра.

– Дело в том, – начал Пал Палыч, – ровно год тому назад мы повезли вот этот самый коробок с этими игрушками на выставку, ехали общественным транспортом. Кроме этого коробка везли выставочные изделия и из других объединений, одним словом, всяких коробочек и коробок было достаточно. Так наши ребята умудрились одну из коробок оставить под сиденьем. И вот та самая игрушка теперь перед нами, целая и невредимая. Я сам укладывал изделия и скажу вам, что ни одно из них никто даже в руки не брал. Тогда мы и в диспетчерскую звонили, и в автопарк ездили – никаких следов и вот на тебе.

Лицо Пал Палыча светилось, да и Антон с Костей были в восторге.

– Как же они оказались в лесу в яме? – спросил Антон.

– Думаю, что на этот вопрос нам сейчас никто не ответит, – сказал Юра, – так ведь, Пал Палыч?

– Да, ... загадка, – сказал учитель, рассматривая игрушки и ящик. – Понимаете, ни одной царапины ни только на игрушках, но и коробок без каких – либо серьёзных повреждений, разве что есть потёртости... Его даже дождь не намочил. Значит, очутился он в этой яме совсем недавно, возможно – сутки назад.

На шум подошли профессор и Мария Васильевна Сорокина. Пал Палыч не менее эмоционально рассказал и им о находке и о таком случайном и благополучном возвращении изделий их законным владельцам.

– Это очень даже интересно, – сказал профессор. – Ну что скажете на это, товарищ капитан, обратился он к Марии Васильевне. – Мистика, да?

– А у вас, Пал Палыч, у самого, никакая игрушка не пропала, когда к вам Мухаев наведывался? – спросил Юра.

– Да нет вроде, чтоб уж так явно. Потом знаете, мил человек, когда много лепишь, то сказать вот так сразу, что на месте, а что нет – довольно сложно.

– Вы же говорили, что у вас конёк исчез, – вспомнил Антон.

– Ах! Да, ... такое было. Только я в этом не очень уверен, потому как положу иногда куда-нибудь изделие и забуду... Нет, нет, ... я никого не хочу обвинять... и даже думать об

этом не хочу.

– А пропавшего конька вы случайно делали не по старинной технологии, а?– спросил профессор.

– Да, по старинной, но откуда вы знаете? – опешил Пал Палыч.

– Теперь мне понятно, почему умер Сима, – сказал Юра. Все повернулись на его голос.

– Почему? – чуть ли не хором спросили ребята.

– Всё просто, когда зверь набросился на Симу, он не соби-рался его убивать. Я видел, как зверь метнулся к Симе, ящик уже был разорван, игрушки рядом рассыпаны. Я не видел, как зверь схватил игрушку, но что это было именно так, я сейчас уверен. Зверю была нужна игрушка, а не Сима. И не сомневаюсь, что это была та самая игрушка, которую стянул Муха со стола у Пал Палыча.

– А зачем она была нужна зверю? Ведь он рисковал жизнью, вокруг вооружённые люди... – спросил Лёня.

– Ты прав,... он действительно рисковал и роковой вы-стрел тому доказательство. Ему был нужен не Сима, а гли-няная игрушка. Только это моя дедуктивная догадка.

– Я вас должен поздравить, – сказал весело Вениамин Павлович и пожал руку Пал Палычу.

– Не понял? – спросил недоумённо Пал Палыч, – объяс-ните.

– Тут всё дело в ваших руках, Пал Палыч. Вам удалось сделать по наитию, как это не назови, настоящую старосара-

товскую игрушку.

– А причём здесь зверь? Простите, не доходит, – удивлённо сказал Пал Палыч.

– Отшельник слепил не просто страшных зверей. Звери были оберегателями игрушек. Точнее, один был собиратель, проще – сыщик, задача которого была собрать изделия хороших мастеров, а другой – хранитель. То есть, его задача была хранить изделия. Как долго? – не знаю, думаю, чтобы ознакомить с ними будущих игрушечников, чтоб не пропали традиции. Здесь на поляне лежит собиратель.

– Получается, что зверь ошибся.

– Не думаю.

– А причём здесь я? – недоумённо спросил Пал Палыч.

– А притом, что игрушка вами слеплена была по всем правилам старых мастеров, что зверь принял её за одно из изделий старой игрушечницы, мамушки, потому и бросился к Симе, игрушки-то рядом с ним валялись, их никто не поднимал, не до них было. Я правильно ставлю ударение в слове «мамушка», – спросил профессор Пал Палыча.

– Да, да, правильно, ... на втором слоге, – подтвердил учитель.

– Так вот, – продолжил учёный, – Я подтверждаю догадку этого молодого человека, – он кивнул на Юру. – Именно так всё и произошло. Сима просто сидел рядом с игрушками на куче мусора, зверь и не собирался его убивать, он ему был не нужен. Ему из всего коробка нужна была одна единственная

игрушка – конёк, а не все игрушки.

– Значит, зверь не отличил Пал Палычевой игрушки от мамушкиной!?! – воскликнул Антон. До него это дошло немного позже, чем до остальных.

– Совершенно верно, – подтвердил профессор.

– Тогда почему он не обратил внимания на наши игрушки, которые были рассыпаны рядом? – удивлённо спросил Антон.

– Не обижайтесь, Просто вы в изготовлении ещё немного не дотянули до нужного уровня, – сказал Позолотин, и тут же добавил: Разве только чуть- чуть. Я ведь с первого взгляда, тоже не отличил, – и хитро посмотрел на Сорокину, только этого взгляда никто из ребят не заметил.

– Я не специалист, мне показались все одинаковыми, – сказала Мария Васильевна.

"Ох, уж мне эти педагоги", – подумала Городец и, спрятав улыбку, пошла к машине.

– Мария Васильевна! Едем! – сказала она громко, – пусть ночуют. Утром пораньше приедем, всё равно ничего не видно.

– А теперь все ложимся спать, – сказал профессор, – утро вечера мудренее. – Как только будет светать – всё хорошенько осмотрим и обязательно найдём игрушку Пал Палыча. Зверь её, думаю, выронил во время ранения. Она где-нибудь на полянке.

Ребята собрались в отдельной комнате в вагончике. Не было только Мухи.

– Здорово всё закрутилось и завязалось в единый узел, – проговорил Костя, укладываясь на топчан.

– Конец как в кино показывают, – добавил Антон.

– Никакого конца ещё нет, – проговорил Лёня, ещё неизвестно, что покажут завтрашние поиски, там вон дождик вроде накрапывает.

– Нам ещё надо Свистопляса с Гуделкой найти, – проговорил Антон, но его уже никто не слышал. Ребята, полные впечатлений, уснули. Антон немного поворочался с боку на бок, вздыхая о своём друге Свистоплясе, и тоже уснул. Вскоре все дети спали, только старый учитель Пал Палыч и профессор стояли около вагончика и разговаривали. Профессор очень жалел о сгоревшей хибарке и не столько о ней, сколько о набросках к картине. Они ещё не знали, да и никто не знал, что вместе с хибаркой сгорел и доцент. Сима об этом сказать не успел, Лёня этого момента не видел, так как они с Мухой находились около ворот и только издали видели, как горит бомжацкая лачужка. Конечно, они видели доцента, но пока о нём просто никто не вспомнил. О нём вспомнят потом на допросе Фомы Фомича.

Глава 60. Хранитель уходит

Утром, как только стало светать, приехала капитан Сорокина. Ребята, как услышали рядом с вагончиком шум двигателя, сразу повскакивали и стали собираться.

– Ну, как ночевалось?! – спросила ребят громко и непри-
нуждённо Мария Васильевна. Они приехали вместе с Музой
Карповной.

– Обошлось без происшествий, – доложил Юра, – разве
только...

– Что, так и не пришёл? – спросила, нахмутив брови, ка-
питан.

– Наверное, наше общество ему не понравилось, – сказал
Костя.

– Думаете, что Мухаев в город подался? – спросила Мария
Васильевна Митина.

– Думаю так, – ответил Юра, – не будет же он по лесу как
заяц бегать. Плутать здесь негде.

– Дома, к сожалению, он тоже не появлялся. Хорошо,
младшой, будем искать. Кстати, тебя майор Городец очень
хвалит за оперативность, так, Муза Карповна?

– Думаю, что протыкать тебе дырочки на погонах, млад-
ший лейтенант, – сказала в ответ Муза Карповна, – Ты опе-
редил моих следаков. на целую жизнь.

– На шесть жизней, – поправила её Сорокина.

– Да-да, на целых шесть. Столько жизней оказалось в кон-
тейнере под землёй. Только, как ты определил, что местом
расправы будет свалка? Поделись секретом.

– Отсюда очень сильно «фонило», – смутившись сказал
Юра.

– А зверь ваш целый? – спросила вдруг Муза Карповна.

– Его капитан Канивец с милиционерами охраняет, – сказал Юра.

– Давайте его посмотрим при солнечном свете.

Немного погодя все вместе пошли смотреть диковинного зверя. Ребята старались забежать вперёд, но их останавливала Сорокина. Позолотин и Пал Палыч шли позади. Замыкал вереницу Лёня. Ему больно было наступать на ногу, он шёл с трудом, опираясь на черенок лопаты.

.....

Над лесом вставало солнце. Его первые лучики, опускались на макушки берёз, и каждый листочек от их прикосновения загорался особым, утренним светом и, казалось, что листочки на самой вершине дерева, приняв в свои зелёные ладошки новорождённые лучики, бережно передают их из рук в руки на нижние ветви. На земле тихо и спокойно рождался новый день.

– Не украли? – спросила Муза Карповна, стоявшего около кустов сержанта.

– Обошлось без происшествий, – отчеканил милиционер, – ночью правда ничего не видно, но никаких шевелений и грызни не было, – и посторонился, уступая дорогу.

– Мы перед наукой за него отвечаем, сержант, – сказала Муза Карповна и раздвинула кусты.

– А где же труп зверя? – спросила она недоумённо.

– Сержант заглянул за кусты и опешил – тела зверя на полянке не было. Взрослые и дети бросились искать зверя по

кустам, один профессор оставался стоять на том месте, где лежало животное. Вот он нагнулся, что-то поднял с земли и стал рассматривать.

– Как же это так, – недоумевал Юра, вылезая из кустов, – ведь здесь же лежал, не под землю же он провалился? Таковую тушу, чтоб не оставить следов, не унесёшь.

– Всё в порядке, ... не волнуйтесь, ... он здесь, – сказал, улыбаясь, Позолотин и кивнул на найденный им в траве предмет. На его ладони лежала, переливаясь в лучах, золотистая керамическая игрушка. Да, это была точная копия того огромного лохматого клыкастого зверя, который только недавно лежал на этой поляне.

– Вы шутите, профессор, – сказала майор Городец.

– Он не шутит, – заметил Пал Палыч.

Позолотин смотрел на игрушку и, тоже не знал верить ли ему своим глазам. На его ладони лежала легенда, игрушка, которую будто сделали только вчера. И ни одной царапинки, лишь ровное маленькое отверстие между глазом и ухом едва выделялось на лохматой керамической голове и, казалось, было проделано специально для того, чтобы за него подвешивать игрушку на новогоднюю ёлку.

– Это, что, ценная вещь? – спросила недоумённо Мария Васильевна.

– Ей цены нет, – сказал Позолотин, – она бесценная. – Лицо его светилось счастьем и не было в целом свете более жизнерадостного лица, чем лицо старого профессора.

– Вот так случайность. Можно сказать, повезло, – засмеялся капитан Канивец. Он был рад, что зверь, которого ему с милиционерами поручили охранять, оказывается совсем и не пропал.

– Вы верите в случайности? – спросил Позолотин, – и, не ожидая ответа, продолжил. – Случайностей, уважаемый, на свете не бывает, есть неразгаданная или непознанная закономерность.

– Это як понимать? Что и кырпыч на голову с крыши тоже? – удивился капитан.

– И кирпич, милейший, тоже. – Отчеканил Позолотин.

– Нэпонятно как-то... – капитан Канивец в сомнении покачал головой.

– Всё имеет своё объяснение. – Продолжил профессор. – Только объяснить всё происходящее человек не в силах, вот и называет все удивительные совпадения случайностями. Десятки машин проехали мимо голосующих на обочине мальчишек, – проговорил он, – и не остановились, а вы... – Вениамин Павлович не договорил... запнулся.

– Не случайно и вы, профессор, единственный, кто мог оценить эту находку, оказались тоже здесь, – добавил Лёня.

– Да, учитывая превратности судьбы, над этим тоже стоит задуматься, – добавил Пал Палыч.

– А чего это у него во рту? – спросил Юра, – разглядывая найденную фигурку.

– Да, во рту у него определённо что-то есть, – сказал про-

фессор и знаком подозвал к себе учителя. – Посмотрите ка, Пал Палыч, не ваше ли изделие держит в зубах зверь?

– Я очки обронил, – ответил учитель, – пусть кто-нибудь из ребят посмотрит.

– Так это игрушка Пал Палыча! – сказал с удивлением Антон. – Это конёк! Он так и не выпустил его из зубов.

– И конёк, тоже, как и он уменьшился в размерах и стал единым целым со зверем, – добавил профессор.

В это время к Вениамину Павловичу подошёл Лёня и, смущаясь, сказал:

– Игрушка, что была на Большой Горной, и оттуда попала на свалку, сейчас здесь, на свалке.

– Откуда вы знаете, сударь? – спросил профессор.

– Я это чувствую, она где-то в овраге, оттуда сильно фонит. Раньше я на свалке этого не чувствовал, а как подержал в руках вот это, – и он кивнул на находку профессора, – то и здесь ощущение появилось.

– Что это за ощущение? – спросил Позолотин.

– Дело здесь не в игрушке, – начал Леонид, – а в «барометре».

Ребята не поняли, о каком барометре говорит Лёня, и выжидательно, с интересом на него уставились. Заинтересованно посмотрел на Пегасова и Юра. Он слушал ребят, стараясь не вмешиваться в их разговор. Зачем мешать, так больше узнаешь.

– Да не смотрите вы на меня так... – сказал дружески Лё-

ня,— я же не о приборе каком говорю, а о способности своего организма определять, где есть антиквариат, а где его нет. Мы и в этот старый дом под черепичной крышей благодаря этому попали, фонило от него очень.

— Как фонило?.. — удивился Костя.

— Не знаю как, только там где антиквариат лежит, я чувствую, мне надо только на это настроиться...

— Оказывается, это вот о каком запахе ты сказал Мухаеву, когда вы нашли в лесу коробку с игрушками, — сказал удивлённо Антон. — А я подумал, что от коробка действительно чем-то пахло.

— Да и я тоже так же подумал, — сказал Пал Палыч.

— Ребята, давайте обследуем свалку, — предложил профессор, — давайте в цепь, Костя, что ты там рассматриваешь?

— А это не опасно? — спросила Сорокина.

— Опаснее того, что было, уже быть не может, — ответила Муза Карповна. — Давай, Мария Васильевна, не будем мешать молодёжи, мы своё дело сделали, а они пусть своё делают.

— Я следы большие нашёл. — Закричал Костя.

Все подошли к мальчику. Около его ног на сырой земле зияли большие вмятины. Это были отпечатки лап гигантского зверя.

— Можно сказать — монстр, — заметил Позолотин.

— Этот отпечаток не закроешь ладонью. Он гораздо больше лапы любой собаки, волка и даже тигра, прямо медвежий,

только медведи в наших местах не водятся, – заметил Юра.

– Интересно, – след оставлен рано утром, потому как ночью накрапывал дождь, – сказал учитель. – Убитый зверь оставить след не мог.

– И что же это значит? – спросил профессора Пал Палыч.

– А то, что пришёл ещё один зверь – хранитель... – ответил профессор. Ведь по легенде отшельник слепил из глины двух зверей.

– И как же теперь быть? – спросил Лёня.

– Нам ничего не остаётся делать, как просить хранителя оставить мамушкины игрушки на хранение нам. Только знайте – просто так он их не отдаст, – сказал Вениамин Павлович.

– А разве они у него? – У Антона от удивления вытянулось лицо.

– А ты, мил человек, думаешь он зря сюда пришёл? Если хранитель здесь, то и игрушка должна быть где-то совсем рядом; Лёня прав, игрушка на свалке, чувство его не подводит.

– А мы не рискуем? – спросила опять Сорокина Пал Палыча. – Ведь всё-таки здесь дети.

– Это даже очень хорошо, что дети, – заметил профессор. – Без присутствия детей, думаю, хранитель ни за что не отдаст игрушку ни мне, ни вам. Ведь она, прежде всего, лепилась для них. Главная задача хранителя – передать игрушку людям в надёжные руки. Подтверждением тому, вот эти отпечатки лап.

– А вы, милейший, – обратился профессор к Лёне, – не могли бы, поточнее сказать, где она находится?

– Нет, я только чувствую, что она где-то на свалке, вроде как в овраге, куда сталкивают мусор; больше сказать ничего не могу.

– На дне оврага плита железобетонная лежит, может быть под ней? – сказал профессор. – Когда я проводил изыскательские работы, то всегда на ней раскладывал найденные предметы. Там я был всегда в полной безопасности от Симы.

– А где лежала плита? – спросил капитан Канивец.

– На сажень левее старой бочки, меня Семён Ваганович всегда с плиты при помощи верёвки снимал, как с льдины.

– Тэперь её там нэма, она лэжит гораздо ниже, – заметил Канивец. – Я утром спускался в овраг, потому, шо там ночью что-то скреблось и ширкалось, в общэм шум оттуда исходыл. Бачу – плита лэжить гораздо дальше, чем вы сказали, а я спускался, в аккурат, рядом с бочкой.

– Правильно, – сказал Пал Палыч, – проникнувшись духом таинственного, – хранитель званий не различает. Вряд ли ему известны были ваши намерения, капитан, и потом, весь этот вечерний шум не мог на него не подействовать, он осторожный, вот и решил спрятать игрушку понадёжнее.

– Для ёго вся наша толкотня, получается, походит на подготовку к возможному посягательству на охраняемый объект, – сказал капитан Канивец.

– А причём здесь плита? – спросил Антон.

– Когда кран поднимал контейнер, плита лежала совсिम рядом, – пояснил Канивец. – Мы это знаем, видели. Её никто не трогал. Бьюсь об заклад, что на арматуре плиты мы обязательно увидим отпечатки его клыков, – и первым стал спускаться под обрыв к водотёку. За ним последовали и дети.

– Без меня никак нельзя, – засуетился Вениамин Павлович, – это опасно. Я исследовал древние манускрипты и знаю, что в этих случаях надо делать...

– Вениамин Павлович, – сказал учитель, – с вашим здоровьем таких подвигов совершать нельзя.

– А я не вражескую пулемётную точку лезу собственным телом закрывать, – обиделся профессор, – а делаю то, что и должен делать согласно своей информированности в этой области, и не спорьте со мной, а лучше обяжите меня верёвкой и спустите вниз.

Профессора обяжали верёвкой и спустили в овраг.

– Есть, – сказал Лёня, – вот она. – Все стали смотреть туда, куда указывал пальцем Лёня.

– Плита, – воскликнул радостно младший лейтенант Митин, он тоже спустился на дно оврага.

Торчавшая из железобетонной плиты почти в три пальца толщиной стальная арматурина, была на треть перекушена, а на других частях плиты виднелись солидные раздробленности.

– Экая силища. Он тащил эту плиту, зажав клыками арматурина, почти двадцать метров, – сказал Пал Палыч, – за-

чем? Считаю – нам надо проявить осторожность и отойти от этого места.

– Думаю, что игрушки под плитой, – сказал профессор, – не зря же он её перетащил. Только просто так, повторяю, зверь игрушку не отдаст.

– Надо приготовить оружие! – сказал капитан Канивец и, вытащив пистолет, встал, всматриваться во вздыбленный по краю оврага мусор, думая, что зверь притаился где-то там.

– Полноте, капитан, – сказал профессор. – В кого вы собрались стрелять? В лучшем случае это будет мираж. В худшем – вы его не увидите совсем.

– Что же делать? – спросил Пал Палыч.

– Силой тут ничего не сделаешь. Тысячу, а то и две тысячи лет тому назад люди это хорошо понимали и знали, как поступать в таких случаях.

– Так, как же? – спросил капитан.

– Думаю, нам надо уговорить зверя, чтобы он передал игрушки на хранение нам.

– А это возможно? – спросил Костя.

– Попробуем... Наверняка ему отшельником поручено хранить игрушку до прихода хозяина. Он отдаст игрушку только хозяину.

– Кто же этот хозяин? Спросил Антон с интересом.

– А ты и есть самый настоящий хозяин, – ответил профессор.

– Как – я... – опешил Антон.

– Ты среди всех нас самый младший... , потому и хозяин. Антон немного испугался и отступил за брата.

– Я пойду, загляну под плиту, раз Тоша трусит, – сказал Лёня, и уже было направился в овраг, но профессор схватил его за руку. – Не спеши. И вдруг, сложив руки рупором, прокричал хриплым старческим голосом:

«Хранитель! К тебе обращается профессор Позолотин. Ты слышишь меня?»

«Слышишь меня,... слышишь меня,... слышишь меня...» – отозвалось эхо.

– Да, я слышу вас, Вениамин Павлович! – раздался могучий, точно рокот морского прибоя, голос. – Я разговариваю с вами только потому, что знаю вас. Не обижайтесь,... я уважаю ваши седины, но игрушку вам отдать не могу, – я должен выполнить свой долг перед отшельником.

«Отшельником,... отшельником,... отшельником...» – раздалось по оврагу.

– Откуда голос? – спросил капитан Канивец, озираясь. – Слышится нечто гудящее, как бы со всех сторон...

– Ты веришь, хранитель, что я, профессор Позолотин, не сделаю ничего плохого изделиям мамушки? – опять прокричал профессор.

– Да, я верю тебе, профессор... – послышалось в ответ.

– А чтобы тебе не сомневаться в наших намерениях! – крикнул профессор, – давай объединим наши усилия по сохранению мамушкиного наследия! Давай передадим игруш-

ки детям! Они предназначались им!

– Мне надо подумать.

– Мы подождём.

– Вы правы, – сказал минуты через три зверь. – Я с удовольствием отдам игрушки детям.

– Вот и договорились, идите к нам! – обрадовался профессор.

– Я не могу вам показаться. Дело в том, что я сделан отшельником много страшнее своего брата и вы, увидев меня, можете сойти с ума. После слома дома, изразец с моим изображением был вывезен на свалку и мне пришлось его по ночам искать, чтобы не нанести своим видом людям умственного ущерба. Я долго искал его и потому вы наткнулись на отпечатки моих лап. Я нашёл его. В нём заключена моя сила.

– Он у вас?

– Нет. Пока я искал мамушкины игрушки его у меня кто-то украл и мне его надо опять искать.

– Кто бы это мог быть? – спросил профессор.

– Кто бы он не был – ему уже не позавидуешь, – сказал хранитель. – Его алчность, желание, во что бы то ни стало разбогатеть – есть неизлечимая болезнь. Он заслужил сурового наказания и это наказание найдёт его... Игрушки вы увидите в нише под плитой. Я ухажу, отвернитесь, чтоб не видеть мою тень, чтоб даже от моей тени мозг ваш не пострадал.

– Отвернитесь, ... смотрите в сторону контейнера... – ско-

мандовал капитан.

Взрослые и дети разом отвернулись, а когда повернулись снова, то увидели в овраге на плите радостно прыгающего белого пуделя. Он тявкал, приседал и был очень и очень радостен. Видно, он самый первый вылез из укрытия. Пудель лизал подбежавшим ребятам лица и всем видом показывал, что под плитой есть кто-то ещё.

– Вы, профессор, оставайтесь, а мы с ребятами посмотрим, – сказал Пал Палыч, тут легко куда-нибудь провалиться.

– Хорошо, хорошо, – сказал Позолотин, – я только на краешек плиты сяду, устал. – Он подошёл к плите, сел на неё и стал вытирать пот со лба.

Сюда, левее, – говорил Костя, обходя плиту.

– Здесь пещера, – звонко сказал Лёня и, посторонившись, пропустил вперёд Антона. – Иди, ... иди, Тош, ... ты ведь у нас самый младший...

Пещера под плитой действительно была небольшая, этак, метра два длины.

– Антоша, посмотри, что там? – попросил Пал Палыч.

– Что-то страшновато, – признался Антон.

– Смелее, Антон, смелее, – подбодрил учитель, – чего бояться, когда тебе сам хранитель разрешил.

Антон встал на четвереньки и полез под плиту. Каково же было его удивление, когда в самом конце пещеры он увидел сбившиеся в кучу глиняные игрушки. Они пялили на Анто-

на глаза и молчали. Впереди всех стоял Заступник с дубиной, за ним Свистопляс, он обнажил свой трезубец и готов был сражаться до конца. На Свистоплясе сидел Гуделка, за ними стояли другие игрушки. Сзади всех находились Катерина с мукомолом. Они держались за руки и, казалось, что уже никакая на свете сила не могла расцепить их пальцев.

– Как вы здесь оказались? – спросил Антон Гуделку и Свистопляса.

– Нас вытащил из автомашины доцента зверь, когда мы в неё забрались и сигналили, – сказал Гуделка.

– К сожалению, мы больше ничего не могли придумать, чтобы вас спасти, – сказал Свистопляс, – простите нас. Весь наш расчёт строился на том, что кто-то услышит сигнал автомобиля и придёт на помощь.

– Вы отчаянные, смелые ребята, – сказал Антон, – спасибо вам – и стал вытаскивать игрушки из пещеры.

– Да их тут целая коллекция, – сказал изумлённо Пал Палыч. – Вы чего так на нас смотрите? – спросил он глиняшек. – Мы вам не враги и даже совсем наоборот.

Сбоку на плиту прошмыгнул пудель, он как бы успокаивающе, лизнул каждую игрушку и приветственно залаял. И столько в этом лае было восторга, столько любви и радости, такой радости, которой не испытывает человек. Радость пуделя была совершенной собачьей радостью.

– Я их где-то уже видел? – подумал Вениамин Павлович, взглядываясь в игрушки. – Точно, видел! Значит это был не

сон,... высокий лопух,... жара,... крики Симы,... прохлада намоченного водой полотенца на лбу, а по груди ходит вот этот воинственный дядя с мечом. – Тебя зовут Заступник? – спросил Вениамин Павлович.

Заступник молчал, но профессор заметил еле заметный кивок. – А ты – Дуня? Дуня-тонкопряха? И снова увидел едва заметный кивок Дуниной головки.

– Это были они. Мать и отец, конечно, привержились профессору в бреду, а игрушки нет. Только тогда они двигались, говорили, переживали и рассуждали, а теперь нет. Это оттого, что вокруг много народа, и они не должны выказывать всех своих умений, потому как эти умения могут быть открыты только детям.

– Жаль, что сгорела моя рукопись, – сказал профессор. Вот из неё недостающая глава, – и он показал на игрушки. – Но эта недостающая глава, глядящая на нас десятком пар немигающих глазок, гораздо важнее всей моей книги. Что, в конце концов, дороже – исписанная бумага при живом авторе или то, о чём в ней было написано, думаю, что последнее гораздо важнее.

Когда вылезли из оврага, то увидели у вагончика скорую помощь. Муза Карповна и Мария Васильевна были неумолимы. Они всех посадили в машину скорой помощи и отправили в больницу, разумеется, кроме Юры. Не было с ними только Мухаева. Его искали целый день, но безрезультатно.

татно. А через неделю в местной газете появилась заметка. В ней говорилось, что в психиатрическую больницу был доставлен мальчик, по возрасту восьмиклассник. Его нашли в лесу недалеко от свалки. Он не знал, как его зовут, откуда он родом и рассуждением был похож на трёхлетнего ребёнка. Когда его нашли, то он прижимал к себе какую-то керамическую пластину типа изразца. Изразец был сильно побит. По оставшимся следам от отбившейся лепнины было件нятно, что на изразце было изображено какое-то животное. Далее в газете сообщалось, что мальчика осматривал светила психиатрии профессор Богословский. Он сказал, что от большого внутреннего напряжения, возможно, от испуга, биологическая защитная система ребёнка дала сбой, отбросив его в развитии назад лет на десять. Он так же заверил родителей, что при надлежащем уходе всё восстановится, только в школу ему придётся снова идти в первый класс, потому как полностью восстановить приобретённые знания, особенно полученные в школе, невозможно. На вопрос «Как скоро он пойдёт в школу?» профессор от ответа уклонился.

Глава 61. У мамушки

Никита и Крокыч пролежали в больнице всех дольше. Первым выписали Пал Палыча с Лёней и только через два месяца Никиту и Крокыча. Как только выписка из больницы состоялась Пал Палыч, Никита, Костя, Антон и Лёня вместе с игрушками поехали на кладбище. Из них только Никита знал, где похоронена Елена Никаноровна. Они немного по-

ходили по кладбищу, пока нашли могилку мамушки. Во время поиска Никита несколько раз возвращался к воротам и начинал поиски снова.

– Всё из головы выскочило, говорил он. – Вроде здесь должна быть, а нет. Да и вообще был пустырь, а её могилка, в аккурат, с самого края...

– Ты не торопись, – говорил успокаивающе Крокыч. Он опирался на палочку и стоял на одном месте. Ему ещё трудно было ходить, но он упросил врачей выписать его пораньше.

Наконец, с третьего захода Никита радостно крикнул:

– Вот она, родимая! Была одна, а теперь, вон сколько рядом с ней поселилось.

Могилка заросла травой. Земля на ней осела и крест покосился. Ребята быстро принялись за дело. Они повыдергали сорную траву, посадили заранее купленную цветочную рассаду, Никита лопатой opravил могилку и выровнял крест. Пал Палыч вытащил из сумки что-то завёрнутое в бумагу, а когда развернул и приладил изделие к кресту, все ахнули: на керамической табличке, что привернул Пал Палыч было написано: «Здесь покоится игрушечница Елена Никаноровна». Катерина, Дуня, Смуглянка и Белянка насобирали полевых цветов и украсили ими холмик. В кругу самых близких друзей игрушки опять говорили и были настоящими живыми игрушками, как их и создала великая мастерица. На сделанной Никитой новой скамеечке сидел Василий и, склонившись над гармошкой, выводил необыкновенную мелодию, в

которой была то бесконечная грусть, то эта грусть сменялась необыкновенной радостью, то вдруг музыка становилась задумчивой, и каждый из присутствующих в ней находил своё, отвечающее его думам, настроению и сердечному восприятию. Все стояли полукругом около могилки, и когда наступило время уходить, вдруг Глиня и Свистопляс разом шагнули за импровизированную оградку и встали около креста.

– Вы это чего? – спросил их Василий.

– Наше место теперь здесь, – ответил Гуделка. – Детство закончилось.

– Так мы решили, – сказал Свистопляс, – мамушка похоронена так, что мимо её могилки идёт много народа, люди будут на нас смотреть и улыбаться, у них будет легче на душе из-за потери близких.

– Прошло то время, когда мы с Свистоплясом хотели переделать мир при помощи экспроприации, – сказал Гуделка. – Теперь мы знаем, что наши действия были неправильные и рождали они в душах озлобление. Сейчас мы решили идти другим путём – будем пробуждать в людях совесть и сочувствие, а вместе это называется любовью. Они будут смотреть на нас, а мы будем их успокаивать, возвращать, хоть на какое-то время, в детство. Люди вернутся памятью в прошлое, вспомнят себя хорошими и добрыми и им захочется стать такими же, какими они были прежде, души их оттаят и они снова будут любимыми.

– Такая наша теперешняя миссия, подтвердил кентавр. –

Пусть люди даже в этом скорбном для них месте, где похоронены их близкие, помнят, что любовь сильнее всех на свете, она сильнее смерти, и наше здесь присутствие укрепит их дух.

– А, что, – сказал Пал Палыч, – задача игрушки в веках была не только развлекать и поучать детей, но и очищать души взрослых от всякой скверны; думаю, что наши друзья выбрали тяжёлый и благородный труд – труд служения.

– Я бы так не смогла, – сказала Катерина и приложила платочек к глазам.

– Целыми днями стоять на кладбище, ... и даже ночью, ... страхи ... – проговорила Дуняша и прижалась ещё сильнее к Василию, – ужас какой ...

Василий обнял Дуню к себе и сказал, глядя на могильный крест:

– Я, мамуша, так люблю Дуню, что никогда её от себя не отпущу и она меня тоже любит ... – и, посмотрев пристально в глаза Дуне, спросил: – правда, Дуняш?!

Вместо ответа Дуня засмузилась и спрятала лицо за лацкан Васиного пиджака, а потом выглянула из-под него и сказала:

– Я помню твои слова, мамуша. Ты говорила: «Жди, Дуня. Как жизнь Васю обожёт, так он другой станет». Вот я и дождалась.

– Мы все прошли через испытания и все стали немного другими, – подчеркнул Заступник. – Думаю, что теперь из

нас никто не согласится ехать в чужие земли; нам надо свою землю обустраивать. – А Гриша добавил:

– Я там был, ребята, и скажу по совести: «Хорошо там, где нас нет».

Вдруг раздался шелест крыльев. Все повернулись на звук и увидели как к кладбищу, низко над землёй, почти задевая крыльями кустарники, кренясь то на один бок, то на другой летит ворона. Вот она сделала над могилками полукруг и неловко села на соседнюю с могилкой мамушки оградку. И все увидели, насколько она была безобразна. Лысый наполовину череп отливал грязной синетой и фиолетовыми заплешинами, и на этом черепе, не мигая, смотрел бельмовый белый глаз, крутой горб возвышался на её спине, кривые цепкие когти впились в оградку и ворона, балансируя на верхней перекладине, открыла широко клюв и выдохнула из себя жуткие заутробные звуки: «Кра-хе-хе!.. радуетесь,... не долго вам осталось радоваться...»

– Пошла, подлая, – проговорил Заступник и замахнулся на горбатую ворону дубиной.

– Не так, остановил его Крокыч и выступил вперёд. Катерина испуганно схватила за рукав пиджака Григория, ведь он уже один раз от неё пострадал.

– Эту дрянь ни один меч не берёт. – Сказал художник. – Против них есть только одно средство и он, сложив три перста, на расстоянии несколько раз перекрестил ворону. Та при этом, как-то скособочилась, с ненавистью посмотрела на Се-

мёна Вагановича, завалилась на бок и упала с оградки на землю, затем вскочила на ноги и ещё сильнее сторбясь и помогая себе крыльями, зателепалась по проходу между могилками, за ней, злобно лая, устремился пудель.

– Здорово это у вас получилось, – сказал Заступник.

– Эта дрянь только креста животворящего и боится, – ответил Крокыч, а мукомол крепко прижал к себе Катерину.

Они возвращались от мамушки и думали об одном, что вот они прошли через страшные и опасные испытания и остались живы и что они и дальше должны служить людям и истине, каждый в своём деле: ребята будут осваивать школьную грамоту и одновременно с Пал Палычем станут учиться лепить Саратовскую глиняную игрушку, а профессор будет читать лекции студентам. Пока профессор лежал в больнице ему и художнику выделили временное жильё. После выписки из больницы Вениамина Павловича снова стал работать на своей родной кафедре.

С кладбища они уходили немного расстроенными, жаль было оставлять Гуделку и Свистопляса, но что поделаешь, это их выбор, они мужественные и смелые ребята, а остальным игрушкам думать надо было о своём новом жизненном устройстве, тем более, что мамушкиного, то есть, их дома с черепичной крышей, больше не существовало.

– А у нас с Дуняшей скоро свадьба, – сказал Василий, – мы приглашаем вас всех.

– И мы тоже вас приглашаем, но на свою, – добавила Катерина и благодарно посмотрела на мукомола.

– Только вот где её играть, мы не знаем, – добавила Дуня.

– У меня есть идея, – сказал до этого молчавший Лёня, – давайте устроим в нашей студии в «Спутнике» уголок игрушки, но не так, как в музее, а чтобы дети приходили и могли играть, сколько им захочется, там и свадьбы сыграем.

– Я – за, – поддержал его Костя и толкнул локтем брата.

– Хорошая идея, – похвалил Лёню Антон и украдкой посмотрел на Пал Палыча.

– За нами дело не станет, только без согласия глиняшек нельзя, – сказал Пал Палыч.

– Мы согласны, ... мы согласны, – наперебой сказали игрушки.

– Это выход из положения, – обрадовано проговорил Василий.

– А ты чего молчишь, – спросил Антон Заступника.

– Моё дело святое, я должен отечество от супостатов оберегать, – сказал Заступник.

– И учить детей быть сильными, смелыми, любить свою Родину, – добавила Катерина, – потому, тоже с нами...

– Куда же я от вас, – проговорил весело Заступник и глаза его радостно блеснули из-под больших кустистых бровей.

– Мы будем заботиться о тебе, – сказал Костя.

– Народ, который не заботится о своих защитниках, о своей армии, вынужден потом кормить чужую армию, – блеснул

познаниями Лёня. Конечно, он же почти отличник и много чего знает. Эти слова особенно подбодрили Заступника, и он сказал Лёне:

– Ты, Леонид, учись, тебе ведь этнография по душе. – Лёня кивнул. – Я много чего помню из истории края, обязательно расскажу. А потом мы сходим к Свистоплясу, и он тебе такое расскажет о жизни и быте древних славян, что и не снилось никому. Он ведь реальный представитель того мира.

И вдруг они разом остановились, до них донеслись гудящие звуки. Сначала отдельные, потом они слились в одну неповторимую мелодию.

– Это – Гуделка, – сказала радостно Дуня, – вы слышите!?! – это Гуделка прощальную насвистывает!

– Не насвистывает, а нагудывает, – поправил её Пустолай.

– Такого слова "нагудывает" нет, – заметил Мурлотик.

– Давайте хоть здесь не спорить, – проговорили в один голос овечка Смуглянка и козочка Белянка.

– Хорошо играет, шельма, – сказал Никита и смахнул с глаз слезу. Причём слово "шельма" он произнёс так вдохновенно, что в его устах оно стало высшей похвалой, в общем, так, как и всегда.

– А вы что будете делать, – спросил Никиту Пал Палыч.

– Буду хлопотать о музее и о ночлежке, – ответил дворник, – не знаю как кому, а мне стыдно жить в обществе, где у одних хоромы, а другим негде голову преклонить, даже у пичужки есть гнездо... – и вдруг весело сказал: – А пойдём-

те ко мне, в мою комнатку, вспомянем мамушку, я ведь там схоронил в сарае мамушкины приспособления, возьмёте их в клуб, а?

– А у меня есть оттуда крупорушка, – добавил Лёня.

И все вместе они направились в комнату к Никите.

Не успели они пройти и сотни метров, как сзади раздался прозвучал автомобильный клаксон. Автомашине уступили место, сойдя на обочину, но та и не думала их обгонять. Все повернулись – на дороге позади них стоял милицейский Уазик. В боковое окно смотрел Ваню. Он улыбался.

– Я ще знал, шо вы на кладбище поехали, а найти не могу. Дывлюсь, дывлюсь, туды-сюды, а вас нэма, – проговорил, высунувшись из автомобиля, капитан Канивец. – Сидайте, трошки подвезём.

– Так нас много... – сказал Пал Палыч.

– Садитесь, садитесь, – проговорил лейтенант Митин, – без меня как раз уместитесь.

– А как же вы? – спросил Пал Палыч.

– Я доберусь... У меня здесь дела.

Капитан Канивец стал рассаживать друзей. Пал Палыч, Крокыч и профессор сели на заднее сиденье, а ребята с пуделем разместились на приставных.

– Все уселись? – спросил капитан? – Тогда поехали.

Только поехать сразу не пришлось. Ваню выглянул в окно, открыл дверцу, вылез и стал, глядя на переднее колесо, чесать затылок.

– Шо? Опять? – проговорил с тревогой в голосе капитан Канивец. – Шо затылок скрябаешь?

– Опять... – сказал сержант, пожал плечами и, достав из-под сиденья ключи, стал отвинчивать запасное колесо.

– Трошки подождите, неувязочка вышла, – проговорил Канивец и вылез из кабины: «Ну шо ты на это колесо ды-вышься, як на красну дэвчыну? – слышался его голос, – ставь, давай, люды ждуть».

– Так домкрата нет, товарищ капитан.

– Я тэби скоро со своей зарплаты куплю этот несчастный домкрат, – проговорил сердито Канивец и, обращаясь к пассажирам, договорил с улыбкой. – Небольшая замыночка, сейчас поидым, – и, взявшись за передний бампер, проговорил: – ставь, давай, растяпа.

– Подождите, мы выйдем из машины, – сказал Пал Палыч, первым догадавшись, что проколото колесо и капитан решил приподнять передний мост.

– Та куда вы выйдэтэ, сидыте, потом опять рассаживать-ся, только врэмя терять, – проговорил капитан. – Мне не тяжело.

– Нет-нет, мы всё-таки выйдем, – запротестовал Пал Палыч. – Так нельзя.

Через минуту все вышли из машины и собрались на одной стороне дороги, ожидая, когда водитель с капитаном заменят колесо.

В природе было всё тихо и ясно. Проворный, ласковый, словно игручий котёнок, тёплый ветерок набегал из овражка, шевелил зелёную травку, взбирался на высокие сухие прошлогодние бустылы, и, обхватив розовыми подушечками лапок коричневые метёлки бустылов, раскачивался и от восторга попискивал.

– Посмотрите, как красиво! – сказал, стараясь перебороть внутреннее волнение, Лёня. – Все посмотрели на Пегасова, а затем в ту сторону, куда он показывал: с крутого и высокого правого берега, на реку и на Заволжье открывался удивительнейший вид. Бесконечная в своём разливе река, бесконечная заволжская даль и бесконечно-высокое голубое небо пьянили и ласкали взор. Могучая красота. Неизъяснимы её выражения. Неисчислимо её богатство. Озирая чудо, так и просятся из души сильные и красивые выражения. Да и как всё это выразишь?! Да, и с чем всё это сравнишь?! Нельзя выразить... Не с чем сравнить... Только глубокий вздох и приятное ноющее ощущение в сердце, опустошённого муками созерцания, возвещает о божественности увиденного. Великая река! Неотмирная красота! Царственен её ток при необозримой ширине, что даже само небо, при всей своей необъятности, утонуло в её глубинах, и нет её величию и просторам конца и края, и нет такой реки и такого моря, чтобы могли с ней сравниться. «Э-ге-ге-э-э-э!-!-!...», – крикнет очарованный странник, глядя в бескрайние дали и, улыбаясь, присядет на пригорок, потому как, не тотчас отзовется

эхом его голос, ибо не скоро достигнет звук другого берега и, отразившись, вернётся назад. И только, изрядно придремав на солнцепёке, услышит странник ответное: «Э-ге-ге-э-э-э!-!-!...». Но, и это не всё. Ещё больше удивится он, когда, много позже, второе «Э-ге-ге-э-э-э!-!-!...». низринется на него из лазурной дали. «Как!?!», «Откуда!?!» спросит себя, озадаченный услышанным, человек, и не найдёт ответа; и невдомёк ему, что долетел звук степными просторами Заволжья до седых уральских хребтов, взбудоражив своим появлением державные отроги гор, отразился и возвратился назад. «Э-ГЕ-ГЕ-Э-э-э!-!-!...», радостно возвестил он о себе, после чего, взмахнув серебристыми крылами, взлетел к облакам; да что там к облакам – к самому солнцу, оглашая весь звёздный мир об увиденном на земле чуде – прекрасной и непостижимой стране с названием – Россия!.. Услышав сильно запоздалое эхо, почешет странник затылок, окинет взором берег и реку и ужаснётся, да и есть чему ужасаться: собери со всего света и от всех народов самых талантливых музыкантов – и у них не достанет нот, чтобы выразить звуками эту непостижимую красоту; собери всех талантливейших художников земли – и они не смогут отразить всего увиденного в красках, потому как не достанет у них на палитре необходимых тонов; и, собравшись, лучшие певцы мира не смогут воспеть красоту этой земли, потому как оборвутся в высочайшем напряжении голоса, так и не взяв нужной высоты и не явив нужного тембра..., потому как велик про-

стор, велика страна и велик живущий в ней народ...

К Грише подошла Катерина и взяла за руку. В ответ мукомол крепко сжал её пальцы, на его глазах выступили слёзы. Сколько лет, изнемогая в каторжных норах, он мечтал прийти вот так на берег родной реки и сказать тихо и просто: «Здравствуй, мамушка, ... я вернулся», ибо только он один из всех присутствующих знал, что такое чужбина и знал настоящую цену Родине.

– Пал Палыч! Может вы нам что-то скажете? – попросил Антоша.

– Давайте лучше помолчим, – предложил Костя. – Красивее того, что мы видим, всё равно словами не скажешь, а хуже говорить, я думаю, не стоит. – Все с ним согласились и стали смотреть на реку.

– Белый теплоход, – удивлённо и тихо сказала Дуня. – Белый-белый на синей воде. – Она с умилением взглядывала, то на теплоход, то на лица друзей, как бы говоря: «Вы, что, ... разве не видите!? Вот же он; плывёт; белый-белый.» – Его и мамушка видит, только душой, правда? – Дуне очень-очень хотелось, чтобы пароход видела обязательно и мамушка, а не только они. Никто из присутствующих этому не возразил, потому что сказка у каждого в душе обязательно должна быть досказана до конца, ибо не может душа существовать без сказки, как бы не звучали в жизни, иной раз, совсем не сказочные мотивы.

Через десять минут повреждённое колесо было заменено.

Взрослые и дети стали вновь занимать свои места. Капитан сел на переднее сиденье. Он и на этот раз отлично исполнил обязанности домкрата, сержант стал укладывать под своё сиденье инструмент, но баллонный ключ почему-то не лез.

– Дай сюды, – проговорил капитан. Он взял ключ из рук водителя и стал его заталкивать под своё сиденье. И вдруг глаза капитана неимоверно округлились.

– А это шо такэ? – проговорил он вытаскивая из под сиденья домкрат. Глаза его округлились. – Это шо такэ?! Я тобэ, Вано, спрашиваю...

– Дом-кра-т, –... проговорил испуганно и немного заикаясь, водитель.

– Ты это шо же, мудрушки со мной решил мудроваты?!

– Так его же доставать надо, при-спо-саб-ливать, – дрожащим голосом проговорил Вано, видимо от испуга не совсем понимая, что в данную минуту ему безопаснее было помолчать, уповая на провиденье, а не вот так. – Вы же сами говорили, что быстро надо, а быстрее вас, Фёдор Иваныч, ничего нет и быть не может по определению.

– Благодарю бога, Вано, что у нас пассажиры, – проговорил капитан. Он ещё что-то хотел сказать, но не успел, сзади раздался дружный хохот. Смеялись все, но заливистее всех смеялся Никита. Он буквально лёг на спинку переднего сиденья и не мог остановиться. Засмеялся и капитан Канивец. Он смеялся и приговаривал:

– Вот пацанва пошла... А! Мэнэ – капитана Каневца, как

малое дитя... – и он нарочно замахнулся на Ваню, как бы желая дать ему подзатыльник. – Так бы и трэснул по макушке. Дождэшься у мэнэ. Один пацан уже дождався. Где он тэпэрь? Во, правильно – ручки крал-крал – тэпэрь, на верёвочке сыдыт, и ты достукаешься.

– На этой что ли? – спросил Ваня и достал из-под сиденья огрызок верёвочки, на которую капитан, изловив рыжую собачонку, привязал её к своему стулу.

Капитан взял огрызок верёвки и, показывая его сидящим сзади, сказал весело:

– Вот пацанва четвероногая, вот пацанва,... все самописки перетаскала... Ужо я до вас добэрусь до обоих... – Машина тронулась.

Юра посмотрел вслед «Уазику», вернулся к кладбищу и сел на небольшую кладбищенскую скамейку. Перед ним раскинулась Волга, рядом росли деревья. «Хорошее место», подумал Юра, затем перевёл взгляд на крест, увидел у креста стоящие игрушки, а на кресте прочитал надпись: «Здесь покоится игрушечница Елена Никаноровна». Юра улыбнулся и подумал: «Жаль, что фотографии нет», а, впрочем, стоять вот так игрушкам под дождём и снегом не дело, надо обязательно сделать стеклянный пенал для игрушек и большую скамейку, потому как многие захотят посидеть у этой могилки, посмотреть на игрушки и вспомнить пережитое, а такие воспоминания не бывают короткими. Только где взять на это

обустройство денег? И тут Юру осенило:

– Это идея, – сказал он, – и похвалил себя за смекалку, – пойду-ка я к начальнику автобазы, что находится на ВСО, к Хурунжему. Думаю, согласится помочь, деньги ведь не великие, а причина есть, его ж машины вывезли игрушку на свалку, – и он, покинув кладбище, весело зашагал на автобусную остановку.

Только Юра ушёл, как к могилке подошёл высокий мужчина в клетчатом пиджаке и сел на ту самую скамейку, на которой сидел Юра. Это был Батист. Глиня и Свистопляс, увидев его, переглянулись и крепко взяли друг друга за руки.

– Вот где я вас находить, – проговорил француз. – Что опешали?

Конечно, Глиня и Свистопляс очень испугались, но продолжали стоять, стараясь не подать вида, что им страшно.

– Нет, – сказал Глиня, – мы вас не боимся.

– Не боимся, – В тон другу проговорил Свистопляс.

– Это вы молодец, что не боитесь. Потому и не боятся, потому что не знаете, кто я?

– Почему же не знаем? Знаем. – Твёрдо произнёс Глиня. – Наслышаны... Нам о вас Василий-гармонист рассказал. Вы предприниматель из Франции, ищите старинную саратовскую игрушку. Не так ли? Вы в этом преуспели. С чем вас и поздравляем. Мы и есть старинная саратовская глиняная игрушка. Теперь, как мы понимаем, вы нас засунете в карман или положите в портфель?

– Ни то и не другой. – Проговорил Батист дружелюбно. – Вы не знай настоящий французский интеллигент. Вот он перед вами. Я совершенно не кусаться и не класть никого в карман. Я не хотел сюда ходить, но мне надо было проверить гипотеза. Меня покорять ваш героизм. Меня стёреть в пыль ваша жертвенность. Жертвенность не бывает без любовь. Это очень корошо. Жертвенность ради ближних обезоруживать и брать в плен. Я ваш пленник, господа. Если в России такой игрушка, то тогда, какая же в ней народ?! – закончил говорить Батист. Он был очень взволнован. Руки у француза подрагивали, а стеклянный глаз было не отличить от настоящего. Оба глаза были ярко голубыми.

– Значит, вы нас не тронете?! – удивлённо и обрадованно спросил Свистопляс.

– Нет, я не трогать, я вас охранять. Я не говорить этому борову, Бакстеру, где вы есть? Он страшный человек.

Глиня и Свистопляс несказанно обрадовались.

Батист уходил с кладбища в приподнятом настроении. Он нашёл игрушку. Он её всё-таки нашёл. Где этот несчастный чиновник, несчастного тайного департамента? Где он!? К чёрту департамент, к чёрту эту контору, – пролетало у него в голове. Из меня хотели сделать убийцу. Нако вот, выкуси-те тайные и не тайные... – Так он дошёл до автобусной остановки и сел на скамейку. На остановке не было ни одного

человека. И вдруг Батист почувствовал себя плохо. «Воздуху. Надо больше воздуха» – подумал он и стал судорожно расстёгивать верхнюю пуговицу рубашки. Наконец пуговица оторвалась и покатилась под ноги. Только от этого не стало дышать лучше. И тут Батист понял. « Проклятый диабет, – подумал он. – Надо положить в рот кусочек сахара». Он стал рыться в кармане, с трудом извлёк кусочек сахара и хотел положить его в рот, но рука не донесла сахар до губ. Спасительный кусочек выскользнул из пальцев и упал на землю. Подать ему этот беленький кусочек было некому. На остановке не было ни души.

Но вот послышалось гудение легкового автомобиля. Автомобиль остановился напротив полулежащего на скамейке предпринимателя. В автомобиле опустилось тонированное стекло. За стеклом показалось квадратное лицо человека с тяжёлым носом и такой же тяжёлой челюстью. Человек с первого взгляда оценил обстановку. Он знал, что Батист болен диабетом. Не ускользнул от его взора и белый кусочек сахара на земле. Автомобиль постоял минуты две-три. Тонированное стекло дверки кабины поднялось, скрыв за собой совершенно спокойное лицо Бакстера, автомобиль фыркнул и покатил дальше. Батист проводил его потухающим взглядом. В той стороне, куда уехала машина, к автобусной остановке неторопясь, по обочине дороги, двигались две фигурки. Это дачники

.....

В комнатке Никиты было тесновато, но никто на это не жаловался. Попили чай, вспомнили прошедшее и собирались уже уходить, жалея о книге и картине, раздался стук в дверь.

– Не заперто, – сказал Никита.

Вошёл Валет. Он бережно положил на стол что-то завернутое в газету.

– Что это? – спросил Никита.

Вместо ответа Валет пожал плечами и ничего не сказал.

– Ну, раз ко мне принёс, значит мне и смотреть, – сказал Никита и с этими словами развернул свёрток. В свёртке оказалась чистенькая, листочек к листочку Позолотинская рукопись. Профессор взял рукопись трясущемися руками и спросил:

– Как?.. Как?.. Каким образом? – и прижал исписанные листы к груди.

Оказывается, Валет спал в день трагедии недалеко от свалки, услышав из диалога Забродина и профессора слова о рукописи и зная, где она находится, он, опередив доцента, взял её из хибарки, потому как понял, что эту улику доцент ни за что не оставит, заодно захватил и рулончик с набросками к картине Крокыча, правда, наезда автомобиля на Крокыча и Позолотина он не видел, не видел он и гибели доцента, потому как сразу покинул свалку.

Ах, как были рады Крокыч и Позолотин. Слезы выступили у них на глазах. Крокыч же радовался как ребёнок и обе-

щал немедленно начать рисовать. Оказывается, Валет взял те самые эскизы и наброски, накануне собранные Крокычем в отдельный рулон, ведь он о них знал и этот рулон видел.

– Жаль, что только книгу напечатать не на что, – сокрушался Никита, виноват я, братцы, ... – но он не успел договорить, как в комнату вошёл, держась за косяк однотрубник Илюха. Он от слабости плохо стоял на ногах, но глаза его горели каким-то таинственным искрящимся светом. По этим глазам было видно, как трудно дался ему этот приход и даже не физически. Илюха упал перед всеми на колени, достал ту самую сумку, которую, когда-то положил под голову Никита под вишней и, обнимая ноги присутствующих, говорил:

– Бейте меня!... Не жалейте... Жить, братцы, тошно!... Преступник я!... Это я сумку из под головы у Никиты вытащил. Выследил я тебя Валет. Знал, что ты деньги понесёшь, вот и выследил. Думал на эти деньги к врачам хорошим обращусь, думал выличиться. Я не просто украд, ... я честным человеком загородился... Нет мне пощады-ы!..

– Нет, ты не мерзкий, а настоящий, – сказал Никита, поднимая за плечи Илюху с пола.

– Никита... Ты знаешь... – продолжал Илюха. – Заела меня совесть. Жисть не мила.

Братцы! Что же я с собой наделал!!! Клоп я вонючий, жаба пузырчатая. Я же жить теперь не могу. Думал, всё обойдётся. А оно не обходится. В петлю меня гонит, в омут головой. Только и нашёл в себе силы к вам прийти. Повинюсь, думаю

напоследок, потому, как не жду и не ищущу прощения. Зачем мне ваше прощение, когда я сам себя простить не могу.

Я же совесть в других пробуждал, за закон стоял, можно сказать жизни добровольно лишился, а сам не устоял... И как не устоял? – гнусно и мерзко, искушение верх взяло, победило, ... раздавило, расплющило как клопа. Я же, Никита, не тебя, я бога предал.

– Дайте ему воды, – сказал Крокыч, – видите как надсидился.

Дали воды. Ковшик с водой стучал о Илюхины зубы, вода разливалась. Наконец он сделал несколько судорожных глотков и разом обмякнув, повис у Никиты на руках. Никита посадил Илюху на кровать и прислонил спиной к стене. Илюха, откинув голову, тяжело дышал. Затем дыхание его начало ровнеть, блуждающий взгляд стал терять свою неопределённость. По нему было видно, что он ещё полностью не пришёл в здоровое состояние, но уже стал понемногу себя осознавать.

– Что это с ним? – спросила испуганно Дуня. – Я прямо-таки боюсь. Может быть, ему какую-нибудь таблетку дать?

– А вот боятся, моя милая, уже никого не надо, – проговорил Никита. – Когда попранная совесть в человеке начинает за себя бороться, то человек запросто на себя может руки наложить. Хорошо он до нас сумел дойти, а то бы и не до-

шёл. Покаяние – для него была самая главная таблетка. Он её выпил; больше ему ничего не требуется.

И действительно. Немного погодя Илюха полностью пришёл в себя и был необыкновенно тих и покоен.

Велик русский человек! Велика вера, данная ему Богом! И, чтобы вместить эту веру и эту любовь, даны ему Творцом безмерная душа и безмерное сердце. Нет такого сердца ни у одного народа под луною и нет более такой космической души во вселенной, что принадлежит русскому человеку. Э-ге-гей!!! Русич!!! Тебе ли унывать?! Тебе ли горевать?! Не ты ли хранитель небесной славы, не о тебе ли заповедано небесным силам, и не ты ли костью в горле стоишь у всех мудрствующих, лукавых и ненавидящих тебя, за твоё долготерпение и правду?! Не твои ли православные храмы поддерживают куполами небеса и не тебе ли промыслительно даны великие пространства земли, чтобы, храня святое, ты ни в чём не нуждался и был милосерд. Грандиозна твоя задача, велик крест, который ты несёшь, безмерна скорбь твоих матерей и жён от потери мужей и сыновей на полях сражений и разодрался бы на части небосвод, и расселись бы горы, и высохли реки, и зарыдали камни, и не было бы больше печали под луною, аж до центра земли, если бы ты был повержен. Знает о том породившая тебя Земля, знают о том Небеса. Божий человек, Божий народ! Народ – крестonosец, народ – победитель, народ – страстотерпец. Как не любить твоё могучее дыхание и твою твёрдую поступь! Как не восхищать-

ся твоей удаляю, как не умиляться твоими песнями и сказками, а ещё более, как не удивляться твоему простодушию и твоей детской наивности, когда злоба и ненависть окружают тебя. Ком подступает к горлу, когда видишь, как со злобным оскалом вонзают в твою спину предательский нож те, кого ты спасал не жалея собственного живота. Радуйся, миротворец, радуйся, надежда мира, ликуй, счастливейший из счастливых, велика твоя награда на небесах, велик тебе почёт среди населяющих землю, но и велика твоя ответственность на этой земле. Ты духом – царственный небожитель – и не от мира сего твои стремления и надежды, твои поступки и твои желания. И, если бы не требовались небесам ангелы, и не было на то Божьей воли, то не сгиб бы на земле ни один русский человек.

– Вот и хорошо, – говорил Никита, – вот и хорошо. – Глаза его светились необыкновенной радостью. – Пропал человек и нашёлся, ... умер и ожил, ... упал и восстал, был просто знакомец, а стал родной брат, ... вот так оно происходит. Похоронил... Можно сказать – заживо закопал себя на наших глазах и в нашем присутствии, ... разве это не чудо?! И зовут его не Илюха, а Илья – богатырь земли русской. На наших глазах совершил великий подвиг, который не каждому под силу под этим небом.

А насчёт этого, – и Никита кивнул на сумку с деньгами, – забудь. После того, что произошло, – я тебе верю даже боль-

ше чем себе.

– И без обиды!?! – спросил, поднимая глаза, Илья.

– Это ты о чём? – сердито спросил Никита.

– Да, ... я....

– А ничего, Илья, и не было, правда, Валь? – перебил его дворник.

– Конечно ничего не было, – ответил Валет.

– А вот чего было, так это спасение рукописи и рисунков, тебе нижайший поклон, – и Никита в пояс поклонился на какое-то время потерявшему дар речи Валету.

– Качай их, – сказал Крокыч, и несколько пар рук подняли и подбросили бесконечно счастливого Валета, а затем и Илью к потолку.

Послесловие

После всех рассказанных событий игрушка переехала на постоянное место жительства в кабинет керамики на улице имени Марины Расковой 9; Пал Палыч вышел на пенсию, но продолжает работать и вести с детьми занятия; Никита ударился в политику и баллотируется в депутаты. Главный его лозунг «ЧЕСТНОСТЬ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ТВЁРДОСТЬ», или короче «ЧЕСТЬ». Видно он решил писать и проводить в жизнь справедливые Никитины законы. Живёт он в той же комнатёнке. В переднем углу он повесил ту самую иконку, перед которой молилась Елена Ника-

норовна, а чуть ниже приклеил к стене маленький листок из ученической тетради, что нашёл на месте сломанного дома. На этом листочке неровным детским почерком было выведено синим фломастером «Справедливость, Справедливость, Разумность, Сплочённость, Сознательность», причём буква «С» во втором слове была прорвана, видимо писалась с большим усердием. Лёня поступил учиться в Саратовский университет. После всех событий у Кости был стресс и один год ему в школе пришлось пропустить по болезни, теперь догоняет; Антон целыми днями пропадает в клубе "Спутник". Уголок традиционной Саратовской игрушки полностью в его ведении. Недавно он занял первое место на областной выставке МЧС, посвящённой пожарной тематике. На выставку он представил интересную работу: Антон слепил из глины горящий дом, на трубу дома прилепил отчаянно мяукающего перепуганного кота. С трубы игрушечного горящего дома игрушки-пожарные снимают мяукающего бедолагу. Антон не только всё это слепил, но даже сочинил на эту тему стихи. Антон уверен, что пойдёт учиться на спасателя, и будет работать в МЧС, только где этой профессии учат – он не знает. Крокыч с Валентином устроились на свалку сторожами. Крокыч живёт вместе с пуделем в вагончике, где жил Сима, и ни за что не хочет оттуда переезжать, пока не закончит работу над картиной. Вагончик он называет не иначе как художественной мастерской.

А профессор? – Профессор сейчас на симпозиуме в Сток-

гольме. Говорят, что он скоро станет академиком. Муза Карповна Городец стала подполковником, её перевели работать в область, а капитан, Мария Васильевна Сорокина, получила звание майора. Юре было досрочно присвоено звание лейтенанта. Он всё так же ходит на троллейбусную остановку и покупает у бабульки семечки, и обязательно попробует не слишком ли солоноваты, потому как его воробьи солёные не клюют. Как его не уговаривала Муза Карповна перейти в её отдел, он не согласился, будучи твёрдо уверен, что его дело – педагогика. И ещё он очень подружился с капитаном Каневцом, который учит его при помощи гантелей и гирь загонять в мышцы силу. Шофёр Уазика Ваню или Ваня ездит теперь с домкратом, только редко его вынимает и всё также зовёт на помощь капитана Каневца, так быстрее. Паук Федя и Воробей Крошкин не стали менять место жительства и обосновались в старом сарае. Крошкин, как только увидел в сарае паучка, громко, радостно и удивлённо прочирикал: «Федя! А я думал, что тебя съели!» – и тут же заверил друга, что не покинет мамушкиного сарая никогда, потому как покинуть родное пепелище у воробьёв не в характере, где бы у них какая и хорошая жизнь ни была. Воробей он по натуре домосед.

Пруд, где катались на плотях ребята, находится на том же месте, где и был, и вода в нём не убывает, и круглые дощатые барабаны из-под кабеля всё так же плавают меж его берегов. А, впрочем, вот и эти самые плоты. Из-за камышовых зарос-

слей выплывают два круглых плотика, на каждом по загорелому мальчишке в трусиках с длинными палками в руках. Они усердно отталкиваются от дна и правят к мосткам.

– Юра! Митя! – доносится с седьмого этажа рядом стоящей девятиэтажки – где вы!!?

– Мы здесь! – крикнул малец с первого плотика.

– Обедать, живо! – донеслось с балкона.

Я постоял, посмотрел, как голоногие мальчишки причаливают к берегу, и улыбнулся, вспомнив совсем недавнее и нечто подобное.

Апрель 2011 год.